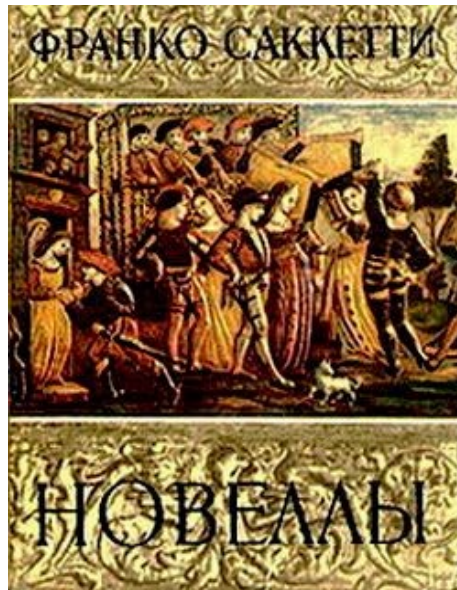

Франко Саккетти Новеллы

«Франко Саккетти «Новеллы», серия «Литературные памятники»»: Издательство академии наук СССР; Москва, Ленинград; 1962

Аннотация

Современная жизнь, которую мы наблюдаем вокруг себя, – говорит Саккетти в предисловии к своей книге, – полна печальных событий; чума, смерть, внутренние и внешние войны, обеднение народов и семей – все это ведет к тому, что люди ищут смеха. Такова природа человека, такова и природа его, писателя, подсказывающая ему необходимость писать так, чтобы «чтобы смех примешивался к столь частым фактам скорби».

Сборник новелл явился последним этапом его литературного пути; книга была начата в 1392 г. и окончена после 1395. Саккетти не был писателем-профессионалом, и книга имела для него меньшее значение, чем личный опыт. Новеллы были той работой Саккетти, которая сохранила его имя от забвения и отвела ему место среди писателей, которых продолжают читать и переводить и в наше время.

Франко Саккетти Новеллы

Предисловие к тремстам новеллам, сочиненным Франко Саккетти, гражданином Флоренции

Раздумывая о нашем времени и об условиях жизни человека, которого часто посещают заразные болезни и смерть от неведомых причин; видя, сколько в жизни бывает невзгод и войн, гражданских и внешних; размышляя о том, сколько народов и отдельных семей очутилось вследствие этого в бедности и горестном положении, и как в поте лица своего, среди огорчений, приходится им переносить свою бедность, когда они чувствуют, что жизнь их проходит; учитывая, сверх того, до чего люди любят послушать о необыкновенных вещах, в особенности же падки до чтения легкого и приятного, а в особенности до приносящего утешение, благодаря чему многие скорби сменяются смехом; следуя, наконец, примеру

превосходного флорентийского поэта, мессера Джованни Боккаччо, который хоть и написал книгу «Сто новелл» для развлечения, однако по причине благородства своего ума... обеспечил ей такое распространение... что даже французы и англичане перевели ее на свои родные языки... Я, флорентиец Франко Саккетти, человек невежественный и грубый, задался мыслью написать предлагаемую вам книгу, собрав в ней рассказы о всех тех необыкновенных случаях, которые, будь то в старину или ныне, имели место, а также о некоторых таких, которые я сам наблюдал и коих был свидетелем, и даже о кое-каких, в которых участвовал сам.

Нет ничего удивительного в том, что большая часть этих рассказов – флорентийского происхождения, поскольку я имел к ним самое близкое отношение... и так как речь в них будет идти о людях самых различных общественных состояний, о... маркизах, графах, рыцарях, о... больших и малых, равно как и о женщинах знатного, среднего и низкого происхождения и о людях всякого иного рода... В повестях, рассказывающих о великолепии и доблести действующих лиц, они будут названы по именам; в повестях же, говорящих о делах жалких и постыдных, когда они касаются людей важных и знатных, я почитаю за лучшее умолчать о их именах, следуя примеру писавшего на народном языке флорентийского поэта Данте, который, когда ему приходилось вести речь о чьей-либо доблести или хвалить кого-либо, говорил от *своего* лица, а когда ему приходилось рассказывать о пороках или порицать кого-либо, предоставлял слово душам умерших.

А так как многие, в особенности же те, кому это неприятно, скажут, пожалуй, как часто говорится: «Все это басни», то я отвечу на это, что некоторая доля вымысла здесь, может быть, и есть, но что я старался сделать его правдоподобным. Вполне возможно, как это часто бывает, что какой-нибудь случай окажется приписанным – Джованни, между тем как кто-нибудь скажет: «Это произошло с Пьеро». Это, конечно, следует признать некоторой ошибкой; но отсюда вовсе не следует, что сам этот случай не имел места...

Новелла 2

Король Сицилии Фридрих уязвлен при помощи прекрасной истории палермским аптекарем сером Маццео

Доблестен и благороден душой был король Сицилии Фридрих,¹ тот самый, во времена которого жил в Палермо аптекарь по имени сер Маццео, имевший обыкновение каждый год, когда поспевали кедровые орехи, расчесав свои волосы, которые он собирал затем под куфию,² и повязав себе шею салфеткой, относить королю блюдце кедровых орехов в одной руке, блюдце яблок – в другой; и король всегда милостиво принимал этот дар. Случилось так, что к старости сер Маццео стал плохо держаться на ногах, однако не настолько, чтобы отказаться от своего обычая подносить подарок. И вот однажды, тщательно причесавшись и подобрав волосы под куфию, он взял салфетку и два блюдца с кедровыми орехами и яблоками, чтобы по обыкновению поднести их королю, и, пустившись в путь, добрался до входа во дворец.

Увидев его, привратник принялся смеяться над ним и дергать его за концы куфии, а так как аптекарь сопротивлялся, то другие стоявшие у входа стали тянуть его в свою сторону, ибо они считали сера Маццео почти сумасшедшим; пропустив его таким образом вперед, они все время дергали каждый к себе, издеваясь над ним и растрепали ему на голове все волосы. Однако, несмотря на это, сер Маццео сумел пронести благополучно свой подарок.

Когда он с подобающим поклоном явился к королю, тот, увидев его совсем растрепанным, спросил: «Сер Маццео, что это значит, что ты так растрепан?»

Сер Маццео ответил: «Государь мой, это значит, что вы этого желаете»

Король сказал тогда: «Как так?»

Сер Маццео спросил в свою очередь: «Знаете ли вы, какая история в Библии самая

1 [1] Фридрих II Арагонский (1295–1337), король Сицилии.

2 [2] Куфия – шапка с завязками.

лучшая?»

Король, который был очень хорошо осведомлен в этом отношении ответил: «Много их там, но я не сумел бы сказать, которая из них самая лучшая».

На это сер Маццео сказал: «Если вы мне дадите разрешение, я скажу вам это».

Король ответил: «Говори спокойно то, что хочешь».

И сер Маццео продолжал: «Государь мой король, самая лучшая история, какая есть во всей Библии, – история про царицу Савскую,³ которая, прослышав об удивительной мудрости Соломона, пустилась в путь издалека, чтобы посмотреть на земли его и на него самого в Египте. Прибыв в области, управляемые Соломоном, царица увидела, что всякая вещь устроена там столь разумно, что чем больше она смотрела, тем больше дивилась и разгоралась желанием увидеть Соломона. Достигнув главного города и добравшись до дворца, она стала разглядывать и рассматривать там шаг за шагом всякую вещь и увидела, что слуги и подданные царя очень приучены к порядку и хорошо воспитаны. Дойдя, наконец, до большой залы, она послала сказать Соломону, как и почему она сюда прибыла. Соломон тотчас же вышел из своего покоя и отправился ей навстречу. При виде его названная царица бросилась на колени и громко сказала: „О мудрейший царь, да будет благословенно чрево, которое носило такое благоразумие, какое я вижу в тебе"».

И здесь сер Маццео остановился.

Тогда король Фридрих сказал ему: «Ну, что же хочешь ты сказать этим, сер Маццео?»

И сер Маццео ответил: «Государь мой король, я хочу сказать, что если царица Савская на основании порядка и благовоспитанности, господствовавших во владениях Соломона и среди его подданных, поняла, что он самый мудрый человек на свете, то я с таким же правом могу считать, что вы самый безумный король из всех живущих на земле; стоит мне только подумать о том, что меня, вашего ничтожнейшего слугу, явившегося со своим обычным даром к вашему величеству, слуги ваши отделали так, как вы видите».

Посмотрев на сера Маццео и поразмыслив над его положением, король утешил его как мог и пожелал узнать, кто с ним так поступил, а затем велел этим людям явиться к себе. Он сделал им внушение, наказал их в присутствии сера Маццео и прогнал со службы, приказав всем прочим, чтобы, когда сер Маццео пожелает явиться к нему, двери никогда перед ним не закрывались и чтобы к нему всегда относились с почтением. Так всегда и делалось впредь. Упомянутый же король подивился окончанию такой примечательной истории, рассказанной столь кстати старичком, ум которого шел уже на ущерб.

Сер Маццео и его рассказ явились причиной того, что король стал следить впредь за нравами своих слуг гораздо лучше, чем делал это до той поры. Иногда бывает необходимо, чтобы находились люди вроде сера Маццео.

Новелла 3

Веяльщик Парчиттадино из Линари делается шутом и отправляется английскому королю Эдуарду; когда он хвалит короля, он получает основательные побои, когда же он порицает его, – подарки

Король английский Эдуард Старый⁴ был королем доблестным и славным а насколько был он рассудительным, покажет отчасти настоящая новелла.

Так вот жил в его время в Линари, что в Вальденсе,⁵ во Флорентийской области, веяльщик по имени Парчиттадино. Пришла ему охота бросить совсем свое ремесло и сделаться шутом; и

---

3 [3] Кн. царств, III, 10.

4 [4] По-видимому, имеется в виду не современник Саккетти английский король Эдуард III (1327–1377), а король Эдуард I (1272–1307).

5 [5] Замок в Тоскане, в долине реки Эльса, на дороге из Флоренции в Сьену.

стал он в этом деле очень опытным. В то время, как он совершенствовался в потешном искусстве, у него явилось большое желание повидать упомянутого короля Эдуарда; и не без причины, потому что он слышал много о его щедрости, в особенности в отношении людей ему, Парчиттадино, подобных.

В таких мыслях пустился он однажды утром в путь, и странствовал, не останавливаясь, пока не добрался до Англии, до города Лондона, где жил король. Войдя во дворец, где жил названный король, он стал переходить из одной комнаты в другую, пока не дошел, наконец, до залы, в которой король проводил большую часть времени.

Здесь он застал его погруженным в шахматную игру со своим главным домоправителем. Подойдя к королю, Парчиттадино стал на колени, почтительно поручая себя его вниманию, но король продолжал сидеть с тем же видом и в том же положении, что и до его прихода. Парчиттадино пришлось поэтому простоять таким образом долгое время. Видя, что король не замечает его, он поднялся и заговорил: «Да будет благословен час и время, приведшие меня сюда, куда я всегда стремился, чтобы увидеть самого благородного, самого благоразумного и самого доблестного короля, какой только существует в христианском мире. Я могу с полным правом похвалиться этим больше, чем кто-либо из мне подобных, так как нахожусь там, где вижу цвет всех королей. Какое блаженство судила мне судьба! Ведь если бы мне пришлось теперь умирать, я бы не очень скорбел об этом, ибо нахожусь перед светлейшим венцом, который, подобно магниту, притягивающему железо, притягивает своей добродетелью каждого, сообщая ему желание взглянуть на его достоинства».

Едва успел Парчиттадино дойти в своей речи доэтих слов, как король оставил игру, схватил шута и, повалив его на землю ударами кулака и пинками ног, так избил его, что словно в ступе всего истолок; проделав это, он сразу вернулся к игре в шахматы. Поднявшись на ноги, весьма расстроенный, Парчиттадино едва мог понять, где он находится. Так как ему казалось, что он еще мало постарался и недостаточно превознес короля, то он стоял совершенно смущенный, не зная, что ему дальше делать. Собравшись кое-как с духом, он захотел посмотреть, не будет ли для него лучше, если он скажет королю обратное, так как, когда он говорил одно лишь хорошее, ему пришлось плохо. И стал он говорить: «Да будет проклят час и день, который привел меня сюда, ибо, рассчитывая увидеть, если верить молве, благородного короля, я увидел короля неблагодарного и не ценящего заслуг; я рассчитывал увидеть короля добродетельного, а увидел короля порочного; я думал увидеть короля благоразумного и прямодушного, а увидел короля злобного, неистового; я думал, что увижу святого и справедливого венценосца, а увидел человека, который за добро платит злом. И доказательством этого служит то, что он так обработал меня, маленького человека, возносившего его и воздавшему ему честь, что, право, не знаю, смогу ли я когда-нибудь просеивать зерно, если мне доведется вернуться к своему прежнему ремеслу».

Король поднялся вторично, взбешенный более, чем в первый раз, подошел к двери и позвал одного из своих баронов. Не стоит и спрашивать, в какое состояние пришел Парчиттадино, увидев это: он был похож на умирающего, охваченного дрожью, и ждал, что король его убьет. Когда же он услышал, что король зовет своего барона, то решил, что тот зовет какого-нибудь палача, который распял бы его.

Но когда вызванный барон явился, то король сказал ему: «Пойди, дай этому человеку мое лучшее платье и уплати ему за правду, так как я сам уже уплатил ему сполна за ложь».

Барон тотчас же вышел и принес Парчиттадино королевское платье из числа самых богатых, какие только имелись у короля, и было на нем столько жемчужных пуговиц и драгоценных камней, что, если не считать полученных побоев и пинков, оно стоило триста флоринов или даже больше. Опасаясь, однако, как бы в этом платье не оказалось змеи или василиска, которые могли бы его укусить, Парчиттадино принял его с большой осторожностью. Но затем, успокоившись и облекшись в это платье, он явился к королю и сказал: «Священный венценосец, если вам угодно платить таким образом за мою ложь, то я редко буду говорить правду». И он понял, что король таков, каким он знал его по рассказам, а король получил от шута еще больше удовольствия.

После этого, пробыв в Англии столько, сколько ему хотелось, Парчиттадино простился с королем и ушел, держа путь в Ломбардию. Здесь он обошел всех синьоров, рассказывая им о

необыкновенном случае, какой был с ним, что принесло ему более трехсот новых флоринов. Вернувшись затем в Тоскану, он захватил с собою полученное платье и пошел навестить своих родичей, вельщиков в Линари, пропылившихся за время работы и бедных. Когда те изумились происшедшему, Парчиттадино сказал им: «Немало в жизни бывал я почтен побоями, зато в Англии я был награжден этим платьем».

И весьма многих он облагодетельствовал; а затем ушел и пустился по свету искать счастья.

Дело это было прекраснейшим поступком, какой только мог совершить король. А сколько есть таких людей, которые надулись бы от гордости, если бы их похвалили, как этого короля? Зная, что он заслуживает таких похвал, Эдуард хотел показать, что это не так, проявив, однако, в конце концов большую мудрость. Многие невежественные люди, когда льстецы хвалят их в лицо, верят им; этот же человек, будучи благородным, захотел показать обратное.

Новелла 4

Мессер Бернабо, властитель миланский, приказывает одному аббату дать ему ответ на четыре неразрешимых вопроса; некий мельник, переодевшись в платье аббата, разъясняет их вместо него так, что становится аббатом, а аббат – мельником

Мессер Бернабо,⁶ властитель миланский, пораженный прекрасными доводами одного мельника, пожаловал ему богатейший бенефиций.

Этого синьора в свое время боялись больше, чем какого-либо другого; и хотя он и был жесток, однако в жестокости его была немалая доля справедливости. В числе многих случаев, которые с ним приключались, был такой. Один богатый аббат по небрежности своей так плохо содержал двух лягавых собак, что они опаршивели (а принадлежали они названному синьору), вследствие чего тот потребовал от него уплаты четырех тысяч флоринов.⁷ Аббат запросил пощады. Тогда названный синьор, видя, что тот просит пощады, сказал ему: «Если ты ответишь мне на четыре вопроса, я совсем прощу тебя. Вот эти вопросы. Я хочу, чтобы ты сказал мне: далеко ли отсюда до неба, сколько воды в море, что делается в аду и чего стоит моя особа?»

Услышав это, аббат принялся вздыхать, и показалось ему, что он попал еще в худшее положение, чем был раньше. Чтобы отдалить гнев синьора и выиграть время, он попросил его дать ему срок для ответа на столь трудные вопросы. Синьор дал ему на размышление весь следующий день и, желая во что бы то ни стало узнать, чем кончится такое дело, заставил аббата дать ему слово, что он вернется.

Аббат в раздумье отправился обратно в свое аббатство, опечаленный, дыша тяжело, как перепуганная лошадь, и, вернувшись к себе, встретил одного своего знакомого мельника, который, видя его столь огорченным, спросил его: «Синьор мой, что это с вами, что вы так тяжело дышите?»

Аббат ответил: «Есть от чего; наш синьор грозит мне суровой карой, если я не отвечу ему на четыре вопроса, на которые не могли бы ответить ни Соломон, ни Аристотель».

Тогда мельник спросил его: «А что это за вопросы?»

---

6 [6] Бернабо Висконти, вместе со своими братьями Маттео и Галеаццо наследовавший в 1354 г. своему дяде, Джованни Висконти. После смерти братьев Бернабо разделил в 1378 г. власть с сыном Галеаццо II – Джаном Галеаццо, который отравил его в 1385 г. Саккетти лично знал Бернабо который появляется у него в нескольких новеллах. Бернабо был человеком суровым, особенно с людьми из привилегированных кругов общества, но старался быть справедливым в отношении малоимущего населения. Этим путем он рассчитывал укрепить свое положение.

7 [7] Лягавые собаки, о которых говорится в новелле, так называемые яланы (*canis mastivus*, итал. мастино). Будучи большим любителем охотничьих собак, Бернабо раздавал их жителям Милана, которые обязывались хорошо содержать их; все нарушившие эти правила подвергались строгим наказаниям. Собаки эти вызывали ненависть к Бернабо как о том рассказывает Гиро Дати, хронист, живший в несколько более позднюю эпоху (*Istoria di Firenze*, II, 1735).

Аббат сообщил ему их.

На это мельник, подумав, ответил аббату: «Если хотите, я могу вам помочь».

– «Дал бы бог!» – воскликнул аббат.

– «Надеюсь, что богу и святым это будет угодно!» – откликнулся мельник.

Аббат, который никак не мог прийти в себя, сказал тогда: «Если ты это сделаешь, бери у меня все, что захочешь, потому что нет такой вещи, которой бы я тебе не дал, если ты у меня ее потребуешь, лишь бы это было в моей власти».

Мельник отвечал на это: «Я предоставляю дело на ваше усмотрение».

– «А каким образом думаешь ты поступить?» – спросил аббат.

Мельник сказал: «Я надену вашу рясу и плащ с капюшоном, обрею бороду и, завтра рано утром явившись к синьору, скажу, что я аббат, и рассчитаюсь по всем четырем вопросам так, что он, надеюсь, останется доволен».

Целой вечностью показалось аббату то время, пока мельник превращался в священника; наконец дело было сделано.

Превратившись в аббата, мельник рано утром пустился в путь. Дойдя до ворот дома, где жил синьор, он постучался и сказал, что такой-то аббат хочет ответить синьору насчет некоторых вещей, относительно которых он предложил ему дать ответ. Синьор, жаждавший услышать, что ему скажет аббат, и изумленный его быстрым возвращением, велел позвать аббата к себе. Когда мельник вошел к нему и, стараясь держаться тех частей залы, где было меньше света, произнес приветствие, время от времени прикрывая лицо рукой, чтобы не быть узнанным, синьор спросил его, приготовил ли он ответы на четыре заданных ему вопроса.

Мельник ответил на это: «Да, синьор. Вы спросили меня, далеко ли отсюда до неба. Учтя в точности каждую мелочь, я скажу, что отсюда до неба тридцать шесть миллионов восемьсот пятьдесят четыре тысячи семьдесят две с половиной мили и двадцать два шага».

Синьор заметил по этому поводу: «Ты вычислил расстояние с большой точностью; но как ты это докажешь?»

На что мельник сказал: «Прикажите измерить, и если это не так, то повесьте меня. Во-вторых, вы спросили: сколько воды в море? Это мне было очень трудно высчитать, потому что вода – вещь, которая не стоит неподвижно, а постоянно прибывает в море; однако я установил, что в море двадцать пять тысяч девятьсот восемьдесят два миллиона коний,⁸ семь бочек, двенадцать кружек и два стакана воды».

Синьор спросил: «Откуда ты это знаешь?»

Тогда мельник сказал: «Я рассчитал все самым тщательным образом; если же вы мне не верите, велите послать за бочками и измерьте. Если окажется, что я ошибся, то велите меня четвертовать. Третье, о чем вы меня спросили: что делается в аду? В аду режут, четвертуют, хватают крюками и вешают, не более и не менее как это делаете здесь вы».

– «Чем ты подтвердишь свои слова?»

Мельник ответил: «Я толковал об этом с одним человеком, который побывал там, а от него-то флорентиец Данте и узнал все то, что написал об адских делах; но тот человек умер. Если вы не верите сказанному, пошлите кого-нибудь к нему. Четвертое, о чем вы меня спросили, – это, чего стоит ваша особа. Я скажу вам, что она стоит двадцать девять динариев».

Услышав это, Бернабо разгневанный, обратился к мельнику и сказал: «Чтоб тебя чемер⁹ одолел. Разве я такое ничтожество, что не стою больше кухонного горшка?»

На это мельник отвечал, хотя и не без страха: «Синьор мой, послушайте мой довод. Вы знаете, что господь наш, Иисус Христос, был продан за тридцать сребреников; я считаю так, что вы стоите одним сребреником меньше него».

Услышав это, синьор легко догадался, что говорящий с ним не аббат, всмотрелся в него пристальнее и, решив, что он гораздо более ученый человек, чем аббат, сказал: «Ты не аббат».

Не трудно себе представить, как перепугался мельник. Опустившись на колени и с мольбой сложив руки, он стал просить пощады и рассказал синьору, что он мельник аббата, а

8 [8] Кония – старинная мера, равная 4 – 10 бочкам, т. е. 200–500 литрам.

9 [9] Чемер – острая желудочная болезнь.

также почему и как, притворившись аббатом, явился к синьору, каким образом он переделся и как сделал все это больше, чтобы угодить аббату, а не со злого умысла.

Услышав это, мессер Бернабо сказал: «Ну, будет. Раз он сделал тебя аббатом и ты стоишь больше него, то и я, клянусь богом, желаю утвердить тебя в этом звании, и желаю, чтобы впредь ты был аббатом, а он мельником, и чтобы ты получал весь доход с монастыря, а он – доход с мельницы».

И так он и велел, чтобы было, пока он жив, а именно чтобы аббат был мельником, а мельник – аббатом.

Очень темное и очень опасное дело доверяться синьорам, как это сделал названный мельник, и проявлять такую смелость, какую проявил он. Ведь синьоры это все равно, что море: человек пускается в него, подвергая себя великим опасностям, но где великие опасности, там и большие барыши. Очень выгодно, когда море спокойно; то же самое, когда спокоен и синьор; но трудно доверяться и тому и другому, ибо вдруг может разразиться буря. Многие рассказывали, что тот же случай, что и в этой новелле, или нечто подобное приключилось с папой... Папа этот приказал одному своему аббату в наказание за свершенный им проступок дать ему ответ на четыре названные выше вопроса, да еще на один сверх того, а именно: какую свою удачу он считает самой большой? Раздумывая серьезно над ответом, аббат вернулся к себе в аббатство и, собрав всех монахов и послушников, вплоть до повара и садовника, рассказал им о том, о чем ему надлежало ответить названному папе, и попросил у них совета и помощи. Не зная, что сказать, присутствующие стояли растерянные. Тогда садовник, видя, что все молчат, промолвил: «Мессер аббат, раз они ничего не говорят, то я хочу сказать и сделать кое-что такое, что, по моему мнению, выведет вас из затруднительного положения; только дайте мне свою одежду, чтобы мне походить на аббата, и пусть эти монахи идут за мной». Так и было сделано.

Явившись к папе, садовник сказал, что до неба в тридцать раз больше того расстояния, на какое хватает голоса. Насчет воды в море он сказал: «Велите заделать устья рек, впадающих в него, а потом пусть измерят, сколько там в нем воды». Относительно того, что стоит особа папы, он сказал: «Двадцать восемь сребреников, потому что цена ее двумя сребрениками меньше цены Христа, поскольку папа – его наместник». Насчет самой большой удачи, которая когда-либо выпадала на его долю, он сказал: «Это когда я из садовника сделался аббатом». Папа так и утвердил его в этом звании.

Как бы там ни было, случилось ли это с тем и другим или с одним только лицом, аббатом стал либо мельник, либо садовник.¹⁰

Новелла 5

Каструччо Интерминелли, когда один из его слуг уничтожил на стене лилию флорентийского герба, велит ему с наступлением боя сразиться с пехотинцем, на щите которого был герб с лилией, и слуга погибает

Теперь я хочу несколько изменить предмет повествования и рассказать, как Каструччо Интерминелли, властитель Лукки,¹¹ наказал одного человека, показавшего себя храбрецом в борьбе со стенами.

Этот Каструччо был из тех умных, хитрых и храбрых синьоров, какие только в давние времена существовали на свете; он воевал с флорентийцами и доставлял им немало забот, так как был их заядлым врагом. К числу многих примечательных дел, совершенных им, относится

---

¹⁰ [10] Сюжет этот использован в XVI в. в «Орландино» Теофило Фоленго (гл. VIII), а позже Бюргером в балладе «Император и аббат».

¹¹ [11] Каструччо Кастракане дельи Антельминелли (или Интерминелли; 1281–1328), правил Луккой с 1316 по 1328 г. и был одним из талантливейших полководцев эпохи. Макиавелли написал наполовину фантастическую его биографию, в которой изобразил его идеальным военачальником.

и следующее. Будучи в лагере в Вальдиньеволе¹² и намереваясь однажды утром отправиться пообедать в один захваченный им замок из принадлежавших Флорентийской коммуне, он послал вперед одного своего доверенного слугу, чтобы тот приготовил кушанья и столы. Войдя в залу, где должен был происходить обед, слуга увидел написанный на стене, как это часто бывает, наряду с многочисленными другими гербами, также и герб с лилией Флорентийской коммуны; он взял и отбил его ударами копыя вместе со штукатуркой, словно мстил кому-то.

Когда настал час обеда и Каструччо в сопровождении других достопочтенных людей явился в замок, слуга вышел ему навстречу и, как только они вошли в залу, сказал: «Синьор мой, посмотрите, как я обработал герб этих предателей флорентийцев».

Каструччо, как умный синьор, сказал: «Пусть будет на то божья воля. Подавай нам обед».

О поступке слуги он вспомнил через несколько дней после того, когда люди его собрались, чтобы вступить в бой с флорентийцами. Как только оба войска сблизились, со стороны флорентийцев вышел вперед грозный пехотинец со щитом, на котором была изображена лилия.

Видя, что пехотинец этот наступает на него одним из первых, Каструччо позвал своего доверенного слугу, столь успешно сразившегося со стеной, и сказал ему: «Пойди-ка сюда. На днях ты нанес столько ударов лилии, изображенной на стене, что одержал над нею победу и совершенно уничтожил ее; ступай же скорей, вооружись, возьми оружие, как полагается, и затем иди тотчас же и порази и победи этого пехотинца».

Слуга подумал сперва, что Каструччо шутит. Но Каструччо настаивал, говоря: «Если ты не пойдешь туда, я велю тебя тотчас же повесить на этом дереве».

Видя, что дело принимает плохой оборот и что Каструччо говорит серьезно, слуга выступил против врага, вооружившись, как мог лучше. Но лишь только он приблизился к пехотинцу с лилией, как тот поразил его насмерть ударом копыя, которое пронзило его насквозь. При виде этого Каструччо не проявил ни малейшего признака гнева или горя, а только сказал: «Он кончил слишком хорошо»; и, обернувшись к своим, прибавил: «Я хочу, чтобы вы умели сражаться с живыми, а не с мертвыми».

Разве слуга не заслужил свой конец? Ведь есть не мало таких людей, которые наносят удары буковым деревьям, стенам и мертвым вещам, делая при этом вид, словно они победили Гектора; нынче мир полон ими; они постоянно заносятся поэтому перед малыми сими или овечками. Но было бы хорошо, если бы на каждого такого человека нашлось по своему Каструччо, который отплачивал бы им за их безумие, как тот отплатил своему слуге.

Много примечательных вещей сделал на своем веку Каструччо; между прочим, он сказал одному человеку, который совершил измену по его же просьбе: «Измена нравится мне, но изменник – нет; получай за самого себя и ступай с богом, да смотри, не попадайся мне никогда на глаза».¹³

Нынче делается наоборот: если какой-нибудь синьор или коммуна побуждают человека совершить измену, то ему уплачивают за это и держат постоянно при себе, оказывая ему почет. Однако со многими уже бывало так, что тому, кто побуждал совершить измену, изменяли затем изменники.

Новелла 6

Маркиз Альдобрандино просит у Бассо делла Пенна какую-нибудь редкую птицу, чтобы держать ее в клетке; Бассо велит сделать клетку, и его самого несут в ней к маркизу

Маркизу Альдобрандино да Эсти¹⁴ в то время, когда он был властителем Феррары,

---

12 [12] Вальдиньевале – долина Ньеволе, небольшого притока р. Арно.

13 [13] Это происшествие не описано ни одним из хронистов; по-видимому, Саккетти воспользовался устным преданием.

14 [14] Альдобрандино (или Альдровандино) III, маркиз д'Эсте – синьор Феррары и Модены (с 1352 по 1361).

захотелось, как это часто бывает с синьорами, во что бы то ни стало иметь какую-нибудь редкую птицу, чтобы держать ее в клетке. По этой причине он послал однажды за флорентийцем, содержавшим в Ферраре гостиницу, человеком незаурядным и большим шутником, которого звали Бассо делла Пенна.¹⁵ Он был стар, небольшого роста и всегда зачесывал волосы свои под куфию. Когда Бассо явился к маркизу, то маркиз сказал ему: «Бассо, я хотел бы иметь какую-нибудь птицу, чтобы держать ее в клетке и чтобы птица эта хорошо пела, но я хотел бы, чтобы это была какая-нибудь редкая птица, каких не найдешь у других людей, не то что коноплянки или щеглы: таких мне не нужно. А поэтому я и послал за тобой, так как через твою гостиницу проходят всякие люди из разных мест, возможно, что кто-нибудь из них надоумит тебя, где можно достать такую птицу».

Бассо ответил маркизу: «Синьор мой, я понял ваше желание и постараюсь исполнить его. Яприму меры к тому, чтобы удовлетворить вас поскорее». Когда маркиз услышал это, то ему показалось, что феникс у него уже в клетке, и они расстались. Сообразив тут же, что ему нужно делать, Бассо вернулся к себе в гостиницу, послал за столяром и сказал ему: «Мне нужна клетка такой-то длины, такой-то ширины и такой-то высоты. Да смотри, сделай ее покрепче, чтобы она годилась для осла, если вдруг мне придет в голову посадить его туда, и чтобы в ней были дверцы такой-то величины».

Поняв, в чем дело, и договорившись о цене, столяр пошел делать клетку. Кончив работу, он велел отнести клетку к Бассо и получил от него деньги.

Бассо послал тотчас же за носильщиком и, когда тот явился, вошел сам в клетку и велел ему нести себя к маркизу. Носильщику дело это показалось странным, и он чуть не отказался тащить клетку; однако Бассо убедил его, и тот все же понес клетку. Когда они подходили ко дворцу маркиза, сопровождаемые огромной толпой народа, бежавшей за такой диковиной, маркиз пришел в беспокойство, не понимая, что творится. Но когда клетка с Бассо приблизилась и была внесена к нему, маркиз, сообразив в чем дело, сказал: «Что это значит, Бассо?»

Сидя в запертой клетке, Бассо принялся пищать и сказал: «Мессер маркиз, несколько дней тому назад вы приказали мне найти для вас какую-нибудь редкую птицу, и притом такую, чтобы подобных ей было мало на свете. Раздумывая о себе, я понял, какой я сам редкий человек и что на земле нет никого незауряднее меня. Я сел в эту клетку, и теперь вот представляюсь вам, и дарю вам себя, как самую редкую птицу, какую только можно найти в крещеном мире. Скажу вам, кроме того, что нет такой птицы, которая была бы подобна мне; мое пение таково, что оно очень понравится вам, а поэтому прикажите поставить клетку у окна».

Маркиз сказал на это: «Поставьте ее на подоконник».

Бассо восстал против этого: «Ох, ох, не делайте этого, потому что я могу упасть».

Но маркиз повторил: «Поставьте клетку на подоконник: он широкий».

Когда ее поставили на место, маркиз сделал знак одному своему слуге, чтобы тот качнул клетку, но в то же время попридержал ее.

Бассо воскликнул: «Маркиз, я пришел сюда петь, а вы хотите, чтобы я плакал».

Немного успокоившись, он сказал: «Маркиз, если вы дадите мне поесть того, что едите сами, то я отлично спою вам». Маркиз велел принести ему хлеба и головку чесноку, и весь этот день продержал его на окне, проделывая с ним все новые шутки. А весь народ смотрел с площади на Бассо в клетке. Наконец вечером он поужинал с синьором и затем вернулся в гостиницу, а клетка осталась у маркиза, который так никогда и не вернул ее Бассо. С этой поры маркиз полюбил Бассо больше, чем кого-либо на свете, и нередко приглашал его к своему столу; он приказывал ему петь в клетке и часто шутил с ним.

Если бы кто-нибудь мог знать заранее настроение синьоров, – знать, когда они в духе, и когда нет, – он постоянно изобретал бы что-нибудь новое, как это сделал Бассо, который, конечно, хорошо услужил маркизу, даже не съездив за птицей в Индию. И хотя птица Бассо

---

15 [15] О личности Пьетро Андреа (по прозвищу Бассо) делла Пенна до нас не дошло никаких точных сведений. Фамилия делла Пенна – флорентийская, но связан ли с нею Бассо, неизвестно. Он жил в Ферраре в годы правления Обиццо д'Эсте (1326–1353). Фигурирует еще в нескольких новеллах Саккетти (18, 19, 20, 21, 22).

была под боком, маркиз получил самую редкую и единственную в своем роде птицу, какую только можно было сыскать.

Новелла 7

Мессер Ридольфо да Камерино во время осады Форли войсками святой церкви дает необыкновенное и замечательное решение одному вопросу относительно знамени, который обсуждало между собой несколько достойных людей

Мудрейший синьор Ридольфо да Камерино¹⁶ немногими словами и замечательным решением удовлетворил компанию почтеннейших людей, ответив на их вопрос, подобно тому как Бассо удовлетворил маркиза редкой птицей.

В то время, когда церковь и от лица ее кардинал мессер Эджидио Испанский¹⁷ подвергли город Форли длительной осаде (а властителем города был в ту пору мессер Франческо Арделаффи,¹⁸ видный синьор), много других таких же видных синьоров и достопочтенных людей приняли по просьбе церкви участие в названной осаде. Когда собрались вместе одни только начальствующие лица в лагере, среди которых находился, между прочим, и мессер Унгери да Сассоферрато,¹⁹ на знамени которого было изображено распятие, они стали обсуждать вопрос о том, какое изображение на знамени достойнее всякого другого. И вышел между ними большой спор, ибо тот, у кого было знамя с распятием, говорил, что ценит это преимущество в две тысячи флоринов, другие говорили: «Тысяча флоринов», третьи: «Триста флоринов»; словом, кто называл меньшую, кто большую сумму. В это время проходил там Ридольфо да Камерино, производивший осмотр позиций. Подойдя к ним, он спросил, о чем они спорят. Они растолковали ему, в чем дело, а затем попросили его разъяснить им вопрос и сказать, во сколько следует оценивать названное знамя.

Мессер Ридольфо, подумав немного над этим, отвечал спорившим, что те, кто считают необходимым оценить знамя в двести, триста, тысячу или две тысячи флоринов, неправы, потому что, если господь наш Иисус Христос был продан здесь на земле во плоти за тридцать сребреников, то совершенно напрасно думать, что теперь, когда он лишь изображен на ткани, да еще мертвым на кресте, его можно и должно оценивать дороже, и в силу приведенной причины такая мысль неприемлема. Когда присутствующие услышали это заключение, они рассмеялись и решили положить конец спору, заявив единогласно, за исключением лишь мессера Унгери, что мессер Ридольфо сказал и рассудил правильно.

Замечательны и необычны были слова мессера Ридольфо, и хотя рассказ его о господе нашем мог показаться неприятным, тем не менее приговор его был разумен и справедлив. Не говоря этого прямо, он показал, что многие почитают больше видимость, чем сущность дела. А сколько найдется таких, которые добились положения гонфалоньера²⁰ или капитана, получили королевское знамя и другие знаки отличия, и все лишь ради тщеславия, без мысли о делах! Таких людей, притворяющихся, будто они делают дело, встречается не мало и бывает их больше, чем делающих его действительно. И не только среди занятых делами военных, но даже

16 [16] Родольфо (или Ридольфо) Варано, синьор Камерино – один из искусных полководцев эпохи, лично известный Саккетти, который изображает его как «философа по природе». Ридольфо предводительствовал флорентийцами во время их борьбы с папой Григорием XI (1375–1378), затем перешел на сторону папы и овладел городами Камерино и Мачерата. Умер незадолго до 1392 г. Выведен также в нов. 38, 39 и др.

17 [17] Эджидио Альборнос – кардинал Испании (ок. 1300–1367).

18 [18] Франческо Орделаффи (умер в 1374 г.) – синьор Форли, убежденный противник папы.

19 [19] Унгери да Сассоферрато – известный кондотьер, состоял на папской службе, был во Флоренции капитаном народа (1346), главой «Совета 300» и подеста (1368).

20 [20] Гонфалоньер – буквально «знаменосец»; командующий ополчением и должностное лицо, осуществляющее исполнительную власть в городе.

среди тех, кто приобретает звание магистра богословия, приобретает его лишь для того, чтобы называться магистром, или звание доктора прав для того только, чтобы называться доктором; то же самое происходит и в области философии и медицины и во всех других вещах. Одному богу известно, что большинство из них знает!

Новелла 8

Некий тощий, но очень ученый генуэзец спрашивает у поэта Данте, как ему приобрести любовь дамы, и Данте дает ему забавный ответ

Совет, который следует далее, был не менее замечателен, чем приговор мессера Ридольфо.

В городе Генуе жил некогда ученый гражданин, весьма опытный во многих науках, но очень малого роста и очень тощий. При этом, он был сильно влюблен в одну красивую генуэзскую даму, которая, однако, вследствие его крайней худобы или же потому, что она благопристойно держала себя, либо по какой иной причине, никогда не то, что не любила его, но даже смотреть на него не хотела, избегала его и глядела всегда в другую сторону. Поэтому наш генуэзец, отчаявшись в успехе своей любви, а с другой стороны, будучи наслышан о великой славе Данте Алигьери²¹ и зная, что он живет в Равенне, решил отправиться туда и познакомиться с ним, в расчете получить от него совет или помощь, дабы приобрести любовь дамы или по крайней мере уменьшить ее неприязнь к себе. И вот он пустился в путь и прибыл в Равенну. Там он постарался устроиться так, чтобы попасть на пир, на котором был названный Данте. И так как они очутились за столом весьма близко один от другого, то генуэзец, улучив минуту, спросил: «О, мессер Данте, я очень много слышал о вашей добродетели и о славе, которая о вас ходит. Нельзя ли мне получить от вас совет?»

Данте ответил: «Если только я сумею дать его вам».

Тогда генуэзец сказал: «Я любил и люблю одну даму со всей той страстностью, которая присуща любви, но дама никогда не только не дарила мне любви, но ни разу не осчастливила меня хотя бы единым взглядом».

Слыша это от генуэзца и видя его худобу, Данте сказал: «Мессер, я охотно сделаю все, что вам желательно. Но из того, о чем вы мне сейчас говорите, я вижу только один выход, а именно: вы знаете, что у беременных женщин есть всегда странные прихоти; поэтому было бы очень желательно, если бы дама, которую вы так любите, забеременела. Так как часто случается, что в состоянии беременности женщины приобретают порочную склонность к необыкновенным вещам, то вполне может случиться, что вашей дамой овладеет склонность к вам. Таким образом вы могли бы достигнуть цели ваших стремлений; а иным путем это будет, пожалуй, невозможно».

Почувствовав себя уязвленным, генуэзец отвечал: «Мессер Данте, вы советуете мне две вещи более трудные, чем основная; ибо трудно, чтобы забеременела женщина, которая не забеременевала никогда, а затем еще труднее, – если только учесть, сколько разных вещей возбуждают женскую прихоть, – чтобы она, забеременев, прониклась склонностью ко мне. Но клянусь верой в бога, что вопрос мой не заслуживал никакого иного ответа, кроме того, который вы мне дали».

Генуэзец понял, что Данте знает его лучше, чем он знает самого себя, ибо вид его таков, что редкая женщина не бежала бы от него.

После этого он сошелся с Данте настолько, что провел в его доме несколько дней и все время, покуда оба были живы, они оставались в близких отношениях. Этот генуэзец слыл человеком ученым, но он не был философом, как большинство людей в наши дни; ибо философия познает вещи из их природы; а кто не знает прежде всего самого себя, как может он познать вещи, находящиеся вне его? Если бы генуэзец взглянул на себя с помощью либо

21 [21] Данте Алигьери (1265–1321) провел конец своей жизни в Равенне, где умер и был погребен. Данте появляется в ояте новелл Саккетти – 15, 114, 116, 121, 17л 208. В нов. 153 и 178 Саккетти цитирует его.

мысленного, либо обыкновенного зеркала, он призадумался бы над своей наружностью и сообразил бы, что красивая женщина, даже самая благопристойная, желает, чтобы тот, кого она любит, имел внешность человека, а не летучей мыши. Но, по-видимому, на большинстве людей оправдывается известная поговорка: «Нет худшего неведения, чем неведение самого себя».

Новелла 9

Мессер Джованни делла Лана просит шута позабавить его какой-нибудь шуткой; тот придумывает нечто совершенно новенькое. Джованни это не нравится; тогда шут придумывает другую шутку, после которой мессер Джованни уходит смущенный

Не знаю, кто был более тощим на вид, упомянутый в предыдущей новелле генуэзец или мессер Джованни делла Лана из Реджо,²² о котором я расскажу вкратце в этой новелле. Не имея возможности жить в Реджо, он жил в Имоле²³ и, находясь однажды здесь в кругу почтенных людей и позабыв о своем безобразном виде (он был судьей, человечком крошечного роста, носил на голове фоджу²⁴ на индициевой подкладке, напоминавшую ужовник, и притом еще картавил и был косноязычен), он сказал одному шуту, по имени маэстро Пьеро Гуэрчо из Имолы, забавному буффону, умевшему играть на разных инструментах, который также находился в упомянутом кругу людей: «Ах, маэстро Пьеро, позабавьте этих почтенных людей какою-нибудь шуткой».

Маэстро Пьеро ответил ему: «Я исполню это, раз вам угодно. Вот моя шутка. Выбирайте одно из двух: хотите ли вы, чтобы напакостил в вашу фоджу я или вы хотите сделать это сами?»

Мессер Джованни, опешив, ответил: «Я не хочу ни того, ни другого. Придумайте какую-нибудь другую шутку, чтобы позабавить наше общество».

И Тут сказал: «Я исполню это, раз вам угодно», и продолжал: «Хотите ли вы, мессер Джованни, – после того как в вашу фоджу напачкают, – сами надеть ее себе на голову или желаете, чтобы ее вам надел я?».

Если от первой шутки мессер Джованни побелел, то, услышав вторую, он сделался красным, рассердился и, смутившись, сказал: «Чтоб на тебя чемер напал! Вы – грубый негодяй и пакостник, и пакость у вас на языке, потому что вы полны ею».

Маэстро Пьеро стал защищаться остроумными и сказал: «Вы – судья; рассмотрим же основательно, кто из нас двоих виноват», и он схватил судью за край платья, чтобы тот не ушел, так как сер Джованни уже направился к выходу. Однако как тот ни был слабосилен, он все же вырвался и ушел ворча; прочие же остались на месте, хохоча.

Таким образом, маэстро Пьеро научил мессера Джованни порядку, с которым тот никогда не сталкивался. От шутов часто получаешь подобные вещи: ты с ними шутишь, а они тебя позорят; поэтому всегда правильнее молчать, предоставляя говорить другим. За то, что мессер Джованни хотел выскочить и недостаточно подумал о самом себе, он был осмеян шутком в двух благородных шутках, как вы это слышали.

Новелла 10

Находясь с мессером Галеотто в Иосафатовой долине и услышав, что в день страшного суда все должны собраться в такое небольшое место, мессер Дольчибене занимает для

---

22 [22] Реджо – разумеется г. Реджо в Эмилии (северная Италия). Саккетти уснащает речь судьи диалектизмами, которые трудно передать в переводе.

23 [23] Имола – город в Романье (северная Италия), восточнее г. Реджо.

24 [24] Фоджа – головной убор с завязками.

себя особым способом местечко, чтобы не быть впоследствии задавленным толпой

Мессер Дольчибене,²⁵ имевший звание придворного кавалера, стоял намного выше всех ему подобных; о нем можно написать много новелл и прекрасного и грубого содержания. В настоящей новелле он по-своему, не так, как это хотел сделать маэстро Пьеро из Имола, сумел позабавить на пути ко гробу господню мессера Галеотто²⁶ и мессера Малатеста Унгеро,²⁷ отправившись туда вместе с ними.

Итак, когда упомянутые мессер Галеотто и мессер Малатеста, и вместе с ними мессер Дольчибене, направляясь к святому гробу, проезжали Иосафатовой долиной, мессер Галеотто сказал: «Ах, Дольчибене, в эту долину всем нам придется явиться в день страшного суда, чтобы выслушать последний приговор».

Мессер Дольчибене спросил его: «Как же сможет весь род человеческий поместиться в столь малой долине?»

Мессер Галеотто ответил: «Это будет по всемогуществу божию».

Тогда мессер Дольчибене сошел с лошади и побежал на одну из полей названной долины; там, спустив штаны, он предоставил телу исполнить свое дело, промолвив при этом: «Я хочу занять место, для того чтобы, когда наступит это время, найти его по примете и не погибнуть в давке».

Тут оба синьора спросили его, смеясь: «Что это значит? Что ты делаешь?»

Мессер Дольчибене ответил на это: «Синьоры, я сказал вам: не умен тот, кто не думает о будущем».

Мессер Галеотто заметил тогда: «О, Дольчибене, оставь там лучше долю коршуна; это будет лучшей приметой».

Мессер Дольчибене ответил: «Синьор, если бы я оставил там приметку, о которой вы говорите, это было бы плохо по двум причинам: во-первых' *ее* унесли бы коршуны и место осталось бы без отметки, во-вторых, вы лишились бы моего общества».

Тогда синьоры ответили ему: «Действительно, Дольчибене, ты умеешь найти хороший довод ко всякой вещи. Садись на лошадь, так как ты несомненно принял отличные меры на будущее». После такого развлечения они продолжали свой путь.

Сколь многочисленны шутки буффов и те удовольствия, которые получают от них синьоры! Впрочем, они и называются шутами только потому, что всегда отпускают шутки, а потешниками – потому, что постоянно потешают небывалыми забавными выходками. Однако этот мессер Дольчибене не был таким уж скверным человеком: во время путешествия ко гробу господню он сложил в вульгарных стихах²⁸ молитву владычице нашей, в которой просил ее милости и рассказывал о всех святых местах, какие он посетил за морем.

Новелла 11

25 [25] Дольчибене деи Тори – флорентийский поэт, музыкант и певец; знаменитый шут своего времени, которого император Карл IV Люксембургский посвятил в рыцари и наградил званием «короля шутов» (см.: F. Villani. Liber de civitatis Florentiae famosis civibus. Firenze, 1847, стр. 36). Он был приятелем Саккетти и обменивался с ним стихами. Упоминаемая в конце новеллы молитва богородицы сохранялась до нас (Messer Dolcibene, scrittore del sec. XIV, Ave Maria. Изд. F. Zambrini. Bolosma, 1858). Саккетти говорит о нем неоднократно (см. нов. 24, 25, 33, 117, 145, 156, 187).

26 [26] Вероятно, Галеотто Малатеста, разделявший с братом своим синьорию Римини, один из лучших полководцев своего времени (1302–1385) Упоминаемое путешествие в Иерусалим имело место в апреле – августе 1349 г. О мотивах рго см. нов. 4 «Paradiso degli Alberti» (изд. А. Веселовским), где речь идет о вызове Дольчибене на поединок другим шутком, Меллоном делла Бонтенера. Боясь встречи с противником, Дольчибене дал обет совершить паломничество в святую землю, если поединок не состоится. Он не состоял вся, и Дольчибене исполнил данное им обещание. О посещении Иосафатской долины он упоминает в своей молитве (стихи 42–43).

27 [27] Малатеста Унгеро – племянник Галеотто Малатеста, талантливый военачальник (1327–1372).

28 [28] Т. е. итальянских. Вульгарный, здесь, как обычно, в противоположность латинскому.

Альберто из Съены вызван инквизитором; перепуганный, он обращается к заступничеству мессера Гуччо Толомеи и, в конце концов, говорит, что, наверно, погиб бы из-за донны Бисодии

Во времена мессера Гуччо Толомеи²⁹ жил в Съене забавный человек, простой и отнюдь не лукавый, как мессер Дольчибене. Был он косноязычен и звался Альберто.³⁰ Будучи бедняком, он часто посещал дом названного мессера Гуччо, так как дворянин этот находил в его посещениях большое удовольствие. И вот случилось однажды в великом посту, что встреться с инквизитором, большим другом коего он был, мессер Гуччо условился с ним, что тот вызовет к себе названного Альберто, а когда Альберто явится к нему, он обвинит его в какой-нибудь ереси, и, таким образом, и инквизитор, и сам он, Гуччо, много позабавятся.

Договорившись обо всем, названный мессер Гуччо вернулся к себе домой; а на следующий день рано утром от упомянутого Альберто потребовали, чтобы он немедленно явился к инквизитору. Альберто задрожал всем телом, и если раньше он был косноязычен, то теперь почти вовсе лишился языка и едва мог сказать: «Я приду». Затем он отправился к мессеру Гуччо и сказал: «Я хотел бы поговорить с вами». А мессер Гуччо, поняв, в чем дело, спросил его: «Какие у тебя новости?»

Альберто ответил на это: «Что касается меня, плохие, так как инквизитор вызвал меня к себе, может быть по подозрению в патаренстве».³¹

На это мессер Гуччо сказал: «Не говорил ли ты чего-нибудь против католической веры?»

Альберто ответил: «Я не знаю, что такое католическая вера, но считаю себя крещеным христианином».

Мессер Гуччо сказал тогда Альберто: «Сделай так, как я тебе говорю. Ступай к епископу и скажи ему: „Меня потребовали к вам, и я явился», да узнай, что он тебе хочет сказать. Вскоре после тебя приду я; инквизитор большой мой приятель, и я постараюсь уладить дело».

Альберто ответил на это: «Ну, так я пойду и полагаюсь на вас». Итак, он ушел и направился к епископу.

Когда он явился к нему, епископ сказал, глядя на него сердито: «Кто ты такой?»

Альберто заплетающимся языком и дрожа от страха ответил: «Я – Альберто, от которого вы потребовали, чтобы он явился к вам».

– «Знаю теперь, – сказал епископ, – ты тот Альберто, который не верит ни в бога, ни в святых?»

Альберто возразил: «Синьор мой, тот, кто вам это сказал, сказал неправду, потому что я верю во все».

Тогда епископ сказал: «А если ты веришь во все, то варишь, следовательно, и в дьявола; этого для меня как раз достаточно, чтобы сжечь тебя как патарена».

Когда Альберто, почти обезумев, стал молить о пощаде, епископ сказал ему: «Знаешь ли ты „Отче наш?“».

Альберто ответил ему: «Да, мессер».

– «Прочитай его сейчас же», – приказал инквизитор.

Альберто начал читать, не согласуя прилагательных с существительными, дошел, запинаясь, до того трудного места, где говорится: *da nobis hodie*;³² но дальше он никак не мог справиться со словами. Услышав это, инквизитор сказал ему: «Альберто, я понял тебя: ведь

---

29 [29] Гуччо Толомеи упоминается в документах 1342, 1354 и 1355 гг. Толомеи были влиятельным родом в Съене.

30 [30] Альберто из Съены – быть может, вымышленный персонаж, занимательный простак и представитель «традиционной» глуповатости съенцев. Альберто выведен также в нов. 12. 13 и 14

31 [31] Термин судебного производства – еретическое неистовство к учению церкви.

32 [32] Непонятные для Альберто латинские слова *da nobis hodie* (даждь нам днесь), осмысливались им как *dano bisodie* или *donna Bisodia*.

патарен не может произносить святых вещей. Ступай и возвращайся завтра ко мне; я буду судить тебя по заслугам».

Альберто ответил на это: «Я вернусь к вам; но я прошу вас, ради бога, снисхождения».

Инквизитор сказал тогда: «Ступай и делай то, что я тебе велю».

Альберто ушел, и на пути к своему дому встретил мессера Гуччо Толомеи, который шел по его делу к инквизитору. Видя, что Альберто возвращается, мессер Гуччо спросил: «Альберто, дело твое обстоит, вероятно, хорошо, раз ты возвращаешься».

Альберто ответил ему: «Ей-богу, совсем нет; епископ говорит, что я – патарен; он велел прийти к нему снова завтра утром, и тут же чуть не покончил со мной из-за этой блудницы донны Бисодии, о которой написано в „Отче наш“. Поэтому, ради бога, прошу вас, пойдите к нему и попросите его: пусть он окажет мне снисхождение».

Мессер Гуччо сказал на это: «Я иду туда, и постараюсь сделать все, что могу, чтобы спасти тебя».

И мессер Гуччо направился к инквизитору, а когда он рассказал ему историю с донной Бисодией, то оба они прохотали целых два часа. Когда же инквизитор, прежде чем мессер Гуччо ушел от него, послал за названным Альберто, и тот в большом страхе вернулся к нему, он дал ему понять, что если бы не мессер Гуччо, то он сжег бы его на костре; ведь он вполне заслужил этого, ибо впал снова в еще худшее заблуждение, назвав святую женщину, а именно донну Бисодию, без которой нельзя служить обедню, блудницей. Пусть же он идет и ведет себя так, чтобы епископу не приходилось более посылать за ним.

Альберто, попросив помиловать его, сказал, что не будет говорить этого никогда, и совершенно опечаленный после пережитого страха, вернулся домой с мессером Гуччо. Этот мессер Гуччо, проведший дело, как ему того хотелось, долго забавлялся своей проделкой впоследствии и без Альберто, и в его присутствии.

Велика изобретательность людей благородного происхождения, когда им хочется потешиться над людьми странными и простодушными; но самым лучшим примером ее является случай, который произошел волею судьбы с Альберто, приведенным в смущение донной Бисодией. И Даже очень возможно, что будь Альберто человеком состоятельным, инквизитор сделал бы ему такой намек, что он откупился бы всеми своими деньгами, лишь бы не быть сожженным или замученным.

Новелла 12

О том, как названный Альберто, ведя домой упрямую лошадь, отвечал как остроумный человек некоторым людям, задававшим ему забавные вопросы

Раз уж я принялся за Альберто из Съены, то расскажу о нем еще одну забавную историю, которая, будь изложенное в ней совершенно сознательно, могла бы послужить украшением любого мудреца. Полагаю, однако, что он действовал в данном случае скорее по простоте душевной. Имея нужду съездить в свое имение, находившееся за пределами Съены, Альберто попросил у своего соседа лошадь. Усевшись на нее, он направился к городским воротам, как вдруг, уже достигнув их, лошадь начала пятиться назад, словно испугавшись ворот, или озадаченная чем-то, или забрав себе в голову, что ей не следует удаляться за пределы своего города. Несмотря на то, что Альберто понукал ее изо всех сил, он никак не мог заставить ее двинуться вперед. Когда же лошадь начала беситься, он страшно перепугался, счел за лучшее сойти с нее и, взяв за поводья, повернуть обратно, чтобы отвести в дом того, кто ему ее предоставил. Но в эту минуту лошадь тронулась не шагом, а рысью, и так быстро, что заставила пуститься рысью и Альберто.

Таким образом он добрался до городской площади. Находившиеся там съенцы, обратив внимание на то, что он ведет лошадь за поводья, закричали ему громко: «Эй Альберто, чья это лошадь? Эй, Альберто, куда ведешь ты эту лошадь?»

Спрашивавшим «чья это лошадь?» он отвечал: «Моя собственная», а спрашивавшим «куда он ее ведет?» отвечал: «Это она ведет меня».

И такими ответами он озадачивал на некоторое время съенцев, пока они не поняли смысла того, что он говорил. В конце концов, Альберто вернул лошадь соседу, сказав: «Получай свою лошадь, раз она не хочет, чтобы я ехал в усадьбу сегодня». Так и остался Альберто дома и не поехал в тот день в усадьбу.

Я думаю, что он поступил в этом случае весьма мудро, ибо есть много таких, которые говорят: я выйду из испытания победителем. Если кому-нибудь приходится обуздать или заставить слушаться своего собственного жеребенка, то, может быть, с такими словами и можно согласиться; но если речь идет о том, чтобы справиться с чужим конем, то, тот, кто берется за такое дело, не заставит повиноваться коня, а скорее подвергнется опасности сам.

Новелла 13

О том, как Альберто, собираясь в бой вместе с съенцами, ставит коня перед собой, а сам, спешившись, становится позади него, объясняя это тем, что так лучше

Этот Альберто и в третьем случае, рассказ о котором следует ниже, не представляется мне чересчур глупым. Когда съенцы во время войны, которую они вели с перуджийцами, собрались вступить в бой и упомянутый Альберто, основательно вооруженный, находился на коне в их рядах, он вдруг спешился, поставил коня перед собой, а сам стал позади него. Все находившиеся там, увидев Альберто стоящим в таком положении, стали говорить: «Что ты делаешь, Альберто? Садись на коня, потому что мы сейчас вступим в бой».

Альберто отвечал им: «Я хочу стоять так, потому что, если конь мой падет мертвым, я получу вознаграждение за понесенный убыток; если же я паду сам, то за такой убыток заплачено не будет».

После этого люди, как это угодно было богу, вступили в бой, причем съенцы потерпели поражение. Так как названный Альберто, будучи пешим, находился далеко позади других, то лошадь его была захвачена; сам же он бежал. Когда ночь застала его на дороге среди леса и ветер шумел в листве деревьев, ему казалось, что тысяча всадников гонится за ним. Зацепившись за терновый куст, он сказал, полагая, что его хватают враги: «Ах, я несчастный! Сдаюсь, не убивайте меня!» И, таким образом, в великом страхе и большой тревоге провел он всю эту ночь; утром же на рассвете он очутился возле Съены.

Когда он добрался до Съены, то, хотя людям было не до него, однако кое-кто спросил его: «Альберто, как твои дела? Ты идешь пешком? А где же твой конь?»

Он отвечал на это: «Конь мой пропал: он поступил так, как поступила на днях та лошадь, которая не хотела выехать за ворота города».

Однако дело все же кончилось для Альберто плохо, так как, когда он потребовал возмещения понесенного им убытка, ему было сказано, что он не был на коне, как полагалось; так никогда он и не смог получить уплаты за понесенный убыток.

Мудрым оказался бы план Альберто, окажись он осуществимым, ведь он избавил бы его от убытка; он получил бы деньги и сам вернулся бы целым и невредимым в Съену. Из этого примера можно видеть, как ценится род человеческий; ибо для каждого животного устанавливается своя цена, но только не для человека; в отношении человека не требуется возмещения убытка, хотя по благородству своему он значительно превосходит все другие создания; потому-то и не существует цены, которая могла бы покрыть его стоимость. Еще более верно это на войне; и еще вернее в отношении бедного человека, нежели в отношении богатого. Если богатого берут в плен, то уводят ради его денег и его самого, и его коня; если же бедный взят на коне, то человека отпускают, а коня уводят. И все это происходит только потому, что весь мир развращен деньгами и ради них каждый готов на все.

Новелла 14

О том, как Альберто, которого отец застаёт балующимся с мачехой, приводит в свое оправдание забавные и неожиданные доводы

Я не хочу опустить четвертую новеллу об Альберто, из тех, что я слышал, хотя речь о нем идет и во многих других.

У названного Альберто была мачеха, очень молодая, дородная и крепкая, и он, как часто бывает, никак не мог жить с нею в мире. И так как он часто жаловался на это некоторым своим приятелям, то они дали ему такой совет: «Альберто, если ты не найдешь способа побаловаться с ней, то не надейся никогда иметь от нее что-либо, кроме ссор и неприятностей».

Альберто спросил тогда: «Вы думаете?»

Товарищи его отвечали: «Мы в этом твердо уверены».

Альберто заметил: «Это было бы слишком большим грехом! Ведь если бы я это сделал и слух об этом дошел до инквизитора, он накрыл бы меня и казнил».

И на этом, словно у него не хватало духу на такое дело, он расстался с приятелями. Но в ближайšie же дни он решил привести совет этот в исполнение, показав, что его дали не глухому.

И вот однажды, когда отца его не было дома, а женщина находилась у себя в комнате, Альберто, без лишних слов, так как он не умел их говорить, перешел к делу: оба отправились на кровать и заключили такой мир, что дом, казавшийся прежде бурным и одержимым дьяволом, оказался вдруг тихим и мирным. В то время как Альберто продолжал жить, таким образом, в мире и любви, помогая отцу в работе, случилось однажды, что отец его, уехавший в усадьбу, вернулся в тот час, когда оба любовника лежали в полдень вместе, и, поднявшись наверх, застал в кровати врасплох жену и Альберто.

Увидев отца, Альберто бросился к лавке, шедшей вдоль стены, а отец, с криком: «Гнусный предатель! А ты – преступная блудница!» схватил перекладину от постели, чтобы ударить сына.

И так как Альберто то прятался под лавку, то прыгал на лавку, смотря по тому, куда направлялась перекладина в руках отца, и оба они кричали, то все соседи сбежались на шум, спрашивая: «Что это значит?»

А Альберто и говорит: «Это мой отец, который долго баловался с моей матерью, и я никогда не сказал ему на то обидного слова; теперь же, когда он застал меня лежащим просто из доброго чувства любви с его женой, он хочет, как вы видите, убить меня».

Услышав доводы, которые приводил Альберто, соседи признали отца неправым и, оттащив его в сторону, сказали ему, что неразумно делать явным то, что следовало бы скрывать, и заставили его поверить, что Альберто, образ жизни которого им хорошо был известен, лег на кровать не с дурными мыслями, а по своей кротости и привязанности, ибо ему просто хотелось спать. Таким образом, отец успокоился, успокоилась и жена в отношении Альберто ввиду той кротости и привязанности, которою он проникся к ней, и впредь каждый из них устраивал свои дела так скрытно и тихо, что отцу за всю свою жизнь не пришлось больше играть палкой.

Хорошо было средство, которое указали Альберто, чтобы жить мирно с мачехой, но хороши были и доводы Альберто, приведенные им сбежавшимся соседям. И вот, я думаю, что многие (хотя и не все) мачехи жили бы в мире с пасынками, если бы пасынки поступали, подобно Альберто. в особенности такие, чьи мужья стары, как у мачехи Альберто, и если они сами, будучи молодыми, хотят бодрствовать, в то время как их старым мужьям хочется спать.

Новелла 15

Сестра маркиза Аццо, вышедшая замуж за галлурского. судью, через пять лет, овдовев, возвращается домой. Брат не хочет видеть ее, потому что у нее нет детей; но она успокаивает его острым словцом

Маркиз Аццо д'Эсти³³ рассердился на одну из своих сестер.

Маркиз этот был, кажется, сыном маркиза Обиццо.³⁴ У него была сестра-невеста, носившая, помимо своего настоящего имени, имя мадонны Альды,³⁵ которую он выдал за галлурского судью. Поводом к этому браку послужило то обстоятельство, что названный судья был стар и не имел наследника или человека, которому он мог бы по закону оставить имущество. Поэтому маркиз, полагая, что мадонна Альда или, как ее звали другие, мадонна Беатриче, будет иметь от мужа детей, которые станут синьорами судебного округа Галлуры, охотно согласился на этот брак; дама же знала отлично, с какой целью маркиз выдает ее замуж.

Случилось, однако, так, что, выйдя замуж и прожив с мужем пять лет, она не имела от него детей вовсе, а когда названный галлурский судья умер, то дама возвратилась вдовой в дом маркиза. Маркиз не вышел встретить ее и не подал виду, что она возвращается, как будто случившегося никогда не происходило. Означенная дама, полагая, что по возвращении она будет принята маркизом приветливо, но видя совершенно противоположное, очень изумилась этому. Когда же она иной раз заходила к маркизу посетовать на свою судьбу и поплакать, как полагается, он никак не отвечал на это и даже отворачивался от сестры.

Так как это продолжалось несколько дней, то молодая женщина, желая знать причину такого отношения к себе и гнева маркиза, решила во что бы то ни стало пойти к нему, а придя, стала говорить: «Нельзя ли мне узнать, брат, почему ты проявляешь столько гнева, столько презрения ко мне, несчастной, бедной вдове или, скорее скажу, сироте, ибо раз ты оставляешь меня, то ведь за меня некому больше заступиться?»

А он со злобой, повернувшись к ней, ответил: «Разве ты не знаешь причины? А зачем выдал я тебя замуж за галлурского судью? Как не стыдно тебе, пробыв пять лет его женой, вернуться домой, не родив ни одного ребенка?»

Дама, спокойно слушавшая его до сих пор, как только он произнес эти слова, поняла его, наконец, и сказала: «Брат мой, не продолжай; я понимаю тебя. Клянусь тебе верой в бога, что я, дабы исполнить твою волю, не пропустила ни одного слуги, пажа или повара, или кого другого, чтобы не попытаться с ним счастья; но раз это было негодно богу, я ничего другого сделать не могла».

Маркиз так обрадовался этому, как только может обрадоваться брат, заподозривший свою сестру в каком-нибудь мерзостном деле, а затем установивший ее безупречность. Он тут же нежно обнял ее и после этого полюбил ее и привязался к ней еще больше прежнего, а затем выдал замуж за некоего мессера Марко Висконти или за мессера Галеаццо. И кто-то уже рассказывал, что она родила девочку, по имени Иоанну, которая вышла замуж за мессера Риччардо да Камино, синьора Тревизо. Это имеет, по-видимому, в виду Данте в восьмой песни «Чистилища», где он говорит, между прочим:

Скажи в том мире, за простором вод
Чтоб мне моя Джованна пособила
Там, где невинных верный отклик ждет³⁶

33 [33] Маркиз Аццо VIII д'Эсте – синьор Феррары, Модены и Реджо (правил ими с 1293 по 1308 г.).

34 [34] Маркиз Обиццо II д'Эсте (ум в 1293 г.) – синьор Феррары с 1264, Модены – с 1288, Реджо – с 1289 г.

35 [35] Альда – Беатриче д'Эсте, дочь Обиццо и сестра Аццо Комментаторы «Божественной комедии» («Чистилище», VIII, 73–81) излагают приведенные в этой новелле факты иначе Беатриче действительно вышла замуж за галлурского судью Нино Висконти, у нее родилась от него дочь Джованна После смерти судьи Беатриче вернулась с дочерью к себе в Феррару, и в 1300 г. брат ее Аццо выдал ее за Галеаццо Висконти, сына Маттео Висконти, синьора Милана, судьбу которого она разделяла до своей смерти (1334). Джованна очень молодой была выдана за синьора Тревизо Риччардо да Каммино. Саккетти следовал в своем рассказе не истории, а, очевидно, какой-то устной традиции, находящейся в противоречии с упомянутыми стихами Данте, которые вложены в уста судьи Нино; в них он говорит о Джованне как о своей дочери Желая спасти честь Беатриче, Данте рисует непривлекательными чертами ее брата, а то, что она говорит в свое оправдание, изображено им как вымысел.

36 [36] Перевод М Лозинского.

Так или иначе, дама эта успокоила брата. Некоторые склонны утверждать, – и я принадлежу к числу тех, кто этому верит, – что она была мудрой и целомудренной женщиной, но, видя душевное состояние брата, решила своими словами успокоить его насчет того, чего ему хотелось, и вернуть себе его любовь. Так умиротворяют тех, кто ищет пользы, а не чести. Названная дама догадалась об этом и дала брату той пищи, какой ему хотелось, утешив его с помощью того, что мало кому доставило бы покой.

Новелла 16

Один молодой съенец получает от умирающего отца три наставления; о том, как он в короткий срок нарушил их и что отсюда последовало

Теперь я расскажу об одной женщине, которая вышла замуж, выдавая себя за девушку, но муж увидел доказательство обратного раньше, чем переспал с нею, и отослал ее домой, не коснувшись ее.

Жил некогда в Съене богатый горожанин. Перед смертью он дал своему единственному сыну, которому было около двадцати лет, несколько советов и, между прочим, три следующих: во-первых, никогда не водиться с таким человеком, чтобы потом приходилось пожалеть о знакомстве с ним; во-вторых, если он купит товар или что-либо другое и сможет заработать на нем, то чтобы он брал барыш, но давал возможность заработать также и другим; в-третьих, когда он задумает жениться, то чтобы брал жену в ближайшем соседстве, а если взять поблизости невозможно, то брал бы ее лучше в своем краю, чем в чужом, где-нибудь далеко. Сын остался с этими предостережениями, а отец умер. Долгое время этот молодой человек водил знакомство с одним из рода Фортегуэрра, который был очень расточителен и имел несколько дочерей на выданье. Родственники последнего постоянно упрекали его за мотовство, но ничто не помогало.

Случилось однажды так, что Фортегуэрра приготовил для названного молодого человека и для нескольких других лиц прекрасный обед. Родственники стали бранить его за это, говоря: «Что ты делаешь, несчастный? Уж не хочешь ли ты потратить деньги, чтобы испытать человека, который стал таким богатым? Приготовил ли ты и готовишь ли приданое, и разве нет у тебя дочерей на выданье?»

И они наговорили ему столько, что он в отчаянии пошел домой и отменил все свои распоряжения насчет провизии, бывшей в кухне. Затем он взял луковицу, положил ее на приготовленный стол и велел сказать упомянутому молодому человеку, если тот придет обедать, чтобы он поел луковицы, потому что ничего другого в доме нет, и что Фортегуэрра у себя дома не обедает.

Когда настал час обеда, молодой человек отправился туда, куда он был приглашен, и, войдя в залу, обратился к жене Фортегуэрры; жена ответила, что его нет дома, что он не обедает у себя, но что он распорядился, чтобы гость, если придет, поел луковицы, потому что ничего другого в доме нет. Молодой человек припомнил по поводу этого блюда первое наставление отца и понял, как плохо он ему следовал. Он взял луковицу и, вернувшись домой, перевязал ее веревочкой и подвесил к потолку комнаты, в которой всегда обедал.

Вскоре после этого случилось ему купить за пятьдесят флоринов коня и, когда через несколько месяцев после этого ему предложили за него девяносто флоринов, он не соглашался ни за что отдать его меньше, чем за сто флоринов. Пока он настаивал на своем, у коня появились однажды ночью боли; его пришлось убить и содрать с него кожу. Раздумывая над этим, молодой человек понял, что он плохо следовал и второму наставлению отца, и, отрезав у лошади хвост, подвесил его к потолку рядом с луковицей.

Затем случилось так, что он задумал жениться, но не мог найти себе молодой девушки, которая пришлась бы ему по вкусу, ни в ближайшем соседстве, ни во всей Съене. Тогда он отправился на поиски в другие края и попал, в конце концов, в Пизу; здесь он повстречался с нотариусом, который имел раньше дома в Съене, был приятелем его отца и знал его самого. Нотариус принял его поэтому очень хорошо и спросил, по каким он делам в Пизе. Молодой

человек отвечал, что ищет красивую жену, так как во всей Сьене не нашел такой, которая бы ему понравилась.

Тогда нотариус сказал ему: «Если дело только за этим, то сам бог послал тебя сюда, и ты получишь то, что тебе нужно, потому что у меня под руками есть одна молодая особа из рода Ланфранки, красавица, какой еще свет не видывал, и я очень хочу, чтобы она стала твоей».

Молодому человеку мысль эта понравилась; и он не мог дожидаться, когда он ее увидит; наконец это удалось. Как только он ее увидел, он сразу же стал договариваться насчет условий и установил срок, когда он повезет ее в Сьену. Нотариус был приспешником Ланфранки, а молодая женщина была распутной, уже имела дело с несколькими молодыми людьми в Пизе и никак не могла выйти замуж. Потому-то упомянутый нотариус старался избавиться от нее ее родителей и навязать ее сьенцу. После того как был отдан приказ служанке по имени монна Бартоломеа – должно быть сводне, бабенке, жившей по соседству, вместе с которой молодая время от времени развлекалась, – после того как были сделаны всякие распоряжения относительно необходимых вещей и провожатых, в числе которых находился, между прочим, один молодой человек из тех, что неоднократно имели любовную связь с молодой, все тронулись в путь, в Сьену; туда же были посланы вперед люди, чтобы сделать нужные приготовления.

Во время пути у сопровождавшего молодую юноши из числа ее любовников был такой вид, словно его вели на виселицу, ибо он думал о том, что она выходит замуж в чужие края и что ему придется вернуться в Пизу без нее. Раздумывал он об этом и вздыхал так, что молодой обратил внимание и на жену, и на него; ведь пословица говорит верно, что любви и кашля никогда не утаишь. А заметив это и заподозрив что-то неладное, муж стал наводить справки и узнал, кто такая молодая, а также – что нотариус предал и обманул его. Поэтому, прибыв в Стаджу,³⁷ жених пустил в ход такую хитрость. Он сказал, что хочет поужинать пораньше и намерен утром до рассвета отправиться в Сьену, чтобы распорядиться относительно всего необходимого; говорил он это все так, чтобы сопровождавший их молодой человек его услышал.

Комнаты, где они спали, разделялись дощатыми перегородками и находились одна подле другой. Муж занимал одну, жена с горничной – другую, а в третьей были какой-то путник и молодой любовник. Последний не пропустил мимо ушей ничего из того, что говорил сьенец, и целый вечер вел переговоры с горничной, в ожидании рассвета; и так все пошли спать. С наступлением утра, приблизительно за час до рассвета, жених встал, чтобы отправиться в Сьену, как он говорил об этом раньше. Сойдя вниз и сев на коня, он отъехал по направлению к Сьене приблизительно на четыре выстрела из арбалета, а затем повернул обратно и возвратился шажком потихоньку в гостиницу, откуда выехал. Привязав лошадь к кольцу у двери, он поднялся по лестнице и, подойдя к комнате жены, заглянул в нее осторожно и услышал, что молодой человек находится внутри. Тогда, толкнув неплотно запертую дверь, он вошел в комнату и, приблизившись осторожно к самой кровати, чтобы посмотреть, не лежит ли там что-нибудь из одежды пристроившегося на ней, он нашел случайно штаны любовника. А так как лежавшие в кровати, потому ли, что слышали и боялись, или потому, что не слышали, лежали тихо, то муж взял штаны под мышку – и, выйдя из комнаты, спустился с лестницы, сел с штанами на коня и направился в Сьену. Приехав домой, он подвесил штаны к потолку подле луковицы и хвоста.

Когда в Стадже поутру жена и ее любовник поднялись, то молодой человек, не найдя штанов, сел на коня и пустился в путь без них, и в таком виде вместе с прочими прибыл в Сьену. Подъехав к дому, где должна была состояться свадьба, они сошли с коней. Когда же все уселись, чтобы закусить под тремя подвешенными предметами, и молодого спросили, что означают эти три подвешенные вещи, он ответил: «Я вам скажу, и прошу всех выслушать меня. Недавно умер мой отец и завещал мне три совета. Первый состоял в том-то и том-то, и потому я взял эту луковицу и подвесил ее здесь; второй совет требовал от меня того-то; я ему не последовал, но когда конь пал, я отрезал ему хвост и тоже подвесил здесь. Третий совет состоял в том, чтобы я искал себе жену по возможности в близком соседстве, но я вместо того, чтобы

37 [37] Стаджа – большой замок неподалеку от Сьены.

взять ее здесь, отправился в Пизу и взял там эту молодую женщину, полагая, что она такова, какой должна быть девушка, выходящая замуж. На пути сюда, однако, этот молодой человек, что сидит здесь, спал в гостинице с ней, и я потихоньку проник туда, где они были. Найдя его штаны, я привез их с собой и подвесил здесь к потолку. Если вы мне не верите, то осмотрите его: у него их нет». Так и оказалось. «А потому женщину эту по окончании трапезы увезите в Пизу обратно, потому что я не только никогда не стану спать с ней, но не намерен больше даже видеть ее. Нотариусу же, который дал мне совет, устроил мой брак и составил о нем запись, скажите, чтобы он сделал теперь публичное объявление». Так и было сделано. Те, кто приехали с женой, потащились обратно, не солоно хлебавши, а жена устроилась скоро с несколькими мужьями, муж же ее – с другими женами.

Так названный молодой человек совершил три глупости вопреки мудрым советам отца. И сколько людей не остерегается глупостей! Что касается последнего, самого важного совета, то, если породнишься по соседству, никогда не прогадаешь, и все же все мы делаем обратное. Но дело не в одном только браке. Даже когда нам приходится покупать лошадей, соседских мы не хотим, потому что они кажутся нам исполненными недостатков, и мы наперебой покупаем лошадей у немцев, приезжающих в Рим. И, таким образом, мы, как вы слышали, часто попадаемся то на том, то на другом, а бывает и хуже.

Новелла 17

Пьетро Брандани из Флоренции занимается тяжбами и передает сыну некоторые документы; тот, лишившись их, бежит и попадает в некое место, где ловит совершенно необычным способом волка и, получив за него пятьдесят лир в Пистойе, возвращается к себе и выкупает документы

В городе Флоренции жил некогда горожанин по имени Пьетро Брандани,³⁸ все свое время отдававший сутяжничеству. У него был сын восемнадцати лет. Однажды утром ему нужно было отправиться во дворец подеста как ответчику по одному делу; он передал своему сыну несколько документов с тем, чтобы тот пошел с ними вперед и ждал его подле Флорентийского аббатства.³⁹ Повинуясь отцу, сын отправился, как ему было велено, к указанному месту и стал там с бумагами ждать отца. Дело было в мае месяце. Случилось так, что, пока мальчик ждал, полил сильный дождь. В это время мимо проходила крестьянка или торговка с корзинкой вишен на голове. Корзина упала, и вишни рассыпались по всей улице; ручеек же, протекавший по ней, всякий раз, когда шел дождь, разбухал так, что казался целой речонкой. Вместе с другими ребятами мальчик с удовольствием начал подбирать рассыпанные вишни; в конце концов, он принялся ловить их в воде. Когда вишни были собраны и мальчик вернулся на свое прежнее место, оказалось, что у него нет документов: они упали в воду, которая быстро унесла их в Арно. Мальчик стал всюду бегать, спрашивая то одного, то другого, но все это были пустые расспросы, потому что документы уже плыли по направлению к Пизе. Сильно огорченный, мальчик из страха перед отцом решил скрыться, и в первый же день он добрался до Прато, куда обычно направляется большинство бродяг и беглецов из Флоренции. Он зашел в гостиницу, куда после захода солнца явились какие-то купцы, не для того чтобы заночевать, а чтобы продолжать путь к Альянскому мосту.⁴⁰ Увидев перепуганного мальчика, купцы эти спросили его, что с ним случилось и откуда он; получив от него ответ, они предложили ему

38 [38] Хронист XVI в. Шипионе Аммирато видел в Пьетро Брандани одного из видных граждан Флоренции. избранного в 1300 г гонфалоньером правосудия, т. е главой совета приоров. Но отождествление это не вполне убедительно

39 [39] Флорентийская бадия (т. е аббатство) – первоначально церковь св. Стефана, превращенная матерью графа Гугона, маркиза Тосканы, в бенедиктинское аббатство и перестроенная в 1285 г Арнольдо ди Камбио Бадия находилась напротив дворца подеста

40 [40] Альянский (или Аньянский) мост – один из мостов на р. Анья, между городами Прато и Пистойей.

остаться с ними и отправиться далее. Мальчик только и ждал этого, и вот они пустились в путь и в два часа ночи прибыли Альянскому мосту. Когда они постучались в гостиницу, хозяин, уже лёгший спать, спросил в окно: «Кто там?»

– «Открой нам: мы хотим переночевать».

Хозяин проворчал в ответ: «Разве вы не знаете, что вся округа полна разбойников? Я очень удивляюсь, как это вы не попали к ним в руки».

Хозяин говорил правду, потому что большая шайка бандитов изводила всю округу.

Однако купцы так просили, что хозяин открыл им. Войдя в дом и задав корму лошадям, они сказали, что хотят поужинать, на что хозяин ответил им: «У меня нет ни кусочка хлеба».

Купцы спросили тогда: «Как же нам быть?»

Хозяин отвечал: «Я вижу только одно средство помочь вам: пусть этот ваш мальчик наденет на себя какие-нибудь лохмотья, чтобы казаться оборванцем, и пойдет вот туда вниз под гору. Там он увидит церковь; пусть он вызовет тамошнего приходского священника, сера Чоне, и от моего имени попросит его одолжить мне девятнадцать хлебов. Говорю я так потому, что если эти негодяи встретят оборванца мальчика, то не сделают ему ничего».

Мальчику показали дорогу, но он пошел неохотно, потому что время было ночное и было плохо видно. В страхе, как можно думать, продвигался он вперед, сбиваясь с дороги то в одну, то в другую сторону, и не находил указанной церкви. Войдя в небольшую рощу, он увидел с одной стороны слабый свет, падавший на какую-то стену. Он решил идти на него, полагая, что это и есть церковь, но вышел на большое гумно, которое принял за площадь; в действительности же это был дом крестьянина. Он приблизился к дому и стал стучать в дверь. Услышав стук, крестьянин крикнул: «Кто там?»

Мальчик ответил ему: «Откройте мне, сер Чоне, меня послал к вам такой-то хозяин с Альянского моста; он просит одолжить ему девятнадцать хлебов».

Крестьянин говорит тогда: «Какие там хлебы? Ты – воришка и занимаешься разведкой для разбойников. Если я выйду, то заберу тебя и отправлю в Пистойю, и тебя там повесят».

Услышав это, мальчик не знал, что ему делать. Вне себя от страха он стал оглядываться и искать более надежного места, как вдруг услышал поблизости, на краю леса, вой волка. Осматриваясь кругом, мальчик увидел на одном конце гумна поставленную стоймя бочку без верхнего днища. Он тотчас же подбежал к ней и влез в нее, с большим страхом ожидая, как распорядится с ним судьба.

В это время вдруг появился волк, оказавшийся, вероятно, от старости, паршивым. Подойдя к бочке, он стал чесаться о нее и, пока терся, поднял хвост, который попал в отверстие для втулки. Почувствовав внутри бочки прикосновение хвоста, мальчик сильно перепугался. Однако, хотя он и видел, что это такое, от сильного страха ухватился за хвост и решил не выпускать его из рук до тех пор, пока не выяснится, что произойдет дальше. Почувствовав, что его схватили за хвост, волк стал рваться; мальчик тянет крепко к себе, волк – к себе. И пока они оба тянули, бочка упала и покатила. Мальчик держался крепко, волк не переставал рваться и чем больше он метался, тем сильнее ударяла его бочка сзади. Такое катанье продолжалось часа два; за это время бочка нанесла волку сзади столько ударов и таких сильных, что он издох. Правда, и мальчик оказался сильно пострадавшим; но судьба все же пришла ему на помощь, так как, чем крепче он держал волчий хвост, тем сильнее оборонялся сам и тем хуже доставалось волку. Покончив с волком, мальчик, однако, всю ночь не решался выйти из бочки и не выпускал хвоста из рук.

Под утро, когда крестьянин, в дверь которого стучался мальчик, встал и начал обходить свои владения, он заметил в овраге бочку и, раздумывая по поводу этого, сказал про себя: «С этими волками, которые ходят по ночам, одна беда; кроме всего прочего, они вон куда скатили мою бочку, которая стояла наверху на гумне». И, подойдя к ней, он увидел лежащего подле бочки волка, который казался живым. Тут он принялся кричать: «Волк, волк, волк!» Когда сбежавшиеся на шум жители той местности очутились подле крестьянина, они увидели мертвого волка, а в бочке мальчика.

Тут они стали креститься и спрашивать мальчика: «Кто ты такой? Что это значит?»

Мальчик, ни жив ни мертв, едва переведя дух, ответил: «Ради бога, я отдаюсь в вашу власть. Прошу вас, выслушайте меня и не делайте мне зла».

Крестьяне выслушали его, желая узнать причину столь небывалого происшествия, и мальчик рассказал им все, что с ним случилось, начиная с пропажи документов и до настоящей минуты. Крестьянам стало его очень жаль, и они сказали ему: «Сынок, с тобой приключилась очень большая беда, но дело твое обернется не так плохо, как ты думаешь: в Пистойе вышло постановление, что тот, кто убьет волка и представит его в коммуну, получает от нее пятьдесят лир».

Мальчик несколько приободрился, когда крестьяне предложили ему проводить его и помочь отнести волка; предложение это он принял. Несколько человек вместе с ним потащили волка и пришли в гостиницу у Альянского моста, откуда мальчик отправился за хлебом. Хозяин названной гостиницы, как и следовало ожидать, был сильно изумлен. Он сказал, что купцы уже уехали, а так как мальчик не вернулся к ним, то они решили, что его либо съели волки, либо схватили разбойники. Дело кончилось тем, что мальчик представил волка в Пистойскую коммуну. Мальчика расспросили, как все произошло, и выдали пятьдесят лир; из этих денег он потратил пять лир на угощение провожавших его, а с сорока пятью, расставшись с крестьянами, вернулся к отцу и, попросив прощения, рассказал ему все, что с ним случилось, и отдал ему сорок пять лир. Отец, будучи бедным человеком, с удовольствием взял их и простил сына. Часть денег он истратил на то, чтобы переписать документы; на оставшиеся же продолжал бойко сутяжничать далее.

Вот почему никто никогда не должен отчаиваться, ибо судьба часто отнимает и дает, дает и отнимает. Кому могло бы прийти в голову, что упавшие в воду документы окажутся восстановленными благодаря волку, который просунет хвост в отверстие для втулки и будет пойман столь необыкновенным образом? Это несомненно пример того, что не следует не только отчаиваться, но и приходить в уныние или грусть, что бы ни случилось.

Новелла 18

Бассо делла Пенна обманывает нескольких плутов-генуэзцев и выигрывает у них в особую игру все то, что у них было

Подобно тому как этот мальчик приобрел честно и по простоте своей пятьдесят лир, так забавник Бассо делла Пенна,⁴¹ о котором рассказывалось выше, в настоящей новелле выиграл хитростью в особую игру более чем на пятьдесят лир болоньинов.⁴²

Однажды в Феррару в гостиницу к этому Бассо попало несколько генуэзцев, которые странствовали и надували людей при помощи различных игр. Разгадав их уловки, Бассо положил себе однажды перед обедом в сумку на двадцать лир серебряных болоньинов вместе с перезрелой грушей, – ибо дело было в июне, – и решил надуть своих сотрапезников после обеда, когда все вымоют руки и со стола будет убрано. Так он и сделал.

После обеда, когда все продолжали беседу за столом, с которого все было убрано, Бассо сказал: «Я хочу сыграть с вами в одну игру, в которой не может быть никакого обмана».

И, сунув руку в кошелек, он вынул болоньины и заявил: «Я положу на этот стол перед каждым из нас по болоньину, и тот, на чей болоньин раньше всего сядет муха, заберет себе все болоньины, лежащие перед другими». Генуэзцы шумно одобрили предложенную игру и не могли дожидаться, когда Бассо начнет ее. Человек хитрый, Бассо положил свой болоньин под стол к себе на колени, где у него лежала перезрелая груша. И когда наступало время выкладывать болоньины на стол, то тот, который Бассо должен был положить перед собой, он всаживал предварительно в переспелую грушу, после чего муха садилась всякий раз на его монету, и только один раз из четырех он клал болоньин с груши перед одним из генуэзцев, для того чтобы, выигрывая все же иногда, они не заметили его хитрости.

Тем не менее, по мере того как игра продолжалась, генуэзцы стали подозревать Бассо, ибо

41 [41] Бассо делла Пенна – см. нов. 6, прим 2 и нов 19, 20, 21, 22.

42 [42] Болоньин – болонская монета, равная по стоимости 6 кватрино.

им казалось, что они слишком много теряют, и они заявили: «Мессер Бассо, мы хотим, чтобы болоньины клал один из нас». Бассо сказал: «Я буду рад этому; так у вас не будет подозрений».

Тогда один из них стал раскладывать болоньины своими чистыми и сухими руками, которые, должно быть, никогда не касались перезрелой груши. Бассо дал им несколько раз выиграть, не прибегая к своей хитрости. Когда же он сам хотел выиграть и перед ним лежал чужой болоньин, то он проводил несколько раз кончиком пальца по испорченному месту на груше и, делая вид, что он просто подвигает положенную перед ним монету, касался ее затем тем же пальцем, благодаря чему муха тотчас же садилась к нему. Впрочем, он мог бы и вовсе не трудиться, потому что нюх у мух – как у охотничьих собак; все они летели к Бассо на запах перезрелой груши или привлекаемые тем местом на столе перед ним, где обмазанный Бассо болоньин оставлял после себя кое-какой след. И, таким образом, генуэзцы, пытавшиеся поочередно сделать что-нибудь, никак не могли помешать Бассо выиграть у них при помощи портящейся груши на пятьдесят лир болоньинов, то есть он, как вы об этом уже слышали, переплутывал плутов.

Сколько раз бывает, что многие люди, постоянно занятые мыслью обмануть с помощью своих хитростей других и извлечь из их доверчивости пользу для себя, настолько уверены в успехе, что даже не предполагают, чтобы кто-нибудь другой мог обмануть их, и нисколько о том не беспокоятся. Если бы они лучше думали о своих компаньонах, которые не всегда слепы, то с ними не случилось бы того, что случилось с упомянутыми генуэзцами; поэтому нередко бывает, что обманщик оказывается обманут обманутым.

Новелла 19

Бассо делла Пенна дает проезжим, просившим у него белых простынь, грязные, а когда они жалуются на это, доказывает им что дал им белые простыни

Перезрелая груша, с помощью которой Бассо так хорошо устроил свои дела, приводит мне на память другую новеллу о перезрелых грушах, где речь идет о том же Бассо: здесь ясно показано, что он до самой своей смерти оставался остроумнейшим человеком. Но, прежде чем обратиться к ней, я расскажу две небольшие новеллы, повествующие о том, что он проделал меньше чем за два месяца до своей смерти, уже хворая постоянно трехдневной или четырехдневной лихорадкой, которая затем и свела его в могилу.

В Феррару, в его гостиницу, приехало однажды вечером несколько флорентийцев, которые, поужинав, сказали Бассо: «Бассо, мы просим тебя дать нам нынче вечером белые простыни».

Бассо отвечает немедленно: «Не стоит говорить больше; дело сделано».

Когда с наступлением ночи постояльцы улеглись в постель, они почувствовали, что простыни не надушены и грязны. Утром, встав, они сказали: «Хорошо ты услужил нам, Бассо! Вчера вечером мы так просили тебя дать нам белые простыни, а ты сделал как раз наоборот».

Бассо ответил им: «О, вот это странный случай! Пойдем, посмотрим».

И войдя в комнату, он сбрасывает одеяло и, обернувшись к приезжим, говорит: «Какие же это простыни? Что они, красные? Синие? Черные? Белые? Какой художник может сказать, что они не белого цвета?»

Купцы переглянулись и стали смеяться, говоря, что Бассо прав и что нет такого нотариуса, который записал бы, что эти простыни иного цвета, нежели белого.

Такого рода забавными выходками Бассо привлекал к себе долгое время людей, и настолько, что они не обращали внимания ни на простыни, ни на еду.

Забавная логика подобного рода полезна в каждом деле, а в особенности хозяевам гостиниц, которым приходится сталкиваться со многими людьми и из разных мест. Эта краткая новелла сделала очень многих людей, которые слышали ее, благоразумными; и я, писатель, – один из тех, которые, приезжая в гостиницу и желая получить чистые простыни, прошу всегда, чтобы мне дали простыни после стирки.

Новелла 20

Бассо делла Пенна устраивает пир, на котором не подают вина, и когда гости изумляются этому, то он успокаивает их разъяснением, но не вином

В те два месяца, о которых было сказано выше, когда Бассо уже лихорадило от болезни, сведший его в могилу, он (и это вторая новелла из тех, что я упомянул в предыдущей) хотел, по-видимому, устроить ужин, как это сделал Христос со своими учениками, и велел пригласить многих своих друзей в один из вечеров поесть вместе с ним. Приглашение было принято всеми. Явившись в назначенный вечер, гости увидели стол пышно уставленным всякими яствами. Когда же они уселись и принялись за еду, то оказалось, что стаканы стоят пустыми и слуги не наливают в них вина.

Посидев за столом, сколько было возможно, гости сказали слугам: «Дайте нам вина».

Те, словно испугавшись, смотрят по сторонам и отвечают: «Вина нет».

Тогда гости велят сказать об этом Бассо, что слуги и делают. Бассо подымается и говорит: «Синьоры, я полагаю, что вы хорошо помните о приглашении, которое было вам сделано мною: я пригласил вас поесть со мной, но не выпить, потому что у меня нет вина, которое я мог бы вам предложить или которое было бы достойно вас. А потому, кто желает пить, пусть пошлет за вином к себе домой или куда ему угодно».

Гости рассмеялись и сказали, что Бассо говорит правду, предлагая каждому, кто хочет пить, послать за вином.

Бассо был логичным и в этом случае, но это не была логика пользы, если не считать того, что он сберег на этом пире вино. Если он хотел быть бережливым вообще, то лучшей логикой было бы не приглашать гостей, потому что тогда он сберег бы и еду. Однако его склонность забавлять была настолько велика, что он был готов и согласен платить сам, лишь бы удовлетворить эту свою потребность.

Новелла 21

Бассо делла Пенна, находясь при смерти, делает совершенно необыкновенное завещание, по которому мухам ежегодно следовало давать корзину с перезрелыми грушами, и объясняет, почему он так поступает

Теперь я перейду к упомянутой выше новелле о перезрелых грушах; это последняя остроумная шутка Бассо, потому что она проделана была им в то время, когда он уже умирал. Находясь при смерти, – дело было летом, и чума⁴³ так свирепствовала, что жена не подходила к мужу, а сын бежал от отца и брат от брата, так как болезнь это была, как знает всякий, кто ее видел, очень прилипчива, – Бассо решил сделать завещание. Видя, что все близкие его бросили, он попросил нотариуса написать завещание и требовал в нем, чтобы его дети и наследники давали мухам ежегодно, в день св. Иакова в июле, корзину перезрелых груш, содержащую один стай⁴⁴ плодов, помещая ее в установленное им место. Когда нотариус заметил: «Бассо, ты вечно шутишь», Бассо возразил ему: «Пишите, как я говорю, потому что за время моей болезни меня оставили все мои друзья и родственники, все, за исключением мух. Поэтому я полагаю, что раз я им столько обязан, то бог не будет милостив ко мне, если я не воздам им по заслугам. А чтобы вы не сомневались в том, что я не шучу, но говорю правду, напишите, что если воля моя не будет исполняться ежегодно, то я лишаю наследства моих детей, и имущество мое перейдет к такому-то монашескому ордену».

43 [43] Чума – имеется в виду, быть может чума 1360 г. или еще вероятнее, 1363 г. Но чума навещала Италию в XIV в. не только в эти годы. См. красноречивое описание: чумы у Боккаччо (Декамерон, пролог к 1 дню)

44 [44] Стай – старинная мера сыпучих тел, примерно 24 литра.

В конце концов, нотариусу пришлось согласиться; так Бассо проявил свою признательность этим маленьким существам.

Вскоре после этого, когда он уже находился при последнем издыхании и был почти без памяти, к нему явилась, как обычно делают женщины, одна его соседка по имени донна Буона⁴⁵ и сказала ему: «Бассо, бог да пошлет тебе здоровья; я – твоя соседка, монна Буона».

А он, взглянув на нее, с большим трудом проговорил еле слышно: «Теперь, хоть я и умираю, я удовлетворен вполне, так как, прожив восемьдесят лет, я никогда еще не встречал доброй соседки».

При этих словах никто из окружающих не мог удержаться от смеха, и под этот смех Бассо умер.

Смерть эта огорчила меня, писателя, и много других на свете, потому что для того, кто попадал в Феррару, Бассо был необходим, как стихия. И разве признательность его к мухам не является большой признательностью? Все же его родне это был большой упрек; ведь на свете много таких людей, которые бросают в подобных случаях тех, ради чьей жизни они должны были бы пожертвовать тысячью жизней. Но такова уже наша любовь, что дети не только не жертвуют жизнью ради своих родителей, а по большей части желают их смерти, чтобы быть свободнее.

Новелла 22

Два монаха минорита попадают в одно место в Марке, где умер некий человек; один из них произносит над умершим проповедь такого рода, что тот, у кого была охота плакать, начинает смеяться

Совсем иначе, нежели Бассо, увековеченный после смерти за славу о своем остром уме, канонизован был, судя по настоящей новелле, один богатый крестьянин, умерший будто бы святым.

Не так давно умер в одной деревне в Анконской марке⁴⁶ богатый крестьянин по имени Джованни. В то время как перед его погребением все его родственники, мужчины и женщины, обретались в большом горе, плакали и желали как-нибудь особо почтить умершего, а поблизости не было монастыря, случайно проходили тем селением два монаха минорита.⁴⁷ Люди, ведавшие погребением, попросили их произнести проповедь в честь покойника. Монахи, не знавшие ни местности, ни покойника, улыбнулись друг другу и, отойдя в сторону, стали спрашивать один другого: «Хочешь ты сказать проповедь, или хочешь, чтобы сказал я?»

Вопрошаемый отвечал: «Скажи лучше ты».

Тогда первый продолжал: «Если я буду говорить проповедь, то я хочу, чтобы ты обещал мне не смеяться».

Второй согласился.

Сговорившись о порядке и часе и осведомившись об имени умершего, достопочтенный брат отправился по обычаю туда, где находился покойник и все остальные, и, устроившись так, чтобы стоять несколько выше присутствующих начал так: «Quae, qui. Под quae разумеется Янни,⁴⁸ под qui разумеется Иоанни делло Барбаджанни; я говорю вам не вздор, потому что он. летает по ночам. Синьоры и дамы, я слышу, что этот Иоанни был добрым грешником и, когда он мог избежать неприятностей, он охотно делал это. Он жил хорошо по-мирски. Он извлекал

45 [45] Буона – буквально «добрая». На этом значении имени построена шутка Бассо.

46 [46] Анконская марка – область к востоку от Флоренции; ее главный город – Анкона.

47 [47] Меньшие братья (минориты) – члены монашеского ордена францисканцев, основанного в начале XIII в.

48 [48] Янни – диалектальная форма имени Джованни Иоанни делло Барсаджанни – имя умершего крестьянина. Весь рассказ о нем напоминает известную новеллу Боккаччо о брате Чиполла (Декамерон, день VI. нов. 10) и его проповедь; quae, qui – формы латинского относительного местоимения; «которая, который».

пользу из того, чтобы служить другим, и не любил, когда ему не оказывали услуг. Он щедро прощал каждого, кто делал ему добро, и ненавидел того, кто делал ему зло. С большой любовью соблюдал он положенные праздники и, насколько я слышал, в рабочие дни остерегался зла и дурных вещей. Когда соседи его имели в чем нужду, он всегда оказывал им услуги, избегал при этом всего бесполезного для него самого. Он говел, когда приходилось плохо есть, и соблюдал целомудрие, если несоблюдение его стоило бы ему денег. Он был, говорили мне, хорошим молельщиком: ложась в кровать, он по много раз читал „Отче наш“, „Богородицу“ же по крайней мере всегда, когда звонили к вечерне в его приходе. Часто по праздничным дням он творил милостыню. Одним словом, образ жизни его и дела были таковы, что мало кто из мирян не похвалил бы их. А если бы кто сказал мне: „О брат, думаешь ли ты, что этот человек теперь в раю?“ – я сказал бы: „Не думаю.“ – „Думаешь ли ты, что он в чистилище“ – „Дай бог, чтобы он был там“. – „Думаешь ли ты, что он в аду?“ – „Боже упаси“. А потому утешьтесь и перестаньте плакать и надейтесь для умершего на то благо, на которое надлежит надеяться, моля бога даровать нам, оставшимся в живых, по милости своей долгое пребывание живыми, а мертвым – со всякими напастями, от которых избави нас *qui vivit et regnat per saecula saeculorum*.⁴⁹ А теперь покайтесь в грехах и т. д.».

Среди этого грубого и слезливого люда пошла молва, что монах сказал знатную проповедь и что он утверждал, будто покойник за святую жизнь попал на небо. А монахи ушли оттуда, получив хороший обед, с деньгами в кошельке, смеясь всю дорогу по поводу происшедшего.

Такая проповедь монашка была, может быть, более правдивой и содержательной, чем проповеди великих богословов, которые на словах помещают в рай богатых ростовщиков, зная отлично, что они бессовестно лгут. И если умрет богач, то кто бы он ни был, соверши он даже все зло, когда-либо существовавшее, между проповедью о нем и проповедью о св. Франциске не будет никакой разницы, ибо проповедники эти льстят, чтобы набить себе карман за счет невежд, оставшихся в живых.

Новелла 23

Мессер Никколо Канчельери, чтобы прослыть учтивым, велит пригласить к столу множество граждан, но раньше, чем настал день, на который гости были приглашены, скупость обуяла его, и он велит оповестить об отмене приглашения

К обману, с помощью которого этот монах посредством неясных слов заставил считать святым человека, который и близок к тому не был, не захотел прибегнуть мессер Никколо Канчельери,⁵⁰ дворянин порядочный, но весьма скупой. Желая скрыть свой порок, он, в конце концов, раскаялся и не сделал этого.

Дворянин этот происходил из Пистойи. Человек опытный и сведущий в придворных делах, он большую часть своей жизни провел при дворе королевы Иоанны Апулийской,⁵¹ в общении с нею, с синьорами и баронами того времени и той страны. Когда он вернулся в Пистойю и обосновался там, родичи стали убеждать и подбивать его, говоря: «Ах, мессер Никколо, вы достойный дворянин, но скупость вас портит. Устройте-ка богатый пир и покажите пистойцам, что вы совсем не такой скупой, каким вас считают».

И так много наговорили они ему об этом, что он еще за целую неделю распорядился пригласить на ближайшее воскресное утро всех именитых людей Пистойи к своему столу.

49 [49] Живой и царствующий во веки веков (лат.).

50 [50] Никколо Канчельери – реальное лицо, современник Саккетти. Он был посвящен в рыцари во Флоренции в 1358 г., был сыном М. Дего. подеста С.-Миньято аль Тедико в 1274 г., и отцом М Бартоломео, ректора Сан-Анастасио в 1380 г. Новелла Саккетти, вероятно, опирается на реальный факт

51 [51] Иоанна Апулийская – королева неаполитанская; правила с 1343 по 1382 г. Боккаччо читал ей свои новеллы

Однако, когда это было уже сделано и до пира оставалось пять дней и когда наступило время закупать необходимые припасы, он, раздумывая однажды ночью над своей затеей, еще больше проникся скупостью, потому что на следующий день приходилось раскошелиться, и сказал себе: «Пир этот обойдется мне во сто флоринов или больше; и даже если бы я устроил таких пиров пятьдесят, все равно, меня всегда будут считать скупым. А потому, раз самое слово „скупость“ не может исчезнуть, то у меня нет охоты тратить на все это деньги».

Так он и порешил; а наутро, лишь только встал, он позвал того самого слугу, который от его имени приглашал граждан, и сказал: «У тебя находится список, по которому ты приглашал граждан отобедать со мной; возьми его и оповести всех их об отмене приглашения так же, как ты раньше приглашал их».

Слуга говорит на это: «Что вы, синьор мой! Смотрите, что вы делаете, и подумайте, какая от этого вам будет честь».

Дворянин отвечает ему «Ладно. Ну ее к черту, честь, если она приносит убыток. Ступай и делай то, что я тебе говорю; если же кто-нибудь спросит о причине, то отвечай ему, что я не захотел зря выбрасывать деньги».

Так и пошел слуга, и так и сделал. Много дней говорили об этом в Пистойе, высмеивая названного мессера Николло. А когда насмешки дошли до него, он сказал: «Я предпочитаю, чтобы они дурно отзывались обо мне с пустыми желудками, нежели с наполненными моей пищей».

Я не знаю, что было бы хуже: то ли, что произошло, или то, что сделали бы получившие отказ гости, если бы наелись досыта. Ведь, переваривая пищу, они, наверное, еще усерднее насмеялись бы над ним, говоря: «Пусть тратит деньги и приглашает гостей, сколько угодно; все это он делает словно по принуждению, и всегда его будут считать скупым».

Дворянин остался при своем пороке, зато на него не пало бремя пира, которое было немалым. У него был недостаток, который господствует на свете у большинства людей и в такой мере, что служит, быть может, причиной самых больших зол, творящихся на земле.

Новелла 24

Мессер Дольчибене за то, что он ударил иудея, схвачен у гроба господня и помещен в синагогу <...>

Если в предыдущей новелле дворянин не захотел обманывать других и показать себя таким, каким он не был, то в этой новелле мессер Дольчибене⁵² уверил некоторых иудеев и заставил их принять без малейшего сомнения ложь за правду.

Как рассказано было выше, мессер Дольчибене отправился ко гробу господню, и так как он был человеком особенным и любил небывалые вещи, то заспорил с одним иудеем, потому что тот говорил против Христа, издеваясь над нашей верой. Спор дошел до того, что иудея мессер Дольчибене ударил несколько раз кулаком, за что его схватили и в ярости отвели в синагогу, где и заперли.

Наступила полночь, и Дольчибене чувствовал себя печальным и одиноким в своем заключении, как вдруг ему пришла охота пойти по своим телесным надобностям. Не будучи в состоянии найти иного более удобного места, он освободился от бремени посреди храма. Рано утром явилось несколько иудеев; они открыли храм, и нашли посреди его скверну. Увидев ее, они принялись кричать: «Смерть, смерть проклятому христианину, осквернившему храм нашего бога!»

Подвергшийся нападению и схваченный ими, мессер Дольчибене в великом страхе сказал: «Это сделал не я; выслушайте меня, пожалуйста. Нынче около полуночи я услышал в этом месте сильный шум; и рассматривая, что бы это могло быть, увидел вашего бога и нашего бога,

52 [52] Дольчибене – см. о нем нов. 10 и некоторые другие. На тему этой новеллы Дольчибене намекает в своей молитве богородицы (Messer Dolcibene, scrittore del sec. XIV Ave Maria. Изд F. Zambrini, Bologna, 1858, стр 50–55), конечно, без подробностей, которые в произведении подобного рода были бы неуместны

которые схватились и колотили друг друга, как только могли. В конце концов, наш бог подмял под себя вашего и так отколотил его, что он устроил на этой плите то, что вы видите».

Услышав, что говорит мессер Дольчибене и придав его словам всю ту веру, какая у них была, иудеи все разом побежали к извержениям <...>, говоря: «Вот реликвии нашего бога» <...>.

Так, оставив мессера Дольчибене, они ушли весьма довольные <...>, а затем, подумав о том, кто со всей правдивостью открыл им такую вещь, они велели выпустить его.

Мессер Дольчибене остался более довольным, нежели иудеи, так как небывалый случай способствует славе таких людей, как он; этот случай дал ему возможность получить много подарков, когда он рассказывал о нем синьорам и иным людям <...>.

Новелла 25

По приговору капитана города Форли Дольчибене кастрирует по новому способу одного священника и продает затем тестикулы его за двадцать четыре лиры болоньинами

Следующая проделка мессера Дольчибене, о которой я хочу рассказать в этой новелле, была действительной проделкой, в то время как рассказанная в предыдущей – только шуткой.

В ту пору, когда мессер Франческо дельи Арделаффи был синьором Форли,⁵³ туда явился однажды мессер Дольчибене. Названный синьор хотел в наказание кастрировать одного священника, и так как не находилось человека, который умел бы сделать это, то названный мессер Дольчибене сказал, что сделает это сам. Капитану только и нужно было того и так и было сделано. Мессер Дольчибене велел приготовить бочку и выломал у нее одно из днищ, отправил ее на площадь, приказав отвести туда и священника; в то же место пошел и сам он с бритвой и мешочком.

Когда и тот и другой явились туда, а вслед за ними и привлеченная зрелищем большая часть жителей Форли, мессер Дольчибене, приказав стащить со священника штаны, велел ему сесть верхом на бочку и опустить священные тестикулы в отверстие для втулки. Когда это было сделано он влез внутрь бочки и, разрезав кожицу, извлек то, что было нужно и положил в мешочек, а мешочек спрятал в охотничью сумку, потому что как человек хитрый, он решил нажиться на этом, что он и сделал. Измученный священник был снят с бочки и в виде каплуна посажен в клетку и там лечился в течение нескольких дней. Капитан же был весьма всем этим доволен.

Несколько дней спустя случилось, что двоюродный брат священника пришел к мессеру Дольчибене тайком и стал убедительно просить его отдать ему зернышки, за что он обещал заплатить Дольчибене так, что тот будет доволен; ведь оскопленный и лишенный их священник не может служить обедни. В ожидании этого покупателя мессер Дольчибене уже присолил и высушил их. Говорил он и торговался так долго, что получил за них двадцать четыре лиры болоньинами. Проделав это, Дольчибене с превеликим торжеством сказал капитану, что продал приготовленный товар; а о том, как потешался и ликовал капитан, невозможно рассказать. В конце концов, чтобы позабавиться, но не из скупости, которой он был враг, он сказал, что требует этих денег и что они принадлежат ему. Как мессер Дольчибене ни сопротивлялся, все же вышло так, что в лапы фараона⁵⁴ попало двенадцать лир болоньинами, ибо капитану пришлось отдать половину.

Так кончилось дело: священник ушел без зернышек, за одно из которых получил двенадцать лир капитан, а за другое столько же мессер Дольчибене.

То был прекрасный и небывалый товар. И пусть бы подобные вещи проделывались чаще; ведь от этого на свете было бы только лучше. Пусть бы повырезали их у всех других священников, чтобы, выкупая их, они несли двойные убытки; и пусть бы носили они их в

53 [53] Франческо (или Чекко) дельи Арделаффи был синьором Форли (см. прим. 3 к нов. 7) с 1385 г.

54 [54] Фараон – здесь воплощение деспотизма и насилия.

мешочке, так как те, кто в живых, не доходили бы до того, чтобы преследовать ежедневно чужих жен и содержать тайком женщин, называя их – кто подругой, кто женой, кто двоюродной сестрой. А детей, которые рождаются у них таким образом, они крестят как своих племянников, и не стыдятся того, что святые места битком набиты их наложницами и детьми, рожденными их разнузданным сластолюбием.⁵⁵

Новелла 26

Бартолино, флорентийский портной, будучи в бане в Петриуоло вместе с маэстро Томмазо дель Гарбо и маэстро Дино да Олена, учит их пускать кровь, и т. д.

Не менее мастерского свойства, чем наука мессера Дольчибене, та, о которой речь пойдет ниже и которую использовал портной Бартолино, будучи в бане в Петриуоло⁵⁶ вместе с маэстро Томмазо дель Гарбо⁵⁷ и маэстро Дино да Олена⁵⁸ и разговорившись с ними насчет разных забавных вещей, ибо они, хотя и слыли учеными людьми, были такими же весельчаками, как и Бартолино. Беседуя с обоими этими врачами, он спросил их, между прочим, умеют ли они пускать кровь из ветров. Услышав это, оба достопочтенных человека принялись так смеяться, что не могли ответить Бартолино, но, в конце концов, сказали, что не умеют, но что охотно бы научились.

Бартолино спросил их тогда: «Что бы вы заплатили за это?»

Маэстро Томмазо ответил: «Я готов в отплату лечить тебя всякий раз, как ты заболеешь».

А маэстро Дино сказал, что готов обязаться всякий раз, как ему захочется сшить себе камзол, не заказывать его никому другому, кроме Бартолино.

Тогда Бартолино сказал: «Я согласен. Будьте внимательны, я покажу вам это сейчас».

И тут же, сидя в ванной, он выпустил в воду ветры, которые, забурлив там, немедленно, поднялись кверху и образовали пузырь. Увидев пузырь, Бартолино сказал: «Теперь вам следует взять ланцет и прорезать его».

Все, кто были в бане чуть не задохлись от смеха, врачи же больше других.

Я, писатель, не знаю, что лучше: то ли, что врачи обещали Бартолино, или то, чему Бартолино научил их. Так или иначе, а Бартолино овладел их ремеслом, которое многие из них знают в той мере, в какой научил их ему Бартолино, или даже меньше.

Новелла 27

Маркиз Обиццо да Эсти приказывает шуту Гоннелле немедленно уехать и не оставаться на его земле, и что из этого выходит

Гоннелла, забавный шут, или, назовем его, придворный потешник,⁵⁹ показал маркизу Феррарскому не меньше того, что показал Бартолино. Потому ли, что названный шут совершил

---

55 [55] О том же говорит Саккетти в своей XXXIII канцоне (Il Libro d'ille Rime. Bari, 1936).

56 [56] Петриуоло – известный курорт («воды») в Сьенской провинции.

57 [57] Томмазо дель Гарбо – врач, сын знаменитого врача Дино дель Гарбо; был приором в 1362 г и гонфалоньером в 1367 г.; умер в 1370 г

58 [58] Дино да Олена – врач, приятель Петрарки; товарищ Томмазо дель Гарбо (см. нов 81).

59 [59] Пьетро Гоннелла – шут, не менее известный нежели Дольчибене, но иного типа; о нем существует цикл рассказов, относящихся к разному времени и разным лицам; в зависимости от эпохи менялся и литературный облик Гоннеллы.

какой-то пустячный проступок против маркиза Обиццо,⁶⁰ или потому, что маркиз хотел пошутить над ним, он строго-настрого приказал ему не оставаться на его земле, пригрозив, что если он останется, то он велит отрубить ему голову. Гоннелла, человек совершенно особого склада, отправился в Болонью, нанял там повозку, наложил в нее земли из Болонской области и, столкнувшись с возницей о цене, взобрался на повозку и вернулся на ней к маркизу Обиццо. Увидев возвращающегося в таком виде Гоннеллу, маркиз изумился и сказал: «Гоннелла, разве я не говорил тебе, чтобы ты не оставался на моей земле? А ты приезжаешь ко мне в повозке. Что это значит? Разве ты ни во что не ставишь меня?» И он приказал своим слугам силой взять шута.

Гоннелла ответил на это: «Синьор мой, ради бога выслушайте меня и будьте ко мне справедливы, и велите повесить меня, если я не исполнил вашего приказания».

Синьор, очень желавший выслушать шута, так как полагал, что тот приведет какой-нибудь небывалый довод, сказал слугам: «Подождите немного: пусть он скажет то, что хочет».

Тогда Гоннелла заявил: «Синьор, вы приказали мне не оставаться на вашей земле. Я отправился поэтому тотчас же в Болонью, наложил в эту повозку болонской земли, и на ней я и нахожусь в настоящее время, а не на вашей и не на феррарской».

Услышав это, маркиз, позабавившись доводами Гоннеллы, согласился с ним и сказал: «Гоннелла, ты не настоящая гоннелла:⁶¹ на этой гоннелле столько цветов и так они пестры, что у меня не хватает ни толку, ни умения против твоей хитрости. Живи, где хочешь: я признаю, что проиграл в этой игре». Благодаря своей забавной хитрости он остался в Ферраре; а повозку он вернул в Болонью. Маркиз же еще больше прежнего стал ценить его.

Таким образом, с помощью остроумного довода, на который не мог бы сослаться ни один из докторов права, Гоннелла доказал свою правоту так, что маркиз не сумел возразить против него, и Гоннелла выиграл на этом

Новелла 28

Сер Тиначчо, священник из Каstellо, устраивает на ночь вместе со своей дочерью молодого человека, думая, что это женщина, и забавная история, которая из этого происходит

Еще более необыкновенно и хитроумно проявил себя тот, кто в этой новелле, будучи мужчиной, изобразил из себя женщину.

Обращаясь к новелле, скажу: в мое время был священником одной церкви в Каstellо, во Флорентийской области, некто по имени Тиначчо,⁶² человек уже старый, имевший в прежнее время, подругой ли, недругом ли красивую молодую женщину из Борго Онъисанти; от нее у него была дочь, девушка, бывшая в ту пору, о которой идет речь, большой красавицей и уже на выданье; молва шла повсюду, что она племянница священника и очень хороша собой.

Не очень далеко от того места, где жила девушка, жил молодой человек, об имени и семье которого я умолчу. Несколько раз встретив девушку и влюбившись в нее, он, чтобы побыть с ней, придумал тонкую хитрость, которую и привел в исполнение. Однажды вечером, в дождливую пору, в поздний час, он переделался крестьянкой, повязал на шею повязку, наложил под грудь соломы и тряпок, чтобы походить на беременную женщину и иметь вздутый живот, и отправился в церковь исповедоваться, как это делают женщины, когда приближается время родов. Когда он пришел в церковь, было уже около часа ночи. Он постучался в дверь и, как

---

60 [60] Обиццо – маркиз Обиццо III д'Эсте (1294–1352 гг.); синьор Феррары с 1335 и Модены с 1336 г.

61 [61] Gonnella значит «юбка», тут игра слов.

62 [62] Тиначчо – видимо, персонаж, не имеющий прототипа, хотя его пытались отождествить с Тиначчо, приором Колоннаты, упоминаемым в документе 1343 г.

только вышел причетник, спросил священника. Причетник отвечал ему: «Он пошел недавно причастить одного человека и скоро вернется».

Беременная женщина сказала: «Ах, я несчастная! Вся-то я истомилась!»

И поминутно вытирая себе лицо полотенцем, больше для того, чтобы не быть признанной, чем от того, что лицо потело, она присела, тяжело дыша, и сказала: «Я подожду его, потому что из-за бремени мне будет трудно прийти снова; и даже если богу угодно будет поступить со мною иначе, я не х.*чу откладывать своего дела».

Клерик ответил ей: «Оставайся в добрый час».

И она стала ждать, а священник вернулся в час ночи. Приход его был велик, и у него было немало прихожанок, которых он не знал. Когда он увидел в полумраке мнимую женщину, то та, тяжело дыша и вытирая себе лицо, сказала, что ждала его, объяснив как и что. Священник стал исповедовать ее. Мужчина, превратившийся в женщину, исповедовался очень долго, чтобы дотянуть до глубокой ночи. Отысповедовавшись, он начал вздыхать, говоря. «Ах, я несчастная! Куда мне идти теперь ночью?» Сер Тиначчо ответил на это: «Это было бы глупо; ночь стоит темная, накрапывает дождь, и, кажется, он усиливается. Не ходите никуда; оставайтесь на ночь с моей племянницей, а завтра рано утром вы пойдете к себе».

Когда мужчина, превратившийся в женщину, услышал это, ему показалось, что он на пути к цели, и, так как ему очень хотелось того, о чем говорил священник, он ответил: «Батюшка, я сделаю как вы мне советуете, потому что я так запыхалась, идя сюда, что, думаю, не могла бы пройти и ста шагов, не подвергая себя большой опасности. А погода плохая, и на дворе ночь, так что я сделаю, как вы говорите. Прошу вас только об одном: если муж мой что-нибудь станет говорить, заступитесь за меня».

Священник ответил на это: «Это уж предоставьте мне».

Мнимая женщина пошла на кухню, куда ее послал священник, и стала ужинать вместе с его племянницей, поминутно утирая полотенцем лицо, чтобы скрыть его. Поужинав, они улеглись на кровать в комнате, которая отделялась от комнаты сера Тиначчо одной только дощатой перегородкой. Едва настало время первого сна, как молодая женщина принялась ощупывать у девушки груди. Девушка между тем уже успела заснуть; а рядом слышно было, как громко храпел священник. Когда беременная женщина привалилась к девушке и та почувствовала, кто поднимается на нее, она стала звать сера Тиначчо, говоря: «Это мужчина».

Ей пришлось позвать священника больше трех раз, прежде чем он проснулся. Наконец, она в четвертый раз проговорила: «О сер Тиначчо, это мужчина».

Сер Тиначчо, совсем сонный, спросил: «Что ты говоришь?» – «Я говорю, что это мужчина».

Сер Тиначчо, решив, что женщина родила мальчика, сказал ей: «Помоги ему, помоги ему, дочка».

Девушка несколько раз повторила: «Сер Тиначчо, о сер Тиначчо, я вам говорю, что это мужчина».

На что священник каждый раз отвечал: «Помоги ему, дочка! Помоги ему, благослови тебя бог!»

Будучи усталым, сер Тиначчо, словно сраженный сном, снова уснул, девушка же, уставшая от беременной женщины и желавшая спать, и к тому же, как ей казалось, побуждаемая священником помочь тому, о ком она говорила, провела эту ночь, как могла. На рассвете молодой человек, удовлетворивший свое желание, сколько ему хотелось, открылся девушке, которую теперь не приходилось уже больше упрашивать, и рассказал ей, кто он такой и как он, восплавав к ней любовью, превратился в женщину только ради того, чтобы побыть с ней, которую он любит больше всего в мире, и в виде залога, встав с кровати и уходя, оставил ей денег, которые были у него при себе, предложив ей считать их своими. Затем он уговорился о том, как им видеться почаще на будущее время, и, наконец, после многих поцелуев и объятий на прощанье сказал ей: «Когда сер Тиначчо спросит тебя, что случилось с беременной женщиной, скажи ему: „Она родила нынче ночью, когда я звала вас, ребенка мужского пола, и ушла вместе с ним рано утром"».

Когда беременная женщина ушла, оставив солому, которую она носила на груди, в тюфяке сера Тиначчо, поднялся названный сер Тиначчо, прошел в комнату девушки и спросил:

«Что это за беда случилась нынче ночью, что ты не давала мне спать? Всю ночь только и слышно было: сер Тиначчо да сер Тиначчо. Ну, ладно, в чем было дело?»

Девушка ответила ему: «Та женщина родила славного ребенка мужского пола».

– «А где же он?»

Девушка сказала: «Нынче утром рано-раненько она ушла с ребенком; думаю, больше от стыда, чем от чего другого».

Сер Тиначчо отозвался на это: «Ах, она такая-сякая! Тянут они до той поры, пока не принесут ребят, где попало. Если я ее признаю или узнаю, кто ее муж, – это, наверно, какой-нибудь дрянной человек, – уж я изругаю его».

Девушка заметила на это: «Это будет очень хорошо, потому что и мне она не дала уснуть всю ночь».

Тем это дело и кончилось.

С этой поры для соединения планет уже не требовалось слишком много всяких хитрых выдумок, ибо после случившегося они часто бывали вместе; священник же получил тот товар, каким они платят другим. И вот, раз уж нельзя посчитаться с ними на их женах, то пусть все они будут обмануты в лице своих племянниц или в лице своих дочерей, подобно тому как это произошло с дочерью Тиначчо, потому что он был одним из самых больших и примечательных обманщиков, о которых когда-либо было слышно. Я полагаю, что невелик был грех молодого человека, провинившегося перед теми, кто под покровом религии совершают каждый день множество покушений на чужое добро.

Новелла 29

Один французский рыцарь маленького роста и толстый, отправившийся послом к папе Бонифацию, опускаясь перед ним на колено, испустил ветер, но загладил свой промах остроумным словцом

Я выйду теперь немного за пределы тех выдумок и хитростей, о которых речь шла выше, и обращусь к забавному словцу, брошенному одним французским рыцарем перед папой Бонифацием VIII.⁶³

Некий почтенный французский рыцарь был отправлен вместе с другим послом к папе Бонифацию; рыцарь этот звался Гириберто,⁶⁴ он был маленького роста, полный и столь тучный, насколько можно быть таким. Когда настал день выполнения данного ему поручения, рыцарь, как человек непривычный к подобным делам, спросил кого-то, каким образом обычно приветствуют папу, если к папе является человек, равный ему, рыцарю, по положению. Ему было сказано, что нужно трижды преклонить колено таким-то образом. Осведомившись обо всем, рыцарь в тот же день отправился к папе, чтобы передать ему возложенное на него поручение. Желая сделать это более ловко, чем то позволяла его особа, он преклонил колено в первый раз; хотя это и было для него затруднительно, тем не менее он вышел из положения. Когда же он стал опускаться на колено во второй раз, то затруднения, преодоленные в первый раз, увеличили затруднения второго; он хотел опуститься быстро, но не мог, и это привело к тому, что нижняя часть туловища дала себя услышать. Видя, что он осрамился, рыцарь тотчас же нашелся, и, упершись руками в бока, сказал: «Дайте мне говорить, чтоб вам всякое лихо от бога!»

Папа слышавший все, не исключая забавного словечка посла, сказал: «Говорите то, что хотите, ибо я слушаю вас внимательно».

И когда рыцарь подошел к сидевшему на возвышении папе, то папа встретил его с

---

63 [63] Бонифаций – папа Бонифаций VIII (с 1294 по 1303 г.), являющийся столь значительной фигурой в «Божественной комедии» Данте и в хрониках Дино Компаньи и Джованни Биллани; в новеллах Саккетти он представляется совершенно бессодержательной фигурой. См. также нов. 35 и 126.

64 [64] Гириберто – очевидно, испорченное франц. Gilbert.

большим удовольствием. Рыцарь изложил то, что ему было поручено, и так как это было передано двумя устами, то он легче добился от папы того, о чём просил.

Уменьше этого рыцаря быстро найти выход из положения следует похвалить. Почувствовав себя невольно посрамленным, он тотчас же прибегнул к упомянутому средству, ибо у него не было ни какого-либо другого подобного, ни более забавного. А сколько бывало случаев, когда иные ученые люди, являвшиеся послами к папе, не имея никакого основания чувствовать себя пристыженными чем-либо, приходили, не зная сами почему, в такое смущение, что лишь с большим трудом и после долгого промежутка времени приходили в себя.

Новелла 30

Трое послов, съенские рыцари, и один оруженосец отправляются к папе. Они назначают докладчиком оруженосца; причина, по которой они это сделали, и что отсюда к удовольствию их воспоследовало

Отнюдь не меньше решительности, нежели французский рыцарь, проявил съенский посол, смело передавший папе то, что ему было поручено.

Во времена папы Григория X⁶⁵ в Съене было постановлено отправить к нему торжественное посольство, для этой цели избрали трех рыцарей и некоего человека, который не был рыцарем, но считался самым лучшим оратором в Съене, если он, прежде чем доложить порученное ему дело, выпивал три или четыре раза доброго вина; если же он не выпивал таким порядком, то не мог сказать и простой гобболы.⁶⁶ Такая благоприобретенная привычка или природное свойство кажется мне, писателю, одним из самых странных и необычных, о которых когда-либо можно было услышать.

И вот, пустились эти четыре съенских посланца в путь и прибыли в Рим ко двору. В то утро, когда они должны были передать папе данное им поручение, они собрались в гостинице отдельно, и один из рыцарей стал спрашивать товарищей: «Кто же будет говорить?» На это второй сказал: «То есть... А кто же не знает, кому говорить? Пусть говорит такой-то». Тогда названный стал отказываться, ссылаясь на то, что он не рыцарь и что говорить ему – значит осрамить других товарищей по посольству, которые были рыцарями, и что передавать порученное им он ни в коем случае не хочет.

Словом, сколько он им не рассказывал про всяких Берт и Бернардо,⁶⁷ пришлось ему все-таки по настоянию всех трех послов согласиться выступить докладчиком. По обыкновению было послано за лучшим местным вином и за печеньем. После того как докладчик выпил трижды, все они отправились выполнять данное им поручение, что и было затем отлично сделано оруженосцем, как это он делал обыкновенно. После того, будучи отпущены папой на все утро, они вернулись в гостиницу. Когда посланцы, уединившись, завели между собой разговор, докладчик спросил рыцарей: «Не знаю, ладно ли и по душе ли вам я говорил».

Рыцари ответили ему: «Ты говорил несомненно лучше, чем когда-либо».

Докладчик заметил тотчас же: «Клянусь святой божьей кровью, если бы я выпил еще разок, я бы даже по лицу его ударил».

Нельзя передать, сколько смеялись кавалеры над тем, что сказал их товарищ. А докладчик доказал, что, раз у человека не хватает духу, то, не решаясь быть смельчаком, он никогда не сможет говорить хорошо.

---

65 [65] Григорий X – папа с 1272 по 1276 г. Возможно, однако, что вместо Григорий X надо читать: Григорий XI, так как новелла носит современный Саккетти характер. Эта незначительная повесть направлена против съенцев, над которыми флорентийцы любили смеяться.

66 [66] Гоббола – короткая канцона; здесь – в значении очень короткого рассказа.

67 [67] Берта и Бернардо. Берта – легендарная мать героя французского эпоса – Роланда; Бернардо дель Каопио – герой испанского эпоса, победитель двенадцати паладинов, о которых рассказывалось много в рыцарских повестях. Здесь: «сколько и чего только он им ни рассказывал».

И действительно, верно: когда кто-нибудь говорит, он должен быть уверен в себе и решителен, потому что от страха слова всегда не идут; если же кто не теряется и смел перед верховным первосвященником, то редко, или даже никогда не бывает, чтобы он не говорил смело и перед любым синьором.

Новелла 31

Двое послы из Казентино отправлены к епископу Гвидо Ареццкому; они забывают то, что им поручено сделать и что сказал им епископ, а по возвращении им оказывают большие почести за хорошо исполненное поручение

Если в предыдущей новелле слово или красноречие посла становилось богаче от выпитого вина, то в нынешней новелле я покажу, как двое послы – от выпитого ими хорошего вина почти лишились и той небольшой памяти, которую имели.

Когда епископ Гвидо был синьором Ареццо,⁶⁸ в коммунах Казентино выбрали двух послы, чтобы отправить к нему и просить его о некоторых вещах. После того как им наказали, что сказать епископу, однажды поздно вечером им был дан приказ наутро тронуться в путь. Поэтому, вернувшись вечером домой, они уложили свои дорожные сумки, и наутро отправились в предписанное им путешествие. Когда посланцы проехали несколько миль, один из них сказал товарищу: «А ты помнишь поручение, которое нам было дано?»

Товарищ его ответил, что не припоминает его.

Тогда первый сказал: «Ах, а я положился на тебя».

На что второй ответил: «А я на тебя».

После этого они переглянулись между собой, и один из них проговорил: «Хороши же мы! Что нам теперь делать?»

На что товарищ его заметил: «Вот что. Мы скоро приедем к обеду в гостиницу и там сообразим вместе; не может быть, чтобы память к нам не вернулась».

Первый сказал тогда: «Ты прав». И так, продолжая подвигаться вперед и путаться в воспоминаниях, они доехали в третьем часу до гостиницы, где должны были пообедать; но и здесь, думая и передумывая до тех пор, пока не наступило время отправиться к столу, они ничего не могли припомнить.

Когда они пришли к обеду и уселись за стол, им подали отменнейшего вина. Послы, предпочитавшие пить вино, нежели вспоминать о поручении, принялись за осаду бутылок, а там: пей да пей, хлопни да хлопни, – словом, когда кончился обед, они не только не вспомнили того, что им было поручено, но перестали даже понимать, где они находятся, и отправились спать. Проспав порядочно, послы проснулись совершенно одуревшими. Один спрашивает другого: «Ты еще помнишь о нашем деле?»

А второй отвечает ему: «Ничего не знаю; я помню только, что вино у здешнего хозяина лучшее из всех, которые я когда-либо пивал. После обеда я очнулся только теперь; да и сейчас еще едва соображаю, где нахожусь».

Тогда первый подтвердил: «То же самое скажу тебе и я. Ладно! Что же мы теперь будем делать? Что мы скажем?»

Кончилось тем, что один из посланцев сказал: «Переночуем здесь; быть не может, чтобы за ночь мы не припомнили нашего дела (ведь ты знаешь, что ночь проясняет мысль)».

На этом послы и порешили. Они пробыли там весь тот день, мысленно переносясь частенько в Башню виноградных выжимок.⁶⁹ Вечером за ужином они усердствовали больше

---

68 [68] Гвидо деи Тарлати – синьор и епископ Ареццо, в 1327 г. участвовавший в призыве в Италию Людовика Баварского; в 1323 г. подвергся папскому отлучению. Гвидо неоднократно воевал с флорентийцами и другими тосканцами. Умер в 1327 г. См. о нем нов. 161. Данная новелла, подобно предыдущей, содержит насмешки флорентийца над соседями и соперниками.

69 [69] Башня виноградных выжимок (Torre a Vinacciano) – разумеется состояние опьянения.

около стекла, чем около дерева,⁷⁰ а когда поужинали, то едва понимали друг друга. Затем пошли спать, и всю ночь прохрапели, как свиньи. Утром, когда послы встали, один из них спросил другого: «Что же нам делать?»

Товарищ его отвечал: «Накажи нас бог! Если я этой ночью ничего не припомнил, то не думаю, что припомню когда-либо что-нибудь».

Тогда первый сказал: «Вот-те евангелие, чувствуем мы себя хорошо: я не знаю, в чем тут дело, вино ли это или что другое, но я никогда не спал так крепко, без просыпу, как нынче ночью в этой гостинице».

«Что же это, черт возьми, значит? – сказал другой. – Сядем на коней и поедем с богом; может быть, припомним в чем дело, по дороге».

Так они и отправились, часто спрашивая в пути друг друга: «Что, ты припоминаешь?»

А другой говорит: «Нет, не припоминаю».

– «И я тоже».

Таким образом, прибыли они в Ареццо и направились в гостиницу. «здесь послы неоднократно усаживались в сторонке, подпирая голову руками, но никак не могли ничего припомнить. Один из них сказал тогда в отчаянии: „Пойдем, с богом!“

Товарищ его ответил: «Ах, что же мы скажем, если не знаем, что сказать?»

Первый сказал тогда: «Так же не может оставаться дело».

Положились они на судьбу и пошли к епископу. Придя к нему, они засвидетельствовали ему свое почтение, и на этом застряли, не будучи в состоянии продолжать. Епископ, человек умный, поднялся, подошел к ним, и, взяв их за руки, сказал: «Добро пожаловать, дети мои! Какие у вас вести?»

Послы переглянулись и сказали друг другу: «Говори ты!» – «Говори ты!» Но никто не говорил. Наконец, один из них решился: «Мессер епископ, мы направлены послами к вашей милости вашими слугами из Казентино. И те, что нас послали, и мы, посланные, мы, люди серые. Дали они нам поручение вечером наспех; так или иначе, либо они не сумели разъяснить нам дело, либо мы не сумели его понять. Просим вас ласково взыскать своей милостью эти коммуны и жителей их... – чтоб меч поразил тех, кто нас послали, да и нас, которые сюда пришли» (последние слова были произнесены, конечно, вполголоса).

Епископ, человек мудрый, положил им руки на плечи и сказал: «Ну, ступайте, и скажите детям моим, что все возможное для блага их я всегда готов сделать. А потому пусть они впредь не расходуются на посылку послов; пусть всякий раз как им что-нибудь понадобится, пишут мне; я отвечу им письменно».

После всего этого, простившись с епископом, послы отъехали.

На обратном пути один из них сказал товарищу: «Ну-ка, как бы с нами при возвращении не случилось того же, что было, когда мы ехали сюда».

На это товарищ заметил: «А что же такое нам нужно помнить?»

Тогда первый возразил: «А все-таки нужно подумать, потому что нам придется сказать то, что мы изложили епископу, и то, что он нам ответил. Ведь если наши казентинцы узнают, что мы забыли их поручение и вернулись к ним наподобие беспамятных, то они не то что никогда не пошлют нас послами, но даже не доверят нам никакой должности».

На это второй, который был похитрее, ответил: «Предоставь подумать об этом мне. Я скажу, что, когда мы рассказали порученное нам епископу, он милостиво изъявил свою полную готовность сделать, что можно, на наше благо и, сверх того, из любви к нам прибавил, чтобы мы всякий раз, когда будет нужда в нем, не беспокоились, а для сокращения расходов просто отправили ему письмо, и прекратили бы посылку послов».

На это первый заметил: «Ты хорошо надумал. Поедем-ка поскорей, чтобы пораньше добраться, знаешь, до того вина».

После этого, пришпорив коней, послы добрались до гостиницы, а когда подъехали к ней и явился слуга, чтобы подержать им стремя, то они не потребовали, чтобы он позвал хозяина, или сообщил им, что сегодня к обеду, но с первого же слова спросили, что случилось с хорошим вином. Слуга ответил на это: «Оно теперь стало лучше, чем было раньше».

70 [70] Под стеклом следует понимать бутылки, под деревом – деревянную посуду.

И прежде чем тронуться в путь, они нагрузились вторично не меньше, чем в первый раз, а так как в гостинице собралось много питухов из округа, то вина в бочке оставалось только на самом дне и ее пришлось приподнимать. Огорченные этим, приподнялись также и послы и вернулись наконец к пославшим их, запомнив тверже придуманную ими ложь, чем прежнюю правду. Рассказывая о том, какую прекрасную речь они держали перед епископом, они дали понять, что один из них был Туллим, ⁷¹ а другой – Квинтилианом. ⁷² Их очень похвалили, и впредь назначали на разные должности, так что они бывали неоднократно и синдиками, и массаями. ⁷³

О, как часто случается такое и не с одним лишь мелким людом, а и с людьми побольше их, которых посылают постоянно послами; и как часто бывает с ними, что в порученных им делах они смыслят столько же, сколько султан в делах французских. И они пишут и говорят, что не передыхали ни днем, ни ночью и работали все время усерднейшим образом и что решительно все – дело их рук. Они говорят, что все приспособляли и во всем принимали участие, между тем проку от них часто бывало столько же, сколько от пня. И те, кем они были посланы, хвалят их и награждают крупнейшими должностями и иными наградами, потому что большинство этих людей уклоняется от истины, в особенности тогда, когда они видят, что из доверия к ним они могут извлечь большую пользу.

Новелла 32

Некий доминиканец, проповедовавший в одной из областей Тосканы в великом посту, видя, что никто не приходит его слушать, находит выход из положения, обещая доказать, что ростовщичество не есть грех, вследствие чего множество людей стекается к нему и оставляет других проповедников

Гораздо лучшую басню, чем казентинские послы, сумел сочинить монах, о котором я расскажу в этой новелле.

Один доминиканец, проповедуя по обычаю в великом посту в различных местах одной из больших областей Тосканы и видя, что к другим проповедникам, как это часто случается, стекается много народа, а к нему почти никто, сказал однажды в среду утром с кафедры: «Синьоры, я уже с давних пор вижу, что все богословы и проповедники заблуждаются в одном, а именно: они проповедуют, что давать займы есть ростовщичество и величайший грех и что все, кто ссужает, будут осуждены. Я же, насколько могу понять и насколько изучил дело, убедился, что давать займы не есть грех. И для того, чтобы вы не подумали, что я шучу или прибегаю к тонким логическим аргументам, я скажу вам прямо, что в действительности дело обстоит как раз наоборот тому, о чем они всегда говорят в проповедях. И чтобы вы не подумали, что я рассказываю вам басни, так как тема эта важная, то в воскресенье утром, если у меня будет время, я скажу по этому поводу проповедь; если же у меня не будет времени, то я скажу ее в другой день, который мне подойдет, так что вы будете довольны и перестанете заблуждаться».

Услышав это, одни стали о чем-то перешептываться, а другие что-то бурчать про себя. По окончании проповеди все выходят из церкви. Повсюду идут разговоры. Каждый думает: «Что это значит?» Заимодавцы – довольны, должники – опечалены; те, кто не давал в долг, начинают ссужать. Одни говорят: «Это достойнейший человек», другие – что он дурак. Того, чтобы можно было давать деньги в рост, не говорил еще никогда никто.

Словом, вся округа ожидала утра воскресенья, и когда оно настало, так как прихожане

---

71 [71] Туллий – Марк Туллий Цицерон (104 – 43 гг. до н. э.).

72 [72] Марк Фабий Квинтилиан – знаменитый римский ритор (род. ок. 35–95 гг. н. э.). Имена Цицерона и Квинтилиана приводятся Саккетти как имена самых знаменитых представителей ораторского искусства.

73 [73] Синдики – старшины цеха, городские старшины. Массай – выборные должностные лица.

всегда падки до всего нового, то все побежали занимать места, а остальным проповедникам пришлось проповедовать перед пустыми скамьями. В прежнее время слушавшие сидели у названного доминиканца так редко, что расстояние между ними было в несколько локтей; теперь же было так тесно, что люди задыхались; а это и было как раз то, чего он желал.

Взойдя на кафедру и прочитав «Богородицу», он, чтобы не нарушить порядка проповеди, выбрал текст из Евангелия и начал: «Я скажу сперва о некоторых моральных вопросах, потом прочту евангельский рассказ на нынешний день и наконец несколько отрывков из евангелия для назидания нашего, как того требует предмет, а потом уж поговорю о ростовщичестве, как я вам это обещал». Произнося свою пространную проповедь, достопочтенный монах потратил много времени на отрывки из Евангелия; и когда дошел до той ее части, где речь шла о ростовщичестве, то время было уже позднее, а именно миновал третий час. Монах сделал это нарочно, чтобы успокоить народ. Затем он продолжал: «Синьоры, Евангелие подвело меня нынче утром: так как оно очень содержательно и скрытый смысл его глубок, как вы слышали, то я зашел настолько далеко, что нынче утром у меня не хватит времени сказать о том, что я вам обещал. Но потерпите: в следующие разы по утрам я не стану проповедовать так долго. И когда у меня будет время, я скажу вам проповедь об обещанном; я жду не дождусь случая вывести вас из вашего заблуждения».

И, таким образом, он кормил людей обещаниями изо дня в день вплоть до следующего воскресенья, в которое народу собралось еще больше, чем в первый раз. Взойдя на кафедру и прочтя свою проповедь, он сказал: «Синьоры, я знаю, что такое множество людей находится здесь только потому, что они хотят слушать о том, о чем я несколько раз говорил вам, а именно о даче денег взаймы. Но я прошу извинения. Так как я хворал тут немного лихорадкой, то простите меня на нынешнее утро: приходите втакой-то день, и, если бог будет милостив, я скажу вам об этом проповедь».

Так, прося извинения то по одной, то по другой причине, он заставлял людей приходить к себе в течение всего великого поста, держа их в ожидании вплоть до вербного воскресенья. В тот день он сказал: «Я столько раз уже обещал вам сказать о такой-то вещи, что нынче утром не хочу умолчать о том, что вам обещал. Вы знаете, синьоры, что милосердие угодно богу, как всякая другая добродетель, если не больше. Милосердие же есть не что иное, как помощь ближнему, а давать деньги взаймы значит – помогать. Поэтому я говорю, что давать деньги взаймы можно и что это позволено; и даже больше того: тот, кто дает взаймы, имеет заслугу перед богом. В чем же грех? Где же грех? Он в том, чтобы получать обратно следуемые деньги. А потому давать деньги взаймы и не получать их обратно есть не только не грех, но величайшее милосердие. Например, кто-нибудь дает кому-нибудь сто флоринов и в известный срок получает сто флоринов, но не больше. Такая ссуда и получение денег позволены и очень угодны богу и были бы ему еще более угодны, если бы ради любви или милосердия деньги не получались, а оставлялись добровольно должнику. Отсюда вы, таким образом, заключаете, что ростовщичество состоит в получении большей суммы, чем данный взаймы капитал, так что грех при долговом обязательстве заключается не в ста флоринах, а в том, что возвращается сверх полученного взаймы капитала. И благодаря этому-то небольшому количеству денег пропадает милосердие, состоящее в передаче ста флоринов, а кроме того – услуга и добро, которые оказаны просившему человеку, и обращается в вещь недозволенную и обязательное возмещение. А посему, братья, в заключение я говорю и утверждаю, что давать деньги взаймы не есть грех; великий же грех в том, чтобы получать обратно свыше данной взаймы суммы. И с этим идите и ссужайте смело. Вы можете давать взаймы без всяких сомнений тем способом, о котором я говорил, но остерегайтесь получать деньги обратно; поступая так, вы будете сынами отца вашего, иже на небесах».

После этого он сделал общую проповедь, которой не поняли и не слушали потому, что все в церкви шептались и шушукались. А кое-кто и смеялся громко, говоря: «Хорошую штуку сыграл он с нами! Весь великий пост мы приходили, чтобы послушать эту проповедь, а нынче утром пришли сюда до рассвета. Чтоб ему от меча погибнуть! Это, наверное, какой-нибудь плут».

То тут, то там раздавался шум. Несколько дней в округе только и речи было, что о проповеди. Монах этот был, пожалуй, почтенный человек, потому что он показал или хотел

показать людям, что они легкомысленны, предпочитая бегать и слушать всякий вздор и небывалые вещи, чем священное писание, а также что они охотно ходят слушать тех, кто говорит им о вещах, которые им по вкусу. На проповедь монаха побежали заимодавцы и те, кто охотно давали бы деньги взаймы; и они-то и оказались осмеянными, как того заслуживали. Хотя они и были готовы к нападкам и составили себе такое понятие, будто бог всего этого не видит и не понимает, и окрестили ростовщичество различными именами, как например уплата за просрочку платежа, лихва, рост, размен с лихвой, польза, ростовщические сделки, перекупка и многие другие, однако дела эти – величайшее заблуждение, потому что ростовщичество заключается не в названии, а в деле.

Новелла 33

Епископ Марино отлучает от церкви Дольчибене, а когда, снимая отлучение, ударяет его слишком сильно палкой, мессер Дольчибене поднимается и, прямяв епископа, основательно его колотит

Подобно тому как в прошлой новелле доминиканец поглумился над большим числом людей, так в этой мессер Дольчибене⁷⁴ хотел несомненно отомстить одному епископу.

Итак, когда Дольчибене прибыл в одно из владений Малатесты⁷⁵ в Романье, некий епископ Марино,⁷⁶ потому ли что Дольчибене совершил какой-нибудь проступок или потому, что он хотел позабавиться над ним этим путем, отлучил его от церкви или сделал вид, что отлучает. А так как названного епископа это потешало более, чем синьоров Малатеста, то он не желал снимать отлучения и заставлял его ждать, между тем Дольчибене было очень нужно вернуться во Флоренцию, и он старался добиться снятия отлучения. Случилось так, что один из синьоров, которые уговорились предварительно насчет этого между собой, сказал шуту: «Я так настроил епископа, что он снимет с тебя отлучение. Являйся завтра утром непременно в такую-то церковь, и он проделает с тобой все, что нужно».

Шут ответил, что придет.

Синьор, который уговорился, что епископ так ударит Дольчибене, что ему станет больно, пошел утром в ту же церковь и стал за алтарем, как будто он тут не при чем. Мессер Дольчибене явился туда же и пристроился подле синьора. В это время в одну из капелл вошел епископ и стал поджидать, что приятель подойдет к нему. Синьор сказал тогда мессеру Дольчибене: «Епископ здесь. Ступай поскорее!» Тот пошел и, приблизившись к епископу, стал на колени. Епископ, державший в руках тонкую палку, отысповедовав его, сказал: «Читай „Помилуй мя, боже, по велицей милости твоей“».

Несколько раз повторил Дольчибене, как обычно делается, эти слова; епископ же орудовал палкой, словно расплачивался за что-то с шутом. И вот в то время как епископ произносит: «Читай „Помилуй мя, боже, по велицей милости твоей“ и ударяет палкой, мессер Дольчибене вдруг подымается на ноги и, проговорив одним духом: «И по великому множеству кулачных ударов», тотчас же приминает его и начинает колотить. Отколотив епископа, как ему хотелось, он бросился за помощью к синьору, стоявшему поблизости и все видевшему.

Когда же слуги епископа погнались за Дольчибене, чтобы схватить его, то синьор, приняв смущенный вид, сказал: «Отведите его ко мне в дом, потому что я сам накажу его за это».

А сказал он это для того, чтобы утешить епископа и вырвать Дольчибене из его рук. Услав схваченного Дольчибене, синьор приблизился к епископу и сказал: «Ну, как обстоит дело?»

---

74 [74] Дольчибене – см. прим. к нов. 10.

75 [75] Малатеста – см. о них прим. 2 и 3 к нов. 10.

76 [76] Марино – известный епископ (ок. 1366–1376 гг.) Фиттанова. Другой епископ Марино упоминается в 1326 г., но вполне возможно, что для Саккетти Марино – лишь литературный персонаж.

А. епископ ответил: «Per Corpus Christi, quod cacavit eura sathana».⁷⁷

Избитый таким образом, епископ вернулся в свою резиденцию; а мессер Дольчибене просидел спрятанный несколько дней у синьора. Наконец, синьор намекнул как-то епископу, что он так пытал Дольчибене на дыбе, что тот, пожалуй, никогда не будет владеть руками; Дольчибене же он велел повязать тело полотенцем и перевязать руку; епископ при виде этого как будто совсем успокоился.

Примерно через неделю после того, когда епископу пришлось служить краткую мессу, Дольчибене, предупредив синьора, который также явился в церковь и стал в сторонке, пришел к обедне в самом начале, стал, насколько можно было, вперед и, в то время как епископ хотел принять тело Христово, заявил: «Этот человек не прочитал сегодня утром даже „Отче наш“ св. Юлиана».⁷⁸

Поняв, что этот дьявол в церкви, и услышав его словцо, епископ, державший в это время в руках чашу, так расхохотался, что чаша едва не выпала у него из рук. После обедни, когда мессер Дольчибене уже ушел вместе с синьором, епископ в это же самое утро простил шута и потом так с ним подружился, что почти не мог без него жить. Синьор же, видя, что дело идет так, как ему того хотелось, был очень доволен.

Итак, одно думает лакомка, другое – трактирщик. Епископ рассчитывал поколотить, а не рассчитал, что сам получит по щекам, как вы об этом слышали. И, пожалуй, как епископа его не худо было проучить совершенно так же, как и мессера Дольчибене. Ни в шутку, ни всерьез, не следует вообще слишком огорчать грешника, когда он кается в грехах, потому что в делах священных шутить не годится; и вот за то, что епископ распорядился палкой сверх положенной меры, он получил поделом, о чем впредь никогда больше не забывал.

Новелла 34

Феррантино дельи Ардженти из Сполето, находясь в Тоди на службе у церкви, выезжает однажды за город; затем, вернувшись в город совершенно промокший от дождя, он заезжает в один дом, где находит у огня много всякой еды и молодую девушку, и в этом доме остается целых три дня, живя в свое удовольствие

Совершенно иначе наказал⁷⁹ Феррантино дельи Ардженти⁸⁰ из Сполето одного каноника в Тоди. В то время когда кардинал дель Фьеско⁸¹ правил Тоди от имени церкви, он держал там наемных солдат; среди них находился некто по имени Феррантино дельи Ардженти из Сполето. И я, писатель, и многие другие видели его во Флоренции в 1390 году или около того экзекутором и его легко можно было узнать по тому, что он ездил тогда на коне, на котором была пара таких огромных подпруг, что ремни их были, наверное, шириной в четверть локтя.

Однажды, когда какой-то дворянин из Тоди захватил один из замков в Тодинской области, всем наемникам пришлось двинуться к нему на конях; между ними находился и названный Феррантино. Когда они, не будучи в состоянии овладеть замком, но причинив окружающей его местности всевозможный вред, возвращались в Тоди, полил сильнейший дождь, от которого все промокли и сильнее всех других промок Феррантино; его одежда казалась сделанной из

77 [77] Клянусь телом Христовым, что сатана его испачкал испражнениями (лат.).

78 [78] Отче наш св. Юлиана – см. «Декамерон» (день II, нов. 2): «Кто не прочел Молитвы св. Юлиану, находит плохой приют и при наличии удобной постели».

79 [79] Имеется в виду наказание, придуманное шутом Дольчибене (см. нов. 33).

80 [80] Феррантино Массиоли из рода графов де Кампелло да Сполето был экзекутором во Флоренции с апреля по сентябрь 1389 г.; Саккетти лично его знал.

81 [81] Кардинал Джованни дель Фьеско, генуэзец по происхождению.

садиранды⁸² настолько она стала гладкой и блестящей. Таким промокшим въехал он в Тоди. Сойдя с коня у домишка, который он снимал, и приказав своему пажику убрать коней на конюшне, Феррантино пошел сам искать по дому огня или дров, чтобы развести его; но ничего путного не нашел, потому что был бедным скудьере⁸³ и дом его походил на аббатство Спаццавенто.⁸⁴

Убедившись в этом и чувствуя себя насквозь промокшим и промерзшим, он сказал себе: «В таком виде нельзя оставаться». Выйдя тотчас же из дома, он принялся ходить по чужим домам, заглядывая из двери в дверь, поднимаясь по лестницам, и приставая с расспросами, нет ли где-нибудь огня, чтобы обсушиться. Переходя, таким образом, из дома в дом, он очутился случайно перед дверью дома, войдя в который и поднявшись по лестнице, он оказался в кухне, где был разведен большой огонь; на нем стояло два полных горшка, над ними – вертел с каплунами и куропатками, а подле огня – служанка, очень красивая и молодая, которая поворачивала вертел с жарким. Она была родом из Перуджи и звалась Катариной. Увидев внезапно вошедшего в кухню Феррантино, она обомлела и спросила: «Чего тебе надо?»

Феррантино ответил: «Я вернулся только что оттуда-то и совершенно промок, как ты видишь. У меня в доме нет огня, а ждать я не мог, потому что умер бы. Пожалуйста, позволь мне обсушиться, и тогда я уйду».

Служанка сказала: «Ну, обсушивайся скорей, и ступай с богом; ведь если мессер Франческо вернется – а у него сегодня за ужином будет много гостей, – то это ему не понравится, и он надает мне хороших тумачков».

Феррантино сказал: «Хорошо. А кто этот мессер Франческо?»

Она ответила: «Это мессер Франческо из Нарни;⁸⁵ он здешний каноник и живет в этом доме».

Феррантино сказал тогда ей: «Я его лучший друг» (а он его и не знал).

Служанка стала просить его: «Ну, торопись, а то я все-таки как на угольях».

Феррантино стал ее успокаивать: «Не бойся: я скоро обсохну».

Тем временем вернулся мессер Франческо, прошел на кухню, чтобы посмотреть, как идет стряпня, и, увидев там обсушивающегося Феррантино, спросил его: «Что ты тут делаешь? Кто это?»

Феррантино спросил в свою очередь: «Кто я такой? Как так?»

Мессер Франческо сказал тогда: «Чтоб тебе бог напасть послал! Ты, вероятно, воришка, что ходишь по чужим домам. Сейчас же убирайся вон из моего дома!»

Феррантино ответил на это: «O Pater reverende, patientia vestra,⁸⁶ пока я не обсохну».

Каноник возмутился: – «Какой там Pater merdende?»⁸⁷ Говорю тебе: убирайся из дома подобру-поздорову».

Феррантино же стоит на своем и продолжает: «Я обсыхаю как следует».

– «А я говорю тебе, чтобы ты вышел из дома, иначе я подам на тебя как на вора».

Феррантино отвечает на это: «O prete Dei, miserere mei»,⁸⁸ и не трогается с места.

Тогда, видя, что он не уходит, мессер Франческо приносит шпагу и говорит: «Клянусь телом господним, мы посмотрим, останешься ли ты у меня в доме назло», и бросается со шпагой на Феррантино.

82 [82] Садиранда (собиранда) – ирландская шерстяная ткань.

83 [83] Скудьере – оруженосец.

84 [84] Саккетти в шутку употребляет это двусмысленное название, означающее «подметай ветер»

85 [85] Об этом персонаже ничего неизвестно.

86 [86] Достопочтенный отец, потерпите (лат.).

87 [87] Смердящий отец, (лат.)

88 [88] Священник, служитель божий, помилуй меня (лат.).

Увидев это, Феррантино встает и хватается за свою шпагу, говоря: «Von truffemini»,⁸⁹ и, выхватив шпагу из ножен, он наступает на каноника, пока не заставляет его отступить в залу; Феррантино следует за ним, и, таким образом, оба оказываются в зале, продолжая биться, но в то же время, не касаясь друг друга.

Когда мессер Франческо видит, что ему не выгнать Феррантино из дома даже со шпагой в руках и что Феррантино продолжает грозить ему своею, он говорит: «Клянусь телом господним, я пойду сейчас же жаловаться на тебя кардиналу».

Феррантино отвечает на это: «И я пойду тоже».

– «Идем, идем!»

Когда они вдвоем спустились с лестницы и подошли к двери, мессер Франческо говорит Феррантино: «Проходи вперед!»

А Феррантино отвечает: «Я не пойду впереди вас, потому что вы – служитель Христа».

И он так его убеждал, что мессер Франческо вышел первым.

Как только каноник вышел, Феррантино толкнул входную дверь и запер ее на ключ. Поднявшись наверх, он сбросил с лестницы вниз все домашние вещи, какие были под рукою, чтобы хорошенько припереть дверь изнутри. При этом он так завалил всю лестницу, что двое носильщиков не смогли бы очистить ее за целый день. Благодаря этому он укрепился настолько, что, как бы ни толкать дверь снаружи, ее нельзя было открыть никоим образом. Видя, что доступ в дом с улицы ему закрыт, каноник решил, что очутился в плохом положении, поняв, что и сырым, и жареным мясом владеет теперь неизвестно кто. Стоя на улице, он очень любезно начинает просить, чтобы ему открыли.

Но Феррантино подходит к окну и говорит: «Ступай себе с богом подобру-поздорову».

– «Ах, открой», – говорит каноник.

А Феррантино отвечает: «Я открываю», и открывал рот.

Видя, что он лишен дома и своих вещей, а сверх того осмеян, каноник отправился к кардиналу и там пожаловался на случившееся.

Тем временем наступает час ужина. Являются гости, которые должны бы ужинать с каноником, и стучатся в дверь. Феррантино подходит к окну: «Что вам нужно?»

– «Мы пришли поужинать с мессером Франческо».

Феррантино говорит им: «Вы ошиблись дверью; здесь нет ни мессера Франческо, ни мессера Тедеско».⁹⁰

Гости стоят некоторое время как бы в недоумении, но затем возвращаются все-таки снова и опять стучат в дверь. Феррантино вторично подходит к окну: «Я вам сказал, что он не живет здесь; сколько раз мне повторять вам это? Если вы не уйдете я плесну вам на голову что-то такое, что навоняет, и было бы для вас лучше, если бы вы совсем сюда не приходили». И он начинает бросать изнутри в дверь камни, чтобы наделать побольше шума.

Словом гости подобру да поздорову пошли ужинать к себе домой, где поесть им пришлось плохо. Каноник же, который пошел жаловаться к кардиналу и приготовил такой хороший ужин, должен был раздобывать себе другой ужин и другое пристанище. Не помогло и то, что кардинал послал человека сказать, чтобы Феррантино вышел из названного дома: как только кто-нибудь начинал стучаться в наружную дверь, подле него падал большой камень, и потому каждый обращался сейчас же вспять.

Когда все бывшие вне дома поуехали, Феррантино говорит Катарине: «Давай-ка, поужинаем: я теперь обсох».

Катарина отвечала ему: «Ты бы лучше открыл дверь тому, чей это дом, и пошел к себе».

Феррантино говорит ей: «Это мой дом; этот ужин приготовил для меня нынче вечером милосердный бог. Неужели ты хочешь, чтобы я отказался от дара, который послал мне такой синьор? Ты совершила смертный грех уже тем только, что это сказала».

Напрасно она гнала его; волей-неволей пришлось ей, в конце концов, подать на стол приготовленные блюда и самой сесть с Феррантино. Поужинали они оба очень хорошо. Затем,

89 [89] Не плутуйте (лат.).

90 [90] Шутка. Франческо, кроме собственного имени означает также француз; тедеско – немец.

когда остатки блюд были прибраны, Феррантино спросил ее: «Где здесь спальня? Пойдем спать».

Катарина говорит ему: – «Ты обсох, наелся досыта, а теперь хочешь спать? Неладно ты поступаешь!»

Феррантино отвечает ей: «Ах, Катарина, что бы сказала ты мне, если бы я своим приходом ухудшил твое положение? Я застал тебя стряпающею для других, как служанку, а обошелся с тобой, как с дамой. И если бы мессер Франческо и его гости вернулись сюда к ужину, твоя доля оказалась бы очень тощей, между тем как благодаря мне она выросла больше чем вдвое, и ты заслужила рай, потому что помогла мне, который был совершенно промокшим и голодным».

Катарина отвечает ему: «Ты человек не благородного происхождения, так как иначе не делал бы таких вещей».

Феррантино говорит ей: «Я – человек благородного происхождения, и даже граф, не то, что те, кто должны были здесь ужинать. И так как ты сделала доброе дело, то пойдем теперь спать».

Катарина упиралась, но, в конце концов, все же улеглась с Феррантино, на той же кровати, на которой она спала с каноником. Так всю ночь и обсушивался подле нее Феррантино, а встав поутру, оставался в этом доме до тех пор, пока хватило приготовленных блюд, что продолжалось больше трех дней. Тем временем мессер Франческо бродил по Тоди, поглядывая иногда издали в сторону своего дома, как человек спятивший с ума, и время от времени подсылал посмотреть, не вышел ли из дома Феррантино. Если же кто-нибудь подходил к дому каноника, то из окон в него летели камни. В конце концов, когда все кушанья были съедены, Феррантино вышел из дома через заднюю дверь, потому что выбраться через ту, которая вела на улицу, было невозможно из-за выброшенного на лестницу множества домашних вещей; выйдя, он отправился в свой бедный и плохо обставленный дом, где его паж и два коня за это время плохо кормились; тут он раскаялся.

Мессер Франческо вернулся в свой дом через заднюю дверь, и ему пришлось вместо ужина порядком повозиться и заняться починкою многих поврежденных вещей. Катарина же намекнула ему на то, что она все время сопротивлялась и защищалась от Феррантино и что ему ничего не удалось от нее добиться. Затем, по жалобе каноника, кардинал послал за истцом и ответчиком и предложил Феррантино оправдаться от обвинения, которое было против него возбуждено. В оправдание свое Феррантино сказал: «Мессер кардинал, вы проповедуете нам постоянно, что мы должны быть милосердны в отношении ближнего. Однажды, возвращаясь с похода совершенно промокший и будучи еле живым, я не нашел у себя в доме ни огня, ни чего-либо другого нужного, а умирать мне не хотелось. По воле божьей попал я в дом достопочтенного духовного лица, которое присутствует здесь, и, найдя там пылавший огонь, а на нем горшки и жаркое, я стал обсушиваться у огня, не беспокоя никого и никому не досаждая. Этот человек явился туда и стал говорить мне грубости и требовать, чтобы я вышел из дома. Я продолжал просить его добром, чтобы он позволил мне обсушиться, но ничто не помогло; он бросился на меня со шпагой в руке, стараясь убить меня. Чтобы не быть убитым, я схватил свою шпагу, дабы защититься от нападавшего и выйти в наружную дверь. Когда же он вышел на улицу, чтобы действовать свободнее и убить меня, лишь только я выйду из двери, я заперся изнутри, оставив его на улице, исключительно из страха смерти. Так просидел я, этого страха ради, бог знает в каком положении, до сегодняшнего дня. Если вы хотите осудить меня, то знайте, что виноват он. Я от этого ничего не потеряю; я могу уйти и оставаться в своем доме: из него я не выйду, потому что не знаю чего бы ради мне выходить; ведь что касается меня, то я считаю себя обиженным им».

Выслушав это, кардинал отозвал каноника в сторону и сказал ему: «Что ты хочешь сделать? Ты видишь, что он говорит? Ты понимаешь, конечно, кто он такой. Я полагаю, что вам обоим лучше помириться, чем тебе препираться с таким человеком, подобно наемному солдату». Каноник согласился с этим.

Подобным же образом отозвал в сторону кардинал и Феррантино и склонил и его пойти на мировую; однако дело не обошлось без того, что каноник долгое время косо смотрел на Феррантино.

Таким образом, обсохнув, наевшись досыта за три дня и получив от любовницы каноника то удовольствие, какого он добивался, Феррантино обрел полный мир. И я хотел бы, чтобы такой же мир обрели все миряне или светские люди, живя в неге и излишествах клериков, и чтобы с яствами их, пирами и любовницами случалось всегда то же самое, что случилось с этим благородным каноником, ибо под почтенным обликом святости они предаются порокам обжорства, сластолюбия и другим, вволю, без всякого удержу.

Новелла 35

Один клерик, не знающий по – латыни, хочет при поддержке кардинала, у которого он служит, ходатайствовать перед папой Бонифацием о бенефиции, объясняя при этом, что такое слово *terribile*

И для того, чтобы показать хорошенько, как значительная часть клериков получают бенефиции,⁹¹ не будучи ни учеными, ни скромными, я расскажу здесь небольшую новеллу, которую ты, читатель, вероятно, хорошо знаешь.

Во времена папы Бонифация⁹² у одного из его кардиналов состоял прислужником некий попик, который не то что не знал по-латыни, но едва умел читать. Желая вывести его в люди, названный кардинал велел ему написать прошение, чтобы исходатайствовать у святого отца какой-нибудь бенефиций. И, зная хорошо неотесанность нашего попика, он сказал ему: «Поди сюда. Я велел тебе написать прошение и хочу, чтобы ты передал его святому отцу, и сам сведу тебя к нему. Ступай смело, хотя он и спросит тебя кое-что по-латыни. Если ты сам сумеешь ответить на то, о чем он спросит, отвечай и не бойся; если же не поймешь вопроса и не сумеешь ответить, то взгляни на меня – я буду стоять подле папы и подам тебе знак насчет того, что ты должен говорить, так что ты меня сможешь понять. И как ты поймешь меня, так и отвечай».

Попик, который сумел бы лучше съесть чашку бобов, сказал: «Я сделаю так».

Кардинал составил прошение, передал его попику, привел его к папе и представил его святейшеству. Бросившись на колени, попик подал ему прошение. Кардинал стал подле папы и повернулся к попику только для того, чтобы подать ему знак насчет того, что ему следует говорить, если понадобится. Когда папа принял прошение, он его прочел; и, взглянув на названного клерика и соображая о том, что бы это был за человек, спросил его: «*Quid est Terribilis?*»⁹³

Услышав это столь страшное слово и не зная что ответить, клерик смотрел на кардинала, который двигал рукой, как делают, когда кадят кадилом. И клерик, подумав над знаком, который ему подавали, сказал развязно: «Это то, что у осла, когда оно напряжено, святой отец».

Услышав это, папа как будто сказал: «Он ответил, как мог. И что может быть страшнее этой вещи?» И сказал: «*Fiat, fiat*»,⁹⁴ и, обратившись к кардиналу, промолвил со смехом: «Уводи его; *fiat, fiat*».

Так и было сделано.

Как невежественен был этот попик, не поразмысливший о том, что и перед кем он говорит, давая свое объяснение! И за это он получил бенефиций! А ведь, если бы он знал что-нибудь, то, может быть, и не получил бы ничего. И, быть может, именно это невежество было причиной достижения им более высокого сана, как это часто случается со многими. В чьи только руки не попадает господь наш, у кого разума меньше, нежели у бессмысленных животных!

91 [91] Бенефиций – доход, связанный с церковной должностью.

92 [92] Бонифаций VIII – см. прим. 1 к нов. 29.

93 [93] Что такое *Terribilis?* (*лат.*). *Terribilis* – страшное, *вместо* *thuribulum* – кадильница.

94 [94] Да будет так, да будет так (*лат.*).

Новелла 36

Трое флорентийцев, каждый сам по себе, бегут к приорам с новыми донесениями относительно войны между флорентийцами и пизанцами и рассказывают, что видели вещи, к которым они не подходили и за сто миль, а кроме того, еще говорят, что сделали нечто и сами не знают что

Трое флорентийцев в этой новелле знали еще меньше о том, что говорили, нежели попик в предыдущей.

Во время последней войны флорентийцев с пизанцами, когда англичане, державшие сторону пизанцев,⁹⁵ направились к флорентийским владениям, некто Джеппо Каниджани,⁹⁶ находившийся в ту пору в своем имении в Сан-Кашано, напуганный шумом воды или ветра,⁹⁷ какой бывает в плохую погоду, решил, что это может быть шум от неприятельского войска и что ему следует донести об этом флорентийской синьории, чтобы заслужить ее милость. Поэтому, сев на коня, он во весь опор помчался в город и прискакал во дворец приоров. Войдя к синьорам, он сказал, что приехал из Сан-Кашано и что враги со страшным шумом подвигаются к Флоренции.

Синьоры спрашивают его, видел ли он их. Джеппо заявил, что не видел, но слышал их.

– «Как же ты их слышал?»

А тот стал говорить, что слышал сильный шум.

Приоры говорят: «А почему ты знаешь, что шум этот от врагов?»

Джеппо ответил: «Это были либо всадники, либо вода».

Синьоры пожали плечами и поблагодарили его, а он пошел с богом.

Второй случай был с неким человеком по имени Джованини да Пидзано.⁹⁸ Однажды, едучи верхом на своей кляче за воротами Сан-Никколо, он увидел несколько волов, которые бежали к названным воротам, и решив, что за ними гонится неприятель, он прищпорил свою кобылу и пустился в город, опережая волов, и проскакал, не останавливаясь, пока не очутился перед названными приорами, которым и сообщил: «Помилуй бог, все сбросившие с себя ярмо вола бегут в город через ворота Сан-Никколо».

Приоры принимают к сведению сказанное им, как и сказанное другим выше, и говорят ему, чтобы он был настороже и почаще приносил им вести.

Третий случай был с неким человеком по имени Пьеро Фастелли,⁹⁹ который, хотя и был торговцем, имел, однако, обыкновение, вооружившись арбалетом и облекшись в панцирь, выходить в военное время из города пешком, иногда на милю, а иногда и на две. Случилось так, что, когда англичане находились подле стана пизанцев на равнине Риполе, милях в двух от Флоренции, и в течение нескольких дней стояла ненастная погода, дождливая и туманная, однажды утром Пьеро вышел за ворота на расстояние, может быть, одного выстрела из арбалета и пустил в песчаный берег Арно дротик. После этого он вернулся во Флоренцию, отправился тотчас же к приорам и сказал «Синьоры, я подошел совсем близко к стану врагов и пустил в него дротик к немалому их ущербу; только густой туман не дал мне разглядеть его размеры».

---

95 [95] В этой войне (1362–1364) англичане участвовали в качестве наемников на стороне пизанцев.

96 [96] Джеппо Каниджани – возможно, это *Geppus Vanni Canigiani*, который в 1357 г. был выборным лицом во Флоренции.

97 [97] См. в нов. 132 развитие того же сюжета.

98 [98] Об это персонаже ничего неизвестно.

99 [99] Пьеро Фэстелли – банкир, был одним из приоров и пользовался поддержкой малоимущего городского населения; был дважды изгнан (в 1373 и 1382 гг.) из Флоренции.

Синьоры переглядываются и говорят: «Пьеро, таких, как ты, нам нужно было бы побольше, чтобы разбить врагов достаточно и пятидесяти таких дротиков. Ступай и старайся стрелять из лука, да приноси нам вести почаще».

Таким образом, синьоры эти были оповещены в течение нескольких дней тремя достопочтенными воинами о трех таких вещах, что против них не устоял бы и Дабуда.¹⁰⁰ И потому, кто привык к торговле, не может знать, что такое война; потому-то коммуны и распадаются, если не живут мирно; ведь, занимаясь своим делом, горожане говорят: «Мы поразили врагов», совершенно так же, как поступает муха, сидящая на шее у вола, которая, когда ее спрашивают: «Что ты делаешь, муха?», отвечает: «Мы пашем».

Новелла 37

Бернардо ди Нерино, прозванный Кроче, когда ему пришлось поспорить по очереди с тремя флорентийцами, посрамляет каждого в отдельности одним только словом

Гораздо лучше знал то, что говорил о трех вещах с тремя людьми, с которыми у него вышел спор, тот, о ком я расскажу теперь.

Бернардо ди Нерино, прозванный Кроче,¹⁰¹ был сперва старьевщиком, к был он в ту пору таким крепким и выносливым, что брал в рот скорпионов и разгрызал их зубами, и то же самое делал он с жабами и разным еще более ядовитым мелким зверьем. Что Кроче был совсем особенным человеком, это поймет всякий. Так как он страдал смертельной лихорадкой и постоянно горел, то лекаря, отчаявшись в его излечении, ибо видели, как ужасно он горит, решили подвергнуть его, по его же собственной просьбе, такому лечению: посадили его, раздев догола, в чан с холодной водой прямо из колодца, и в таком виде стали окунать в воду, пока он не начал дрожать и стучать зубами. Продержав его некоторое время в воде, они уложили его снова в постель, и тогда ему сразу же стало лучше, жар спал, и он поправился.

Так вот, возвращаясь к рассказу, скажу, что человек этот, занявшись во Фриуле отдачей денег взаймы, из нищего превратился в богача и вернулся во Флоренцию, где часто вступал в прения с другими, причем говорил им такие вещи, которые смутили бы всякого. И я, писатель, присутствовал при этом трижды, и слова Кроче будут ниже пересказаны. В первый раз это было, когда он поспорил с одним бывшим старьевщиком, как он сам, негодным человеком по имени Фашо ди Каноккьо.¹⁰² Названный Фашо сказал Кроче: «Ты воображаешь себя большим ловкачом, а я не прочь был бы продать тебя на Сорганском мосту».¹⁰³

Кроче ответил: «Я в этом уверен, и если на меня найдется покупатель, то это покажет, что я чего-то стою; но у меня не было бы охоты продать тебя на мосту Риальто,¹⁰⁴ даже если бы я продержал тебя там всю свою жизнь, до того ты жалок и плох».

Тот умолк и смутился.

Во второй раз у названного Кроче вышел спор на площади Нового рынка с неким Нери Бончани,¹⁰⁵ который был по виду еще более жалок, чем Фашо ди Каноккьо, был тощ и очень скуп; шум привлек к месту спора много горожан. Когда Кроче увидел что к ним сбежалось

---

100 [100] Дабуда – народный тип хвастуна, который все дает или только угрожает дать. Ономатопея дабуда.

101 [101] Бернардо ди Нерино – историческое лицо; о нем упоминается в 1358 г. Его прозвище (Кроче) означает крест.

102 [102] Фашо ди Каноккьо – персонаж, вымышленный Саккетти.

103 [103] Название Сорганского моста употреблено в значении места, пользующегося дурной славой.

104 [104] Мост Риальто в Венеции противопоставлен заштатному Сорганскому мосту.

105 [105] Здесь трудно установить прототип; Саккетти был товарищем по приорату 1384 г. Гальярдо, сына Пидо де Нери Бончани (умер в 1343 г.).

множество людей, то он повертывается к собравшимся и говорит о Нери: «Ах, посмотрите, синьоры, ради кого умер Христос; этому никогда не порадуешься и не будешь доволен».

Все собравшиеся стали смеяться, а у Нери перехватило горло, и он ушел, не сказав больше ни слова.

В третий раз это было, когда Джованни Дзати,¹⁰⁶ еще не бывший тогда кавалером, человек очень маленького роста и тощий, у которого отец занимался ростовщичеством во Фриуле, захотел уязвить Кроче за усердие, с каким тот занимался ростовщичеством, и стал уверять, что он после смерти, наверно, рассчитывает попасть в рай, а Кроче сказал после долгих его речей: «Джованни, я хотел бы задать тебе маленький вопрос, а именно: я хотел бы знать от тебя, если ты сходишь в отхожее место и удовлетворишь телесную потребность, и тебе понадобится затем воспользоваться тряпкой, а в месте том будут висеть с одной стороны бархат, с другой – сукно, с третьей – особые тряпки для этой потребы, то что бы из всего этого ты взял, чтобы потереться?»

А тот ответил: «Я взял бы особые тряпки для этой потребы».

Кроче же сказал поспешно: «Так и поступит с тобой дьявол».

Почувствовав себя уязвленным, вспомнив о своем тощем виде и своих делах, которые отнюдь не заслуживали рая, как на это намекалось раньше, он уже никогда, ни в ту пору, ни впоследствии, не пускался больше в подобные рассуждения с Кроче.

Таким образом, этот Кроче вывел из заблуждения этих трех, заблуждавшихся относительно самих себя. И существует множество подобных им людей, которые ошибаются так сильно, что считают всех остальных слепыми, а самих себя – наделенными рысьими глазами, и не думают о том, кто они такие и чего стоят дела их. Будучи хуже тех, с кем они препираются, они прикидываются людьми благородными, выказывают себя добрыми, являясь на самом деле полной противоположностью. Отсюда-то и родилась пословица: «Изгнанник гоняется за осужденным». Но было бы хорошо, если бы все попадали на своего Кроче, который, не будучи ни Сократом, ни Пифагором, ни Оригеном¹⁰⁷ и не принадлежал к числу других глубокомысленных философов, был всего лишь бесполезным человечешком; он привел бы их в смущение столь новыми доводами, подобно тому как Кроче смутил этих трех людей, с которым вступил в спор; это дала ему не ученость, а природная тонкость ума.

Новелла 38

Мессер Ридольфо из Камерино своим прекрасным словом приводит в замешательство говоривших с ним его врагов бретонцев, которые издевались над ним из-за того, что он родом был не из Болоньи

Прошлая новелла приводит мне на память замечательные слова и краткие выражения мессера Ридольфо из Камерино; некоторые из них я перескажу здесь ниже.

Так вот я, писатель, долгое время находился с ним в Болонье, когда он был главным военачальником флорентийцев и всей остальной лиги во время войны с церковью и когда кардинал женеvский, получивший позднее имя папы Климента в Авиньоне,¹⁰⁸ явился с бретонцами к воротам названной синьории. В эту пору племянник названного мессера Ридольфо, сын его сестры, по имени Джентиле из Сполето,¹⁰⁹ отправившийся, как это обычно

106 [106] Джованни Дзати был возведен в звание рыцаря во время восстания чомпи 1378 г. и сохранял это звание в 1381 г. Во время повествования еще не был, очевидно, посвящен в рыцари.

107 [107] Ориген (ок. 185–254) – христианский богослов и мыслитель.

108 [108] Кардинал Роберт Женеvский, ставший авиньонским антипапой под именем Климента VII (умер в 1394).

109 [109] Трудно установить, о каком племяннике Р. Камерино здесь идет речь; может быть, о том, о котором говорится в нов. 119.

делают наемники, пограбить для себя и вступивший в стычку с бретонцами, был взят ими в плен. Узнав, что он племянник мессера Ридольфо, они стали говорить ему презрительно: «Мы ждем вашего начальника. Почему не выходит он из города? Мы слышим даже, что он лежит в постели. Пусть он только выйдет, пусть выйдет».

Джентиле ответил, что мессер Ридольфо ждет людей и что он явится, конечно, в свое время и в своем месте. Они положили за него выкуп пятьдесят дукатов и отпустили его на слово с тем, чтобы он отправлялся раздобывать их. Когда Джентиле вернулся в Болонью и прошел к Ридольфо, Ридольфо сказал ему: «Что говорят бретонцы?»

– «Говорят: что это делает ваш начальник, что сидит в городе? Почему он не выходит? Мы ждем его».

Мессер Ридольфо спросил: «Как ты ответил?»

Джентиле сказал: «Я ответил, что вы скоро выйдете из города, потому что ожидаете людей».

Мессер Ридольфо сказал: «Плохо ты ответил, чтоб тебя бог наказал».

А Джентиле спросил: «Почему, мессер?»

Мессер Ридольфо сказал: «Ты должен вернуться туда?».

Джентиле ответил: «Да, синьор, потому что мне нужно отвезти им пятьдесят дукатов выкупа, который они положили мне».

Мессер Ридольфо говорит: «Если они снова скажут тебе: „Чего ради не выходит из города мессер Ридольфо?“, то ты ответь: „Чтобы вы не вошли в него“. А об остальном не заботься».

Разве не был ответ этот прекрасен для военачальника? Конечно, он был прекрасен и замечателен, как если бы был дан Сципионом или Ганнибалом. И ответ этот (если только Джентиле передал его им) гораздо лучше свидетельствовал о том, каким человеком был мессер Ридольфо и чего он стоил, чем если бы он дважды разбил бретонцев в открытом бою. Другие, мало опытные и хуже знакомые с военным делом, запутались бы в словах, и чем больше бы они говорили, тем меньше бы имели славы.

Новелла 39

Аньолино Боттони из Съены посылает мессеру Ридольфо из Камерино собаку для охоты на диких свиней, а тот возвращает ее обратно названному Аньолино с шутливыми словами

Много смеха вызвало другое словцо мессера Ридольфо, о котором речь идет ниже.

Франческо, синьор Мателики,¹¹⁰ одно время воевал с названным мессером Ридольфо. И когда названный Франческо умер, после него остались дети. Чтобы обезопасить и защитить себя от мессера Ридольфо, они взяли некоего Фоскерелло из Мателики,¹¹¹ который был старшим капралом в отряде некоего человека по имени Больдрино¹¹² и жил в Мателике. Ему было поручено присматривать за сыновьями Франческо. Как обычно бывает во время войн, этот Фоскерелло, будучи смертельным врагом мессера Ридольфо, сделал с отрядом всадников набег на владения мессера Ридольфо, во время которого угнал восемьсот свиней и привел их в Мателику.

По истечении нескольких дней, в течение которых мессер Ридольфо не мог отомстить врагам, явился слуга Аньолино Боттони¹¹³ из Съены с прекраснейшей легавой собакой и,

110 [110] Франческо Оттони, синьор Мателики, сторонник болоно-флорентийской лиги. В 1377 г. разбил бретонцев и Р. Камерино.

111 [111] Сведений о нем нет

112 [112] Известный кондотьер XIV в. Больдрино да Паникале (участник походов 1384–1393 гг) был убит в 1393 г

113 [113] Аньолино Боттони – капитан народа, судья в Орвьето (в 1345 г.).

представ перед мессером Ридольфо и приветствуя его, сказал, что Аньолино Боттони посылает ему в подарок эту собаку. Посмотрев на собаку и на слугу, мессер Ридольфо спросил, для чего годится эта собака. Слуга ответил ему: «Для охоты на диких свиней».

А мессер Ридольфо сказал: «Сколько же она их берет?»

Слуга сказал: «Когда одну, когда двух в день, смотря по тому, сколько их найдешь».

Тогда мессер Ридольфо сказал: «Друг мой, собака эта не для меня, отведи ее к Аньолино и скажи ему, что она была ко мне приведена, но что собака эта не годится для меня, так как берет зараз только одну свинью. Если ему попадет в руки одна из собак Фоскерелло из Мателики, которая берет их сразу восемьсот, то попроси его, чтобы он ко мне ее прислал».

Выслушав это и видя, что мессер Ридольфо не принимает подарка, слуга, пристыженный, вернулся к Аньолино обратно с поручением и собакой. Аньолино, поняв в чем дело, сказал, что мессер Ридольфо говорил правильно; потому что он, Аньолино, не принял достаточно в соображение, что на этих днях у него отняли восемьсот свиней, и послал ему собаку, которой, может быть, и раз в месяц не случится поймать и одной свиньи.

Как остроумны были слова мессера Ридольфо! Ведь редко случается, чтобы посланный подарок не рассердился или не разгневался, если его подарок не принимается и отсылается обратно. А слова Ридольфо были столь остроумны, что Аньолино не только не рассердился, но признал, что ошибся именно вследствие потери мессером Ридольфо восьмисот свиней.

Новелла 40

Названный мессер Ридольфо доказывает своему племяннику, вернувшемуся из Болоньи, где он изучал право, что он даром потерял время

И следующий случай не хуже предыдущего, и не менее прекрасны слова, сказанные мессером Ридольфо своему племяннику, который был в Болонье и целых десять лет изучал там законы. Сделавшись отличным легистом,¹¹⁴ он по возвращении в Камерино отправился навестить мессера Ридольфо. Когда он явился к нему, мессер Ридольфо сказал: «А что ты делал в Болонье?»

Тот ответил: «Синьор мой, я изучал право».

А мессер Ридольфо сказал: «Худо ты потратил там время».

Молодому человеку слова эти показались странными, и он спросил: «Почему, синьор мой?»

А мессер Ридольфо сказал: «Потому что ты должен был изучать силу, которая вдвое ценнее».

Молодой человек стал улыбаться, но когда он вместе с другими, слышавшими мессера Ридольфо, поразмыслил над его словами, то увидел, что сказанное им было верно. И я, писатель, находясь однажды вместе с некоторыми слушателями мессера Аньола да Перуджа,¹¹⁵ сказал им, что они теряют время, напрасно изучая то, чем занимаются.

Они ответили: «Почему?»

А я продолжал: «Что вы изучаете?»

Они сказали: «Мы изучаем право».

А я сказал: «Что же вы с ним станете делать, если оно не соблюдается?»

Да, это так, потому что право у нас не ходячая монета, даже если кто-нибудь и имеет его; ведь если на чьей-либо стороне немного больше силы, то праву тут нечего делать. А потому нынче и видишь, что над бедными и не имеющими силы приговор произносится скоро, и в отношении их самих, и в отношении их имущества, а над богатыми и имеющими силу – в

---

114 [114] Легисты – гористы, занимающиеся римским правом.

115 [115] Аньола дельи Убальди да Перуджа – автор ряда юридических сочинений, профессор права в университетах Италии, последние годы своей жизни провел в Падуе (умер в 1400 г.)

редких случаях, потому что горе тем на свете, кто не имеет у нас силы.¹¹⁶

Новелла 41

Несколько небольших новелл и забавных словечек мессера Ридольфо, имеющих глубокий смысл

В этой новелле, раз уж я начал рассказывать об этом достопочтенном человеке, мне следует рассказать о некоторых его остроумных словах, он был, по-моему, природным философом, высказывавшимся всегда в немногих словах.

Итак, я рассказываю, как один из его друзей, не видавшийся с ним давно, сказал ему: «Мессер Ридольфо, вы помолодели на десять лет с тех пор, как я вас не видел».

Мессер Ридольфо, глядя на него искоса, говорит: «Я утешаюсь тем, что ты мне говоришь, но знаю, что ты говоришь неправду».

Названный мессер Ридольфо говаривал, что не хочет, чтобы слуги его пользовались его добром больше, нежели он сам. Когда бывало очень холодно, он говорил: «Ступайте, разведите огонь и погрейтесь около него. а когда образуются уголья, позовите меня».

Он хотел, чтобы слугам достался дым, сам же он его не хотел.

Находясь на службе у короля Людовика Сицилийского,¹¹⁷ названный мессер Ридольфо, отправившись куда-то с несколькими вооруженными людьми, подвергся нападению.¹¹⁸ Пришлось им пуститься в бегство во весь опор, и они спаслись. Когда мессер Ридольфо предстал затем перед королем, король сказал ему: «Ридольфо, сколько бы ты взял за свои шпоры?»

А тот ответил: «Этого я не знаю; но я знаю хорошо, какой бы я дал выкуп, если бы был схвачен».

За столом он приказывал ставить восковые свечи вверх ногами, повернув их кверху более толстым концом из зеленого воска, говоря при этом, что хочет, чтобы более тонкий конец доставался затем слугам, а не ему. И с этой поры стали делать свечи ровными.

Когда названный мессер Ридольфо начальствовал в Болонье над войсками флорентийцев во время их войны с церковью, то ему сказали, что папа, собираясь вести большую войну, продал или заложил Авиньон. А он сказал: «Папа наш очень мудр: он хочет продать то, что имеет, чтобы приобрести то, чего не знает».

Когда мессер Ридольфо отправился с королевой¹¹⁹ и другими, чтобы распорядиться об избрании папой того, кто был в Фонди,¹²⁰ то, вернувшись к себе домой, он застал у себя зятя своего, мессера Галеотто.¹²¹ И зять сказал ему, что сделанное им противно богу и пагубно для его души. Мессер Ридольфо ответил: «Я сделал это для того, чтобы у них было побольше своего дела, а наши дела они оставили в покое».

Посетив однажды мессера Джана Аугута,¹²² находившегося со своим войском вне

---

116 [116] Морализующие заключения к новеллам Саккетти по своему характеру очень разнообразны: в морали к этой новелле отражены передовые политико-социальные воззрения автора.

117 [117] Луиджи да Таранто (1320–1362), муж Иоанны Неаполитанской (см. прим. 2 к нов. 23). В 1352 г. он был коронован сицилийской короной и тщетно пытался вернуть себе остров Сицилию.

118 [118] В 1376 г

119 [119] Иоанна Неаполитанская (см. прим выше к этой новелле и прим к нов 23).

120 [120] Климент VII – см. прим к нов 38

121 [121] См прим к нов. 10

122 [122] Джованни Агута – известный кондотьер и авантюрист, умер во Флоренции в 1394 г

Перуджи, и навестив затем аббата Монтемайоре,¹²³ правившего Перуджей от имени папы и ставшего на днях кардиналом, мессер Ридольфо сказал аббату: «Делая нам зло, ты стал кардиналом; если бы ты сделал нам зла еще больше, то стал бы папой».

Когда он выдал замуж одну свою молоденькую дочку за мессера Галеотто, бывшего уже старым, то многие близкие его, мужчины и женщины, говорили ему: «Ах, мессер Ридольфо, что это вы сделали, отдали молоденькую девушку за старика?»

Он же отвечал: «Я сделал это для нас, а не для нее».

Когда он впал у коммуны в немилость, то его изобразили на картине в постыдном виде;¹²⁴ когда ему сказали об этом, он промолвил: «На картинах изображают святых; значит, я святой».

В другой раз, когда он находился по делам в одном из своих владений, он встретил там одного своего подданного, возвращавшегося домой с работы в поле и на винограднике. Ридольфо спросил его, откуда он идет, и тот ответил, что возвращается домой, приведя в порядок виноградники и устроив другие свои дела. Тогда Ридольфо сказал, обращаясь к тем, кто был с ним: «Возьмите его и повесьте за ноги».

Те вместе с повстречавшимся им спрашивают: «За что, синьор?»

А он ответил: «Флорентийцы повесили меня за ноги за то, что я делал свое дело; согласно этому праву и этому закону (ведь нужно думать, что флорентийцы хорошо разбираются в них), человек этот должен быть повешен; ступайте и повесьте его». Немного погодя, он его отпустил. И, таким образом, оправдал себя и обвинил других.

Он говорил, что к папам относятся, как к свиньям: когда свинья умирает, весь дом и каждый человек это празднуют; также и смерть папы весь мир и все христиане празднуют.

Также еще часто он говаривал: «Горе сыну, когда душа отца его идет в рай».

Когда флорентийцы в 1362 г. воевали с пизанцами и он был у них военачальником, он разбил лагерь в Вальдере. У него было тогда два флорентийца-советника, может быть, торговцы или суконщики. Однажды ночью они решили, что лагерь разбит не на месте и что ему лучше было бы стоять на соседней горе. Встав утром с этой мыслью, они отозвали в сторону мессера Ридольфо и сказали ему, что лагерь гораздо лучше было бы разбить на такой-то горе. Выслушав их, мессер Ридольфо, смеясь над ними и смотря на них, сказал: «Ступайте, ступайте, ступайте в свои лавки торговать сукном».

Правильно ли он говорил, относительно этого пусть подумает каждый: что есть общего между торговлей или производством и военным делом?

Будучи недовольными им в конце войны с церковью, правители Флоренции велели изобразить его на картине, как сказано выше. По прошествии некоторого времени картину уничтожили и отправили к нему несколько флорентийцев послами, которым он сделал две вещи.

Во-первых, когда гости его сидели за столом – дело было в июле месяце, – то позади них в камине был разведен такой огонь, словно стоял январь. Чувствуя за спиной тягостный в самое теплое время лета жар, посланные спросили мессера Ридольфа, какая причина тому, что у него за столом в июле месяце разведен огонь. Мессер Ридольфо ответил, что, когда флорентийцы изобразили его на картине, они изобразили его без чулок; от этого ноги у него с тех пор так застыли, что он никак не может их согреть; вот почему ему приходится держать поблизости огонь, чтобы согреть их. Посланные слегка улыбнулись, но умолкли.

Затем, когда приступили к обеду, были поданы вареные каплуны и лапша, относительно которой мессер Ридольфо распорядился, чтобы его чашка была приготовлена заранее и была чуть теплой, а чашки посланцев были бы поданы к столу кипящими и очень горячими. Когда лапша была подана к столу, мессер Ридольфо стал брать ее уверенно полными ложками. Видя это, посланцы решили, что они могут брать ее столь же уверенно. Но при первой же ложке они так обожгли себе небо, что один стал плакать, другой – смотреть в потолок и всхлипывать.

Мессер Ридольфо говорит: «Что ты разглядываешь?»

А тот говорит: «Я смотрю на этот потолок, очень уж хорошо он сделан. Чья это работа?»

123 [123] Аббат Дюпюи, который правил Перуджей, сначала был аббатом, а с 1376 г. – кардиналом.

124 [124] Это произошло в 1377 г

Мессер Ридольфо говорит: «Это работа мастера Соффьячи;¹²⁵ ты его не знаешь?»

Посланцы поняли намек и дали лапше простыть, а потом сказали промеж себя: «Поделом нам, потому что мы вдруг пустились изображать синьоров как простых носильщиков, и он хорошо показал нам, что поделом нам».

Таким образом, чуть не посрамленные вернулись они во Флоренцию, где люди узнали о столь небывалом деле и решили, что мессер Ридольфо отплатил хлебом за пирог.

Однажды он послал слугу с письмами, но один из врагов¹²⁶ схватил слугу и велел отрубить ему руки. Вернувшись к названному мессеру Ридольфо с отрубленными руками, он сказал: «Синьор мой, это я получил за вас».

А тот ответил: «Застегиваясь, ты увидишь, получил ли это за себя или за меня».

Новелла 42

Мессер Макеруффо из Падуи заставляет флорентийцев признать ошибку некоторых распущенных молодых людей, смеявшихся над ним, и на деле доказывает свою правоту

Мессер Макеруффо деи Макеруффи из Падуи,¹²⁷ кавалер преклонных лет и на старости славный подеста Флоренции, в этой новелле не уступает мессеру Ридольфо. Сделавшись, как сказано, подеста Флоренции, он носил длинный плащ с кожаной пелериной, так что походил больше на врача, нежели на кавалера, а потому все смотрели на него и разглядывали его, в особенности же некоторые чудаки и веселые люди, которые больше других смеялись над ним и решили сыграть с ним какую-нибудь шутку. И вот в первый же день его вступления в должность, под вечер, ему вбили в ворота несколько гвоздей и навешали на них большое количество ночной посуды, наполненной мочой. На следующее утро, рано, когда кавалер должен был отправиться в обход города и дверцу в воротах стали открывать, привратник увидел, когда потянул ее, что на ней было повешено не менее десяти ночных посудин. Изумившись, он вышел за ворота, чтобы осмотреть их, и увидел остальное. Тотчас же он побежал рассказать об этом подеста, который, выслушав его, сказал: «Ступай и вели принести их все ко мне, но принести их в целости, чтобы ни одна из посудин не разбилась».

Чтобы сделать это, пришлось взять всех служителей, собравшихся идти в обход, и принести вместе с ними к подеста ночные посудины. Увидев их, подеста стал брать их в руки одну за другой и рассматривать содержавшуюся там жидкость, а затем передал посудины слугам, чтобы они развесили их по стенам вокруг всей большой залы, а когда будет некуда повесить, то чтобы вбили гвозди. Как было приказано, так и сделали; а почтенный этот человек рассмотрел все это большое количество жидкости столь же внимательно, как сделал бы это врач. На следующий день, потому ли что был назначен совет, который собирался в старое время в названной зале¹²⁸ или потому, что подеста просто созвал много знатных горожан, – явившиеся в залу люди, не будучи предупреждены о случившемся, увидели ночную посуду и весьма изумились этому. Когда все были в сборе, подеста вышел к ним и сказал: «Синьоры флорентийцы, я слышал всегда, что вас называли самыми разумными людьми на свете. И с тех пор как я явился сюда, за то короткое время, что я вас знаю, вы оказались гораздо более разумными людьми, чем это думают. Доказательство тому налицо: когда я явился сюда и стал вашим подеста, то вы, как люди разумные, полагая, что правитель государства должен изгнать пороки и недостатки тех, кем он управляет, наподобие врача, стремящегося излечить недуги

125 [125] Иронический намек на лапшу, на которую посол должен был подуть (по-итальянски *soffiare*), чтобы ее остудить и не обжечься.

126 [126] Имеется в виду Малатеста (см прим 2 к нов. 10).

127 [127] Саккетти, может быть, сознательно изменил имя Макеруффи-Джиллоло на Макеруффо. Он был подеста в 1285 и 1296 гг.

128 [128] В это время совет заседал во Дворце подеста.

своих больных, доставили мне нынче ночью свои выделения, приметы болезней, вот в этих посудинах, которые вы видите развешенными вокруг и которые были прибиты к моим воротам. И я рассмотрел их, и понял, хоть и не очень опытен в медицине, что сограждане ваши страдают очень серьезными недугами, которые я, однако, рассчитываю по милости божьей, излечить так, что уходя, надеюсь, оставить вас более здоровыми и в лучшем состоянии, чем в каком я вас застаю теперь».

Когда он произнес эти слова, горожане отошли в сторону и выбрали из своей среды одного человека, чтобы тот ответил за всех. Тот сказал подеста, что в больших государствах не может не быть людей разного рода – и простоватых, и глупых, и сумасшедших, и что они просят его разыскать людей, повесивших названную посуду, и наказать их так, чтобы это было примером для других; сказал еще и много других вещей. А подеста ответил им: «Вы говорите мне, что бывают различные люди – и невежественные, и глупые; для таких людей избраны мы, я и другие правители; ведь если бы все люди были разумны, то не нужны были бы ни подеста, ни другие власти».

Они все раскланялись и ушли.

Продолжая выполнять свою должность, подеста, как человек достойный, а кроме того и разгневанный, не спал, и после справок и больших хлопот выведал тайком, кто из горожан отличался дурным поведением и дурной жизнью. Он стал отправлять на тот свет без промедления то одного – за воровство, то двух – за убийство, а когда и трех или четырех сразу за нечестную игру в кости или другие дурные дела. В числе их попались и те, кто вешали ночную посуду. В короткое время подеста повесил, обезглавил и наказал разными другими способами столько людей, что после своего правления оставил наш город таким оздоровленным и излеченным от всяких болезней, что жители долгое время пребывали в полнейшем покое.

И потому, никогда не следует судить по внешнему виду и издеваться над другим, а в особенности над правителями, ибо внешний вид часто делает в глазах людей то, что весьма ценно, малоценным, а то, что малоценно, весьма ценным. Только я думаю, что на то было соизволение божье, чтобы случилось так, что дурные люди были наказаны и плевели эти вырваны, а названный город пришел в лучшее состояние.

Новелла 48

Лапаччо ди Джери из Монтелупо спит с мертвецом в Ка Сальвадега; не зная этого, он сталкивает его с кровати и решает, что убил его, но затем узнает правду и уезжает чрезвычайно взволнованный, с богом

Женщина, о которой рассказано,¹²⁹ столько же хотела последовать за покойным мужем, сколько Лапаччо ди Джери из Монтелупо во Флорентийской земле¹³⁰ хотел лечь рядом с мертвецом, как рассказывается в этой новелле.

Лапаччо жил в мое время, и я знал его, и часто встречался с ним, потому что он был очень забавным и простодушным человеком. Если кто-нибудь говорил ему: такой-то умер и дотрагивался до него рукой, то он сейчас же хотел дотронуться до говорившего, а если тот убежал и он не мог прикоснуться к нему, то спешил дотронуться до первого встречного, и если не мог коснуться человека, то касался собаки или кошки; если же их не встречал, то дотрагивался, в конце концов, до лезвия ножа.

И был он так суеверен, что если кто-нибудь дотрагивался до него и он не отвечал ему тотчас указанным образом, то был уверен, что умрет такой же смертью, как тот, из-за кого его тронули, и притом в скором времени. И по этой причине, если вели на казнь преступника или

129 [129] О женщине речь идет в отрывке нов. 47. отсутствующем в настоящем издании.

130 [130] Реальнее лицо, о жизни которого ничего неизвестно; о нем же Саккетти говорит в своем 81-м сонете (стихи 12–14).

пронесли гроб или крест, то дело доходило до того, что каждый бежал дотронуться до него, а он бежал вдогонку то за одним, то за другим, как сумасшедший; и потому те, кто дотрагивались до него, получали весьма большое развлечение.

Как-то случилось, что он, будучи послан Флорентийской коммуной в великом посту к лицу, избранному подеста,¹³¹ выехал из Флоренции и направился в сторону Болоньи, а затем повернул на Феррару. Проехав Феррару, он очутился поздно вечером в очень неприятной и болотистой местности, которая называется Ка Сальвадега.¹³² Остановившись в гостинице, он с немалым трудом пристроил лошадей и поклажу, так как там было много венгерцев и паломников и все уже легли спать. Кое-как поужинав, он спросил хозяйку, где бы ему лечь. Та ответила: «Устраивайся, как сможешь. Войди сюда: здесь собраны все кровати, какие есть, но у меня сегодня много паломников. Посмотри, нельзя ли тебе будет прилечь как-нибудь с краю. Располагайся, как сумеешь, потому что других кроватей к другой комнаты для ночлега у меня нет».

Лапаччо отправился в указанное место и, осмотрев в полутьме все кровати одну за другой, увидел, что все они уже заняты людьми, кроме одной; здесь лежал с краю венгерец, умерший накануне. Лапаччо, не зная этого (знай это, он лег бы скорее в огонь, чем на эту кровать) и видя, что с другого края нет никого, он лег в эту постель. И, как это часто бывает, когда он стал поворачиваться, чтобы устроиться поудобнее, ему показалось, что сосед занимает слишком много места на своей стороне, и сказал: «Подвинься-ка немного, милый человек».

Но приятель лежал тихо и неподвижно, так как находился уже на том свете. Через некоторое время Лапаччо дотрагивается до него и говорит: «Однако ты крепко спишь: уступи-ка мне, пожалуйста, немного места».

Но приятель лежит тихо.

Видя, что он не двигается, Лапаччо сильно толкает его. – «Эй, ты подвинься, чтоб тебе была худая пасха!»

Как об стену горох: тот не двигается. Тогда Лапаччо начинает сердиться и говорит: – «Эй, чтоб тебе от ножа умереть! Ты, видно, мошенник».

И легши поперек кровати, ногами к соседу, и уперевшись в край ее руками, он два раза сильно лягнул мертвое тело и угодил в него при этом так ловко, что оно очень тяжело и с большим грохотом упало с кровати. «Ой, ой! – подумал Лапаччо, – что я наделал?» – и, ощупывая одеяло, он придвинулся к тому краю кровати, с которого приятель упал на пол; тут он заговорил потихоньку. «Вставай! Ты ушибся? Ложись опять на постель».

А тот лежит, спокойный, как масло, предоставляя Лапаччо говорить все, что тому угодно, никак не отвечая ему и не ложась обратно на постель.

Тогда Лапаччо, слышавший, что сосед упал как сноп, видя, что он не жалуется и не подымается с полу, говорит про себя: «Горе мне несчастному! Я его, вероятно, убил». Он стал разглядывать его со всех сторон, и чем больше смотрел, тем больше казалось ему правдоподобным, что он его убил. И тут он говорит: «Ах, я, несчастный! Что мне теперь делать? Куда мне идти? Если бы только я мог уйти! Но я не знаю, куда; ведь я никогда прежде не бывал здесь. Лучше бы мне было умереть раньше во Флоренции, чем очутиться здесь! А если я останусь тут, то меня пошлют в Феррару или в какое другое место, и отрубят мне голову. Если я скажу обо всем хозяину, то он предпочтет, чтобы я умер, тому, чтобы самому ему нажить какую-нибудь беду». Проводя ночь в такой тоске и муке, словно человек, обреченный на смерть, он ждет уже смерти с наступлением утра.

На рассвете паломники начинают вставать и выходить из комнаты. Встает ни жив ни мертв и Лапаччо, и старается выйти из комнаты возможно скорее по двум причинам, причем не знаю, которая мучила его больше: во-первых, ему хотелось избежать опасности и уехать раньше, чем хозяин заметит что-либо; во-вторых, он старался уйти подальше от покойника и

---

131 [131] События, о которых говорит Саккетти, не соответствуют исторической действительности Андрасио Росси да Парма был во Флоренции подеста с января по июнь 1350 г., до этого он был подеста Пьячеицы (Н25 г), был изгнан из Пармы в 1332 г.; подеста в Бассано (1340 г.) и в Бергамо (1349 г).

132 [132] Очевидно, *casa selvatica* – лесное, дикое убежище.

суеверного страха, который ощущал перед мертвыми.

Выйдя из комнаты, Лапаччо торопит слугу седлать лошадей; затем он отправляется к хозяину и платит ему по счету; но когда он отсчитывал деньги, то руки его дрожали, как ветка, колеблемая ветром. Хозяин и говорит: «Что тебе холодно?»

Лапаччо едва мог вымолвить, что это, вероятно, от тумана, который поднялся со здешнего болота.

В то время как хозяин и Лапаччо толковали об этом, является паломник и говорит хозяину, что не находит своей сумки в том месте, где он спал. Тогда хозяин с зажженной свечой в руке тотчас же идет в комнату и принимается за поиски, между тем как Лапаччо останавливается поодаль и подозрительно поглядывает. Добравшись до кровати, на которой спал Лапаччо, и со свечой ища потерянную сумку, хозяин гостиницы видит подле кровати мертвого венгерца, и при виде его, говорит: «Это что за черт? Кто спал на этой кровати?»

Лапаччо весь задрожал, когда услышал это, и стоял ни жив ни мертв; а один из паломников, вероятно тот, что потерял сумку, сказал: «Там спал вот он», и указал на Лапаччо.

Тогда, видя это, Лапаччо, которому казалось, что топор уже касается его шеи, отозвал хозяина в сторону и сказал: «Ради бога, помоги мне. Я спал на этой кровати и никак не мог заставить этого человека дать мне место и лежать на своем краю, поэтому я толкнул его ногами, и он свалился на пол. Я не собирался убивать его: это произошло по несчастной случайности, а не по злобе...»

Хозяин сказал: «Как тебя зовут?» Лапаччо назвал себя.

Тогда хозяин, продолжая разговор, сказал: «Сколько ты согласен заплатить? Я тебя выручу».

Лапаччо сказал: «Устраивай дело, как хочешь, братец, только вызволи меня отсюда. Во Флоренции у меня денег много: я выдам тебе расписку». Видя, что перед ним такой простак, хозяин говорит: «Ах, ты несчастный! Вот-то горе тебе бог послал! Ты ничего не разглядел вчера вечером! Ах, ты глупый! Ведь ты лег на одну кровать с венгерцем, который умер вчера после вечерни».

Когда Лапаччо услышал это, ему показалось, что он чувствует себя несколько лучше, но не слишком: ведь разница между тем, чтобы попасть на плаху и тем, чтобы поспать с покойником, невелика. И собравшись немного с духом и почувствовав себя увереннее, он стал говорить хозяину: «Ей-богу, какой же ты шутник! Что ж ты не сказал мне ничего вчера вечером, что на одной из этих кроватей лежит покойник? Если бы ты сказал мне об этом то я не то чтобы не остановился у тебя, а проехал бы на несколько миль дальше, даже если бы мне пришлось остаться в долине на всю ночь! Ты так растревожил меня, что мне никогда теперь не успокоиться, и я, быть может, от этого умру».

Услышав эти слова Лапаччо, хозяин гостиницы, который потребовал у него награды, если его выручит, перепугался, так как из-за происшедшего могло возникнуть дело, и помирился с названным Лапаччо в самых лучших выражениях, в каких только мог. А названный Лапаччо уехал и стал удаляться насколько мог быстро, часто оглядываясь назад из страха, как бы кто по дороге не пустился за ним вслед; причем лицо у него было гораздо бледнее, чем у мертвого венгерца, которого он столкнул с кровати. С этой немалой мукой в душе отправился он к некоему мессеру Андресаджо Россо из Пармы, кривому человеку, ставшему подеста Флоренции. Лапаччо вернулся затем к себе, сообщив землякам, что уведомил названного подеста об его избрании и о том, что этот человек согласился принять должность. А по возвращении во Флоренцию названный Лапаччо заболел и едва не умер.

Я полагаю, что судьба, знавшая, как он суеверен и сколь дурной приметой считает он прикосновение к покойникам, захотела подшутить над ним рассказанным выше способом, ибо происшедший с ним случай был для него совершенно небывалым; произойди он с другим, он не был бы таковым. Но сколь различна природа людей! Ведь есть много таких, которые не боятся примет, и им ничего не стоит лежать с покойниками и находиться с ними; есть и такие, которые спокойно ложатся в постель, где прячутся змеи, скорпионы и всякие ядовитые твари и гады; но есть и такие, которые избегают одеваться в зеленое, ибо это самый опасный цвет; а иные ни за что не начнут какого-нибудь дела в пятницу, ибо это день нашего искупления. И то же можно сказать о многих других воображаемых и неразумных вещах, которых столько, что

их и не уместить в этой книге

Новелла 50

О шуте Рибби, одевавшемся в платье из романьольского сукна и попросившем жену мессера Америго Донати, когда у него изорвался кафтан, заплатать его алым сукном, и о том, что он ответил тем, кто смеялся над ним

Этот Рибби¹³³ однажды поступил еще лучше, дав заплатать свой кафтан: он извлек из этого выгоду получше, чем когда сочинил ответ о факеле с ручкой.

Он носил кафтан из романьольского сукна,¹³⁴ который был стар и изорвался на груди и на локте. Обедая однажды утром у мессера Америго Донати¹³⁵ из Флоренции, он прошел в комнату к его жене, ибо, как все шуты, он был в добрых отношениях с женами кавалеров, и сказал ей: (Мадонна такая-то, нет ли у вас немного ярко-красного сукна?)

Дама сказала: «Рибби, что ты, шутишь?»

Рибби сказал: «Нет, мадонна; напротив, я говорю так серьезно, как только могу; я очень хотел бы, чтобы вы залатали мне этот кафтан».

Дама сказала: «В добрый час! Ты хочешь залатать романьольское сукно ярко-красным?»

Рибби ответил: «Ах, мадонна, не беспокойтесь об этом; если сукно у вас есть, окажите мне эту услугу».

Дама, которой очень хотелось увидеть такую небывалую вещь, сказала: «Сукно у меня есть, и я почию тебе кафтан, раз ты этого хочешь; но будет непривычно видеть такую починку».

Рибби сказал: «Мадонна, вы говорите правду; но так как я ищу необычного, ибо я и сам человек необычный, то я и делаю это. А когда дело будет сделано, то не пройдет и трех дней, как вы будете довольны и узнаете причину этого».

И скоро, обождав немного после полдника с мессером Америго, он отправился к себе и затем, переодевшись в другой кафтан, вернулся со старым под мышкой к названной даме, которая залатала его в тот же день двумя новыми кусками настоящего алого сукна. Получив обратно залатанный кафтан, он на другое утро надел его и, выйдя на улицу, отправился на Новый рынок, где рассчитывал встретить побольше народу. Каждый, кто его видел, говорил: «Эй, Рибби, что это такое? Ты залатал романьольское сукно алым!»

А Рибби отвечал: «Хорошо, если бы и все остальное было алого цвета».

И, таким образом, в течение нескольких дней потешал он этим своим кафтаном и своими словечками флорентийцев, которые угощали его хорошими ужинами и полдниками. Потом (когда вещь эта перестала удивлять людей) отправился он в Ломбардию, взяв с собою в сундучке свой кафтан, и там являлся в нем ко многим синьорам. И когда ему говорили: «Что это значит, Рибби? Зачем ты залатал романьольское сукно алым?», он отвечал: «Хорошо, если бы и все остальное было алого цвета», добавляя к этому еще несколько слов: «Флорентийцы, у которых нет земель, видя как плох мой кафтан из романьольского сукна и как он изорвался в разных местах, стали шить мне в двух местах новый, как вы видите, из алого сукна. Я полагаю, что остающиеся места, — а их гораздо больше, — будут заполнены теми синьорами-землевладельцами, к которым я пришел в своем кафтане».

И так он говорил всюду, куда приходил, так что все его романьольское сукно было покрыто алым, и, кроме того, он получил еще некоторое количество такого же красивого

---

133 [133] Саккетти воспользовался традиционным образом шута Рибби, о котором говорит Боккаччо (Декамерон, день VIII, нов 5)

134 [134] Романьольское сукно – грубое некрашеное сукно, которое выделывали в Романье.

135 [135] Двое из семьи Донати носили имя Америго. Здесь, очевидно, имеется в виду сын вождя черных гвельфов Корсо Донати, живший в первой половине XIV в.

платья. Когда жена мессера Америго узнала, что принесли Рибби две алые заплата, наложенные ею на его романьольское сукно, то убедилась, что он столь же находчив и остроумен, как и всякий другой шут.

Эти словечки и изречения Рибби можно было бы приводить очень часто, хотя я не знаю, кладутся ли теперь заплата по бедности или по легкомыслию. Ведь не только платье носится изрезанное и заплатанное и разукрашенное отделкой разных цветов, но люди не довольствуются даже чулками, если один из них красного, а другой иного цвета. Нужно, чтобы каждый чулок был составлен из трех или четырех разных цветов, точно так же разрезаются и раскрашиваются материи, которые ткуются с большим трудом.

Новелла 51

Сер Чоло из Флоренции идет без приглашения на пир к мессеру Буонаккорсо Беллинчони дельи Адимари; ему говорят об этом; а он, будучи прожорлив, остается и отвечает так, что потом нередко бывает за столом в этом доме

Сер Чоло¹³⁶ имел не меньше желания наполнить свое тело, чем Рибби одеть свое.

Так вот, в те времена, когда он был весьма прожорливым и жадным старичком, мессер Буонаккорсо Беллинчони, знаменитый флорентийский кавалер,¹³⁷ давал пир наиболее известным кавалерам и другим людям. Прослышав о названном пире, сер Чоло решил явиться на него в числе других, и если его не прогонят силой, то сесть за стол и есть то, что будут есть остальные. С этой мыслью он тронулся в путь и направился к дому названного мессера Буонаккорсо. Увидев, что на улице перед входом в дом собрались, как это водится, кавалеры и другие достопочтенные люди, он ускоряет свои шаги, подходит к собравшимся и вмешивается в толпу.

Тем временем все гости собрались, и их попросили подняться в дом; и сер Чоло идет по лестнице вместе с ними. Войдя в залу, каждый снимает с себя плащ; быстро снимает с себя плащ и сер Чоло. Один из слуг дома говорит тогда другому: «Какого черта делает здесь сер Чоло?»

А тот отвечает: «Я не знаю; он наглец, так как мне хорошо известно, что его нет в списке приглашенных».

Оба они подходят к нему и говорят: «Сер Чоло, вас не приглашали; лучше вам уйти домой».

Сер Чоло говорит: «В таком случае хорошую я оказал бы честь мессеру Буонаккорсо; ведь каждый сказал бы тогда, что он велел выгнать меня из скупости. Я же пришел сюда с добрыми намерениями, а не для того, чтобы позорить кого-нибудь. Если меня не пригласили, то ошибка в том не моя: виноват тот, кому поручили раздавать приглашения»; и он подходит к умывальнику вместе с соседом и моет себе руки.

Тщетно убеждают его слуги и словами и знаками; сер Чоло присоединился к другим, и когда они отправились к столу, то и он пристал к ним и уселся за стол. Мессер Буонаккорсо, следивший за всем этим, спросил после обеда у своих слуг, по какой причине или с кем пришел к обеду в дом сер Чоло и о чем он спорил с ними. Те отвечали, что спрашивали его, кто его пригласил, и рассказали, что он им ответил и на какую причину своего прихода сослался. Тогда мессер Буонаккорсо, услышав о том, как отвечал сер Чоло слугам, остался гораздо более удовлетворенным и поступком, и шуткой сера Чоло, и полученным им обедом, нежели пиром, который он устроил для всех прочих своих гостей. После торжественного пиршества, на следующий день, мессер Буонаккорсо послал серу Чоло приглашение к обеду и, переспросив о

---

136 [136] Провербиальный персонаж, тип паразита; уже известен в сборнике XIII в. «Новеллино», а также в «Эпистоле» XII Данте (о нем же см нов 52)

137 [137] Беллинчони дельи Адимари принадлежал к знатной флорентийской семье. Жил в первой половине XIII в., в 1261 г. был изгнан как гвельф и отправился послом к Конрадину Швабскому.

происшедшем накануне, он очень увеселялся, и, позвав затем своих слуг, сказал им в присутствии сера Чоло: «Всякий раз, когда у меня будет происходить торжественное пиршество, не забудьте ставить лишний прибор для сера Чоло: я хочу, чтобы он всегда имел возможность и считал своим долгом являться к моему столу, когда я приглашаю гостей». И, обернувшись к серу Чоло, он сказал: «Итак, я вас приглашаю». А сер Чоло весьма охотно принял приглашение.

И благодаря этому мессер Буонаккорсо пустил его в ход настолько, что во Флоренции не происходило такого пира, на который бы не явился сер Чоло или на котором бы для сера Чоло не ставили лишнего прибора на случай его прихода. И, пользуясь таким преимуществом, прожил он свою старость.

И потому существует пословица, которая говорит: «Ну, ступай, и не нагличай». Мир этот принадлежит наглецам, а грех чревоугодия делает людей наглыми. Но редко дело кончается так благополучно, как это случилось с сером Чоло, который, будучи побуждаем этим пороком и прослышав о яствах, которые мессер Буонаккорсо готовил для названного пира, и желая во что бы то ни стало отведать их, подверг себя опасности быть избитым палками и выгнанным с позором. И говорят, что он первый произнес, возвращаясь домой с обеда у мессера Буонаккорсо, те слова и то изречение, которое мы хотим привести здесь: «Кто идет, угощается всем, а кто сидит, остается ни с чем».

Новелла 52

Сандро Торнабелли, видя, что один человек хочет посадить его в тюрьму за долг, о погашении которого у него была расписка уговаривается с судебным приставом, что он даст себя посадить, а потом они с приставом получают по равной сумме

Также и следующая новелла рассказывает о хитрости, с помощью которой был наполнен кошелек, подобно тому как сер Чоло с помощью ее наполнил свое тело.

Не так много лет тому назад жил во Флоренции горожанин по имени Сандро Торнабелли,¹³⁸ который был столь жаден до денег, что всегда держался начеку и был готов сделать ловкую операцию. Будучи уже стариком, он прослышал как-то, что один молодой человек хочет посадить его в тюрьму за старый долг, уже выплаченный его отцу, о чем молодой человек не знал, тогда как у названного Сандро имелась на то расписка. И вот, зная об этом, Сандро не успокоился, пока не повидался с судебным приставом по имени Тотто Феи,¹³⁹ у которого в руках было это дело и приказ о заключении должника в тюрьму; встретившись с ним, Сандро сказал ему: «Я знаю, братец, что такой-то хочет, чтобы ты арестовал меня по его ходатайству, и хочет дать тебе за это двенадцать флоринов, и даже больше. Обязательство, за которое он хочет арестовать меня, погашено, и дома у меня есть на то расписка. А потому я хочу сказать тебе так. Ты нуждаешься, и я тоже не самый богатый человек на свете. Я хочу, чтобы ты продолжал вести это дело. Договорись же с тем человеком, чтобы получить от него по возможности больше денег, а потом арестуй меня, так как я согласен на это, но с условием, чтобы деньги, которые ты получишь от него, пошли наполовину тебе, а наполовину мне. А когда ты меня арестуешь и уплата тебе будет произведена, тогда я предъявлю расписку, в ту минуту, когда это потребует».

Выслушав Сандро, пристав согласился арестовать его, совершая обман и предпочитая это отказу от обмана, потому что человек он был плохой, как это видно из того, что у него была отрублена рука. Причиною этого послужило то обстоятельство, что за лжесвидетельство в пользу одного своего приятеля он был присужден к уплате восьми лир или отсечению руки. Тогда тот, в пользу кого он дал показание, послал ему в тюрьму восемь лир и сказал, чтобы он оплатил этими деньгами свое свидетельство, потому что он предпочитает этот расход тому,

138 [138] Сандро Торнабелли был приором в 1350 г. и уполномоченным по имуществу изгнанников в 1361 г.

139 [139] О Тотто Феи упоминается в документе 1360 г., как о после флорентийской коммуны.

чтобы приятелю отрубили из-за него руку. Тот, видя деньги перед собой на столе, – а были это все серебряные гроссы,¹⁴⁰ – и разглядывая их пристально, а с другой стороны, положив на стол руку, которую должен был потерять, он стал говорить про себя: «От чего мне лучше отказаться, от руки или от денег? Если мне отрубят одну руку, то у меня останется еще другая; а имея одну, я прокормлюсь очень хорошо, и даже лучше, если буду обладать восемью лирами, чем оставаясь с двумя руками, но без этих денег, и по-прежнему беден и нищ». И затем он вспомнил, что видел многих людей, у которых вовсе не было рук и которые все же жили. Поэтому он решил на все и дал отрубить себе руку.

Я хотел рассказать об этом, чтобы показать, каким человеком был этот пристав. После того как он весьма охотно договорился с названным Сандро (потому, что тот был видным горожанином и в особенности потому, что занимал все общественные должности – или большую часть их – во Флоренции, так что немногие пристава осмеливались бы наложить на него руки вопреки его воле, как из-за должностей, которые он занимал, так и из-за его странного характера), названный Сандро подготовил и устроил все с описанным выше приставом. Через несколько дней после этого Сандро был схвачен названным Тотто Феи и по указанной причине отведен во дворец подеста и посажен в Болоньяну.¹⁴¹ Тот же человек, по желанию которого был произведен арест, как только пристав уведомил его об аресте, тотчас явился в означенный дворец, чтобы требовать крепкой охраны узника и сделать отметку о состоявшемся его аресте, как это водится.

Сандро стоял у тюремного окна с железной решеткой, выходящего во двор, и кивал названному приставу, как он уговорился с ним; а пристав подошел к молодому человеку и потребовал у него шестнадцать флоринов, которые тот обещал ему дать. Сандро же у окошка следил глазами и прислушивался ко всему. Молодой человек дал приставу слово: «Я дам их тебе наверно».

Пристав принимается говорить: «Ой, ой! Разве это дело говорить: я дам их тебе? Ведь, находясь в тюрьме, он угрожает мне, и я, быть может, еще погибну от ножа».

И после этого он начинает прохаживаться взад и вперед, приближаясь неоднократно к окну, где находился заключенный Сандро; и всякий раз, когда пристав подходил к окну, Сандро говорил так, что слова его слышал и молодой человек, и всякий другой: «Клянусь телом божьим, я отплачу тебе за это», а потом тихо спрашивал пристава: «Уплатил он тебе?»

Пристав делал знак, что нет, и тогда выступал Сандро и говорил громко: «Пусть ничего хорошего у меня не будет в жизни, если я не отплачу тебе и если тебе не придется солоно за мое заключение».

Одновременно с этими словами Сандро, Тотто поворачивался к молодому человеку и говорил ему: «Ой, ой! Уплати мне! При всей своей бедности я готов был бы дать тебе сам эти деньги, лишь бы ты не арестовывал его: ведь он, как ты слышишь, грозит стереть меня с лица земли. Не заставляй меня ждать, прошу тебя».

А тот отвечал: «Подожди немного; как будто я собираюсь убежать от долга». Тогда пристав, словно разгневанный, пожимая плечами, шел к окну, и когда Сандро видел, что он приближается к нему, спрашивал его тихо, получил ли он деньги; если же пристав говорил, что нет, то Сандро еще сильнее угрожал ему, и делал это до тех пор пока тот не получил шестнадцать флоринов. Когда Сандро узнал от Тотто, что уплата произведена, он сделал вид, будто послал кого-то к себе домой, а когда посланный якобы вернулся, стал говорить: «Много есть на свете людей, глупых как ребята, которые арестуют за оплаченные долговые обязательства. Клянусь телом господним, что их следовало бы повесить». И в присутствии всех тех, кто был во дворе, и того, кто велел его арестовать, он предъявил расписки в уплате долга; при виде их молодой человек сильно смутился и попросил прощения у Сандро, потому что ничего не знал об этом.

Сандро сказал: «Если ты не знал этого, узнай теперь. Кто вернет мне честь после позора, который ты навлек на меня?» Молодой человек вскоре после этого упросил своих родичей и

---

140 [140] Гросс – серебряная монета, стоимостью 5–6 сольдо.

141 [141] Болоньяна – так называлась башня Барджелло.

друзей помирить его с Сандро, что и было сделано, но с большим трудом. И он остался без трехсот флоринов, которые, по его мнению, он должен был получить, как Угетто дель Азино,¹⁴² и без шестнадцати флоринов, которые дал Тотто Феи.

Тонкой и коварной проделкой было рассказанное здесь, когда названному Сандро пришлось в голову прибегнуть к такой хитрости и подвергнуться такому позору ради небольших денег. Но еще более необычайным делом является, когда кто-нибудь взят за долг, причем тот, кто велел его арестовать, ждет, чтобы взятый уплатил ему, а взятый ждет не дожидается, чтобы уплатить и, таким образом, выйти из тюрьмы. Здесь же произошло обратное; ведь тот, кто был взят, ожидал, когда заимодавец, который велел арестовать его, уплатит деньги, чтобы ему выйти из тюрьмы. А поэтому никогда не следует шадить пера. Отец оставил молодому человеку обязательство без отметки о его погашении, и никакого упоминания о том, что выдал расписку или долг уплачен; а поэтому-то и случилось описанное. И более того: если бы Сандро был сыном или родственником власть имущего, то с ним могло бы случиться еще худшее.

Новелла 53

В то время как Берто Фольки наслаждался на винограднике любовью одной крестьянки, некий прохожий, прошедший мимо, не разглядев его, прыгнул ему на спину и, вообразив, что это жаба, кинулся бежать, зовя на помощь, и своими криками переполошил все селение

У Берто Фольки¹⁴³ появилось намерение завести любовную интрижку, а приору Ока¹⁴⁴ с помощью ловкого обмана удалось воспользоваться для этого виноградником, – и все осуществилось с таким же успехом, с каким добился исполнения своего желания Сандро Торнабелли.¹⁴⁵

Этот Берто Фольки был одним из забавных граждан нашего города, красивым и занимавшимся в свое время любовными интригами. Уже в течение некоторого времени он перемигивался с одной крестьянкой из прихода Санто-Феличе в Эма,¹⁴⁶ и вот, наконец, однажды, когда названная крестьянка находилась в винограднике, Берто, упорно добиваясь ее любви, склонил ее на свою сторону, и они расположились у окружавшей виноградник, сложенной из камней стены, за которой проходила дорога.

Дело было на каникулах; стояла сильная жара. В это время по дороге шли двое крестьян, возвращавшихся из Санта-Мария Импрунета,¹⁴⁷ и один из них сказал другому: «Мне очень хочется пить. Не сходишь ли ты в этот виноградник за кистью винограда, или, хочешь, схожу я».

Второй ответил: «Сходи ты».

Вскочив с разбега на стену, первый прохожий спрыгнул тотчас же с нее и попал ногами на бок Берто, находившегося позади названной крестьянки, ближе к стене. От прыжка пострадал и перепугался больше Берто, нежели крестьянка, так как прыгнувший слабее помял ее ногами. Почувствовав под ногами что-то мягкое, крестьянин, не оборачиваясь, побежал по названному винограднику, ломая колья и кусты и крича во весь голос: «Помогите, помогите!»

142 [142] Прозвище, придуманное Саккетти, чтобы высмеять глупость собеседника (asino – «осел»).

143 [143] Берто Фольки упомянут в документе 1582 г., умер в 1383 г. Он был зятем соседа и дру] а Саккетти – Якопо дельи Альи.

144 [144] Об этом лице нет никаких сведений.

145 [145] См нов 52

146 [146] Находится в 2 милях от Флоренции.

147 [147] В 7 милях от Флоренции.

Берто же, несмотря ни на что, продолжал свое дело, хотя ему и приходилось очень трудно. На шум, произведенный крестьянином, выбежали люди; одни бросились в одну, другие в другую сторону, спрашивая: «Что такое? Что такое?»

А крестьянин отвечал: «Ой, ой! Я натолкнулся на такую большую жабу, какой мне не попадалось никогда».

Шум между тем возрастал, и сбежавшиеся говорили крестьянину: «Что ты, с ума сошел? Ты переполошил всю округу из-за какой-то жабы».

А тот продолжал кричать: «Ох, братцы! Она больше подноса. Я соскочил на нее, и мне показалось, как будто я прыгнул на большое легкое или печень какого-нибудь зверя. Ой, ой, никогда-то я не приду в себя».

Между тем товарищ его (а может быть, это был его родственник), ожидавший винограда, испугался, когда раздался шум; он подумал, как бы не вышло каких-нибудь неприятностей, если спутник его подвергся нападению и убит, стал кричать сам, призывая на помощь, и побежал со всех ног обратно. В Сан-Феличе ударили в набат, а вслед за тем в Поццолатико,¹⁴⁸ и во всей округе. Все бегут, кто с одной стороны, кто с другой, и спрашивают: «Что случилось? Что это за шум, да в такой час?»

Тем временем бывшая с Берто женщина расстается с ним, бежит к себе в дом, к мужу, и кричит: «Ах, я несчастная! Что это за шум?»; она столкнулась с мужем в ту минуту, когда он, подобно остальным, бежал к площади Санто-Феличе, и сказала ему: «Ой, ой, муженек, что это значит? Я с таким удовольствием – знает бог – жала в нашем винограднике траву для нашего бычка, а тут вдруг поднялся такой шум, что я еле жива».

Берто является на площадь с другой стороны и спрашивает: «Что это за новости? Что тут за беда?»

А крестьянин, который прыгнул на него, отвечает ему: «Как что? Разве вы ничего не слышали? Я полагаю, что едва ли кто видел или встречал когда-нибудь такую огромную жабу, как та, которая мне попала на винограднике. Но хуже всего то, что я прыгнул на нее. Только каким-то чудом она не обрызгала меня своим ядом, и все-таки я не уверен, что не умру от этого».

Берто ответил: «Ты, ей-богу, забавный человек! А если бы ты встретил дьявола, что бы ты тогда сделал?»

Крестьянин сказал ему: «Лучше бы мне встретить дьявола, чем такую жабу».

В эту минуту явился на площадь второй крестьянин, очень расстроенный и громко крича. Увидев своего товарища, он бросился ему на шею со словами: «Ой, ой, дорогой товарищ! Что с тобой случилось? Кто на тебя напал? Я уже думал, что тебя нет в живых».

Тогда спутник его, едва опомнившись, рассказал ему про жабу. После этого Берто обратился к ним и сказал: «Какие вы любезные люди! Вы оторвали от работы почти всех жителей этой местности. Я сам трудился над одним делом и был настолько глуп, что вместе с другими прибежал сюда».

После такого разговора, когда один говорил одно, другой – другое, Берто заметил: «Я давно уже бываю в этой местности и уже в старые времена слышал, что один человек видел на этом винограднике огромную жабу. Может быть, это та самая и есть».

Все в один голос утверждают, что это так, потому что стены там сложены без извести и камни кое-где обвалились; вполне возможно, что жаба между камней сильно выросла.

На этом все разошлись по домам. Когда все ушли, Берто направился обратно во Флоренцию; но не далее как на расстоянии выстрела из самострела от площади он встретил возвращавшегося из Флоренции приора Ока, жителя этого места и забавнейшего человека. Приветствовав Берто как близкого друга, Ока заставил его вернуться обратно, выразив пожелание, чтобы он провел этот вечер вместе с ним. Когда Берто, приняв приглашение, возвращался с приором, тот спросил его: «Я слышал по дороге, что здесь был большой шум; в чем дело?»

Берто ответил: «Дорогой приор, если вы никому не скажете, я поведаю вам о самом необыкновенном происшествии, какое когда-либо происходило, с тех пор, как вы живете на

148 [148] Поццолатино относится к приходу Импрунеты, в нескольких милях от Флоренции.

свете».

Приор сказал на это: «Берто, хорошо! По рукам (и он протянул ему свою руку). Клянусь тебе, а кроме того, знай, что я священник».

После этого Берто рассказал ему начало, середину и конец происшествия. Приор был человек тучный; в течение довольно долгого времени он не мог поэтому передохнуть: так он хохотал до упаду. После того как они поужинали вместе и весело провели за рассказами ночь, названный Берто вернулся на следующее утро во Флоренцию; а приор, пораздумав после обедни над тем, как извлечь из этого происшествия какую-нибудь выгоду, поговорил со своими прихожанами о случившемся и о шуме и увещевая их не приближаться к винограднику, так как подобного рода жаба представляет собой большую опасность, даже если она взглянет на кого-нибудь, не говоря уже о том, если она обрызгает своим ядом. Поэтому, кроме Берто и крестьянки, мало кто решался пойти на виноградник. Видя, что никто не хочет его обрабатывать, приор столкнулся с хозяином виноградника и снял его, говоря: «Я пойду на риск; я знаю молитву и заклинание, которое против этого хорошо помогает; а кроме того, мой работник – дурак и о таких вещах не беспокоится».

Чтобы закончить новеллу, скажу, что приор снимал названный виноградник в течение нескольких лет за небольшие деньги и получал с него в год когда восемь, а когда и десять коньо вина; а владельцу виноградника казалось, что он наживает на нем, уже по одному тому, что он не оставался необработанным и содержался в порядке. Таким образом, приор Ока использовал удобный случай, а Берто часто ходил к нему выпить вина и устраивался так, что никому уже не приходилось больше прыгать на жабу.

Что же сказать о тех случаях и событиях, к которым приводит любовь? Не думаю, чтобы среди необычайных происшествий, вызванных ею, встречалось когда-нибудь, нечто подобное. Невзирая на все это смятение, под звуки набата и шум, поднятый местными жителями, Берто закончил свою работу, а приор Ока благодаря данным им своим прихожанам указаниям заработал за несколько лет, пожалуй, сорок коньо вина; и он заслужил это, так как был весельчаком и охотно делал одолжение другим.

Новелла 54

Флорентиец Гирелло Манчини рассказывает своей жене то, что он о ней слышал, а жена в свое оправдание делает буквально то, о чем говорилось в одной компании

Жена Гирелло Манчини¹⁴⁹ была женщиной из другого теста и платила мужу той монетой, которую он искал.

В городе Флоренции, на площади Санто-Пулинару,¹⁵⁰ собирались всегда любопытные, стекавшиеся из разных мест. Однажды случилось так, что когда в названном месте собралась кучка людей, среди которых находился некто по имени сер Наддо, а также Гирелло Манчини и другие, какой-то любитель посудачить стал рассказывать любопытные вещи о своей жене, чтобы вызвать присутствующих на рассказы о своих и чужих женах. И вот, когда тот да другой стали говорить и за, и против своих жен, сер Наддо сказал Гирелло, высказывавшемуся против жены сера Наддо: «Гирелло, твоя монна Дуччина так толста, что она едва ли может потереться, после того как побывает в известном месте».

И так продолжали они говорить о своих и чужих женах всякие вещи, пока ночь и час, когда следует возвращаться по домам, не нарушил их беседы. Вернувшись домой, Гирелло стал раздеваться, потому что дело было в июне и жара стояла большая, и направился затем в свою комнату. Подойдя к кровати, он присел на нее, прежде чем улечься, а жена его, монна Дуччина, ходила в это время по комнате в одной рубашке, прибирая какую-то свою мелочь. Взглянув на нее, Гирелло вспомнил то, о чем говорил вечером сер Наддо, и сказал ей: «Дуччина, а знаешь

149 [149] Персонаж этот неизвестен.

150 [150] Вернее площадь Сант'Аполлинаре, ныне Санта-Фиренце; неподалеку отсюда находился дом Саккетти.

ли ты, что мне нынче сказали на углу у Сан-Полинари?»

Дуччина ответила на это: «Что-нибудь дурное. Или что?»

Тогда Гирелло сказал: «Мне сказали, что когда ты удовлетворишь свою нужду, то ты, наверное, не можешь подтереться».

Услышав это, Дуччина принялась выговаривать мужу: «Чтоб вам плохой год да плохая пасха! Вы только и знаете, что говорить о других дурные вещи».

И в порыве гнева она, как была, в рубашке, присела вдруг посреди пола и сказала мужу: «Смотри, могу ли я наклоняться», и протянув руку к..., словно собиралась подтереться, издала столь громкий звук, что он напомнил бомбарду.

Увидев сперва позу жены, а затем услышав звук, Гирелло сказал: «На это я тебе ничего не отвечу, раз здесь нет сера Наддо».

А Дуччина, собираясь прикрыться, сказала: «Только сера Наддо и не хватало. Чтоб ему столько плохих лет, сколько никогда никто не проживал! Старый хрыч! Если я его увижу, я изругаю его как осла».

Гирелло ответил на это: «Ты дала доказательство, а еще сердишься. Что же наговорила бы ты, если бы ты этого не сделала?»

Жена сказала тогда: «Какое доказательство, черт возьми? Все вы хуже трех тузов!»¹⁵¹

Гирелло заметил на это: «Жена, спи-ка теперь, ладно. Завтра я приведу сюда сера Наддо, и мы увидим, что выйдет из этого дела и кто прав».

Тогда Дуччина сказала: «Как прав? Это у вас-то правота! Клянусь крестом господним: если ты приведешь его сюда, я запущу ему в голову ступкой. Знаешь ты как дело было, Гирелло? Ты увидел сера Наддо и рассказал ему. Ведь если бы ты был тем, чем должен был бы быть, так он не осмелился бы сказать худого слова о твоей жене, где бы ты ни был. Хороши ваши разговоры! Оставьте в покое меня и других женщин и говорите лучше о себе, негодные люди, в которых ничего нет путного! Я бы очень хотела, чтобы сер Наддо и прочая дрянь были вот здесь, как ты: я бы им прямо в лицо устроила то доказательство, которое дала тебе, потому что ничего другого вы не стоите».

И после этого Дуччина улеглась в постель, продолжая ворчать, пока не заснула. Поутру Гирелло встал и, походив некоторое время по улице, встретил сера Наддо и остальных; обсудив данное Дуччиной доказательство, они заявили, что она права и что в случае надобности она произвела бы не то, что обыкновенный..., а и выстрел из арбалета.

Любопытно, что делают часто бесчестные мужья: в кругу товарищей они частенько рассказывают непристойные вещи о своих женах, и еще чаще о чужих. А если хорошенько вникнуть в дело, то женщины могли бы, пожалуй, больше рассказать такого о мужчинах; но они столь рассудительны, что не делают этого. Мужчины же, в которых должно было бы быть больше добродетели и благорасположения, менее рассудительны, нежели они. Ведь Гирелло не довольно было слышать дурное о Дуччине и, может быть, самому злословить о ней; он еще, кроме того, повторил эти речи так, чтобы и она о них знала.

Новелла 60

Брат Таддео Дини показывает в Болонье после проповеди в день св. Екатерины ее руку, обронив при этом перед собравшимися забавное словцо

Много раз случается, что с мощами сильно обманывают, как это и случилось не так давно во Флоренции. Флорентийцы получили из Апулии руку, которую им выдали за руку св. Репараты.¹⁵² Когда она с большими церемониями была доставлена в город, ее в течение нескольких лет торжественно показывали в день праздника святой. Но, в конце концов, было установлено, что рука деревянная.

151 [151] Выражение заимствовано из игры в кости, в которой три очка являются наименьшей комбинацией.

152 [152] Ее именем назван кафедральный собор во Флоренции.

Итак, в день св. Екатерины в Болонье находился брат Таддео Дини,¹⁵³ доминиканец, человек почтеннейший. Случилось так, что он произносил на праздник утром проповедь в монастыре св. Екатерины. И вот, когда он закончил проповедь, но не успел еще сойти с кафедры, чтобы начать исповедь, к нему подошли люди с зажженными свечами и передали ему покрытый тканями стеклянный ящик, говоря: «Покажите собравшимся эту руку св. Екатерины».

Брат Таддео, у которого была хорошая память, сказал: «Как так руку св. Екатерины! Я был на Синайской горе¹⁵⁴ и видел преславное тело ее; оно было целым; у него были две руки и все прочие члены!»

На это священники ответили: «Пусть так. Мы считаем, что это действительно ее рука».

С помощью ясных доводов брат Таддео убеждал, что ее не следует показывать. Но, услышав это, настоятельница послала просить его показать руку, говоря, что если бы он не показал ее, то монастырь стал бы привлекать меньше богомольцев. Видя, что ему приходится так или иначе показать мощи, брат Таддео открыл ящик, взял руку и сказал: «Синьоры и дамы, руку, которую вы видите, сестры этого монастыря считают рукой св. Екатерины. Я был на Синайской горе и видел там тело св. Екатерины целиком, и, замечу особенно, с двумя руками. Если у нее их было три, тоэто третья рука», и он стал благословлять ею, как это делается, всех собравшихся.

Те, кто поняли его, смеялись, говоря между собой; многие же мужчины и простые женщины набожно крестились, ибо они не поняли брата Таддео, и никогда не уразумели того, что он говорил.

Вера – дело доброе и спасает каждого, у кого она есть. Но нужно сказать, что порок алчности приводит с мощами ко многим обманам. Скажем хотя бы, что нет такой часовни, в которой не выставляли бы молока девы Марии! Если бы это было подлинное молоко, не было бы более драгоценной реликвии, так как ведь на земле не осталось ничего от ее преславного тела. А между тем молока, которое выдается за ее молоко, выставляется на свете столько, что нужен был бы источник, который бы источал его в течение нескольких дней. Если бы можно было доказать подлинность молока так, как это брат Таддео сделал относительно руки, то подлинность эта не оправдалась бы. Так вот: вера наша спасает нас; если же кто занимается подделками в таких вещах, он несет за это наказание и на этом, и на том свете.

Новелла 61

Мессер Гульельмо да Кастельбарко отнимает у одного служившего у него человека все, что тот заработал у него за многие годы, потому что он ел макароны с хлебом

В области Тренто был некогда синьор, прозывавшийся мессером Гульельмо да Кастельбарко.¹⁵⁵ И был при нем на жалованье (как я когда-то слышал) некий человек по имени Бонифацио да Понтриемоли,¹⁵⁶ которого он очень любил, потому что тот, будучи достойным человеком и заведывая его пошлинами и налогами, заслуживал этого. От жалованья и пользы от службы, поступая, однако, вполне честно, он разбогател и имел денег, пожалуй, шесть тысяч лир в болоньинах. И вот однажды в пятницу, когда Бонифацио сидел за столом с синьором и другими его приближенными и были поданы макароны и разложены по тарелкам перед каждым, синьор, увидев, что названный Бонифацио ест макароны с хлебом (а в названных краях был голод) рассердился и тотчас же приказал своим людям схватить его. Те тотчас же

153 [153] Дини умер в 1359 г. Три его латинские проповеди были изданы в 1906 г.

154 [154] Место погребения Екатерины Александрийской

155 [155] Речь идет о Гульельмо V (1307–1354), зяте Луиджи Гонзаго, знатном феодальном синьоре. Восставшие против него сыновья заставили его бежать в Верону, но позднее он вернул себе дедовский замок.

156 [156] Об этом персонаже нет никаких сведений.

подошли к нему и взяли его. Тогда изумленный Бонифацио спросил синьора: «Синьор мой, что побуждает вас так гневно приказать взять меня?»

Синьор ответил на это: «Ты это отлично знаешь: ты ешь хлеб с хлебом. А между тем ты видишь, что люди голодают и что во всем большая дороговизна. Так что же ты думаешь – что я дурак и этого не вижу?»

Услышав о таком обстоятельстве, Бонифацио решил, что синьор развлекается и начал было улыбаться.

Тогда синьор сказал ему: «Ты смеешься, а? Я заставлю тебя смеяться иначе. Отведите его в тюрьму, и смотрите, чтобы он не убежал».

Бонифаций увели и посадили в тюрьму. Через несколько дней его присудили к уплате шести тысяч лир в болоньинах за то, что он хотел смутить покой не только синьора, но и всей провинции, тем более, что дело происходило во время голода. И пришлось Бонифацию вернуть то, что он когда-либо приобрел на службе у синьора, а также то, что у него было в доме; и уплатил он названные деньги, причем синьор бросил ему такие слова, что он оказал, мол, ему величайшую милость, оставив ему жизнь.

Пусть поэтому служит синьорам всеми силами кто хочет. Ведь несомненно, что, кто не умеет расстаться с ними и служит им всеми силами, редко кончает хорошо, как это видно на судьбе многих, о которых можно было бы рассказать. Названный мессер Гульельмо отнял также все, что тот имел, у одного из своих слуг или подчиненных за то, что тот велел сунуть его оружие на каминную плиту, поставленную для того, чтобы задерживать дым. Виновник получил затем по заслугам... его уморили в тюрьме.

Новелла 62

У мессера Мастино служил некий человек, который управлял его делами; когда Мастино заметил, что тот обогатился, он требует от него предъявления счетов; но управитель пускает в ход тонкую хитрость, так что Мастино предпочитает не просматривать счетов

В те времена, когда мессер Мастино¹⁵⁷ правил Вероной, попал ему в руки некий человек, который служил пехотинцем и был взят в плен, и стал он служить у Мастино. Будучи человеком опытным и сведущим, он прослужил у него целых двадцать лет, очень хорошо распоряжаясь при этом делами синьора, и разбогател. Пришло в голову мессеру Мастино то же самое желание, что и мессеру Гульельмо в предыдущей новелле, и задумал он потребовать у своего управителя для просмотра счета, и так и сделал. Однажды утром он позвал его и сказал: «Пойди-ка сюда, приведи в порядок все свои счета по моим делам, которые проходили через твои руки с тех пор, как ты служишь при моем дворе».

Тот почувствовал себя очутившимся в затруднительном положении, так как сообразил, что он никогда не сможет показать синьору то, чего тот требует, но тем не менее ответил: «Дайте мне срок, и я постараюсь исполнить ваше приказание».

А Мастино сказал ему: «Ступай, и когда все будет у тебя готово, приходи; я распоряжусь насчет того, кто вместо меня просмотрит вместе с тобой упомянутые счета».

Управитель ответил: «Все будет сделано, синьор мой».

Он возвращается к себе домой и не видится некоторое время с синьором; но когда он принялся раздумывать над делом, то чем больше он размышлял над ним, тем более затруднительным казалось ему положение, в котором он очутился. Осматривая свой дом, он увидел круглый щит, шлем, дротик, камзол с ножом на поясе – вещи, с которыми он некогда явился к вышеназванному синьору, когда устроился у него на службе. И вот, одевшись так, как он был одет, когда пришел к нему, и захватив с собой все свое старое оружие он, не откладывая дела, на следующее же утро предстал в таком виде перед мессером Мастино.

Увидев его, Мастино изумился и сказал: «Что это значит, что ты так вооружился?».

---

157 [157] Мастино делла Скала правил Вероной в 1329–1351 гг.

– «Синьор мой, – отвечал тот, – вы приказали мне отчитаться в том что сделано мною в ваших делах с тех пор, как я стал слугой вашей милости. Так вот, синьор мой, я не вижу никакого другого лучшего способа сделать это вам, чем тот, какой вы видите. Вы знаете, синьор мой, что, когда я поступил к вам на службу, я был жалким солдатом; вот все, что было тогда на мне и все то жалкое оружишко, которое вы видите сейчас со мною. Тем самым я отчитался. Я не унесу отсюда ничего другого, кроме того, что принес с собой; я уйду бедняком, каким сюда пришел; все остальное добро, так же как дом со всем тем, что в нем находится, я оставляю вашей милости».

Мессер Мастино, как мудрый синьор, взвесив предусмотрительный и тонкий ответ слуги, сказал: «Да не будет угодно богу, чтобы я отнял у тебя то, что ты заработал у меня. Ступай, делай честно мои дела и впредь не сомневайся в том, что я сдержу слово».

Управитель поблагодарил синьора, и показалось ему, что он отчитался вполне хорошо. И до конца своей жизни он оставался при дворе мессера Мастино, и был синьору дороже всех других служивших у него.

Так вот, читатель, подумай, насколько неразумен тот, кто остается долго при дворе какого-нибудь синьора, и как легко синьоры в один миг отворачиваются от человека и лишают его имени. И смотри, не опасно ли это, ибо, вообразив, что слуга собирается убить его, он начинает верить этому и разделяется с ним. А потому, кто хочет кончить игру, когда у него карман полон, пусть не остается до конца боя; ибо большинство, как это можно ясно видеть на многих, лишаются и того, что имеют.

Новелла 63

Великому художнику Джотто¹⁵⁸ передан человеком низкого происхождения для росписи павийский щит. Джотто, чтобы высмеять заказчика, расписывает щит так, что заказчик приходит в смущение

Каждый слышал, вероятно, кем был Джотто и насколько великим художником он был по сравнению со всяким другим. Прослышав о его славе и желая, может быть ввиду намерения своего сделаться кастеляном, расписать свой павийский щит, один ремесленник, человек грубый, отправился тотчас же в мастерскую Джотто в сопровождении слуги, несшего за ним щит, и, застав там Джотто, сказал ему: «Спаси тебя боже, мастер! Мне хотелось бы, чтобы ты написал мне на этом щите мой герб».

Видя, что за человек перед ним и как он себя держит, Джотто сказал только: «К какому времени нужно сделать работу?» Тот объяснил ему.

Тогда Джотто сказал: «Хорошо, я сделаю».

И заказчик ушел. Оставшись один, Джотто начинает рассуждать сам с собой: «Что это значит? Уж не послали ли его, чтобы посмеяться надо иной? Все равно. Никогда еще не приносили мне для росписи щита. Принесший его – простой человек, а хочет, чтобы я написал ему его герб, словно он из французских королевичей. Нужно сделать ему непременно совершенно особый герб». Рассуждая так сам с собой, он стал перед упомянутым щитом и нарисовал на нем то, что ему пришло в голову, а затем сказал одному из своих учеников, чтобы тот закончил работу в красках. Ученик так и сделал. На щите были написаны: шлем, нашейник, пара нарукавников, пара железных перчаток, пара нагрудников, пара набедренников и поножей, меч, нож и копье.

Когда доблестный человек, не знавший сам, что он такое, явился, он прошел к Джотто и говорит: «Ну, что, мастер, расписан мой щит?»

Джотто ответил: «Да. Принеси-ка его сюда».

Когда щит явился, воображавший себя дворянином стал рассматривать его и говорит Джотто: «Что это за пачкотню ты мне здесь изобразил?»

158 [158] Джотто (1266 или 1276–1337) – великий итальянский живописец. О нем рассказывают многие новеллисты, в том числе Боккаччо и Саккетти Вазари лестно отзываясь и данной новелле в «Жизни Джотто»

Джотто ответил: «А вот при уплате это покажется тебе настоящей пачкотней».

Заказчик возразил: «Я не заплачу за это и четырех динариев».

Джотто спросил: «Что же ты просил меня написать?»

Тот ответил: «Мой герб».

Тогда Джотто спросил: «А разве его здесь нет? Разве здесь чего-нибудь не хватает?»

Тот ответил: «Все на месте».

Джотто сказал тогда: «Пусть бог тебя накажет; ты, должно быть, большая скотина; ведь если бы кто спросил тебя, кто ты такой, так ты едва ли бы сумел ответить, а ты являешься сюда и говоришь: „Изобрази мне мой герб“. Если бы ты был из Барди,¹⁵⁹ то этого было бы достаточно. Какой у тебя герб? Из каких ты? Кто были твои предки? Как тебе не стыдно! Едва ты показался на свет, а уже рассуждаешь о гербах, словно ты Дуснам баварский.¹⁶⁰ Я изобразил на твоём щите все твоё вооружение; если чего-нибудь не хватает, скажи, и я напишу недостающее».

Заказчик ответил: «Ты говоришь мне грубости; ты испортил мне щит».

После этого он уходит, отправляется в Граша¹⁶¹ и требует, чтобы Джотто вызвали на суд. Джотто является, требует вызова истца и уплаты за роспись двух флоринов; а тот требует уплаты двух флоринов ему. Выслушав доводы, судьи ввиду того, что объяснения Джотто были более вескими, постановили, чтобы заказчик взял свой расписанный, как он есть, щит и уплатил Джотто шесть лир, так как Джотто был прав. Так и при шлось ему взять щит и уплатить деньги, после чего его отпустили. Таким образом, тому, кто сам не знал своего места, его указали другие. Ведь каждый ничтожный человек хочет иметь герб и быть родовитым; а среди подобных людей есть такие, что отцы их были подобраны и помещены в убежищах для брошенных детей.

Новелла 64

Аньоло ди сер Герардо отправляется на турнир в Перетолу, будучи семидесяти лет от роду. Лошади его под хвост кладут репей чертополоха, почему она несется, не останавливаясь, до самой Флоренции, а всадник подпрыгивает все время на ней со шлемом на голове

Не так давно жил во Флоренции чужак, которого звали Аньоло ди сер Герардо,¹⁶² человек вроде шута, который передразнивал любого. Так как он водился с некоторыми гражданами, которые находили в этом общении удовольствие, и в то время была мода на турниры, то Аньоло отправился кое с кем из своих знакомых в Перетолу,¹⁶³ куда они направились на турнир, и принял также участие в состязаниях. С этой целью он выпросил у жителей Красилена в Борго Онбиссанти лошаденку, настоящую клячу, высокую и тощую настолько, что она представлялась воплощением голода. Прибыв в Перетолу, наш молодец приказал надеть на себя вооружение и стал в той стороне площади, откуда ему приходилось скакать в направлении Флоренции. Приятели Аньоло в один миг надели ему на голову шлем, дали в руки копье и подложили под хвост лошади репей чертополоха. Седло было очень высоким, так что от Аньоло виден был один только шлем, и он напоминал в таком виде человека, о котором

---

159 [159] Барди – одна из знатнейших флорентийских гибеллинских семей.

160 [160] Герцог Немой Баварский – один из двенадцати пэров французской эпической поэмы «Песнь о Роланде» и рыцарских романов.

161 [161] Граша – магистрат и торговая палата во Флоренции (буквально «жир», «сало»).

162 [162] Тип флорентийского Дон-Кихота. Об этом Аньоло (сер Герардо или сер Бенги) Саккетти, очевидно, его лично знавший, говорит в своих стихах; возможно, что Аньоло в 1382 г. еще был жив.

163 [163] Замок в 3 милях от Флоренции.

неоднократно сам рассказывал в обществе друзей.

Кляча, снявшись с сидевшим на ней Аньоло с места и почувствовав чертополох, принимается делать скачки; Аньоло болтается в седле между луками во все стороны и роняет свое копьё на землю, а лошадь бросается из стороны в сторону, лягается и, наконец, пускается вскачь по направлению к Флоренции. Все стоявшие кругом разразились смехом, Аньоло было не до смеха, так как он самым жестоким образом ударялся об обе луки, и в таком виде, терзаемый при каждом шаге и толчке, достиг ворот Прато.¹⁶⁴ В бешеной скачке влетел он в ворота, так что таможенная стража совершенно растерялась, и, пронесшись вниз через Прато, где каждый мужчина и женщина спрашивали в изумлении: «Что это значит?», доскакал до Борго Оньиссанти.

И здесь-то лошадь начала носиться, и бросаться вперед, и бить задом, так что каждый убегал и кричал: «Кто это такой? Что это значит?»

А лошадь продолжала свое, пока не достигла Красилен, где находился ее двор. Здесь ее схватили за поводья и ввели во двор.

Когда Аньоло спросили: «Кто ты такой?», то он только вздыхал и жаловался; когда ему развязали шлем, он кричит и жалуется: «Бедный я! Делайте потихоньку».

После того как с Аньоло сняли шлем, голова его походила больше на череп или на голову человека, умершего несколько дней тому назад.

Его стянули с седла, что стоило усилий другим и боли ему самому. Все время продолжая жаловаться, он никак не мог держаться на ногах, поэтому его положили на кровать. Когда вошел тот, кому принадлежали дом и лошадь, и он узнал, в чем дело, то разразился смехом, и, пройдя туда, где находился Аньоло, сказал: «Я не думал, Аньоло, чтобы ты был Джаном ди Грана¹⁶⁵ и принял участие в турнире. По крайней мере, когда ты просил у меня лошадь, то тебе, наверное, нужна была не эта, а другая, ибо эта не для турнира, и ты ее испортил.

Аньоло отвечал: «Испортила она меня, потому что она, видимо, с норовом. Если бы у меня была хорошая лошадь, то я нанес бы противнику хороший сокрушающий удар и заслужил бы честь, тогда как теперь я опозорен. Прошу тебя, пошли теперь, ради бога, за моим платьем в Перетолу, да вели передать тем молодым людям, что я не пострадал нисколько, потому что доброе вооружение спасло меня».

Тогда послали за его платьем, вслед за которым явились и те, кто устроили себе из этого дела развлечение. Войдя к Аньоло, они спрашивают его: «Боже мой! Жив ли ты, сер Бенги (таково было его прозвище)?»

– «Ах, братцы, – отвечал он, – я и не думал, что увижу вас когда-нибудь: я весь истерзан. Эта проклятая лошадь уморила меня. Никогда еще я не садился на худшее животное. Очутившись на нем, я почувствовал себя словно в чане красильщика. Наверное, все седло и латы поломаны. Я уже не говорю о шлеме: он иногда так ударялся о седло, что, должно быть, совсем сломан».

Само собой разумеется, что все собравшиеся смеялись. В конце концов, поздно вечером они одели его и отвели под руки в его дом. Здесь жена его выбежала к дверям и стала плакать, словно он уже умер, говоря: «Боже мой! кто это так изранил тебя, муженек?»

Аньоло не отвечал ничего; жена же его продолжала спрашивать: «Что это такое?»

Товарищи Аньоло, сказав, что не о чем тут плакать, оставили его и ушли с богом. Тогда жена Аньоло, обняв мужа, принялась спрашивать его: «Скажи мне, муженек, что с тобой?»

Аньоло попросил, чтобы его положили на кровать, и жена, раздев его и увидя, что он весь в кровоподтеках, сказала: «Кто это так отколотил тебя палкой?»

Тело Аньоло от толчков казалось сделанным из порфира или из мрамора.

Наконец, когда дыхание вернулось к нему, он промолвил: «Я отправился вместе с несколькими приятелями в Перетолу, где каждому пришлось принять участие в турнире. Так как я нисколько не хуже других, то, вспомнив о своих предках из Череттомаджо,¹⁶⁶ и я захотел

164 [164] Городские ворота близ улицы Прато.

165 [165] Испорченное имя одного из героев рыцарских повестей или неизвестного участника турниров.

166 [166] Череттомаджо – замок в районе Муджелло.

выступить на турнире! И если бы лошадь, которая оказалась с норовом и изукрасила меня, как ты видишь, оказалась хорошей, то сегодня я удостоился бы большей чести, чем кто-либо когда-либо, державший в руках копьё за последние несколько лет». Жена, которая была женщиной рассудительной и знала вздорные выходки Аньооло, стала говорить: «Право, ты вовсе обезрассудил, либо ты беспутный старик. Пусть будет проклят тот день, когда меня выдали за тебя. Ведь я, не покладая рук, работаю, чтобы прокормить твоих детей, а ты, жалкий человек, в семьдесят лет выступаешь на турнире. Что мог бы ты сделать, когда не вешишь и десяти унций? Ладно, ладно, теперь ты попадешь в мешок, из которого тянут жребий, кому быть приором. И хуже того еще, что, так как тебя называют сер Бенги, ты станешь говорить, что имеешь на это право как нотариий. Ах, ты, жалкий человек! Разве ты не узнаешь себя? Да если бы и было так, многих ли нотарииев видел ты участвующими в турнире? Или ты рассудка лишился? Разве ты *не* соображаешь, что ты суконщик, что у тебя нет ничего, кроме твоего заработка? Что ты с ума сошел? Ах ты, несчастный! Твое место – постель; лежи, а то ребята станут бросать тебе вслед камнями».

Мягким голосом Аньооло сказал: «Жена, ты велишь мне переселяться в постель; так как я страдаю, то мне приходится лежать. Успокойся, пожалуйста, если не хочешь, чтобы я совсем умер».

А та и говорит: «Лучше бы тебе умереть, чем жить в таком позоре».

Аньооло отвечает: «Первый я, что ли, с кем случается беда в боевых подвигах?»

– «Пропади ты, боже мой, – сказала жена; – ступай бить шерсть, займись своим делом и предоставь военное дело тем, кто с ним знаком».

Спор продолжался до ночи, и только к ночи они поуспокоились, как могли. Аньооло больше уже не выступал на турнирах.

Жена оказалась гораздо рассудительнее мужа: она знала, что такое она сама и ее муж; он же не знал и самого себя. И только жена повела с ним такие речи, что они помогли делу.

Новелла 65

Мессер Лодовико Мантуанский из-за простого словца, сказанного ради забавы одним из его служащих, отнимает у него то, что тот имел

Мне припоминается еще, как небольшое обстоятельство побудило одного синьора причинить несчастье одному человеку.

В бытность мессера Лодовико ди Гонзага¹⁶⁷ синьором Мантуи один из его служащих сказал однажды в беседе с некоторыми лицами, больше ради забавы, чем ради другой цели: «синьор – что вино в бутылке: утром оно хорошо, а вечером испорчено».

О сказанном слове было донесено синьору. Как это часто бывает, чтобы снискать милость синьора, у него всегда имеются доноски. Услышав это, мессер Лодовико приказал позвать к себе своего служащего и сказал ему: «Скажи-ка мне: говорил ли ты такие-то слова?»

Тот ответил: «Да, синьор мой. Но слова мои были сказаны только как острова, потому что я слышал их некогда от одного достойного человека».

На это синьор сказал ему: «Так ты, значит, утверждаешь, что сказал их как острова, и тебе они не кажутся дурными. А между тем ведь ты назвал меня и сравнил меня с бутылкой вина. Клянусь богом, мне хочется пошутить над тобой так, чтобы от этой шутки ты постоянно ощущал бы зловоние. Но чтобы ты мог сказать, что над тобой пошутили поделом, разденься до куртки и останься в таком виде, в каком явился служить ко мне, а потом ступай с богом».

Человек тот исчез в тот же час и никогда больше не появлялся в Мантуе. И оставил он денег две тысячи лир в болоньинах, каковые синьор целиком отнял у него. Так и случилось, что

---

167 [167] Людовико II Гонзага (умер в 1382 г.), чтобы стать синьором Мантуи, при помощи младшего брата убил своего старшего брата, а затем, чтобы стать единоличным и. полномочным правителем, умертвил и младшего

синьор оказался вином в бутылке: было вино вином, да испортилось.

Новелла 66

Флорентиец Коппо ди Боргезе Доменики, читая об одном событии у Тита Ливия, так рассердился, что, когда к нему пришли за деньгами рабочие, он не стал их слушать, не понял их и выгнал вон

Во Флоренции был некогда гражданин, человек и умный, и весьма состоятельный, по имени Коппо ди Боргезе Доменики,¹⁶⁸ и жил он напротив того места, где теперь живут Леони. В доме у себя он приказал сделать некоторые каменные работы. Однажды в субботу, читая после трех часов дня Тита Ливия, он напал на рассказ о том, как римские женщины, вскоре после издания закона против их украшений, побежали на Капитолий, желая и требуя отмены этого закона.

Коппо при всем своем уме был человеком сердитым и отчасти капризным; он начал гневаться, как будто дело, рассказанное в истории, произошло на его глазах, и стал ударять книгой и руками по столу, а иногда рукой об руку, со словами: «Ох, римляне! Неужели вы допустите это? Вы, которые не допустили, чтобы какие-нибудь цари или императоры стояли выше вас?»

И он бушевал так, словно его служанка хотела его в ту пору выгнать из своего дома.

В то время, когда названный Коппо так неистовствовал, являются вдруг мастера и рабочие, прекратившие работу, и, приветствуя Коппо, просят у него денег, хотя они и видели, что он разгневан. Коппо бросается на них, как змея, и говорит им: «Вы приветствуете меня, а мне хотелось бы лучше быть в доме дьявола. Вы просите у меня денег за то, что вы мне устроили, а я хотел бы лучше, чтобы все это тотчас же рухнуло и упало на меня».

Рабочие переглянулись и с изумлением сказали один другому: «Чего же ему нужно?»

А затем, обращаясь к Коппо, проговорили: «Коппо, если вам что-нибудь не нравится в работе, очень жаль. Если мы можем сделать что-нибудь, что устранил огорчение, которое вы испытываете, то скажите нам, и мы охотно сделаем это».

Коппо ответил им: «Ах! Уходите вы сегодня с богом во имя дьявола. Я хотел бы лучше никогда не родиться на свет, когда я только подумаю, что у этих нахалок, у этих распутниц, у этих негодяек хватает дерзости бежать в Капитолий, так как они хотят вернуть свои украшения. Что сделают с ними римляне? Коппо, Коппо, стоящий здесь, не может успокоиться. Если бы я только мог, я их приказал бы сжечь всех, чтобы те, кто останутся в живых, всегда помнили бы об этом. Ступайте вон и оставьте меня в покое!»

Рабочие ушли, боясь, как бы не было хуже, говоря друг другу: «Какой черт с ним? Он говорит что-то о римлянах: может быть, о римских весах?»¹⁶⁹

А другой прибавил: «Он рассказывает не весть что о распутницах: уж не согрешила ли его жена?»

Тогда третий рабочий заметил: «А мне показалось, что он сказал, про Кап-ми-дольо;¹⁷⁰ вероятно у него голова болит».

На что четвертый сказал: «А мне так показалось, что он жалуется на то, что пролил кувшин масла».

168 [168] Коппо ди Боргезе Доменики занимал высокие посты во флорентийской коммуне: был трижды приором (1330, 1336, 1341) и дважды – гонфалоньером (1332 и 1339)! Умер до 1353 г.; изображен в «Декамероне» (день V, нов. 9); может быть, понимание Коппо у Боккаччо повлияло на Саккетти, сделавшего из него маньяка.

169 [169] Romano – римлянин, а также гиря на безмене.

170 [170] Выше Коппо в своей реплике употребил слово «Капитолий», которое по-итальянски звучит «Кампидольо». Рабочий переделал это неизвестное ему итальянское слово в «Кап-ми-дольо», что должно означать: «у меня болит голова». Итальянскую игру слов в русском переводе передать невозможно, так же как и в следующей реплике, где «Кампидольо» превратилось в «Коппо д'ольо», т. е. «кувшин с маслом».

«Что бы там ни было, – сказали затем все, – а нам нужны наши деньги, а там пусть себе у него будет, что угодно».

Итак, они решили не ходить к Коппо больше в тот день, а вернуться к нему в воскресенье утром. Коппо же продолжал оставаться охваченным боевым пылом, который остыл у него только на следующее утро. И когда рабочие пришли вторично, он выдал им то, что им причиталось, говоря, что накануне вечером у него были свои печали.

Умный это был человек, хотя и пришла ему в голову странная фантазия; но если взвесить все, так фантазия эта проистекала из справедливого и доблестного рвения.

Новелла 67

Мессер Валоре де Буондельмонти побежден и остается осмеянным благодаря слову, сказанному ему ребенком в бытность его в Романье

Многие уже видели и слышали мессера Валоре¹⁷¹ и знают, насколько он был дурным и лукавым человеком. Мало было вещей, в которых он не разбирался и о которых судил бы с видом почти глупца. Однажды, когда он, явившись вечером в какую-то синьорию в Романье, распространялся о чем-то в присутствии синьоров и знатных людей, вошел (потому ли что Валоре хотели испытать или так вышло само собой) мальчик в возрасте около четырнадцати лет и, подойдя к мессеру Валоре, стал смотреть ему в лицо и сказал: «Вы большой насмешник».

Оттолкнув его рукой от себя, мессер Валоре сказал ему: «Ну-ка, читай».

Тот остался, и мессер Валоре, чтобы развлечь присутствующих, спросил: «Какой по-вашему из существующих камней самый драгоценный?»

Один сказал: балас,¹⁷² другой – рубин, третий – каландринский гелиотроп;¹⁷³ кто называл один камень, кто – другой.

Мессер Валоре отвечал: «Ничего вы в этом не понимаете. Самый драгоценный из существующих камней – тот, что идет на жернова. Если бы его можно было вставить в оправу и носить в кольце, то он превзошел бы всякий другой камень».

Тогда мальчик дернул мессера Валоре за платье и сказал: «Чего бы вы больше хотели и что дороже – балас или жернов?»

Мессер Валоре посмотрел на него, отстранил от себя его руку и сказал: «Ступай домой, писун».

Тот остался. Присутствующие стали смеяться как по поводу камня для жернова, так и по поводу слов мальчика. Мессер Валоре сказал тогда: «Вы смеетесь? Я скажу вам только, что по-моему в маленьком камне обретается большая сила, чем в целом жернове, сила, какую я не нашел ни в драгоценных камнях, ни в словах, ни в травах; однажды я убедился в этом. Вы знаете, что, как говорят, бог сообщил силу этим трем вещам. Послушайте теперь, как это произошло, и вы сами признаете. На смоковницу мою забрался однажды юноша и причинил мне ущерб, сорвав с нее фиги. Я стал испытывать тогда силу слова и сказал юноше: „Сойди с дерева и уходи“. Наконец, я стал угрожать, как мог; в ответ на мои слова он не двигался с места. Видя, что слова не помогают, я принялся рвать траву, и наделав из нее пучков, стал бросать их; иногда я попадал ими в него. Это было настолько необыкновенно, что он не сошел с дерева. Видя, что и трава не помогает, я взялся за камни и начал бросать ими в него, приговаривая: „Сходи“. Когда он увидел, однако, что, бросив первый камень, я берусь за второй, он тотчас же слез со смоковницы на землю и ушел с богом. Этого не сделали бы никакие рубины, никакие баласы, сколько бы их ни было».

Все присутствующие, позабавившись рассказом, признали, что мессер Валоре прав и

171 [171] Валере ди Пепо Буондельмонте (ср. нов. 193) жил до 75 лет и умер во Флоренции в 1358 г.

172 [172] Балас – бледно-красный рубин.

173 [173] Ср. в «Декамероне» нов. 3 VIII дня о Каландрино.

говорит правду. Мальчик же посмотрел с лукавым видом на мессера Валоре и сказал: «Этот синьор, ей богу, большой любитель камней и у него их, вероятно, целая сумка», и он засунул ему руку в бывшую на нем охотничью сумку.

Мессер Валоре обернулся и сказал: «Ступай к черту! Что за дьявол этот ребенок? Уж не антихрист ли он?»

Мальчик отвечал. «Я не знаю, что такое антихрист. Но если бы я мог сделать то, что могут синьоры Романьи, го, ей-богу, я надавал бы вам столько этих камней, имеющих такую большую силу, что, уезжая в Тоскану, вы увезли бы их огромный запас».

Совсем почти смущенный, мессер Валоре, услышав эти слова мальчика, сказал, обращаясь к присутствующим: «Тот, кто в малые годы бывает умен, становится обыкновенно полоумным, когда подрастет».

Услышав это, мальчик сказал: «В таком случае, синьор, вы должны были быть, ей-богу, умным ребенком».

Пожав плечами мессер Валоре ответил на это: «Я сдаюсь».

И, словно совершенно растерявшись, прибавил: «Я никогда еще не встречал человека, который бы обыграл меня; а теперь ребенок победил меня и привел в тупик».

О том, какое удовольствие получили присутствующие от происшедшего, не стоит и спрашивать. И чем больше они смеялись, тем больше бледнел мессер Валоре. В конце концов, он спросил: «Кто этот мальчик?»

Ему ответили, что он сын придворного забавника, звавшегося либо Бергамино,¹⁷⁴ либо Берголино. Мессер Валоре произнес тогда: «Он так изощрил надо мной свое остроумие,¹⁷⁵ что я слова не мог сказать, чтобы он тотчас же меня не срезал».

Кто-то из присутствующих предложил: «Мессер Валоре, возьмите его с собой в Тоскану».

Мессер Валоре ответил на это: «Не то, чтобы взять его с собой в Тоскану; я убежал бы оттуда, если бы он находился там. Оставайтесь с богом. Будет с вас и его; ведь если и другие жители Романьи из той же породы, что и этот мальчик, то никого из них никогда не проведешь».

И, таким образом, вернулся во Флоренцию смущенным и осмеянным мальчиком тот, кто до того осмеивал всех других.

Новелла 68

Гвидо Кавальканти, выдающийся человек и философ, побежден хитростью ребенка

Предыдущая новелла приводит мне на память нижеследующую, которая представляется мне в таком виде.

Однажды известный флорентийский гражданин, носивший имя Гвидо де Кавальканти,¹⁷⁶ играл в шахматы; какой-то мальчик, игравший с другими, в мяч или волчок, как это обычно бывает, неоднократно с шумом подбегал к Гвидо, как они делают это в большинстве случаев. И вот мальчик этот, которого толкнул один из его товарищей, толкнул, в свою очередь, упомянутого Гвидо. Тот, как это бывает, может быть потому, что положение его в игре ухудшилось, поднялся в бешенстве и, ударив мальчика, сказал: «Ступай играть в другое место».

После этого он снова сел и продолжал играть в шахматы.

Мальчик же, рассерженный, со слезами на глазах, покачивая головой, сделал круг и отошел на очень небольшое расстояние, говоря про себя; «Я тебе за это отплачу». Подобрав

---

174 [174] Бергаминэ – протагонист 3 нов. I дня «Декамерона».

175 [175] Дословно – «оберголинил» (bergolinato), глагол образован от имени Берголино, откуда и возникает игра слов.

176 [176] Гвидо де Кавальканти (ок. 1259–1300) – итальянский поэт, примыкавший к школе «нового сладостного стиля», происходил из знатной семьи и был другом Данте (о нем говорится в «Новой жизни» и в X песне «Ада»).

лежавший неподалеку подковный гвоздь, он вместе с другими своими товарищами возвращается снова к тому месту, где упомянутый Гвидо играл в шахматы. Взяв в руку камень, он подошел к Гвидо сзади, к стенке или лавке, и, держа над ней руку с камнем, время от времени ударяя им по ней. Начав с редких и тихих ударов, он затем постепенно учащал и усиливал их, пока Гвидо, обернувшись, не сказал: «Ты хочешь получить еще? Ступай домой; так тебе же будет лучше. Во что ты ударяешь там этим камнем?»

– «Я хочу выпрямить этот гвоздь». Гвидо возвращается снова к шахматам и принимается играть.

Ударяя своим камнем, мальчик постепенно приблизился к краю платья или плаща Гвидо, который лежал на скамье, спустившись со спины Гвидо. Поднеся затем одной рукой упомянутый гвоздь, он стал вколачивать его в названный край платья, все усиливая удары, с тем, чтобы прибить его покрепче и заставить Гвидо подняться. Как мальчик думал, так и случилось. Упомянутый Гвидо, которому надоел шум, вдруг подымается в бешенстве; мальчик убегает, а Гвидо оказывается прибитым за полу к скамье. Почувствовав это, он останавливается смущенный, и угрожая рукой в сторону убежавшего мальчика, говорит: «Ступай с богом! ты только что уже получил от меня».

Когда он захотел высвободиться, то увидел, что не сможет этого сделать, не лишись части своего плаща, и ему пришлось оставаться в плену, пока не принесли клещи.

Какой тонкой оказалась хитрость мальчика! Ведь над тем, кому, пожалуй, не было равного во Флоренции, посмеялся ребенок, лишив его возможности двигаться, и обманул его.

Новелла 70

Торелло, сын маэстро Дино, со своим сыном принимаются резать двух свиней, доставленных из его владений; но в конце концов, когда они собираются нанести свиням удар, те убегают и бросаются в колодец

Жил в нашем городе один дельный и толковый человек, звавшийся Торелло,¹⁷⁷ сын маэстро Дино, и было ему доставлено из его владений в Волоньяно¹⁷⁸ на праздник пасхи две свињи, величиной чуть ли не с осла. Когда пришлось искать человека, который зарезал бы их, обделал и засолил, то Торелло сообразил, что дело это не обойдется без большого расхода, и сказал своему сыну: «Отчего бы не зарезать нам этих свиней самим и не обделать их? У нас есть слуга. Мы сбережем таким образом деньги, которые достались бы тому, кто обделал бы их, а я полагаю, что сделаем мы это так же хорошо, как они».

И прибавил, обращаясь к сыну: «Что ты скажешь?»

Сын ответил: «Я скажу, что мы можем это сделать». – «Ладно. Возьмем две холстины, в которые завертывают свиней, хорошо отточим нож, и повалим одну из них на землю. Я заколю ее, – прибавил Торелло, – а вы будете держать, чтобы она не убежала».

Сын и слуга сказали, что сделают это. Торелло, который страдал подагрой и был слаб на ноги, готовится, надевает передник, наклоняется и велит наклониться своим помощникам, чтобы схватить свињу за ноги, и они валят ее на землю. Когда она лежала на земле, Торелло, опоясавшись ремнем с ножом, взял его в руки и, стоя на коленях без штанов, за спиной свињи, собрался уже было нанести ей удар, а сын пошел в это время за горшком для крови; но едва только нож на унцию вошел в тело свињи, как она начала верещать. Другая свижня, находившаяся под лестницей, услышав верещание первой, выбегает и бросается Торелло между ног. Когда раненая почувствовала, что товарищ ее явился на выручку, она делает бешенный прыжок и опрокидывает Торелло на землю. В эту минуту является сын, и Торелло говорит ему:

---

177 [177] Торелло – сын врача Дино дель Гарбо; занимал ряд выборных должностей во Флоренции, под конец жизни трижды избирался приором. В 1383 г. ему было более семидесяти лет. Вероятно, он был соседом Саккетти и его другом.

178 [178] Замок в долине реки Арно.

«Ты, это все ты виноват, потому что пойдешь и не возвращаешься».

– «Нет, ты».

– «Нет, ты».

Во время этого препирательства вырвавшаяся из их лап свинья бежит в коридор, а другая за ней следом, и обе начинают взбегать по лестнице. Поднявшийся Торелло и сын его говорят: «Ой, плохо мы сделали!»

Они бросаются за свиньями на лестницу, залитую повсюду бившейся ключом кровью. Достигнув залы, они начинают гоняться за свиньями и туда, и сюда. Раненая свинья толкает при этом полку со стаканами и горшками, так что немногие из них уцелели.

В конце концов, она устремляется к колодцу, устроенному в зале, и бросается в него, а другая свинья вслед за ней.

Когда Торелло видит это, он ударяет себя руками по бедрам, говоря: «Ай, какое это для нас разорение!» – подбегает к краю колодца и смотрит в него.

– «Что нам теперь делать, что сказать?»

В конце концов, обратившись к своему слуге, он попросил его Христом-богом спуститься в колодец, захватив с собой хорошо отточенный нож и толстую веревку, и постараться живыми или мертвыми связать свиней; а он с сыном станут тянуть веревку, которой слуга свяжет свиней. Дурак слуга захотел услужить Торелло и, взяв нужный снаряд, обвязался колодезной веревкой и спустился вниз. Когда он очутился на дне, раненая свинья схватила его за ногу, и сколько схватила, столько и отхватила. Почувствовав боль от укуса, слуга стал кричать: «Помогите, ой, ой!» – и таким громким голосом, что явились соседи, которые и увидели случившуюся беду. Узнав, как дело было, они говорят Торелло: «Ей-богу, ты не плохо выгадал. Когда ты добудешь обратно этих свиней, оповести нас. Хуже-то всего то, что они убьют того доброго человека, который находится внизу».

Кое-кто подходит к краю колодца и спрашивает: «Ты жив?»

А тот отвечает: «Ах, боже мой! Тащите веревку, а я ухвачусь за нее, чтобы выйти отсюда».

В эту минуту свинья опять схватывает слугу клыками, и он кричит вверх: «Ой! Тащите, потому что если вы не потащите, я умру».

Наконец вытянули веревку, словно черпали воду, и вот несчастный очутился перед людьми с поврежденной, совершенно разодранной ногой, с лечением которой пришлось потом промучиться несколько месяцев. Слуга стал громко жаловаться: «Ой, Торелло! На какое дело ты меня побудил! Я никогда больше не стану человеком!»

Торелло ответил ему: «Успокойся! Я позову лечить тебя маэстро Банко, который мне большой друг. А как же быть со свиньями?»

Слуга отвечал: «Это уж как вы помыслите; ведь вы хотите лишить работы мясников».

В конце концов, Торелло отправился к двум мясникам, чтобы просить у них совета и помощи. Те сказали, что они хотят по одному флорину за каждую свинью, чтобы вытащить ее из колодца. Увидев, что ему плохо приходится, Торелло сказал: «Ну, ладно».

Они спросили его, хочет ли он заколоть свиней, потому что заколоть их нужно внизу. Торелло ответил: «Да. Делайте скорее и делайте как хотите».

Тогда один из мясников вооружился так, как если бы шел на бой, и, спустившись вниз с ножом острым и тонким как шпилька, в короткое время, с большим, однако, трудом, заколол свиней и, привязав сперва одну, а затем другую к колодезной веревке, помог вытащить наружу. За обделку туши ему было затем уплачено сколько приходилось, что составило опять-таки еще флорин. А воду в колодце, ставшую красной от крови человеческой и свиной, пришлось в ближайшее же время очистить, колодец вымыть больше восьми раз, и все это стоило хороших три флорина. Крови от свиней не получилось, мясо их было совершенно синим и избитым, и стало гораздо более низкого качества. И вот сколько сберег на этом деле почтенный человек: свиньи стоили ему, пожалуй, десять флоринов, да сам он истратил затем еще столько же, не считая насмешек, которые в дальнейшем пошли отсюда.¹⁷⁹

Рассказанная новелла была уже написана одним юношей гораздо подробнее, потому что

179 [179] В рукописи недостает морали новеллы.

он излагает, как свиньи наперебой как попало ринулись на кухню, сокрушая все на своем пути; вот как там было дело. А это было не так, потому что эта подробность относительно кухни случилась с одним дворянином из Черки, около Торелло, который, чувствуя себя более молодым и быстроногим, захотел попытаться убить свою свинью; а свинья, раненная им подобно этой, выскользнула у него из рук и, сбежав с лестницы и все перемазав своей кровью, убежала на кухню и там набедокурила, опрокинув все, что там было. Эти свиньи напомнили мне еще одну новеллу, которую хочется присоединить к этим. Потерпите немного. Я скоро ее расскажу.

Новелла 71

Один августинский монах поучает в Генуе с церковной кафедры в великом посту генуэзцев о том, что они должны воевать надлежащим образом

Немного лет тому назад, находясь в Генуе в великом посту¹⁸⁰ и посещая, по обычаю, по утрам церковь, я очутился как-то у св. Лоренцо, в час, когда там говорил проповедь один августинский монах.¹⁸¹ В эту пору между генуэзцами и венецианцами шла война,¹⁸² и как раз в те дни венецианцы одержали значительную победу над генуэзцами. Так вот, приблизившись и напрягая слух, чтобы уловить кое-что из слов проповедника, я услышал такие святые речи и добрые примеры. Он говорил: «Я – генуэзец, и если бы я не сказал вам того, что у меня на душе, то мне казалось бы, что я очень заблуждаюсь. Так не почитите за зло, что я вам скажу правду. Вы уподобляетесь осламу. Природа осла такова. Когда их много вместе, то, если ударишь палкой одного, все разбегаются, причем один бежит в одну, другой – в другую сторону; такова их трусость. Такова как раз и ваша природа. Венецианцев уподобляют свиньям и называют свиньи-венецианцы. И действительно, натура их свиная, потому что, когда большое количество свиней согнано вместе, то, если толкнуть или ударить палкой одну из них, все они начинают жаться друг к другу и бегут затем вслед за тем, кто их толкнул. Такова поистине их природа. И если эти сравнения мне казались подходящими, то они кажутся мне таковыми в особенности теперь. Вы нанесли намеренный удар венецианцам; те собрались вместе против вас, для защиты себя и нападения на вас. И на море у них столько-то галер, при помощи которых они причинили то, что вы знаете. Вы бежите, кто куда, и не понимаете один другого; и галер вооруженных у вас мало, а у них почти вдвое больше. Не спите! Проснитесь! Вооружите свои галеры сколько можете, если нужно. И не рыскайте по морю, а войдите в Венецию».

Затем он закончил свою речь словами: «Не почитите мое поучение за зло, потому что я бы треснул, если бы не дал волю этим мыслям».

Так вот такую проповедь выслушал я и вернулся домой; конец ее я предоставил слушать другим. В тот же день случилось так, что я очутился в том месте, где собираются торговцы, в обществе генуэзцев, флорентийцев, пизанцев и лукезцев. Когда стали рассуждать о выдающихся людях, то один мудрый флорентиец, которого звали Карло, из рода Строцци,¹⁸³ сказал: «Вы, генуэзцы, конечно, лучшие воины и наиболее храбрые люди, какие существуют на свете; наше дело, флорентийцев, обработка шерсти и торговля».

Я ответил ему: «Это совершенно правильно».

Тогда другие спросили: «Как так?»

А я отвечал: «Когда наши монахи проповедуют во Флоренции, то они поучают нас о посте

---

180 [180] Саккетти любит приурочивать рассказ к посту, не считаясь с фактическим положением; так, в Генуе он был не постом, а в июне 1381 г.

181 [181] В подлиннике oomitano, т. е. монах августинец отшельнического чина.

182 [182] «Кьоджинская перепалка», которая вскоре закончилась.

183 [183] Строцци – известный деятель времен Саккетти. Много раз был приором; был выслан в Геную, где пробыл до 1382 г. В 1383 г. умер от чумы.

и молитве, о том, что мы должны прощать и придерживаться мира и не воевать.¹⁸⁴ Монахи, которые проповедуют здесь, учат противоположному. Вот нынче утром, будучи у святого Лоренцо, я прислушался к проповеди одного августинского монаха. Назидания и примеры, которые народ мог услышать от него, были таковы», и я рассказал то, что слышал.

Все изумились, и узнали тогда истину о проповеди от других, которые слышали ее подобно мне. Услышав же ее, они сказали, что я был прав. И всем проповедь эта показалась небывалой.

И, таким образом, мы частенько получаем назидание, так ширится наша вера. На кафедру всходят такие люди, что бог знает, насколько они благоразумны или рассудительны.

Новелла 73

Магистр Николо Сицилийский бросает во время своей проповеди в Санта-Кроче словцо относительно изображения спасителя, которое... вызывает смех у всех присутствующих

После того как я рассказал в предшествующих новеллах о двух печальной памяти монахах, меня тянет рассказать небольшую новеллу с б одним превосходном магистре богословия из ордена св. Франциска, носившем или носящем еще (потому что я не знаю, жив ли он) имя магистра Николо Сицилийского.¹⁸⁵ Но для того, чтобы понять до конца эту краткую новеллу, нужно знать, что превосходные минориты эти, жившие или живущие еще в Сицилии, не терпели не только в своих монастырях, но и где бы то ни было изображения спасителя и проявляли недоброжелательство в отношении того, кто такое изображение заказывал.

Названный магистр Николо попал в наш город по делу, возбужденному против него в Сицилии одним инквизитором из доминиканцев. Чтобы разъяснить сущность этого дела самому первосвященнику, он отправился ко двору папы; это происходило как раз в то время, когда у флорентийцев шла война с пастырями церкви. Когда по Флоренции распространилась молва о глубоких познаниях магистра Николо, флорентийцы стали просить его сказать как-нибудь проповедь. Николо говорил трижды, на праздниках: одну проповедь он произнес на день святого духа, вторую – на троицу, третью – на праздник тела Христова; все они касались самых высоких предметов, и притом были сказаны таким выдающимся человеком, таким был магистр Николо.

Поднявшись в один из этих дней на кафедру, днем после обеда, в присутствии множества народа, он коснулся, между прочим, одного вопроса и, желая объяснить существо господ нашего Иисуса Христа, сказал: «Каков лик Христа?» и, обратившись в негодовании к изображению спасителя, произнес: «Он не таков, как изображение, находящееся вен там. Чтобы ему лопнуть, если Христос был таким». И сказав это, он вернулся к тому, о чем собирался говорить.

Все слушатели принялись смеяться, и смеялись так, что в течение долгого времени магистр не мог говорить, а прочие – слушать.

В эту пору я, писатель, сам находился в названной церкви вместе с другим выдающимся монахом, магистром богословия, которого звали магистром Руджери Сицилийским.¹⁸⁶ Я видел, как некоторые из бывших в храме просили его поправить дело и послать за Дино ди Джери Чильямоки¹⁸⁷ (по заказу этого Дино было написано упомянутое изображение спасителя).

184 [184] Вопросы войны и мира были тогда в центре внимания. См. письмо Колуччо Салутати от 5 ноября 1375 г. (C. Salutati Epistolario, vol. I. Roma, 1891).

185 [185] Николо Казукки ди Агридженто изучал богословие в Париже (1363–1364 гг.), затем принимал участие в управлении Сицилией. В 1375 г. был проездом во Флоренцию, где произошли события, описанные в этой новелле; с 1376 г. был епископом, а в 1383 г. получил сан архиепископа (к нему обращено письмо Салутати, см. выше, прим. 5 к нов. 71).

186 [186] Известно только, что Руджери Сицилийский был также монахом-францисканцем.

187 [187] Чильямоки, или Чиньямоки (Тильямоки), – значительное лицо во Флоренции: был гонфалоньером

Магистр Руджери ответил: «Дино, о котором вы говорите и просите, чтобы я послал за ним, – тот самый, который заказал вот это изображение спасителя?»

Ему ответили: «Да». Тогда он сказал: «Если бы по указанию планет этому делу суждено было совершиться с помощью этого Дино, то Николо поступил бы наперекор, полагая, что Дино распорядился поставить изображение в этом месте». И он ни за что не захотел послать за ним.

И, таким образом, эти два выдающихся человека с большой любезностью выражали готовность разъяснить и разъясняли тем, кто приходил к ним в комнаты, что существовало много изображений господ нашего, что лик спасителя и его тело есть самое прекрасное из всего существующего, а это уродливое изображение являет собой нечто совершенно противоположное.

Новелла 74

Мессер Бельтрандо из Имолы посылает послом к мессеру Бернабо некоего нотарию; Бернабо, увидев, что он мал и желт, обращается с ним, как тот этого заслуживал

Не так давно, в бытность свою синьором Имолы, мессер Бельтрандо из рода Алидозы¹⁸⁸ послал послом к мессеру Бернабо, синьору Милана, некоего нотарию; звался этот нотариус сер Бартоломео Джиральди¹⁸⁹ и был он человечком невзрачным, очень малого роста, темным и желтым, и с такими желтыми глазами, словно у него разлилась желчь. Прибыв туда, где находился синьор, он застал его на лестнице готовым сесть на коня, и конь был там, и слуги уже стояли у стремя. После того как посол этот, каким мы его описали, сделал поклон синьору, мессер Бернабо с самой же первой минуты не то что не поглядевший на него, но все 8 Франко Саккетти время отворачивавшийся в другую сторону, сказал ему: «Ну, говори, что тебе нужно!»

И в то время, как тот говорил, мессер Бернабо, повернувшись к нему спиной, позвал одного из своих слуг и сказал: «Пойди, оседлай такого-то коня, удлини, на сколько сможешь, стремя и приводи коня сейчас же сюда».

Слуга быстро ушел и привел коня в том виде, в каком приказал ему синьор. Увидя коня, синьор подозвал к себе слугу и сказал ему: «Когда я скажу вам или сделаю знак, помогите этому послу сесть на коня и не укорачивайте стремя», и как он сказал, так и было сделано. Между тем мессер Бернабо сказал послу: «Мессер посол, садитесь на этого коня и по дороге вы побеседуете со мной».

Сказав это, синьор сел на коня. Увидев это, посол собрался сесть на коня с длинными стремями, но, так как он не мог сделать этого, то был посажен слугами как ребенок. Синьор ехал быстро; посол, не имея возможности ни примириться с положением, ни укоротить стремя, попевал как мог. Конь, которого синьор велел привести, шел, все время сердясь и заваливаясь, а мессер Бернабо говорил: «Говорите, что вам нужно. Предоставьте коню идти». А сам только изредка посматривал на посла.

Тот ехал, борясь со своим положением и болтаясь в седле, причем ножки его свешивались до половины чепрака. Все то, что он говорил, он говорил на разные лады, словно какой-нибудь мадригал, в зависимости от получаемых толчков, которых было не мало. А мессер Бернабо чем больше видел, как качается из стороны в сторону посол, тем больше приговаривал: «Продолжай же рассказывать о своих делах – я разберу тебя хорошо».

правосудия (1356), приором (1359, 1360 и 1367), занимал также другие должности. О нем упоминается в документе 1382 г.

188 [188] С 1362 г. был вместе с братом наместником Имолы, а с 1373 г. до самой смерти (в 1391 г.) единолично правил ею. Его сын Людовико был другом Саккетти. События новеллы произошли до 1385 г., года смерти Бернабо Висконти (см. прим. 1 к нов. 4).

189 [189] Об этом персонаже ничего неизвестно.

Коротко говоря, Бернабо протаскал посла таким образом четыре часа, так что тот не раз готов был свалиться на землю и никак не мог подобрать под себя платье или устроиться так, чтобы не то, что ноги, но и ляжки не обнажались. В конце концов, будучи человеком далеко не цветущего здоровья, вернулся он ко двору, откуда они выехали, совершенно растерзанным, еще более желтым и жалким, чем когда-либо. Синьор же, сойдя с коня, сказал, что даст ему ответ, и поднялся в дом.

Когда посол сходил с коня, то зацепился за обе луки и совершенно повис в воздухе. В то время, как он висел на локоть от земли, конь внезапно повернулся, и он чуть было не свалился. В конце концов, он еле-еле стал на твердую землю. За все время пятнадцатидневного пребывания своего в Милане посол ни разу не смог явиться к синьору, и если и получил все же ответ, то он был передан ему через других. Так он и вернулся к синьору, которым был послан. Узнав от своего жалкого желтого посла о приеме, которого тот был удостоен, он понял, что мессер Бернабо поступил так из-за тощего и печального вида его посланца, напоминавшего скорее иволгу, нежели человека.

Когда кому-нибудь приходится посылать послов, то, выбирая их, следует проявлять больше внимания, чем это делается обычно. Послы должны быть людьми пожилыми и мудрыми, представительной наружности. Иначе тому, кто посылает их, бывает мало чести, а еще меньше тем, кого посылают. Так случилось и с желтым послом, о котором сказано выше.

Новелла 75

В то время как живописец Джотто в обществе нескольких людей совершал прогулку, его неожиданно сбивает с ног свинья. Джотто говорит по этому поводу острое словцо; будучи спрошен о другой вещи, он отвечает новой остротой

Тот, кому хорошо известны обычаи Флоренции, знает, что каждое первое воскресенье месяца там принято ходить к св. Галлу,¹⁹⁰ причем мужчины и женщины идут вместе. Но ходят они в эту церковь больше ради прогулки, чем ради отпущения грехов. В одно из таких воскресений направился туда же в сопровождении нескольких лиц и Джотто. Когда, дойдя до улицы Кокомо, ¹⁹¹ он приостановился, рассказывая о каком-то необыкновенном случае, одна из проходивших мимо свиней св. Антония, ¹⁹² разбежавшись, в бешенстве ткнула своим рылом Джотто так, что он упал на землю. Поднявшись, частью сам, частью при помощи своих спутников, и отряхнувшись, он не стал ругать свиней и не обмолвился против них ни единым словом, но, обернувшись к своим спутникам, проговорил с легкой улыбкой: «Ну, не правы ли они? Благодаря их щетине я заработал за свою жизнь тысячи лир, а между тем я ни разу не дал им и чашки каких-нибудь остатков похлебки».

Услышав эти слова, спутники Джотто засмеялись и сказали: «Что же следует отсюда? А то, что Джотто – мастер на все. Никогда еще ни на одной картине не изображал ты какого-нибудь события так хорошо, как изобразил сейчас этот случай со свиньями».

Затем все направились к св. Галлу. На обратном пути, когда они проходили мимо св. Марка и братства «Слуг девы Марии» и рассматривали по обычаю живопись, один из спутников Джотто, увидев находившееся там в стороне изображение богородицы и Иосифа, спросил художника: «Скажи, Джотто, почему это Иосифу придают всегда такой печальный вид?»

Джотто ответил на это: «Разве у него нет к тому оснований? Он видит жену свою

---

190 [190] Древняя церковь св. Галла; была разрушена при осаде Флоренции в 1527 г., находилась близ ворот св. Галла (ныне это – площадь Кавура).

191 [191] В переводе – «Огуречной»

192 [192] Свиней во Флоренции откармливали монахи монастыря св. Антония, и эти свиньи беспрепятственно бродили по городским улицам.

беременной, и не знает, от кого она забеременела».

Тогда присутствующие, обращая друг к другу, стали утверждать, что Джотто не только большой мастер в живописи, но мастер и во всех семи свободных искусствах.¹⁹³ Вернувшись домой, они рассказали многим об этих двух случаях с Джотто, слова которого расценивались понимающими людьми, как слова настоящего философа. Большой тонкостью отличается ум таких даровитых людей, каким был Джотто. Ведь многие люди: ходят и смотрят, раскрывая больше рот, нежели глаза тела или ума. А потому каждый, кто живет на этом свете, поступит правильно, если будет общаться с теми, кто знает больше него, ибо человек постоянно чему-либо учится.

Новелла 76

Когда Маттео ди Кантино Кавальканти стоял с некими людьми на Торговой площади, мышшь забралась к нему в штаны; совершенно изумленный, он идет за стол менялы, где снимает штаны, и таким образом освобождается от мышши

Немного лет тому назад в доме Кавальканти¹⁹⁴ находился дворянин, звавшийся Маттео ди Кантино, которого видели в свое время и я, автор, и многие другие. Названный Маттео был при жизни своей участником турниров и фехтовальщиком и знал всякие другие вещи, какие умеют делать дворяне. Он был человеком с навыками и опытом, подобно другим дворянам и воспитанным людям. Однажды, когда ему было уже семьдесят лет ют роду, но он чувствовал себя еще очень здоровым человеком, стояла сильная жара (дело было в июле); на ногах у него были чулки, доходившие до колена и короткие штаны старинного покроя, расширявшиеся книзу. В эту пору на площади Нового рынка¹⁹⁵ собрался кружок людей, состоявший из дворян и торговцев; они рассказывали друг другу всякие новости. В кружке этом присутствовал и названный Маттео. Случилось так, что кучка мальчиков, из тех, что служат у менял, находящихся на площади, остановилась с мышшеловкой, в которую попала мышшь, поставили мышшеловку на землю и открыли дверцу. Когда дверца была открыта, то мышшь вышла наружу и стала бегать по площади. Мальчики, размахивая метлами, бежали за ней следом, чтобы убить ее; мышшь же, стараясь спрятаться и не зная куда, метнулась в кружок, где находился названный Маттео ди Кантино, и, подбежав к его ногам, прыгнула в раструбы его штанов и очутилась в них. Каждый может представить себе, как почувствовал себя Маттео, когда ощутил в штанах мышшь. Он был совершенно вне себя. Мальчики, потеряв мышшь из виду, кричали: «Куда она делась? Где она?»

Кто-то сказал: «Она у него в штанах».

Народ стал собираться; послышался громкий смех. Маттео, словно обеспамятев, направляется к столу одного менялы, а ребята с метлами вслед за ним, крича: «Гони ее, она у него в штанах».

Маттео скрывается за спинкой лавки менялы и спускает штаны. Несколько ребят, вошедших туда за ним, кричат: «Гони ее вон, гони ее вон».

Когда штаны были на земле, мышшь выпрыгнула из них. Мальчики кричат: «Вот она, вот она! Держи ее, держи ее! Она была у него в штанах. Он спустил штаны!» Мальчики убивают мышшь, а Маттео остается словно мертвый. И в течение нескольких дней он находился в таком состоянии, что не знал, где он. Не было такого человека, который при встрече с ним не разразился бы смехом, так же как я, автор, видевший все это. Коротко говоря, он отправился к

193 [193] Семь свободных искусств – основные схоластические науки средневековой школы. Словесный тривиум: грамматика, диалектика, риторика. Математический квадравиум: арифметика, музыка, геометрия, астрономия.

194 [194] Ди Теччайо де Кавальканти (1315–1385) упомянут в одном акте 1343 г., с 1358 по 1361 г. занимал различные должности во флорентийской коммуне.

195 [195] Теперь это место занимает галерея Тассо.

Нукциате¹⁹⁶ и дал обет никогда в своей жизни не носить больше коротких чулок, и сдержал его.

Что сказать о различных случаях, которые иногда приключаются с людьми? Конечно, никогда, думаю, не бывало происшествя столь необычайного или забавного. Стоит человек торжественно и гордо, и вдруг какой-нибудь пустяк меняет к худшему его положение: он перестает владеть ногами из-за каких-нибудь блох, либо на него бросается мышь так, что заставляет его выйти из себя. И чет такого малого зверюшки, который не досаждал бы человеку. Но человек, со своей стороны, побеждает их всех, если возьмется за дело решительно.

Новелла 77

Два человека ведут дело у неких должностных лиц; один из тяжущихся дает одному из них быка, другой дает ему же корову. И тот и другой жертвуют своим добром напрасно

В одном из городов Тосканы... Из уважения к нему я не скажу, какой это был город, не скажу также, какие это были должностные лица, ни вообще, ни в частности. Существовала некогда, а может быть, существует еще и сейчас, некая крупная должность, занимаемая почтенными гражданами, которые обладают огромной властью решать тяжбы, возникающие как между горожанами, так и между крестьянами. Случилось однажды, что у двух богатых торговцев скотом было между собою дело на триста лир или больше. И дошло оно до названной инстанции; а так как решение там не могло быть принято скоро и в том смысле, как этого хотелось одному из тяжущихся, причем он даже опасался, как бы ему не проиграть дела вовсе, то он решил сделать подарок одному из названных должностных лиц, которое было старшим и могло скорее помочь ему. Он обдумал получше то, что ему пришло в голову. У того человека было имение, превосходное и большое, но не было средств, чтобы завести, сколько нужно быков. И надумал торговец пойти к нему, открыться перед ним и, заручившись его поддержкой и покровительством, подарить ему быка, которых у самого торговца было много. И как он надумал, так и сделал. Дружок не заставил себя долго упрашивать, и взял себе быка.

Та же самая мысль пришла в голову другому истцу, у которого была тяжба с тем, что подарил быка, и он сказал: «Такой-то самый большой человек на этом месте; я хотел бы сделать ему какой-нибудь хороший подарок, чтобы он поддержал меня в моем праве». Он учел его положение и то, что он владеет отличным имением, где можно держать крупный скот, но не держит его потому, что не имеет денег. Поэтому он отправился к нему, чтобы поручить себя его попечению, и подарил ему корову, сказав при этом. «Я хочу, чтобы вы держали ее в своем имении ради меня».

Тот взял ее себе, и получил, таким образом, корову и быка, причем ни один из тяжущихся не знал ничего о том, что сделал другой. Так или иначе, через несколько дней после этого оба торговца явились по своему делу в названное место. Тяжба стала оборачиваться не в пользу того из них, который подарил быка, а так как торговцы заявили старшему по должности: «Каково будет твое мнение, таково будет и наше», а он, между тем, молчал и не произносил ни слова, – то, подаривший быка «немому», ожидая от него поддержки и видя, что тот не говорит ни слова, не мог, наконец, удержаться и сказал: «Или у тебя языка нет, бык?»

А тот отвечает: «Корова не дает мне говорить».

Присутствующие оглядываются по сторонам: «Что значит то, что он сказал?»

Когда человека, подарившего быка, спросили об этом, то он уверил, что говорил это самому себе, а должностное лицо, которое сказало о корове, ответило, что это поговорка, которою постоянно пользуются торговцы скотом, когда у них есть между собой тяжба, причем они называют быком того, кто имеет перевес в деле, а того, кому приходится хуже, коровой. Затем случилось, как бы там дело ни шло, что подаривший корову выиграл тяжбу. Быть может, причиной этого было то, что корова в ту пору, когда ее дарили, была стельной, а когда постановляли приговор, она принесла теленка.

---

196 [196] В церкви Аннунциаты деи Серви особенно процветало почитание богоматери.

И вот, часто неразумные животные соблазняют разумных к стыду многих коммун, где нельзя добиться права, если только на сцене не появляются зайцы, или козы, или кабаны. Видя этот ревниво оберегаемый обычай, я предпочел бы сделать своего сына скорее охотником, чем законоведом. А то, что следует далее, я расскажу не для того, чтобы похвалиться тем, что я сказал слова эти по своей величайшей добродетели, но потому, что я сказал их как человек, которому в этом деле помог великий синьор, ибо слова эти не мои, а его.

Я был правителем одной области,¹⁹⁷ где писал вышеприведенные новеллы. В эту пору приходит ко мне поселянин этого края и просит об одной вещи, которая если бы только я ее сделал, была бы моим несчастьем и стыдом. Я отказал ему.

Когда поселянин ушел от меня, кто-то сказал: «Мессер подеста, вы потеряли зайца, потому что тот, кому вы не оказали услуги по его просьбе, хороший охотник, и, если бы вы услужили ему, он был готов послать вам зайца».

А я ответил: «Если бы он дал мне зайца, я бы его съел и переварил; но стыда я не переварил бы никогда».

Все это сушая правда, и я сознаюсь, что в этом отношении грешен, как и другие. Но велико несчастье, если малая вещь, удовлетворяющая желание, которое длится минуту и сразу же исчезает, подкупает и побеждает доводы чести, которые имеют вечное существование. И пусть случится со всеми ними так, как это случилось с торговцем, подарившим быка. Что касается того, кто из скупости или ради тщеславия забывает о разуме, то пусть его постигнет участь Красса.¹⁹⁸

Новелла 78

Уголотто дельи Альи встает однажды рано утром и видит, что у двери его дома поставлена лавка для умерших. Он спрашивает, кто умер. Ему отвечают, что умер Уголотто. Тогда он начинает шуметь на весь околоток

И двадцати лет не прошло с тех пор, как в городе Флоренции жил некий Уголотто дельи Альи.¹⁹⁹ Был он худым, сухим человеком большого роста и от роду имел наверно восемьдесят лет. Так как ему случалось бывать в Германии, то он предпочитал постоянно говорить по-немецки; он держал сокола²⁰⁰ и боялся смерти больше чем кто-либо другой. И как это часто случается, что в больших государствах попадают люди странные, так было и здесь: некий человек по имени... дель Рикко, прозванный Баллерино ди Гьянда,²⁰¹ вышел однажды ночью (он часто бродил в эти часы) и постучался в дверь дома Уголотто. Уголотто, комната которого находилась над дверьми, проснулся и, встав с постели, высовывается в окно. Баллерино отходит назад, а Уголотто спрашивает: «Кто гам?» Баллерино говорит: «Это вы, Уголотто, вы?»

Уголотто отвечает: «Да, я».

Баллерино говорит тогда: «Дай бог, чтобы с вами беда стряслась, чтобы вам дожидаться плохой пасхи!»

Уголотто отвечает на это: «Подожди немного, подожди немного!» Затем хватается свой

197 [197] Саккетти был подеста в Биббьене (13.85) и в Сан-Миниато (1392). Где именно происходили события этой новеллы – сказать нельзя.

198 [198] Имеется в виду наказание, постигшее римского полководца Марка Лициния Красса, которому в глотку влили расплавленное золото (115–153 гг. до н. э.). См.: Данте. Чистилище, XX, 116.

199 [199] Уголотто ди Альонс дельи Альи (ок. 1292–1372). Согед Саккетти. Семья Альи поддерживала дружеские отношения с писателем.

200 [200] Устаревший обычай. Однако Альи не только придерживались старины, но и привычек дворянского круга.

201 [201] В современных документах упоминается Франческо Нери по прозвищу Баллерино; но неизвестно, его ли имеет в виду Саккетти.

старый заржавленный меч и спускается по лестнице, ударяя по ней мечом настолько громко, чтобы Баллерино это слышал и обратился в бегство.

Баллерино, который все слышал и чувствовал себя крепким на ноги, останавливается и ждет, что станет делать Уголотто. И вот, Уголотто открывает дверь и принимается тереть мечом о стену.

– «Кто там? Где ты, разбойник?»

Баллерино начинает лаять и тявкать, как собака, и издавать звуки, какие издает собака, когда ее тянут за уши. Уголотто выходит вперед и говорит: «Подожди немного, подожди!» А Баллерино отходит назад, продолжая все время дразнить Уголотто до тех пор, пока не появляются помощники эзекутора, недавно вступившего в должность. Баллерино, который был крепок на ноги, исчезает; Уголотто же, с мечом в руках, схватывают и поспешно уводят. Когда он очутился во дворце, эзекутор спрашивает, как дело было, и помощники его говорят, что нашли Уголотто на улице с обнаженным мечом. Дело кажется эзекутору странным, и он хотел тотчас отправить Уголотто на пытку, если бы один из присутствующих не сказал: «Человек этот стар, как вы видите, оставьте его до утра, и тогда вы узнаете истину».

Тот так и сделал И хотя эзекутор затем и выяснил причину, почему Уголотто вышел из дома с мечом, он тем не менее не мог не осудить его (так как Уголотто был из дворян, а названный эзекутор поставлен над ними и руководится постановлениями правосудия)²⁰² за нарушение общественной тишины. В конце концов, после многих просьб он кончил дело и заставил названного Уголотто уплатить за меч пятьдесят две лиры с половиной. Уголотто вернулся домой, жалуясь то по-латыни, то по-немецки, на причиненное ему досадное огорчение и приключившееся с ним несчастье. Но очень скоро после этого с ним произошло нечто много худшее.

На следующее же утро кто-то отправился к колоколу дома Торнаквинчи,²⁰³ где всегда стоят гробовщики у лавки аптекаря, и, едва лишь рассвело, постучал и сказал, чтобы послали людей к дому Альи, так как умер Уголотто. Что касается меня, я думаю, что сделал это также Баллерино ди Гьянда либо Перо дель Мильоре,²⁰⁴ который с ним водился. Как только гробовщики услышали это, так сейчас же приготовились и послали людей прибраться у дома Альи и поставить лавки для умерших.

Поднявшийся рано, так как он от огорчения по поводу уплаты пятидесяти двух с половиной лир не мог спать, Уголотто открывает дверь, чтобы выйти на улицу, и, увидев поставленные лавки, спрашивает тех, кто их ставили: «Разве кто умер?»

Те отвечают: «Умер Уголотто дельи Альи».

Тогда Уголотто говорит: «Какой черт умер Уголотто дельи Альи! Разве существует какой другой Уголотто, кроме меня?»

– «Мы ничего не знаем об этом, – отвечали они, – не знаем и Уголотто; мы делаем то, что нам сказано».

Уголотто кричит тогда: «Унесите прочь эти лавки, чтобы вам от меча погибнуть!»

Те, не притронувшись к лавкам, уходят и рассказывают гробовщикам о случившемся. Услышав это, гробовщики отправляются на место, и когда они видят Уголотто, то приходят в ужас: «Что же это значит?»

А Уголотто подходит к ним и говорит: «Какой Уголотто умер, чтоб вас разорвало на куски. Вот вам бег, вы едва ли когда-нибудь поставили бы лавки умершему, будь я таким молодым, каким я когда-то был».

Гробовщики отвечали: «Вы правы. Если здесь кто-нибудь виноват, то только тот, кто нынче утром пришел нам сказать об этом».

– «А кто же это был?» – спросил Уголотто.

202 [202] «Постановления правосудия» предусматривали ограничения прав лиц дворянского происхождения и вводили должность эзекутора для борьбы со злоупотреблениями знати и дворян

203 [203] Дом Торнаквинчи около церкви св. Гаатана.

204 [204] Петро дель Мильоре был золотых дел мастером; приор в 1390 г., подеста в 1395 г. Однако вряд ли его имеет в виду Саккетти.

Те отвечали: «Было так рано, что мы не могли его разглядеть».

Уголотто говорит тогда: «Это наверное тот разбойник, который заставил меня заплатить вчера пятьдесят две лиры и десять гольдов».

Гробовщики говорят: «Если вы его знаете, то не вините нас».

Уголотто отвечает им: «Я его не знаю; я не могу знать, кто бы это был; но я иду сейчас же к эзекутору», – и, пустившись в путь, так он и сделал.

Расставившим свои лавки в расчете на покойника гробовщикам пришлось без всякой для себя пользы унести их к себе домой. Уголотто же пожаловался эзекутору по поводу первого и второго случая. Эзекутора, догадавшегося, в чем дело, история эта начала развлекать, и, обратившись к Уголотто, он спросил его: «Дворянин, не думаешь ли ты на кого-нибудь, кто бы устраивал тебе такие вещи?»

Уголотто отвечал: «Не могу представить себе, кто бы это был».

Тогда эзекутор сказал: «Подумай об этом, и если ты сделаешь мне какое-нибудь указание, предоставь мне действовать».

Уголотто пообещал и ушел, раздумывая на все лады о случившемся, и благодаря этим размышлениям и своей старости он долгое время казался человеком совершенно потерявшимся; но, в конце концов, он нашел покой, ибо не прошло и пятнадцати месяцев, как лавки для умерших были поставлены перед его домом по праву, и он был вынесен из него.

Поскольку этот Уголотто был мнителен и боялся смерти, то по этой причине эти желторотые любили издеваться над ним. И поистине, это было причиной его мук и страданий; а тем, кто это с ним проделывал, это служило, наоборот, веселой забавой. Если бы он был терпелив, он прошел бы мимо и только усмехнулся бы, а могильщику отплатил бы тем, что посмеялся бы с ним.

Новелла 79

На пиру в доме мессера Вьери деи Барди у мессера Пино делла Тоза возникает спор с одним кавалером; мессер Вьери разрешает его, и кавалер остается удовлетворенным

Когда мессер Вьери деи Барди²⁰⁵ был еще в живых, на один из его пиров отправилось к нему много выдающихся граждан кавалеров, среди которых находился мессер Пино делла Тоза,²⁰⁶ виднейший человек в нашем городе. Этот мессер Пино вместе с другим кавалером стали рассуждать о флорентийских делах, а нужно сказать, что названный мессер Пино ездил постоянно верхом на лошах, которую держал уже долгое время. Рассуждая таким образом, слово за слово, дошли они до одного вопроса, а именно – кавалер спросил: «Сколько шлемов нужно, чтобы овладеть Флоренцией*»

Мессер Пино ответил: «Нужно, пожалуй, двести».

На это кавалер возразил: «Не сделать этого и с пятьюстами».

Мессер Пино засмеялся и сказал: «Я бы взялся овладеть ей, пожалуй, и с полторастами».

Собеседник Пино принял это за шутку, и наговорил много всяких слов, чтобы настоять на своей цифре. На названный спор приходит мессер Вьери и спрашивает: «О чем вы спорите?»

– «Спорим о том-то и о том-то».

Мессер Вьери спросил тогда: «Что говорит мессер Пино?»

Кавалер ответил: «Он говорит, что овладел бы Флоренцией с помощью полтораста шлемов».

На это мессер Вьери сказал: «Я совершенно уверен в том, что он овладел бы Флоренцией

---

205 [205] Вьери ди Герардо ди Гвальтьери деи Барди стал сторонником народной партии пополанов в 1361 г., пользовался доверием чомпи; умер от чумы в 1383 г.

206 [206] Боккаччо говорит о Пино делла Тоза в "Жизнеописании Данте" Делла Тоза был выдающимся деятелем и выполнял много поручений своей страны. Участник битвы при Монтекаттино (1315 г.); был заключен в пизанскую «Башню голода»; умер в 1337 г. Саккетти прихотливо свел своих персонажей в одной новелле.

и с гораздо меньшим числом их, ибо он сделал нечто большее: он был господином в ней в течение стольких лет при помощи одной только лошачихи», и Вьери насчитал этих лет большое число.

Услышав это, другие кавалеры сказали, что мессер Вьери рассудил правильно и они полагают, что в силу приведенной мессером Вьери причины, мессер Пино овладел бы Флоренцией не то, что с помощью ста пятидесяти копий, а овладел бы ею, если бы захотел, с помощью одного осла.

Этим словам можно поверить сегодня еще больше, потому что есть много таких, которые господствуют над ней без коня или без осла, и даже не овладев ею. И я скажу еще более крепкую вещь: господствуют, не творя правосудия.

Новелла 80

Буонинсенья Анджолини, являвшийся отличным оратором на трибуне, как-то замолк, находясь на ней, словно оглушел, и, когда его дернули за платье, он объяснил это слушателям совершенно небывалой причиной

В старые времена в городе Флоренции совет собирался у св. Петра Скераджо,²⁰⁷ и там поэтому ставилась или постоянно имела трибуна. Раз, когда в названном месте собрался совет и по обычаю было сделано ему предложение, поднялся со своего места Буонинсенья Анджолини,²⁰⁸ умный и выдающийся гражданин, и взошел на трибуну. Речь свою начал, как обыкновенно, хорошо и гладко, но когда дошел до того места, где надо было делать заключение из сказанного, он вдруг остановился, словно на него нашло затмение; довольно долго простоял юн на трибуне, не говоря ни слова. Слушатели, и прежде всего синьоры приоры, находившиеся напротив него, были изумлены; приоры послали к Буонинсенья пристава сказать, чтобы он продолжал свою речь. Пристав тотчас же подошел к трибуне и, дернув Буонинсенья за полу, передал ему просьбу синьоров продолжать свою речь. Немного придя в себя, Буонинсенья сказал: «Синьоры и мудрые члены совета, я явился сюда с тем, чтобы высказать свое мнение относительно ваших предложений, это я и сделал, пока не дошел до того места, на котором онемел. И скажу вам, синьоры, что я не только с трудом припоминаю то, о чем должен был говорить, а нахожусь почти вне себя, после того как увидел перед собой на стене дураков, которые там написаны. Это, конечно, самые большие дураки, каких я когда-либо видел. Скажу больше: да поразит меч того живописца, который написал их. Это, наверно, Каландрино²⁰⁹ сделал им полосатые и клетчатые штаны. Знаете, синьоры, кто носил такие штаны? Я скажу вам, синьоры, что они так засели у меня в голове, что ни сейчас, ни когда-либо я не смогу сказать того, что хочу». И он сошел с трибуны.

Эти неожиданные слова пришлось по вкусу синьорам и членам совета, и каждый, смеясь, стал рассматривать дураков. Кто говорил: «Ого! Посмотреть на них, так дело совсем необыкновенное».

А кто: «Я никогда не обращал внимания на то, что это за люди». Один из присутствующих заявил: «О них можно было бы сказать, что сказал как-то на съенской площади один съенец. Однажды проходил по площади человек, одетый на половину в белое и на половину в черное, весь, с головы до ног, не исключая даже ремешков и башмаков. Кто-то спросил: „Кто это такой?“ А съенец ответил: „Я тебе говорю: не знаю, кто он такой, а только знаю, как он себя называет"». Тогда еще кто-то сказал: «Это пророки». А третий заметил: «Это

---

207 [207] Старинная церковь св. Петра Скераджо, от которой остались развалины рядом с галереей Уффици

208 [208] Буонинсенья Анджолини упоминается в документах 1282–1328 гг.; по мнению некоторых, он принадлежал к семье Анджольери.

209 [209] Каландрино был художником. Его роспись в церкви св. Петра не сохранилась. Известен по ряду новелл «Декамерона».

патриархи».

Так или иначе, они длинноваты, от пола и до самой крыши, как это еще и сегодня видно. И если смотришь на них, как смотрел Буонинсенья, то, что случилось с ним, случилось бы, пожалуй, со многими другими, особенно, когда видишь их полосатые и клетчатые штаны.

Поэтому и верно, что оратор, которому нужно сказать о чем-нибудь хорошо, должен сосредоточить свой ум и мысль только на том, о чем он должен говорить, потому что всякая маленькая вещь, приходящая в голову и стоящая вне его речи, может помешать ему так, что он останется ни с чем. Так случилось и с превосходными ораторами.

Новелла 81

Один съенец, стоявший в доме Росси во Флоренции и одолживший денег одному из членов этой семьи, идет туда, где Росси играет, а должник, увидев съенца, начинает после выигрыша богохульствовать. Съенец говорит на это, что Росси не должен отдавать ему ничего

В числе многих дворян, потерявших власть в Съене и вынужденных перебраться, кто куда,²¹⁰ находился некто Насточчо, или Миноччо, деи Сарачини,²¹¹ который снял помещение в доме Росси.²¹² Проживая там, он завел разные знакомства, как это делают съенцы, и был он превосходным игроком в тавлеи.²¹³ Он одолжил однажды некоему Боргезе де Росси²¹⁴ около десяти флоринов и никак не мог получить их обратно, хотя прошло уже два месяца. Как-то несколько соседей пригласили названного съенца выпить, и один из них сказал ему: «Я выписал бутылку вина из деревни; пойдем выпьем».

Съенец сказал на это: «Клянусь кровью Христовой, оно не может быть хорошим, раз оно в бутылки. Лучше вино омывать кишки, чем стекло. Пойдем в таверну; тут рядом есть хорошее вино под вывеской „Песни четырех павлинов“».²¹⁵

Услышав такие веселые речи съенца, собравшиеся не могли ему отказать. Отправились выпить с ним в таверну. Когда они выпили почти уже вдосталь, явился некий товарищ съенца и сообщил ему, что тот, кто должен вернуть ему десять флоринов, играет в тавлеи в доме Гуччардини и что выиграл уже тридцать флоринов. Услышав это, съенец сказал товарищам: «Эх, пойдем, подыдемся тут повыше колодца Тосканелли и повернем оттуда вниз к мосту.²¹⁶ мне сообщили, что такой-то играет там и выиграл; быть может, он вернет мне десять флоринов».

Все двинулись в путь, говоря: «Ступай, куда надумал, а мы пойдем за тобой».

Так и пошли. Когда съенец стал приближаться к цели и Боргезе увидел его, он начал сердиться и колотить по тавлеям, словно он никогда не выигрывал. Чем ближе подходил съенец, тем больше гневался Боргезе, тем чаще поднимал лицо к небу и поносил всех обитателей рая. Войдя в дом и увидя печальные жесты Боргезе, съенец сообразил, что он делает

---

210 [210] В 1368 г.

211 [211] Семья Сарачини была после заговора Ч. Салимбени изгнана вместе с Пикколо-мини. Толмеи и другими и поселилась в Съене. О Миноччо Сарачини ничего неизвестно. Возможно, что Саккетти изобрел это имя под влиянием Тиньоччо ди Мино (см.: Декамерон, день VII, нов 10).

212 [212] Дом Росси находился в Флоренции, откуда Сарачини был изгнан.

213 [213] Тавлеи – шашки.

214 [214] Боргезе ди Тинги де'Росси упомянут в документе 1343 г.

215 [215] Таверна под вывеской «Песни четырех павлинов» находилась на углу улицы того же названия, близ улицы Гвиччардини. Улица Павлинов имела своим продолжением улицу Тосканелли.

216 [216] Старый мост (Ponte Vecchio) во Флоренции.

это умышленно, чтобы иметь основание не платить, и сказал Боргезе: «Что это значит? Перестань богохульствовать; ты мне не должен ровно ничего».

Боргезе, стуча по доскам и буйствуя, прикинулся глухим, а съенец пошел с богом с твердым намерением не просить больше ни о чем и ничего больше не брать.

Через несколько дней после этого случилось так, что Боргезе проиграл, играя, и хотел попросить у кого-нибудь денег. Так как при этом находился съенец, то он попросил в долг у него, говоря: «Я должен вернуть тебе десять флоринов; одолжи мне пять; всего будет тогда пятнадцать».

Съенец ответил на это: «Ты мне ровно ничего не должен».

Боргезе спросил тогда: «Как? Я, однако, должен вернуть тебе десять флоринов. Клянусь телом и кровью господя, что отдам их тебе завтра».

Съенец ответил снова: «Я говорю тебе, что мне с тебя ничего не следует получить».

Боргезе принимается опять, но съенец все время повторял одно и то же:

«Мне ты не должен возвращать ничего».

Так на этом и осталось дело, и я думаю, что съенец никогда не получил денег. А ведь, если бы этот дворянин де Росси был человеком сознательным, даже если бы он мог никогда не возвращать съенцу деньги, он должен был бы вернуть их, хотя бы ради тех забавных слов, которые были обращены к нему.

Новелла 82

Некий генуэзец, нечто вроде потешника, является на празднество, устроенное в Милане, к мессеру Бернабо, который, желая посмотреть, насколько он способен выпить, производит ему испытание с помощью одного из своих слуг, большого пьяницы, и генуэзец оказывается победителем

Когда мессер Марко Висконти, старший сын мессера Бернабо, привез в Милан свою жену, называвшуюся мадонной Изабеттой, из дома синьоров Баварии²¹⁷ или какого-то другого из наиболее значительных домов Германии, то к миланскому двору явился, как это обычно бывало, некий генуэзец, забавнейший человек, бывший как бы присяжным потешником, завзятый пьяница, которому вино никогда не надоедало. Случилось так, что человек этот отправился навестить мессера Бернабо и, став перед ним на колени, начал сказывать ему всякие свои побасенки. Мессер Бернабо, умевший узнавать людей по их дыханию, посмотрел на него и заставил его простоять таким образом больше часа и ни разу не предложил ему подняться. В конце концов, колени у генуэзца заболели, и он встал сам, говоря: «Синьор мой, я не могу больше стоять на коленях».

Синьор посмотрел на него и сказал: «Ты, должно быть, пьяница».

Генуэзец отвечал на это: «Я, синьор, не пьяница; но люблю выпить».

Тогда мессер Бернабо сказал: «Если ты любишь выпить, ю не хочешь ли ты посостязаться в этом с одним моим слугой?»

Генуэзец ответил: «*Utinam Domine*».²¹⁸

Мессер Бернабо сказал ему тогда: «Подожди немного», – и приказал позвать своего питуха.

Когда тот явился к синьору, то Бернабо сказал ему: «Ступай сюда! Не хочешь ли ты попытаться перепить этого человека?»

Слуга ответил: «Охотно, синьор».

– «Ну, так вот, – сказал синьор, – тот, кто победит, получит подарок соответственно тому, как я оценю его заслуги; а тому, кто проиграет, придется выпить моей мальвазии двенадцать раз, не переводя духа».

217 [217] Речь идет о Елизавете Баварской

218 [218] Доколе, о господи (*лат.*).

«С богом», – сказали пьяницы. Тогда синьор обратился к слугам: «Ступайте и принесите кубок Роланда».

Они ушли и вернулись с квартой вина, белого, критского или какого-то другого, которая была так велика, что немногие опорожнившие ее трижды, могли бы остаться в живых. А так как вино было очень крепким и легко одолевало каждого, то синьор называл его поэтому Роландом. Так вот, когда вино было приготовлено и налито в несколько бокалов, синьор сказал: «Возьмитесь за руки и пляшите».

Те так и сделали. Тогда синьор подзывает их и говорит: «Поднесите каждому три муйола.²¹⁹

Так и было сделано, после чего он заставил соперников плясать. Генуэзец плясал гораздо более ловко.

Подозвав их вторично, синьор говорит: «Поднесите каждому по шести бокалов».

Так было сделано, и после этого он приказал снова начать танец.

Генуэзец прыгал совершенно как козленок; у питуха мессера Бернабо начали заплетаться ноги. Тогда их пригласили в третий раз и дали каждому по девять бокалов; после этого они принялись плясать в третий раз. Генуэзец стал делать прыжки, подскакивая вверх ловчее выдры; питух синьора не мог сдвинуться с места и шатался, словно его качало на волнах. В четвертый раз генуэзец выпил двенадцать бокалов; слуга синьора, уже не понимавший, где он находится, едва мог пить; однако все же выпил бокалы, напрягши все свои силы. Когда они стали плясать в четвертый раз и генуэзец выделял удивительные вещи, соперник его готов был свалиться при каждом движении и, в конце концов, упал, растянувшись на земле. Когда он упал, генуэзец сел ему на спину верхом и попросил синьора посвятить себя в рыцари на трупе этого пьяницы. Синьор ответил, что он заслуживает этого вполне и посвятил его в рыцари в то время, как тот сидел на пьянице.

Став рыцарем, генуэзец посмотрел на синьора и сказал: «С вашего разрешения, не будет ли вам угодно, чтобы я посвятил его в мокрые рыцари, как он того заслуживает?»

Синьор ответил: «Делай, как хочешь».

Генуэзец расстегивает штаны и орошает пьяницу большим количеством влаги, чем сколько он выпил мальвазии, – а выпил он ее тридцать бокалов. Оросив товарища, он ударяет его по щеке так, что удар можно было принять за основательную пощечину, и говорит: «Я ударяю тебя по щеке; я желаю, чтобы из любви ко мне ты носил имя мессер Каттиво»,²²⁰ – и так его с той поры и называли.

Посмеявшись вдосталь над всем этим, мессер Бернабо приказал отнести бесчувственное тело мессера Каттиво на двор, где находились конюшни, и велел бросить его на кучу навоза, сказав при этом: «Ты сделал его рыцарем омоченным, я сделаю его рыцарем огаженным. Что же касается тебя, который заслужил того, чтобы тебя почтили, то я хочу дать тебе то, что ты потребуешь (и он приказал принести два прекрасных платья и подарил ему их); и как ты окрестил его мессером Каттиво, так я хочу окрестить тебя мессером Винчи Орландо»,²²¹ так его с той поры всегда и называли.

Кому пришлось сделать что-либо хорошее или дурное на глазах у синьора, когда он в хорошем расположении духа, тому все сходит хорошо, как это случилось с названным генуэзцем. Но многим довелось перенести и обратное, потому что внешне сердце синьора кажется иногда спокойным, в то время как в нем идет борьба с разными людьми и в разных направлениях. Более прочно положение того, кто может не впутываться в дела; так он и останется ни во что не замешанным.

---

219 [219] Муйоло. или моджоло. – мера жидкости.

220 [220] В новелле пародируется посвящение в рыцари: крещение, удар мечом, присвоение нового имени Cattivo. что значит «дрянь».

221 [221] Винчи Орландо – прозвище. Дано как своего рода победителю «вина Роланда» (по-итальянски Orlando).

Новелла 83

В бытность Томмазо Барончи одним из приоров другие приоры проделывают над ним три шутки

В свое время, когда приорами были Марко дель Россо из рода Строцци,²²² Томмазо Федериги,²²³ Томмазо Барончи²²⁴ и другие, названным Марко и Томмазо Федериги пришло в голову подшутить над кем-нибудь из своих товарищей, и они решили, что лучше всего развлечься насчет Томмазо Барончи. Томмазо Барончи был в это время старшиной приоров. Однажды вечером, когда он улегся в постель, они вывернули наизнанку пару его башмаков, снабженных большими ушками. Утром Барончи встал, позвонил поспешно своим коллегам, обул впотьмах башмаки, и так как он очень торопился, то так и отправился на заседание. Заняв свое место, он просидел там довольно долгое время, как вдруг Марко в присутствии всех товарищей, смотря на ноги Томмазо, говорит ему: «Что это такое, старшина? Уж не собираешься ли ты на охоту в этих башмаках?»

Барончи всматривается в них пристально и отвечает: «Как так! Что за несчастье! Башмаки как будто не мои, хотя я без очков и не могу разглядеть их как следует». Он вынимает из бокового кармана очки, и, надев их, наклоняется, насколько может, подойдя предварительно к окну, и все присутствующие принимаются также внимательно рассматривать башмаки.

– «Это не мои башмаки, – говорит Томмазо – мои были с ушками, а у этих их нет».

В конце концов, он уходит в сбою комнату, снимает их там и начинает разглядывать со всех сторон. Находившийся при этом слуга его, Тозо, говорит ему: «Эти башмаки вывернуты», – и показывает ему при этом ушки, которые находились внутри.

Томмазо отвечает ему на это: «Тозо, ты говоришь правду. Что же это такое?»

Слуга говорит тогда: «Я не знаю. Самое лучшее было бы привести их в порядок».

И Томмазо с Тозо провозились до третьего часа, прежде чем привели башмаки в порядок. Но Томмазо обошелся уже без них, перестав о них и думать.

В тот же самый день Марко и Томмазо сыграли с ним вторую шутку. Они просверлили отверстие в ночной посуде, которой пользовался ночью Барончи, становясь в постели на ноги, и поставили ее на свое место. Вечером за ужином на стол было подано много жареных каплунов. Как старшина, Томмазо Барончи передал одного из них Тозо и сказал ему: «Положи-ка его ко мне в сундук. А завтра ты снесешь его Лапе, моей жене».

Тозо так и сделал. Увидя это, Марко и Томмазо Федериги велели после ужина поймать кошку из тех, что были в доме, вынули из сундука каплуна, посадили туда кошку и заперли ее там. Устроив, таким образом, все, что было нужно, и с ночной посудой, и с кошкой, они стали ждать времени, когда затеянная ими проделка придет к вожделенному концу.

Когда все синьоры улеглись по постелям, около полуночи Томмазо встал на постели, взял ночную посуду и устроил все, что нужно, по своему обыкновению. Марко, который проснулся, и говорит Барончи: «Ах, старшина! Каждую ночь ты будишь нас тем, что встаешь мочиться».

Томмазо тем временем орошал постель и прикидывался, что не слышит слов Марко; но когда он повесил сосуд на место, то обнаружил, что все его содержимое вытекло на постель, так что когда он лег обратно, то едва мог найти сухое местечко. Когда утром Томмазо встал и явился Тозо помочь ему одеться, он сказал слуге: «Дорогой Тозо, я опозорил себя, и не знаю, что мне делать; со мной случилось вот что. Ночной сосуд, видимо, треснул. Нынче ночью, когда я мочился в него, как делаю это обыкновенно, вся моча вытекла на постель. Если

---

222 [222] Марко дель Россо – возможно, дядя первой жены новеллиста, но скорее – брат деда. Между 1331 и 1358 гг. был пять раз приором, выполнял разные поручения своей страны.

223 [223] Томмазо Федерини был приором в 1358, 1363 и 1368 гг.

224 [224] Томмазо Барончи был приором в 1346, 1354 и 1361 гг. Трудно сказать, ошибся ли Саккетти, поскольку в 1358 г. приорами были Строцци и Федериги, а не Барончи, или же Саккетти сознательно пожертвовал исторической правдой.

товарищи мои увидят это, они скажут, что я просто устроил в постель».

Тозо заметил на это: «Я говорил вам не раз, что лучше становиться немного поодаль от постели, потому что стекло легко лопается, особенно от мочи, и то, что находится в посуде, вытекает наружу».

Томмазо возразил: «Будем мочиться по-прежнему: иначе зачем мне сосуд, если я должен сходить с постели?»

Тозо сказал тогда: «Намочено здесь как будто слишком много», и он развернул одеяло «Так вот, я снесу простыни к вам в дом и скажу, чтобы мне дали две чистых».

Тогда Томмазо сказал: «Не делай этого. Если Лапа увидит их в таком виде, она мне покоя не даст. Сделай так, как я тебе скажу: снеси простыни к себе домой и дай их вымыть какой-нибудь бабенке; пусть промоет их в холодной воде, а ты просуши их; только не говори, чьи они. После этого ты отнесешь их к себе домой, но смотри только, чтобы они были просушены сегодня же. Затем ты отнесешь их ко мне, но мне хочется, чтобы ты отнес тогда и каплуна».

Тозо так и сделал. Он снес простыни и велел их вымыть, и затем тотчас же просушил их. Когда они высохли, Тозо отнес их к Томмазо, который похвалил его за усердие и сказал затем: «Ну, теперь давай пойдем за каплуном, потому что Лапа – женщина сердитая, и если она захочет сказать что-нибудь по поводу простынь, то, увидев каплуна, она немного умерит свой пыл». Разговаривая таким образом, Томмазо с Тозо вошли в комнату, и когда Томмазо открыл сундук, то кошка выпрыгнула из него и бросилась ему прямо на грудь; перепуганный, он опустил крышку и выбежал из комнаты, совершенно растерянный, почти не помня себя. Марко и другой Томмазо, прохаживавшиеся напротив, чтобы посмотреть, чем кончится их проделка, подошли к нему и спросили: «Что с тобой, что ты так выбежал из комнаты?»

Томмазо ответил: «Мне кажется, что это враг божий. И, вероятно, он же вывернул мне башмаки».

Тогда Тозо заметил: «А мне показалось, что это была кошка».

Томмазо сказал на это: «Это, наверно, кот; он показался мне втрое больше кошки».

Тозо продолжал: «Вернемся к сундуку и дайте мне каплуна: я его отнесу».

Они возвращаются и открывают сундук; но, открыв его, они видят, что блюдо пусто.

Тогда Томмазо говорит: «Ай, ай! Тозо, вероятно, сказал правду, и кошка съела каплуна».

Марко и товарищ его изумляются: «Откуда же попала в сундук кошка? Разве в нем проделана лазейка для кошек?»

Барончи вытаскивает всякие домашние вещи из сундука и, осмотрев его внимательно, говорит: «Я не вижу здесь ни лазейки, ни простой дыры». Тогда Томмазо Федериги замечает на это: «Со мной произошел как-то подобный случай, когда я состоял, как теперь, в числе приоров. Коротко говоря: я послал слугу с блюдом, чтобы он поставил его в сундук, а в сундуке спала кошка; только слуга ее не заметил; она съела все, что было на блюде, и затем вышла из сундука совершенно таким же способом, как и эта».

– «Ах, несчастье! Таких удивительных случаев со мной никогда не бывало. Мне кажется, что начиная со вчерашнего дня у меня все какие-то незадачи. И вот я думаю, что этой своей должности я никогда не выполню и мне лучше всего вернуться к своей Лапе, ведь когда я с ней, я никогда ничего не боюсь; а если я здесь останусь, мне будет очень страшно, должно быть, в этих комнатах что-то неладно. Вы все говорите: кошка да кошка. Разве кошка вывернула мне башмаки и сделала другое, еще более худшее?» Марко говорит: «Очень возможно. От этого помогают разные молитвы и отченаши. Посоветуйся на этот счет с какими-нибудь магистрами богословия».

Томмазо целых три дня посылал за разными богословами, и те посоветовали ему молиться и читать «Отче наш» в течение недели с четырех часов до заутрени. Совет этот был измышлением двух названных товарищей.

Томмазо Барончи, совсем упав духом, не спал почти целых восемь ночей. Вооружившись многочисленными отченашами, чтобы враг человеческий не входил больше в дом, и, потеряв сорок фунтов веса, он оставил должность и вернулся к Лапе. В объятиях ее он обрел покой и заявил ей, что не хочет больше никогда быть приором, потому что дьявол находится в этих комнатах, ведь не кто иной, как дьявол устроил ему описанные выше вещи, о которых он

рассказал ей по порядку. В этой уверенности Томмазо пребывал до конца своих дней, который наступил скоро.

Простота людская побуждает часто и умных людей проделывать всякие забавы, чтобы потешиться. Обретаясь часто в унынии даже и синьоры, по-видимому, не отказываются от таких вещей, чтобы развлечь свой ум.

Новелла 84

Некий съенский живописец, узнав, что жена его впустила к себе любовника, входит в дом и ищет его. Найдя его на распятии, он хочет отрубить ему топориком его орудие; но тот убегает и кричит: «Fie шути топориком!»

Жил некогда в Съене живописец по имени Мино, у которого была жена, женщина пустая, но очень красивая; в течение довольно долгого времени за ней ухаживал один съенец, и дело у них зашло уже далеко. Один из родственников Мино не раз говорил ему об этом, но тот не верил.

И вот однажды, когда Мино отлучился из дома и отправился посмотреть какую-то работу за городом, ему пришлось заночевать вне дома. Предупрежденный об этом, друг жены пошел вечером к ней, чтобы провести с ней время в свое удовольствие. Услыхав об этом, родственник Мино, выследивший его жену, решил убедить, наконец, живописца в справедливости своих слов. Он тотчас же отправился к нему, а возле городских ворот оставил человека с ключами, сославшись на то, что ему нужно по делу выйти из города и что он скоро вернется обратно. Выйдя из Съены, названный родственник попросил человека с ключами подождать его и отправился прямо к Мино, находившемуся неподалеку от города в церкви. Придя туда, он сказал: «Мино, я много раз говорил тебе о позоре, которым жена твоя покрывает тебя и нас, но ты никогда не хотел мне верить. Так вот, если ты хочешь в этом удостовериться, ступай со мной и ты найдешь жену свою с любовником в своем доме».

Тот сейчас же пустился в путь и вошел в город через дверцу в воротах. Тогда родственник сказал ему: «Иди домой и обыщи там все хорошенько, потому что, как только любовник услышит, что ты пришел, он, само собой разумеется, спрячется».

Мино последовал его совету, но попросил своего родственника: «Пойдем со мной, и если ты не хочешь войти в дом, оставайся на улице». Родственник согласился.

Мино раскрашивал главным образом распятия, и преимущественно резные. В доме их было всегда несколько штук, частью находившихся в работе, когда четыре, а когда шесть. Держал он их в своей мастерской, как это обыкновенно делают живописцы, на очень длинном столе, где они и стояли одно подле другого прислоненные к стене и покрытые каждое отдельно большим полотенцем или другой тканью. В это время распятий там было шесть: четыре резных и два плоских, расписанных, и все они стояли одно подле другого на столе высотой в два локтя, прислоненные к стене, и каждое было покрыто большим полотенцем или куском холста. Подходит Мино к двери своего дома и стучит. Жена его и молодой человек не спали, и услышав шум у двери, тотчас же сообразили, в чем дело. Не открывая окна и не отвечая, женщина проходит потихоньку к маленькому окошечку, или отверстию, которое никогда не закрывалось, чтобы посмотреть, кто стоит у двери. Разглядев, что это ее муж, она возвращается к любовнику и говорит ему: «Я погибла! Что нам делать? Тебе лучше всего спрятаться».

Но так как они не могли найти подходящего места, а любовник был в одной рубашке, они бросились в мастерскую, где стояли распятия.

Женщина сказала тогда: «Хочешь устроиться как следует? Прыгай на стол, прижмись поплотнее к одному из плоских распятий и раскинь руки, как это изображено на других, а я покрою тебя тем же куском холста, которым распятие было покрыто. Пусть тогда ищут тебя, сколько угодно: не думаю, чтобы тебя можно было найти в этих потемках. Платье твое я свяжу в узелок и положу его в ящик до наступления дня; а там какой-нибудь святой нам поможет».

Любовник, совсем растерявшийся, вскакивает на стол, поднимает полотенец и располагается на плоском распятии подобно фигуре на распятиях скульптурных, а женщина

берет холст и покрывает его, ни дать ни взять, как были покрыты другие распятия. Затем она возвращается к себе, оправляет немного постель, чтобы казалось, будто она спала в ней одна, и, взяв штаны, башмаки, куртку, кафтан и другие вещи любовника, связывает их тотчас же плотно в узелок и кладет его туда, где находилось другое платье. Сделав все это, она подходит к окну и говорит: «Кто там?»

Муж отвечает: «Открой! Это я, Мино».

Тогда жена спрашивает: «О! Который же час?» и бежит, чтобы открыть дверь. Когда дверь открылась, Мино говорит: «И долго же ты заставила меня ждать, верно не обрадовалась тому, что я вернулся».

Жена отвечает: «Если тебе пришлось прождать слишком долго, то виной тому сон, я уснула и ничего не слыхала».

Муж заметил тогда: «Ну, ладно; там увидим». Он берет ночник и Начинает искать повсюду, даже под постелью.

Жена спрашивает его: «Что ты ищешь?».

Мино говорит: «Странно ты рассуждаешь. Подожди, скоро узнаешь».

На это жена отвечает: «Я не понимаю, что это значит: скоро узнаешь».

Обыскав весь дом, Мино дошел до мастерской, где находились распятия. Можно себе представить, как почувствовало себя распятие во плоти, когда оно услышало, что живописец в мастерской: ему приходилось держать себя подобно другим, которые были из дерева, а между тем сердце билось у него, как перед смертью. Помогла ему судьба, так как ни Мино, ни кто-либо другой не подумали бы никогда, что человек, которого он искал, ухитрился спрятаться таким образом. Побыв немного в мастерской и «е найдя, кого искал, Мино вышел из нее. В мастерской имелась дверь на улицу, запиравшаяся на ключ снаружи, и каждое утро молодой парень, работавший с названным Мино, открывал ее, как открываются другие подобные двери. Из дома же в мастерскую вела маленькая дверь, через которую входил в нее Мино. Выходя из мастерской, чтобы направиться в дом, живописец закрыл эту дверь на ключ, так что живое распятие не могло выйти, если бы захотело.

После того как Мино провозился целую треть ночи и не нашел ничего, жена его отправилась спать и сказала мужу: «Таращи глаза, сколько тебе угодно. Если хочешь идти спать, иди; если нет, ходи по дому, как кошка, если тебе это нравится».

Мино ответил на это: «А вот я потерплю еще, и тогда покажу тебе, что я не кошка, грязная ты свинья. Пусть будет проклят день, когда ты сюда пришла».

Жена ответила: «Это могла бы сказать я. Что это, белое или красное вино говорит в тебе?» – «Это ты очень скоро узнаешь».

Тогда жена говорит ему: «Ступай спать, ступай; так-то будет лучше; или не мешай спать мне».

Так как оба устали, то в эту ночь дело тем и кончилось: жена уснула; отправился спать и муж. Родственник Мино, ожидавший на улице, чем кончится дело, простоял, пока не ударили в колокол, и отправился после этого домой, говоря про себя: «Пока я ходил за город, чтобы позвать Мино, любовник, наверное, ушел к себе домой».

Поднявшись самым ранним утром и осмотрев еще раз каждую щель, Мино после долгих поисков открыл, наконец, внутреннюю дверь в мастерскую и вошел в нее. Тем временем подмастерье его открыл наружную дверь мастерской со стороны улицы. В эту минуту, рассматривая свои распятия, Мино увидел, что у одного из покрытых распятий высунулись два пальца ноги.

Тогда Мино говорит про себя: «Это, наверно, и есть любовник». Порывшись в своих инструментах, которыми он обтесывал и вырезал распятия, он нашел лежавший там топор и решил, что он будет самым подходящим для него орудием. Когда он взял его и подошел к прилавку, чтобы вскочить к живому распятию и отрубить у него то главное, что привело его в дом живописца, то любовник, поняв намерения Мино, соскакивает со своего места, говоря: «Не шути топором», и бросается на улицу через открытую дверь. Мино за ним, на расстоянии нескольких шагов, и кричит: «Держите вора, держите вора!» Вор же пустился к себе.

К жене, слышавшей все это, явился как раз в это время послушник-доминиканец, ходивший с корзинкой собирать милостыню для монастыря. Когда послушник поднялся по

лестнице в дом, как они это иногда делают, жена сказала ему: «Брат Пуччо,²²⁵ подайте мне корзину: я положу вам в нее хлеба».

Тот подал ее. Вынув из нее хлеб, женщина сунула туда узелок, оставшийся после ее любовника, бросила сверх него хлеб монаха и еще четыре своих хлеба, и сказала: «Брат Пуччо, я положила под хлеб в вашу корзинку, чтобы не подумал кто чего-либо дурного, небольшой узелок, который одна женщина принесла сюда из бани, куда такой-то ходил, по-видимому, вчера вечером. Я дала вам четыре хлеба. Я прошу вас, когда вы уйдете, передать узелок ему, если вы застанете его дома; он живет подле вашей церкви. Да скажите ему, что женщина из бани посылает ему его вещи».

Брат Пуччо ответил на это: «Я все понял и все устрою», и пошел с богом дальше.

Подойдя к двери любовника и делая вид, что просит хлеба, он спросил: «Здесь живет такой-то?»

Молодой человек, находившийся в нижнем этаже, услышав, что его спрашивают, подошел к двери и сказал: «Кто там?»

Монах подходит к нему, передает ему его вещи, и говорит при этом: «Вам посылает их женщина из бани».

Молодой человек дал ему два хлеба, и монах ушел. Сообразив, в чем дело, любовник отправился тотчас же на Съенскую площадь, куда он в это утро явился почти одним из первых, и там занялся своими делами, как будто с ним ничего не произошло. Мино же, сильно запыхавшийся и одураченный убежавшим распятием, возвращается к своей жене и говорит ей: «Грязная потаскуха, называешь меня кошкой, говоришь, что я пил белое и красное вино, а сама прячешь своих любовников на распятиях. Нужно сказать обо всем твоей матери».

Женщина спрашивает мужа: «Это ты говоришь мне?»

А Мино на это: «Я скажу это и ослиному д...»

«Так вот ты и говори с ним», – ответила жена.

Тогда Мино говорит: «И ты еще не краснеешь, и тебе не стыдно? Я не понимаю, как я еще могу сдержаться, чтобы не сунуть тебе головешку в такое-то место!»

Жена отвечает: – «У тебя не хватило бы духу, даже если бы я сама этого потребовала. Клянусь крестом господним, если бы ты приложил только руку, это обошлось бы тебе дороже, чем что-либо».

Тогда муж говорит: «Противная свинья! Ты сделала из своего любовника распятие. Я бы отрубил ему то, что хотел, да он убежал».

А жена отвечает: «Я не понимаю, что ты кричишь: какое там распятие могло убежать? Ведь они прибиты большими гвоздями? А если он оказался неприбитым, то тебе оттого хуже, если он убежал, потому что вина в этом твоя, а не моя».

Мино бежит за женой и начинает бить ее по щекам: «Ты меня опозорила, да ты же еще надо мной смеешься?»

Когда жена почувствовала на себе удары, то она, будучи более сильной, нежели Мино, стала бить его. Она ударяет его с одной стороны, ударяет с другой, и вот Мино лежит на полу, а жена его сидит на нем и продолжает обрабатывать его таким образом. «Что ты скажешь? – говорит жена. – Получай, хочешь – не хочешь! Пьянствуешь там да сям, а потом приходишь домой да называешь меня потаскухой. Я обработаю тебя не хуже, чем Тесса Каландрино.²²⁶ Проклятие тому, кто выдал когда-либо женщину за живописца! Все вы нелепые люди и чудаки, вечно пьянствуете, и никогда-то в вас стыда нет».

Видя себя беззащитным, Мино просит жену дать ему подняться и не кричать, чтобы не услышали соседи и, явившись на шум, не увидели бы жену верхом на муже. Услышав это, жена говорит: «Я очень хотела бы, чтобы сюда собрались все соседи».

Тем не менее она поднялась; поднялся и Мино с лицом, совершенно избитым, и, чтобы уладить дело, попросил у жены прощения, говоря, что злые языки уверили его в том, чего не было, и что распятие действительно убежало потому, что не было прибито гвоздями.

225 [225] Пуччо – персонаж из «Декамерона» (день III, нов. 4).

226 [226] Тесса и Каландрино – персонажи из «Декамерона» (день IX, нов. 5).

Когда Мино проходил по Съене, то родственник, направивший его на этот путь, спросил: «Как же было дело? Как оно произошло?»

А Мино ответил ему, что обыскал весь дом и не нашел никого; когда же он рассматривал распятия, то одно из них упало ему на лицо и привело его в тот вид, в котором он сейчас находится. Равным образом и всем съенцам, спрашивавшим его, что с ним такое, он говорил, что это ему на лицо упало распятие.

Таким образом и случилось, что Мино, чтобы уладить дело, помирился, говоря про себя: «Какой же я дурак! У меня было шесть распятий, и шесть у меня и есть; у меня была одна жена, одна и есть. Лучше бы их у меня не было! Если начать заботиться обо всем, так оттого только увеличится ущерб, как это и случилось со мной теперь. Если же жена хочет быть дурной, то все люди на свете вместе не смогут сделать ее хорошей, разве если случится то, что случилось с одним человеком, о котором рассказывается в следующей новелле.

Новелла 85

Некий флорентиец берет в жены вдову, бывшую до того женщиной весьма предосудительной, и без особого труда исправляет ее так, что она становится честной

В городе Флоренции жил некогда человек, звавшийся, как я слышал, Герардо Элемезеи, и взял он себе в жены вдову, которая вела себя предосудительно и легкомысленно при первом муже и считалась женщиной очень дурной; звали ее монной Эрмеллиной.²²⁷ Когда этот Герардо взял ее себе в жены, то многие из его родственников, еще до того, как он осуществил свои права мужа, говорили ему: «Герардо, что ты сделал? Ты умный человек, а взял такую женщину. Какую славу создаст она тебе?» и много других вещей.

Герардо отвечал на это: «Уверяю вас, что я знаю, кем была та, кого я взял, и знаю, что если она не изменится, то, значит, я поступил дурно. Но я рассчитываю с божьей помощью устроить так, что она не станет поступав со мной, как поступала прежде, а будет поступать как раз наоборот. А поэтому не беспокойтесь об этом деле больше меня».

Говорившие пожали плечами и стали шутить между собой, говоря: «Да даст тебе бог успеха».

По истечении нескольких дней монна Эрмеллина пришла однажды вечером к мужу, поужинала и, когда настал час ложиться спать, отправилась к себе в комнату, куда, как это полагается, явился и Герардо. Замкнув дверь, монна Эрмеллина подошла к тому, кто собирался полакомиться, и повела с Герардо любовный разговор. Герардо разделся до куртки, монна Эрмеллина – до кофточки. И когда со стороны названной монны Эрмеллины все было подготовлено для такого дела, Герардо выходит из угла комнаты с палкой в руках и принимается бить ею свою молодую жену. Та начинает кричать; и чем больше она кричит, тем сильнее ударяет по ней палкой Герардо. Когда он уже проколол ее некоторое время таким образом, жена проговорила: «Горе мне! Куда ты привела меня, судьба? В первый же вечер, не знаю почему, меня отделал так тот, от кого я думала получить самое большое удовольствие. Если бы только богу угодно было, чтобы я оставалась вдовой, чтобы я распорядилась сама собой. А то теперь я во власти того, кто никогда не даст мне более радости».

Герардо тем временем возобновил игру, и когда он исколотил женщину повсюду, она спросила: «Почему ты поступаешь так со мной?» Герардо ответил ей: «Я не хочу, Эрмеллина, чтобы ты думала, что я взял тебя в жены, не будучи отлично осведомлен о том, какой женщиной ты была ранее. Я знаю хорошо и много наслышан о том, как ты вела себя и насколько ты была честной. И я думаю, что если бы муж твой проучил тебя так, как учу теперь я, то в этих побоях не было бы нужды. Поэтому, учитывая теперь, когда ты мне жена, что твое поведение в прошлом, твоя бесчестность и твой позор не были наказаны, я хочу, прежде чем воспользоваться своими правами мужа, этими побоями очистить тебя от того, что ты делала

---

227 [227] Может быть, имена героев новеллы – Элизеи и Эрмелина – взяты из «Декамерона» (день III, нов. 7).

доныне. Ведь если ты узнаешь, как я проучил тебя за прошлые твои проступки, когда ты не была еще моей женой, то подумай только, что я сделаю с тобой и каковы будут удары, которые ты получишь, если ты, будучи моей женой, впредь не отделаешься от них. Больше я тебе ничего не скажу. Ты умна, а мир велик».

Словом, эта добрая женщина излила не мало жалоб – и было на что – и повинулась в том, о чем говорил Герардо. В конце концов она улеглась в постель, и не то, что в эту ночь, а целый месяц или больше ей не пришлось оставаться с мужем, так как она была вся избита. Постепенно она помирилась с Герардо, а побои эти возымели такую силу, что насколько она была распущенна и легкомысленна в прошлом, настолько она стала впредь одной из лучших, безупречнейших и честнейших женщин нашего города.

Сколько существует дурных мужей, которые берут плохих жен! И плохи они скорее из-за недостатков своих мужей, нежели своих собственных. Отдают девочку за мальчика и предоставляют их самим себе. А какой науке может научиться она у ничего не смыслящего юноши? И идет она той дорогой, на которую ступила.

А не всегда найдется для нее палка Герардо или та, о которой рассказывается в следующей новелле.

Новелла 86

Фра Микеле Порчелло встречается в одной гостинице неприятную хозяйку и говорит про себя: если бы она была моей женой, я наказал бы ее так, что она изменила бы свои повадки. Муж этой хозяйки умирает; фра Микеле берет ее в жены и наказывает, как она того заслуживала

Лет тридцать тому назад жил некий имолезец, которого звали фра Микеле Порчелло,²²⁸ не потому, что он был монахом, а потому, что он принадлежал к числу членов третьего ордена св. Франциска.²²⁹ У него была жена, и был он человеком лукавым и злым и совсем особых нравов. Он ездил по Романье и по Тоскане и торговал, а затем, когда видел, что с него хватит, возвращался в Имолу. Однажды на обратном пути к Имоле он приехал вечером в Тозиньяно и остановился в гостинице некоего человека по имени Уголино Кастроне;²³⁰ у этого Уголино была жена, женщина очень неприятная и капризная; звали ее монной Дзоанной.²³¹ Сойдя с коня и оправившись, фра Микеле сказал хозяину: «Устрой-ка нам хороший ужин. Есть у тебя хорошее вино?»

– «Как же. Вы будете довольны».

Тогда фра Микеле продолжал: «Вели-ка приготовить нам салат».

Уголино позвал тогда жену и сказал ей: «Дзоанна, пойдй, нарви салата».

Дзоанна надулась и ответила: «Подй, нарви его сам».

Муж повторил тогда: «Ну, сходи же!»

А жена в ответ: «Я не хочу идти».

Видя такой ее нрав, фра Микеле рассердился про себя. Когда же фра Микеле попросил вина, то хозяин сказал жене: «Сходи-ка за таким-то вином и принеси кувшинчик его».

А мадонна Дзоанна ответила на это: «Ступай сам! Ты вернешься скорее, да и кувшинчик у тебя в руке и ты лучше меня знаешь бочку».

Видя такую нелюбезность хозяйки, проявившуюся во многих случаях, фра Микеле сказал хозяину: «Уголино Кастроне, ты действительно кастроне (дурак), и даже баран. Если бы я был

228 [228] Об этом персонаже в точности ничего неизвестно. Прозвище Порчелло происходит от итальянского слова *rogso* – «свинья».

229 [229] Так называемые терциарии были мирянами и не приносили никаких монашеских обетов.

230 [230] Имя, не связанное ни с каким определенным лицом. Смысл прозвища Кастроне раскрыт в новелле.

231 [231] Джованна. В тексте новеллы использован романьольский диалектальный вариант этого имени.

на твоём месте, я заставил бы твою жену делать то, что я ей велю».

Уголино ответил на это: «Фра Микеле, если бы вы были на моём месте, вы делали бы то, что делаю я».

Фра Микеле изводился от злобы, видя омерзительный нрав жены Уголино, и говорил про себя: «Господи, если бы милостью твоей умерла моя жена и умер Уголино, то я непременно взял бы ее в жены, чтобы наказать ее за ее безумие». Фра Микеле провел вечер, как мог, и наутро уехал в Имолу.

На следующий год случилось так, что в Романье настал мор, во время которого умер Уголино Кастроне и жена фра Микеле. Когда через несколько месяцев чума прекратилась, фра Микеле употребил все усилия, чтобы получить в жены мадонну Дзоанну. Наконец, намерения его осуществились. Когда Дзоанна явилась к мужу и отправилась вечером в спальню, куда, как она думала, к ней придут с тем, на что рассчитывают молодые жены, фра Микеле, еще не забывший тозиньянский салат, навел на нее с палкой в руках и принялся бить ее, и отколотил ее так, что всю ее изувечил. Женщина кричала, но муж не обращал на это никакого внимания; отколотил ее досыта, а затем ушел спать. Через два дня после этого, вечером, фра Микеле велел жене поставить на огонь воду, потому что он хотел вымыть себе ноги. Жена, которая не говорила уже: «Поди, поставь ее сам», исполнила приказание. Когда она сняла воду с огня и вылила ее в таз, то фра Микеле обжег себе ноги, так как она была горяча. Почувствовав это, он, не спрашивая, в чем дело, выливает воду обратно в кувшин, ставит ее на огонь и ждет, чтобы она закипела.

Когда она стала кипеть, он берет таз, выливает в нее воду и говорит жене: «Поди сюда, садись: я хочу вымыть тебе ноги».

Та не хотела; однако из страха перед худшим ей пришлось согласиться. Муж моет ей ноги кипятком: жена пищит: «Ой, горе мне», и тянет ноги к себе. Фра Микеле же тянет их в воду, дает ей тумака и говорит: «Держи ноги спокойно!»

Жена отвечает на это: «Несчастливая, я вся сварюсь!» Фра Микеле замечает на эти слова: «Сказано: бери жену, чтобы она варила, и я взял тебя, чтобы сварить тебя, прежде чем ты сварить меня».

Словом, он обварил ее так, что она больше двух недель едва могла ходить: у нее слезла вся кожа с подошв. Как-то раз фра Микеле говорит ей: «Сходи за вином».

Жена, которая едва могла ступить на ноги, взяла бутылку и пошла еле-еле, как могла. Как только она добралась до верхней ступени лестницы, фра Микеле ударил ее кулаком сзади со словами: «Иди скорее», и сбросил ее с лестницы вниз, прибавив при этом: «Ты думаешь, что я Уголино Кастроне, которому, когда он тебе говорил: „Сходи за вином“, ты отвечала: „Ступай сам!“»

И пришлось этой донне Дзоанне, ошпаренной, бледной как мертвец и-избитой, сделать то, чего она не хотела делать, когда была здорова.

Случилось так, что фра Микеле Порчелло запер однажды все двери в доме, чтобы задать трепку жене. Та, увидя это, убежала наверх, выскочила через окно на крышу и пустилась бежать с крыши на крышу, пока не добралась до одной соседки фра Микеле; сжалившись над ней, та оставила ее у себя. Через некоторое время кое-кто из соседей и соседок фра Микеле пришли к нему просить, чтобы он взял жену и жил с нею, как следует. Фра Микеле ответил, что раз она ушла от него по крышам, то пусть вернется к нему тем же путем, и никаким другим. А если она этого не сделает, то пусть и не надеется вернуться когда-либо домой. Соседи, зная, что за человек фра Микеле, устроили так, что женщина вернулась на мучение по крышам, как кошка. Как только она очутилась дома, фра Микеле принялся снова играть на литаврах.²³² Измученная и истерзанная жена говорит мужу: «Прошу тебя, убей меня, прежде чем мучить меня таким образом всякий день, я не знаю за что».

Фра Микеле отвечает на это: «Так как ты еще не знаешь, почему я это делаю, я тебе объясню. Ты, конечно, помнишь, как я приехал однажды вечером в гостиницу в Тозиньяно, когда ты была женой Уголино Кастроне. Помнишь ли ты, как он сказал тебе, чтобы ты пошла нарвать для меня салата, а ты ответила ему: „Ступай за ним сам?“» И после этих слов фра

232 [232] Т. е. бить жену.

Микеле наносит здоровенный удар кулаком и продолжает: «А когда он сказал тебе: „Сходи за таким-то вином“, а ты ответила ему: „Я не хочу идти за ним?“» И он наносит ей второй удар.

«Тогда я пришел от этого в таксе негодование, что стал просить бога, чтобы он послал смерть Уголино Кастроне и моей тогдашней жене, чтобы я мог взять тебя в жены. Милостиво выслушав мои молитвы, он исполнил их и сотворил так, что ты стала моей женой, чтобы тому наказанию, которому не подверг тебя твой Кастроне, подверг тебя я. Так что то, что я делал с тобой до сих пор, было сделано, чтобы наказать тебя за проступки и отвратительные твои повадки в то время, когда ты была его женой. Подумай же о том, что сделаю я с тобой, если ты захочешь держаться этих своих повадок, будучи отныне впредь моей женой? Несомненно то, что я делал с тобой до сих пор, покажется тебе молоком и медом. Так что от тебя зависит теперь, заслужить или не заслужить палки и побои.

Жена ответила на это: «Дорогой муж, если я в прошлом сделала что-либо неподобающее, то ты меня за это уже наказал. Да будет милость божья, чтобы я поступала впредь так, чтобы удовлетворить тебя. Я постараюсь об этом, и да будет в этом со мной милость божья».

Фра Микеле сказал тогда: «Мессер Батакьо (палка) разъяснил тебе это. Дело за тобой».

С этой поры женщина совершенно изменила свой нрав, словно она заново родилась. А фра Микеле не пришлось пускать в дело не то, что удары палки, но и язык, потому что она догадывалась о его желаниях и не уходила, а летала по дому и была прекраснейшей женой.

Что касается меня, то я, как было сказано выше, полагаю, что все почти зависит от мужей: от них хорошие и дурные жены. И в этой новелле видно, что то, чего не сумел сделать Кастроне, сделал Порчелло. И хотя пословица говорит: «Для хорошей женщины и дурной женщины нужна палка»,²³³ я принадлежу к тем, кто думает, что для дурной женщины нужна палка, но для хорошей в ней нет нужды, так как если побои наносятся с целью превратить дурные нравы в хорошие, то их нужно наносить дурной женщине, дабы она изменила свои дурные нравы, но не хорошей, ибо если она изменит добрые нравы, то может усвоить дурные, как это часто бывает с лошадьми: когда хороших лошадей бьют и изводят, то они становятся упрямыми.

Новелла 87

Маэстро Дино да Олена, врач, ужиная однажды вечером с флорентийскими приорами, в бытность гонфалоньером юстиции Дино ди Джери Чильямоки, поступает так, что названный Дино не ужинает и хочет затем отправить в ссылку названного маэстро Дино

Дино ди Джери Чильямоки был гражданином Флоренции, купцом, часто бывавшим во Фландрии и в Англии. Он был очень высок ростом и худ, и был у него чрезмерно большой кадык. Он очень не любил слышать или видеть неприятные вещи, а потому, когда об этом люди болтали, то он вел себя странно. Будучи гонфалоньером юстиции, он пригласил как-то к ужину маэстро Дино, а этот маэстро Дино был еще более странным человеком, чем названный Дино. За столом уселись: на первом месте названный гонфалоньер, подле него – маэстро Дино, а кроме того, здесь находился Дино ди Бернардо д'Ансельмо,²³⁴ бывший тогда приором и вероятный соучастник маэстро Дино в том, о чем рассказывается далее в настоящей новелле.

Когда стол поставили, то был подан телячий желудок. Лишь только принялись разрезать его, маэстро Дино и говорит Дино: «Что бы вы взяли, чтобы есть из чашки, где в течение нескольких месяцев находились испражнения?»

Дино смотрит на него и отвечает, смутившись: «Это гадость для того, кто плохо воспитан;

233 [233] Та же пословица встречается в «Декамероне» (день IX, нов. 9).

234 [234] Дино ди Бернардо д'Ансельмо – выдающийся гражданин Флоренции С 1358 по 1369 г занимал различные должности (четыре раза был приором, четыре раза гонфалоньером правосудия). Возглавлял партию гвельфов, во яр" Лля восстания чомпи – рыцарь Ради обрисовки остроты столкновения важных должностных лиц Саккетти в этой новелле не соблюдал исторической достоверности.

похуже, уноси».

Маэстро Дино продолжал: «А что представляет собою то, что подано на стол? Это еще похуже».

Дино начинает мутить. – «Что это за слова?»

А маэстро Дино отвечает: «Они соответствуют тому, что было подано на стол в виде первого блюда. Сознаться: разве этот желудок не есть сосуд, в котором содержались испражнения животного со времени его рождения? И вы, синьор, едите такие грязные блюда?»

– «Это гадость, это гадость. Унесите блюдо, – говорит он слугам. – Клянусь создателем: больше вы этого есть не будете».

С тех пор Дино не ел ни желудка, ни чего-либо другого. Когда названное блюдо было унесено, подали вареных куропаток, и маэстро Дино сказал: «Этот отвар из-под куропаток воняет», и, обращаясь к эконому, спросил: «Где ты их купил?»

Эконом ответил: «У торговца птицей Франческе».

Маэстро Дино заметил на это: «За последние дни их было в продаже много, и один из моих соседей купил их, полагая, что они свежие, а они оказались затем все в червях. Эти, вероятно, такие же».

Тогда Дино сказал: «Какая гадость, какая гадость. В недобрый час и еще такое безобразие», и он вернул свою чашку слуге со словами: «Убери».

Тогда маэстро Дино заявляет: «Надо же мне, однако, поесть, если я хочу жить; оставь!»

Дино надулся и не ест и сидит с видом святого. После того как убрали второе блюдо, подали сардинки в соусе. Маэстро Дино говорит: «Гонфалоньер, я вспоминаю, когда дети мои были маленькими, как у них выходили сзади черви».

Тогда Дино встает и говорит: «Какая гадость для того, кто не привык к таким вещам. Клянусь парижской богоматерью, что вы своими мерзкими словами не дали мне сегодня вечером поесть. Но даю слово, вы не придете больше в эту гостиницу».

Маэстро Дино засмеялся и стал просить его вернуться к столу; но ничто не помогало, и он пошел в свою комнату, говоря: «Да пошлет вам господь плохой день, негодный человек явился в такой дом и держит себя как знаменитый музыкант; речи его напоминают больше речи негодяев, опустошающих сады, чем слова людей, которые должны служить примером и поучать. Таким примером должен был бы служить и этот старик, но, на мой взгляд, он скорее похож на человека, дурно прожившего свою жизнь».

Гино ди Бернардо вместе с другими приорами, получившими от всего происшедшего большое удовольствие, встали из-за стола и отправились туда, где находился Дино, и застали его в большом расстройстве, причем он ни за что не хотел видеть маэстро Дино. Однако им удалось несколько усмирить его; маэстро Дино постарался войти в его расположение, и гонфалоньер примирился с ним. Но это длилось недолго. По истечении некоторого времени маэстро Дино задумал уехать. Тогда Гино ди Бернардо и говорит ему: «Маэстро, проститесь с Дино и откланяйтесь ему».

Маэстро Дино берет за руку Дино и говорит ему: «Мессер гонфалоньер, с разрешения вашей милости, позвольте вас просить отпустить меня». Дино протягивает ему руку, а маэстро Дино, взяв ее, тотчас же оборачивается и, спустив с себя штаны, в один и тот же миг обнажает перед гонфалоньером седалище и голову.

Этого было достаточно. Дино бросается, чтобы схватить маэстро, и кричит: «Хватайте его, хватайте его!» Гино и прочие говорят: «Дино, не кричите. Пойдем на заседание, и там сделаем то, что нужно».

Маэстро же Дино говорит: «Синьоры, поручаю себя вам, чтобы мне не погибнуть за то, что я откланялся должным образом», и, сойдя по лестнице, он уходит с богом.

Взбешенный Дино в тот же вечер идет на заседание, созывает товарищей и, как старшина, ставит на голосование, чтобы послать уведомление исполнителю судебных постановлений и выслать маэстро Дино. Предложение ставится, ставится раз и другой, но не получает большинства голосов. Видя это, Дино, у которого вздулась шея, зовет слуг и велит им зажечь факелы, так как он хочет идти домой. Товарищи смеялись до упаду и сказали: «Ах, Дино, не уходите нынче вечером».

Дино же, не умерив нимало своего гнева, быстро отправился к себе домой. Наутро за ним

послали; но на следующий день нельзя было никакими способами добиться того, чтобы он вернулся во дворец. Тем временем один из приоров нарисовал на стене в малом зале заседаний углем фигуру, очень похожую на Дино, с большим кадыком и длинной шеей, так что это был точь-в-точь гонфалоньер. Вечером, когда Дино не хотел возвращаться во дворец, приоры послали за ним сера Пьеро дела Риформаджони²³⁵ с тем, чтобы он попросил Дино вернуться, так как дела коммуны не могут оставаться без управления; а кроме того, так как маэстро Дино должен быть наказан за совершенный им проступок. После продолжительных переговоров Дино позволил себя убедить, и на следующее утро вернулся во дворец. Но когда он явился утром в малый зал заседаний и увидел в присутствии Гино ди Бернардо изображение, сделанное на стене, то посмотрев на него, он стал вздыхать, а Гино и говорит ему: «Ах, не обращайтесь внимания на эти вещи и не огорчайтесь».

На это Дино ответил: «Какого черта говоришь ты мне это, когда меня нарисовали здесь на стене? Если ты мне не веришь, взгляни сюда».

Гино, еле сдерживавший себя, так ему хотелось смеяться, сказал: «Как это вы можете, добрый вам час, сердиться из-за этого рисунка и говорить, что он изображает вас? Здесь уже довольно давно была нарисована голова короля Карла I, бывшего человеком худым и длинным, с горбатым носом.²³⁶ Но простите мне, Дино, я слышал от многих граждан, что лицо у вас совершенно такое же, как у короля Карла I».

Дино поверил этим словам и утешился, почувствовав свое сходство с королем Карлом I. Через некоторое время он вернулся с маэстро Дино и, явившись на заседание, снова поставил на голосование оповещение и высылку, но, не получив большинства голосов, опять очень огорчился. Тогда, наконец, Гино сказал: «Так как голосование не дает вам большинства, то поручите двоим из нас послать за маэстро Дино и сказать ему то, что следует, нагнав на него хорошего страху». Так и сделали.

Послать за маэстро Дино было поручено Гино и еще другому лицу. При появлении маэстро Гино стал смеяться и сказал ему, наконец, что Дино хотел бы видеть его мертвым и что он простил бы ему все и успокоился, если бы он не спустил с себя штанов. На это маэстро Дино заявил: «Существует в мире страна, очень большая, и есть там король, являющийся набольшим, а под ним находится много князей, и называется этот король королем Сары.²³⁷ Когда кто-либо делает поклон одному из этих князей, то он снимает капюшон; когда же кто-либо делает поклон королю – набольшему, то он снимает сразу и капюшон и штаны. Учítывая, что гонфалоньер юстиции есть старший синьор, и не только в этой провинции, но во всей Италии, и желая сделать ему поклон, я поступил таким же образом, как поступают в той стране».

Услышав это объяснение, оба приора расхохотались еще больше и, вернувшись к Дино и прочим, рассказали, как они порицали маэстро Дико, и как крепко выругали его, и как он сослался в свое оправдание на какой-то обычай, существующий в такой-то стране. Если так, то, по их мнению, он не совершил уже такого большого проступка, и они попросили Дино, чтобы тот не огорчался и предоставил им кончить это дело. Коротко говоря, Дино забыл мало-помалу оскорбление маэстро Дино, но все же в течение нескольких лет не разговаривал с ним. А маэстро Дино радовался этому и говорил: «Если он не разговаривает со мной, так мне нечего ходить к нему лечить его, когда он хворает». Так продолжалось дело долгое время, пока, наконец, маэстро Томмазо дель Гарбо не устроил им однажды вечером ужин и, угостив их желудком и куропатками, не помирил их.

Необходимо всегда, чтобы среди синьоров и в обществе находился человек, который мог бы развлечь остальных. Названный Дино был из таких людей: не по причине какого-нибудь недостатка, а по привычке, он не выносил грязных вещей и не хотел о них слышать. А так как маэстро Дино забавлялся этим сам, то он позабавил тем самым и синьоров. Поэтому

---

235 [235] Пьеро ди сер Грифо да Поатовеккьо (Риформаджони) был нотарием народного правосудия, в 1378 г. был освобожден от должности. О нем встречается упоминание в документах в 1379 г.

236 [236] Карл I Анжуйский (1220–1285) – король Неаполя и Сицилии.

237 [237] Сказочный король, вроде царя Берендея.

благодарение богу, если у кого такой желудок, который выносит все.

Новелла 88

Некий крестьянин из Декомано приходит к мессеру Франческа Медичи жаловаться на то, что один из его близких хочет отнять у него виноградник, и приводит при этом такие забавные доводы, что мессер Франческа устраивает так, что виноградника у него не отнимают

Несколько лет тому назад жил в Декомано весьма зажиточный крестьянин, владения которого простирались вплоть до пределов Виккьо.²³⁸ Здесь он обрабатывал своими руками прекрасный виноградник, который у него хотел отнять один из Медичи, и ему это почти что уже удалось. Когда крестьянин, которого звали, кажется, Ченни, увидел, что дело его плохо, он решил отправиться во Флоренцию жаловаться старшему, в роде Медичи. Так он и сделал. Однажды утром, сев на коня, он поехал во Флоренцию, и, узнав, что старшим является мессер Франческо,²³⁹ он направился к нему и, придя, сказал: «Мессер Франческо, я обращаюсь к богу и к вам, и прошу вас, ради бога, сделать так, чтобы меня не обокрали, если только меня не следует обокрасть. Один из ваших присных хочет отнять у меня виноградник, который я считаю для себя потерянным, если вы не поможете мне. И скажу я вам, мессер Франческо так, что если ему надлежит иметь его, то пусть он его имеет; я скажу вам, каким образом. Вы должны знать, вы, который много прожили, что мир наш находится во власти поветрий; то это оспа, то моровая язва, то поветрие, от которого портятся все вина, то таксе поветрие, что в короткий срок лишается жизни много людей или не соблюдаются права человека. И, таким образом, бывает, что находит то одно, то другое поветрие. А потому, возвращаясь к предмету своей речи, я скажу, что от поветрий нельзя защититься. Совершенно так же и в том случае, о котором я хочу теперь вас просить, ради бога, и который заключается в следующем. Если нынче поветрие отымать виноградники, то пусть ваш присный владеет спокойно моим виноградником, ибо от поветрия я не могу, да и не хочу защищаться... Но если поветрия отымать виноградники нет, то я прошу вас сердечно сделать так, чтобы у меня моего виноградника не отымали».

Выслушав шутку крестьянина, мессер Франческо спросил его, как его зовут. Тот назвал себя, а потом Франческо и говорит: «Добрый человек, близкий мой никак не прав в отношении тебя, а потому будь уверен, что есть поветрие там или нет, но виноградник твой отнят у тебя не будет», и прибавляет: «Так и быть, подожди уж немного».

И он послал за четырьмя старшими в доме Медичи, рассказал им эту забавную историю, а затем велел позвать Ченни и сказал: «Повтори-ка им то, что ты сказал мне». Тот повторил слово в слово.

Тогда все присутствовавшие с общего согласия послали за тем своим присным, который был уверен, что виноградник будет принадлежать ему, и стали упрекать его в этом. Скоро они освободили виноградник из рук фараона,²⁴⁰ сказав ему, что Ченни ссылается на поветрие в такой форме, что он не мог быть неправ, что он творил о деле так, что они ни на минуту не почувствовали здесь какой-либо тяжбы. Тот обещал им освободить виноградник, так как никакого поветрия не было, и не продолжать своих домогательств.

Нет сомнения, что закон в течение долгого времени не восстановил бы прав Ченни, что сделало его словечко насчет поветрий, и пусть рассказа этого не сочтут за шутку, ибо кто внимательно вдумается в дело, увидит, мне кажется, что свет подвержен поветриям, креме

---

238 [238] Виккьо – селение в районе Муджелло.

239 [239] Может быть, Франческо ди Биччи, который в 1343 г. пытался осуществить реформы после изгнания герцога Афинского. Франческо ди Биччи умер в 1363 г

240 [240] Фараон здесь упоминается как синоним всемогущества и произвола.

одного случая, когда надо действовать по-хорошему. На все остальные бывало поветрие, и это длилось долгое время.²⁴¹

Новелла 89

В то время как священник из Монте Уги идет с телом Христовым к больному, он видит на своей смоковнице человека и кричит на него, обращаясь к нему со странными и непристойными словами, нимало не думая о той святыне, которая находилась у него в руках

В церкви св. Мартина на Монте Уги, близ Флоренции, служил не так давно священник по имени сер..., человек мало набожный и скорее преступный. Между прочим, он не чинил церковной крыши, и над алтарем она была в худшем состоянии, чем где-нибудь, так что в день церковного праздника на алтарь лил как-то дождь, и соседи и другие говорили: «Ай, ай, батюшка, что же ты не покроешь церковь крышей, чтобы дождь не лил на алтарь!»

А священник отвечал на это: «Так богу и надо, если он хочет, чтобы на него лил дождь. Он же сказал „fiat”,²⁴² и сотворился мир; так он может сказать и «покройся», и у церкви будет крыша, и на него не будет лить дождь.

И такого же дурного нрава был этот священник и во всем остальном.

Как-то случайно, в летнюю пору, смертельно заболел один из прихожан, и послали за священником, прося принести причастие. Взяв тело христово, священник отправился причащать больного. Отойдя немного от церкви, он взглянул на свое поле и увидел на одной из смоковниц мальчика, который ел и собирал фиги. Будучи неверующим католиком и не обращая внимания на то, что шел с причастием в руках, он, как отпетый разбойник, закричал, обернувшись к мальчику: «Если дьявол мне поможет ссадить тебя, я обработаю тебя так, что эти фиги окажутся худшими из всех, какие ты когда-либо ел».

Мальчишка, который был злым, и, может быть, также захотел заставить священника сказать что-нибудь похуже, ответил: «O Domine,²⁴³ вы несете тело господне et ego vado in tentatione ficorum».²⁴⁴

На это священник сказал: «Даю обет богу, что ты смеешься надо мной. Что ты скажешь? Сходи с дерева, чтоб тебе от меча умереть!»

Мальчишка, который успел уже набить себе живот, ответил: «Ну, ладно! Я схожу и возвращаю тебе твои фиги», и при этом он издал звук, напомнивший бомбарду. Священник, рассерженный, продолжал после этого свой путь. Такие-то почести были возданы господу нашему рассудительным священником и молодым обжорой на дереве, а больной оказался приобщенным достопочтенным пастырем, находившимся в столь добром расположении.

Что же случилось с этой благословенной остией,²⁴⁵ освященной и несомой столь набожным клириком? Что касается меня, то я не стал бы клясться, что она была истинным телом Христовым, не будучи уверенным, что дурное дерево может принести добрый плод. И весь-то свет полон таких людей, что один бог знает, в какие он попал руки.²⁴⁶

241 [241] На эту же тему Саккетти написал народную песенку – фроттолу «о событиях, изменившихся к худшему» (1391–1392 гг.).

242 [242] Да будет (лат.).

243 [243] О господи (лат.).

244 [244] А я вошел во искушение фиг. (лат.).

245 [245] Остия – облатка, даваемая при причастии.

246 [246] Последние строки новеллы в рукописи даны с пробелами. Они заполнены Фолличчи, по тексту которого и сделан перевод. В рукописи Мальябейкьяны новелла кончается иначе, а именно: «Однако этот недостойный пастырь не остался безнаказанным за свои грехи. Когда он вернулся домой и положил пресвятое тело господне в дарохранительницу, то поднялась жесточайшая буря с градом огромной величины. Градины, падая

Новелла 90

Некий башмачник из Сан-Джинеджо собирается отнять землю у мессера Ридольфо да Камерино. Когда это дошло до ушей Ридольфо, то он с помощью прекрасных слов заставляет башмачника отступить от своей ошибки и прощает его

Мне приходится опять вернуться к одному из рассказов о мессере Ридольфо да Камерино, который имеет следующее содержание.

Некий сапожник из Сан-Джинеджо,²⁴⁷ принадлежавшего мессеру Ридольфо, проявил однажды такую дерзость, что стал говорить против названного мессера Ридольфо и строить всякие козни для его ниспровержения. Это дошло до ушей Ридольфо. Когда он находился в названной местности и узнал сущность дела, то он не пришел в ярость, подобно многим глупым людям, и не захотел, чтобы вещи эти обнаружили иначе, как через самого башмачника. А кроме того, желая оказаться не низким, а скорее великодушным, он сделал вид, что отправляется по Сан-Джинеджо на прогулку, и, пройдя туда, где была мастерская башмачника, мессер Ридольфо останавливается и говорит: «Зачем ты занимаешься этим ремеслом?» Башмачник отвечает: «Синьор мой, чтобы прокормиться». А мессер Ридольфо говорит: «Ты не можешь прокормиться им: это не твое дело и ты не умеешь его делать»; после чего он берет его колодки и приказывает унести их.

Многое мог башмачник сказать, чтобы не очутиться без колодок; но, не зная, как быть, и не в состоянии догадаться о том, что Ридольфо хотел сказать, он неоднократно ходил к нему для того, чтобы потребовать обратно свои колодки. В конце концов он направился однажды к мессеру Ридольфо и застал его в обществе почтенных людей. Сообразив, что, если он потребует свои колодки в присутствии стольких людей, ему легче будет получить их обратно, и учитывая, что мессер Ридольфо вернет их ему скорее из стыда, он подходит к нему и говорит в присутствии всех: «Синьор, прошу вас вернуть мне мои колодки, потому что иначе я не могу работать и заниматься своим ремеслом».

Мессер Ридольфо смотрит на него и говорит: «Я сказал тебе, что не твое дело шить туфли и делать обувь».

Тогда сапожник сказал: «О, если это не мое ремесло, раз я всегда занимался им, то какое же мое?» Мессер Ридольфо ответил: «Ты хорошо сделал, что спросил. Твое дело – жить в этом прекрасном дворце и заниматься вещами более высокими; а я хочу оставить себе колодки, чтобы заняться шитьем и, если нужно, делать башмаки и обувь».

Так как башмачник продолжал спрашивать, а мессер Ридольфо отвечал ему странно и загадочно, то находившиеся при нем были как бы ошеломлены требованиями башмачника, чтобы ему вернули его колодки, и теми ответами, которые давал синьор. Постояли они так некоторое время, а мессер Ридольфо и говорит им: «Этот башмачник, которого вы видите, строил козни, чтобы лишить меня владений. Зная это и видя, что душа у него должна быть великой и что ему не пристало вытягивать зубами кожу, а подобает скорее быть сильным и сидеть в этих дворцах, я взял у него колодки, потому что если он стремится к сапожному ремеслу и ему кажется, что оно должно быть его занятием, то это не его дело, ибо это не его ремесло: оно слишком жалко и низко для такой великой души».

Башмачник принялся оправдываться и стал дрожать. А мессер Ридольфо говорит: «Не оправдывайся в недобрый час, так как я знаю все и хочу осудить тебя в присутствии этих людей», и затем велит одному человеку сходить за колодками.

Услышав это, сапожник решил, что синьор убьет его, наверное, этими колодками. Когда колодки явились, мессер Ридольфо говорит: «После того как ты перед всеми этими людьми

через дырявую крышу церкви, ударили по голове недостойного священника и убили его; и совершенно то же произошло и с мальчишкой, собиравшим фиги; он был убит грозой неподалеку от этого места».

247 [247] Сан-Джинеджо – селение в Марке, в 20 км от Камерино. Марка – область средней Италии.

признал, что это твое дело, а я хочу тебе верить, я возвращаю тебе колодки. Но оставь в покое мое дело, которое не касается ни тебя, ни тебе подобных, и в этот недобрый час иди опять кроить и шить башмаки: ступай и делай в отношении меня самое худшее, что ты можешь!»

Башмачник, едва переводя дух, сказал, опустившись на колени: «Синьор, я молю бога, чтобы он даровал вам долгую и хорошую жизнь, а за милость, которую вы мне сделали, да воздаст он вам в меру вашей добродетели и вашего сострадания. Что касается меня, то я не в силах когда-либо отплатить вам за сделанное вами. Но будьте уверены в одном, что душа моя и все мои силы целиком отданы вам».

И ушел он в тот час с таким чувством, что никогда больше не думал, ни на словах, ни на деле, ни о чем другом, кроме восхваления своего синьора. Названный же мессер Ридольфо стал благодаря этому столь любимым своими подданными, что все они казались как бы прикованными к его нуждам горячей любовью.

О, сколь следует хвалить синьора, если он, когда какой-нибудь низкий человек причинит ему подобную обиду, справится с нею так, как справился этот человек, показав свое великодушие и широту своего сердца, делающую его великим и возносящую его до звезд за то, что он пренебрег и презрел те вещи, которые многие низкие люди преувеличивают, боясь, что всякая муха причинит им обиду.

Новелла 91

Слепой Минонна Брунеллески ведет другого человека ночью воровать персики; другие кражи, совершенные им забавным образом

Минонна Брунеллески²⁴⁸ из Флоренции жил в мое время; он был слепым, но во многих вещах превосходил зрячих настолько, что, например, не было у него такого соседа, чтобы он, если ему нужно было поставить к бочке для вина кран, не послал бы за Минонной, чтобы тот его устроил. И я много раз видел, что он никогда не проливал и капли вина, играл в дзаку²⁴⁹ и ходил один без провожатого. У него было имение в Панке,²⁵⁰ и там соседом его был Джованни Манфреди, прозванный Джого.²⁵¹ Минонна выследил, что у этого Джого в винограднике имеются персиковые деревья, усыпанные прекрасными плодами. И вот однажды поздно вечером позвал он двух товарищей и сказал им: «Не хотите ли вы пойти со мною в такое-то место за персиками?»

Те сказали, что они попали к нему в дом случайно и что они флорентийцы: «Мы не знаем этого места».

Минонна говорит тогда: «Об этом не беспокойтесь; вы пойдете, куда я вас проведу, но захватите этот мешок».

Товарищи переглядываются и говорят: «Это замечательно: обыкновенно зрячие водят слепых, а этот слепой хочет вести зрячих».

Им загорелось тогда пойти, и они сказали: «Пойдем, посмотрим на такую небывалую вещь».

Они пошли; Минонна повел их отлично с поля на поле. Когда они пришли ко входу в виноградник, где находились персики, то оказалось, что он обрыт хорошей канавой и обнесен изгородью. Тогда Минонна говорит: «Дайте, я пойду вперед; спускайтесь вниз, потому что там в изгороди есть потайной проход». Товарищи идут за ним.

Когда они подошли к проходу, Минонна говорит: «Теперь проходите здесь и держитесь

---

248 [248] Некий Джованни Брунеллески, по прозвищу Минонна, упомянут в акте 1362 г.

249 [249] Дзака – игра в кости (см.: Данте. Чистилище, VI, 1).

250 [250] Район в 2 милях к северу от Флоренции.

251 [251] Об этом персонаже ничего неизвестно.

правой руки, и там увидите персики».

Те поступают так и находят все так, как говорил Минонна. Минонна оказался у персиков в то же время, что и они. Он набрал плодов столько, сколько они вдвоем. Наконец они наполнили мешок, и Минонна захотел, чтобы они взвалили его ему на спину. Те не хотят, берут мешок сами, как могут, возвращаются домой и ложатся в постель.

Наутро Минонна вместе с ними отправляется во Флоренцию, а так как двое товарищей не могли не разгласить этого небывалого случая, то он дошел до ушей Джованни Манфреди. Так как Манфреди никак не мог успокоиться, то, не говоря ни слова, он отправляется на следующую ночь с одним человеком в огород Минонны и срезает там много отличных кочнов капусты, забирает, сколько мог унести, овощей и наносит, какой только смог, ущерб.

Весть об этом доходит до Минонны; он сейчас же решает, что это должен был сделать Джованни Манфреди, и принимается нюхать воздух, как раненый кабан, своим горбатым носом, а своим горбом за плечами, наподобие подставки для книги, напоминая дельфина, когда он бросается в море, втягивал в себя воздух и старался угадать, будет ли буря. Тотчас же пускается он в путь, покрыв голову капюшоном так, как он это делал, когда ходил в Панке. Проходя стремительно мимо лавки Капероццо, ²⁵² где на улице стоял на столе бочонок, не знаю для чего приготовленный, для медицинской ли пасты или какого-то соуса, он толкает его так сильно, что и бочонок, и стол, со всем, что там было, падает на землю. После чего сам он продолжает свой путь. Капероццо или его рабочий, который толкал что-то в лавке, увидев это, выходит из нее и, смотря вслед Минонне, кричит: «Чтоб тебе от меча умереть! Разве ты ничего не видишь? Чтоб глаза твои пропали!»

Минонна сделал вид, что не слышит, идет дальше, приходит в Панке, входит в огород, ощупывает капусту и все прочее и принимается громко жаловаться, в особенности по поведению капусты, из которой он часто ел суп. Так он провел у себя несколько дней, делая вид, что не знает, кто бы это мог сделать. В конце концов Минонна решил, что дело на этом кончиться не может. Однажды вечером он позвал двух крестьян и попросил их остаться у него. С наступлением ночи они, взяв два мешка и ножи, пошли в огород Джованни Манфреди, где имелась площадка, засаженная необычайно хорошим чесноком, о котором названный Джованни постоянно говорил. Они выдрали один за другим весь чеснок, отрезали у него головки и сложили их в мешки, а перья снова воткнули в землю; так они выдрали весь чеснок, унесли головки и оставили перья на том месте, где они сидели раньше.

Через два дня после этого, когда Джованни и Минонна находились на Треббио, ²⁵³ куда оба они ходили, Минонна стал жаловаться по поводу своей капусты. Джованни Манфреди и говорит: «Я хотел бы, чтобы у меня лучше взяли мой чеснок, чем портить его так, как, видимо, его испортили».

Минонна отвечает: «Как? Разве он был так хорош?»

А тот и говорит: «Он совершенно уже высох сегодня».

Минонна говорит тогда: «Вероятно, его съел червь».

Манфреди уходит, отлично понимая, что Минонна проделал что-то с ним, и, войдя в огород, выдергивает один чеснок, выдергивает два; он мог бы выдернуть еще много, но ни у одного не нашел бы головки. Тогда он тотчас сообразил, в чем дело, и на следующий день, будучи на Треббио, Джого не мог удержаться от того, чтобы не спросить: «Минонна, ты, может быть, оставил хоть сколько-нибудь?»

Минонна ответил: «Что ты с ума сошел?»

Джого сказал: «Наверное тогда, когда ты вытащил у меня чеснок».

Минонна спрашивает его: «Ты говоришь о моей капусте? Не послал ли ты ее для продажи к Чакке?» ²⁵⁴

---

252 [252] Сведений об этом персонаже не имеется; может быть, его надгробие находится в кафедральном соборе Флоренции.

253 [253] Неподалеку от площади Санта-Мария.

254 [254] Прозвище мелкого торговца-зеленщика.

- «Какой Чакке? Чтоб ему от меча умереть!»
- «Лучше тебе!»
- «Лучше тебе», и так они нападают друг на друга.

Обоим вместе им было сто пятьдесят лет, причем один был слепой, а у другого уши были завернуты и казались подшитыми багрецом. Собрался народ: заставили их помириться. У Минонны остался чеснок, у Джого – капуста... и никогда между ними впредь не было доброжелательных отношений; постоянно они ворчали друг на друга... и никто из них не хотел исправиться. Ноги у них стояли уже в гробу, а они воровали чеснок и капусту: они охотно взяли бы и другое, потому что раз «собака лижет золу, не доверяй ей муки».

Новелла 92

Соччебонель из Фриуля, купив сукна у торговца в розницу, решил, что обманул его в мере, а на деле торговец сильно обманул его самого

Жил некогда во Фриуле, в замке Шпилинберго,²⁵⁵ флорентиец, торговавший сукнами в розницу. Некий фриулиец, по имени Соччебонель,²⁵⁶ придя к нему за товаром, потребовал сукна какого-нибудь красивого цвета, так как он хотел сделать себе кафтан, какой носят бароны. Торговец спросил его: «Хочешь ты синего?»

- «Нет».
- «Хочешь зеленого?»
- «Нет».
- «Хочешь полинялого цвете?»
- «Нет».
- «Хочешь цвета каньяццо?»²⁵⁷
- «Нет».
- «Хочешь цвета небесного свода?»
- «Да, да, да».

Он решил по названию, что тут будет солнце, и луна, и звезды, а может быть, и значительная часть рая. Велев подать себе сукна цвета небесного свода, он условился о цене за четыре канны.²⁵⁸ Торговец берет тогда канну и говорит Соччебонелю: «Держи-ка, вот здесь за этот конец», и начинает накладывать сукно на канну.

Прикладывает свой конец и фриулиец, но каждый раз он кладет некоторое количество сукна по-за меру, когда на один соммес,²⁵⁹ а когда и больше; и делал это так внимательно, что не глядел ни на что другое. Флорентиец, с самого же начала заметивший это, накладывая сукно на канну, стал недокладывать сукна со своей стороны меры на пол-локтя, а когда и более, так что каждые четыре локтя превращались у него, может быть, в три с половиной. Когда четыре канны были отмерены и за них уплачено, то фриулиец попросил отнести ему сукно. Тогда продавец, чтобы скрыть обман, сказал: «Хочешь, чтобы сукно у тебя вышло хорошее? Опустить его в кадку с водой и оставь там на всю ночь, чтобы оно хорошенько намокло. Тогда ты увидишь, какое у тебя получится сукно».

Покупатель так и сделал. Наутро он слил немного воду и послал сукно к стригачу, чтобы тот высушил его под прессом и подстриг его. Когда сукно было подстрижено, Соччебонель

---

255 [255] Шпилинберго – замок, находящийся между Фриулем и Тольмино.

256 [256] Саккетти придумал это имя.

257 [257] Буквально «собачий», здесь в значении «пиловый».

258 [258] Канна – мера длины, равная примерно 2 м; название это происходит от палки, которой мерили материю.

259 [259] Мера, равная сжатому кулаку с поднятым вверх большим пальцем.

пошел за ним и спрашивает: «Сколько тебе следует уплатить?»

Стригач отвечает: «Сукна было как будто девять локтей; давай девять сольдов».

Тогда фриулиец говорит: «Как так девять локтей? Неужели! Что ты говоришь?»

Стригач приносит сукно и говорит: «Посмотри и смеряй».

Заказчик перемеривает его, не находит полной меры и говорит: «Клянусь телом матери Иисуса Христа, у меня сукна украли».

И он направляется к торговцу, а потом к одному да другому. Один говорит: «Эти флорентийские сукна никогда не садятся от воды».

А торговец замечает: «Посмотри-ка там, где оно простояло ночь, когда ты его намочил; не украл ли там кто чего-нибудь».

Третий заявил: «Все эти стригачи – воры».

А один из приятелей торговца, знавший, вероятно, об этом деле, сказал: «Хочешь, синьор, я скажу тебе правду? Не так давно я слышал, один человек стащил локоть флорентийского сукна. Вечером он положил его, как ты свое, в кадку с водой; утром же, когда он отправился вынуть его из воды, то оно, оказалось, село настолько, что он не нашел в кадке ничего».

Соччебонель сказал на это: «Ого! Может ли это быть?»

Собеседник ответил: «Конечно, это может быть»²⁶⁰

Так вот, рассчитывавший обмануть оказался обманутым и совсем потерял от этого голову. Небесный свод сел так, что его не хватило бы, чтобы прикрыть свод небольшой печи; а баронский кафтан превратился в короткий плащ, скорее походивший на сальтаминдоссо.²⁶¹ И так часто бывает, ибо «один человек стоит другого».

Новелла 99

Портной Бартолино, видя, что кожа у его жены очень смуглая, язвит ее ловкими словами, а она между тем и виду не подает, что поняла его

Портной Бартолино,²⁶² занимавшийся шитьем курток, женился на вдове с очень смуглой кожей. Вечером, перед тем как лечь спать, женщина эта совсем разделась и сидела на кровати, крестясь и читая свои молитвы. Бартолино уже улегся, и так как жена его не ложилась, то он стал разглядывать ее, и ему показалось, что она в монашеском подряснике: столь темен был цвет ее кожи. Бартолино говорит ей тогда: «Раздевайся и ложись в постель».

А жена отвечает ему: «Я разделась».

Тогда Бартолино ощупывает ее, а она начинает визжать.

– «Так ты правду говоришь? Ну, так ложись». И она легла.

Я рассказал об этом, чтобы показать, насколько кожа ее была смуглая.

Но вот однажды Бартолино поел за обедом баранины и сказал, что неплохо было бы теперь заесть соусом; а он его очень любил. Ему подали небольшую чашку соуса. Бартолино сказал тогда: «Что же это такое: отчего соуса так мало?»

Жена его ответила: «Нельзя было найти нужных трав».

Бартолино возразил на это: «А мне так кажется, что они у нас были; только ты их сама съела. Оттого-то у тебя лицо такое зеленое».

Тогда жена сказала: «Это не от того, что ты думаешь».

– «А почему?»

– «Я хочу снять с себя всю эту дикую кожу, которая огрубела за то время, что я жила в деревне».

260 [260] Непередаваемая по-русски шутка: фриуланец говорит на диалекте, на котором для слова «это» имеется два выражения (ср. старые русские просторечные: «эвтот» и «эстот»).

261 [261] Нищенская, узкая одежда.

262 [262] Некий Антониде Бартолино, портной по профессии, был приором в 1380 г.

Бартолино заметил на это: «Старайся! Ведь с тех пор, как ты моя жена, ты не раз старалась отшелушить ее, хотя и думаешь, что я этого не замечал. И чем больше ты там ковыряешь, тем больше, как мне кажется, находишь черноты. А потому, жена, ради меня, не повторяй глубже, потому что ты захватишь настолько глубоко, что доковыряешься до самого ада».

Жена возразила на это: «Ну, ладно! Мне же хочется быть такой, как другие, и не казаться неряхой».

Тогда Бартолино сказал: «Ну, делай, как тебе угодно. По-моему, так лучше прикрывать дурное, чем открывать его».

Жена ответила на это: «Я не знаю, что значит дурное. Если я буду дурна, то мне же от того будет хуже».

И если она сделала себе одно шелушение, то с этих пор она устроила их себе еще четыре, так что стала похожа на черную селедку.

Из упрямства она, однако, продолжала ходить на рынок, причем считала себя очень красивой; а Бартолино остался удовлетворен и горчицей, и соусом.

Из тщеславия женщина часто обманывается насчет самой себя. Чем больше уродства она видит в зеркале, тем меньше она согласна признать, что подурнела. Всяческими необычными способами старается она приукрасить себя, не оставляя в покое ни лица, ни какой-либо другой части тела, созданной богом. И она не думает о том, что, как бы красива она ни была, в короткое время она увянет, подобно цветку, в глубокой старости иссохнет и превратится наконец в скелет.²⁶³

Новелла 100

Ромоло дель Бьянко говорит у св. Репараты монаху, проповедующему против лихоимства, чтобы он проповедовал о тех, кто просят, потому что в церкви присутствуют одни бедняки

Захотелось мне рассказать маленькую новеллу об одном флорентийском старичке, которому, наверное, восемьдесят лет, и он еще жив, и которого зовут Ромоло дель Бьянко.²⁶⁴ У него всегда наготове самые необычайные слова, и большей частью философского смысла. В великом посту ходил он на проповеди, которые произносятся по вечерам в соборной церкви св. Репараты и на которые ходят все бедные рабочие – шерстобиты, после того как они уйдут и закроют свои лавки; ходят на них и слуги, и служанки, и всякий мелкий служащий люд. Всякий вечер молодой августинский монах проповедовал там против лихоимства, убеждая не ссужать деньги с лихвой, так как это приводит к осуждению человека. Потом он снова возвращался к лихоимству и недозволенным сделкам. Наслушавшись вдосталь о лихоимстве, Ромоло дель Бьянко встает как-то и говорит: «Господин монах, я слышал, думаю, ваши речи насчет этого, вот уже несколько вечеров, ко все молчал, потому что полагал, что вы станете проповедовать о другой материи, кроме лихоимства. Но теперь, так как мне кажется, что вы не собираетесь проповедовать о другом, я хочу разъяснить вам, что вы попусту тратите слова, потому что все, кого вы видите на проповеди, просят денег, а не ссужают ими, ибо у них их нет, и я первый из них. А потому, если вы можете дать нам какое-нибудь утешение по поводу того, что мы обязаны делать и что должны давать другим, то я прошу вас об этом; в противном случае и я, и все другие находящиеся здесь можем обойтись без того, чтобы ходить на ваши проповеди».

Монах и все присутствовавшие в церкви смотрели, как ошеломленные, ища, откуда исходил этот голос, потому что в храме было темно, так что люди почти не видели друг друга.

²⁶³ [263] В оригинале: череп.

²⁶⁴ [264] Ромоло дель Бьянко был противником мира между Флоренцией и Пизой, о чем заявил в речи, произнесенной на заседании совета (1364 г.). В 1377 г. был избран уполномоченным рабочих по строительству лоджии Ланци (Орканья).

Но разглядев, что это был Ромоло дель Бьянко, все сказали: «Он совершенно прав, потому что нет среди нас такого человека, у которого не было бы долгов больше, чем у зайца».²⁶⁵

С той поры монах стал проповедовать о бедности и о том, как надлежит с терпением переносить ее, повторяя часто: «*Beati pauperes*²⁶⁶ и т. д., что явилось величайшим утешением для слушателей и для всех благодаря той проповеди, которую Ромоло прочел проповеднику.

Поэтому проповедник должен быть толковым и, проповедуя людям в какой-нибудь местности, если они разбогатели на лихоимстве, то упрекать их в этом; если же он проповедует бедным, то давать им утешение в их бедности; если они запятнаны разнузданным вожделением, то говорить о нем; если они запятнаны вымогательством, то о грабеже и несправедливостях; и таким образом о всех других пороках. Он должен поступать так, чтобы не заслужить упреков бедного человека, как это случилось с проповедником нашей новеллы.

Новелла 101

Под видом святого человека Джованни Апостола проникает в скит, где ему приходится иметь дело с тремя отшельницами, потому что больше их там не было

В Тоди жил не так давно некий человек, которого прозвали Джованни делл'Иннаморато,²⁶⁷ и был он из тех, что зовут Апостолами;²⁶⁸ они одеваются в серое платье и ходят всегда с опущенными глазами. Сверх того, он был брадобреем. Джованни имел обыкновение ходить по разным местам в окрестностях Тоди и часто проходил мимо одного скита, где жили три молодых женщины, из которых одна была такая красавица, какую только можно сыскать. Названного Джованни часто спрашивали:

– «Почему у тебя прозвище Влюбленный?»

А тот отвечал: «Потому что я влюблен в Иисуса милосердного».

И почти все считали его святым, в особенности же три отшельницы, очень его почитавшие.

Говорил этот Джованни, что он влюблен в Иисуса, но втайне он гораздо больше был влюблен в прекрасную отшельницу. Отправившись однажды в окрестности Тоди в какой-то монастырь, лежавший почти в трех милях от города, он возвращался домой поздно вечером, застигнутый холодной погодой и снегом. Когда он добрался до названного скита, то был уже такой час, что он не смог бы войти в Тоди: настолько было поздно; и сделал он это умышленно. Подойдя к скиту, он постучался у ворот.

– «Господи, кто там?»

Он отвечает: «Это я, ваш Джованни делл'Иннаморато».

– «Что же это вы делаете в такой час?»

Джованни отвечал: «Нынче утром я пошел в такое-то аббатство и сегодня весь день пробыл с отцом Фортунато, а теперь возвращаюсь в Тоди; но поздний час и плохая погода завели меня сюда, и вот я не знаю, как мне быть».

Поблизости от скита не было ни дома, ни какого-нибудь места, где можно было бы укрыться.

265 [265] Провербиальное выражение («как заяц от долгов бежит»).

266 [266] Блаженны нищие (*лат.*).

267 [267] Иннаморато – буквально «влюбленный». Об этом персонаже ничего неизвестно.

268 [268] Есть очевидная связь героя новеллы с Джованни Апостолом (т. е. членом секты апостолов), который жил в 1300-х годах и умер во Флоренции в инквизиционной тюрьме. По содержанию эта новелла близка к новелле об Алибек (Декамерон, день III, нов. 10), а также о Чаппеллетто (там же, день I, нов. 1). Прозвище, данное Саккетти герою новеллы «Иннаморато», может быть, навеяно именем *Iohannes Namoratus de Esculo*, под которым был известен профессор канонического права в Болонском университете (до 1360 г.), состоявший в переписке с Коллуччо Салутати.

Отшельницы спросили тогда Джованни: «Что же побудило вас пуститься в путь так поздно?»

Апостол отвечал: «Не было солнца, и тучи меня обманули. Но раз уж дело дошло до того, то я прошу вас, впустите меня как-нибудь сюда под крышу».

На это отшельницы сказали: «А разве вы не знаете, что мы не впускаем сюда никого».

Тогда Апостол ответил: «Это ко мне не относится: я то же, что и вы, принадлежу господу. Наконец, ночь и погода привели меня сюда, они причина моей нужды, а вы знаете, что господь наш велит нам помогать тем, кто находится в нужде».

Отшельницы, бывшие девушками, поверили его словам и впустили его. Когда он вошел, они прочли часы и поели немного, а когда настало время идти на покой, Джованни сказал им: «Ступайте спать, а я лягу на этой скамейке».

У отшельниц была одна только небольшая кровать, и они ответили ему: – «Мы устроимся на этих ящиках, а ты ступай на кровать».

Он, коротко говоря, не захотел и сказал: «Ложитесь на кровать, а я уж посплю как-нибудь».

Отшельницы отправились на свою кровать: красавица улеглась в головах, другая – подле нее с краю вдоль стены, а третья – у стены в ногах. По истечении некоторого времени одна отшельница сказала: «Джованни, нам жаль тебя: ведь тебе холодно».

Джованни ответил: «Я это чувствую, и очень боюсь, как бы холод меня не пронял совсем, потому что я весь дрожу». Он берет ночник, который был зажжен, и говорит: «Я пойду в кухню и разведу там немного огня». Когда он вошел в кухню, то огня на очаге не оказалось.

Увидев это, он подумал: «А что если я погашу ночник; огня на очаге нет, и мне легче будет устроить свои дела». И погасив ночник, он сказал: «Ах, я хотел развести огонь, но ночник мой погас».

– «Что же ты будешь теперь делать?» – спросила самая красивая отшельница.

Джованни ответил: «Раз уж я тут (и он подошел к кровати), я лягу у края кровати, здесь у твоих ног». Ощупывая отшельницу руками, он попадает на лицо, а затем, спускаясь ниже, доходит, до края постели и говорит: «Простите меня, но лучше устроиться так, чем умереть».

Отшельницы не сказали ни слова на это, больше от стыда, чем от чего-либо другого, и кое-кто из них заснул. Очутившись на постели, Джованни, который был маленького роста, не мог, однако, устроиться так, чтобы не касаться прекрасной отшельницы, и прежде всего ее ног, которые были очень стройны. Тогда Джованни проговорил: «Да будет благословен Иисус Христос, создавший столь прекрасные ноги».

После ступней он касается частей ног повыше: «Буди благословен ты, Иисус, создавший столь прекрасные голени».

Затем он обращается к коленам: «И снова, хвала господу, сотворившему столь прекрасное колено».

После этого он касается рукой ее чресл: «О, да будет благословенна сила божья, породившая столь благородную вещь».

Тогда отшельница проговорила: «Джованни, не подымай руки выше, ибо там ад». Джованни же ответил на это: «А со мной здесь дьявол, которого я всю жизнь стремился заключить в ад»,²⁶⁹ и, улегшись рядом с ней, он заключил дьявола в ад, хотя отшельница и сопротивлялась этому слегка руками и говорила: «Что это ты там делаешь, Джованни? Все мы исповедовались у тебя, и я в особенности, а ты держишь себя так».

Джованни ответил: «Неужели ты думаешь, что Иисус создал твою красоту для того, чтобы она пропала даром? Не думай так».

Сделав все, что ему хотелось, Джованни вернулся на край кровати. Тогда одна из двух других отшельниц, которые, вероятно, только притворялись спящими, лежавшая подле Джованни, ближе к стене, сказала ему: «Что это здесь за чертовщина нынче ночью, Джованни? Воистину, ты непочтительно относишься к нам и тебе не следовало бы ложиться к нам на постель».

На это Джованни ответил: «Благословение с тобой! Неужели ты думаешь, что я сделал

---

269 [269] Почти дословное повторение из «Декамерона».

что-либо дурное? На каждом слове я воздавал хвалу спасителю. А кроме того, не думай, что при вашей хрупкости демон мог бы взять над вами большую силу без чьей-либо помощи. И что я сделал, показывает это». И он пододвигается к ней, и начинает, как с первой, с ног. И все, что он сделал с первой, он делает и с ней.

Слыша суматоху и насторожившись, третья говорит Джованни: «Ей-богу, Джованни: хорошо же ты отплатил нам за то, что мы тебя впустили к себе».

На это Джованни ответил: «Глупы же вы! Разве то, что я сделал вам, по-вашему, не добро? Неужели, по-вашему, многие из отшельниц, подобных вам, не отчаялись бы, если кто-либо из подобных мне не давал им время от времени такого же утешения? Вы молоды, и вы женщины. Неужели вы думаете, что славы божьей убудет в вас от этого? Вы знаете, что он своими устами сказал, чтобы мы испытали всякую вещь и взяли то, что находим хорошим. Наконец, это очень полезно и людям, подобным мне, потому что, хотя я и ношу это платье, я все же мужчина, и меня частенько осаждают любовные вожделения; а унять их нет другого способа, как укротить их, а так как укрощаются они только с вашей помощью, то я так и сделал; и буду делать в той мере, в какой это вам угодно, но не больше».

На это третья отшельница сказала: «Вы говорите, что, по словам господина нашего, следует испытать всякую вещь и взять хорошее; но я не испытала ровно ничего, так что и не знаю, что я должна взять».

Тогда Джованни произнес, касаясь членов ее, начиная с ноги: «Хвала богу, – и подлег к ней; – а когда я здесь, в аду, я усмиряю в нем своего дьявола». И он поступил с нею так же, как с остальными; а она успокоилась, потому что итог оказался для всех равным.

Получив подавание от всех, Джованни вернулся на свое место, туда, где находились самые стройные ноги. Отдохнув и поспав немного, он обратился вновь к утешению красавицы-отшельницы и стал угашать огонь, снедавший ее, чему она не слишком противилась.

Утром, поднявшись очень рано, Джованни сказал: «Дорогие сестры, благодарю вас, сколько могу, за ваше милосердие, которое вы проявили ко мне вчера вечером, когда впустили в свой святой домик. Да ниспошлет господь, приведший меня сюда, милость свою на вас и на меня, и да будут спасены ею души наши, а нас удостоит той награды, которую вы желаете. Мне кажется, что я благодаря вашей святости уже вознесся к Иисусу на несколько локтей. Если я могу сделать что-либо когда-нибудь, располагайте мною, ничтоже сумняшеся, надлежащим для вас образом».

Отшельницы ответили: «Джованни, мы просим тебя не забывать этого скромного скита и посещать его, приходя как в свой дом. Иди с богом».

И он ушел, а когда явился в Тоди, то имел вид настоящего каплуна.

Подобного рода посещения продолжались в течение долгого времени, и Джованни из свежего и цветущего человека превратился в совсем почти исхудавшего и бледного, но пользовался уважением, словно Сан-Герарда да Вилламаны,²⁷⁰ так как его считали за святого. А когда он умер, то все мужчины и женщины явились облобызать его руку, говоря, что он творит чудеса.

И вот взгляните, как прячется на свете лицемерие: человек, который был таким, как он описан выше, оказался под конец жизни почти святым. И сколько таких, считающихся святыми и блаженными! Они по душе своей, по лицемерию, которое в ней всегда царило, близки к этому человеку, ведь слишком трудно узнать сердце или тайны человеческие.

Новелла 102

Некий мясник из Сеттимо, не будучи в состоянии поднять и повесить свиную тушу на колок, зовет людей на помощь и собирает всю округу. Когда собралась целая толпа, он просит о помощи и ее ему оказывают

---

270 [270] Герардо да Вилламаны жил с 1174 по 1267 гг. О нем вспоминает Боккаччо в новелле о брате Чиполле (Декамерон, день V, нов. 10). Саккетти упоминает о нем в своей переписке.

Возле Сеттимо²⁷¹ есть по дороге поселок, который называется Казеллина. Там обретался мясник, который резал скотину и имел, между прочим, отличную телятину и крупные свиные туши. Не так давно мясником в поселке был очень толстый человек, и случилось так, что купил он очень жирную свинью, весившую четыреста фунтов. Очень рано утром он зарезал ее, опалил и освежевал, но когда хотел повесить на колок и поднять с пола, то никак не мог это проделать. Помощников у него не было никаких, если не считать одной женщины, которая помогала ему до того опалить и освежевать тушу; но она была не очень сильна и не могла оказать ему в дальнейшем большой помощи.

Мясник ждал добрый час, не подойдет ли кто-нибудь; но не проходил никто, а если и проходили, то это были женщины или дети, от которых не было никакого толка. Наконец, выбившись из сил и отчаявшись в возможности повесить тушу на колок, он подымается на цыпочки и, поворачиваясь во все стороны, кричит изо всех сил: «Помогите, помогите!» так, что сбегается две сотни крестьян из тех, что работали в поле, кто с мотыгой, кто с заступом, и спрашивают: «Что такое? Что такое?» – предполагая, что явился волк, навещавший эту местность, и уничтожил несколько ребят.

Мясник говорит тогда: «Как так, что такое? Я зарезал эту свинью, а она чуть не убила меня, когда я хотел повесить ее на колок, и никто не проходил мимо, кто мог бы помочь мне, вот уже добрый час. Я выбился из сил, так как никогда еще мне не приходилось так трудно. А поэтому, братцы, помогите мне поднять тушу и повесить ее на колок».

Среди прибежавших подымается ропот: «Ах, чтоб тебя на куски разрезали, как ты зарезал эту свинью, – говорило большинство. – Ты нашумел на всю округу для того, чтобы повесить свиную тушу!»

Мясник оправдывается: «Я не мог поступить иначе; я звал столько же для себя, сколько для вас, которые будете есть это мясо».

Другие говорили: «Клянусь богом, мы пожалуемся на тебя подеста; тебе придется уплатить нам за то, что ты оторвал нас от работы; а кроме того, тебя осудят за то, что нашумел на всю округу».

Другие, которые не придавали большого значения тому, что их работу прервали, посмеялись от души, а кое-кто подошел к мяснику и помог ему.

Тогда мясник говорит: «Плохо думают те, кто говорят, что пожалуются на меня: что мне оставалось делать?»

Помогавшие были молодые люди; они сказали: «Ты говоришь верно, и поступил ты так, как должен был», и они подымают тушу и вешают ее на колок.

А мясник говорит им тихонько: «Приходите завтра утром ко мне завтракать; я хочу устроить вам мильяччи²⁷²».

Те приняли приглашение и в воскресенье утром отлично позавтракали. А днем умники, беседа с мясником, очень упрекали его, говоря, что его следовало бы основательно наказать. Молодежь же, получившая мильяччи, обращаясь к ним, сказала: «Вам кажется, что вы умнее Мафусаила²⁷³», и каждый говорит свое. А он поступил очень хорошо; что бы он сделал, если бы ему не помогли?»

Те отвечали: «Вы, конечно, из тех, кто ему помогал. И вот вы и пожертвовали ему остаток своего времени, потому что вам есть чем жить».

Один из них и говорит: «Да будет воля божья: нынче утром мы очень основательно наполнили себя добрыми мильяччи из этой свиньи».

– «О, не удивительно».

– «А если вы этому удивляетесь, вам же от того ущерб, потому что вы не смазали себе ими рыла».

---

271 [271] Сеттимо – селение в 10 км от Флоренции.

272 [272] Мильяччи – кровяная колбаса.

273 [273] Мафусаил – библейский персонаж, отличавшийся баснословным долголетием (прожил будто бы 969 лет), а также необыкновенной мудростью.

На этом дело и кончилось, а граждане из соседних деревень долгое время забавлялись поступком мясника этой новеллы и считали его гораздо большим забавником, чем раньше. А он давал затем постоянно хорошего мяса тем, кто ему помог, и отпускал его дешевле, чем другим. Потому-то говорится: «Оказывай услугу, да не смотри, кому ее оказываешь, и получишь мильяччи».

Новелла 103

В то время как некий священник с телом Христовым в руках переходит Съеве, вода в реке начинает прибывать; он выбирается своими силами и говорит, отвечая острым словом стоявшим на берегу, что он спас тело Христово

Вблизи Съеве²⁷⁴ жил некогда священник по имени сер Дьедато. Был он человек забавный, но плохой католик. Пришлось ему однажды сходить с телом Христовым к одному больному. За ним пришли из-за Съеве, и так как, чтобы приобщить больного, ему нужно было перейти в брод реку, то он сказал пришедшим за ним: «Ступайте вперед и ждите меня у берега реки, чтобы мне видеть, где находится переход, а оттуда мы пойдем вместе».

Те так и сделали, как сказал священник. После того, как они ушли, священник берет тело Христово, зовет клерика с колокольчиком и отправляется в путь. Дойдя до места, где был брод, сер Дьедато и клерик начинают переходить реку. В руках у клерика была палка, и он шел впереди, ощупывая дно. Но так как в Муджелло шли дожди, то, как часто это бывает, вода в Съеве стала прибывать. Ожидавшие священника на берегу кричали ему: «Переходите скорей; вода в реке прибывает».

Священник с клериком торопятся; вода доходила священнику уже до пояса; он делал все возможные усилия, подымая руки, в которых держал тело Христово. Но вода все прибывала, и так сильно, что уже доходила выше пояса. Он выбрался бы гораздо легче, если бы не необходимость поднимать вверх руки, чтобы спасти тело Христово. Наконец, напрягаясь, сколько это было возможно, он достиг с величайшим трудом берега, на котором стояли ожидавшие его. Тогда они сказали ему: «Сер Дьедато, вы должны возблагодарить господа нашего Иисуса Христа, который был у вас в руках; ведь если бы не его помощь, то нам пришлось бы, наверное, видеть, как вы утонули».

Сер Дьедато ответил на это: «Ей-богу, если бы я не оказал ему помощи большей, нежели та, которую он оказал мне, то мы утонули бы оба, и он, и я».

Тогда один из находившихся на берегу сказал: «Ваше рассуждение мне очень нравится».

Приведя себя в порядок, священник и клерик с колокольчиком пустились в путь и направились к больному, чтобы причастить его.

Молва об этом случае распространилась всюду, вплоть до Флоренции. И тогда стали спорить, больше ради развлечения, нежели ради чего-нибудь другого, о том, кто кому больше помог. По доброте нашей веры, сильно увеличившейся, большинство говорило, что священник совершил все нужное для спасения; но было не мало и таких, которые возражали говорившим так: «Если бы ты находился в море и тебе приходилось бы тонуть, что бы ты предпочел иметь на спине: евангелие св. Иоанна или плавательные пузыри?»²⁷⁵

Слыша такую дилемму, все соглашались, что предпочли бы плавательные пузыри. Таким образом, доводы сера Дьедато были подтверждены; те же, на которые должна опираться наша вера, были устранены.

Когда я размышляю над тем, сколько в нас веры, то нахожу, что ее еще меньше, чем я предполагал: ведь каждый гоняется теперь за тем, что полезно телу, а не душе. Глупый негодный священник хотел сказать, что он помог нашему господу, как будто он очень нуждался

274 [274] Селение на реке Съеве, которая протекает в нескольких километрах западнее Флоренции.

275 [275] В итальянском подлиннике: «плавательные тыквы»; тыквы, сердцевина которых вырезана, будучи высушены, употребляются при плавании вместо бычьих пузырей.

в помощи какого-то попенка. Если же он говорил ради шутки, то он поступил еще хуже. Кто-то из спорщиков отдал предпочтение пустому пузырю перед евангелием св. Иоанна. Мы сами пустые пузыри, и в конце жизни каждый это увидит.

Новелла 104

Чтобы позабавиться над одним человеком, мессер Ридольфо да Камерино рассказывает в Болонье о действительном случае, кажущемся чудом. На это присутствующие отвечают ему двумя рассказами, еще более правдивыми, но более невероятными, нежели его рассказ

В то время, как в Болонье находился Ридольфо да Камерино,²⁷⁶ генеральный капитан лиги, боровшейся вместе с флорентийской коммуной против папской церкви, там находилось и посольство Флорентийской коммуны, а в том числе и я, писатель;²⁷⁷ и было это в ту пору, когда кардинал женеvский²⁷⁸ перешел через Альпы с бретонцами. Однажды, я и другие, мы находились в доме названного мессера Ридольфо, подле Площади доминиканцев в Болонье, когда мимо дома пронесли покойника. Увидев это, мессер Ридольфо обернулся к нам и сказал: «Какой странный обычай видел я в одной стране! Когда там несут кого-нибудь к могиле, то позади гроба идет большая толпа, причем впереди шествует множество людей в рубашках и поет, а за ними идет огромное количество мужчин и женщин и плачет. При этом те, кто плачут, дают, в конце концов, деньги и вознаграждают тех, кто поют».

Один из посланцев, человек со странностями, что заметил и мессер Ридольфо, спросил тогда вдруг: «Где же это происходит?»

Мессер Ридольфо и другие стали громко смеяться, говоря: «Да это происходит в любом месте».

Но тот и тогда не понял. После этого я сказал: «Бывают и более странные вещи, причем я не стану говорить о далеких чужих краях. Я вижу, что здесь, в Болонье, вино носят в корзинках, а втулки бочек едят».

На это все вдруг сказали: «А, давайте, посмотрим, кто расскажет что-нибудь более необыкновенное?»

– «Я не знаю, чего уж более необыкновенного: разве вы не видите, как теперь, в пору сбора винограда, носят молодое вино в больших корзинах? И разве вы не видите, как в домах иногда едят эти большие белые пробки?»

И так было! На это кто-то сказал: «Когда я ехал в Болонью, то видел еще более редкую вещь. В двух милях отсюда я встретил человека с железкой головой и деревянными ногами, говорившего с помощью плеч».

– «О, это более необычный случай», – сказали все.

Тогда рассказчик заметил: «Он более правдив, чем другие».

Присутствующие спросили тогда: «Скажи нам, пожалуйста, в чем же дело?» – «Хорошо, я вам объясню: „Я встретил человека в железном шлеме, на костылях, собиравшего в равеннской пинете пиниевые орешки, и когда его спросили, не видел ли он посланного мной вперед слугу, то он только пожал плечами, отвечая таким образом, что он его не видел“».

Так и рассказывали они друг другу, ради забавы, правду, имевшую, однако, вид лжи. И действительно, среди этих рассказов попадались рассказы о любопытных людях. Таков был, например, человек, который купил гусей, заткнул им уши ватой и посадил под постель, где он спал, в гостинице Феличе Амманнати:²⁷⁹ он уверял, что они не толстеют от того, что все

276 [276] Ср. нов. 7. Действие данной новеллы происходит в 1376 г.

277 [277] Саккетти был послом в Болонье с 17 августа по 26 октября 1376 г.

278 [278] В тексте кардинал геновский – см. нов. 38.

279 [279] Известная таверна, которую предпочитали другим флорентийцы, направлявшиеся в северную Италию

прислушиваются, и не будут щипаться. Потому-то он и заткнул им уши. Но я, писатель, могу сказать как очевидец, что комната и вся гостиница провоняли от них настолько, что приезжие не хотели в ней останавливаться. Это хорошо знал Феличе Амманнати, который при всей этой вони, рассказывал, однако, всякие истории, развлекаясь таким образом основательно вместе с другими.

Иногда хорошо обратиться временно к пустякам и рассказать о небывалых случаях, подобных сообщенным только что, в которых действуют любопытные люди. И хотя на первый взгляд случаи эти кажутся вздором и ложью, они вполне достоверны; человеческие свойства выражаются в самых разнообразных поступках в большинстве случаев, и пусть они выглядят неправдоподобно, они тем не менее существуют.

Новелла 108

Теста да Тоди, будучи в числе приоров, прячет под камзол жареную солонину; почуяв ее, щенок забирается ему под плащ и принимается лаять до тех пор, пока Теста не бросает ему мясо, оказываясь, таким образом, пристыженным

Во времена папы Урбана V²⁸⁰ в области Тоди наместником был один из его племянников, звавшийся мессером Гульельмо,²⁸¹ честный рыцарь, вполне достойный замещать названного папу. Местом собрания приоров являлся их дворец, и приором приоров, как это у них было принято называть (у нас его называют пропосто), был некий человек по имени Теста,²⁸² который имел привычку каждое утро рано выпивать. Однажды утром, чтобы вино не причинило ему вреда, а также для того, чтобы лучше выпить, взял он кусок солонины и, прикрыв его сверху ломтем хлеба, отправился на кухню, где и положил мясо на раскаленные уголья. В это время приезжает мессер Гульельмо, который желает переговорить с приорами, и тотчас же зовут пропосто: «Идите; приехал мессер Гульельмо и хочет говорить с приорами».

Теста, бывший пропосто, для того, чтобы не лишиться своего поджаренного на угольях мяса, вкладывает его тотчас же в разрезанный пополам хлеб, сует себе под камзол, направляется в залу и входит в собрание, где застаёт товарищей и мессера Гульельмо, созвавшего их.

У названного мессера Гульельмо был щенок, что-то между дворняжкой и охотничьей собакой, который никогда от него не отлучался. Находясь подле него и приоров, щенок почувствовал запах солонины и стал переходить от одного к другому, обнюхивая их поочередно и, наконец, остановился перед пропосто. Обойдя его несколько раз, он то поднимался на задние лапы, то залезал ему под плащ и иногда подвывал. В конце концов, так как собака не отходила от пропосто и все время терлась об него, он вынул хлеб и вложенное в него сухое мясо, бросил его собаке и сказал: «Получай ты его, ради дьявола!»

Остальные приоры, люди глупые, сказали: «Что это ты дал собаке, пропосто?»

А тот отвечал: – «Вслушайтесь лучше в то, чем мы теперь заняты». Мессер же Гульельмо сказал: «Смотрите, синьоры, как ваш пропосто любит римскую церковь! Он не только питает нежность к монсиньору папе или ко мне, но он нежен и к презренной собачонке, которой, вы видите, он дал такой хороший кусок нынче утром».

Все приоры казались баранами, стояли молча, а пропосто от стыда совершенно онемел. Рыцарь же, изложив свое дело, уехал и рассказал затем папе Урбану забавный анекдот о пропосто Тоди и своем щенке. Папа и его придворные, узнавшие о случившемся, долгое время

(ср. нов. 69 и 152).

280 [280] Урбан V был папой с 1362 по 1370 г.

281 [281] Об этом персонаже ничего неизвестно.

282 [282] О нем сведений не имеется.

рассказывали об этом небывалом происшествии и очень много забавлялись по поводу его.

Еще встречаются подобные правители, которые, наевшись и напившись вина, делают распоряжения и дают советы. А дела идут, как придется, и Италия знает это, Италия, положение которой к превеликому ее горю все время ухудшается.

Новелла 109

Некий человек уезжает на службу как подеста и наказывает жене беречь бочку с вином до его возвращения. Жена берет из нее вино для одного своего знакомого набожного монаха.

Возвратясь со службы, муж не вспоминает о вине; поэтому жена жертвует братьям деи Серей бочку из воска

Близ церкви Рабов господних²⁸³ во Флоренции жил когда-то некий человек очень знатного происхождения, и была у него красавица-жена. Назначенный подеста в Борго а Санто-Лоренцо,²⁸⁴ он оставил, уезжая, бочку тончайшего красного вина и наказал жене не давать этого вина никому и чтобы он по возвращении своем нашел и бочку и вино в том же состоянии, в каком он их оставил. Жена ответила на это, что все, сказанное им, будет исполнено. Муж уехал после этого на службу, а жена осталась хозяйничать дома.

Так прожила она около двух месяцев, как вдруг некий монах, ее духовник при названной церкви или усердный почитатель, заболел. Когда эта дама, навещавшая монаха, спросила его, как он себя чувствует, он ответил ей, что чувствовал бы себя лучше, если бы отведал находящегося у нее вина. Дама ответила на это: «Кажется, в доме у нас имеется тончайшее вино; но муж мой дал мне такой наказ, что я не осмелилась бы к нему прикоснуться».

После этих слов дамы монахом овладело сильнейшее желание полакомиться названным вином, и он сказал ей. «Ах! Пришлите мне маленькую бутылочку, чтобы все же попробовать его!»

Дама ответила на это: «Если только бутылочку, пусть будет по-вашему: я вам пришлю вина».

Когда названная бутылочка была прислана, то вино так понравилось монаху, что ему показалось, словно к нему вернулась жизнь. Он поблагодарил даму, а затем, переходя от бутылочки к кувшинчику и от кувшинчика к бутылочке, он так часто навещал названную бочку, что за месяц до возвращения подеста со службы уровень вина в ней сильно понизился, а конах совсем поправился и ходил молодцом.

Однажды дама сказала ему: «Ах, беда! Что мне делать? Ведь муж мой скоро вернется, а бочка, которую он мне поручил, почти пуста».

Монах ответил на это: «Добрая женщина, не печалься. Поручи себя нашей Аннунциате, дай ей обет и предоставь все ей».

Дама сказала на это: «Если по ее милости муж мой не станет мучить меня из-за этой бочки с вином, то я пожертвую ей бочку из воска».

На это монах заметил: «Так и сделай, и ты увидишь, что она тебе поможет».

Прослужив свои полгода, муж вернулся с должности подеста, но, что бы ни происходило, замороженный и усыпленный, он никогда не вспоминал ни о бочке, ни о вине, словно он никогда не бывал в этом доме. Дама не раз говорила об этом монаху, на что тот отвечал: «Будьте уверены, что Аннунциата никогда не покидала никого, и она постоянно творила величайшие чудеса».

Поэтому дама приказала сделать из воска бочку и послала ее св. Аннунциате Рабов господних по случаю того, что бочка с вином оказалась пустой и что муж ее, вернувшись с должности, забыл обо всем.

Такие обеты и подобные им делаются ежедневно, но не являются ли они скорее

---

283 [283] Церковь рабов господних – церковь Аннунциаты (Благовещения) деи Серви

284 [284] Борго а Санто-Лоренцо расположен в округе Муджелло, на дороге из Флоренции в Фаэнцу.

признаком идолопоклонства, чем христианской веры? Я, писатель, видел когда-то человека, который потерял кошку и дал обет, если он ее найдет, послать богоматери Орто Сан-Микеле²⁸⁵ кошку из воска; так он и сделал. Разве это не только недостаток веры, но также и обман бога, богоматери и всех его святых? Богу нужно наше сердце и наш ум; ему не нужны восковые изображения и вся эта гордость и тщеславие. Если бы кто заглянул умом в сердце, он увидел бы, что многие из тех силков, с помощью которых человек рассчитывает попасть в рай, в большинстве случаев увлекают его в ад.

Новелла 110

Некий подагрик приказывает убить свинью св. Антония; свинья нападает на него в постели, топчет его, хватает зубами того, кто хотел ее убить, и убегает

Не очень много лет тому назад у меня был сосед, настолько изуродованный подагрой, что давно уже не мог вовсе встать с постели. Но, несмотря на эту свою болезнь, он не потерял любви поесть и ни одного зуба, и всегда жадно стремился к тому, чтобы поработать челюстями. Трапезную свою он устроил в нижнем этаже, выходящем на улицу, откуда был вход в дом, и туда в гости к нему приходило немало его каноников, частенько любивших подзакусить, потому что в этом месте только и делали, что ели да пили. Случилось так, что почти каждый день две великолепные свиньи св. Антония²⁸⁶ повадились входить через заднюю дверь, ведущую на улицу, а затем тотчас же входить в названную комнату. В один из таких дней, когда эти свиньи вошли в названную комнату, подагрик говорит одному своему здоровяку-крестьянину: «Как надоели мне эти свиньи! Не убить ли нам одну из них?»

Крестьянин отвечает: «Что ж? Лишь бы вам это было угодно».

Бывший при этом человек говорит: «Ой, ой! Не шутите со св. Антонием».

Подагрик отвечает на это: «И ты еще принадлежишь к тем дуракам, которые думают, что св. Антоний занимается засолом мяса? Для кого? Для своей семьи? Тебе хорошо известно, что там, на небе, не пьют и не едят. Жрут только эти попрошайки Антония со своим τ на груди,²⁸⁷ и они-то и внушают людям этот вздор. Пусть грех ложится на меня; предоставьте мне действовать».

И он говорит слуге: «Отыщи топор и поставь его в этот угол, а затем предоставь руководить делом мне».

Топор был приведен в порядок.

На следующее утро, когда в доме не было никого другого, кроме больного, заключенного в постели, как я сказал, и его слуги, являются свиньи и входят в комнату. Подагрик говорит слуге: «Запри дверь и кончай их». Тот был таким здоровяком, что мог бы опрокинуть целый дом. Он берет топор, направляет его и ударяет им свинью по голове. Но удар оказался недостаточно крепким, так как топор соскользнул. Раненая свинья, обливаясь кровью, бросается на кровать, а другая вслед за ней, и обе обращаются против слуги, производя сильный шум. Подагрик, подвергшийся нападению свиней, принимается кричать. Слуга хочет помочь ему и вскакивает на ящик с платьем, чтобы прогнать свиней. Свиньи же, по обычаю своему, повернулись рылом к слуге, направились против него и беспрерывно топтали подагрика, который неистово кричал. Услышав его крик, свиньи обернулись рылом к лицу подагрика, причем из одной из них все время текла кровь, словно из желоба. Слуга сражался, стоя на ящике, и, не будучи в состоянии прогнать свиней, вскочил на кровать и, прыгая на нее, наступил ногами на ноги подагрика. Тот начинает кричать: «Помогите! Я умираю!» А лицо у

285 [285] Орто Сан-Микеле – особо чтимая во Флоренции святыня.

286 [286] См. нов. 75.

287 [287] Монахи, руководясь «видением во сне», явленным основателю их ордена (1095 г.), носили на своей одежде знак буквы τ .

него было все в крови.

В то время как слуга находился на кровати, одна из свинейхватила его зубами за ногу, и тогда начал кричать и он сам. В то время как в этой потасовке свиньи топчут подагрика, – а он кричит, потому что было из-за чего кричать, слуга громко жалуется, а свиньи пронзительно верещат, – проходит по улице полицейская стража, слышит этот шум и вбегает в дом: «Открывайте там!» Затем стража выламывает дверь, которая была заперта, и начальник отряда, войдя в комнату, видит подагрика с лицом, совершенно окровавленным, видит на постели между свиней раненого слугу и видит одну свинью, раненную в голову. – «Что это значит?» Со шпагами в руках стража наступает на свиней, толкая их; свиньи защищаются, но, будучи больше не в силах бороться, отступают и падают между кроватью и стеной, где они оказываются настолько прижатыми, что не могут выйти. Поэтому они поднимают страшное верещанье, подагрик мычит, слуга вопит от бели, стража шумит, и кажется, что в доме ад. Все были на месте; но начальник стражи все еще не мог выяснить, в чем дело.

В конце концов, подагрик, который едва был в силах говорить, и хотя и говорил, но из-за шума, производимого свиньями, его нельзя было расслышать, сказал: «Увы, я мертв, я весь истерзан. Я хотел выгнать на улицу этих свиней, но они накинулись на меня и отделали меня так, как вы видите». А свиньи тем временем продолжали верещать.

Услышав это, начальник стражи направляется с палкой в руке к свиньям и говорит: «Будьте вы прокляты! Что вам здесь, еще людей убивать нужно?» и колотит их палкой.

Свиньи находились словно под суконным катком и не могли выйти, даже если бы хотели. Начальник стражи почти выбился из сил, узнав о причине происшедшего, он сказал своим подчиненным: «Трогаем», и стража ушла.

Дело осталось в том же положении; свиньи никак не могли выйти из своего угла, так что подагрика пришлось вынести в другое место, а кровать пришлось разобрать. От всего этого свиньи так озлобились и возбудились, что стоило большого труда выгнать их на улицу. Так окончилась эта охота. Подагрик был доведен почти до смерти, так как все тело его было измято. Кроме подагры, он получил еще несколько болезней одну за другой и в течение нескольких месяцев не мог излечиться от пинков и толчков свиней. Слуга лишился из-за них ноги. Это чудо совершил св. Антоний, а потому говорят: «Шути со своими слугами, но не позволяй себе ничего со святыми».

Новелла 111

Уверив свою куму, что он подымет дочь ее с постели крапивой, чтобы она больше не спала, брат Стефан на самом деле пользуется ею. Девушка кричит, а мать требует, чтобы Стефан действовал сильнее, дабы поднять дочь, предполагая, что он действует при помощи крапивы. В конце концов, мать убеждается, что кум ее – обманщик, и отказывается от приятельских отношений с ним

В одном из замков Марки,²⁸⁸ называемом Сан-Маттиа в Кашано,²⁸⁹ священником был монах по имени брат Стефан. Соседкой его, жившей поблизости с церковью, была его кума, которая имела дочь – красавицу лет четырнадцати или пятнадцати. Дело было летом, когда молодежь вообще любит поспать. Когда девушка, носившая имя Джованна, долго спала, мать кричала ей, чтобы она вставала; дочь отвечала обыкновенно, что встает; мать повторяла много раз: «Джованна, вставай!» А та каждый раз отвечала: «Я встаю», но не вставала. Услышав, что ей приходится так долго кричать, брат Стефан, находившийся в церкви, быстро снимает с себя штаны, бросает их в углу, срывает несколько веток крапивы, которая росла поблизости от церкви, выходит на улицу, идет к своей куме и говорит ей: «Дай-ка, кумушка, я отхлещу ее крапивой: тогда она встанет».

288 [288] Марка – см. нов. 90.

289 [289] Захолустная деревня в Марке.

Мать ответила на это: «Пожалуйста», полагая, что ее кум – добрый католик, каким должен быть приходский священник.

Брат Стефан подошел к кровати, в которой лежала названная Джованна, и, подняв простыни, лег на нее и с удовольствием удовлетворил свои желания, хоть и не без труда, так как названная девушка плакала и кричала. Слыша ее крики, мать сказала: «Хлещи ее крапивой, хлещи, брат Стефан».

А названный брат Стефан отвечал: «Я ее отхлещу», и, обращаясь к девушке, названный брат Стефан приговаривал: «Ты встанешь, негодница».

Мать же все еще продолжала требовать: «Хлещи ее, хлещи, пока не встанет».

В конце концов, отхлестав ее крапивой таким образом и удовлетворив свои сластолюбивые желания, брат Стефан вернулся к куме с крапивой в руках; и, возвращаясь к себе в церковь, сказал ей: «Всякий раз, как она не будет вставать, зови только меня; ты увидишь, как я ее отхлещу».

Когда монах ушел, Джованна поднялась со слезами и пошла к матери. Мать спросила ее: «Он тебя хорошо отхлестал крапивой?»

Джованна ответила: «Дело тут не в крапиве. Пойди, посмотри-ка на постель».

Мать пошла посмотреть и, увидев знак обмана и оскорбления, нанесенного ее дочери братом Стефаном, проговорила: «Кум-обманщик, ты обманул меня! Но, клянусь смертью господней, я отплачу тебе!»

Брат Стефан проявил так мало стыда, что в тот же день спросил куму, встала ли ее дочь. Кума ответила на это: «Ступай себе, кум-обманщик. Клянусь страстями господними, что здесь тебе больше никогда не удастся поживиться». И с той поры он никогда не переступал ее порога.

Нет поэтому ничего удивительного, что большинство не желает иметь подле себя монахов или священников, с тех пор как они с такой необузданностью нападают на женщин. Кое-кто, да и я, писатель, – принадлежу к их числу, мы сложили в прежнее время тысячи мадригалов и баллад, и за это нам не будет спасения. Но этот человек, как только ему пришлось в голову, спустил паруса и, предоставив охранять их святым, изображенным в церкви, вышел из нее и, подобно дикому быку, соединился с девушкой. Потому-то совершенно правильные меры принял город Венеция. Если кто-либо не может отомстить за жену или дочь, то каждому дается право безнаказанно ранить клерика, лишь бы он не умер от раны; ранивший уплачивает только штраф в пятьдесят сольдо. Кто бывал в Венеции, мог в этом убедиться. Там можно редко увидеть священника, у которого не было бы на лице большого шрама. Такой уздой обуздывается их беспечная и разнузданная дерзость.

Новелла 112

Сальвестро Брунеллески беседовал с некоторыми людьми о том, насколько вредно иметь дело с женами, причем Франко Саккетти заявил, что он от этого потолстел. Жена названного Сальвестро, слышавшая разговор через окно, делает ночью все возможное, чтобы муж ее потолстел

Не прошло и десяти лет с тех пор, как Сальвестро Брунеллески,²⁹⁰ человек очень забавный, устроил доброй компании ужин, на котором был и I, писатель. Названный Сальвестро купил целую низку сосисок с тем чтобы, сварив их, положить на каждую тарелку по одной, и поставил их на окно, чтобы они остыли. Когда общество уселось за стол, стали подавать, однако, на тарелках вареных каплунов, причем Сальвестро сказал: «Синьоры, прошу простить меня: я хотел угостить вас сосисками, которые и поставили на окно, чтобы они остыли; но они исчезли. Не знаю, унесла ли их оттуда кошка или кто-либо другой».

Я сказал на это: «Это был, несомненно, коршун, которого я только что видел в воздухе и который уносил низку сосисок. Наверно, то были те самые».

---

290 [290] Об этом лице говорится в архивных документах с 1363 по 1394 г. как о составителе завещания.

Так оно и было. И лучшим доказательством этого является то, что в течение более шести месяцев он являлся каждый день в тот же самый час к тому же окну, предполагая, что каждый день для него найдется пожива.

Поужинав, все вышли на улицу. А у названного Сальвестро была жена, женщина столь же забавная, как и сам он, родом из Фриуля. Она стояла у окна, а внизу у его дома собралось на скамье, как это обыкновенно бывает, много соседей; и были среди них люди упитанные, в том числе и я, писатель. Начались разговоры о сношениях с женами, причем обсуждали, насколько дело это ослабляет мужчину. Сальвестро заявил: «После того, как я имел сношение с женой, я словно с того света вернулся; до того ослабеваю».

Кто-то другой сказал на это: «А у меня так волосы начинают свисать на левый глаз».

Третий заявил: «Со мной же бывает хуже: когда я остаюсь наедине с моей, волосы со лба остаются на изголовье». Его сосед, Камбио Арриги,²⁹¹ сказал на это (ему было семьдесят лет): «Я не понимаю, что вы говорите: после того как я займусь этим делом со своей женой, я чувствую себя легче пера».

На это Сальвестро заметил: «Побудь-ка с ней два раза, так ты полетишь».

Услышав такие речи, я сказал: «У меня большое преимущество перед вами: от сношений со своей женой я толстею и становлюсь молодцом. Чем чаще это бывает, тем больше я толстею».

Фриулянка, стоявшая, как я уже сказал, у окна над нашими головами, замечала каждое слово. Маэстро Конко,²⁹² ставший из барышника торговцем птицей, а из торговца птицей врачом, и бывший очень охочим до женщин, как дети до игры в ладоши, сказал: «Ах, вы, дураки, дураки! Нет более расслабляющей вещи для тела и более способной свести вас в могилу, чем та, о которой вы говорите».

Наступила ночь, разговаривающие разошлись, и каждый отправился домой. Когда Сальвестро вместе с женой, слышавшей весь разговор, укладывался спать, жена привалилась к нему и сказала: «Сальвестро, теперь я понимаю, почему ты так худ. Я вижу, что Франко говорил нынче вечером правду насчет того, о чем вы разговаривали».

Сальвестро спросил ее: «О чем?»

Она ответила: «Ну, не притворяйся! Все говорили, что сношения с женами сводят людей в могилу, а Франко говорил, что он от этого потолстел. Поэтому, если ты худ, то вина в том твоя. Я хочу, чтобы ты стал толще», и она повела дело так, что Сальвестро пришлось несколько раз напрягаться, чтобы потолстеть.

Настало утро. Я сидел на уличной скамье, и когда Сальвестро, спустясь по лестнице, вышел из дому, я приветствовал его и пожелал ему доброго дня. На это он ответил: «Я не отвечаю тебе тем же. Мне хочется скорее пожелать, чтобы бог послал тебе сто тысяч бед».

Тогда я спросил его: «Почему?»

А он ответил мне: «Как почему? Вчера вечером ты говорил, что толстеешь от сношений с женой. Моя жена слышала твои слова, и нынче ночью она говорит мне: „Теперь я вижу, почему ты худ. Ради креста господня, тебе нужно потолстеть“, и она, на основании твоих слов, заставила меня делать то, на что один бог знает, насколько я способен».

Жена Сальвестро, как и накануне, стояла у окна и, разразившись громким смехом, сказала, что хотела заставить Сальвестро потолстеть, как потолстел я. А что касается до того хирурга, маэстро Конко, говорившего то-то и то-то. у которого лавка полна всяких обливных горшков и метательных машин и который безногих с помощью инструментов ставит на ноги, — чтоб ему господь всяких бед наслал! — то не так давно он ездил в Перетолу²⁹³ вырезать опухоль в паху, вырезал он человеку тестикул, а тот взял да и умер. Его надо сжечь, ибо он этого достоин. Он говорит, что мы сводим мужей в могилу: а ему надо было бы сделать то, чего он

---

291 [291] Камбиус Арриги Феи упоминается в документах цеха мянел с 1348 по 1359 г. Он жил в том же квартале, что и Саккетти.

292 [292] Об этом лице нет никаких сведений.

293 [293] Местечко в 6 км северо-западнее Флоренции.

заслуживает. Оставил бы он в покое жен, – чтоб ему всяких бед! – потому что он не может говорить о том, чего не испытал. В этом он знает столько же толку, сколько в медицине. Плохо тому, кто попадает ему в руки». Затем, обернувшись ко мне, она сказала: «Франко, конечно, знает столько же, сколько и маэстро Конко. Среди вас не было никого, кто сказал бы верно, кроме него. А что касается до тебя, Сальвестро, тебя, который не хочет здороваться с ним из-за его слов, то ты можешь злиться на меня, но хочешь ли ты или нет, мне придется постараться, чтобы ты пополнел».

И вот из-за моих слов пришлось Сальвестро частенько бодрствовать, в то время; как он охотно бы поспал. А жена изо всех сил старалась, и чем больше она старалась, тем больше муж худел, так что она часто говорила ему: «Ты, Сальвестро, вероятно, плохой породы. Я все думаю, что ты потолстеешь, а ты худеешь. Может быть, у тебя типун?»

– «Ей-богу, у меня типун; но, наверно, он и у тебя, потому что ты так охотно выклевываешь то, что тебе нужно».

Получив от этого дела некоторое время удовольствие, они заключали мир, засыпали и начинали храпеть, и отдыхали, как того требовала природа.

Новелла 113

У настоятеля Сан-Миньято в страстную пятницу один из молящихся похищает с алтаря губами часть пожертвований

У Сан-Миньято аль Тедеско, ныне носящего название Флорентийского,²⁹⁴ был богатый настоятель, как о том можно судить и сегодня по доходу этой церкви; но он был так алчен, что Мидаса и на одну треть нельзя с ним сравнить.

Как-то в страстную пятницу много разных богомольцев, а также много всяких обществ и бичующиеся ходили, предшествуемые распятием, по церквам и клали свои пожертвования на алтари. Когда наступил третий час дня, настоятель подошел к алтарю посмотреть, сколько положено денег, и, увидев на нем значительное количество их, стал их собирать, чтобы убрать затем, так как полдень уже миновал и он рассчитывал, что больше, наверно, никто не придет с пожертвованием. Но в ту минуту, когда он, собрав деньги на алтаре в кучку, раскрыл карман, чтобы опустить их туда, в церковь явилась неожиданно толпа бичующихся, чтобы преклонить перед алтарем колена и принести свое пожертвование. Увидев их, настоятель отошел от алтаря и оставил на нем деньги (клерик же стоял в стороне), рассчитав, что, если они увидят столько денег, то положат на главный алтарь более крупное пожертвование. Оставив церковь, он вышел на короткое время на улицу. Когда богомольцы, преклонив колена, помолились перед этим алтарем, сколько хотели, и направились к нему, чтобы приложиться, то, в то время как они подошли к алтарю, один из них, взглянув на кучку денег, приподнял немного забрало шлема и, делая вид, что прикладывается, наклонился, открыв рот, над деньгами и набрал их в рот, сколько мог; затем, повернувшись, он присоединился к товарищам и вышел из церкви. Через несколько времени настоятель возвращается в церковь собрать деньги, но вместо того, чтобы найти их в большем количестве, он видит, что их ubyло, и настолько, что, не разбираясь в том, как и что, спрашивает клерика: «Где же деньги?»

Клерик отвечает: «Они в том виде, в каком вы их оставили».

– «Как так, в каком я их оставил?» – спрашивает настоятель.

Он спрашивает его и дает ему подзатыльник. Клерик начинает усердно оправдываться, но ничто не помогает. Настоятель после этого долгое время ходил надутым и опечаленным, но никак не мог узнать, куда уехали его деньги. А тот, кто набил себе ими рот, при участии кое-кого из товарищей превратил их в каплунов, и они устроили сообща за здоровье настоятеля отличную пирушку; а настоятель остался с уцелевшими деньгами в положении несчастного и бедного человека.

294 [294] В пизанской провинции: Саккетти в 1392 г. был там подеста, в 1400 г. – наместником; там он и умер.

Новелла 114

Данте Алигьери делает указание некоему кузнецу по поводу его ошибки, так как тот поет его поэму, заменяя одни слова другими

Флорентиец Данте Алигьери, превосходнейший поэт, писавший на народном языке, слава которого не убудет вовек, жил во Флоренции по соседству с семьей Адимари.²⁹⁵ Случилось, что когда некий молодой дворянин из этой семьи был за какое-то преступление привлечен к делу и должен был быть, согласно постановлениям о правосудии, осужден экзекутором, который, как кажется, дружил с Данте, то названный дворянин попросил Данте замолвить о нем словечко у экзекутора. Данте сказал, что охотно сделает— это. После обеда он выходит из дома и идет выполнить поручение, но когда он проходит через ворота св. Петра,²⁹⁶ то слышит, что кузнец, ковавший на своей наковальне железо, поет Данте,²⁹⁷ как если бы он пел песню, перепутывая, однако, его стихи, которые он укорачивал и удлиннял, чем, по мнению Данте, ему наносилась величайшая обида. Не говоря ни слова, он подходит к мастерской кузнеца, где лежало много всякого железа, которое тот пускал в дело, берет молоток и выбрасывает его на улицу, берет клещи и выбрасывает их на улицу, берет весы и выбрасывает на улицу, и, таким образом, он повыбрасывал множество железных предметов. Тогда кузнец, обернувшись к нему, говорит грубо: «Какого черта вы там делаете? Вы с ума сошли?»

Данте отвечает: «А ты что делаешь?»

— «Я делаю свое дело, — говорит кузнец, — а вы портите мои инструменты, швыряя их на улицу».

Данте говорит тогда: «Если ты хочешь, чтобы я не портил твоих вещей, то не порть моих».

Кузнец спрашивает: «Разве я порчу что-либо из вашего?»

Данте ответил: «Ты поешь мою поэму и говоришь не те слова, какие я написал; у меня нет другого ремесла, а ты мне его портишь».

Кузнец, надувшись, так как он не знал, что ответить на это, собирает свои вещи и возвращается к своей работе. Когда ему хотелось петь, он пел теперь о Тристане и о Ланселоте²⁹⁸ и оставлял Данте в покое. Данте же пошел к экзекутору, к которому уже направлялся.

Явившись к экзекутору, он вспомнил, что названный дворянин из рода Адимари, за которого ему приходилось просить, был молодым человеком надменным и невежливым и что когда он двигался по городу, в особенности верхом, то так расставлял ноги, что занимал всю улицу, если только она не была достаточно широка, и проходящим приходилось чистить носки его обуви. Данте, который видел все это, подобного рода поведение никогда не нравилось, — он и говорит: «На суд ваш вызван такой-то дворянин за такое-то преступление. Поручаю его вашему попечению, хотя за свои повадки он заслуживал бы и большего наказания; ведь я полагаю, что злоупотребление тем, что является правом коммуны, есть величайшее преступление»

Данте говорил это не глухому; экзекутор сейчас же спросил его, что же это за права коммуны, которыми молодой человек злоупотребляет.

Данте отвечал: «Когда он проезжает верхом по городу, то так расставляет ноги, что встречным приходится возвращаться обратно, и они не могут идти своим путем».

295 [295] К этой семье принадлежал Филиппо Ардженти, к которому Саккетти обращается, когда говорит обобщенно о рыцаре Адимари.

296 [296] Данте жил близ этих ворот.

297 [297] Имеется в виду «Божественная комедия».

298 [298] Ланселот — герой рыцарского романа так называемого бретонского цикла.

Экзекутор спросил Данте: – «Разве ты считаешь это пустяком? Это гораздо большее преступление, чем первое, в котором его обвиняют».

Данте ответил на это: «Так вот: я его сосед и поручаю его вашему попечению».

И он вернулся домой. Дома названный дворянин спрашивает его, как обстоит дело:

Данте говорит: «Он дал мне хороший ответ».

В один прекрасный день дворянина требуют, чтобы он приходил оправдаться по своему делу. Он является; по прочтении первого обвинения судья велит прочесть ему второе, касающееся его езды верхом с широко расставленными ногами. Дворянин, почувствовав, что наказание ему будет удвоено, говорит про себя: «Я заслужил это; ведь если рассчитывал, что буду освобожден после прихода Данте, то теперь я буду осужден вдвойне».

После всяких обвинений и оправданий дворянин возвращается домой и, придя к Данте, говорит ему: «Ей-богу, хорошую ты мне оказал услугу: ведь до твоего прихода экзекутор хотел ссудить меня за одно дело, а после того, как ты к нему сходил, он хочет осудить меня по двум», и, крайне разгневанный на Данте, он добавил: «Если он осудит меня, я готов уплатить, но, как бы то ни было, я отплачу тому, который является причиной этого».

Данте ответил: «Я поручал вас его попечению так же, как если бы вы были моим сыном; большего сделать было нельзя. Если же экзекутор поступил иначе, то не я тому причиной».

Дворянин, покачав головой, отправился к себе. Через несколько дней он был присужден к тысяче лир по первому преступлению и к другой тысяче за езду с широко расставленными ногами. И этого никогда не могли проглотить ни сам он, ни весь род Адимари.

Вот это и было главной причиной, по которой Данте был вскоре изгнан из Флоренции как белый,²⁹⁹ и умер он в изгнании в городе Равенне, что явилось позором для его коммуны.

Новелла 115

Данте Алигьери слышит, что погонщик ослов поет его поэму и кричит: «Арри»; Данте толкает его и говорит: «Этого у меня нет», – и так далее, как рассказывает новелла

Предыдущая новелла побуждает меня рассказать об этом поэте другую, которая коротка и прекрасна.

Однажды названный Данте, прогуливаясь для развлечения в какой-то части города Флоренции, в нагруднике и локотниках, как это тогда обычно делалось, встретил погонщика ослов, перевозившего тюки с каким-то мусором. Шагая позади ослов, погонщик распевал поэму Данте, и, пропев кусочек ее, толкал осла и говорил: «Арри».

Поравнявшись с ним, Данте основательно ударил его локотником по плечу, говоря:

– «Этого „арри" у меня нет».

Погонщик не знал, кто такой Данте, и не понимал, почему тот его ударил. Тем не менее он сильно толкает ослов и продолжает свое: «Арри, арри».

Отойдя несколько от Данте, он оборачивается к нему и, высунув язык и показав фигу, говорит: «Возьми-ка».³⁰⁰

Увидев это, Данте говорит: «Я за сто твоих не дал бы и одной своей».

О, сладкие слова, полные философского смысла! Ведь многие бросились бы за погонщиком с яростными криками; нашлись бы и такие, которые стали бы бросать в него камнями. Мудрый поэт смутил погонщика, ибо столь мудрое слово получило похвалу каждого из присутствующих, кто его слышал, слово, брошенное такому ничтожному человеку, каким был этот погонщик ослов.

Новелла 116

299 [299] Данте принадлежал к фракции белых гвельфов и был изгнан из Флоренции.

300 [300] См: Данте. Ад, XXV, 1–3.

Инквизитор обвиняет священника Юччо из Марки в любострастии. Священник, находясь перед ним, хватает его за тестикулы и не выпускает их из рук, пока тот не дает ему отпущения

Мне приходится все же вернуться в Марку, потому что она была всегда полна забавных людей.

В Монтеккьо³⁰¹ был некогда священник, которого звали отцом Юччо, и был он человеком, склонным ко всякого рода преступным сладострастным поступкам. А потому, хоть он и мог сдерживать себя, все же предавался им, словно они были предписаны ему в евангелии устами Христа. У него сложилась привычка постоянно ходить без штанов. Однажды случилось, что в названую местность приехал инквизитор из монахов францисканского ордена. Ему пожаловались на отца Юччо, обвинив его в дурном поведении; между прочим, инквизитору было сказано, что он не носит штанов. «Вы можете заставить его показать вам это, когда он придет к вам, и тогда вы сами убедитесь. Согласно вашим декретам, без штанов служить обедни нельзя, а он служит ее в таком виде каждый день».

Выслушав жалобщиков, инквизитор велит вызвать отца Юччо. Тот явился к нему. Увидев священника, инквизитор говорит ему: «Оправдайся-ка здесь же от возведенного на тебя обвинения».

Юччо подходит к нему. Инквизитор говорит ему тогда: «Мне передавали, будто ты ходишь без штанов».

Отец Юччо отвечает на это: «Синьор мой, это правда: из-за этой жары мне трудно их носить».

Тогда инквизитор говорит ему: «Но ты не носишь их для того, чтобы удовлетворять скорее побуждениям сластолюбия».

– «Как бы то ни было, а я готов служить вам».

Инквизитор опять спросил его: «Ты ли отец Юччо, который совершил столько дурных поступков?»

На это священник ответил: «Я никогда не сделал ничего дурного». Сказав это, он хватает тестикулы и прочие принадлежности инквизитора и спрашивает его: «Зачем у вас эти органы? Это то, что производит дурные поступки и противно заповедям божьим». И он стал дергать инквизитора за названное место, приговаривая: «Я не оставлю тебе твоих органов, пока ты не разрешишь меня от всего содеянного моими».

И он дергал его до тех пор, пока инквизитор волей-неволей не дал ему отпущения по поводу возбужденного против него расследования. Когда названный инквизитор уходил, Юччо принес благодарность приспособлениям инквизитора, отпустившего ему его грехи, произнеся следующие слова литании: *Propitius esto, arce nobis domine.*³⁰² Так, совершенно необычным образом, отец Юччо оказался освобожденным от наказания, а инквизитор уехал с кошельком и прочим, сильно помятым и мучительно ноющим, так что, когда он сидел на лошади, то седло беспокоило его больше, чем он бы этого хотел.

Так эти клерики из Марки и ходят без штанов, причем они столь свирепы, что приводят каждого к повиновению, если только им не приходится сталкиваться с мессером Дольчибене, который умеет их обрезать.³⁰³

Новелла 117

Находясь в городе Падуе, мессер Дольчибене, которого синьор не хотел отпустить, уходит

---

301 [301] На половине дороги между Урбино и Пезаро.

302 [302] Будь милостив, помилуй нас, господи (лат.).

303 [303] См нов. 25.

к досаде синьора благодаря небывалой и тонкой хитрости

В городе Падуе у мессера Франческо Старого из Каррары³⁰⁴ находился на празднике, им устроенном, мессер Дольчибене. Побыв там несколько дней и получив от этого те выгоды, какие могут получить потешники, ходящие по синьорам, и не рассчитывая на большее, он решил переменить воздух и уехать, попросив синьора отпустить его. Видя, что Дольчибене хочет уехать, так как ему было ясно, что больше выгоды для себя он извлечь не сможет, синьор не увольнял его. Тот, однако, повторял свои просьбы об увольнении, так как, не имея завершенного пропуска, не мог выехать из Падуи. Тогда синьор приказал тем, кто ведал пропусками, выписать ему таковой, а страже у ворот приказал не пропускать его, если об этом не будет сказано им самим или его слугой. Когда мессер Дольчибене, отправившись с пропусками и отпуском, доехал до ворот, чтобы выбраться за город, то ни один из документов, оказывается, не имел силы. Когда же он вернулся к синьору и сказал ему: «Черт возьми, не мучь ты меня больше, отпусти меня», то синьор ответил: «Ступай; что касается меня, я тебя не удерживаю. И чтобы ты этому поверил, ты увидишь сейчас же доказательство».

Он позвал мессера Уголино Сквориньи³⁰⁵ и сказал ему: «Садись на лошадь и отправляйся с Дольчибене, да скажи привратникам, чтобы они его пропустили».

Мессеру Дольчибене показалось, что теперь его увольняют настоящим образом, и он отправился в путь вместе с названным мессером Уголино. Когда они были у ворот, мессер Уголино говорит: «Пропустите мессера Дольчибене: я говорю это вам от имени синьора».

Привратники ответили: «Если бы синьор сказал это нам здесь собственной персоной, то и тогда мы не отпустили бы его».

Мессер Уголино пожимает плечами, возвращается с мессером Дольчибене к синьору и передает то, что сказали привратники. Синьор делает вид, что сердится, и говорит: «Значит я имею так мало силы у моих слуг? Клянусь телом и кровью, что я сломаю им руки на дыбе».

Мессер Дольчибене, сидевший в эту минуту, говорит синьору: «Ах, к чему вся эта комедия. Все это делается по твоему приказанию, и делаешь это ты для того, чтобы помучить меня. Но если только я решу, я уйду тебе назло».

Синьор сказал тогда: «Если ты можешь сделать это, то на что ты приходишь за увольнением и пропусками? Уходи и да будет с тобой на всякий час крест и благословение».

Мессер Дольчибене спрашивает: «Ты хочешь узнать, смогу ли я уйти?»

Синьор отвечает на это: «Да, да, ступай себе».

И мессер Дольчибене уходит и отправляется в лавку, где резали баранов и свиней. Здесь он берет нож и вымазывает его весь кровью, садится на лошадь и поднимает нож, так чтобы его было видно, вверх, делая вид, что он совершил им как будто человекоубийство; затем дает лошади шпоры и несется к воротам. Народ кричит: «Что случилось, что случилось?» А иной говорит: «Держи!», а третий: «Держите!», мессер же Дольчибене кричит: «Ой, ой! Пропустите меня, потому что я убил немца Казалино».³⁰⁶

Как только люди услышали это, так один принимается молиться за него, сложив ему вслед руки, другой так, третий иначе, говоря: «Да соблаговолит бог тебе спастись, и чтоб уйти тебе целым и невредимым».

Когда он достиг ворот, то привратники становятся ему наперерез, чтобы схватить его, с мечами и копьями в руках, и они несомненно сделали бы это; но когда они услышали, что он убил немца Казалино, то копья и мечи оцетинились, и привратники стали из всех сил бить лошадь по крупу, крича: «Хватай! Хватай!» – «Эй! Эй!» Они делали все, чтобы лошадь бежала лучше; и, таким образом, Дольчибене, выехав за ворота и все время прищпоривая коня, отбыл с богом.

---

304 [304] Синьор Падун с 1350 г. по 1388 г. Вследствие предательства Джан-Галеаццо Висконти в 1393 г. был заключен в тюрьму, где и умер.

305 [305] Уголино Сквориньи – капитан народа во Флоренции (1375 г.).

306 [306] Об этом персонаже ничего неизвестно.

Чтобы новелла эта понравилась больше, скажу, что немец Казалино был самым отвратительным падуанцем, когда-либо жившим в Падуе, и не было человека, который бы не только не хотел ему добра, но и не желал всякого зла. И из-за этого неприятного для него случая Казалино оставил Падую со всем своим имуществом и приехал во Флоренцию, где купил себе дом и устроился на площади Санта-Кроче. Купил он также прекрасную усадьбу в Рушано,³⁰⁷ которая нынче принадлежит мессеру Антонио дельи Альберти.³⁰⁸ И если в Падуе он не пользовался ничьим расположением, то во Флоренции он встретил его еще меньше, и там он и умер.

Когда синьор Падуи услышал, каким образом ушел мессер Дольчибене, подумайте только, как это его позабавило, и не только его одного, а всю Падую! А на немца Казалино каждый смотрел и громко смеялся. Он же сам был настолько смущен этим небывалым случаем, что казался еще более мрачным, чем был прежде. Мессер Дольчибене, выбравшись из Падуи, пошел по синьорам Ломбардии и, рассказывая об этом случае, заработал себе много платья и вернулся во Флоренцию. Затем, попав к старьевщикам, где он в течение некоторого времени выставлял свое платье напоказ, продал его за наличные, а потом отправился к себе в усадьбу в Леччо в Вальдимарина³⁰⁹ и на вырученные деньги возвел прекрасные постройки.

Новелла 118

Священник прихода Джоголи обманут своим слугой, который необычайно забавным образом съедает сам хорошие фиги, а худые носил священнику. По истечении нескольких дней обман был обнаружен и доставил всем большое развлечение

Не так давно в приходе Джоголи,³¹⁰ близ Флоренции, жил священник, у которого был слуга, исполнявший для него всякие нужные работы вплоть до стряпни. Стоял сентябрь; в саду у священника была прекрасная смоковница, и так как на ней росли великолепные фиги, то священник сказал однажды утром названному слуге: «Ступай, возьми корзину и отправляйся к такой-то смоковнице; я видел на ней вчера прекрасные фиги; принеси их мне».

Слуга взял корзину и пошел к названной смоковнице. Влезши на нее, он увидел прекраснейшие фиги, и немалое количество, висящих как серьга и со слезой. Он набил себе ими рот так, как будто ему нужно было этим отплатить кому-нибудь. И когда он срывал, чтобы съесть ее, одну из таких фиг со слезой, то приговаривал: «Не плачь: мессер тебя не съест», и отправлял ее в свой желудок. И если ему пришлось съесть этих фиг со слезой с тысячу, он приговаривал каждый раз: «Не плачь: мессер тебя не съест», и съедал ее сам.

В корзину он клал жесткие фиги или фиги раскрытые, которые едва ли стали бы есть даже свиньи. Их он относил священнику. Видя их, священник спрашивал: «Это фиги с той смоковницы, о которой я тебе говорил?»

Слуга отвечал: «Да, мессере».

Несколько раз посылал священник по утрам названного слугу, и никогда не мог получить хорошую фигу. Однажды утром, послав слугу за названными фигами, священник сказал своему клирику: «Влезь-ка на такой-то виноградный трельяж, да смотри, чтобы слуга тебя не заметил, и погляди, какие фиги он мне приносит и что он делает, потому что, конечно, один только бог может устроить так, чтобы фиги, которые он мне приносит, были с того дерева, про которое я ему сказал».

---

307 [307] Холм в 1 км от ворот Сан-Николло во Флоренции.

308 [308] Антонио дельи Альберти – стихотворец, товарищ Саккетти по приорату с 1384 г. и его друг. В его вилле, получившей название «Paradiso degli Alberti», происходили в 1392 г собрания любителей литературы и искусства, в которых, видимо, участвовал и Саккетти. См. об этом статью В. Ф. Шишмарева «Франко Саккетти»

309 [309] В долине реки Арно, неподалеку от Флоренции.

310 [310] Приход Сан-Александро а Джоголи находится в коммуне Галлуццо, в 4 милях от Флоренции.

Клерик влез на трельяж и засел в засаду, приблизившись, насколько мог, к смоковнице, на которой находился слуга. Пока слуга находился на дереве, клерик совершенно отчетливо разглядел, что, срывая самые лучшие фиги, которые плакали по поводу обмана их синьора, он их ел целиком, приговаривая перед каждой: «Не плачь: мессер тебя не съест».

Разглядев и услышав все, что творилось, клерик удалился потихоньку и, вернувшись к священнику, сказал: «Мессере, это самый замечательный анекдот, который вы когда-либо слышали. Ваш добрый малый действительно ходит к той смоковнице, к которой вы его посылаете, но прекрасные фиги, которых вы хотите и у которых на кончике слеза, он съедает все сам; а кроме топ, делает и нечто похуже: он издевается над вами, потому что по поводу каждой из этих фиг, попадающих к нему в руки, он приговаривает: „Не плачь: мессер тебя не съест“, и таким образом поедает их все».

Священник говорит тогда: «Разумеется, это превосходный анекдот; то-то я говорил, что этого не может быть». После этого он ждет возвращения приятеля с фигами; и вот тот возвращается.

Священник открывает корзину и находит в ней одни только жесткие и раскрытые фиги. Тогда он обращается к слуге: «Ох, чтобы тебе от меча умереть! Что касается меня, то я достаточно страдал. Что это за фиги, которые ты мне приносил по утрам в течение нескольких дней?»

Слуга отвечает: «Мессере, они с того дерева, куда вы меня посылали».

Тогда священник говорит: «Ты говоришь правду; но из тех, которые напоминают плач Магдалины,³¹¹ ни одна не дошла до меня».

Слуга отвечает на это: «Какое отношение имеют фиги к Магдалине?»

– «Ты отлично знаешь, – сказал священник, – как ты утешал те из них, которые были со слезой, ты, который так сожалел о проливаемых ими слезах, что съел их все».

Слуга хотел возразить; но, услышав слова священника, поддержанные свидетельством клерика, убедился, что хитрость его открыта, и сказал: «Мессер священник, то, что я делал, я делал, думалось мне, в наших же интересах. Я приносил вам фиги, которые разделились и были раскрыты. А почему я приносил вам фиги раскрытые и разделившиеся? Потому что вы всегда делите их, когда едите. Значит, для того, чтобы вам не приходилось их делить и трудиться над этим; что же касается меня, то я их никогда не делю, а потому я ел те, которые были цельными. Другой причиной, почему я приносил вам те, которые были раскрыты, оставляя себе и съедая те, которые были со слезой, состоит в том, что, как мне известно, веселые вещи должны принадлежать синьорам, а печальные слугам. Я приносил вам фиги веселые, которые смеялись от души во весь рот так, что, если бы у них были зубы, то их можно было бы все пересчитать; себе же я оставлял те, которые плакали и были все в слезах».

Священник ответил на это: «Несомненно ты привел все основания, так как знаешь, наверно, отлично Ринфорцато»,³¹² и сам про себя очень забавлялся этим анекдотом, однако не настолько, чтобы несколько дней спустя не уволить названного слугу, который приносил ему ущерб на кухне, ссылаясь при этом на текст из Кодекса.³¹³ Названный священник был гораздо более опытным и осторожным.

Новелла 119

Когда мессер Джентиле да Камерино послал войско в Мателику, то некоторые пехотинцы, будучи пьяными, напали на скирду соломы, и, в конце концов, когда они срывали вишни, все были взяты в плен

---

311 [311] Речь идет о фигах «со слезой». Мария Магдалина – евангельский персонаж, одна из почитательниц Христа.

312 [312] Вторая книга «Пандектов» или «Свода законов» (Corpus juris) Юстиниана

313 [313] Насмешка над адвокатами, которые без надобности ссылаются на статьи законов.

Мессер Джентиле да Камерино³¹⁴ приказал однажды объявить в своих владениях, чтобы столько-то человек от каждой сотни населения явилось вооруженными, и оповестить всех, что он собирается отправить войска в Мателику.³¹⁵ Повинуясь приказу, каждый подвластный Джентиле приготовился выступить с войском, и наряду с другими коммунами и поселениями отправилась к названной Мателике и молодежь из местности, называемой приходом Бовельяно.³¹⁶ Из этой местности собралось идти к войску тридцать с десятком добрых пехотинцев. Хорошо вооружившись, они двинулись в путь и через некоторое время подошли к кабачку, где отряд передохнул. Выпив весьма основательно и совершенно охмелев, они отправились на гумно, где стояла большая скирда соломы, и стали валяться в ней, кто где. Тогда один из них, по имени Наццетто, сказал: «Товарищи, мы направляемся к войску в Мателику. Но если мы, прежде чем явиться в Мателику, не испытаем себя, то мы не будем знать, что нам делать, и опозоримся там. А потому я полагаю, что нам лучше всего вступить в бой с этой скирдой, вообразив, что это замок. И как мы будем действовать здесь, так будем действовать и в Мателике».

Все согласились с предложением, и, вооружившись павийскими круглыми щитами, самострелами и копьями, бросились на названную скирду, крича в один голос: «На город, на город!» А кое-кто и «Сдавайтесь, несчастные!» Они крепко вонзали в солому копья и пускали стрелы из луков, отличаясь необычайно в борьбе со скирдой.

Но лучшим бойцом оказался Нанцьюоло ди Надзарелло:³¹⁷ он вонзал свое копье в скирду по самое древко. Под словами «по самое древко» разумеется на просторечии Марки, когда железный наконечник копья вонзен во что-нибудь целиком. Сражались эти воины до тех пор, пока не опрокинули скирды; а потом они повалились спать тут же на соломе в таком беспорядке, что ноги их переплелись между собой. Когда они пробудились, то один из них, взглянув на ноги и увидев их в таком положении, сказал, обращаясь к товарищам: «Братцы дорогие, как же нам быть, если не найдется человека, который разберет нам наши ноги? Я не знаю, которые мои!» Кто-то другой ответил: «Клянусь чудесами божьими! Ты говоришь правду: нам не признать никак, какие ноги чьи».

Тогда один стал давать обеты св. Венанцию, другой – св. Дживинджо, третий – св. Иемину,³¹⁸ словом, кто кому, если они спасут и вернут им ноги. В это время мимо них проходил один из жителей Сан-Дженадждо,³¹⁹ по имени Джованни ди Казуччо, украшенный с головы до ног серебряными пуговицами; они позвали его и сказали: «Мы просим тебя, разбери-ка ты наши ноги и верни каждому свои».

Подойдя к ним, названный Джованни сказал:

«А что вы мне за это дадите, если я их разыщу?»

Столковались дать ему по десять сольдо с человека. Воины были довольны и уплатили ему деньги вперед: кто дал денег, а кто – залог. Когда было покончено со всеми, Джованни взял палку и швырнул ею поперек ног этих болванов. Увидев это, каждый стал тотчас вытаскивать свои ноги из-под чужих, каждый вернул себе свои и признал свои. После этого они похвалили названного Джованни как мастера своего дела и воздали хвалу св. Венанцию и другим святым, попечению которых они себя поручили, пославшим им такого человека, что им не пришлось опозорить себя. Затем каждый из них взял свое оружие и ноги, и они пошли в Мателику.

314 [314] Джентиле был племянником Родольфо Варано (см. прим. 3 к нов. 38) и был в Мателике в 1377 г. По свадебной записи можно уточнить, что Джентиле Варано да Камерино был сыном Венанцо.

315 [315] Мателика – крепость к северу от Камерино.

316 [316] Нынешняя Бовильяна находится в 20 км к югу от Камерино.

317 [317] Это имя образовано на основе имени Венанцио (Венанцетто, Венанциуло, Венанцарелло), который был «святым покровителем» Камерино.

318 [318] Вернее, см. Джинезио, св. Джемино.

319 [319] Может быть, название Сан-Дженадждо придумано, Сан-Джинезио находится в 20 км от Камерино.

На следующий день, после того как они явились в лагерь, тридцать с десятком добрых пехотинцев из прихода Бовельяно отправились на виноградник поесть вишен. Кто влез на дерево, а кто стоял на земле. В это время из Мателики вышли люди, чтобы завязать стычку. Когда они выстрелили из самострела, то один из стоявших на земле принялся кричать и жаловаться, говоря: «Ой, товарищ, помоги мне: я умираю». Прижимая к себе оружие, он считал, как сказано, что уже мертв, и это от одного только звука выстрела из самострела.

Товарищ его спустился с вишни, посмотрел на него и спросил: «Что с тобой?»

Тогда он сказал: «Посмотри, в кого это попало то, что было в воздухе?»

Товарищ посмотрел и ответил: «Здесь ничего нет».

На что первый воин заметил: «Если не здесь, так значит в той густой изгороди».

Пока они таким образом спорили, подошли к нашему отряду люди из Мателики и из тридцати с десятком добрых пехотинцев забрали в плен тридцать и одиннадцать. У кого вырвали зубы, кому отрезали уши, и, чтобы выйти из тюрьмы, они уплатили все, что имели. Так-то попались эти молодцы, которые, вооружившись молодым вином, сражались с соломой; а затем, не оказав ни малейшего сопротивления, были побеждены под вишней.

Новелла 120

Однажды ночью некий глашатай, будучи послан по делу, проезжал мимо границы дома Барди во Флоренции. Забравшись туда по некоторым делам, клерик начинает кричать, а глашатай пускается бежать, полагая, что это душа умершего

В то время, когда Флоренцией управлял герцог Афинский,³²⁰ умер один рыцарь из рода Барди. Его положили в склеп у св. Марии над Арно, который и сегодня еще можно видеть в стене переднего фасада, поднимающегося над улицей.³²¹ С наступлением ночи какой-то клерик влез в склеп, поднял крышку гробницы и забрался внутрь, чтобы ограбить названного мертвого рыцаря. По какому-то случаю в тот же час ночи герцог послал глашатая. Когда тот, исполнив свое поручение, доехал до улицы, проходящей под склепом, то находившийся в нем в эту минуту поднимался из гробницы и, вылезши из нее наполовину, ударил в ладоши и крикнул: «Так, так, так!»

Увидев выходящее из гробницы тело и услышав шум и крики его, глашатай прищпорил лошадь и помчался, словно на нем сидела тысяча дьяволов, уверенный, что души умерших поднялись из гробницы и произвели этот шум! И каждого он уверял затем, что из гробницы поднялась несомненно душа и сказала: «Так, так, так» и до такой степени напугала его, что он не только не надеялся больше объявлять свои указы, но что у него сперло в груди дыхание и он был близок к смерти.

На следующий день вся Флоренция отправилась глазеть на названный склеп; один тарачил глаза на него с одной, другой – с другой стороны. Наконец решили, что у глашатая зарябило в глазах и что он сам не знает, что говорит. Узнав о случившемся, герцог захотел лично выслушать по этому делу глашатая и, наконец, решив, что тот сделал все это, чтобы смутить население Тосканы, собирался уже его повесить. Но так как глашатай оказался затем как будто одержимым и обеспамятел, то он спасся от смерти: герцог велел оставить его, так что он никогда уже больше не был глашатаем; но пострадавший был этим очень доволен.

Необычайное происшествие изумило герцога и всех граждан и привело к тому, что глашатай едва не был повешен. На этом и на многих других случаях можно видеть, как часто судьба делает жалким того, кто чувствовал себя до того совершенно уверенным.³²² Так и этот человек: был он глашатаем, а чуть не лишился жизни.

320 [320] С 8 сент. 1342 г по 3 авг. 1343 г.

321 [321] Находится ниже Старого моста, в начале нынешней Виа де Барди. О Барди см. прим. 2 к нов. 63.

322 [322] Ср. новеллу об Андреуччо да Перуджа (Декамерон, день II, нов. 5).

Новелла 121

Маэстро Антонио из Феррары, проиграв в Равенне в дзару,³²³ попадает в церковь, где находятся останки Данте, и взяв две свечи, стоявшие перед распятием, относит их к гробнице Данте и ставит перед ней

Маэстро Антонио из Феррары был одним из достойнейших людей, почти поэт,³²⁴ но было в нем нечто от потешника; он был человеком с большими пороками и большим грешником.

Находясь в Равенне, в пору, когда ею правил мессер Бернардино да Полента,³²⁵ названный маэстро Антонио, бывший большим игроком, случайно играл однажды и проиграл почти все, что имел. И вот, в полном отчаянии, войдя как-то в церковь братьев миноритов, где находится гробница флорентийского поэта Данте,³²⁶ он увидел древнее распятие, почти наполовину сгоревшее и закопченное от большого количества свечей, которые перед ним ставили; так и тогда было перед ним зажжено много свечей. Быстро подойдя к распятию, маэстро Антонио схватил все горевшие свечи и огарки и столь же быстро, пройдя к гробнице Данте, поставил их перед нею со словами: «Возьми их, потому что ты гораздо более достоин свечей, чем он».

Увидев это, люди в изумлении спрашивали: «Что это значит?» И все смотрели друг на друга.

В тот час по церкви проходил эконоом синьора и видел случившееся. Вернувшись во дворец, он рассказал о поступке маэстро Антонио. Синьор Полента, подобно другим синьорам, большой любитель таких вещей, дал знать архиепископу равеннскому о том, что сделал маэстро Антонио, прося архиепископа потребовать маэстро Антонио к себе и для вида учинить против него дело, как против злонамеренного еретика патарена. Архиепископ тотчас же поручил вызвать Антонио к себе; тот явился. Когда ему прочли обвинительный акт, потребовав, чтобы он оправдался, он не отрекся ни от чего, а наоборот, во всем признался и сказал архиепископу: «Я не сказал бы вам ничего другого, даже если бы вы грозили меня сечь. Я всегда просил помощи у этого распятия, но оно всегда делало мне зло. И теперь, видя перед ним столько свечей, что оно едва не сгорело от них целиком (жаль, что так не случилось!), я взял все эти свечи и поставил их перед гробницей Данте, который, по-моему, заслуживает их больше него. Если вы мне не верите, то посмотрите писания того и другого. Вам будет ясно, что писания Данте чудесны и сверхъестественны для человеческого ума, а то, что рассказано в евангелии, грубо. И даже если бы там заключались вещи высокие и чудесные, то не великое дело, когда тот, кто видит все и обладает всем, раскрывает в писании часть этого. Но великое дело, когда маленький человек, как Данте, не обладающий не только всем, но и какой-либо частью всего, увидел и описал все. А потому мне кажется, что он более достоин свечей, нежели распятый, и ему-то впредь я и хочу поручать себя; а вы исполняете свои обязанности и вам легко, потому что из любви к нему вы избегаете всяких затруднений и живете как лентяи. Когда вы захотите получить от меня более подробные разъяснения, то я дам вам их в другой раз, если не проиграю всего, что у меня еще есть».

Архиепископу показалось, что он запутался, и он сказал: «Значит вы играли и проиграли?»

---

323 [323] Дзара – игра в кости.

324 [324] Петрарка называл Антонио из Феррары человеком «неплохого, но странного дарования». Он был участником быстрой смены событий в северной Италии (первая половина XIV в.). Саккетти, очевидно, хорошо его знал, о чем можно судить по данной новелле, а также по нов 229. Вопрос о датировке событий новеллы решался по-разному, но одно несомненно, что это – конец 40 – 50-х годов XIV в., время синьории Бернардино да Полента. Примечательна любовь Антонио к Данте. Мнение Саккетти об Антонио как о «почти поэте» высказывали и другие современники.

325 [325] Бернардино да Полента – синьор Равенны с 1346 по 1359 г.

326 [326] В церкви ев Франциска гробница Данте находилась до 1482 г.

Приходите в другой раз».

Маэстро Антонио ответил: «Если бы вы и все вам подобные проиграли то, что у вас есть, я был бы этому очень рад Вернуться к вам – дело мое; но вернусь ли я или не вернусь, вы найдете меня в таком же расположении духа или худшем».

Тогда архиепископ сказал: «Идите-ка с богом или, если хотите, с дьяволом, и если я пошлю за вами, не приходите. Ступайте и поделитесь, по крайней мере, с нашим синьором теми цветочками остроумия, которыми вы поделились со мной». На этом они расстались.

Когда синьор узнал о происшедшем, доводы маэстро Антонио ему понравились. и он награбил его, так чтобы тот мог играть. В течение нескольких дней синьор развлекался с ним разговором о свечах, поставленных в честь Данте, а затем уехал в Феррару, вероятно в лучшем расположении духа, чем в каком находился маэстро Антонио.

В те годы, когда умер папа Урбан V,³²⁷ я видел, как перед изображением его в церкви одного большого города горел целый факел весом в два фунта, тогда как перед находившимся невдалеке распятием стояла ничтожная свечечка в один динарий. Антонио схватил этот факел и, поставив его перед распятием, сказал: «Проклятье нам, если мы захотим опрокинуть и изменить власть небесную, подобно тому, как мы ежедневно меняем власть земную».³²⁸

И с этими словами он ушел домой. Это были самые прекрасные и замечательные слова, когда-либо высказанные в подобном случае.

Новелла 122

Мессер Джованни да Негропonte, проиграв в дзару все, что у него было, собрался отомстить за это и убил человека, изготовлявшего игральные кости

Мессер Джованни да Негропonte,³²⁹ проиграв однажды в дзару все, что у него было, и будучи величайшим и известным потешником и крайне горячим человеком, разгневанный и возбужденный игрой, отправился, вооружившись ножом, к некоему человеку, изготовлявшему игральные кости, и убил его. Когда его схватили и привели к синьору тех мест, деспоту..., желавшему отнять у него за это все его достояние, синьор спросил его: «Ах, мессер Джованни, что побудило вас убить простолюдина и привести к смерти себя?»

Джованни ответил: «Дорогой синьор, исключительно привязанность к вам, основанная на любви, которую вы проявляете ко мне. А доводы мои такие. Я проиграл все, что имел, и был на волосок от самоубийства; решившись, однако, на человекоубийство, но учитывая любовь вашу ко мне и то, что без меня вы не обойдетесь, я, чтобы не лишать вас себя, а себя вас, пошел и излил свой гнев на того, кто делает игральные кости, считая, что это самая достойная месть; ведь много синьоров и равных вам людей налагают часто наказания на игроков; однако, учитывая какое великое зло происходит от игры, я думаю, что было бы много лучше, чем оставлять в живых, вообще стереть с лица земли всех делающих кости, уничтожив их так, как я уничтожил одного из них. Подумайте только, какое зло проистекает от игры, и доводы мои, быть может, вам понравятся».

Синьор, бывший благороднейшим человеком, признал доводы мессера Джованни да Негропonte превосходными и издал закон, карающий владельца игральные кости и лиц, которые делают их для кого-нибудь, и, кроме того, разрешающий безнаказанно убивать всякого, кто их делает; тот же, у кого их найдут, уплачивает в наказание тысячу лир или лишается руки, а если кто играет в кости там, где они уже есть, наказание получает и владелец их и игрок. Таким образом, по всем своим владениям он уничтожил это злое семя и корень зла, который приводил к хулам на бога, растрате богатства, объединению гордости и гнева, к

327 [327] Папа Урбан V умер в 1370 г.

328 [328] Т. е. Рима.

329 [329] Об этом персонаже ничего неизвестно.

воровствам и грабежам из-за алчности, к убийствам и к обжорству, к необузданному сладострастию и всем другим порокам, какие способна создавать природа. Мессер Джованни да Негропonte был прощен; а тот, кто делал игральные кости и за то был убит, понес, таким образом, наказание.

Новелла 123

Витале да Пьетро-Санта предлагает по наущению своей жены сыну своему, изучавшему право, разрезать каплуна по правилам грамматики. Тот разрезает его таким образом, что за вычетом его части другим достается очень мало

В замке Пьетро-Санта, в области Лукки, жил некогда кастелян по имени Витале.³³⁰ По тем местам он был зажиточным и почтенным гражданином. Когда жена его умерла, оставив ему сына двадцати лет и двух дочерей в возрасте от семи до десяти, то он надумал отправить сына, который был уже отличным знатоком латыни, изучать право и послал его в Болонью. В то время, как сын находился в Болонье, названный Витале женился вторично. В пору сожития Витале с новой женой он, как это бывает, начал получать по временам вести о том, что сын его становился выдающимся человеком; и когда ему нужны были деньги на книги или на прожиток, отец посылал ему то сорок, то пятьдесят флоринов; дом сильно оскудевал деньгами. Жена Витале и мачеха молодого человека, учившегося в Болонье, видя, что муж очень часто посылает сыну деньги, и считая, что тем самым уменьшается ее пребенда,³³¹ стала ворчать и говорит мужу: «Бросай на ветер те деньги, которые у нас еще остаются, посылай их неведомо кому».

На что муж отвечает: «Жена, что значат твои слова? Разве ты не думаешь о том, какие это принесет плоды? И честь и пользу? Если сын мой сделается судьей, то он сможет получить потом степень доктора наук, и мы будем вознесены на веки вечные».

Жена сказала тогда: «Какие такие веки – не знаю. Думаю, что ты ошибся и что тот, кому ты посылаешь все, что можешь собрать, – просто „мертвое тело“, а ты-то ради него стараешься!»

И, таким образом, жена столь привыкла говорить: «это мертвое тело», что всякий раз как муж собирался посылать сыну деньги или что другое, она схватывалась с ним, говоря: «Посылай, посылай! Старайся хорошенько, чтобы передать этому „мертвому телу“ то, что у тебя есть».

Так продолжалось это дело, пока до ушей учившегося в Болонье молодого человека не дошло, что в препирательствах своих с мужем мачеха называет его «мертвым телом». Молодой человек запомнил это. Пробыв несколько лет в Болонье и весьма преуспев в изучении гражданского права, он приехал в Пьетро-Санта навестить отца и прочих членов семьи. Увидев его и крайне обрадовавшись, отец велел заколоть каплуна и зажарить его, а затем пригласил к ужину местного приходского священника.

Когда настал час и все уселись за стол со священником во главе, а подле него отец, затем мачеха, далее обе девушки, которые уже были на выданье, то молодой студент поместился отдельно на скамье. Когда явился на стол каплун, то мачеха, смотревшая злобно на пасынка, стала с искаженной физиономией шептать мужу: «Отчего ты не скажешь ему, чтобы он разрезал каплуна по правилам грамматики? Тогда было бы видно, чему он научился?»

Простак-муж говорит сыну: «Ты сидишь отдельно на скамье. Тебе следует разрезать каплуна; только мне хочется, чтобы ты его разрезал нам по правилам грамматики».

Молодой человек, который понял, в чем дело, отвечает: «Очень охотно».

Он ставит перед собой каплуна, берет нож и, отрезав гребень, кладет его на тарелку и

---

330 [330] Замок Пьетра-Санта находится в 30 км от Лукки; кого имел в виду Саккетти под именем Витале – неизвестно.

331 [331] Prebenda (вместо l'etitrata), что значит «доход».

передает священнику, говоря: «Вы – наш отец духовный, вы носите тонзуру, и потому я даю вам макушку каплуна, т. е. гребешок».

Затем он отрезает голову и таким же образом передает ее отцу, говоря: «А вы – глава семьи, и потому я даю вам голову».

Затем он отрезал ножки и передал их мачехе, говоря: «Ваше дело ходить в доме по хозяйству взад и вперед, а этого нельзя делать без ног. Поэтому я даю их вам».

Затем он отрезал концы крыльев, положил их на тарелку перед своими сестрами и сказал: «Им придется скоро оставить дом и улететь из него. Поэтому им нужны крылья, и я даю их им. Я же – мертвое тело. Если это так, а это я утверждаю, то я возьму для себя это мертвое тело», и он принимается разрезать каплуна и есть его молодцом.

И если мачеха раньше смотрела на него злобно, то теперь стала смотреть на него исподлобья, говоря: «Вот сокровище!» и шепотом, обращаясь к мужу: «Прекрати теперь делать те расходы, на которые ты ради него шел!»

Можно было немало ворчать, так как все присутствующие предпочли бы, чтобы каплуна был разрезан попросту, в особенности же священник, с которым приключился как будто митрит³³² и который неподвижно устался на свой гребень.

Через несколько дней после этого, когда молодому человеку пришлось возвращаться в Болонью, он разъярил в шутовском тоне, почему он разрезал каплуна таким образом, в особенности же мачехе, которой он в полшутливых словах показал ее ошибку. После этого он расстался с прочими и с нею по-хорошему. Тем не менее я думаю, что про себя она должна была сказать: – «Ступай, и не возвращайся другой раз».

Новелла 125

Карл Великий думает обратить в христианскую веру иудея, который, сидя с ним за столом, упрекает его в том, что он плохо соблюдает христианскую веру, после чего Карл Великий оказывается почти побежденным

Король Карл Великий был лучшим из королей, когда-либо живших на свете, и очень храбрым, так что если говорить о доблестных христианских синьорах, то он, король Артур и Готфрид Бульонский³³³ считаются людьми наиболее доблестными. Среди язычников это трое других: Гектор, Александр Великий и Цезарь; среди иудеев также трое: Давид, Иисус Навин и Иуда Маккавейский.³³⁴

Обращаясь к рассказу, скажу, что завоевав всю Испанию, король Карл Великий встретил как-то некоего испанца, или иудея, или какого-то настоящего язычника, человека очень рассудительного и умного. Поэтому король, принимая во внимание его достоинства, задумал склонить его к христианской вере и принялся за это дело.

Как-то утром этот испанец обедал с названным королем и сидел за столом на почетном месте, где сидят обычно синьоры, в то время как некий бедняк сидел внизу, почти что на полу, точнее на низенькой скамье, за бедным столом, и обедал. Происходило это потому, что всякий раз, когда король садился за стол, он угощал, ради спасения своей души, одного или нескольких бедняков, усаживая их внизу. Видя, что бедняк этот ест таким образом, испанец спросил короля, кто это такой и что означает, что он ест в таком положении? Король ответил:

– «Этот человек – Христов бедняк, и ту милостыню, которую я ему даю, я даю Христу, потому что, как тебе известно, он учит нас, что, подавая милостыню одному из этих его самых

332 [332] Митрит – вероятно, столбняк или апоплексический удар.

333 [333] Король Артур – полупоэтический герой рыцарских романов «о короле Артуре и о рыцарях Круглого стола». Готфрид Бульонский (ск. 1060–1100) – герцог Нижней Лотарингии, один из главных участников первого крестового похода.

334 [334] Библейские персонажи: Давид – победитель великана Голиафа, Иисус Навин и Иуда Маккавейский – полководцы

последних нищих, мы всякий раз подаем ее ему».

Испанец сказал на это: «Монсиньор, соблаговолите ли вы простить мне то, что я скажу?»
– «Говори все, что ты хочешь».

И тогда тот сказал: «Много глупых вещей нашел я в вашей вере, но эта, кажется мне, превосходит все остальные, потому что если вы действительно верите, что этот бедняк – ваш господь Иисус Христос, то почему же вы заставляете его столь недостойным образом есть там на полу, а сами едите с почетом здесь за столом? Но мне кажется, говоря по правде, что вы должны были бы делать наоборот: иначе говоря, вы должны были бы есть там, а он должен был бы есть здесь, на вашем месте».

Король, видя себя уязвленным настолько, что ему трудно было бы сказать что-либо в свою защиту, стал приводить в свое оправдание различные доводы, но испанец всякий раз опровергал сказанное королем, и в то время как Карл рассчитывал приблизить его к своей вере, он вместо этого отдалял его от нее более чем на сто миль, и вернул к его прежней вере.³³⁵

А разве испанец этот не был прав? Какие мы христиане и какова наша вера? Вещи, которые нам ничего не стоят, мы щедро дарим богу, как-то: «Отче наш», «Богородицу» и другие молитвы. Мы бьем себя руками в грудь, одеваемся во власяницу, сгоняем мух с поясицы, мы участвуем в крестных ходах и ходим в церковь, мы слушаем набожно обедню и делаем всякие подобные вещи, нам ничего не стоящие. Но если приходится накормить бедняка, мы обычно говорим: «Дай-ка ему немного похлебки и устрой его в углу!» Если приходится из милости угостить его, то мы наливаем ему из бочки плохого вина и мелем для него слежавшееся зерно, и всякую другую пищу, которая нам не по вкусу, мы отдаем Христу. Мы думаем, что бедняк – вроде страуса, что он может переварить железо. Тот, у кого дочь косая, хромяя или уродливая, говорит: «Я хочу отдать ее богу». Хорошую и красивую он оставляет себе. Тот, у кого дурной сын, просит бога призвать его к себе; тот, у кого сын хороший, просит бога, чтобы он не призывал его к себе, но дал бы ему долгую жизнь. Я мог бы еще привести тысячу таких плохих вещей, которые мы отдаем господу, давшему и представившему нам все. Таким образом, рассуждения испанца были, конечно, вполне правильными, ибо лицемерие подчинило себе на свете человеческую веру.

Новелла 126

Папа Бонифаций уязвляет своим словом мессера Росселино делла Тоза, который защищается одним забавным ответом

Мессер Росселино делла Тоза из Флоренции был рыцарем и очень хорошим человеком.³³⁶ Ему было, наверно, восемьдесят лет, когда его отправили послом к папе Бонифацию.³³⁷ У этого мессера Росселино, хотя он и был глубоким стариком, очень часто рождались дети, и названному папе неоднократно рассказывали об этом, как о своего рода чуде. После того, как названный мессер Росселино исполнил свое поручение, папа, внимательно рассматривая его как человека, о котором он слышал, что у него все еще рождаются дети, сказал: «Ах, мессер Росселино, вы так стары, как мне о том и говорили, а между тем я слышу, что у вас что ни день рождается ребенок. Эта величайшая милость божья; по причинам высшего порядка это можно назвать чудом».

Выслушав папу, мессер Росселино ответил: «Святой отец, пусть ягненок является откуда угодно, пусть он родится под моим пологом, мне все равно».

335 [335] Этот же сюжет у Саккетти в проповеди XXXVII и в нов. 25 из сборника «Сто старых новелл».

336 [336] Трудно установить прототип, так как Саккетти очевидно взял черты и его брата Росселлино. известного из «Хроники» Дино Компаньи Росселино делла Тоза должен был бы иметь в год битвы при Монтекатино около 100 лет (см прим. 2)

337 [337] Бонифаций VIII был папой с 1294 по 1303 г., а Росселлино, будучи послом, насчитывал, по Саккетти, уже 80 лет.

Услышав это, папа снова заметил: «Мессер Росселлино, вы были всегда мудрым рыцарем, а нынче вы мне кажетесь еще более мудрым; ведь если подумать, что в этих вещах ничего нельзя подтвердить и расследовать было бы глупо, то вы приняли такое решение, что никто не может вас за него укорить».

Мессер Росселлино ответил на это: «Святой отец, я слышал всегда, что у человека столько забот, сколько он их себе навязывает». И на этом закончились их разговоры.

У многих невежественных людей есть, допустим, дети, и если у кого-нибудь из них спросить: «Это твой ребенок?» – он ответит: «Я думаю, что мой, но больше об этом я ничего не знаю», – а если бы кто потом сказал этому ребенку, что он унаследует отцу с большим состоянием: «А почему ты знаешь, что ты сын того, кого ты считаешь отцом?» – он не сумел бы ни подтвердить, ни доказать этого. Поэтому названный достойный рыцарь, будучи уязвлен папой насчет недостоверных вещей, сделал их достоверными; а многие глупые люди, о которых я говорил выше, превратят достоверное в недостоверное к своему стыду и поношению.

Новелла 127

Мессер Ринальделло из Меца в Лотарингии, находясь во Флоренции и видя там много судей, изумляется тому, как это Флоренция не погибла, в то время как один единственный судья погубил его

родину.

Один рыцарь по имени мессер Ринальделло,³³⁸ из города, называемого Мецом в Лотарингии, прибыл однажды во Флоренцию. Пробыв там несколько дней, дворянин этот случайно увидел на одной свадьбе большое количество граждан, в первых рядах которых было много людей в платье, подбитом беличьим мехом. Увидя их, он спросил нескольких флорентийцев, кто такие эти граждане, что носят такое платье и идут впереди? Ему ответили, что это рыцари, судьи и медики. Ринальделло сказал: «А сколько у вас судей?» Те посмотрели и начали считать: «Четыре и три – семь: их здесь семь».

А он спросил: «А может быть, их еще больше?»

Они ответили: «Да, конечно».

Тогда мессер Ринальделло, перекрестившись и взглянув вверх на городские дома, сказал: «О, какое чудо, что в этом городе нет ни одного испорченного и развалившегося дома».

Флорентийцы, услыша его слова и видя, что он крестится, спросили: «Чему вы так изумляетесь?»

А приезжий ответил: «Я вам это скажу. Я родом из города, который называется Мец в Лотарингии; он был большим и благородным городом, и в нем царили мир и согласие. В некий проклятый час один богатый горожанин послал своего сына учиться в Болонью и сделал из него судью; с тех пор, как он вернулся в свой край, мы не слышим ничего доброго. Он всех рассорил, и мир, в котором мы привыкли жить, сменился войной. Нам теперь настолько же плохо, насколько было хорошо прежде, и все это пришло от этого судьи, который явился в наш город. Поэтому, когда я думаю о том, что вы мне сказали, и о том множестве судей, которые у вас имеются, я изумляюсь, что в то время, как один такой судья разорил весь наш город, ваши судьи, которых у вас так много, не тронули у вас и камня».

Услышав это, флорентийцы, смеясь, сказали: «Хотите, чтобы мы вам сказали правду? От них нам приходится временами плохо».

Рыцарь ответил на это: «Если они ограничиваются только этим, то вы еще дешево отделяетесь: нас же и наших потомков упомянутый единственный судья сделал несчастными на всю жизнь».

На этом и закончилась беседа.

Когда я раздумываю внимательно над тем, кто нынче те, что ходят в мантиях с

---

338 [338] Прототип этого персонажа не может быть установлен.

капюшонами, подбитыми беличьим мехом, то я вижу, что мессер Ринальделло говорил правду, и думаю, что мало покоя может иметь то место, где они находятся, и еще меньше тот, кто им верит. Доказательством этому является следующее: один приморский город,³³⁹ который долго находился под прекрасным своим управлением, никогда не имел ни одного судьи. И Норча,³⁴⁰ маленький город по сравнению с упомянутым, по той же причине никогда не хотела иметь ни судей, ни людей, которые, прикрываясь наукой, хотели бы ее погубить. На это указывает то, что граждане Норчи не хотят иметь кого-либо из слишком больших знатоков права и говорят: «Подите прочь законники». И, таким образом, город этот управляется так же хорошо, как любое поселение в Италии.

Новелла 128

Епископ флорентийский Антоний забавным словцом приводит в смущение некоторых флорентийских дворян, жаловавшихся на то, что одному из преданных им людей и слуг, их родичу, епископ отказывает в погребении, так как умерший был ростовщиком

В старые годы жил во Флоренции некий епископ Антоний, бывший епископом этого города, человек почтенный и хороший.³⁴¹ У него состоял на службе близкий его друг, принадлежавший к семье деи Пацци,³⁴² настоящий дворянин, который превосходно знал толк в охоте на птицу и всякую другую дичь, в езде верхом и всяких других делах, касающихся развлечений. У него было некоторое количество денег, и он давал их в рост. Названный епископ не мог ни стать, ни сесть, чтобы когда-нибудь обойтись без него. Случилось так, что этот деи Пацци тяжело заболел и умер. После смерти его епископ объявил, что отказывает ему в погребении и запрещает хоронить его в освященном месте, если ему не будут предъявлены расчетные книги покойного и не будет дано обязательства вернуть лихву каждому, от кого он ее получил. Родственникам и близким это показалось, если учесть любовь епископа к покойному, делом странным. Поэтому некоторые из них снялись с места и отправились к епископу. Явившись к нему и выразив ему прежде всего свое почтение, они сказали: «Достопочтеннейший отец, мы обращаемся к вашему отеческому попечению, потому что, как вы знаете, господу богу было угодно призвать к себе такого-то вашего слугу, а нашего родича. Между тем в дом его явился ваш посланный с распоряжением не предавать его погребению, если не будет исполнено то, что следует исполнить, когда умирает ростовщик. Поэтому, принимая в соображение, что вы считали его своим сыном и слугой, мы очень изумляемся распоряжению и просим вас по милосердию вашему, ради любви, которую вы всегда проявляли к покойному, и ради того, чтобы не бросать тени на его доброе имя, соблаговолили принять его под свое покровительство, когда жизнь его окончилась».

Выслушав их, епископ ответил: «Признаюсь вам, что я любил вашего родича, ныне умершего, больше, чем кого бы то ни было. Но причина того, что любовь эта прошла, лежит не во мне, а в нем. А поэтому не вините меня, так как я соблюдаю требования епископского сана, в соблюдении которых я дал клятву. Если он обещал обеспечить должников, хорошо; поскольку же он этого не обещал, дайте обязательство вы и предъявите расчетные книги, и я буду милосерден, насколько смогу».

Так и пришлось им сделать. А епископ по благоразумию своему и по милости св. Иоанна

---

339 [339] Венеция.

340 [340] Норча находится в Умбрии, поблизости от Сполето.

341 [341] Антонио д'Орсо ди Бильотто – епископ Флоренции с 1309 по 1322 г. Боккаччо считает его мудрым (Декамерон, день VI, нов. 3); Дино Компаньи в «Хронике» называет его бесчестным. Слухи о его жадности нашли отзвуки у Боккаччо и у Саккетти.

342 [342] Пацци – знатная семья, игравшая значительную роль в судьбах Флоренции.

Златоуста³⁴³ повел себя после этого так, что родичи умершего забыли о его ответе и были вполне удовлетворены, умерший же был погребен.

Этот ответ епископа, прекрасен, если только он не внушен алчностью. И, правда, всякая любовь кончается, стоит только человеку позариться на что-нибудь, в особенности же клерикам, которые ради денег идут на всякое дело, не задумываясь над тем, честнее ли оно или нет. Я не говорю о названном епископе, который был человеком достойным, а говорю вообще о большинстве.

Новелла 129

Маработто из Мачераты в необычайном письме вызывает на поединок некоего знаменитого немца и освобождает на несколько месяцев свою родину от его наездов

В ту пору, когда римская церковь потеряла Анконскую марку,³⁴⁴ жил человек, которого звали Маработто из Мачераты,³⁴⁵ и был он огромного роста. Во время войн в названной Марке, на службе у церкви состоял некий немец по имени Шиверсмарс,³⁴⁶ и проживал он в Монте-Фано.³⁴⁷

Когда названный немец вел жестокую войну в Мачерате, названный Маработто обратился к приорам Мачераты и попросил у них разрешения послать письмо этому Шиверсмарсу и вызвать его на бой; приоры дали ему на это согласие. Маработто написал тогда письмо такого рода: «Вас, благородного Шиверсмарса, приветствует Маработто из Балле д'Эброн! Слышал я, что вы очень знатного рода, что вы хороший воин и ведете в этих краях ожесточенную войну с крестьянами. А я приехал сюда с семьями конями в поисках, чтобы помериться силами с настоящими воинами, а не с простыми крестьянами. Поэтому я предлагаю вам сразиться со мной в поле, один на один, выбрав предварительно для того какое вам будет угодно место, а я с величайшим нетерпением ожидаю этого. Если же вы не хотите вступить со мной в бой один на один, то приводите с собой столько ваших людей, сколько вам заблагорассудится, а я явлюсь со столькими же. И, пожалуй, я сделаю вам даже некоторую уступку: в моем отряде на каждую сотню бойцов будет на десять человек меньше, чем у вас. Я усерднейшим образом прошу вас вот о чем: сделайте так и испытайте вашу доблесть не в борьбе с вилланами, а с настоящими воинами. На это предложение соблаговолите ответить мне скорее письмом ит. д. А впредь не вступайте на эту землю, ибо я буду обращаться с вами, как со смертельным врагом».

Получив это письмо и узнав об удивительном имени пославшего его и о том, что он из Балле д'Эброн,³⁴⁸ Шиверсмарс совсем пал духом, вообразив, что Маработто несомненно какой-то знаменитый человек, а потому не стал писать ему письма и не дал ответа. Вследствие такого письма Маработто, он перепугался и в течение нескольких месяцев не воевал и не совершал наездов на область Мачераты, и все это только из страха перед названным Маработто.

Эта выдумка Маработто была очень тонкой! При помощи небольшого количества чернил он выгнал неприятеля из своей страны, и письмо это принесло Мачерате гораздо больше пользы, чем принесли бы триста вооруженных всадников.

---

343 [343] Имя этого «отца церкви» (Златоуст) перекликается с сребролюбием епископа Антония, который разрешил похороны, конечно, не безвозмездно.

344 [344] Это относится к 1377 г. См. нов. 132.

345 [345] Об этом персонаже нет никаких сведений.

346 [346] Имя это Саккетти, видимо, придумал сам.

347 [347] В округе Мтчераты, неподалеку от Флоренции.

348 [348] В Иудее, близ Иерусалима, Маработто указывает на это место, чтобы утрашить своего противника

Новелла 130

В Берто Фольки, в то время, когда он находился у огня, вцепилась кошка, и, если бы не жена, освободившая его благодаря своей сообразительности, ему угрожала бы опасность умереть

В одной из новелл выше я показал, как Берто Фольки был принят за жабу; в настоящей коротенькой новелле я хочу показать, как он был принят за мышь. Случилось это таким образом.

В октябре месяце, в то время как он находился в своем имении в Скандиччи, во Флорентийской области,³⁴⁹ у него на седалище образовался веред, в том месте, где проходит повязка, накладываемая на грыжу. Веред этот был настолько злокачественный, что Берто в течение, нескольких дней немного лихорадило. Благодаря нарыву ему пришлось сидеть дома и не надевать штанов.

Однажды вечером ему захотелось зажарить бывших у него четырех великолепных дроздов, но зажарить по-своему, и он приказал своей служанке принести их к огню, разведенному в зале. Он приготовил вертел, уселся на скамеечку и, взяв лопатку, поправил огонь, желая, чтобы названные дрозды зажарились надлежащим образом, дабы съесть их затем с миром вместе со своей женой. Под скамейкой, как это постоянно бывает, находилась в это время кошка. Увидев приспособления Берто, которые болтались между ножками скамейки, и решив, вероятно, что это мышь, кошка бросается на них и впивается в них когтями.

Почувствовав, что его схватили за такое место, Берто протягивает руки к кошке и хватается ее, желая сбросить ее с себя; но чем старательнее он это делает, тем крепче вцепляется в него кошка, мяукая при этом, так что он начинает от боли кричать. Служанка, поворачивавшая вертел, спросила: «Что с вами, Берто?»

Берто ответил на это: «Разве ты не видишь?»

Служанка же, хотя и видела то, что делала кошка, не смела от стыда наклониться поближе к приспособлениям Берто. Она начинает звать кошку: «Кисанька, киса, киса, кисанька!» Но кошка продолжала свое дело; словом, она не только не оставляла своей добычи, но еще крепче сжимала ее, так что Берто все время кричал, пока, услышав крик, к нему не прибежала со всех ног жена.

Увидев ее, Берто сказал: «Ах, жена! Я умираю. Кошка, как ты видишь, схватила меня; я умираю, я умираю!»

Жена, нежно любившая своего мужа и его приспособления, бросается к кошке, хватается ее и сжимает, чтобы она отпустила; нота вцепляется еще крепче. Тогда она хватается кошку за горло и начинает сжимать его, чтобы кошка раскрыла пасть. Пасть она, правда, на минуту раскрыла, но скоро впилась зубами снова, так что Берто стал звать на помощь. Видя, что дело плохо, жена Берто, как женщина умная, осторожная и нежно относившаяся к телесам мужа, измыслила такой ловкий способ: она взяла находившийся на огне вертел с четырьмя дроздами, которые были еще не совсем горячи, и поднесла его к носу кошки. Голодная кошка, почуввав запах дроздов, бросает свою добычу и вцепляется в дроздов, которых она принимается таскать вместе с вертелом по всему дому и, наконец, преспокойно съедает их, так как у жены и служанки было тогда в руках другое дело и им было не до дроздов.

Избавившийся от когтей кошки, помятый и исцарапанный, Берто казался мертвым. Принадлежности его были искусаны и имели такой вид, словно ими играли в юлу. Доблестная женщина послала за врачом по каноническим делам,³⁵⁰ чтобы он вылечил Берто. Врачу пришлось повозиться с ним немало в течение целых двух месяцев, прежде чем он излечил его. Если бы не почтенная женщина, которая предпочла лучше лишиться ужина, чем мужа, то Берто Фольки оказался бы под угрозой перестать навсегда быть мужчиной. С той поры он считал себя

349 [349] В нескольких километрах от Флоренции, за воротами Сан-Фреддиано.

350 [350] В подлиннике *de jure coglionico* – дословно «по мошоночному праву».

всегда обязанным, жизнью своей доблестной супруге.

Новелла 131

После того как Сальвестро Брунеллески съездил однажды на воды, чтобы удовлетворить просьбу жены, желавшей иметь детей, жена его на следующий год захотела вернуться туда же. Сальвестро говорит ей, что он более не пригоден для этого, и предлагает ей использовать кого-нибудь другого: жена отправляется на купанья без него

Сальвестро Брунеллески, о котором упоминалось выше, был женат на очень забавной женщине из Фриуля. Так как у нее не было детей, а ей очень хотелось иметь их, то она сказала однажды мужу: «Сальвестро, мне сказали, что, если мы с тобой отправимся на воды в Петриуоло, то я забеременею и у нас будут дети».

Сальвестро ответил на это: «Дорогая жена, для этого нужна другая вода, чем та, в которой купаются».

Жена упорствовала в своем желании отправиться с Сальвестро на купанья. Пришлось Сальвестро согласиться; он принял слабительное, и они разузнали об образе жизни, которого надлежит держаться и который состоял в том, чтобы либо убить Сальвестро, либо иметь детей. После этого они однажды утром пустились в путь. Добравшись до источника Сан-Пьеро Гаттолино,³⁵¹ они застали здесь приходского священника де Макки,³⁵² поившего свою лошадь, большого весельчака, который спросил Сальвестро, куда он направляется. Сальвестро ответил: «Мы направляемся на воды, хотя я мог бы сказать, что направляюсь на убой».

На это священник сказал: «Вам следует, конечно, ехать вместе со мной; вы увидите, сколько я доставлю вам удовольствий».

Сальвестро ответил на это: «В добрый час», и они пустились в путь.

Священник хотел быть непременно их экономом, и покупал для них наилучшие припасы, так что они существовали роскошно. Вернувшись домой после пребывания в Петриуоло и купаний, жена Сальвестро говорит ему: «Ты знаешь, что сказал врач», и она прильнула к лакомке, и пришлось Сальвестро исполнить свои супружеские обязанности.

Дело это приняло в дальнейшем такой оборот, что он не только исчерпал свои возможности, но почти и самого себя, так что по возвращении во Флоренцию его постигла тяжелая болезнь, и он был близок к смерти. Находясь к такому состоянию, Сальвестро говорил жене: «Не худо, однако, мы с тобой постарались: чтобы нажить ребенка, ты захотела погубить мужа».

Сальвестро все же поправился, но жена его не забеременела; так прожили они год. Женщины сказали жене Сальвестро, что, если хочешь иметь детей, купанья следует повторить. И вот однажды, придя к Сальвестро, жена его сказала ему, что она хотела бы снова отправиться на воды, так как ей сказали, что однократное посещение их ничего не стоит, если не повторить его несколько раз. Услышав эти слова жены и вспомнив, что случилось с ним после первого раза, он сказал ей: «Дорогая жена, ты знаешь, что мы ездили в Петриуоло в прошлом году и что я приложил все свои силы и все уменье, чтобы удовлетворить твое стремление родить ребенка; но ты знаешь, что это привело меня на порог смерти. Больше я не пригоден для такого дела. Если тебе хочется отправиться туда самой, поезжай и попытай счастья с другим, раз я для этого не гожусь».

Жена принялась смеяться, а Сальвестро на это сказал: «Смеешься? Я говорю тебе, поезжай в добрый час; бери с собой денег, сколько захочешь, и попытай счастья с тем, кто тебе нравится, а с меня хватит, я и так уже чуть жизни не лишился и вижу, что вовсе для этого не годен».

Так и не удалось жене увезти на воды Сальвестро, и отправилась она туда одна, взяв с

---

351 [351] Может быть, поблизости от одноименных ворот.

352 [352] Об этом персонаже нет никаких сведений.

собой какого-то родственника. Но как она ни устраивалась, ей все приходилось ждать беременности; и вскоре после этого она умерла, а Сальвестро остался в живых и на воды не поехал, чтобы не уморить себя ради того, чтобы приобрести детей.

И он был мудрым человеком, потому что в пяти случаях из шести, когда кому-нибудь хочется иметь детей, они оказываются его врагами и желают смерти отца, чтобы быть свободными.

Новелла 132

Будучи осаждены графом Луццо, жители Мачераты однажды ночью во время наводнения решили, что это неприятель, и весь город благодаря необычайным обстоятельствам был поднят на ноги

В то время, когда Флорентийская коммуна и ее союзники отняли у римской церкви большую часть Марки,³⁵³ граф Луццо явился туда, имея свыше тысячи копий,³⁵⁴ и расположился лагерем у Мачераты, с той ее стороны, которая называется воротами Сан-Сальвадоре; с другой же стороны расположился мессер Ринальдуччо да Монтеверде, бывший тогда синьором Фермо,³⁵⁵ разбив лагерь у других ворот, а именно Рыночных. На третий день они дали бой, рассчитывая овладеть городом силой. Граф Луццо со своим отрядом проломил городскую стену близ стены Сан-Сальвадоре в трех местах, хотя многие из его людей были при этом ранены и убиты. На четвертый день названное войско ушло и вернулось к отрядам синьора ди Фермо. Через несколько дней после этого, в три часа ночи, в Мачерате случилось огромное наводнение. Вода, быстро сбегавшая по дорогам той местности и увлекавшая уличную грязь, закупорила один из стоков. Не будучи в состоянии пробиться в сторону или продолжать свой путь, она проникла в близлежащие дома. И вот, когда какая-то женщина пошла за вином совершенно спокойно, в ее отсутствие дом оказался совсем затопленным водой. Прежде чем женщина могла это заметить, она уже очутилась в воде по бедра и, пожалуй, даже выше, по причине чего она стала звать на помощь. На крики ее прибежал муж; но светильник его погас, и он оказался в воде, а очутившись в ней, принялся так же громко звать на помощь. Услышав шум, соседи стали спускаться по лестницам, чтобы узнать, в чем дело, а подойдя к дверям, они не могли выйти из дома из-за воды, наполнявшей улицы и дома. Поэтому и они принялись кричать, думая, что это потоп. Караульный, стоявший на страже в городе, услышав шум, стал звать стражу и вызвал начальника канцелярии и приоров, говоря, что у ворот Сан-Сальвадоре призывают к оружию. А приоры сказали: «Слышишь, что он говорит?»

Караульный же прибавил: «Они кричат, что неприятель уже в городе».

В ответ на это приоры сказали: «Звони, звонарь, звони, звонарь, к оружию – чтоб тебя повесили!»

Звонарь принялся звонить к оружию, и стража, находившаяся на площади, схватилась за оружие и направилась к устьям улиц, выходящих на площадь, чтобы запереть их цепью, с криком: «К оружию, к оружию!» Услышав звуки колокола, весь народ вышел вооруженный, думая, что граф Луццо напал на город. Подойдя к площади, люди застали стражу у цепей, готовую защищать площадь и громко спрашивавшую подходящих: «Кто идет? Кто идет?» Одни отвечали на это: «Да здравствует мессер Ридольфо!»³⁵⁶ Другие: «Свои, свои», причем стоял

---

353 [353] Во время войны 1375–1378 гг., точнее (см. прим. 1 к нов. 129) в сентябре-октябре 1378 г., Мачерату защищал Ридольфо Варано ди Камерино, перешедший на сторону лиги. До этого он прослужил около года в качестве главнокомандующего у флорентийцев.

354 [354] Лутц фон Ландау был наемным командующим католической лиги. Он прославился своими грабежами и поджогами в Тоскане. В 1379 г. перешел на службу к Джованни Агудо, а затем к Ринальдуччо Монтеверде.

355 [355] С 1376 по 1380 г.

356 [356] Мессер Ридольфо, т. е. Ридольфо Камерино, – защитник города.

такой шум, что люди не слышали друг друга, и весь народ, вооружившись, собрался на площади, ожидая врага с часу на час, так как многие говорили, что он уже в городе и достиг церкви, называемой Сан-Джорджо, находящейся на полдороге от стен к площади.

Видя, однако, что никто не появляется, приоры послали кое-кого к воротам, чтобы собрать сведения, причем многие из посланных поступили подобно воронам, т. е. вовсе не вернулись обратно. Среди посланных был некий монах Антонио, принадлежавший к ордену св. Антония; на плече у него был павийский щит, а на шее – язык от колокола, свалившегося накануне с одной из монастырских колоколен. Отправившись для выяснения причины шума и сообщения сведений об этом, названный монах, возвращаясь после того, как он исполнил поручение, упал на свой щит; но так как он был настолько велик ростом, что выглядел гигантом, то, не будучи в состоянии высвободить руку из ремня щита, он никак не мог подняться. Происходило это возле площади. Какой-то человек, стоявший на улице неподалеку от площади, услышав грохот от движений щита, производимый названным монахом, безуспешно старавшимся подняться, стал кричать: «Вперед на врага, вперед на врага».

Другой стал кричать: «Бей его, бей!»

Часть стоявших на площади вышла за цепи и направилась по улице с криком: «Смерть ему, смерть ему!»

Приблизившись к монаху, лежавшему на земле, одни закричали: «Кто ты?»

А другие: «Сдавайся, изменник!»

Третьи: «Кто идет?»

А лежавший на земле монах кричал в свою очередь: «Бегите сюда, ради бога!»

Разглядев, наконец, что это был монах, подошедшие с большим трудом подняли его. Он оказался совершенно разбитым, так как во время падения его на землю язык колокола выскользнул у него из рук и крючком своим впился ему в плечо: когда же монах хотел подняться, то язык бил его по бокам и пояснице. Таким образом, он оказался весь измятым, и был еле жив. Вернувшись вместе с захватившими его на площадь, он отправился к приорам и рассказал им о наводнении, о том, как он упал и какой опасности подвергался; к этому он прибавил, что если бы производимый им стук не услышал караульный, ему бы не миновать гибели, а кроме того, он заявил приорам, что никогда больше не возьмет в руки щита, а тот, который был с ним, поломает на тысячу кусков, как только вернется к себе домой, чтобы никогда больше не носить его. После того, как приоры выслушали такое сообщение, пульс, который они было потеряли, снова вернулся к ним, и они разрешили всем разойтись по домам. Случай этот доставил большое удовольствие и в Мачерате, и в соседних местностях всем, услышавшим о нем, когда они представляли себе наводнение и падение брата Антонио.

Таковыми же невеждами и глупцами оказываются люди часто, и особенно во время войны, когда они из-за падения какой-нибудь четверти орехов или разбитой кошкой чашки поднимают всех на ноги, думая, что это неприятель. И по этому поводу они бросаются, сбитые с толку, подобно пьяным дуракам, и теряют зсякий рассудок.

Новелла 133

Будучи одним из приоров в пору, когда император Карл спустился в Италию, чтобы овладеть ее короной, Уберто дельи Строцци с помощью двух забавных выражений обращает однажды печаль, порожденную этим событием, в смех

Когда император Карл, король Чехии,³⁵⁷ спустился в Италию, чтобы овладеть се короной, когда он преуспел здесь, в особенности в Тоскане, и занял Пизу, Сьену и Лукку, флорентийцам показалось, что дела их идут очень плохо.

---

357 [357] Карл IV Богемский (1316–1378) вторгся в Италию в 1355 г. с целью добиться в Риме коронации императором.

В числе приоров в эти времена были Уберто дельи Строцци,³⁵⁸ Сальвино Беккануджи³⁵⁹ и другие их товарищи. Когда они устроили совещание с вызванными на него, в зале собралось большое число граждан, которые искали опоры в словах мудрых людей. Одни говорили, что Карлу придется скоро за неимением денег уйти из Тосканы; другие: «Мы избегли гораздо больших опасностей», и все собравшиеся усердно утешались чесноком. Уберто дельи Строцци, один из приоров, был человеком старым и самым забавным, какой только жил в нашем городе, но в то же время очень бедным; Сальвино Беккануджи был также весьма беден. И вот, когда на совещании с приглашенными членами совета было высказано все, что было нужно, Уберто дельи Строцци поднялся с места и сказал им от имени приоров: «Мудрые члены совещания, выслушав ваши советы и видя, что вы вполне согласны между собой, синьоры обрели в этом величайшее утешение и положили немедленно привести советы эти в исполнение. Как Уберто, я хочу сказать вам одно: не так черен черт, каким его малюют. Пусть император этот пробудет здесь хоть и долгое время; он исчезнет, словно пролетит по воздуху, потому что он беднее Сальвино Беккануджи, нашего товарища, находящегося здесь».

Сальвино был очень стар. Услышав такие слова Уберто, он поднялся, вышел вперед и сказал: «Что ты говоришь? Что ты говоришь обо мне? Как так беден? Я богаче тебя».

И он так разгорячился, что Уберто не мог сделать заключения к своей речи; и потому Уберто сказал: «Сказать правду, так мне не дали говорить. Сальвино прервал мою речь. Открой двери, и ступай с богом!»

Это никак не могло успокоить Сальвино, так как, препираясь с Уберто, он оказался посрамленным. Уберто сказал: «Ах, Сальвино, успокойся ты. Я хотел бы быть настолько богатым, насколько ты один из беднейших людей, каких я знаю».

Сальвино разгорячился еще более. И названный спор продолжался до тех пор, пока собравшиеся не вернулись на заседание и старшина не приказал подать вина и конфет и не заставил помириться обоих бедных синьоров.

В тот же самый день Россо деи Риччи, ставший позднее мессером Россо,³⁶⁰ вернулся после осмотра замков и давал о них отчет и разъяснения перед приорами: «Такому-то замку нужно то-то, а такому – то-то», говорил он; в замок же Фучеккьо,³⁶¹ например, нужно послать три бомбарды». Услышав это, Уберто поднял ногу и громко испустил ветер, прибавив: «Вот тебе одна бомбарда; заставь товарищей дать тебе две другие».

Услышав бомбарду, Россо пожал плечами и вышел вон, говоря: «Хорошей же монетой уплатили мне эти мои синьоры; если бы мне оказали подобную честь и в других случаях, я мог бы весьма порадоваться».

Приоры смеялись до упаду и поругивали сквозь смех Уберто; в особенности Сальвино, который сказал: «Клянусь богом, Уберто...»³⁶² А потом они возвращаются, и, чтобы показать, что они наделали удивительных дел, просят послать бомбарды в Петеччо.³⁶³ Я готов утверждать, что сам Аристотель не ответил бы лучше и что в этом дворце не давалось никогда лучшего ответа на подобный вопрос.

И рассмеявшиеся приоры думали, что Уберто, пожалуй, не совсем неправ; но Россо они

358 [358] Уберто ди Строцца ди Якопо Строцци – приор в 1350 и 1355 гг., советник подеста в 1359 г. В 1373 г. был в числе грандов; о нем упоминается также в 1381 г.

359 [359] Сальвинно ди Симоне ди Рота Беккануджи – гонфалоньер в 1342 г., приор в 1351 и 1355 гг. Его бедность вошла в поговорку.

360 [360] Был много раз приором между 1347 и 1368 гг. Выполнял важнейшие поручения своей страны Был рыцарем и носил титул «мессере» (1362). Умер от чумы в 1383 г.

361 [361] В провинции Пиза, в нескольких километрах от Сан-Миньято.

362 [362] Далее следует несколько отрывочных фраз: «...всех людей за ослов, ты найдешь... который устроит тебе таксе, что ты... Уберто сказал: – „нельзя было обойтись...“ „...обществом развлекаются за счет коммуны“».

363 [363] Саккетти ради шутки переделывает имя Питеччо в Петеччо (слово «рето» значит «ветры»), намекая на поступок Уберто.

заявили, что исполняют то, о чем он им докладывал, и, кроме того, похвалили его за то, что он хорошо сделал свое дело. Уберто же сказал ему: «Не обращай внимания, Россо, на данный тебе мною ответ, потому что вот уже два дня, как меня одолевали рези в животе; так не думай же о случившемся».

На что Россо отвечал, как подобало, и, прощаясь, заметил: «Все, что облегчает Уберто, облегчает и меня, ведь он принадлежит к числу моих синьоров; ибо дурные вещи нужно не задерживать, а отпускать их на все четыре стороны». И с этими словами он ушел с богом.

Новелла 134

Петруччо из Перуджи, которому его священник объявляет, что распятие является его должником, опрокидывает распятие с топором в руках, требуя от него уплаты ста динариев сторицею; в конце концов, ему уплачивают эти деньги

Жил некогда в Перудже некто по имени Петруччо,³⁶⁴ человек совершенно особого нрава, очень странный. Стоя каждое воскресенье у обедни в своем приходе, в церкви, носившей имя св. Агапита, он слышал, как священник, делая сбор, говорил по обычаю: «Centum per unum accipietis et possidebitis vi-tam aeternam»,³⁶⁵ и опускал деньги в кружку, которая была прикреплена к основанию распятия. Продолжая, таким образом, ходить к обедне и жертвовать деньги, Петруччо сказал однажды священнику: «Когда же мы получим ее, эту сторицу, которую вы нам обещаете? И кто нам ее даст?»

На что священник ответил: «Господь наш, распятый здесь на кресте, вернет тебе сторицей в любое время, когда ты захочешь, стоит только этого захотеть. Он получает деньги, как ты видишь, потому что я отдаю ему их все, кладя в эту кружку».

Петруччо сказал тогда: «Если так, то ладно».

Проходит месяц, проходит два. Петруччо все рассчитывал, что господь наш соберется уплатить ему сторицей, но час расплаты не приходил, а он, то есть господь наш, которому даны были деньги для уплаты, не трогался с места. Тогда как-то вечером Петруччо сказал себе: «Должник мой, на которого священник мне неоднократно указывал, не расплачивается со мной; больше я ждать не намерен. Мне следует непременно узнать, заплатит ли мне наконец деньги тот должник, о котором мне столько раз говорил священник».

И он берет топор и отправляется в один прекрасный день в церковь прямо к распятию господя нашего и говорит ему: «Верни мне мои деньги».

Господь наш продолжает стоять неподвижно и безмолвно. Тогда Петруччо говорит: «Ты, кажется, смеешься надо мной; но хуже всего, что ты мне не отвечаешь. Клянусь дырами от твоих гвоздей и твоими кишками, ты должен мне уплатить!» и он ударяет топором по кружке, где находились деньги, так сильно, что разбивает ее, и распятие вместе с деньгами падает на пол.

Увидев, что деньги рассыпались по полу, Петруччо собирает их и говорит: «Вот ты мне не верил; так вот как я отделаю тебя, раз ты мне не платишь. Но я еще не получил всего того, что мне следует», и он ушел, захватив десять лир или около того.

Является в церковь священник. Увидев обломки на полу, он обращается к своей ключнице и говорит ей: «Какой черт был здесь? Кружка разбита, деньги украдены, а распятие на полу, хотя о нем я беспокоюсь мало*».

Ключница ответила на это: «Я видела, как сюда входил Петруччо. Не знаю: может быть, он сделал это».

Священник отправляется тогда к Петруччо и говорит ему: «В церкви у меня, оказывается, проделали такую-то работу, и мне сказали, что ты там был. Не видел ли ты, кто это сделал?».

---

364 [364] Это имя навеяно Саккетти, быть может, именем отца Андреуччо, которого звали Петро (Декамерон, день II, нов. 5).

365 [365] Вам воздастся сторицею, и вы получите вечную жизнь (*лат.*).

Петруччо отвечает на это: «Это сделал я»...

Тогда священник спрашивает его: «Но почему же?»

А Петруччо отвечает ему: «Эта расплата по обещаниям, о которых ты мне говорил, кажется тебе таким странным делом? Ты мне тысячу раз обещал, что я получу сторицей и что тот, кого я повалил на пол, должен мне уплатить, а между тем я никак не мог получить от него деньги, и не получил бы, не сделай я того, что сделал, к не будь у меня топора. Но я скажу тебе, что мне остается получить еще много. Если ты не уладишь дела и я не найду плательщика, то ту штуку, которую я разыграл с ним, я разыграю с тобой».

Священник сказал на это: «Ах, дорогой Петруччо! Ты неправильно понял меня: я говорил тебе, что он воздаст тебе сторицей на том свете».

На что Петруччо ответил: «Ты указываешь мне на то, чего я не знаю? Ведь почему я знаю, что там будет на том свете? И к чему мне там будут деньги? Бобы что ли покупать? Если со мной не расплатятся полностью, ты увидишь, что я с тобой сделаю».

Увидев, что он попался и может, таким образом, потерять прихожан, священник столкнулся с Петруччо и дал ему еще столько же денег, но попросил его никогда больше не жертвовать их. Так тот и сделал.

Таким образом, священник уплатил наличными то, что должен был, по его словам, уплатить на том свете Христос. Случись это и с другими, не пришлось бы говорить: *Centum per unum accipietis* и т. д.

Новелла 136

Маэстро Альберто доказывает, что флорентийские женщины благодаря своей ловкости – лучшие художники в мире, и притом такие, что превращают каждую дьявольскую фигуру в ангельскую и чудесным образом исправляют уродливые и кривые лица

В городе Флоренции, который всегда был богат людьми необыкновенными, жили несколько живописцев и иных мастеров. Находясь за городом в местности, называемой Сан-Миньято а Монте, где они писали и выполняли какую-то работу в церкви,³⁶⁶ после обеда у аббата, за которым плотно поели и хорошо выпили, они стали спорить между собой. Один из них, по имени Орканья,³⁶⁷ бывший главным мастером при известной капелле богоматери, в Орто Сан-Микеле, предложил вопрос: «Кто лучший живописец после Джотто?» По мнению одного, это был Чимабуэ,³⁶⁸ по мнению другого – Стефано,³⁶⁹ третьего – Бернардо,³⁷⁰ четвертого – Буффальмакко.³⁷¹ Кто называл одного, кто другого. Находившийся среди них Таддео Гадди³⁷² сказал: «Было, конечно, много отличных художников, и писали они так, что это казалось не под силу человеческой природе, но мастерство это упало и падает с каждым днем».

На это возразил некто, по имени маэстро Альберто,³⁷³ мастерски высекавший из мрамора:

366 [366] Т. е. в церкви того же названия.

367 [367] Андреа ди Чоне, по прозвищу Орканья (1308–1358), был известным художником, скульптором, архитектором и поэтом. Его лучшее творение – капелла в Ор Сан Микелр.

368 [368] Чимабуэ (1240–1302) – учитель Джотто.

369 [369] Стефано (1301–1350) – ученик Джотто.

370 [370] Бернардо Дадли (1317–1350).

371 [371] Бонамико ди Кристофано, по прозвищу Буффальмакко. Больше известен как шутник и балагур, чем как художник (довольно посредственный). Умер в бедности в 1340 г

372 [372] Таддео Гидди – ученик Джотто, архитектор и художник. Известен с 1334 по 1366 г. Ему принадлежат фрески в церкви Сан-Миньято аль Монте.

373 [373] Альберто Орланди – скульптор, ученик Андреа Пизано. Работал во Флоренции, известен по своим

«А мне кажется, что вы сильно заблуждаетесь, и я докажу вам с полной несомненностью, что никогда еще человеческое искусство не было на такой высоте, как сегодня, в особенности же в живописи, а еще более в изготовлении изображений из живого человеческого тела».

Услышав это, все мастера стали смеяться как сумасшедшие. Тогда Альберто сказал: «Ах! Вы смеетесь, но если вам угодно, я вам это разьясню».

Некто по имени Николаи³⁷⁴ заявил на это: «Ну-ка, разьясни, пожалуйста!»

Альберто ответил ему: «Раз ты хочешь, я это сделаю, только прислушайтесь немного» (ибо все раскудахтались в эту минуту, как курицы), и Альберто стал говорить так: «Я считаю, что лучшим мастером, который когда-либо писал и создавал, был наш господь бог, но мне кажется, что многие разглядели в созданных им фигурах большие недостатки и в настоящее время исправляют их. Кто же эти современные художники, занимающиеся исправлением? Это флорентийские женщины. Существовал ли когда-нибудь, кроме них, художник, который писал бы белым по черному, или из черного сделал бы белое? Случается часто и, пожалуй, даже в большинстве случаев, что родится девица, похожая на жука. Потри ее здесь, подштукатурь там, выставь на солнце и готово – она станет белее лебедя! А разве найдется такой суконщик, шерстобит или живописец, который мог бы из черного сделать белое? Конечно, нет, ибо это противно природе. Если женщина бледна и желта, искусственными красками ее превращают в розу. Ту, которая от болезни и времени кажется высохшей, делают цветущей и свежей. Ни один живописец, не исключая Джотто, не мог бы наложить краски лучше них. Но самое замечательное то, что лицо неправильное, с глазами на выкате, вдруг окажется имеющим глаза сокола; если у кого-нибудь нос кривой, его мигом сделают прямым, ослиные челюсти мигом приведут в порядок; слишком крупные плечи подстругают, если одно из них ниже другого, его приподнимут с помощью ваты, так что плечи будут казаться пропорционально сложенными. Так это делают и с грудью и с бедрами без помощи резца так, как при помощи его не сумел бы сделать и сам Поликтет.³⁷⁵ Говоря короче, я заявляю и утверждаю, что флорентийские женщины – лучшие мастера кисти и резца из всех когда-либо существовавших на свете, ибо совершенно ясно видно, что они доделывают то, чего не доделала природа. И если вы мне не верите, то взгляните на нашу страну, вы не найдете почти ни одной смуглой женщины. И это не потому, чтобы природа создала их всех беленькими. Большинство их превратилось искусственно в беленьких. То, что проделывается с лицом, проделывается и с грудью. Так что всему этому, будь оно от природы прямо, криво, или уродливо, придаются, при помощи разных ухищрений и искусства, прекрасные пропорции. Так вот, если я прав, то пусть дело хвалит мастера».

И, обращаясь ко Есем собравшимся, он спросил: «А вы что скажете на это?»

Тогда все в один голос воскликнули: «Да здравствует мессере, который так хорошо рассудил!»

Покончив с вопросом, они вручили маэстро Альберто жезл и велели принести вина из бочки, которым и угостились превосходно, заявив аббату, что они вернутся все в следующее воскресенье и доложат о своем решении по вопросу, который обсуждали. Таким образом, они все вместе вернулись в следующее воскресенье к аббату, чтобы проделать то, что проделали в этот день, но они принесли...³⁷⁶

Новелла 137

Как флорентийские женщины, не изучавшие и не знавшие законов, одержали некогда верх над неким доктором прав и смутили его с помощью своих законов, нося свои наряды

работам до 1362 г.

374 [374] Николаи – возможно, Николо ди Бельтрамо, который еще с тремя товарищами начал обработку мрамора для колокольни кафедрального собора во Флоренции.

375 [375] Поликлет – знаменитый греческий скульптор V в. до н. э. Поликтет – просторечная форма его имени.

376 [376] На этом месте прерывается авторская рукопись.

В предыдущей новелле было хорошо показано, насколько флорентийские женщины благодаря своей тонкой изворотливости превзошли в искусстве придавать себе известную окраску всех когда-либо существовавших живописцев; они, как дьяволы, меняют вид и становятся ангелами красоты, а также выправляют и приводят в порядок всякие природные недостатки. В настоящей новелле я хочу показать, как закон их восторжествовал над большими учеными и какими величайшими логиками они могут быть, когда они этого захотят.

Не так давно, в бытность мою, писателя, хотя и недостойного человека, приором в нашем городе,³⁷⁷ к нам явился некий правовед по имени мессер Америго дельи Америги из Пезаро,³⁷⁸ человек очень красивый, а кроме того, отличный знаток в своей науке. При появлении своем в приорате он торжественно представился нам и произнес подобающие слова, а затем вошел в палаты. Так как в эту пору был составлен новый закон относительно женских украшений, то через несколько дней после его приезда за ним послали и предложили ему возможно спешно расследовать, насколько исполняются названные правила. Америги обещал это сделать. Вернувшись к себе и рассмотрев правила, он затем в течение нескольких дней рассылал своих подчиненных для производства проверки. Когда нотариус его возвращался, он рассказывал ему о доводах, которые приводили ему те или иные женщины, когда он собирался записать их при встрече. Нотариус, казалось при этом, был как бы вне себя; мессер же Америго записывал и внимательно рассматривал отчеты своего нотариуса.

Случилось так, что несколько граждан, видя, что женщины носят то, что им хочется, без всякого ограничения, и зная в то же время об издании закона, а равным образом и о появлении нового должностного лица, отправили от себя представителей к синьорам для оповещения их о том, что новый человек настолько хорошо исполняет свои обязанности, что в платье женщин, которое они носят теперь, оказывается, никогда нет никаких злоупотреблений. Синьоры послали за названным должностным лицом и сказали ему, что они изумляются небрежности, с какою он блюдет правила относительно женщин. На это мессер Америго ответил следующим образом: «Синьоры, всю свою жизнь я предавался науке, с тем, чтобы изучить право. И теперь, когда я полагал, что кое-что знаю, я вижу, что не знаю ничего; ибо, расследуя дела об украшениях, запрещенных вашим женщинам на основании переданных вами мне правил, я убедился, что таких доводов, какие приводят они, я не встречал никогда ни в одном законе. Я хочу, привести вам, между прочим, некоторые из них. У одной женщины фоджа разрезана на мелкие части и обернута вокруг капюшона. Мой нотариус обращается к ней: „Назовите мне ваше имя: у вас разрезная фоджа“. Женщина снимает фоджу, приколотую к капюшону булавкой, берет ее в руки и говорит, что это – венок. Нотариус идет дальше: видит другую, у которой платье украшено множеством пуговиц. Ей говорят: „Вы не имеете права носить эти пуговицы“. Женщина отвечает: „Нет, мессер, имею: это не пуговицы, а чашечки;³⁷⁹ а если вы мне не верите, посмотрите: у них нет ножки, а кроме того, здесь нет ни одной петли“. Нотариус подходит к третьей женщине, которая носит горностаевый мех, и говорит ей: „Что вы возразите? Вы носите горностаи“, и он собирается записать ее. Женщина говорит тогда: „Не записывайте, нет: это не горностаи; это шкурка сосунка“. Нотариус спрашивает ее: „Что это такое за сосунок?“ На что женщина отвечает: „Это животное“. И нотариус подобно животному... Часто попадают женщины с...»³⁸⁰

Один из синьоров сказал: «Мы пытаемся лбом прошибить стенку».

Другой заметил: «Лучше заняться более важными делами».

Третий заявил: «Кто ищет чего плохого, – на здоровье».

---

377 [377] В марте – апреле 1384 г.

378 [378] Здесь, как и в других новеллах, сказывается любовь Саккетти к исторической документации. Об Америги можно было черпать факты из уголовных актов.

379 [379] Пуговицы в форме чашечек.

380 [380] Здесь имеется пропуск в рукописи. Видимо, речь шла о четвертом женском украшении, которое было названо неопределенно – «безделушки».

Наконец кто-то сказал: «Я хочу напомнить вам, что римляне ничего не могли поделать со своими женщинами, хотя они и покорили весь мир. Чтобы заставить отменить правила относительно женских украшений, они побежали на Капитолий и победили римлян». Они получили то, чего хотели, и в такой мере, что Коппо дель Боргезе, согласно одной из новелл этой книги, чуть с ума не сошел, читая рассказ об этом у Тита Ливия.³⁸¹ И так после ссылок то на то, то на другое весь приорат сказал мессеру Америго, чтобы он поостерегся делать то, что было бы очень хорошо проделать, но оставил бы это недоделанным. И это было сказано в такой час, в такую минуту, что с той поры доньне ни одно должностное лицо не ставило своей обязанностью или не давало себе труда..., предоставляя свободу венкам, заменившим разрезные фоджи, чашечкам, сосудикам и безделушкам. Потому-то житель Фриуля и говорит: «Чего хочет женщина, хочет синьор, а чего хочет синьор – сам черт не разберет».

Новелла 140

Трое слепых странствуют вместе и решают делить всю выручку между собою поровну. Но в Санта-Гонда у них происходит такая ссора, что они избивают не только друг друга, но достается и хозяину с женою, которые пытаются их разнять

В приходе св. Лаврентия, около Санта-Орсола,³⁸² в городе Флоренции, жило несколько слепых из тех, что собирают милостыню. Вставали они очень рано поутру и шли кто к Нунциате,³⁸³ кто к Орто Сан-Микелэ, а кто распевать по соседним деревьям. Они часто сговаривались собираться на обед после утренних странствий у Колокольни св. Лаврентия, где жил один трактирщик, который всегда давал их братии и поесть и выпить.

Однажды утром, когда двое из слепых, пообедав, сидели за столом, один из них, рассуждая об их достоянии и бедности, сказал: «Я ослеп, пожалуй, лет двенадцать тому назад и заработал, пожалуй, тысячу лир».

Другой ответил на это: «Ах, я несчастный! Я ослеп так недавно, что не успел заработать и двухсот лир».

Товарищ его спросил: «Сколько же лет, как ты ослеп?»

Тот ответил: «Да, пожалуй, три года».

Тут подошел третий слепой, которого звали Ладзеро да Корнето³⁸⁴ и, приветствуя их, сказал: «Бог помощь, братья мои!»

А те спросили: «Кто ты такой?»

Он ответил: «Я хожу впотьмах, как и вы», и продолжал: «А о чем у вас речь?»

Тогда слепцы рассказали ему, сколько времени они собирают милостыню.

На что Ладзеро сказал: «Я родился слепым и мне сорок семь лет. Если бы я сберег деньги, которые собрал, я был бы самым богатым слепцом в Маремме».

«Да, – сказал на это ослепший три года назад, – все, кого я встречаю, в лучшем положении, чем я».

Когда они втроем побеседовали таким образом, последний слепой и говорит: «Оставим-ка разговоры о прошедших годах и давайте лучше соединимся втроем и все, что мы выручим, пусть будет у нас общим. Когда мы отправимся собирать, го выйдем вместе, возьмемся за руки и, если нас нужно будет водить, заведем поводыря».

Все согласились, за столом ударили по рукам и поклялись держаться вместе. Затем, когда они пробыли, таким образом, некоторое время во Флоренции, некий человек, который слышал,

---

381 [381] Ср. нов. 66.

382 [382] Церковь св. Урсулы находилась севернее нынешней церкви св. Лаврентия.

383 [383] Аннунциата деи Серви – см. нов. 76.

384 [384] Корнето – большой замок неподалеку от Чивитавеки.

как о «и заключали между собой договор, повстречал их однажды в среду у ворот св. Лаврентия и дал одному из них кватрин,³⁸⁵ сказав: «Разделите между собой этот гроссо».³⁸⁶ И в дальнейшем человек этот, встречая их вместе на различных праздниках, всякий раз подавал им кватрин, говоря: «Поделите все трое между собой этот гроссо».

Тот слепой, который несколько раз получал милостыню, сказал: «Черт побери, он подал нам гроссо, но мне он кажется не больше кватрина».

Тут другие заметили на это: «Не вздумай обманывать нас!»

Тот ответил: «Как же я могу вас надуть? То, что мне дают, я кладу в карман; так же поступаете и вы».

На это Ладзеро сказал: «Братья, честность – это великое дело!»

На этом и кончили, и каждый собирал милостыню, а в конце недели они порешили между собой складывать вырученное вместе и делить на три равные части.

Через три дня после того, как это произошло, наступил праздник Успения, и поэтому они решили по своему обычаю пойти на праздник божьей матери в Пизу. Идя на поводу у собак, державших в зубах, как это обыкновенно делается, чашки для подаяния, они пустились в путь, распевая «Интермерату»,³⁸⁷ и в одну прекрасную субботу добрались, таким образом, до Санта-Гонда.³⁸⁸ Это был как раз тот день, в какой они подсчитывали свою выручку. Они зашли на постоялый двор, где обычно ночевали, и попросили хозяина дать им комнату на троих, чтобы ночью произвести свои расчеты; и хозяин дал им ее. Слепые вошли, держа собак на привязи. Когда пришла пора лечь спать в этой комнате, то один из слепых, по имени Сальвадоре, спросил: «В котором часу хотите вы произвести наш дележ?»

Решили подождать, пока хозяин и его семья лягут спать. Когда этот час настал, то третий слепой, по имени Грация (это был тот, который был меньше времени слепым), говорит: «Пусть каждый из нас сядет и подсчитает у себя на коленях собранные им деньги, а потом мы произведем расчет, и тот, у которого будет больше, отдаст часть тому, у которого будет меньше».

Все согласились, и каждый начал считать. Когда они подсчитали деньги, Ладзеро говорит: «По моему подсчету, у меня три лиры, пять сольдо и четыре динария».

Сальвадоре заявляет тогда: «А я насчитал у себя три лиры и два динария».

Грация прибавил: «Ну, ладно, а у меня как раз ровно сорок семь сольдо».

Тогда двое других говорят: «Что же это значит, черт возьми?»

Грация отвечает: «Я не знаю».

«Как не знаешь? У тебя должно быть несколькими серебряными гроссо больше, чем у нас, а ты тут морочишь нам голову. Тебе бы водить компанию с волками! Хоть тебя и зовут Грация, но для нас ты „дисграция“».³⁸⁹

А тот отвечает: «Не знаю, я никакая не дисграция. Когда тот человек говорил, что дает нам гроссо, мне казалось, что это кватрин, но какая бы это ни была монета, я, как вам говорил, опускал ее в карман и больше ничего не знаю. Я всюду и при всяких обстоятельствах буду честным человеком, а вы из меня делаете обманщика и грабителя».

Сальвадоре говорит: «А ты и есть таков, потому что ты крадешь у нас наше добро».

– «Ты бессовестно лжешь».

– «Нет, ты».

– «Нет, ты!» И они схватываются и начинают бить друг друга кулаками, а деньги падают на пол.

Ладзеро, услышав, что началась потасовка, хватает палку и бросается на них, чтобы их

385 [385] Кватрино равняется 4 динариям.

386 [386] Гроссо – серебряная монета, равная 6 сольдо и 8 динариям.

387 [387] Интемерата – молитва в честь богородицы.

388 [388] Санта-Гонда – небольшой монастырь в долине реки Арно.

389 [389] Грация – благодать, милость; дисграция – несчастье; здесь обычная для Саккетти игра слов.

разнять. Когда они почувствовали на себе удары, то взялись за свои палки и начали драться, а деньги их все попадали на пол. Они кричали, работали палками, а собаки их громко лаяли и вцеплялись зубами в полы платья то одного, то другого. Слепцы, размахивая палками, иногда попадали по собакам, и те выли. Получалось что-то вроде турнира.

Хозяин, который спал внизу, поднимается вместе со своей женой и говорит: «Что там, дьяволы, что ли, завелись над нами?»

Они встают и тот и другой, берут свет, поднимаются наверх и говорят: «Откройте нам!»

Слепцы, которые были опьянены сражением, так же хорошо слышали, как и видели. Хозяин высадил дверь и, открыв ее, вошел в комнату. Желая разнять слепых, он получил в лицо удар палкой, после чего схватил одного из слепых и повалил на землю. «Черт бы вас побрал! Чтоб вам погибнуть от меча!» И, схватив свою палку, он угостил всех по порядку, приговаривая: «Вон из моего дома!»

Жена хозяина приблизилась к нему и визжала, как это делают женщины; тут одна из собак схватила ее за край юбки и вырвала из нее столько, сколько ухватила зубами.

Наконец, когда все, запыхавшись, изрядно исколотили друг друга, причем один упал здесь, другой там, Ладзеро говорит: «Хозяин, я умираю!»

А тот отвечает: «Туда тебе и дорога, сейчас же убирайтесь из моего дома!»

А слепые стонут: «Горе нам, хозяин! Погляди, в каком мы виде (а лица у них в крови и в синяках). И, что еще хуже, деньги наши все рассыпались».

Тогда хозяин отвечает: «Какие деньги? Чтобы вам погибнуть от меча! Вы мне чуть не вышибли глаз!»

Ладзеро говорит: «Прости нас. Ведь мы ничего не видим».

– «А я вам говорю: убирайтесь вон!»

А те просят: «Подбери наши деньги, и мы сделаем все, что ты хочешь».

Хозяин собрал деньги, не вернув им и половины, и сказал: «Здесь около пяти лир. За постой вы мне должны две, остается три лиры. Я поднимусь к викарию и попрошу его рассудить, сколько вы мне должны за ранение и жене моей за изорванную вашими собаками юбку».

Когда слепцы услышали это, то все в один голос закричали: «Друг ты наш, возьми от нас все, что мы имеем, и мы уйдем с богом».

Хозяин сказал на это: «Ну, ладно. Я, однако, не уверен, что не потеряю глаза. Дайте мне столько, чтобы я мог его полечить, а жене моей возместите убытки за юбку, которая стоит семь лир».

Словом, слепые отдали трактирщику все оставшиеся деньги, которых было девять лир и два сольдо, да еще столько же из тех, что были у них в карманах. Итак, попросив хозяина простить их, избитые палками, они ушли ночью – кто хромяя, кто с распухшим лицом, кто с искалеченной рукой, страшно напуганные, а утром добрались до окрестностей Пизы. Когда они дошли до находящейся подле Марки гостиницы, они стали осыпать, друг друга упреками, и хозяин, увидав их окровавленными и истерзанными, изумился и спросил: «Кто это вас так отделал?»

А они отвечают: «Не вмешивайся в чужие дела!» И каждый спросил себе по осьмушке вина больше для того, чтобы умыть раны, чем для того, чтобы выпить.

И сделав это, Грация сказал: «Знаете, что я вам скажу? Ваши дело я исполнял добросовестно, как и свои, я никогда не был ни грабителем, ни обманщиком. Хорошо же вы мне за это оплатили! Пострадали и тело мое и карман. Но чем меньше времени длится глупость, тем лучше, и я поступлю, как тот, который говорит: „Раз, два, три, я ухожу – просги!“ Мне больше с вами нечего делать, и пусть хозяин будет тому свидетелем».

Оставшиеся сказали тогда: «Тебя зовут Грация, но пускай бог даст тебе столько счастья, сколько ты дал его нам».

И он ушел один в Пизу, а Ладзеро и Сальвадоре побрели на праздник со своим горем.

А так как они не только были слепыми, но и почти изувеченными, вследствие палочных ударов, то в Пизе им в три раза больше подавали милостыни. Поэтому каждый из них не только не хотел отдохнуть от палочных ударов, но готов был принять их еще ради той пользы, которая для них от этого получилась.

Новелла 141

Как к одному правителю явилась с жалобой женщина с тремя глухими и как он неожиданным и забавным образом положил конец этой тяжбе

Предыдущая новелла о трех слепых побуждает меня, писателя, рассказать другую – о случае, происшедшем с моим другом, самым близким из всех, какие у меня когда-либо были.³⁹⁰ И как в той речи идет о трех слепых, так эта повествует о трех глухих.

Итак, друг мой был подеста в городе, находящемся от нас не более чем в двадцати пяти милях. Под конец срока его службы, когда на его место был уже назначен новый подеста, человек совершенно глухой, ему пришлось разбирать одно дело. Старому подеста глухота нового была известна, потому что, когда звонил самый большой из трех колоколов во Флоренции то соседи, видя, что он не слышит звона и что его могут взять полицейские служители, делали ему знак, поднимая пальцы кверху, чтобы он шел домой. Таким образом, все знали, что через месяц вступит в должность глухой подеста.

И вот однажды к моему другу подеста пришла женщина со своим братом и стала жаловаться ему: «Мессер подеста, я обращаюсь к богу и к вам, потому что один из моих соседей, не имея на то никакого права, учинил мне зло; через задворки глухим проулком пробрался он на мою землю и испортил и поломал смоковницу, что растет у меня в саду. А поэтому как он учинил это безо всякого права, я прошу вас принудить его возместить мне убыток по праву и справедливости».

Слушая женщину, подеста чуть не рассмеялся, но сдержал себя. Она же продолжала: «И этот вот брат мой должен получить с него за четыре работы и пеню за осла, которого он ему испортил, не говоря вам дурного слова».

Подеста спросил брата, правда ли то, что говорит женщина. На это брат отвечал: «Мессер подеста, я ничего не слышу; сестра моя рассказала вам, в чем дело».

Подеста позвал пристава и велел ему вызвать на следующее утро того, кто испортил будто бы смоковницу. На следующее утро к подеста явились и женщина, и брат ее, и ответчик. Подеста говорит женщине: «Чего ты требуешь от него, милая?»

А женщина отвечает на это, что требует суда по поводу своей смоковницы и по поводу брата, потому что он глупый глухарь. После того, как она сказала свое, подеста говорит другой стороне: «Правда то, что говорит эта женщина?»

Ответчик вертит ушами и отвечает: «Мессер подеста, я плохо слышу».

Кто-то из стоящих рядом говорит подеста, что он не слышит, а затем, наклонившись над самым ухом ответчика, кричит ему громко: «Подеста спрашивает, правда ли это?»

Тогда тот отвечает: «Я не знаю, о чем мне отвечать».

На это женщина замечает: «Он притворяется. Он, правда, глуховат, но, когда хочет слышать, слышит хорошо».

Желая избавиться от лишнего труда и учитывая, что истцы были родственники, подеста предложил женщине передать дело на усмотрение третейского судьи из их друзей и то же самое велел прокричать в ухо ответчику. Словом, они позвали такого человека, и подеста велел им сказать, и третейскому судье, и сторонам, чтобы они на следующий день пришли к нему. Когда они на следующий день предстали перед ним, он сказал им, что, ознакомившись с делом, они должны закончить его в три дня, иначе он взыщет с них двадцать пять лир. Третейский судья стоял все время словно деревянный. Короче говоря, если стороны были туги на ухо, то судья был почти совсем глух. При этом присутствовало много крестьян, и со всех сторон раздавался смех. Тогда подеста сказал: «Кроме тебя, моя милая, здесь нет никого, кто бы не был глух. А потому я говорю тебе, что хочу вынести приговор по этому делу».

Рассчитав в ту же минуту, что жалоба ее по поводу порчи смоковницы будет разрешена в

---

390 [390] Саккетти придает своему рассказу видимость истинного происшествия.

ее пользу, женщина сказала:

– «Ради бога, прошу вас об этом».

– «Приговор, который я выношу, состоит в следующем. Имея в виду, что обе тяжущиеся стороны глухи и, избранный вами третейский судья также глух, я же не могу понять вас и не умею говорить знаками; принимая в соображение, что новый подеста явится сюда через месяц, я предоставляю ему разрешить вашу тяжбу».

Женщина, у которой слух был в порядке, скрестила руки и стала просить подеста покончить с ее делом, чтобы ей не ждать так долго решения по поводу смоковницы. Но подеста сказал ей: «Донна, как я сказал, так я и постановлю. Ступай в добрый час».

Женщина и глухари разошлись по домам; а те, кто находились при этом, выслушав постановление, отлично поняли, что подеста хотел им сказать.

Смысл же этого состоял в том, чтобы все трое, так как они глухи, ждали глухого подеста: пусть он, знающий обычаи глухих, закончит эту тяжбу по-глухому, как и следует заканчивать дела между глухими.

Новелла 142

Некий шут из Казентино уязвляет скупца ловким ответом и заставляет его пожалеть о своей неудаче

Аньоло Моронти, прозванный Аньоло Печальным, был веселым казентинским шутком.³⁹¹ Однажды, когда он проводил рождественские праздники у графа Руберто,³⁹² там же находился некий весьма богатый флорентиец, очень забавлявшийся выходками и нравом названного Аньоло. Когда гости уходили с праздника и прощались друг с другом, Аньоло взял за руки богатого флорентийца, а флорентиец его, Аньоло, вероятно для того, чтобы получить от него что-либо, как это делают люди, ему подобные. Флорентиец сказал: «Дорогой Аньоло, я очень рад, что познакомился с тобой, потому что никогда не видал такого забавного человека, как ты, и я охотно сделал бы для тебя что-нибудь приятное, но не могу, потому что у меня здесь только самое необходимое: со мной мало платья и еще меньше денег. Если же ты явишься во Флоренцию, то не будешь мне больше другом, если не придешь прямо ко мне на дом. Тогда я смогу дать тебе не только то, чего ты заслуживаешь, но и то, что явится залогом нашей дружбы, а именно: отныне впредь считай всегда мой дом своим».

Аньоло, который, подобно людям вроде него, не пренебрегал такими предложениями, с благодарностью принял приглашение флорентийца и через некоторое время, как человек памятный, решил отправиться во Флоренцию на ближайший же праздник Иоанна Крестителя и прямо в дом, куда его звали. Так он и сделал. Прибыв во Флоренцию, он тотчас верхом на лошади направился к тому, чей дом как будто был полная чаша. Он справился о хозяине, и жена его ответила, что мужа нет дома, но что он, должно быть, находится там на углу в веселой кампании. Услышав это, Аньоло сошел с лошади, привязал ее к крюку на улице, пошел в то место, которое указала ему женщина, и застал там за столом своего друга. Когда Аньоло с радостным лицом направился к сидевшему флорентийцу, то тот сделал вид, будто никогда не видал его. Заметив это, Аньоло подумал про себя: «Мне приснился, должно быть, дурной сон» и сказал: «Я приехал посмотреть на праздник и хотел сдержать данное тебе обещание. Я был в твоём доме и привязал лошадь на улице. Мне хотелось бы поставить ее в конюшню».

На что флорентиец ответил ему: «Ведь вот какая беда: моя конюшня набита битком. Ко мне пришли недавно погонщики с навьюченными осликами и поставили их туда. В ней не найдется места и для собаки».

Аньоло очень быстро спросил его: «А ты что здесь делаешь?»

Флорентиец ответил ему на это: «Да вот сию здесь, как ты видишь».

391 [391] Об этом персонаже нет никаких сведений.

392 [392] Граф Руберто – видимо, граф Роберто да Баттифолле (умер в 1400 г.) из рода(графов Гвиди.

Тогда Аньоло сказал: «Не сидел бы ты здесь, если бы знал, что тебе предстоит заработать более пятисот флоринов».

Тогда тот спросил его: «Как так?»

А Аньоло ответил ему: «Мне-то это хорошо известно».

– «Ну как, скажи, скажи!»

Так Аньоло и не дал ему проглотить этого куска, и тот никак не мог выкинуть из головы мысли о пятистах флоринах, которые ему не достались, и после этого менее чем через два месяца умер; а между тем Аньоло сказал это в шутку, чтобы озадачить его. Лучше было бы флорентийцу обойтись с ним любезнее и не ставить у себя в конюшне ослов, принадлежавших погонщикам, которых при этом, может быть, и вовсе не было.

Таким образом, Аньоло вернулся в Казентино и не попал на праздник, как он рассчитывал, но зато, может быть, не плохо поздравил того, кто был причиной его неудачи.

Новелла 143

Приходский священник из Сеттимо осмеян, потому что некий незаконнорожденный при встрече с ним доказывает ему в забавных словах, что и он – мул

В предыдущем рассказе показано, как пренебрежительно отнеслись к одному человеку, приравняв его к ослу; в настоящем же рассказе, который последует сейчас, будет показано, как другой человек от сравнения его с мулом почувствовал себя осмеянным в такой степени, что стал навсегда врагом того, кто сделал это сравнение.

Итак, очень недавно существовал, да и теперь еще существует, некий большой шутник, и в такой же мере бедняк, живший постоянно вместе со своей семьей в замке Пульчи,³⁹³ как один из ближних людей. Он был незаконнорожденным и безо всякого смущения говорил об этом сам то в одной, то в другой форме, когда ему казалось, что это забавляет собеседника. В ту пору, когда флорентийская коммуна воевала с римской церковью,³⁹⁴ человек этот, которого звали Иннаморато, отправился однажды по каким-то своим делам во Флоренцию и на пути увидел случайно, что происходит, как это часто бывает во время войны, набор животных, то есть мулов и ослов, для отправки продовольствия. Возвращаясь в замок по окончании своих дел, он встретил на дороге, ведущей в Сеттимо,³⁹⁵ священника этого прихода, также незаконнорожденного по происхождению, направляющегося во Флоренцию. Поздоровавшись с Иннаморато, священник спросил его, что нового в городе. Иннаморато ответил на это: «А вы туда идете?»

Священник сказал: «Ну, да. Мне нужно купить кое-что необходимое».

Иннаморато продолжал тогда: «Я вот тоже ходил по своим делам. Но когда я подошел к воротам, там забирали всех мулов для отправки куда-то. Поэтому я повернул и пошел обратно, чтобы и меня не взяли. А вы что сделаете, мессере?»

При этих словах священник тысячу раз изменился в лице, как человек не совсем безупречного происхождения, и сказал: «Ах, чтоб тебе плохая пасха! Ты негодяй!»

А Иннаморато заметил на это: «Ох, не сердитесь на это; ведь вот и я не сержусь».

Тогда священник сказал: «Что же ты хочешь сравнять мое сословие со своим?»

На что Иннаморато ответил: «Там сословие или пустословие, как хотите,³⁹⁶ а только что касается рождения, то родимся мы на свет на один лад, и я-то считаю вас старшим братом».

Долго и много грозился и ворчал после этого священник, и много лет не говорил больше с

---

393 [393] В долине реки Арно, на дороге из Флоренции в Пизу

394 [394] В 1375–1378 гг.

395 [395] В 5 км к западу от Флоренции.

396 [396] Игра слов: священник говорит о сословии («стато»), в то время как Иннаморато все твердит про лето («стате»). В русском переводе сохранен стилиевой оборот, использованный Саккетти.

Иннаморато, который не обращал на это никакого внимания; рассказывая же об этом случае в деревне и в городе, он потешал многих, кто его слушал.

Новелла 144

При помощи небывалой и грязной шутки Стекки и Мартеллино в присутствии мессера Мастино выбрасывают нижней частью тела много грязи или разбавленных извержений и окатывают ими с головы до ног двух генуэзцев, одетых в богатое платье

В то время, как колесо Фортуны подняло мессера Мастино в городе Вероне на высшую точку,³⁹⁷ он устроил однажды какой-то праздник, на который, как это всегда бывает, стеклись все шуты Италии, чтобы заработать денег и заставить воду литься на их мельницу. Во время праздника пришло туда двое генуэзцев, очень лощенных и пропитанных, как это у них в обычае, мускусом, а сверх того, очень забавных людей, полушутов, проделывавших часто разные шутки на потеху синьоров. Среди других таких же потешников, бывших на празднике, находились некто по имени Мартеллино и некто по имени Стекки,³⁹⁸ самые забавные шуты, каких только могла создать природа. Видя, насколько оба эти генуэзца мнили себя великими мастерами и какими разряженными они ходили, похваляясь, – один: «Я бы сделал», другой: «Я бы сказал...» Стекки и Мартеллино заявили им: «Мессер Преццивалле (ибо так звали одного из них; другого же – Дзатино),³⁹⁹ мы хотим проделать одну вещь, которая покажется вам, может быть, странной: я, Стекки, опорожнюсь так, что получится всего с просяное зерно, не более и не менее».

На это генуэзцы ответили: «Клянусь господней кровью, это невозможно».

Стекки заметил на это: «Вот увидите, возможно или нет».

Во время этого спора подошел к ним Мастино и, послушав их, спросил: «О чем вы спорите?»

Ему разъяснили. Тогда синьор, – а синьоры всегда охочи до необыкновенных вещей, – сказал: «Я хочу посмотреть на это».

На что Стекки заявил: «Попробуем».

А мессер Мастино прибавил: «Приготовьтесь и устраивайтесь в зале».

Тогда Стекки сказал: «Велите принести весы и положите на них просяное зерно, чтобы каждый мог проверить опыт; но пусть эти благородные генуэзцы видят его так, чтобы у них не было сомнений».

Генуэзцы ответили: «И мы хотим видеть его и взвесить то, что получится: вы думаете издеваться над нами, плуты?»

Тогда Стекки сказал: «Отыщите же весы и просяное зерно, а мы с Мартеллино пойдем сперва к себе в комнату, а потом вернемся в залу». Так и было сделано.

Мессер Мастино сел в зале на свое место и стал ждать ответа вместе со всеми своими придворными. Генуэзцы явились с весами и с зернышком проса. Стекки отправился вместе с Мартеллино и, приставив к выходному отверстию сосуд с водой (как он это делал, по-видимому, всегда, когда этого хотел), втянул через седалищную свою часть всю воду в живот и в таком наполненном виде предстал в зале. Затем он спросил синьора, где бы он хотел, чтобы эта штука была проделана. Мессер Мастино сказал: «Там, где это было бы видно прежде всего мне, а затем уж и всем прочим».

Тогда посреди залы стал Стекки, спустив штаны и приподняв нижнюю часть туловища, а с другой стороны стали генуэзцы с весами и зернышком проса, и, был разостлан небольшой плащ, на который нужно было принять нужную крупицу в ту минуту, когда Стекки скажет, что

---

397 [397] Мастино делла Скала достиг вершин успеха в 1336 г.

398 [398] Персонаж из «Декамерона» (день II, нов. 1).

399 [399] Эти имена изобретены Саккетти.

дает ее. Стекки натужился, сделал вид, что начинает, и сказал генуэзцам: «Станьте поближе, так чтобы не упустить из виду эту крупицу и рассмотреть ее».

Стоя один с одной, другой с другой стороны, генуэзцы сказали: «Делай только свое дело. Мы следим внимательно, так что если из тебя выйдет хоть чуточка, мы ее увидим».

Мартеллино держал штаны и, сколько мог, побуждал генуэзцев приблизить лицо к сферам. Когда же они сделали это, насколько хотели, Стекки открыл шлюз и обдал их лица втянутой в себя водой, только с придатком еще некоторого количества грязи, так как в воде имелось и несколько драхм извержений, причем вода устремилась, словно из мельничного желоба, так что мимо генуэзцев не прошло ни капли, ибо она потекла по их лицам и их платью, и даже по весам. Видя себя в таком печальном положении, они направились в свою комнату, говоря: «Вот несчастье! Это два каких-то негодяя: так испачкать нас в присутствии синьора!»

Синьор же и все присутствовавшие в зале чуть не плакали от смеха. И синьор приказал послать к генуэзцам человека, который выстирал бы их платья и вымыл бы их самих хорошенько, и передать им, что он подвергнет виновных строгому наказанию. Однако, хотя их самих и вымыли, насколько это было возможно, платье их не могло быть вымыто так скоро, и надеть его было невозможно, а потому им пришлось послать к мессеру Мастино и просить у него платья для обоих; иначе им пришлось бы лежать в постели, так как им нечего было надеть. Поэтому синьор послал им обоим платье. Как только Мартеллино услышал о том, что синьор дал обоим генуэзцам платье, он послал к синьору просить, чтобы тот дал платье и ему, потому что его собственное было совершенно испачкано брызгами этой горчицы. Синьор ответил на эту просьбу: «Дать ему платье! Чтоб у них червь завелся в голове. Мне приходится одевать того, кто мне испакостил мой двор».

Когда Стекки вернулся к себе в комнату, а вместе с ним и Мартеллино, которому в присутствии Стекки было передано платье, то Стекки, видя, что генуэзцы и Мартеллино получили платье за то, что были перепачканы, сказал: «Ах, я несчастный! Лучше бы и меня окатили этой мерзостью, тогда бы и я выслужил что-нибудь у синьора».

После того, как генуэзцы появились перед синьором в подаренном им платье, они стали жаловаться ему на злого невежу, опозорившего их своей грубой шуткой, и просили наказать его так, чтобы другие не занимались никогда такими глупостями. Мартеллино, находившийся неподалеку, слышал, что они говорили синьору. Он отправился к Стекки и рассказал ему слышанное.

Тогда Стекки сказал: «Ладно. Знаешь, что надо сделать? Я лягу в постель и скажу, что умираю от того, что произошло, так как из меня выходят все потроха. А ты поищи-ка там в моей сумке мой шелковый колпак, который в ней лежит, и дай его мне. Я его засуну себе пониже туловища, так чтобы концы завязок торчали наружу, а ты разыграешь шутку. Увидев меня в таком положении, генуэзцы будут довольны, а синьор подарит мне, быть может, какое-нибудь платье, потому что он подарил его другим, а мне не дал ничего. Так ступай к синьору и скажи ему, что мне очень плохо, что оттого, что я очень сдерживался, чтобы выпустить добра ровно с просяное зернышко и не больше, у меня нутро оборвалось и, как видно, выходит самосильно наружу, так что потроха мои быстро спустились и лезут из тела, и часть их уже видна снаружи; и что если вы, мол, хотите убедиться а этом воочию, то он покажет и вам, и генуэзцам, и всем другим».

С этим наказом Мартеллино уходит и отправляется к мессеру Мастино, у которого находились в это время и генуэзцы. Он говорит ему: «Синьор мой, Стекки очень плох оттого, что он сильно сдерживался, чтобы выпустить из себя добра только с просяное зернышко, нутро у него оборвалось, как видно, и скоро из него вылезут все потроха. Он хочет показать это в точности, чтобы эти благородные генуэзцы не думали, что он показывает то, что произошло случайно».

Мессер Мастино, знавший по прошлому, кто такой Стекки, сказал на это: «Хоть бы он умер, этот грязный мошенник, который обмарал им все их платье. Конечно, я хочу видеть, как у него кишки из тела выходят». И, взяв генуэзцев за руки, повел их в залу, а сам, став в сторонке, приказал сказать Стекки, чтобы тот немедленно же явился в залу. Мартеллино тотчас пошел к нему, привел его в такой вид, что он сделался бледен, как мертвец, и, поддерживая его, как будто он не мог двигаться самостоятельно, ввел в залу, где он, еле дыша, раскланялся перед

синьором, говоря: «Синьор мой, мне худо».

Синьор сказал на это: «Поделом тебе, раз ты проделываешь у меня при дворе такие гадости»

На это Стекки ответил: «Мне очень больно, и, если вы мне не верите, я покажу вам».

В присутствии генуэзцев синьор сказал на это: «Показывай, что тебе угодно: я хочу видеть остатки твоих гнусностей».

Мартеллино берет скамеечку, Стекки, поглядывая исподлобья, направляется к ней, поворачивается задом к синьору и ко всему обществу. Когда Мартеллино поднял его платье и спустил ему штаны, то все увидели белую полосу, выходящую из центра этой чахлой и темной луны и напоминавшую кишку. Взяв ее в руку, Мартеллино сказал: «Смотрите, синьор, какое несчастье постигло вашего слугу Стекки Желая потешить явившихся к вашему двору, он сам настолько испортил себя, что, пожалуй, не выживет до вечера».

И он стал вытягивать ленту, которую каждый принимал за кишку. В то время, как Мартеллино тянул ее, Стекки кричал: «Ой, ой!», жалуясь на боль, сколько мог.

И вот, после того как Мартеллино вытянул мало-помалу всю ленту, а Стекки все продолжал завывать, показался, наконец, колпак. Тогда Стекки закричал изо всей мочи: «Ой, ой! Из меня выходит желудок!»

Большая часть общества была уверена в этом. Когда Мартеллино вытащил его почти до конца и Стекки казался совершенно мертвым, кто-то крикнул: «Эй, помогите! Пусть он умрет в кровати».

Многие подбежали, чтобы помочь; генуэзцы же сказали: «Мессер Мартеллино, дайте-ка нам взглянуть на этот желудок». Мартеллино, сунув колпак себе в карман, заявил: «Ах, я отправил его для погребения в святом месте».

Тогда генуэзцы спросили: «Что ж вы, в церковь отправляете останки подобного рода?»

На это Мартеллино ответил: «Так велел делать папа».

Поутру, когда Стекки все еще лежал – в кровати, Мартеллино отправился в мясную лавку, купил там свиной желудок и отнес его к себе, не прикрывая, так чтобы каждый его видел. Предшествуемый врачом, хорошо посвященным во все это дело, и человеком, которого всюду считали величайшим лекарем по тяжелым болезням, он пришел затем к Стекки, давая понять всем, что они хотят вставить Стекки новый желудок. Те, кто поверил ему, были поражены; тем же, кто догадывались о проделке, шутка эта настолько понравилась, что они чуть не лопнули от смеха. Войдя в комнату, где находился несчастный Стекки, врач и Мартеллино постояли некоторое время, рассказывая о самых необычайных случаях в жизни, и затем решили, что на следующий день Стекки встанет с постели здоровым и веселым, со свиным желудком, вставленным ему вместо его собственного, и будет расхваливать прекрасное лечение врача. Когда тот вышел из комнаты, все воззрились на него, и многие спрашивали, как поживает Стекки, на что врач им отвечал: «Хорошо. Я полагаю, что завтра он выйдет из комнаты, так как я вставил ему свиной желудок, и он уже пользуется им, как пользовался своим собственным, или даже лучше».

Тогда люди стали еще больше в тупик.

На следующее утро Стекки, как будто еще с трудом дыша, появился при дворе, и каждый с изумлением глядел на него в упор. На третий же день он представился синьору, который, лукаво улыбаясь, сказал ему: «Ах! Я думал, что тебя уже похоронили».

И он позвал генуэзцев и сказал им: «Посмотрите-ка! Видывали ли вы когда-нибудь такого красавца-покойника?»

Те ответили на это: «Ей-богу, мессер Стекки, так как у вас не было желудка, мы были твердо уверены, что вы больше нас не сможете обмарать. Но как это вы не умерли?»

Стекки сказал им на это: «А так, что некий почтенный лекарь вставил мне желудок свиный».

– «Ну, и ступайте с богом, – сказали генуэзцы, – вы нас здесь хорошо перепачкали, чтоб вам бог погибель послал!»

Тогда Стекки сказал: «Вам я не скажу худого слова: чтоб вам всяких благ. Вы говорите, что я опакостил вас, но опакостен-то я. Вы вот словно в золото одеты, а я весь как прокопченный благодаря синьору, который одел вас и не беспокоится обо мне. Но я уйду

отсюда; я предпочитаю умереть (если уж оставаться бедным и нагим) у себя дома, а не здесь».

Услышав эти слова Стекки, мессер Мастино подзывает к себе одного из придворных и говорит ему: «Ступай и принеси Стекки такое-то платье, чтоб ему червь в голову забрался; мне приходится волей-неволей одевать и того, кто опакостил, и тех, кого опакостили».

И когда явилось платье, он подарил его Стекки. Видя это, генуэзцы сказали: «Мессер Стекки, зло не там, где его предполагают; но кто с тосканцем имеет дело, должен вести его умело».⁴⁰⁰

И так остались они: мессер Мастино при большом удовольствии, полученном от проделанной шутки, а все прочив – в приятельских отношениях между собой. И за все время, пока длилось празднество, они весьма много забавлялись. А когда празднества окончились, каждый вернулся к себе домой; веронцам рассказа о происшедшем случае хватило больше чем на год; а мессер Мастино развлекался им долгое время, ибо он был синьором, который находил большое удовольствие в подобных вещах.

Новелла 146

Один человек, живущий в деревне и охотно присваивающий себе чужое добро, крадет свинью и уводит ее к себе хитростью. Заколов ее, при помощи ловкого обмана он доставляет ее во Флоренцию. Когда этот обман обнаруживается, он платит двадцать лир и еще возвращает свинью тому, у кого ее украл, и все вместе обходится ему десять флоринов, не считая свиньи

Один бедный дворянин, «благородный» только по общераспространенному неправильному словоупотреблению, на самом же деле человек порочный, жил всегда в деревне, в своем имении и домике, меньше чем на расстоянии мили от Флоренции. Он постоянно бродил по округе, воруя и днем и ночью добро, принадлежащее жителям этой местности. Однажды он дошел до такой дерзости, что ночью отправился красть свинью. Захватив с собой чашку с каким-то кормом и веревку, чтобы связать свинью, он вместе со своим товарищем увел ее потихоньку. Пройдя полем, очутившись перед широким рвом и не видя способа, каким можно было бы переправить через него свинью, и уверенный в том, что если они ее схватят, она наделает шума, дворянин сказал своему товарищу, крестьянину очень высокому и крепкого сложения, привыкшему ходить с ним по таким делам: «Сделаем так, как я скажу. Один из нас спустится в этот ров и ляжет поперек него, сделав, таким образом, из своей спины мост, а другой по этому мосту переведет свинью». Так и решили сделать.

Крестьянин опустил в ров и тотчас же лег поперек в виде моста, по которому смог бы пройти добрый бык. Главный затейник дал ему чашку с кормом, чтобы поставить ее с противоположной стороны, и очень хитро и осторожно сделал так, что свинья перешла Рубикон. Переправив свинью, они вскоре добрались до своего жилища, откуда начался их путь. Ввиду того, что до праздника св. Фомы оставалось всего три дня,⁴⁰¹ оба они сговорились зарезать свинью, а кроме того, и другую, которую дворянин выкормил дома, и, так как у него имелся долг, то решили отправить ее во Флоренцию, чтобы заработать на этом. Так и сделали. Зарезав свиней, выпотрошив и очистив внутренности, они повесили туши в подвале. На следующее утро работник дворянина и один сосед спросили его: «Что это случилось ночью с твоей свиньей?»

А он ответил: «Худо ей было, потому что я ее резал. Я должен несколькими людям, и они осаждают меня. Я хочу ее продать и всем уплатить».

Они сказали: «Не продавай по крайней мере кровь. Сделай так, чтобы она нам досталась».

– «Конечно, она вам достанется. Никто бы не поверил, что из такой маленькой свиньи

---

400 [400] В тексте буквально: «кто с тосканцами имеет дело, тому не следует косить глазами (или быть близоруким)». Эта же пословица встречается в «Декамероне» (день VIII, нов. 10).

401 [401] 21 декабря.

выйдет столько крови».

В ней было, пожалуй, сто пятьдесят фунтов, а в украденной триста. Пробыв некоторое время дома и пообедав, вор вместе со своим товарищем отправился во Флоренцию к одному трактирщику, жившему у моста Каррайа. Переговорив с ним о продаже двух зарезанных и выпотрошенных свиней, вес которых они определили в четыреста пятьдесят фунтов, и согласившись в цене, они обещали ему послать туши на следующее утро. И так, они ушли, а после случилось то, о чем вы сейчас услышите. Вернувшись к вечеру в деревню, «благородный» вор сказал своему товарищу: «Тебе известно, что с каждой свиньи у заставы платят сорок сольдо? А по-моему, платить четыре лиры не расчет. Одолжи мне завтра утром твоего осла, нарви побольше лавровых листьев и постарайся быть здесь вовремя, так как я думаю, что заплачу за обеих свиней только сорок сольдо. Коммуна так всех грабит, что и я могу разок ее ограбить».

Товарищ ответил: «Я приду завтра утром с лавровыми листьями и с ослом и отправлюсь, куда ты мне скажешь».

Тогда «благородный» дворянин сказал ему: «Ты отнесешь туши на улицу Терие⁴⁰² в дом одной моей родственницы и положишь их в подвал» а я буду там вскоре после тебя, и потом мы отправим свиней к трактирщику».

Итак, крестьянин ушел, а утром спозаранку явился с ослом и с лавровыми листьями. Когда он нашел того, кого ожидал, они поставили осла с листьями во двор и спустились в подвал, где находились туши. Главный затейник сказал: «Знаешь ты, что я надумал? Я хочу распороть живот большой свиньи и вложить в него маленькую, а потом мы ее увяжем лавровыми листьями, и никому и в голову не придет, что тут не одна свинья, а две!»

И живо из этих двух свиней была сделана одна. Они взвалили ее на осла, привязали и убрали лавром и, взяв сорок сольдо для уплаты пошлины, отправились в путь. Когда они пришли к заставе, то сборщики налогов сказали: «Эй, ты там, плати за эту свинью!» И дворянин начал выкладывать на стол сорок сольдо и, пока он отсчитывал деньги, несколько развеселых уличных мальчишек, которые всегда вертятся у городских ворот, глазели на эту свинью и щупали ей зубы и ноги, говоря между собой: «Вот это так свинья!»

Уплатить деньги, крикнуть ослу «арри!» и подхлестнуть его было минутным делом, но не успели они отъехать и триста шагов, как один из мальчишек, который хорошо разглядел свинью, подошел к сборщикам налогов и спросил его: «Скажите-ка, за сколько свиней заплатил вам пошлину тот, кому принадлежала свинья?»

Сборщики ответили: «Он заплатил за одну». Мальчик сказал: «А по-моему, я видел сзади у свиньи три ноги и долго удивлялся этому, потому что мне известно, что у свиней бывает сзади две, а не три ноги».

Старший сборщик приказал одному из своих людей побежать за обманщиком, догнать его и вернуть, и это было исполнено. Когда тот нашел дворянина, то сказал: «Поворачивай назад!» Тут вора сразу бросило в жар, а когда он вернулся к заставе, сборщики взяли свинью, осмотрели ее и нашли в ней маленькую. Найдя ее, они сказали: «Ого! Вот самая ловкая мошенническая проделка, какую мы когда-либо видели».

Крестьянин сказал: «Ей-богу, простите! Ей-ей, я несу то, что мне было дано».

– «Убирайся! Чтоб тебе быть изрезанным на куски!» – крикнули сборщики и послали обоих с ослом и поклажей в таможню.

Когда они явились к начальникам, все изумлялись ловкости этого обмана и спрашивали, чья это проделка, а когда вор сказал, что это он придумал, то ему пришлось бы плохо, но он так умолял их, что с него взяли только сорок сольдо и с каждого динария тринадцать, что составило сумму в двадцать восемь лир. В течение того месяца, в котором была украдена свинья, весть о мошенничестве дошла до человека, у которого ее украли и который, размышляя об этой проделке и над тем, кто и как это сделал, решил, что дворянин не такой человек, который бы мог прокормить две свиньи. Он стал искать и расспрашивать и узнал, что большая из свиней принадлежала ему. Тогда он послал человека к тому, кто его обворовал, и велел предложить ему на выбор одно из двух: либо пусть тотчас же уплатит за свинью, либо он пойдет к судье.

402 [402] Эта улица ведет от церкви Санта-Тринита к церкви Санта-Мария.

Дворянин это требование удовлетворил, прибавив, что он не украл свинью, а ему ее доставили на дом.

Таким образом, этот дурной человек не попал на виселицу, как того заслуживал, но все же частично получил по заслугам, потому что остался без свиньи, с большим убытком и великим позором, потеряв на этом деле более десяти флоринов. Поэтому ты не ошибешься, если не будешь трогать чужого добра, ибо не умри этот человек в скором времени после того и не окончи своих дней, он покрыл бы позором и себя и свое потомство.

Новелла 147

Один богач, желая надуть сборщиков податей, наполняет свои штаны яйцами. Предупрежденные об этом, сборщики, когда он проходит мимо них, заставляют его сесть. Все яйца лопаются, вымазав его седалище. Заплатив за обман, он остается опозоренным

Рассказанная выше новелла приводит мне на память другую – о богатом флорентийце, но более жалком и скупом, чем Мидас, который, желая надуть сборщиков податей менее, чем на шесть динариев, заплатил за это в ущерб себе и с немалым позором большую сумму, хотя и прикрыл свое седалище броней из яичной скорлупы.

Итак, это был дурной человек, богач с состоянием в двадцать тысяч флоринов, имя которого было Антонио (прозвище же я не хочу назвать из уважения к его родственникам). Однажды, когда он находился в деревне и желал послать во Флоренцию две дюжины или три десятка яиц, слуга сказал ему: «Придется вам заплатить пошлину, потому что за каждые четыре яйца взимается по динарию».

Когда Антонио услышал это, он взял корзину, позвал слугу, пошел к себе в комнату и сказал: «Бережливость хороша всегда! Я хочу сберечь эти деньги».⁴⁰³

Сказав это, он поднял спереди полу и начал засовывать себе в штаны яйца, беря их по четыре сразу.

Слуга спросил: «Куда это вы их кладете? Ах, вы не сможете таким образом идти».

Антонио ответил: «Не смогу? Мои штаны такие глубокие, что в них поместятся не то что яйца, но и куры, которые их снесли».

Слуга отвернулся и перекрестился от изумления, а Антонио, упрятав все яйца, которые у него были, в штаны, двинулся в путь. И шел, широко расставляя ноги, точно у него в штанах находились два гребня для расчесывания пакли. Когда он подошел к городским воротам, то сказал слуге: «Иди вперед и скажи сборщикам, чтобы они попрдержали немного ворота».

Слуга это исполнил, но не смог удержаться от того, чтобы не рассказать одному из сборщиков обо всем, под величайшим секретом. Сборщик же рассказал это остальным: «Вот вам самая забавная история, которую вы когда-либо слышали; сейчас пройдет мимо такой-то, который идет из своей усадьбы, и штаны у него полные яиц».

Один из сборщиков говорит: «Ах, предоставьте это дело мне, и вы увидите забавные вещи!»

Остальные отвечали: «Делай как хочешь!»

И вот подходит Антонио: «Добрый вечер, честная компания и т. д.».

Сборщик этот говорит: «Антонио, подойди-ка сюда и отведай хорошего винца».

Тот отвечает, что не желает пить.

– «Ты это, конечно, сделаешь». Сборщик тянет его за плащ, ведет куда нужно и говорит: «Присядь-ка!»

Тот отвечает: «В этом нет надобности» – и ни за что не хочет сесть.

Тут сборщик говорит: «Я могу и посадить человека насильно, желая оказать ему честь». И все понуждают Антонио сесть на скамью.

Когда тот садится, то всем кажется, что он сел на мешок со стеклом.

---

403 [403] Слегка переделанная пословица.

Сборщики спрашивают тогда: «Что это под тобой, что так сильно затрещало? Привстань-ка немного!»

Старший говорит: «Антонио, тебе следует желать, чтобы мы исполняли наши обязанности. Мы хотим посмотреть, что находится под тобой и что производит такой треск».

Антонио отвечает: «Подо мной нет ничего», и он поднял плащ, говоря: «Это, должно быть, заскрипела скамья».

– «Какая там скамья? Это не похоже на скрип скамьи. Подними-ка плащ, причина должна быть иная». И они заставляют его потихоньку поднять плащ. Коротко говоря, они видят нечто желтое, стекающее по его чулкам, и спрашивают: «Что это такое? Мы хотим осмотреть штаны, откуда как будто течет эта жидкость».

Антонио слегка передернуло. Другой сборщик быстро встает и говорит: «У него штаны полны яиц».

Антонио отвечает им: «О, не сомневайтесь: все яйца были битые, и я не знал, куда их положить, а что касается пошрины, то это сущий пустяк».

Сборщики спросили: «Их, должно быть, было несколько дюжин?»

Антонио ответил: «Честное слово, их было всего только три десятка».

Сборщики тогда сказали: «Вы как будто порядочный человек и даете честное слово, но как нам верить вам? Если вы обманываете город по такому пустячному поводу, то можете это сделать и в крупном деле. Знаете, как говорится: „Если собака лижет золу, ей нельзя доверить муки!“ Ну, ладно, оставьте нам залог, а завтра утром вам придется сходить по начальству и рассказать о случившемся».

Тут Антонио воскликнул: «О, боже мой, я буду опозорен! Возьмите все, что хотите».

Тогда один из сборщиков предложил: «Ну, хорошо, не будем позорить граждан. Плати вместо одного динария тридцать».

Антонио опустил руку в кошелек и заплатил восемь сольдо, а затем дал им один гроссо и прибавил: «Берите и выпейте на него завтра утром, но я прошу вас об одном: ничего и никому не говорите».

Они обещали так и сделать, а Антонио отправился с седалищем, вымазанным яичницей.

Когда он вернулся домой, жена спросила его. «Что ты делал там столько времени? Я думала, ты остался в городе».

– «Черт возьми, – ответил тот, – я сам не знаю», и он стал поддерживать себя внизу руками и пошел, широко расставляя ноги, словно у него была грыжа.

Жена спросила: «Уж не упал ли ты?»

Тогда Антонио рассказал о том, что с ним приключилось. Когда жена услышала это, то принялась восклицать: «О жалкий неудачник, слыхали вы что-нибудь подобное, будь то в сказке, будь то в песне? Дай бог здоровья сборщикам, которые тебя опозорили, как ты того заслуживал».

Антонио же сказал ей: «Ну, замолчи».

Но она продолжала: «Что тут молчать! Будь проклято все твое богатство, когда оно доводит тебя до такого срама! Ты, верно, хотел высидеть яйца, как курицы, когда они выводят цыплят. Разве тебе не стыдно, что эта новость обойдет всю Флоренцию и ты останешься навсегда опозоренным?»

Антонио же ответил: «Сборщики обещали мне молчать».

Жена на это сказала: «Вот еще новая интересная новость. Мы не доживем до завтрашнего вечера, как вся округа будет знать об этом». (И так и случилось, как она сказала).

А Антонио ответил ей: «Ну, так вот, жена, я ошибся. Будет об этом твердить. Разве ты сама никогда не ошибалась?»

Она ответила на это: «Разумеется, я, вероятно, ошибалась, но – чтобы класть себе в штаны яйца, – этого не бывало».

Тут Антонио заметил ей: «О, так ведь ты их и не носишь».

А жена ему в ответ: «Велика беда, что я их не ношу. А если бы я их и носила, то скорее ослепла бы, чем поступила бы так, как ты. И мне стыдно было бы показаться после этого на глаза людям. Чем больше я об этом думаю, тем больше удивляюсь, что ты из-за каких-то двух динариев покрыл себя навсегда позором! Если бы ты еще мог соображать, то навсегда бы

утратил веселость. Ведь вот и мне будет стыдно появиться среди женщин и всю жизнь будет казаться, что обо мне будут говорить: посмотрите, вот жена того, кто прятал в штанах яйца!»

Тут Антонио сказал ей: «Ну, будет об этом! Остальные молчат, а ты, кажется, хочешь все разгласить».

Жена ответила ему: «Я-то помолчу, но не станут молчать те, которым это известно. Говорю тебе, муж мой, тебе и раньше цена была не велика, а сейчас уже оценят тебя по твоим заслугам. Меня выдавали замуж за богача, но, можно сказать, выдали за негодного человека».

Антонио, которого жена уже не раз назвала дураком, подумал и сознался наконец, что совершил большую гадость и что жена его говорит сущую правду. И он смиренно попросил ее помириться с ним и впредь, если он в чем напутает, чтобы она посчиталась с ним сама. Жена начала немного успокаиваться и сказала ему: «Ну, ладно. Неси свою голову на базар, а мне она ни к чему».

На этом дело и кончилось. Разве мы не скажем после этого, что женщины часто в отношении многих положительных качеств гораздо выше мужчин? Какими различными способами эта достойная женщина отделала своего мужа. Она настолько же отличилась среди женщин, насколько он унизил себя среди мужчин. Всякий рассказ в конце концов всегда теряет свой интерес, но не во Флоренции, где об этом случае всегда рассказывали на потеху граждан и в осуждение нашего приятеля Антонио. А он сам, чтобы служанка не заметила, снял с себя штаны и приказал поутру согреть себе крутого щелока и вылил его чуть свет в таз, а вечером велел подать еще таз щелока, в котором вымылся снова. Но на простыне продолжали оставаться желтые пятна, которые вышли только после нескольких ванн. Эти ванны были совершенно необходимы, так как желтки вместе с белками и скорлупой образовали корку, заклеившую все его седалище. Таким образом, этот жалкий человек сберег пошлину за тридцать яиц и был опозорен настолько, что об этом случае рассказывали долгое время и рассказывают еще и сейчас.

Новелла 148

Бартоло Сональини при помощи необычайной и тонкой хитрости устраивает так, что, когда пришло время, облагать налогами, ему назначают очень маленький налог, считая его очень бедным человеком, несмотря на его большое богатство

Как в двух последних новеллах вы слышали о плохо удавшихся попытках некоторых граждан обмануть городских сборщиков податей, причем пострадали и кошельки их и честь, так в этой новелле я хочу рассказать об одном человеке, обманувшем свой город, и которому этот обман принес больше пользы, чем вреда.

Во Флоренции жил и поныне здравствует некий человек по имени Бартоло Сональини,⁴⁰⁴ весьма предприимчивый купец, что явствует особенно из новеллы, которую я расскажу. Когда флорентийцы вели самую жестокую свою войну с графом Вирту,⁴⁰⁵ и стали обсуждать распределение налогов и податей, то Бартоло сообразил: «Теперь они созовут членов семерок и составят совет,⁴⁰⁶ который обложит также купцов, а обложение будет такое, что, кто не позаботится о себе сам и кому бог не придет на помощь, будет разорен». Поэтому, видя, что настало время, но что дело еще тянется, Бартоло, поднявшись утром, спустился к входной двери, и когда кто проходил мимо, то окликал его и спрашивал, а сам наружу не показывался: «Звонили ли на собрание?»

---

404 [404] Бартоло ди Джованни Сональини (умер в 1395 г.), торговец галантереей, упоминается в документах 1366–1391 гг. События новеллы относятся к 1390 г., а сама она написана пятью годами позже.

405 [405] Здесь говорится о первом периоде войны с Джан Галеаццо Висконти (1390 – 1392 гг) В это время Саккетти выполнял ряд поручений флорентийской коммуны.

406 [406] Выборный орган, в обязанность которого входило взимание налогов.

Приятель отвечал на это: «Что это значит, Бартоло?»

А тот говорил: «Ах, беда, брат мой, я разорен, потому что послал кое-какие товары за море, а море их у меня отняло, и это меня совершенно разорило. Для поддержания своей чести я должен выплатить некоторым людям большую сумму денег: они же, угадывая мое положение, которое настолько бедственно, что едва ли кто может это учесть, требуют уплаты, и видит бог, есть ли у меня чем им заплатить».

Приятель говорит ему: «Жаль мне тебя», и уходит с богом.

На другое утро, когда кто проходил мимо, Бартоло, стоя у приоткрытой двери, окликал то одного, то другого, спрашивая: «Ты не знаешь, звонили уже на совет?»

Кто говорил да, а кто нет, а иные спрашивали: «Что это значит, Бартоло?»

И он отвечал: «Мне не до шуток, мне остается одно из двух: либо покинуть этот мир, либо умереть в тюрьме, потому что одно дело, которое у меня было за морем, меня вовсе разорило, и, можно сказать, я нахожусь теперь между молотом и наковальной».

Он вел разговоры такого рода в течение более чем месяца, пока семерка не начала собираться и распределять налоги и подати. Когда дошел черед до Бартоло Сональини, каждый говорил: «Он разорен и прячется от долгов».

Один говорил: «Это верно: на днях он не решался утром выйти из дома и спрашивал, звонили ли на совет».

А другой добавлял: «Он говорил мне то же самое».

Третий подтверждал: «То, что они говорят, сушая правда. Корабль, шедший в Тунис,⁴⁰⁷ как мне рассказывали, принес ему беду».

Четвертый добавил: «И я даже слышал, что кто-то его ругал».

– «Так или иначе, – сказали остальные, – а следует его считать бедняком».

И они в один голос наложили на него такой налог, какой можно было бы наложить на нищего или немногим того больше. Когда налоги были распределены и документы запечатаны, посланы в казначейство и зарегистрированы в книгах и когда их стали оглашать по городу, – ибо их оглашали обыкновенно на перекрестках, – названный Бартоло Сональини начал выходить из дома, уже не спрашивая, звонили ли на совет. И как-то утром один из его соседей, который сообразил о его проделке, сказал однажды: «Как это, Бартоло, ты устроил, что ты как будто больше не прячешься?»

А Бартоло ответил: «Я договорился с кредиторами, и мне приходится приспособливаться к обстоятельствам».

Короче говоря, богач этот ухитрился представить дело так, что его сочли слишком бедным человеком, чтобы платить налоги. Благодаря этому он не ощутил на себе тех невзгод, которым подверглись многие люди очень бедные, но скрывавшие свою бедность и с виду казавшиеся богатыми».⁴⁰⁸

Я, писатель, полагаю, что этот Бартоло подвергся бы осуждению, если бы Брут, или Катон, или их потомки входили в состав семерок, но, если принять в соображение, как воля Бартоло Сональини подчинила себе рассудок тех, коих его предусмотрительность считала уже избранными в состав семерок, то я считаю его достойным вечной памяти, как дельца, проницательного во всех отношениях. Итак, в продолжение всей войны, когда глашатаи ходили и выкликивали чрезмерные налоги, Бартоло говорил на улице: «Ох, беда! Война эта меня совсем разорила», про себя он говорил: «Кричите громче, мне это безразлично, и держитесь крепко: кое-кто был бы не прочь меня провести, но я провел его самого», – и прибавлял: «Сиди и болтай ногами, а расчеты придут сами!»

Таким образом, вся эта война стоила осторожному Бартоло Сональини очень мало, в то время как другие люди, более богатые, нежели он, были ею разорены.

Новелла 149

407 [407] В итальянском подлиннике Togissi – может быть, также Таугис в Малой Азии.

408 [408] Саккетти, видимо, намекает здесь на обстоятельства своей жизни.

Один тулузский аббат, будучи лицемером, живет так, что все считают его святым, и его избирают парижским епископом. Добившись того, чего он всю жизнь желал, он ведет в Париже пышную и роскошную жизнь, совсем непохожую на прежнюю, и совсем разоряет епархию

Теперь будет уместно рассказать о том, как одно духовное лицо под покровом лицемерия обмануло людей и имело удачу в отношении телесном, но в отношении души, полагаю, – обратное.

Жил во Франции некий тулузский аббат, у которого было огромное желание стать крупным епископом или каким-нибудь очень видным прелатом, но который делал вид прямо противоположный, ибо по привычкам его казалось, что его аббатство было для него слишком большим бенефицием, и он частенько говаривал: «И какая нужда в этих. больших бенефициях? Никто не должен был бы желать больше того, что ему достаточно по расчету».

Поэтому он питался скудно и вел жизнь скорее суровую, чем изнеженную, постясь во все надлежащие дни и во многие скоромные. Эконому своему он приказывал, когда тот ходил к торговцам рыбой, брать рыбешку самую мелкую и самую дешевую, так как, мол, плохой пример для мирян, когда люди, подобные ему, отправляясь за припасами, ищут что-нибудь особенное. И так слуга и поступал. Ведя все время такую воздержанную жизнь, аббат этот прослыл повсюду за лучшего монаха, какой только был во Франции.

Случилось, что скончался парижский епископ, тогда прихожане и коммуна, размышляя о назначении нового епископа, сошлись на нем, как на самом святом человеке, какой был во Франции. Благодаря своей жизни и своей святости он при великом ликовании народа был избран парижским епископом. Когда избрание его послали на утверждение папы, аббат сделал вид, что не желает этого, что для него слишком много и той должности аббата, которую он уже имеет. Благодаря такому притворству, еще более воспламенившему сердца тех, кто его желали, ему пришлось согласиться на то, чего он давно хотел. И вот, оставив свое аббатство, он отправился в Париж, чтобы вступить в управление епархией; и, как самого правовежного и святого человека, какой у них когда-либо был, все парижане стали посещать его и прикладывались к его рукам как к самым чтимым реликвиям.

В то время, как этот достойный епископ проживал в епископском доме, случился как-то такой день, когда не едят мяса, и прежний эконом епископа купил для него по обыкновению дешевой мелкой рыбы, как в бытность его аббатом. Во время обеда рыбки эти были поданы на стол.

Увидев их, епископ сказал: «Что это значит? Разве у торговцев не было другой рыбы?»

Эконом ответил на это: «Ваше преосвященство, у них было много прекрасной и крупной рыбы на разные цены; только я купил эту мелкую, какую вы обычно предпочитали».

Епископ улыбнулся и сказал: «Ах, ты, глупец! Я ловил тогда эту мелочь в расчете поймать крупную рыбу. Теперь я парижский епископ, который хочет более роскошной жизни, чем тулузский аббат. А потому не забудь покупать впредь для моего стола самые лучшие припасы, какие ты найдешь». И слуга сказал, что он так и будет делать.

Если прежде названный епископ постился и предавался воздержанию, то теперь он не знал или не хотел знать, что такое пост, ссылаясь на великие труды, какие ему приходилось нести в новой должности. Глядя на его образ жизни и его роскошь, парижане весьма удивлялись такой перемене в короткое время, приводя на своем языке пословицу, которую приводим часто и мы, тосканцы: «Я узнаю тебя только тогда, когда присмотрюсь к тебе хорошенько». Епископ же приводил другую: «Больше мне, господи, до тебя дела нет, раз миновала зима». Так он и жил, пока оставался парижским епископом, той же жизнью и в том же великолепии, так что пришедший ему на смену мог сказать: «Я полагал, что я парижский епископ, а я оказываюсь аббатом монастыря Гуляй-ветер».

Некий рыцарь, отправляясь на подестерию, берет с собой свой шлем. Один немец хочет по этому поводу сразиться с ним, но рыцарь отказывается принять бой. В конце концов он идет на то, чтобы ему было уплачено пять флоринов, которые ему стоил шлем, берет другой и уплачивает со своей стороны три флорина

Один рыцарь из флорентийских Барди,⁴⁰⁹ по имени мессер...,⁴¹⁰ человек очень маленького роста, редко или даже почти никогда не только не обращавшийся к оружию, но и не ездивший верхом, будучи избран подеста в Падую и приняв это избрание, стал приобретать необходимое снаряжение, чтобы отправиться к месту своей новой службы. Когда дела дошли до шлема, он стал советоваться со своими родственниками о том, как ему устроить его себе. Те собрались и сказали: «Человек этот очень невзрачен и мал ростом, а поэтому следует сделать, на наш взгляд, обратное тому, что делают женщины: когда они малы ростом, то подкладывают себе что-нибудь под ноги; нам же нужно поднять его и увеличить его рост, прибавив ему что-нибудь поверх головы».

И они подыскали для него шлем, представлявший собой половину медведя с поднятыми и готовыми вцепиться лапами и с подписью: «Не шути с медведем, если не хочешь, чтобы он тебя укусила».

После того, как все это было сделано и снаряжение было готово, названный рыцарь, когда настало время, выехал торжественно из Флоренции к месту своей службы.

Приехав в Болонью, он выставил напоказ большую часть своих замечательных вещей. Когда же он тронулся дальше и въехал в Феррару, то проделал это в еще большей мере, представляя себе, что он уже на пороге места своей службы. Выслав вперед свои шлемы, солдатские плащи и огромный нашлемник с медведем, он двинулся через площадь Маркиза, на которой в эту пору находилось много маркизовых наемников. В то время, как он проходил между них, один немецкий рыцарь, увидя шлем с медведем, поднялся со своего места и спросил горделиво на своем языке: «Что это за человек, который носит мой шлем?» Сказав это, он приказывает одному из своих оруженосцев привести коня и принести оружие, выражая желание сразиться с тем, кто носит его шлем, и вызвать его на бой как изменника. А этот немецкий рыцарь был человеком большой храбрости и ростом был с великана. Звали его Шиндигер.⁴¹¹

Некоторые немцы и итальянцы, видя его ярость, окружили его и стали успокаивать; но ничто не помогало. Им удалось добиться только того, что двое отправились от имени немца в гостиницу к подеста с требованием, чтобы он отказался от своего нашлемника с медведем; иначе, сказали они, ему придется сразиться с немцем, мессером Шиндигером, который послал их к нему; он утверждает, что нашлемник этот принадлежит ему. Флорентийский рыцарь, непривычный к такого рода делам, ответил на это, что он явился в Феррару не для того, чтобы сражаться, а чтобы продолжать свой путь в свою подестерию, Падую; что он считает каждого своим братом и другом. Большего посланные от него не добились. Когда они вернулись к мессеру Шиндигеру с таким ответом, то он был уже вооружен, начинал бушевать еще сильнее и требовал, чтобы ему привели его коня. Посланцы просили его успокоиться, говоря, что готовы отправиться к подеста снова. И так они и сделали. Явившись в гостиницу, они сказали рыцарю: «Лучше уладить это дело, потому что ярость немецкого рыцаря такова, что он находится в полном вооружении, и, мы думаем, что сейчас он уже на коне!»

Рыцарь де'Барди сказал на это: «Он может вооружаться и делать, что ему угодно, но я не такой человек, чтобы сражаться, и делать этого не собираюсь».

В конце концов после долгих разговоров подеста сказал: «Ну, ладно! Переведем это на флорины, и пусть честь будет на одной из сторон. Если он хочет, чтобы я продолжал свой путь, как я его начал, то я немедленно сделаю это. Если он желает требовать, чтобы я не носил его нашлемника, то клянусь святым божественным евангелием, что нашлемник мой был сделан для

---

409 [409] См. нов. 63.

410 [410] Возможно, что пропуск сделан самим Саккетти.

411 [411] О Шиндигере нет сведений.

меня во Флоренции живописцем Лукино⁴¹² и стоил мне пять флоринов. Если же ему угодно, то пусть он присылает пять флоринов и берет себе нашлемник».

С таким ответом вернулись посланные к мессеру Шиндигеру, который, выслушав, зовет одного из своих слуг, приказывает выдать пять новеньких дукатов и велит слуге сходить за нашлемником. Это было сделано. Посланные передали пять флоринов; рыцарь взял их честь честью и отдал нашлемник, который посланные, покрыв его плащом, отнесли к мессеру Шиндигеру, принявшему его с таким чувством, будто он одержал победу над целым городом. Что же до подеста, отправлявшегося в Падую и оставшегося без нашлемника, то он велел поискать по всей Ферраре, не найдется ли какого-нибудь нашлемника, который он мог бы взять с собой взамен прежнего с медведем. Случайно у одного живописца нашелся нашлемник с обезьяной до пояса, одетой в желтое платье с мечом в руке. Когда нашлемник этот, прикрыв его, доставили подеста, один из его судей сказал ему: «Вам повезло, как никогда на свете. Прикажите взять от обезьяны этот меч и взамен его дать ей в руки красную мотыгу: она будет вашим гербом».

Подеста совет понравился, и так и было сделано, что обошлось в общем, пожалуй, в один флорин. Еще один был уплачен за роспись и переделку изображения прежней эмблемы в нечто совсем иное.⁴¹³ Таким образом, подеста пришлось израсходовать еще три флорина. Немец остался с медведем, а подеста обменял его на обезьяну и, таким образом, отправился на подестерию, куда ему надлежало явиться.

Однако он, может быть, вышел бы из положения лучше, если бы поступил так, как поступил в подобном случае некий человек, нашлемник которого был украшен конской головой. Когда один немец послал ему сказать, что он носит его нашлемник и потому требовал, чтобы он перестал его носить или вышел с ним на поединок, то человек этот спросил: «А какой нашлемник носит этот доблестный рыцарь?»

На что последний ответил: «С конской головой».

Тогда первый сказал: «Голова на моем шлеме кобыля: следовательно, никакого отношения между обоими шлемами нет».

Немец остался удовлетворенным, а тот человек вышел из положения и избег поединка, о котором он едва ли очень мечтал.

Новелла 151

Фацио из Пизы желает гадать по звездам, и отгадывает в кругу многих почтенных людей, но пристыжен Франко Саккетти многими обращенными к Фацио доводами, на которые он не может ответить

Несколько лет тому назад⁴¹⁴ я, писатель, был в Генуе и находился однажды на Торговой площади в большом кругу образованных людей из разных городов, среди которых был мессер Джованни дель Аньелло⁴¹⁵ с одним близким ему человеком, несколько флорентийцев, высланных из Флоренции, луччане, которые не имели права проживать в Лукке, некий съенец, не имевший права жить в Съене, и еще несколько генуэзцев. Там мы беседовали на разные темы, которые часто тщетно обсуждаются любыми разлученными со своей родиной.⁴¹⁶ о

---

412 [412] О Лукино нет сведений.

413 [413] В гербе Барди были красные ромбы, а обезьяна была в гербе маленького рыцаря, героя новеллы.

414 [414] Может быть, в 1387 г.

415 [415] Джованни дель Аньелло – пизанец по происхождению; был очень хитрым и популярным в свое время человеком. После поражения при Пеший (1364) воспользовался смутами на родине и был вождем до восстания в 1365 г., когда ему пришлось бежать. Он не смог вернуться в 1371 г., хотя и прибег к помощи оружия, и умер на чужбине в бедности в 1387 г.

416 [416] Здесь были изгнанные между 1378 и 1382 гг.

новостях, выдумках, надеждах и, наконец, об астрологии. О последней с большим жаром говорил некий пизанский изгнанник по имени Фацио,⁴¹⁷ который рассказывал, что на основании многих небесных знаков он понял, что всякий изгнанник в течение этого года должен вернуться на свою родину. Он ссылался на то, что усмотрел это из пророчеств. Я возражал, говоря, что о событиях, которые должны произойти, ни он, ни кто другой ничего не мог знать наверняка, а он оспаривал это, изображая собой Альфонса,⁴¹⁸ Птолемея,⁴¹⁹ и посмеивался надо мной, точно он видел перед собой, что должно случиться, а я не вижу ничего даже в настоящем. Поэтому я сказал ему: «Фацио, ты величайший астролог, но в присутствии этих людей дай мне правильный ответ: „Что легче знать, прошедшее или будущее?“»

Фацио ответил: «Кто же это не знает! Безрассуден тот, кто не знает вещей, которые он видел перед собой. О том же, что должно случиться, не так-то легко узнать».

Я сказал ему: «Ну, посмотрим, как ты помнишь прошлое, которое так легко вспоминается. Скажи мне, что делал ты в такой-то день, год тому назад?»

Фацио задумался, а я продолжал: «Скажи мне тогда, что делал ты шесть месяцев тому назад?» Он забыл.

«Теперь скажи мне в заключение: какая погода была три месяца тому назад?»

Он задумался и молчал, вытаращив глаза, а я сказал ему: «Нечего так глядеть на меня. Где был ты два месяца тому назад в этот час?»

Он отошел в сторону, а я схватил его за плащ, говоря: «Подожди, взгляни на меня немного. Какой корабль прибыл сюда месяц тому назад? Какой отсюда отплыл?»

Тут Фацио стоит как дурак, а я спрашиваю его: «Что же ты молчишь? Где ты обедал две недели тому назад, у себя или в чужом доме?»

Он ответил: «Подожди немного!»

А я сказал: «Зачем нам ждать? Я не хочу ждать. Что делал ты неделю тому назад в этот час?»

А он попросил: «Дай мне передохнуть».

Я возразил: «Какой отдых нужен тому, кто знает, что должно произойти. Что ты ел четыре дня тому назад?»

Фацио ответил: «Это я тебе скажу». – «Почему же ты молчишь?» Он сказал на это: «Ты уж очень торопишь».

– «Какая же это торопливость! Говори скорее, говори же! Что ел ты вчера утром? Ну, что же ты молчишь?»

Так он отмалчивался почти на все вопросы. Увидя его таким растерянным, я взял его плащ и сказал: «Ставлю десять против одного, что ты не знаешь, спишь ли или бодрствуешь».

Тогда он ответил мне: «Хорош бы я был, ей-богу, если б не знал, что я не сплю».

– «А я говорю тебе, что ты этого не знаешь и никогда не сможешь это доказать».

– «Как так? Разве я не знаю, что я бодрствую?»

Я отвечал: «Так тебе кажется, а также и тому, кто спит, кажется то же самое».

– «Ну, хорошо, – сказал пизанец, – у тебя в голове много всяких силлогизмов».

– «Не знаю, причем тут силлогизмы. Я говорю тебе о вещах естественных и верных, а ты предаешься нелепым фантазиям. Теперь я хочу спросить тебя совсем о другом. Едал ли ты когда-нибудь мушмулу?»

Фацио ответил: «Да, тысячу раз».

– «Тем лучше! Сколько же косточек в мушмуле?»

Фацио ответил: «Я не знаю, я никогда не обращал на это внимания».

– «А если ты не знаешь такой простой вещи, то как можешь ты знать о небесных вещах? Но дальше, – продолжал я, – сколько лет провел ты в доме, в котором живешь?»

---

417 [417] Об этом персонаже ничего неизвестно.

418 [418] Альфонс X – король Кастилии (1226–1284), ученый, астроном и философ.

419 [419] Птолемей – знаменитый древнегреческий географ, астроном и математик (II в. н. э.).

Он ответил: «Я прожил в нем шесть лет с месяцами».

– «А сколько раз в день ты спускался и поднимался по своей лестнице?»

– «Когда четыре, когда шесть, когда восемь раз в день».

– «Теперь скажи мне: сколько в твоей лестнице ступенек?»

Пизанец ответил: «Ну, эта карта бита».

А я возразил ему: «Ты прав, говоря, что я побил карту с полным основанием. Ты и многие другие астрологи с вашей фантазией хотите гадать а предсказывать, а на деле вам грош цена. Я слышал всегда, что говорят: что умеет прорицать – будет богат. Ну-ка, взгляни-ка, знаменитый гадатель, на себя. Какой ты теперь богач!»

Так оно и есть, все те люди, которые зевают на звезды и простаивают ночи на крышах, подобно кошкам, устремляют глаза на небо настолько, сто теряют из вида землю, и карманы их всегда пусты. Так я моими доводами пристыдил пизанца Фацио. Когда меня спросили некоторые достойные люди, не вычитал ли я когда-нибудь тех рассуждений, при помощи которых одержал победу над Фацио, в какой-нибудь книге, то я ответил: да, я нашел их в книге, которую всегда ношу при себе, а название ей: «Гадальная книга».⁴²⁰ Они остались довольны этим объяснением и подивились ему.

Новелла 152

Испанец мессер Джилетто дарит мессеру Бернабо забавного осла, а флорентиец Микелоццо, предполагая, что синьор этот большой любитель ослов, посылает ему пару их, покрытых алым сукном. Дар этот принес ему мало чести, но за ним последовало много забавных вещей

Некий испанский дворянин, по имени Джилетто,⁴²¹ направляясь ко гробу господню или возвращаясь оттуда, приехал в Милан; у него был с собой осел, скотинка, забавней которой не было на свете Этот осел служил, становясь на задние ноги, как собачонка французской породы, а когда дворянин говорил ему какие-то слова, то он ходил в таком положении, как бы приплясывая, когда же мессер Джилетто приказывал ему петь, то он ревел совсем по-особому, иначе чем другие ослы, и, наконец, он кувыркался, как человек, и проделывал много других вещей, весьма странных для ослиной породы.

Находясь в Милане, дворянин этот отправился навестить мессера Бернабо и приказал вести за собой названного выше осла. Когда он явился к синьору и принос ему свое почтение, мессер Бернабо, увидя его осла, тотчас взглянул на него и спросил: «Чей это осел?»

Дворянин, стоявший поблизости от него, ответил: «Синьор, он принадлежит мне, и скотина эта такова, что забавнее ее не было на свете».

Осел этот был в прекрасной золоченой сбруе. Услышав ответ дворянина, Бернабо посмотрел на осла, и ему показалось, что сказанное о нем мессером Джилетто справедливо или должно быть справедливо. Он вышел вместе с дворянином в крытый двор и усадил его рядом с собой. Когда осел/ пришел туда же, дворянин спросил Бернабо: «Синьор, не желаете ли вы взглянуть на необыкновенные проделки этого осла?»

Мессер Бернабо, большой охотник до всего необыкновенного, ответив на это дворянину: «Хорошо, пожалуйста».

Поблизости от них проходил случайно некий флорентиец по имени Микелоццо,⁴²² который видел все штуки этого осла, а также и то, что мессер Бернабо при виде их покатывался

420 [420] В тексте – Serbasone. Это слово встречается в фроттоле (шуточном стихотворении) Саккетти и придумано им для обозначения ученых начетчиков, поклонников авторитета. Быть может, оно образовано по сходству с именем Роджера Бэкона, известного средневекового ученого (1214–1294).

421 [421] Джиллетто – имя, придуманное Саккетти.

422 [422] Об этом персонаже ничего неизвестно.

со смеху. В конце концов Джилетто, заметив, что эти проделки позабавили синьора, сказал ему! «Синьор, у меня нет ничего лучшего, чтобы преподнести вашей чести. Если осел вам нравится, вы окажете мне большую милость, разреши! оставить его не столько для вас, ибо вашей милости нет нужды в таком пустяке, сколько для ваших слуг, чтобы они могли иногда им позабавиться».

Мессер Бернабо ответил, что ему угодно принять осла, и в тот же самый день подарил мессеру Джилетто дорогого коня, стоившего более ста флоринов, и после того как ему было оказано еще много всяких почестей мессер Джилетто уехал и продолжал свое путешествие. Микелоццо, который все это видел, также распрощался с синьором и тогда же вернулся во Флоренцию. И вот ему пришла в голову несуразная мысль о том, что если он найдет двух хороших ослов и пошлет их от себя синьору, то он войдет у него в большую милость. Потому он тотчас же послал в Кампанью и в Римскую область разыскать пару таких ослов. Дело кончилось тем, что ему нашли двух отличных животных, которые обошлись ему в сто флоринов. Когда этих ослов привели ему во Флоренцию, он послал за шорником, чтобы выяснить, сколько алого сукна следует купить на попону для них, и, узнав это, тотчас же велел купить сколько нужно сукна и, вызвав снова шорника, велел ему скроить две великолепные попоны, которые бы закрывали ослов вместе с ушами. На голове, на груди и на боках он велел сделать, как это принято, гербы Висконти, а под ними свой собственный. Сделав все, как следует быть, он послал ослов, покрытых попонами, синьору в сопровождении слуги, одного пажа верхом и другого пешего, который шел впереди и вел названных животных. Когда это диковинное шествие увидели на улицах Флоренции, люди, как водится, сбегались посмотреть на него и каждый спрашивал: «Ах, что же это такое?»

Слуга отвечал: «Это два осла, которых Микелоццо посылает мессер?

Бернабо».

Кто кривил губы от изумления, кто пожимал плечами, один спрашивал; «Что это? Разве мессер Бернабо стал возчиком?»

Другой: «Уж не приходится ли ему возить мусор?»

Большинство говорило: «Ей-богу, это такая глупая шутка, которой никогда не бывало», и еще много других вещей, какие говорятся в большинстве случаев людьми.

Когда ослы с их слугами были за воротами Сан-Галло,⁴²³ то с ослов сняли попоны и положили их в дорожный мешок; по прибытии в Болонью, прежде чем въехать в город, слуги снова надели их на ослов. Когда же они вошли в город, то болонцы стали спрашивать: «Что это такое?»

Одни полагали, что это беговые лошади, другие – что это обыкновенные клячи, а потом, увидя что это такое, один говорил другому: «Ей-ей, это ослы!» Они стали спрашивать у слуг: «Что все это означает?»

Слуга отвечал им: «Это два осла, которых один знатный флорентиец дарит миланскому синьору».

В то время как они расспрашивали, один из ослов начал кричать. Тогда некоторые сказали: «Вы посадили бы их, право, в клетку, они так хорошо поют!»

Когда шествие достигло гостиницы Феличе Амманати, то с одной стороны посыпались вопросы, с другой – раздался смех.

– «Что это такое?» – спросил Феличе и многие другие.

Слуга объяснял. – «Проваливай с богом, – говорил каждый, – ведь это никогда не виданное дело, чтобы такому большому синьору дарили двух ослов».

В то время, как стоявшие перед гостиницей глазели на ослов, один из них стал издавать звуки и опорожнять кишечник. Феличе спросил: «А что, Микелоццо приказал вам подарить мне эти звуки и эти извержения?»

И, обернувшись к слуге, прибавил: «Смотрите, когда вы станете передавать ослов синьору, чтобы они не издавали этих громких звуков, потому что вам, пожалуй, за них достанется на орехи».

Слуга отвечал на это: «Постараемся, чтобы дело прошло хорошо; ведь синьор знает

423 [423] Северная застава во Флоренции.

отлично, что ослы опорожняются».

Феличе и все находившиеся там флорентийцы и болонцы все-таки не могли взять в толк, чтобы можно было сделать такой подарок, и даже после того как ослов увели, они больше месяца только и говорили, что О них. Я не хочу затягивать рассказа, который мог бы оказаться слишком длинным, так как ослы в своих пополах с гербами торжественно проходили через многие области, и всего того, что думали о них жители Мадены, что говорили в Реджо, как удивлялись этому чуду в Парме, Пьяченце и Лоди, всего того, что говорилось о них в названных городах, где это казалось совершенно небывалым делом, не пересказать и за целый месяц.

Когда они явились в Милан, то сбежалось множество народа поглядеть на них. – «Что это? Что это такое?» Каждый пожимал плечами и не знал, как выразить то, что хотелось сказать. Добравшись до дворца синьора, слуга, сопровождавший ослов, сказал привратнику, что он явился от Микелоццо, чтобы преподнести синьору некий подарок. Привратник увидел через дверь двух ослов, покрытых пополами. Он пошел к синьору, доложил ему об этом и прибавил, что видел как будто двух ослов, покрытых алым сукном. Услышав это, синьор изменился в лице и сказал: «Иди и скажи слуге, чтобы он вошел».

Слуга является к синьору и излагает поручение, данное ему Микелоццо. Синьор, выслушав его, сказал: «Передай Микелоццо, что я сожалею о том, что он посылает мне двух своих товарищей и остается, таким образом, в одиночестве». Он отпустил слугу, послал за неким человеком, управлявшим всеми его вьючными животными и носившим имя Бергамино да Крема,⁴²⁴ и приказал ему: «Ступай, прими этих ослов, возьми попоны и вели тотчас же скроить из них кафтан себе и всем другим погонщикам мулов и ослов, которые возят соль из моих солеварен. Гербы, находящиеся на пополах, пускай каждый из этих людей носит на груди и на спине, а герб Микелоццо пусть будет под ними, а тем людям, которые привели ослов, вели подождать ответа».

Бергамино так и сделал; он пошел во двор, взял ослов и поставил их в конюшню, а попоны сложил в одной из комнат. В тот же день он послал за портным и велел ему скроить из алого сукна четыре кафтана – себе и трем другим погонщикам мулов и ослов, служивших при дворе синьора Бернабо. Когда кафтаны были готовы и надеты людьми на себя, на подаренных ослов навязали вьюки, вывели их из Милана, и они вернулись нагруженные овсом, а Бергамино и прочие шли позади. Их спрашивали: «Что это значит, что все вы одеты в красное сукно с гербами и идете позади этих ослов?»

Бергамино ответил: «Один дворянин из Флоренции, по имени Микелоццо, прислал мне в дар этих ослов, покрытых красным сукном, и я ради него сделал из этого сукна одежду себе и вот этим людям».

И все это он исполнил так, как ему приказал синьор.

После этого Бергамино попросил секретаря синьора написать Микелоццо ответ и сообщить от его имени о том, как он, Бергамино, получил двух ослов, покрытых алым сукном, как он тотчас велел положить на них вьюки и употребить для службы синьору; ослы же эти хорошо снесли поклажу. Кроме того, он велел написать, что из того сукна, которым были покрыты ослы, он сделал платье себе и трем погонщикам с гербами синьора и его, Микелоццо, гербом под ними, чтобы оказать ему честь. В таком наряде они в течение нескольких дней ходили по Милану за ослими всем напоказ и рассказывали о том, кто прислал этих ослов. Когда письмо со всякими такими подробностями было составлено, Бергамино велел его сложить, подписав в конце: Бергамино да Крема, заведующий вьючными животными великолепного синьора миланского и т. д. А сверху было написано: «Брату моему, Микелоццо или Бомбоццо де Бомболи во Флоренции». Когда письмо было закончено и запечатано, Бергамино передал его слуге Микелоццо и сказал: «Вот ответ, ты можешь уезжать, когда тебе захочется».

Слуга этот, однако, хотел поговорить с синьором в расчете, быть может, получить деньги за переданный подарок, но он так и не смог добраться до него. Тогда он вернулся во Флоренцию с письмом от Бергамино и, явившись к Микелоццо, передал ему его в руки. Когда

---

424 [424] О Бергамино да Крема, ведавшем вьючными животными, на которых перевозили, соль, добываемую на промыслах Висконти, ничего неизвестно.

тот стал читать надпись, то совсем сомлел. Вскрыв письмо, он прочел, кто его посылает, и тогда ему стало еще хуже; прочтя же самое письмо, он всплеснул руками и, позвав слугу, спросил его: «Кому передал ты мое письмо?»

А тот ответил: «Мессеру Бернабо». – «А что он сказал тебе?»

– «Он ответил, что ему жаль, что вы остались в одиночестве, послав ему своих товарищей».

– «Кто дал тебе это письмо?»

– «Один из его слуг, а его самого я так и не смог больше увидеть». – «Боже мой! – сказал Микелоццо, – ты уничтожил меня! Почему я знаю, кто этот Бергамино или Мердолино? Вон из моего дома, чтоб тебя здесь больше не было!»

Слуга ответил на это: «Оставаться мне здесь или уходить, это, конечно, дело ваше, но я вам все-таки скажу одно: повсюду над нами насмехались, и если бы я передал вам все то, что нам говорили, то вы бы только диву дались».

Микелоццо тяжело вздохнул и спросил: «А что же тебе говорили? Разве никогда не дарили подарков ни одному синьору?»

Слуга ответил на это: «Конечно, дарили, только не ослон».

Микелоццо крикнул на него: «Чтоб тебя меч поразил! Если бы ты был тогда со мной, когда испанский дворянин подарил ему своего осла, что бы ты сказал?»

Слуга ответил ему: «Так это был уж такой случай. Кроме того, скотинка та была особенная. А тут другое дело».

Микелоццо сказал на это: «И весь-то этот осел не стоит ноги одного из моих ослов, которые стоили мне с попонами больше чем сто флоринов».

Слуга заметил на это: «Ваши ослы были годны под выюк, вот их сейчас же и навьючили».

Микелоццо сказал: «Хорошее же дело вышло: я посылал ослов мессеру Бернабо, а ты отдал их Бергамино да Крема. На кой черт мне этот Мердолино да Крема, который, судя по письму, погонщик ослов? Убирайся с глаз моих долой. Чтоб на тебя тысяча чертей напала!»

Слуга ушел, но через два дня Микелоццо охотно согласился взять его обратно. После этого названный Микелоццо захворал, вероятно больше от огорчения, чем от какого-нибудь недуга, и, по-видимому, никогда уже больше не поправился. В самом деле, подарок его был необыкновенным и столь же необыкновенно обошлись с ним, как ему и подобало.

Новелла 153

Мессер Дольчибене, посещая некоего богатого и скупого человека возведенного в Дворянство, понуждает его острым словом сделать ему кое-какие подарки

Мне следует, однако, вернуться к мессеру Дольчибене, о котором я рассказывал во многих предыдущих новеллах, ибо он был лучшим из потешников, живших когда-либо на свете в старое время, и недаром Карл IV сделал его князем шутов и скоморохов Италии.⁴²⁵

Во Флоренции, к стыду и позору дворянского звания, которое, как я вижу, низводится до конюшни и свинарника, был возведен в дворянство некий уже старый человек, страдавший подагрой, который ссужал постоянно деньги в рост и блистал своим богатством.⁴²⁶ Пусть тот, кто не верит, что я говорю правду, припомнит, не случилось ли ему видеть, как немного лет тому назад возводили в дворянство мастеров, ремесленников, даже булочников и хуже того – чесальщиков шерсти, ростовщиков и жуликов-барышников. Из-за таких отвратительных дел дворянство можно называть не *cavalleria*, а *casaleria*,⁴²⁷ будем говорить прямо. Хорошенькое дело! Какой-нибудь судья, чтобы стать подеста, превращается в дворянина! Я не говорю, что

425 [425] Это могло случиться в 1355 г., когда Карл IV побывал впервые в Италии.

426 [426] Видимо, Симоне Перуцци, который, по личной его просьбе, в старости получил, дворянство.

427 [427] *Casaleria* от глагола *casare* – «испражняться».

наука не пристала дворянину, нет, но наука настоящая, без барыша, без сиденья за пюпитром для подачи советов, без хождения по судам в качестве защитника. Прекрасное занятие для дворянина! Бывает и хуже, когда нотариусы становятся дворянами и даже кое-чем повыше и пенал превращается в золотые ножны. Но бывает и много хуже, когда тот, кто совершает подлинное злое предательство, возводится в дворянство. О, несчастнее рыцарство, ты пошло ко дну!

Существовало, или, чтобы сказать лучше, было принято, четыре способа посвящать в рыцари: посвящали в рыцари торжественного посвящения, в состоящие в свите синьора, в рыцари щита и в рыцари меча. В рыцари торжественного посвящения посвящались с большой пышностью, причем с нею должны были смыть всякое пятно. Рыцари, состоящие в свите, это были те, которые получали рыцарское звание и одновременно зелено-коричневую одежду и позолоченный венец. Рыцари щита – это те, которых посвятили либо народ, либо синьоры и которые получают свое звание, держа в руках оружие и покрыв голову шлемом. Рыцари меча – это те, которые ими становятся в начале или в конце битвы. И все они обязаны при жизни исполнять различные вещи, о которых долго было бы рассказывать. А между тем поступают они как раз наоборот. Я хотел, однако, коснуться этих подразделений, дабы читатели поняли из этих примеров, насколько рыцарство умерло. И разве не видят они, – чтобы добавить к сказанному, – что рыцарями делают мертвецов? Что за грубое это и смрадное рыцарство! Так можно было бы посвятить в рыцари человека из дерева или из мрамора, который столько же чувствует, как мертвец. Но те по крайней мере не разлагаются, а мертвый человек сразу же начинает гнить и разлагаться. Если такое рыцарское звание имеет силу, то почему бы не сделать рыцарем быка, осла или другое какое-нибудь животное, которое обладает чувствами, хотя и неразумными? У мертвеца же их нет ни разумных, ни неразумных. Перед таким рыцарем несут и меч, и оружие, и знамена, словно он отправляется на битву с самим сатаной. «О, тщеславная уверенность в человеческих силах!»⁴²⁸

Но я возвращаюсь к новому рыцарю, упомянутому выше. Мессер Дольчибене, отправившись к нему, как это делают люди ему подобные, – чтобы получить в дар либо платье, либо деньги, – застал его грустным и задумчивым, словно он был озабочен погребением какого-нибудь родственника и очень мало радовался своему посвящению в рыцари, а еще меньше приходу шута. Поэтому мессер Дольчибене спросил его: «О чем вы задумались?»

Тот сопел, как свинья, и отвечал еле-еле. Тогда мессер Дольчибене продолжал: «Ах, мессер..., не огорчайтесь так; ведь, ей-богу, коли вам еще суждено пожить на этом свете, вы увидите, что в рыцари посвящают и похуже вас!»

Рыцарь ответил на это: «Да, действительно, хорошенькую вы мне преподнесли шутку!»

Мессер Дольчибене сказал на это: «Если вы отделаетесь одной, то благо вам, если же вы придерживаетесь другого намерения, а преподнесу вам их больше четырех».

Рыцарь умолк и не сказал больше ни слова. Тем не менее он приказал принести конфет и вина, и этим дело кончилось. Наконец мессер Дольчибене, увидя, что дальше этого дворянин не пойдет, повел такую речь: «Я пришел к вам, потому что коммуна обложила налогом в десять лир каждого негодного человека, и я явился от названной коммуны вытрясти их из вас».

Дворянин ответил на это: «Если я должен уплатить такой налог, го я согласен, но пусть уплатит вам его и мой сынок, находящийся здесь, который хуже меня в два раза и на этом основании должен заплатить двадцать лир».

Мессер Дольчибене обратился к юноше и сказал ему: «Скорей делай то, что ты должен». Сокращая рассказ, скажу, что ему не помогли никакие увертки, так что мессер Дольчибене получил вместо тридцати лир восемь флоринов с обоих, и притом не вычеркнул их из списка подлежащих обложению, ибо ему благодаря нахальству его языка кое-что перепало и он набил себе живот как только мог.

А дворянин, потому ли что он раскаялся в своих мечтах, или по какой другой причине, очутился, будучи рыцарем, в еще более жалком положении, чем был прежде. И так бывает всегда, ибо кто отроду плох, тому от этого никогда не исцелиться.

428 [428] Данте. Чистилище, XI, 91 (перевод М. Л. Лозинского).

Новелла 154

Некий молодой человек, приведя к себе в дом жену и не будучи в состоянии поспать с ней в течение первых дней, рассердившись, уезжает в Каффу, остается там более двух лет и возвращается домой с большими деньгами, чем увез их с собой, а его жена спокойно ожидает его в доме своего отца

Не так много лет тому назад некий молодой человек родом из генуэзской Спинолы взял себе в жены славную юную генуэзку, давно уже нравившуюся ему. После передачи приданого молодая перебралась в одно прекрасное воскресенье к мужу, но в Генуе есть обычай праздновать свадьбу четыре дня подряд, причем все танцуют и поют и никогда не предлагают ни вина, ни конфет, потому что там существует поверье, что если предложить кому-нибудь вина и конфет, это значит распрощаться с ним; и спать с мужем жене разрешается только в последний день, а никак не раньше. Когда молодая явилась, то муж, сильно желая побыть вместе с нею, попросил женщин, чтобы они позволили ему в воскресенье же вечером поспать с женой. Но в Генуе никак нельзя было заставить согласиться нарушить обычай. Этот день прошел, а затем и следующий за ним понедельник. Молодой, все более воспламеняясь, говорит: «Я желаю во что бы то ни стало сегодня же вечером спать со своей женой».

Женщины и все остальные ответили, что ни за что не хотят нарушить свой обычай. Во вторник он опять пожелал того же, но никак не мог и на этот раз добиться своего. Настала среда, когда обычай разрешал спать с женою, а рассерженный молодой, увидя корабль, поднимающий паруса, чтобы плыть в Каффу,⁴²⁹ позвал своего слугу и велел ему держать в тайне все, что он будет делать, и никогда о том не рассказывать. Собрав в узел кое-какое платье и другие необходимые вещи и захватив 1200 флоринов из приданого и свои собственные деньги, он сел на корабль, который тотчас же отплыл благодаря попутному ветру. Свадебные танцы и музыка продолжались, и, когда настал вечер, женщины и все другие, не видя молодого, сильно изумились и сказали: «Что это может значить? Ведь в предыдущие вечера он был полон желаний, а теперь, когда настало время быть вместе с женою, как он того хотел, его не найти!»

Стали спрашивать здесь, искать там, а милый друг не находился, потому что он отъехал уже миль на восемь или более. Все гости и родители были весьма опечалены, а с ними, конечно, и молодая жена, потерявшая мужа прежде, чем она его получила. Как бы то ни было, она улеглась спать так, как и все прочие женщины. На другой день не оставалось ничего другого, как продолжать поиски, спрашивать и ждать. Жди ворона! Ибо чем дольше ждали дружка, тем больше он отдалялся от них. Жена, подождав несколько дней, вернулась домой, не отведав замужества, а что касается до того, были ли огорчены родители, то не стоит и спрашивать: ведь они дали в приданое тысячу флоринов, а между тем получили молодую обратно в дом, и притом не могли знать, вдова она или замужняя женщина.⁴³⁰ Наконец, когда однажды один из ее родственников, находясь на площади Сан-Лоренцо, стал жаловаться по этому поводу, то некий, слышавший эти жалобы хозяин корабля, вернувшегося за несколько дней до того в генуэзскую гавань из Александрии, по имени Джан Фигон,⁴³¹ воскликнул: «Клянусь кровью господней, я видел его в гавани, когда он садился на такой-то корабль, управлявшийся в Каффу, и он, наверно, отплыл на нем».

Отозвав в сторону Фигона, родственник этот стал расспрашивать его обстоятельно с глазу на глаз и уверился, что это была правда; тогда, вернувшись домой, он обошел всю родню и рассказал о том, что слышал. После этого все пошли в дом пропавшего мужа и стали искать его вещи и, не найдя ни их, ни вещей его слуги, предположили, что он, вероятно, отправился в это неприятное путешествие из-за жены. Решив, что это так, они разослали письма и стали

429 [429] Каффа – ныне Феодосия в Крыму.

430 [430] См нов. 71.

431 [431] Это имя несомненно вымышлено.

расспрашивать, не вернулся ли кто из этих краев, и этак прождали добрых восемь месяцев, не получая о кем никаких вестей.

Наконец, когда некий генуэзец из рода Омеллини вернулся из Каффы и его расспросили об этом деле, то он рассказал, что оставил этого молодого человека в Каффе и что он не так давно прибыл туда на таком-то корабле. Убедившись в этом, родственники, в особенности же отец и братья молодой, стали писать мужу, самым настоятельным образом упрашивая его вернуть им жену, за которой они дали приданое и которую послали к нему. Сколько они ни посылали к нему и ни писали, чтобы этот добрый человек вернулся из Каффы в Геную, но он воротился только через два года четыре месяца и двенадцать дней с 2000 флоринов, и, когда о приезде его сообщили родителям молодой, одному богу известно, какая тут была радость и как они поспешили ему навстречу, чтобы обнять, по обычаю генуэзцев, молодого человека. Кто говорил при этом: «Ах, ты негодный! Где это ты был?» А кто что-нибудь другое, а третий и еще что-нибудь.

Молодой человек отвечал: «Я вернулся сюда из Каффы». А вот теперь представьте себе, что подумали генуэзцы, слыша эти его слова: «Я вернулся сюда из Каффы», – как будто он вернулся из Порто Фино,⁴³² а между тем он проделал 3500 миль, и путешествие это одно из самых далеких, какие совершают. Словом, когда он приехал, его стали спрашивать, какая причина заставила его удалиться из своей страны и от молодой жены, то он ответил, что не что иное, как гнев и злоба, и затем прибавил: «И вот я здесь и скажу, что если ваш и наш обычай ждать после свадьбы четыре дня, чтобы поспать с женой, хорош, то я скажу, что мой обычай, которого я придерживаюсь, хорош и даже превосходен потому, что я ждал гораздо больше четырех дней. Да простят мне все присутствующие, но я считаю милостью божьей все то, что случилось, ибо я всегда желал в своей молодости, из которой не вышел и по сию пору, поехать в Каффу. Я доволен, что, отправившись туда из-за гнева или случая, я уехал в Каффу до того, как поспал с моей женой, а не после этого, потому что от многих умных генуэзцев, побывавших во Франции, я слышал, что в зале короля находится изображение трех различного вида людей, причем на каждом изображении имеется рука, показывающая фигу. Первая фигура могла бы быть отнесена ко мне, если бы я поспал с моей женой и после уехал в Каффу. Тогда я получил бы фигу, ибо говорят, что безумец тот, кто, взяв жену и поспав с ней некоторое время, уезжает от нее и отправляется в далекое путешествие. Тот, кто берет молодую жену, остается с ней немного и потом уезжает на долгое время, бывает жестоко обманут: он поджигает скирду с соломой и удаляется, не думая о том, что солома сгорит. Вторая фигура относится к человеку, который (дабы вы знали, что мне известен смысл написанного на картине) ссудил сто флоринов или какое-нибудь иное количество денег: должник хочет ему вернуть часть этих денег, а он не желает их брать – человек этот получает вторую фигу. Третья фигура предназначается человеку, которому вверен большой секрет, а он выдает его другому, прося сохранить секрет в тайне (чего он не сумел сделать сам): человек этот получает третью фигуру. Возвращаясь к нашим делам, скажу, что я уехал в Каффу, рассердившись на то, что три первых ночи не мог поспать с женою, и делал это неохотно; однако мне повезло, потому что вместо 1200 флоринов, которые я увез, я привез домой 2000 и, имея в виду фигу из Франции, я рад, что уехал в Каффу прежде чем побывал с женой, а не после. Поэтому я выскажу вам коротко мое желание, что мне по душе: коли бог привел меня обратно, то, если вы хотите прислать мне в дом женщину, которая должна мне принадлежать, сделайте так, чтобы она была здесь нынче же вечером. Мне не предстоит больше праздновать свадьбы, а если жена не будет здесь ко времени, то я уеду в Дали,⁴³³ как раньше уехал в Каффу».

Когда родители услышали это, то живо-живо поспешили, и жена была у него уже в половине девятого, и этот молодой муж обработал по своему усмотрению поле, которое так долго оставалось под паром, вознаградив себя за потерянное время лучшим образом, как только мог, и оставался со своей женой дома, не пускаясь в слишком частые путешествия.

А каково ему пришлось бы, если бы в то время, когда он находился в Каффе, другой

---

432 [432] Портофино (Порто-Фино) находится на восточном побережье Леванта.

433 [433] Может быть, Идалион на острове Кипр.

человек утащил бы у него из-под носа его добро? И поделом бы ему было, коли он не мог подождать один денек того, чем ему предстояло владеть в продолжение всей своей жизни.

Новелла 156

Под видом врача мессер Дольчибене в окрестностях Феррары вправляет вывихнутую руку девушке и достигает этого тем, что садится на больную руку

Ничто так не сладко, как добро, если только внимательно к нему присмотреться, а потому, будучи охотником и до того и до другого, я вернусь к тому имени, в котором заключена и сладость и добро, то есть к мессеру Дольчибене, о котором раньше я рассказывал во многих новеллах.⁴³⁴ И так же, как в предыдущей новелле⁴³⁵ доблестный врач маэстро Габбадео, желая с помощью науки и умения, дарованного ему природой, хорошенько и обстоятельно разглядеть мочу своей больной, сидя верхом на жеребенке, который чуть было не искалечил его, так в этой нижеследующей новелле я хочу показать, как Дольчибене, не зная ни философии, ни медицины и не находя однажды гостиницы и дома, где бы он мог остановиться, проделал необычайный и восхитительный опыт, никогда еще не испробованный до него ни одним врачом.

Итак, обратимся к нашему рассказу. Мессер Дольчибене, провозглашенный перед тем князем шутов императором Карлом Богемским, узнав, что названный император собирается во второй раз вернуться в Италию и уже прибыл в Ломбардию, отправился из Флоренции навестить императора, захватив с собой нескольких лошадей. Прибыв в один прекрасный вечер уже в поздний час в Феррару, он застал там императора, но вследствие большого числа людей, следовавших за Карлом, все комнаты в гостиницах Феррары и на несколько миль в окрестностях оказались заняты, отчего названный Дольчибене, не находя себе пристанища, отправился во дворец, где находился император. Сойдя на улице с коня и оставив лошадей своим слугам, он пошел представиться Карлу и, почтительно приветствуя его, сказал: «Синьор, будьте уверены в том, что у вас есть средства покорить весь мир, ибо вы ладите и с папой⁴³⁶ и со мной. Вы покорите его с помощью меча, папа – буллами, а я – словами, и этому никто не сможет воспрепятствовать».

Император ответил ему, как подобало, а мессер Дольчибене продолжал: «Клянусь святым венцом, у меня еще нет пристанища и я хочу пойти поискать, не смогу ли я где приютиться, а после этого вернусь к вашему величеству».

Итак, он ушел и, вскочив на лошадь, стал разъезжать по городу, расспрашивая, где бы ему остановиться с пятью лошадьми, которые находились при нем. Коротко говоря, не найдя приюта в Ферраре, он выехал за город и стал держать путь на Франколлино,⁴³⁷ спрашивая в каждом доме, нельзя ли ему здесь устроиться? Он проехал таким образом несколько миль и в конце концов попал в дом по сю сторону моста Лаго Скуро.⁴³⁸ Увидя там у входа в дом женщину, с виду очень несчастную, он спросил: «Как вас зовут, мадонна?»

Та ответила ему: «Почему вы так спрашиваете? Меня зовут донной Марготтой».

А мессер Дольчибене снова спросил: «А как зовут вашего мужа?»

На это она ответила: «Его зовут Сализин».

Когда мессер Дольчибене продолжал: «Мадонна, не можете ли вы приютить меня на эту ночь с этими лошадьми? Я заплачу вам столько, сколько вы потребуете».

На что женщина ответила: «Мессер, у меня столько неприятностей, что сердце мое

---

434 [434] См. нов. 153.

435 [435] Новелла 155 пропущена в настоящем издании.

436 [436] Папа Урбан V

437 [437] Франколлино – небольшое селение на реке По, в 15 км к северо-востоку от Феррары.

438 [438] Лаго Скуро – мост через реку По в 8 км от Феррары.

разрывается».

Тогда Дольчибене спросил ее: «Что с вами?»

И она рассказала, что ее четырнадцатилетняя дочь (притом единственная) вывихнула себе руку и кисть руки, упав только что со смоковницы, и теперь она все время плачет и жалуется.

Мессер Дольчибене сказал на это: «Я, вероятно, ангел божий, посланный сюда к вам и вашей дочке, потому что я лучший врач-костоправ, какой только имеется в Италии и Тревизской марке. Я вылечу вам эту девочку, если бы даже у нее были не только вывихнуты, но и переломаны все кости».

Услышав мессера Дольчибене и поверив по его виду тому, что он говорил, женщина приняла его очень любезно. Устроив лошадей и свернув шеи своим курицам, она приготовила все так, как если бы он был императором. В это время вернулся Сализин, ходивший ловить рыбу, и принес двух маленьких осетров, а Марготта, встречая его, рассказала ему с печалью о том, что дочь их упала, и с радостью о том, что к ним в дом приехал столь доблестный врач. Муж почтительно приветствовал мессера Дольчибене, принял его как гостя и приказал сварить осетров, а потом поручил его попечению свою дочь. После этого мессера Дольчибене привели к кровати девочки, которая была хороша собой по феррарским условиям, и он осмотрел кисть руки, вывихнутую при падении и загнутую вверх в виде крючка. Мессер Дольчибене стал требовать разных вещей и, в конце концов, не найдя их там и желая в то же время применить хорошее лекарство, приготовил много тряпок, порвал их на куски и, наделав из этого тряпья обмоток и повязок, намазал кисть руки и самую руку девочки так, чтобы их как следует размягчить. Сделав все это, он велел девочке оставаться в таком виде целый час, а сам пошел позаботиться о лошадях, отведать вина и исследовать курицу и осетров. Через некоторое время он вернулся к своей ученой работе и развязал девочке повязку. Так как она стала громко кричать от боли, то отец и мать, испугавшись как бы она от сильных страданий не умерла, стали просить его, чтобы он, бога ради, не касался ее грубо руками. Мессер Дольчибене сказал на это: «Я, право, не стану трогать ее», и он велел принести побольше пакли и два больших деревянных блюда. Положив руку искривленной частью кисти кверху и положив и снизу и сверху большое количество пакли, он покрыл ее затем вторым блюдом так, что вывихнутая кисть могла стать под этим прессом на место.

После объяснений и приготовлений он, приложив руки к груди, сказал: «Не бойтесь, я не трону ее рукой», – и, повернувшись к девочке спиной, попросил: «Держите крепко руку, как я ее приладил», и затем сел на нее с такой силой, что, наверно, смог бы выпрямить согнутый железный стержень.

Затем он вдруг повернулся, поднял руку вместе с блюдами, со всеми мазями и повязками, которыми обмотал ее, и брызнул водой в лицо девочке, громко кричавшей от сильной боли. Однако через час после этого она успокоилась, и рука ее вместе с кистью оказались выпрямленными и каждая на своем месте. Обратившись к Сализину и мадонне Марготте, мессер Дольчибене сказал: «Ну, как, по-вашему, все это вышло?»

Не ответили: «Отлично, маэстро, пошли вам бог прекрасную жизнь!»

Тогда мессер Дольчибене, хвастаясь, сказал: «Вот и подумайте, что бы я сделал с помощью руки, если я своим задом проделал такой замечательный опыт».

После этого все в очень веселом настроении пошли обедать; с Дольчибене обращались, как с папой, и он не уплатил за угощение ни гроша. Поднявшись рано утром, он распрощался с хозяевами и, садясь на коня, увидел двух крупных зарезанных каплунов, привязанных к луке седла. Хозяева же обещали дать ему еще больше, если он когда-нибудь вернется в эти места. Возвратившись в Феррару с рассказом об этом происшествии, он в течение нескольких дней развлекал ими императорский двор и предлагал всем военным людям не бояться вывихивать себе кости, потому что он тотчас же их вправит при помощи своего зада лучше, чем иной человек сделает это рукой. На этот раз он поднялся в цене больше, чем любой знаменитый медик, излечивший от подобного недуга какого-нибудь знатного синьора.

Один мул, тащивший вьюки по Старому рынку, обращает в бегство всех находившихся на площади, приводит в негодность мясо, а также то сукно, которым был нагружен, доводит до тяжбы суконщиков и мясников, и чем все это после многих необыкновенных происшествий закончилось

Содержание предыдущей новеллы напоминает мне один случай, коего некогда я был свидетелем. Не так много лет тому назад на Старом рынке завелся ворон, такой любитель злых проделок, какого никогда не бывало. Как-то в страстную субботу, когда мясной ряд был полон товара и множество горожан покупало его, к заваленному бараниной полку подошел некий человек с двумя мулами, нагруженными сукном, которое он вез с сукновален. Поставив мулов в стороне, он стал торговать баранину; в это время ворон, принявшийся летать, уселся на шею одного из мулов, повернулся хвостом к его крупу и, наклонив голову к его заднему проходу, опустил в него свой клюв. Мул, почувствовав, что его клюют в то место, которое большинству внушает отвращение, стал, как это каждый может себе легко представить, так брыкаться и бушевать на разные лады, что ударил копытами по висевшим на крюках бараньим тушам, которые от ударов попадали, и понесся между полков и торговцев. Второй мул, хотя ворон и не трогал его, разъярившись, пустился вскачь за товарищем, прыгая и лягаясь не меньше первого.

Оставив полки, торговцы и горожане бросились в ближайшие лавки. Мулы же словно сказали себе: «Давай, сделаем так, чтобы хуже быть не могло». И, прыгая по полкам и брыкаясь, они стали разбрасывать все, что там находилось, и не малому числу торговцев и горожан наделали всяких бед. На площади не осталось никого, кроме двух живых животных и мертвых туш. Весь народ разбежался по соседним лавкам, и большинство смеялось. Но торговцам было не до смеха. Когда мулы расшвыряли все мясо, им захотелось сделать то же и с фруктами; они направились к торговке Лизе и опрокинули ударами копыт почти все корзины других торговок, так что те едва могли защититься от них. Все сукно с сукновален, которым мулы были навьючены, они сбросили на землю, часть же его очутилась на полках, а баранина валялась на земле. Набедокурив вволю, мулы отправились освежиться к монне Менте⁴³⁹ и съели у нее весь салат и овощи.

Наконец, тот погонщик, который вел мулов, выйдя из себя и рискуя жизнью, отправился их ловить. Увидя, что мулы пойманы, торговцы вышли из лавок, и те, кто понес убыток, направились к погонщику с криком: «Мерзкий негодяй, гнусный предатель, ты нас разорил!» И они хотели даже убить его и убили бы, если бы подле них не стояло достаточного количества горожан, которые, чтоб успокоить их, посоветовали им: «Отведите-ка его к подеста; он накажет его и заставит возместить все ваши убытки!»

Тогда все их бешенство обратилось на то, чтобы схватить погонщика и отвести к подеста; так и не пришлось бедняге подобрать свое сукно и увести с собой мулов, которых торговцы привязали за ноги к одному из полков. Он едва только мог выговорить: «Господи, помоги мне!» – потому что они тащили его с такой яростью, словно он перебил всех мясников. Кое-кто из торговцев остался подбирать мясо, валявшееся на земле, но, увидя, что все оно в грязи и попорчено, они как бешеные бросились с ножами и железными палками к мулам, точно им приходилось колоть боровов. Своими резаками и палками они так обработали мулов, что те оказались почти искалеченными. Несколько ремесленников, находившихся тут же, подобрали сукно, привезенное с сукновален, которое было совершенно затоптано, частью продрано копытами в то время, когда мулы носились по полкам, и сложили его в кучу.

Тем временем подеста допрашивал торговцев, приведших схваченного ими беднягу, о том, что он натворил. Они ответили, что погонщик должен возместить им мясо и убытки, что составляло большую сумму, не говоря уже о том, что он поднял на ноги всю округу. Схваченный ответил подеста: «Синьор, я не виноват; я перевозил сукно с сукновален неким суконщикам на Винье;⁴⁴⁰ прогоняя мулов рынком, я поставил их в стороне и стал покупать баранину. Не знаю, что случилось с мулами, но только из-за них вся площадь оказалась в

439 [439] Менте – это имя изобретено для зеленщицы (в переводе – «Язык-мята»).

440 [440] Винье – улица во Флоренции.

опасности. Я очень огорчен этим; только вина здесь не моя».

Подеста, звавшийся мессером Аньоло да Риэти,⁴⁴¹ спросил схваченного погонщика: «А зачем же ты ведешь мулов через Торговую площадь, где столько людей и народа, раз они с норовом?»

Тот отвечал подеста, что никогда еще мулы не были такими непослушными, и он не понимает, что это значит. Уж не случилось ли все это из-за ворона? Подеста хотелось обедать; он велел отвести схваченного в тюрьму, а торговцам приказал вернуться к своим занятиям, обещая выяснить правду и наказать того, кто окажется виновным. После этого торговцы ушли, а бедняга остался под замком.

Тем временем слух о происшедшем дошел до Виньи и до тех суконщиков, которым принадлежало сукно. Они немедленно поспешили на Старый рынок, дабы расспросить о случившемся и о судьбе сукна. Там им рассказали по порядку, как произошло дело, как оно началось с ворона, а также обо всем остальном. Суконщики пошли в лавки, где лежало сукно, и, найдя его в очень плохом состоянии, частью изодранном, стали говорить: «Что за черт? Ведь это следы ножа. Даром это им не пройдет! Так-то эти скоты думают обращаться с суконным цехом! У какого черта находятся эти мулы?»

Им указали. Суконщики послали за ними нескольких маруффинов;⁴⁴² те отвязали мулов и привели их к ним. Животные еле могли передвигать ноги, до того они страдали. Увидя это, суконщики пришли еще в большее бешенство и закричали: «Нам покалечили этих двух мулов, стоящих около ста флоринов!» (Им было рассказано все происшедшее от начала и до конца).

Они велели навьючить сукно на искалеченных, таким образом, мулов и тронулись в путь, сказав: «Пойдем и мы к подеста и посмотрим, удовлетворит ли он наши справедливые требования, или суконный цех и те, кто выделывает сукно во Флоренции, настолько ценятся, что какие-нибудь разбойники мясники могут обращаться с ними таким образом?»

Какой-то грубиян мясник, услышав это, сказал им: «Ступайте к подеста! Если вы делаете сукно и продаете его, то мы продаем мясо, которым кормится народ».

Некий маруффин бросился на мясника, но у того был в руках нож. Увидя это, один из более рассудительных суконщиков потянул маруффина назад и сказал: «Идем туда, где судят, и посмотрим, сделает ли подеста то, что надлежит; если же он это сделает, то им достанется хуже, чем тому, кто хватает собаку за хвост».

Так и пошли они с двумя хромающими мулами, нагруженными сукном, словно выкрашенным грязью, к подеста, в горе, которое оценит каждый. В ту самую минуту, когда они входили к нему, толпа мясников, шедших за ними следом, но опередивших их, уже говорила подеста: «Мессере, не верьте им: они так зазнались, что хотят отнять у нас наше добро; мы люди бедные, а между тем их мулы так обработали сегодня наш товар, что в нынешнем году нам уже не встать на ноги. Их мулы и сукно в порядке; что же касается нашего мяса, то скрыть то, как оно пострадало, нельзя. Пошлите-ка начальника стражи посмотреть на него, и вам будет ясно, что нам не найти на него покупателей».

Тогда заговорили суконщики: «Этих мулов они так отделали и ножами и всем, что попало, что вместо ста флоринов, которых они стоили, за них не получить и сорока, не говоря уже о сукне, которое в гораздо худшем виде. Мы просим удовлетворить наши справедливые требования».

На что мясники заявили: «И мы тоже просим удовлетворить нас. Пошлите начальника стражи посмотреть, какие мы понесли убытки и убедиться в том, что мы говорим правду, а не болтаем вам всякий вздор».

Тогда один из суконщиков сказал: «Ого, вот это ловко! С больной головы, да на здоровую!»

На что подеста заметил: «Я еще не знаю, чья голова окажется здесь больной и чья здоровой. Ступайте. Я пошлю начальника стражи».

Суконщики стали просить его: «Мессер подеста! Выдайте нам посаженного вами в

---

441 [441] Об Аньоло да Риэти нет сведений.

442 [442] Маруффины – старьевщики.

тюрьму погонщика».

Подеста не согласился. В конце концов суконщики поручились за заключенного; подеста выдал его и велел всем идти по домам, заявив, что выяснит правду и рассудит их. Так прошла пасха, а затем и пасхальный понедельник. Желая исполнить долг правосудия и справедливости, подеста стал допрашивать обе стороны, чтобы выяснить истину. Тогда весь суконный и мясной цеха, явно и тайно, стали изо всех сил орудовать в суде, потому что каждый старался одержать верх в этой тяжбе. В конце концов подеста, рассуждая сам с собой о том, что ведь первыми виновниками были мулы, спросил себя: «Что же мне делать? Осудить ни в чем не повинного погонщика? Нет, это не годится. Велеть мясникам уплатить за сукно и мулов суконщикам? Это мне кажется несправедливым».

Поэтому, когда во вторник обе стороны явились к нему, он, вызвав и выслушав каждого, решил отделаться от этого дела, вынеся следующее постановление: «Мудрые выделыватели сукна и резники! Я много раздумывал над вашей тяжбой и убедился, что враг рода человеческого умудрился посеять раздоры и соблазн среди вас, которые должны жить в единении, подобно братьям. Так как, хотя суконный цех и мясной и кажутся совершенно различными, но в сущности составляют одно целое, ибо занятие обоих ведет свое начало, можно сказать, от овцы: одни из вас занимаются обработкой ее шерсти, а другие – ее мяса, – то, как видите, нет сомнения, что все, о чем мною было вам сказано, учинено врагом Божиим; а кроме того, я хочу еще разъяснить вам, что ни один судья не может никогда постановить правильного решения, если он не найдет корня и основания преступления и тяжбы, которые ему приходится разбирать: в этом я убедился и на настоящем деле. А чтобы вам все стало ясным, вы должны знать, как узнал и я, что началом всего зла был *ворон*. А вам известно, что ворон олицетворяет как раз демона, – ибо он черен, голос у него адский и все действия его направлены к тому, чтобы делать и причинять зло, – а все это составляет природу демона. Так поступил и этот проклятый ворон, явившийся, чтобы посеять соблазн в обоих цехах, занимающихся тем животным, чей ягненок олицетворяет собой агнца Божия. Так что, можно сказать, тяжба эта есть тяжба между вороном и агнцем. А если это так, как вы видите, то тяжбу эту начал дьявол, и начал он ее против сына Божия, то есть против овцы и ягненка. А посему, дети мои, будьте братьями и несите терпеливо причиненные вам потери, ибо никто из вас в них не повинен. Что же касается до виновника этого дела, то есть того проклятого вороненка, то, если он попадется мне в руки, я накажу его, равно как и некоего Луизи маклера, который держит его у себя, накажу так, что вы будете довольны».

Присутствующие переглянулись и, не зная, что сказать, ответили: «Мы удовлетворены таким приговором».

И так они ушли, а по дороге одни из них говорили: «Нечего сказать, право, хорошо он возместит нам наши убытки, если накажет ворона».

Другие же замечали на это: «Он какой-то жалкий человек!» Третьи, которые, может быть, были довольны тем, что подеста не преследовал их судом, говорили, что он достойный человек и что он привел много отличных доводов. После такой беседы каждый вернулся к своему делу и каждый, как мог, постарался примириться со случившимся. Маклер Луизи и вброн были вызваны на суд, но ворон поступил подобно ворону Ноева ковчега, то есть, сделав свое дело, исчез. Луизи же, прослышав о намерении подеста, не стал ждать вызова, а в сопровождении Джованни Пильяльфашо⁴⁴³ с его вороном ушел в Римскую область, где проживал Мушино Рафакани,⁴⁴⁴ имевший другого ворона, и пробыл у него несколько месяцев. А когда подеста захотел все же возбудить дело, то некий горожанин, живший по соседству с рынком, столько наговорил ему, что дело о Луизи и его вороненке было предано забвению; однако не настолько, чтобы Луизи осмелился вернуться во Флоренцию, пока подеста исправлял там свою должность.

Этот случай с подеста у многих вызвал похвалу, а у многих осуждения. Я, писатель, полагаю, что учитывая, что почти никогда нельзя вынести справедливое решение, он нашел неплохой выход и по поводу ворона и по поводу двух мулов и что он проявил в этом большую

443 [443] Пильяльфашо – дословно «Забирай пожитки».

444 [444] Мушино Рафакани – вымышленное имя.

находчивость: если бы он проявил ее и в других своих тяжбах, он бы этим заслужил честь там, где, на мой взгляд, он покрыл себя позором.

Новелла 161

Епископ Гвидо д'Ареццо велит Бонамико написать картину; ночью обезьяна замазывает то, что он написал; это приводит к забавным последствиям

Во все времена среди художников встречались люди странные. К числу их, судя по тому, что я слышал, принадлежал и флорентийский художник по имени Бонамико, носивший прозвище Буффальмакко.⁴⁴⁵ Жил он во времена Джотто и был большим мастером. Так как он был отличным художником, то ареццкий епископ Гвидо,⁴⁴⁶ в бытность свою синьором этого города, пригласил его расписать свою часовню. Бонамико отправился к епископу и столкнулся с ним. После того, как Гвидо распорядился относительно условий и времени работы, Бонамико принялся писать. Когда несколько святых было уже написано и художник как-то в субботу под вечер прервал свою работу, обезьяна, или скорее целая обезьяница, принадлежавшая епископу, заметившая движения и приемы художника в то время, когда он стоял на помосте, видевшая, как он мешал краски, встряхивал горшочки, выпускал в них яйца и как брал в руки кисти и писал ими на стене, переняла все это, чтобы, как они это обычно делают, все испортить. Ввиду того, что обезьяна была злая и приносила много вреда, епископ велел привязать ей к ноге деревянный шар. И вот, однажды в воскресенье, пока все обедали, обезьяна отправилась в часовню. Обхватив одну из подпорок лесов, она влезла на помост, устроенный для художника, и, взобравшись на него, взяла горшочки, вылила содержимое одного в другой, раздавила яйцо, смешала все это вместе, схватила кисти и, обнюхав их, обмакнула в краску и стала тотчас же мазать ими по написанным фигурам. Очень скоро все они были испачканы, а краски и горшочки опрокинуты вверх дном, перевернуты и испорчены.

Когда в понедельник утром Бонамико пришел на работу, чтобы закончить то, что он недоделал, и увидел, что горшочки с красками частью раскиданы, частью опрокинуты, кисти разбросаны повсюду, а фигуры измазаны или испорчены, то он тут же решил, что какой-нибудь житель Ареццо сделал это из зависти или по какой-либо другой причине. Он отправился к епископу и заявил ему, что написанное им приведено в негодность. Епископ, возмущенный этим, сказал ему: «Бонамико, ступай и исправь то, что испорчено. А когда ты справишь это, я дам тебе шесть копейщиков: мне хочется, чтобы они устроили вместе с тобой засаду и без всякого сострадания изрубили на куски каждого, кто бы ни явился в часовню».

Бонамико ответил на это: «Я пойду и исправлю, насколько возможно скорее, фигуры, и вернусь сказать вам, когда можно будет устроить то, что вы предполагаете».

После такого решения Бонамико переписал картину, можно сказать, наново и, когда она была готова, доложил епископу, в каком положении находится дело. Тогда епископ тотчас же позвал шесть копейщиков и приказал им укрыться с Бонамико в определенном месте, неподалеку от картины, с тем, чтобы тотчас же изрубить того, кто явится портить написанное. Так они и сделали. Бонамико с шестью копейщиками устроили засаду, чтобы подсмотреть, кто придет портить живопись. По истечении некоторого времени они услышали, что что-то катится по церкви, и сразу же поняли, кто приходил пачкать живопись: звуки производила обезьяна, к ноге которой был привязан шар. Она быстро подошла к подпоркам лесов, вскочила на помост, где писал Бонамико, и стала перемешивать по очереди содержимое всех горшочков; перелив краски из одних в другие, она взяла яйца, обнюхала их и выпустила в горшочки; затем взяла кисть, принялась мазать по стене то одной, то другой и испачкала все, что было сделано.

При виде этого Бонамико разразился громким смехом и, обратившись к копейщикам, сказал: «Оружия здесь не понадобится; можете идти с богом! Дело сделано: обезьяна епископа

445 [445] См. нов. 136.

446 [446] См. нов. 31.

пишет на свой лад, а епископ хочет, чтобы писали иначе. Ступайте, снимите с себя оружие».

Когда они, выйдя из засады, двинулись к помосту, на котором стояла обезьяна, то она выпрямилась и, повернув к ним морду, чем напугала их, пустилась бежать и исчезла. Бонамико со своей стражей отправился к епископу и сказал ему: «Отец мой, вам нет надобности посылать за художниками во Флоренцию, потому что ваша обезьяна желает, чтобы живопись была написана по ее способу, а кроме того, она умеет так хорошо писать, что дважды исправила мою работу. Поэтому, если за мои труды мне что-нибудь полагается, то я прошу уплатить мне следующее, и я вернусь тогда в тот город, откуда прибыл сюда».

Услышав это, епископ, весьма раздосадованный судьбой картины, разразился, однако, громким смехом при рассказе о таком необыкновенном происшествии и сказал: «Бонамико, ты уже столько раз переписывал свои фигуры, что я хочу, чтобы ты переписал их еще раз. Что же касается обезьяны, то самое большее наказание, которому я могу ее подвергнуть, будет состоять в том, чтобы велеть посадить ее в клетку около того места, где ты будешь писать и где она будет видеть, как ты пишешь, но не сможет пачкать живопись; в клетке она останется до той поры, пока работа не будет закончена и не будет убран помост».

Бонамико согласился и на этот раз, и тотчас же было отдано распоряжение приступить к работе – наскоро сколотить клетку и посадить в нее обезьяну. Когда она видела, как работал Бонамико, ее гримасы и движения, которые она проделывала, были совершенно невообразимы. Но ей приходилось мириться со своим положением. Через несколько дней, когда живопись была закончена и помост снят, обезьяну выпустили из темницы; но она в продолжение нескольких дней приходила в часовню, чтобы посмотреть, нельзя ли ей заняться прежней пачкотней. Видя, что и помост, и леса убраны, она решила ждать нового случая. Епископ и Бонамико несколько дней увеселялись по поводу этой истории. Чтобы вознаградить Бонамико, епископ вызвал его к себе и попросил написать ему во дворце живого орла, сидящего на спине убитого им льва.⁴⁴⁷ Бонамико ответил на это: «Синьор мой, я сделаю это; прошу только завесить место, где я буду работать, рогожами и пусть никто туда не заглядывает».

Епископ сказал ему: «Не рогожами прикажу я огородить это место – а досками, да так, что тебя не будет видно».

Так и было сделано. Бонамико взял горшочки, краски и все другие принадлежности, вошел в огороженное место, где он должен был работать, и принялся писать, но писать совершенно обратное тому, что заказал ему епископ: он изобразил огромного свирепого льва над растерзанным им орлом. Кончив работу, он закрыл закуток, в котором писал, и сказал епископу, что у него не хватает красок, и попросил на то время, пока он съездит во Флоренцию, замков, чтобы запереть закуток, в котором он писал.

Епископ, выслушав его, распорядился повесить на закуток замки и закрыть их на ключ, пока Бонамико не вернется из Флоренции. Бонамико же уехал и прибыл во Флоренцию. Епископ прождал его день-другой, но художник все не являлся в Аретцо, потому что, окончив работу, он покинул город с намерением больше не возвращаться. Прождав, таким образом, несколько дней и видя, что Бонамико не едет обратно, епископ приказал нескольким слугам отодрать доски и посмотреть, что написал художник. Слуги пошли, открыли закуток и увидели, что картина закончена, а увидев это, отправились к епископу и сказали ему: «Картина готова, только художник сделал как раз обратное тому, что вы хотели».

– «Как так?»

Ему рассказали, в чем дело. Желая убедиться в справедливости этого, епископ сам пошел посмотреть картину и, увидя ее, так разгневался, что издал приказ об изгнании Бонамико и наложении ареста на его имущество. А художнику он послал сообщить о том, что ему угрожает, даже во Флоренции. Бонамико, однако, ответил тем, кто довел до его сведения об этих угрозах: «Скажите епископу: пусть он делает мне какое угодно зло; если же я ему нужен, то пусть пришлет мне позорный колпак».⁴⁴⁸

Увидев из этих слов, каков нрав Бонамико, епископ, отдавший упомянутый приказ об его

447 [447] Орел – эмблема гибеллинов, лев – гвельфов и Флоренции.

448 [448] Непереводаемая игра слов: la mitera имеет двоякое значение – «митра» и «колпак».

изгнании, сообразил, как умный синьор, что художник поступил правильно и разумно. Он отменил приказ, помирился с Бонамико, впоследствии посылал за ним и, пока был в живых, обращался с ним как со своим близким и верным слугой.

Так часто случается, что люди низкого положения побеждают с помощью разных ухищрений тех, кто стоит выше их, и приобретают их расположение тогда, как имели бы основание ожидать неприязни.

Новелла 162

Шут Пополо Анконский благодаря своей назойливости и необычайно хитрому толкованию слов почти насильно стаскивает с кардинала Эгидия мантию и уходит с нею

В ту пору, когда римская церковь была могущественна и преуспевала и когда кардинал Эгидий⁴⁴⁹ от ее имени правил Маркой, герцогством Сполетским и многими смежными провинциями, случилось, что в бытность названного кардинала в городе Анконе во время празднеств и увеселений, устроенных по поводу побед церкви,⁴⁵⁰ некий шут, прозванный Пополо Анконским, явился к этому кардиналу, намереваясь и желая снять кое-что с него и надеть на себя, как это у всех них в обычае, ибо они не могут успокоиться до тех пор, пока в их руки не перейдут все платья синьоров и знатных людей. И только бог видит, какие причины и обстоятельства заставляют уступать им в этом! Ведь если принять в расчет их природу, то я не понимаю, делают ли им подарки за их пороки и преступные свойства, или же те, кто дарят, слишком низки и считают себя обязанными быть великодушными, чтобы шуты не обеславили их. Во всяком случае, на опыте можно видеть, что некоторые из людей этого рода были умеренными, порядочными, способными на хорошие дела, но от синьоров или тиранов они получали мало или ровно ничего. С другой стороны, попадались среди них и люди дурного образа жизни и отвратительных поступков, которые при всем том заставляли синьоров смеяться и получали от них за это весьма богатые подарки, платье и другие вещи.

Бывают и такие, которые с помощью забавных и веселых выдумок добиваются того, что заставляют синьоров и иных лиц дарить им разные платья и почти насильно делать подарки. К таким-то людям принадлежал упомянутый Пополо Анконский, человек веселый и жадный, который, раз забрав себе в голову – получить платье от какого-нибудь синьора с помощью хитрости, насилия или любезности, не успокаивался, пока не добивался исполнения своего намерения.

Итак, этот Пополо, явившись, как я сказал выше, к кардиналу Эгидию и увидя на нем прекрасную кардинальскую мантию, стал рассказывать ему свои шутки и побасенки, а кончил тем, что, приблизившись к кардиналу и взяв его за край мантии, попросил подарить ее ему. Кардинал, видя назойливость шута, обернулся к нему и сказал: «Бери с меня, что хочешь, но только зубами, только зубами; пей и ешь у меня сколько можешь, но большего не жди!»

Пополо спросил тогда: «Синьор, значит вы разрешаете мне взять зубами столько, сколько я хочу?»

Кардинал ответил на это: «Я же сказал тебе, что да!»

После этих слов шут хватает зубами кардинальскую мантию и тянет изо всех сил, не выпуская ее из зубов до тех пор, пока кардинал, видя, что мантия не спадает с него, не поднял руки к шнуру на вороте и не развязал его, затем швырнул мантию на шута со словами: «Убирайся к черту!» И обратившись к своим слугам, он приказал им выгнать шута вон и никогда больше не впускать, потому что он не желает больше, чтобы его кусал такой шут, который оказался хуже бешеной собаки.

Велика была хитрость этого шута, если принять в соображение, что он с помощью зубов раздел важного священнослужителя и кардинала, в особенности потому, что ограбил одного из

449 [449] Эгидий – Альборнос (см. нов. 7).

450 [450] События новеллы, видимо, имели место в 1356 г.

тех, которые с помощью всяких своих обрядов живут на то, что сняли с чужих плеч.

Новелла 163

Флорентиец сер Бонавере, приглашенный составить завещание, не находит в своем приборе чернил, тогда зовут другого нотариуса; Бонавере же покупает склянку с чернилами, подвешивает ее на боку и обливает ими во дворце одежду судьи

В приходе святого Брэнкация⁴⁵¹ во Флоренции жил некогда нотариус по имени сер Бонавере.⁴⁵² Это был человек большого роста, толстый, весь желтый, словно он страдал желтухой, и плохо скроенный, как будто высеченный топором. Он был всегда готов спорить и без конца задавать впопад и не впопад вопросы. Вместе с тем он был так небрежен, что в его письменном приборе, который он носил при себе, не было ни чернильницы, ни пера, ни чернил. Если в то время, когда он проходил по улице, его приглашали заключить контракт, он, поискав в своем приборе, говорил, что по забывчивости оставил дома чернильницу и перо, а потому он предлагал, чтобы сходили к аптекарю за чернильницей и бумагой.

Случилось как-то, что некий богатый человек из этого квартала, находясь при смерти после продолжительной болезни, захотел немедленно составить завещание, ибо его родственники боялись как бы он не умер, не успев этого сделать. Один из них, подойдя к окну и увидя названного сера Бонавере, проходившего по улице, попросил его подняться наверх и, спустившись к нему навстречу до середины лестницы, стал умолять составить, бога ради, завещание, в котором так сильно нуждались. Сер Бонавере поискал в своем приборе и сказал, что у него нет с собой чернил и что он сейчас сходит за ними, и с тем и ушел. Придя домой, он около часа провел в поисках чернил и пера. Те люди, которые хотели, чтобы почтенный человек умер, успев сделать завещание, видя, что сер Бонавере задерживается, пошли тотчас к серу Ниджи⁴⁵³ из прихода св. Доната и предложили ему написать завещание.

Тем временем сер Бонавере, потрудившись изрядное время над увлажнением своей чернильницы, явился, чтобы составить завещание. Ему было сказано, что он так долго отсутствовал, что это поручили сделать серу Ниджи; тогда совсем пристыженный, сер Бонавере повернул обратно, жестоко сетуя в душе, что причинил себе такой ущерб. Он решил обзавестись, и на долгое время, чернилами, бумагой и перьями, чтобы такая неудача не могла впредь повториться. Он пошел в аптеку, купил десть бумаги и, плотно перевязав ее, положил в сумку; купил склянку с широким дном, наполнил ее чернилами и привесил к кожаному поясу, затем купил не одно перо, а целый пучок перьев и перышек, которых хватило бы на весь день целой бригаде нотариусов и, положив их в кожаный мешочек из-под аптекарских специй, подвесил на боку. Сделав такой запас, он сказал себе: «Теперь посмотрим, буду ли я так же готов составить завещание, как и сер Ниджи?»

Случилось так, что когда сер Бонавере так основательно запасся всем нужным, ему в тот же день пришлось пойти во дворец подеста, чтобы сделать отвод помощнику другого судьи из Монте ди Фалько.⁴⁵⁴ Этот помощник, человек преклонного возраста, носил берет, весь отороченный цельными беличьими шкурками из беличьих брюшков и мантию алого сукна. Когда он сидел в таком виде за столом, является названный сер Бонавере со склянкой чернил на боку и с постановлением об отводе в руке. Пробравшись сквозь находившуюся там большую толпу, сер Бонавере встал против судьи; тут же находился защитник противной стороны мессер

451 [451] Церковь Бранкация – имеется в виду церковь Сан-Панкратио на улице Спада.

452 [452] Бонавере – упомянут среди гибеллинов, изгоняемых из Флоренции в 1363 г. В том же году составил нотариальный документ сер Бонавере да Петроньяно.

453 [453] Ниджи состоял приором в 1390 г. и занимался своей профессией еще в 1403 г.

454 [454] Монтефалько в провинции Перуджа.

Кристофано де Риччи⁴⁵⁵ и прокурор сер Джованни Фонтано.⁴⁵⁶ Увидя сера Бонавере с отводом, пробиравшегося сквозь толпу, и угадывая его намерения, они, продравшись сквозь толпу и растолкав ее, подошли к судье. «Что это за отвод и что это за издевка?» – спросил мессер Кристофано у сера Бонавере. – Придется разрешить это дело силой!»

Пока они теснили друг друга, склянка с чернилами лопнула и большая часть чернил попала на мантию помощника судьи, а некоторое количество обрызгало защитника. Заметив это, помощник защитника, приподняв край мантии, начинает смотреть по сторонам и зовет слугителей, чтобы они заперли дворец, дабы узнать, откуда появились эти чернила. Слыша и видя все это, сер Бонавере опускает руку вниз, ощупывает склянку и убеждается, что она лопнула, но большое количество чернил еще находится в ней; он поспешно ныряет в толпу и удирает подобру-поздорову. Тем временем судья, почти с ног до головы облитый чернилами, и мессер Кристофано, забрызганный ими, поглядев на свое платье, в бешенстве смотрят друг на друга. Помощник глядит, не с потолка ли вылились эти чернила, и, не обнаружив, откуда они появились, поворачивается к столу, осматривает его сверху, затем, наклонившись, осматривает его снизу, потом спустившись по ступенькам возвышения, на котором стоял стол, и, осмотрев их, начинает креститься, как будто он сошел с ума. И сер Кристофано и мессер Джованни, чтобы покончить с происшествием, говорят: «О мессер помощник, не прикасайтесь, дайте чернилам высохнуть!»

Одни говорят: «Эх одежда испорчена!», а другие: «Должно быть, это материя такая в разводах».

И пока они смотрели и говорили каждый свое, судья начал подозревать их и, повернувшись к ним, говорит: «А вы знаете тех, кто так опозорил меня!» Кто говорил так, кто эдак.

Тогда, выйдя из себя, он приказал начальнику стражи позвать капеллана для учинения иска, а тот со смехом спрашивает: «А кого, собственно, обвинять, когда вы сами, вы, облитый, не знаете, кто он? Лучшее, что вы можете сделать, это последить, чтобы никто не подходил к столу с чернилами, а кафтан, который вам сделали черным сверху, подрежьте снизу и, если он станет короче – это не беда. Вы в нем будете казаться почти военным человеком».

Выслушав столько мудрых советов, судья, осмеянный со всех сторон, дал убедить себя и принял решение, подсказанное ему начальником стражи. В продолжение добрых двух месяцев он осматривал каждого, приходившего в суд, боясь как бы его вновь не облили чернилами. А из сукна, отрезанного от подола, он наделал чулок и перчаток, сколько смог. Мессер Кристофано со своей стороны, спускаясь по лестнице, поджимал губы от изумления и восклицал вместе с Джованни Фонтани: «Клянусь евангелием Христа, это великое диво!»

Так забылось бы все, если бы в одно прекрасное утро сер Бонавере, который имел всего одну пару белых чулок, не обнаружил, что они совершенно забрызганы чернилами, как счета школьника. Каждый вымылся и исправил как мог испорченное чернилами, но самым лучшим лекарством было успокоиться, а еще лучше было бы серу Бонавере вообще не быть нотариусом, а уж если он им был, то ходить снабженным всем необходимым для своего ремесла, как это делают его предусмотрительные собратья. Поступай он так, он написал бы завещание, за которое ему хорошо бы заплатили, и не испортил бы одежды ни помощника судьи, ни сера Кристофано, не заставил бы выйти из себя того же помощника и всех, кто там находились, и не облил бы чернилами свой кафтан и чулки, которые были ему всего дороже, и, наконец, сохранил бы склянку и находившиеся в ней чернила! А могло случиться и худшее, если бы помощник судьи обнаружил его и заставил починить испорченное платье.

На том дело и кончилось, оправдав поговорку: после ста лет и ста месяцев вода возвращается туда, откуда вытекла. Так случилось и с мессере Бонавере, который долго, оставаясь сухим, обходился без чернил, а затем так много их на себя привесил, что окрасил ими весь дворец подеста!

---

455 [455] Некий Кристофано Риччи был похоронен в церкви Санта-Мария Новелла в 1363 г.; здесь, возможно, речь идет о другом Риччи, который умер в 1409 г.

456 [456] Джованни Фонтано был похоронен в церкви Санта-Мария Новелла в 1377 г.

Новелла 164

Риччо Чедерини снится, что он стал обладателем огромного состояния; пришедшая поутру кошка обливает его своими нечистотами, и он становится беднее, чем был прежде

Если в предыдущей новелле сер Бонавере потерял заработок и жил бедняком потому, что был небрежен и не носил принадлежностей своего ремесла, как это полагается, на поясе, то в этой новелле я хочу рассказать, как некий флорентиец в течение одной ночи сделался богачом, а поутру оказался еще большим бедняком.

Итак, скажу, что в те времена, когда граф Вирту разбил наголову своего дядю, мессера Бернабо, миланского герцога,⁴⁵⁷ и в городе Флоренции шло об этом много толков, случилось, что некий человек по имени Риччо Чедерини,⁴⁵⁸ человек с некоторым достатком, имевший непримиримого врага, а потому ходивший в кольчуге и полушлеме, наслушавшись однажды разных слухов о том, сколько денег и драгоценностей граф отнял у синьора, – ложась вечером спать, снял с себя полушлем и положил его вверх дном на сундук, чтобы он обсох от пота, лег на кровать и, заснув, погрузился в сновидения. Ему приснилось, что он явился в Милан и что Бернабо и граф Вирту, оказав ему величайшие почести, повели его в один из великолепнейших дворцов и там оставили в течение некоторого времени, поместив его с собою рядом, как если бы он был императором, что они велели принести огромные вазы из золота и серебра, полные дукатами и новенькими флоринами, и отдали их ему. А кроме всего этого, они предлагали ему разные принадлежащие им земли, так что этот Риччо превратился во сне не то во льва, не то в сокола-пилигрима.⁴⁵⁹

Когда на заре названный Риччо очнулся от этих сновидений и приснившейся ему славы, то совершенно вышел из себя, ибо, пробудившись, увидел, что после такого важного положения должен вернуться к своей скудости... убедился в своей ужасной беде... и начал жаловаться на жестокую неудачу, как если бы она равнялась гибели в кратере Этны. Затем, расстроенный и совсем вне себя, он встал и оделся, чтобы выйти из дома. Погруженный в свои мрачные мысли, он через силу спустился по лестнице, не понимая спит он или бодрствует.

Дойдя до наружной двери, он подумал о богатстве, которое, как ему казалось, он потерял, и, желая почесать голову, как это часто бывает с людьми опечаленными, обнаружил на голове фоджу, в которой спал ночью, и убедился, что к меланхолии прибавилась рассеянность. Поднявшись снова, он быстро вернулся в свою комнату, бросил фоджу на кровать, так же быстро направился к сундучку, где оставил шлем в капюшоне, торопливо схватил его и, надев на голову, почувствовал, что по вискам и щекам его течет вонючая жидкость. Это одна из его кошек изрядно нагадила в его полушлем. Когда названный Риччо увидел, что он так испачкан, то сейчас же стащил с себя шлем, стеганая подкладка которого сильно промокла, и позвал служанку, проклиная судьбу и рассказывая свой сон, воскликнул: «О, я несчастный! Каким богачом я был этой ночью и сколько добра у меня было, а теперь я так вымазан!»

Совершенно растерявшаяся служанка хотела обмыть его холодной водой, но Риччо, закричав на нее, приказал разжечь огонь и согреть щелок. Так она и сделала, и Риччо стоял с непокрытой головой, пока не согрелся щелок. Когда же он нагрелся, Риччо пошел в маленький дворик, где была канавка, по которой могла стечь эта мерзость, и в течение почти четырех часов трудился над мытьем головы. Когда он смыл грязь с головы (все же не настолько, чтобы от него несколько дней не шел скверный запах), он приказал служанке взять полушлем, который был так изгажен, что ни он, ни она не решались до него дотронуться. Он решил налить

---

457 [457] В 1385 г. Джан Галеаццо Висконти (граф Вирту) нанес поражение войскам своего дяди Бернабо (см. нов. 4).

458 [458] В документе 1380 г. содержится упоминание о Бартоломео Риччо Чедерни.

459 [459] Riccio di mare – «морской еж». Здесь – непереводимая игра слов.

воды в кадочку, стоявшую во дворе, и, наполнив ее, бросил туда шлем, сказав: «Пусть остается здесь, пока вода его не отмоет», а себе надел на голову самую теплую фоджу, какая у него была¹; однако не настолько теплую, чтобы у него за неимением еще полушлема не разболелись зубы. После этого ему пришлось несколько дней сидеть дома. А служанка, которой казалось, что она моет потроха, отпоролла стеганую подкладку у шлема и стирала ее целых два дня.

Тем временем Риччо, вспоминая свой пышный сон, жаловался на то, во что он обернулся, а также и на зубную боль. Наконец, после многих происшествий, он послал за торговцем и заказал ему новую стеганую подкладку, а когда уменьшилась зубная боль, вышел из дома и пошел на Канто де тре Мугги, где находилась лавочка, и там стал жаловаться всем на свою судьбу, пока, наконец, как-то не успокоился.

Так всегда бывает со снами; много мужчин и женщин так верят им, как следует верить только истинному происшествию. Они остерегаются в течение дня проходить по той местности, где, согласно сну, с ними должно произойти несчастье... Одна женщина говорит другой: «Мне снилось, что меня укусила змея», и если в течение дня она разобьет стакан, то скажет: «Вот и змея этой ночи!» А другой приснится, что она тонет в воде. Если упадет светильник, она скажет: «Вот вам и сегодняшней мой сон!» Иной приснится, что она ночью попала в огонь, а днем она кинется на служанку за то, что та не хочет чего-нибудь сделать, и скажет: «Вот сон, приснившийся мне этой ночью!» Так может быть истолкован и сон этого Риччо: утопая ночью в золоте и серебре, он утром оказался испачкан нечистотами кошки.

Новелла 165

Карминьяно да Фортуне, проходя по улице, разрешает с помощью остроумной догадки спор, возникший во время игры в тавлеи, который не мог быть разрешен тем, кто не был очевидцем игры

Карминьяно да Фортуне⁴⁶⁰ из окрестностей Флоренции был человеком необычным и жил он и не как придворный и не как человек простого звания; он ходил в пестром платье, без плаща, носил капюшон с буфами, широчайший пояс и имел пренеприятный вид, так как у него постоянно текло из носа и глаза слезились. Он был очень прожорлив и поэтому вечно ходил по чужим домам. Брезгливые люди избегали его; остальные его принимали, больше ради того, чтобы послушать, как он злословит и злобствует о других (это он умел делать лучше чем кто-либо), чем ради каких-нибудь других его талантов. Обладая такими свойствами, Карминьяно оправдывал свое злословие остроумной ссылкой на то, что худо не злословить, а доносить о злословии. Если вдуматься в это, то это – слова философа, так как наша неустойчивая природа, склонная к порокам, часто призывает нас, и за обедом, и за ужином, к обсуждению чужих дел вместо своих собственных. Если не доносить об этих разговорах, то от них редко может произойти что-либо дурное. Но в случае доноса они часто приводят к досадным последствиям и смертоубийствам.

Упомянутый Карминьяно, слишком хорошо знавший свойства мужчин и женщин, украшал и обрамлял, если ему представлялась возможность позлословить, свои речи так, что тот, кого они касались, слушая их, смеялся.

Иногда он играл в шахматы, иногда – в тавлеи. Но в таких случаях, если кто-нибудь говорил ему что-нибудь или чем-либо докучал ему, у него тотчас был готов ответ, стыдивший неосторожного. Карминьяно всегда ходил без штанов, и когда он однажды играл в шахматы, проходивший мимо человек, принадлежавший к знатному роду, видя разные подробности Карминьяно, сказал ему: «Иди-ка этим ферзем».

Карминьяно же, зная, что мать молодого человека была женщиной дурных нравов, тотчас же ответил ему: «Мать твоя знала его лучше».

---

460 [460] Об этом персонаже ничего неизвестно.

Когда один купец по имени Леонардо Бартолини⁴⁶¹ сказал ему во время игра в тавлеи что-то такое, что ему не понравилось, и он припомнил, что у купца было несколько братьев, из которых один, маэстро Марко, был весьма сведущ в богословии, а другой, по имени Товия, – ничтожным и придурковатым человеком, то он ответил ему: «Я терплю это от тебя как от скотины; самый мудрый из вас – Товия, если прибавить к нему еще маэстро Марко».

Таким образом, он как никто другой, имел всегда наготове ответ.

Так вот я хочу рассказать, что когда Карминьяно проходил однажды по Фраскато,⁴⁶² он услышал, что между какими-то игроками в тавлеи происходил горячий спор. Один из них был важным человеком и принадлежал к известной семье; другой был маленький человечек с ничтожным положением. Вокруг игроков собралось много народа, но никто не хотел сказать, кто из них был прав и кто неправ.

Сообразив в чем дело, Карминьяно выступил вперед: «Я скажу, кто неправ. Давай, решим на кулаках».

Когда важный человек, которому не хотелось, чтобы спор разрешали, сказал: «Как ты это скажешь, когда тебя здесь не было?»

Карминьяно ответил на это: «Я скажу тебе потому, что знаю ваш спор, и скажу так, что ты ничего мне не сможешь возразить».

Скромный человек, участвовавший в игре, заявил: «Что касается меня, то я согласен и прошу тебя, ради бога, сказать свое слово».

Тогда важный игрок, видя, что дело зашло далеко и может кончиться плохо, поворачивается к Карминьяно и говорит ему: «Я тоже согласен, только ради того, чтобы услышать, что ты скажешь».

Тогда Карминьяно сказал: «Я скажу, и говорю, что неправ ты. Ведь если бы ты был прав, то находящиеся здесь признали бы это, когда спор возник, и сказали бы это. Но так как ты вовсе неправ, то они не посмели сказать это, потому что на твоей стороне сила. А потому прав тот, кто играл с тобой».

Обступившие их говорили вполголоса: «Ты говоришь правду». Важный человек стал угрожать Карминьяно, говоря: «Из-за тебя я проигрываю. Клянусь телом и кровью, я тебе отплачу за это».

Карминьяно сказал тогда: «Я говорил тебе вначале, что хотел разрешить спор на кулаках и хочу еще, если я плохо рассудил. Пусть скажут все присутствующие, и если язык у них не поворачивается, то прикажи принести белые и черные бобы, и пусть они это скажут».

Влиятельный человек очень испугался этого решения и ответил «Игра в тавлеи не может ставиться в зависимость от бобов», и, покачав головой, он прибавил: «Я запомню это».

Карминьяно заметил тогда: «Запомни же», и, со своими слезящимися глазами и сопливым носом, пошел дальше.

Новелла эта заставляет меня вспомнить о том, сколь люди суетятся нынче на этой земле. С ними не только не поступают по справедливости, но ради них никто не откроет рта и никто не хочет рассудить их дело против более сильного. А в тех местах, которые управляются как коммуна, порок этот встречается еще чаще, и доказательством может служить то, что какая-нибудь тяжба может тянуться восемь или десять лет, и если она не разрешена своевременно, то каждый может предполагать, как думал Карминьяно, что сильные люди откладывают дело, чтобы не платить денег. И разве мы не видим в делах судебных, что бедняки и неимущие выполняют требования правосудия, а сильные не желают считаться с ними?

Новелла 166

Алессандро ди сер Аамберто предлагает Чарпе, кузнецу из Пьян ди Муньоне, новым и

461 [461] У Бартолино, умершего в 1348 г. от чумы, было шесть сыновей: монах Марко, Гобиа, Андреа, Уберто, Сальвестро и Леонардо. Последний в 1362 и 1377 гг. был приором и упоминается в ряде документов.

462 [462] Фраскато – название остерии, находившейся неподалеку от Старого рынка.

необычайным способом вырвать зуб у своего приятеля

По причине того, что у смертных мозги бывают устроены так, что они не расположены и не желают применять средств к своему исправлению, мне надлежит рассказать об одном заболевании, излеченном необычайным лекарем. Жил, и поныне живет в городе Флоренции, некий веселый горожанин по имени Алессандро ди сер Аамберто, певец и музыкант, играющий на многих инструментах.⁴⁶³ У него вместе с тем было под рукой много остроумных людей, потому что он охотно водил с ними компанию.

Случилось однажды, что один из его друзей стал жаловаться на то, что у него очень болит зуб и боль эта частенько так сильна, что приводит его в отчаяние. Алессандро, которому на ум пришел его новый знакомый – кузнец из Пьян ди Муньоне,⁴⁶⁴ по имени Чарпа,⁴⁶⁵ спросил его: «Отчего же ты не дашь его вырвать?»

А тот ему в ответ: «Я бы сделал это охотно, да боюсь щипцов!»

На что Алессандро заметил: «Я отведу тебя к своему приятелю и соседу, который не тронет тебя не только щипцами, но и рукой».

Тот воскликнул: «О дорогой мой Алессандро! Я очень прошу тебя об этом, и если ты это сделаешь, я буду навеки твоим рабом».

Алессандро сказал ему: «Приходи завтра ко мне, и мы отправимся к нему, потому что он кузнец в Пьян ди Муньоне, а имя ему Чарпа».

Так они и сделали. Встретившись вместе у Алессандро, они тотчас направились к названному Чарпе, которого застали в кузнице кующим лемех. Придя к нему, Алессандро, который, как и Чарпа, с одного взгляда умели понять друг друга, начал рассказывать о зубной боли своего приятеля, о том, как он страдает и как охотно дал бы вырвать себе зуб, но желает, чтобы его не трогали ни щипцами, ни, если это возможно, и рукой.

Чарпа ответил: «Дайте-ка, я взгляну». Когда же он дотронулся до зуба рукой, больной испустил ужасный крик.

Увидав, как он мечется, Чарпа предложил: «Предоставь сделать это мне, и я вырву тебе этот зуб, не коснувшись его ни рукой, ни щипцами».

Тот ответил: «Сделай это, ради бога!»

Не выходя из кузницы, Чарпа послал своего подручного купить дратву, которою тачают башмаки, и когда тот вернулся, Чарпа говорит больному: «Возьми эту бечевку, сделай на конце ее мертвую петлю и осторожно накинь ее на твой зуб».

Тот с большим трудом исполнил это. Затем Чарпа сказал: «Дай мне другой конец», и, взяв этот конец в руку, привязал его к поднаковальне и сказал: «Затяни петлю, которая держит зуб».

Когда же он это сделал, Чарпа сказал: «Стой теперь спокойно, а я сейчас прочитаю одну молитву, и тогда твой зуб сразу выскочит». И он стал шевелить губами, словно читая молитву, а тем временем лемех накалялся на огне. Когда Чарпа увидел, что он достаточно раскалился, он вытащил его из огня и подскочив с ним к больному с лицом, какое бывает у сатаны, и, делая вид, что хочет бросить ему в лицо лемех, вскричал: «Какой зуб больной и какой здоровый? Раскрой шире рот!»

А тот, чей зуб был в мертвой петле, страшно перепуганный, вдруг откинулся назад, собираясь бежать, так что зуб повис на наковальне. Приятель Алессандро, совсем опешивший, пощупав у себя во рту и не найдя зуба, сказал, что, конечно, никто и никогда еще не видал такого необычайного способа и что не было никакой боли, разве только испуг перед этим лемехом, и что он и не почувствовал, как зуб выскочил. Алессандро расхохотался и, обратясь к

---

463 [463] Алессандро ди сер Ламберто ди Нери Камби – приор в 1364, 1371 и 1383 гг. Четыре раза был гонфалоньером di compagnia между 1365 и 1368 гг., магистратом – в 1366, 1372 и 1385 гг. Был владельцем виллы Скифаноя, где собирались рассказчики «Декамерона» Один из собеседников «Panadiso degli Alberti». А. Н. Веселовский относит его смерть к 1395 г.

464 [464] Пьян ди Муньоне – селение поблизости от Фьезоле.

465 [465] Кузнец Николо ди Лоренцо. по прозвищу Чарпа, был одним из двенадцати магистратов, избранных в дни восстания чомпи. Его мастерская находилась, по-видимому, в Пьян ди Муньоне, а жил он в Санта-Кроче.

своему приятелю, спросил: «Думал ли ты, что этот кузнец окажется таким хорошим зубодером?»

Друг его, еще не пришедший в себя, ответил: «Я боялся пары щипцов, а этот вытащил зуб лемехом. Как бы там ни было, а я избавился от больших мучений».

И, чтобы отблагодарить кузнеца, он в следующее воскресенье угостил его, а вместе с ним и Алессандро, хорошим обедом.

Это был удивительный и превосходный способ, который, посредством величайшего испуга, заставил не только не думать о меньшем зле, но даже и совсем забыть о нем. Больной, не испытав никакой боли, оказался совсем здоровым. Ничто так не подбадривает людей, как страх, и я, писатель, уже видел тому доказательство на некоем подагрике, который долгое время не мог ходить, так что его всегда носили. Но однажды он сидел посреди улицы в свей тележке, когда один из его коней наскочил на него сзади, и тогда тот, у кого и руки и ноги были поражены подагрой, схватил ручки тележки и сделав вместе с ней прыжок, бросился в сторону, а бежавший конь проскакал мимо.

Другой подагрик, не весь пораженный болезнью, но сильно от нее страдавший и лежавший в кровати, был посланником в одной из областей Ломбардии. В ней вспыхнуло восстание, народ вооружился и с криками требовал его смерти; услышав это, подагрик, который и на кровати-то не лежал без ужасных жалоб, вдруг быстро соскочил с нее и, выбежав на лестницу дома, пробежал изрядный конец до церкви братства Фра Минори, похожий не столько на подагрика, сколько на берберийского жеребца или на гончую собаку. Он спас свою жизнь и долгое время после этого не испытывал болей от подагры, тогда как раньше они мучили его ежедневно.

Так «опасность заставит скакать и старушку».

Новелла 168

Маэстро Габбадео ловким способом извлекает из уха одного крестьянина боб, попавший в него в то время, как крестьянин молотил на гумне

Мне снова приходится вернуться к медицине и к маэстро Габбадео, о котором было рассказано в одной из предыдущих новелл.

В одной деревне, в округе Прато, жил крестьянин крепкого от природы сложения, по имени Аттиччато,⁴⁶⁶ которому, когда он в середине июля обмолачивал бобы, один из них влетел в ухо. Желая извлечь его своими толстыми пальцами, он, чем больше старался вытащить его, тем больше загонял внутрь, почему он и был вынужден обратиться к лекарю Габбадео: тот, увидя его, сказал: «Кто решил лечиться, не должен трусить, хотя бы ему и было больно».

Крестьянин ответил: «Делайте, что хотите, только вытащите его!»

Тогда маэстро, который был человеком большим и сильным, сделал вид, что смотрит то в одно, то в другое ухо, выждал немного, заставил его идти и дал ему по той стороне, где не было боба, такого здоровенного тумака, что крестьянин упал на землю на тот бок, где был боб. От падения и удара боб выскочил из уха. Крестьянин, получивший удар, жаловался на тумак и на падение, но и не подумал о бобе. Тогда маэстро Габбадео сказал: «Дай-ка я взгляну на твое ухо!» Крестьянин, жалуясь, показал его, и маэстро увидел, чтоб боб из него выскочил. Крестьянин продолжал жаловаться на здоровенный удар, который он получил, но маэстро Габбадео заметил ему: «Глупец! Разве ты не знаешь: когда что-нибудь попадает в ножны, ты их вертишь и колотишь по ним, пока то, что там сидит внутри, не выскочит? Так пришлось мне сделать и с тобой. Чтобы боб выскочил из уха, я должен был ударить с обратной стороны: ты упал „а землю, тут боб и выскочил. Другие лекари держали бы тебя целый месяц, пачкали бы тебя мазями и на это ушел бы весь твой урожай. Иди и старайся, чтобы все шло хорошо, и, когда увидишь, что дело обошлось, принеси мне пару каплунов».

466 [466] Аттиччато – прозвище, которое значит «очень коренастый». Ср. нов. 7, IV дня «Декамерона».

Крестьянин успокоился, так как побаивался, что лекарь потребует более щедрого вознаграждения, помимо того тумака, который он ему дал, и промолвил: – «У меня нет каплунов, но если вам не противны гуси, я принесу вам парочку».

– «Ну, приноси их мне и иди с богом! А если у тебя в твоей округе кто-нибудь захворает чем-нибудь, расскажи ему о том пресном лечении, которое я применил к тебе, и пошли его ко мне».

Тот обещал это исполнить и ушел, еще жалуясь на ушиб, как подобает человеку, который, чтобы исцелиться от боба, получил такой здоровенный тумак, что не мог много дней молотить. Когда же он избавился от болей, то отнес гусей маэстро Габбадео, о котором разнеслась по всей округе слава за его чудесный способ лечения, который он впредь не применял. Аттиччато же стал навсегда его большим другом.

Новелла 170

О том, как художник Бартоло Джоджи, расписывая комнату флорентийцу Пино Брунеллески, забавно ответил ему и что из этого получилось

Столь же забавным человеком, как Бонамико, был Бартоло Джоджи,⁴⁶⁷ занимавшийся расписыванием комнат. Он должен был расписать комнату мессеру Пино Брунеллески,⁴⁶⁸ причем ему было сказано, чтобы он изобразил на деревьях побольше птиц. В то время, когда мессер Пино отправился в деревню, где он пробыл целый месяц, роспись была почти закончена, а по возвращении он стал осматривать комнату вместе с названным Бартоло, который попросил у него денег. Мессер Пино, внимательно все рассмотрев, сказал Бартоло: «Ты плохо исполнил мой заказ и не так, как я тебе сказал, потому что не написал столько птиц, сколько я хотел».

На что Бартоло тотчас ответил ему: «Мессер, я написал их гораздо больше, но ваши слуги держали открытыми окна, через которые они вылетели и разлетелись».

Мессер Пино, услышав это и зная, что художник большой пьяница, сказал ему: «А мне думается, что слуги мои держали открытым вход в погреб и дали тебе возможность пить столько, что ты плохо выполнил мой заказ, а потому я и не заплачу тебе так, как ты предполагал».

Бартоло требовал денег, а Пино не желал их ему дать. После чего в присутствии некоего Пешоне,⁴⁶⁹ человека слепого и многим обязанного Пино Брунеллески, Бартоло Джоджи сказал: «Хотите вы положиться на Пешоне?»

Мессер Пино ответил, что да. Пешоне стал смеяться и сказал: «Как же вы хотите положиться на меня, когда я света не вижу? Неужели я смогу разглядеть, сколько там птиц! Как вы думаете?»

Все это были одни только слова, чтобы положились на него. Пешоне, побуждаемый в особенности Бартоло Джоджи, захотел узнать, сколько птиц написал Бартоло и стал держать совет с несколькими художниками. Однажды, ужиная зимним вечером с названным мессером Пино, Пешоне сказал ему, что Бартоло Джоджи советовался по поводу росписи стен с большим числом людей и что мессер Пино действительно может обойтись без тех птиц, которые не были написаны в комнате. На что мессер Пино сказал: «Ну, ладно», но вдруг повернулся к Пешоне и крикнул ему: «Пешоне, выйди из дома!» Была ночь, и Пешоне спросил: «Зачем вы это мне говорите?» А тот ответил: «Я хорошо понимаю тебя. Вон из моего дома!» И приказал одному

---

467 [467] Бартоло Джоджи упомянут как свидетель в одном судебном деле 1387 г. Комнатную роспись не считали делом, достойным настоящего художника, и живописцы, занимавшиеся ею, расценивались как ремесленники.

468 [468] Пино Брунеллески умер в 1362 г., и похоронен в церкви Санта-Мария Новелла.

469 [469] Пешоне принадлежал к семье Черки и был другом юности Саккетти, который говорит о нем в своих стихах и переписке. Был весельчаком и славился своим рифмоплетством. Трудно, однако, сказать, кого именно имел в виду Саккетти в этой новелле.

своему слуге по имени Джаннино, у которого не было одного глаза: «Возьми факел и посвети ему».

Пешоне, находившийся уже на лестнице, сказал: «Мессер, я не нуждаюсь в свете».

А тот ответил ему: «Я хорошо понимаю тебя, уходи с богом; посвети ему, Джаннино!» – «Я не нуждаюсь в свете!»

И, таким образом, Пешоне без света и одноглазый Джаннино со светом в руке спустились с лестницы. Пешоне пошел к себе домой, пыхтя и смеясь в одно и то же время, и потом он своим рассказом о происшедшем вызвал смех у многих, с кем встречался. Пошло несколько месяцев прежде, чем мессер Пино заговорил с ним. Бартоло же с течением времени пришлось сделать мессеру Пино скидку, чтобы быть оплаченным.

Что касается меня, то я не знаю, какая из этих двух шуток лучше: внезапный ли довод Бартоло Джоджи или тот факел, который мессер Пино велел подать слепому Пешоне. Но думается мне, что все это произошло или для того, чтобы не платить, или для того, чтобы оттянуть уплату.

Новелла 174

Шут Гоннелла требует у двух купцов денег, которые он не должен был получить; один дает ему деньги, другой расплачивается с ним тумачами

Коза похрамывая бредет, пока не встретится с волком...⁴⁷⁰ Мы видели, с какой хитростью и искусным обманом Гоннелла тащил и крал с выгодой для себя и с ущербом для других. Хотя те, кто слушает эти рассказы, весело смеются, однако те граждане, с которыми приключились рассказанные происшествия, много раз от них плакали, как например хозяин гостиницы в Норчия⁴⁷¹ и люди с зобами из Ронкастальдо. Но хоть и часто встречаются люди, смеющиеся над такими происшествиями, они забавлялись бы ими во много раз больше, если бы лисица попала в ловушку. Чтобы доставить удовольствие таким людям, я и расскажу в этой новелле, как Гоннелла при помощи новой выдумки украл пятьдесят флоринов и под конец был отделан, но еще не так, как он того заслуживал.

Этот Гоннелла, прибыв из Феррары во Флоренцию и поселившись на площади Санта-Кроче в доме одного шута, по имени Моччека,⁴⁷² познакомился с характером флорентийских купцов и подумал о новом и, быть может, еще никогда не испробованном способе нажать деньги. Он пошел однажды утром в одну лавку солидного торгового дома на Порта Росса,⁴⁷³ дела которого, быть может, не обстояли так хорошо, как то полагали другие, ибо дом этот начал терять кредит, и, придя к кассиру, сказал ему: «Посмотри мой счет и дай мне те двести флоринов, которые мне причитаются».

Тот и еще один писарь, находившийся там, спросили: «На чье имя они записаны?»

А он ответил: «Ладно, ладно, на мое. Не похоже, чтобы вы когда-либо меня видели. Поищите ту книгу, и вы, без всякого сомнения, найдете в ней мое имя».

Те искали, искали, но ничего не нашли, после чего сказали ему: «Мы ничего не находим. Когда придут старшие, мы им об этом доложим».

Гоннелла начал угрожать, говоря: «Я буду кричать так громко „помогите“, что соберется вся Флоренция. Ну что же, отдадите вы мне то, что мне причитается?»

Один из торговцев, лавка которого находилась рядом, подошел к Гоннелле и говорит: «Милый человек, иди, возвращайся после обеда и подумай хорошенько, так как мне кажется,

470 [470] Намек на развязку в новелле: по грехам воздаяние.

471 [471] Норчия – селение в тоскано-амильянских Аппенинах.

472 [472] Моччека – прозвище, происходящее от слова *moscica*, что значит «моховой»; далее – в значении «простак», «глупец».

473 [473] В самом центре города.

что ты ошибся лавкой».

Гоннелла отвечает ему: «Я не ошибся, нет, я непременно приду и к тебе за теми деньгами, что и ты должен мне дать; это явится новой причиной, чтобы мне иметь с тобой дело».

После чего тот отходит и говорит: «Хорошенькое приобретение я сделал: хотел свалить это дело с других, а вместо того навязал его себе».

Он возвращается в свою лавку, а Гоннелла кричит в первой лавке и требует, чтобы ему заплатили. Приходит один из хозяев и изумляется: «Что это значит?» А Гоннелла кричит: «Вам не удастся меня ограбить!»

Коротко говоря, дело зашло так далеко, что хозяин увел его в глубь лавки, где раскладывают товары, позвал кассира и сказал: «Вот еще новая удача!» – и прибавил: «Дай ему пятьдесят флоринов и не говори ни слова».

Гонелле показалось, что у него гора свалилась с плеч, и он ушел с богом. На следующее утро он сказал Моччеке: «Хочешь пойти со мною? Я собираюсь, если удастся, закинуть сети еще на пятьдесят флоринов».

Тот ответил: «Ну, что ж, пойду и я, – может, и мне перепадет что-нибудь».

И вот Гоннелла, взяв Моччеку, является в соседнюю лавку, владельцу которой он говорил, что будет иметь с ним дело, и говорит: «Отыщи мой расчет и уплати мне».

Торговец, знавший уже о его нраве и о том, что он получил пятьдесят флоринов в соседней лавке, спросил: «Милый человек, сколько должен ты получить?»

А тот говорит: «Двести флоринов, которые я вложил здесь в тот же самый час, что рядом».

Торговец отвечает: «Кассир этим утром ушел для переучета. Приходи опять после обеда и ты получишь то, что тебе приходится».

Гоннелла говорит на это: «Ладно, я вернусь сюда сегодня».

И отправляется обедать с Моччекой, говоря ему: «Я надеюсь, что торговец этот хорошо рассчитается со мной, потому что он не захочет, чтобы я кричал».

Моччека отвечает: «Этот мир – для нахалов, а я никогда ничего не получу».

Торговец, как человек умный и предусмотрительный, сказал себе: «Я, конечно, не выброшу пятьдесят флоринов, как вот этот мой сосед, я заплачу этому человеку другой монетой». Он идет на Старый рынок к своим двум приятелям маклерам и говорит им: «Я прошу у вас большого одолжения: когда вы кончите обедать, приходите в лавку и отлупите мне одного человека, как только можете. Случай такой, что дело это разрешено и богом и людьми». И он рассказал им о происшедшем от начала и до конца.

Они ответили, что охотно все сделают и что им кажется, будто они уже принялись за него. Пообедав, они сейчас же явились в лавку, и торговец вместе с ними. Он ввел их внутрь лавки, где выставляются товары, и сказал: «Оставайтесь здесь, когда этот человек придет за деньгами, и я его введу внутрь и скажу: „Выдайте ему деньги“, то возьмитесь за него».

Когда дело было улажено, явился Гоннелла, оставивший Моччеку на улице, и сказал торговцу: «Я пришел за своими деньгами».

Тот ответил: «Отлично. Пойдем к кассиру», – и направился туда, где находились его приятели, а за ним Гоннелла.

Когда он вошел внутрь лавки, торговец сказал приятелям: «Выдайте деньги этому человеку!»

Как только он это сказал, те размахнулись и стали ему платить той монетой, которую он заслужил, и надавали ему так, что всего его почти искалечили, а когда Гоннелла собирался кричать, то они говорили ему: «И за это мы тебе заплатим».

И, таким образом, они уплатили ему столько, что этого хватило бы не на одно блюдо, а на целых три обеда. Названный Гоннелла, закрыв лицо руками и плащом, пробрался к середине лавки, говоря: «Ах, разве так рассчитываются торговцы?» И вышел на улицу, где Моччека поджидал его.

Увидя его выходящим из лавки таким растрепанным и направляющимся к нему, Моччека спросил: «Уплатили тебе?»

А Гоннелла ответил: «Ах, нет! Но они дали мне такое основательное обещание, что мне не приходится больше просить».

Моччека спросил его: «Гоннелла, хочешь, чтобы я сказал тебе правду? Они отделали тебя за все те дела, которые сошли тебе с рук, но ты много сделал такого, за что должен был бы расплатиться жизнью, а не только получить хорошую вздрючку, как сегодня. Это может тебе послужить уроком на будущее время. Тебе известно, что наше искусство заключается в том, чтобы увеселять, а не грабить, не отнимать, а брать только то, что дают от щедрот, не с помощью обмана или хитрости. Брось эти плутни: они опасны и для тебя и для других, вернись в Феррару к своему маркизу и живи не грабежом, а тихо и мирно».

Гоннелла, выслушав его, сказал: «Моччека, ты не таков, как твое имя, и даешь мне хороший совет. И еще лучший совет ты мне дал бы, если бы ты принял участие в расплате, которую я получил сегодня утром; правильно говорят: „пусть уходит дурак со своим дурачеством“, и он действительно уходит, потому что в конце концов его все же накажут».

Итак, расставшись с Моччека, он отправился в Феррару и многие годы не возвращался во Флоренцию.

Так случается теперь со всеми теми, кто требует обманным способом того, что им не полагается, ибо мы дожили до того, что всякий принимается выпрашивать то, на что не имеет права. Видя, что теперь ничто не дается на свете без труда, говорят: «Я не получу этого иначе, как только путем воровства. Если не заметят – я это стащу, а если заметят – присвою». А другие говорят: «Веди свою тяжбу и желаю тебе успеха». Таковы большей частью обычаи нашего времени. Дай бог, чтобы с каждым разочлись так, как с Гоннеллой.

Новелла 179

Две дамы, жены двух графов Гвиди, язвят друг друга лукавыми словами, побуждаемые к тому приверженностью к партиям гвельфов и гибеллинов

Так как я в предыдущих новеллах рассказывал о женской суетности, мне пришло на память одно происшествие с двумя дамами, из которых одна остроумно и лукаво уязвила другую, а та ловко ей ответила.

Не так давно две дамы были выданы замуж в дом графа Гвиди.⁴⁷⁴ Одна из них была дочерью графа Уголино делла Герардеска,⁴⁷⁵ которого пизанцы, вместе с его сыновьями, уморили голодом, другая – дочерью Бонконте да Монтефельтро,⁴⁷⁶ человека, бывшего, так сказать, главой партии гибеллинов, разбитого вместе с его приверженцами при Чертомондо флорентийцами. Случилось, что в марте месяце эти две дамы отправились в увеселительную прогулку по направлению к замку Поппи. Когда они достигли того места в Чертомондо,⁴⁷⁷ где флорентийцы разбили гибеллинов, дочь графа Уголино повернулась к своей спутнице и сказала: «О мадонна, поглядите, сколь прекрасны эти зерна и хлеба на той земле, где были разбиты флорентийцами гибеллины. Должно быть, почва еще пропитана этим удобрением».

Донья Бонконте тотчас ответила «Да, они действительно превосходны, но можно умереть с голода раньше, чем они созреют».

Милая дама, которая начала язвить, почувствовав этот укол, сделала вид, что не заметила язвительных слов, и они продолжали путь.

Что скажем мы теперь об изобретательности женского лукавства? Их ум более остер и быстр, когда приходится делать и говорить злое, чем у мужчин. Они созданы пристрастными. В лучшие времена они упрекали бы своих мужей, а теперь они заставляют их бороться на стороне какой-нибудь партии. И благодаря женщинам в мир вошло много зла и еще войдет, если

474 [474] Гвиди – широко известные синьоры Казентино.

475 [475] Граф Уголино – персонаж «Ада» (XXXII, 124 и XXXIII, 1 – 90). Умер в 1289 г.

476 [476] Монтефельтро – один из ярких персонажей «Чистилища» (V, 85 – 129) Умер в 1289 г.

477 [477] Или Кампальдино, в 1289 г.

промысел божий не расположит души их к лучшему, чем мы теперь видим.

Новелла 187

Мессера Дольчибене угощают в насмешку кошкой; через некоторое время он угощает тех, кто дал ему кошку, мышами

Такие шутки заставляют много смеяться присутствующих; но еще больше забавляют те, которым подвергается шутник со стороны ставшего предметом шутки, как это показывает настоящая новелла.

Каждый, вероятно, познакомился из предыдущих новелл с тем, кто такой был мессер Дольчибене.⁴⁷⁸ Однажды приходский священник из Тозы,⁴⁷⁹ который был настоятелем у св. Стефана на хлебе,⁴⁸⁰ пригласил его к себе откусать и сказал, что у него будет кролик, запеченный в тесте. За столом были Баччелло из Тозы⁴⁸¹ и еще кое-какие люди, которые знали о проделке. Дело в том, что запечена была в тесто кошка, попавшая в руки священника, а Дольчибене очень брезговал ими. Когда священник, мессер Дольчибене и прочие уселись за стол, то в числе различных блюд подали и запеченного кролика-кошку, причем он оказался настолько вкусным, что Дольчибене съел его больше других. Когда с блюдом покончили, священник вместе с остальными гостями стал звать: «Киса, киса!», причем кое-кто из присутствующих мяукал по-кошачьи.

Услышав это, мессер Дольчибене побледнел, но как это случается нередко с шутами, сейчас же овладел собой и сказал: «Она была очень вкусная». Все это для того, чтобы не дать присутствующим повода повеселиться и чтобы отплатить им той же монетой, когда наступит подходящий момент.

О проделке этой он не забывал ни на минуту. И вот, настала пора скворцам, которых было в то время великое множество в его имении в Вальдимарина,⁴⁸² выводить птенцов. Дольчибене приказывает с помощью мышеловки и других приспособлений поскорей наловить у себя в амбаре мышей и велит одному из своих слуг набить полную клетку молодыми скворцами с несколькими голубями в придачу и пройтись с нею после обеда, когда слуга увидит его вместе со священником в Фраскато,⁴⁸³ мимо них с таким видом, будто он отправляется продавать птиц на рынок, причем он должен спросить хозяина: «По какой цене отдавать их?»

Дольчибене знал характер священника и Баччелло, которые, увидя слугу, должны были непременно сказать: «Ты никогда не угостишь нас своими птицами?» и потребовать с него ужина.

Так именно и произошло. Когда явился слуга, священник взял клетку и сказал, что не вернет ее, если Дольчибене не угостит их ужином. Тот согласился на это, велел передать ему клетку и отправился устраивать ужин. Вернувшись домой, он взял двух голубей и восемь мышей; мышей он приготовил, чтобы запечь их в тесте, отрезав им головки, ножки, лапки и хвосты, а остальному придавал такой вид, что в тесте они могли вполне быть приняты за скворцов. К мышам он добавил разрезанных на четвертинки двух голубей и солонины и приказал все это запечь. Остальную птицу он послал слугу продать.

---

478 [478] См. нов. 10, 11, 14, 24, 25 и др. В девяти новеллах Дольчибене выступает в качестве протагониста.

479 [479] Влиятельная и богатая семья во Флоренции первой половины XIV в. Кто был тот священник – установить невозможно.

480 [480] Церковь во Флоренции, на дороге, ведущей в Прато

481 [481] Об этом лице нет сведений.

482 [482] В долине реки Арно.

483 [483] Место для игры в карты и народных гуляний, которое находилось поблизости от Старого рынка.

Когда настал час ужина, гости явились в дом мессера Дольчибене. Увидев их, Дольчибене сказал: «Нынче вечером вы будете есть только то, что было в клетке, которую вы взяли; не рассчитывайте ни на что другое». Так, слово за словом, пошли все к столу. Когда появилась запеченная в тесте птица, священник спросил: «Не прибавили ли вы сюда цыпленка?» Мессер Дольчибене ответил на это: «На моей голубятне этого нет; я запек только голубей и скворцов».

На это священник сказал: «Чего стоят эти скворцы? Это, конечно, те самые, которыми ужинаете вы». Мессер Дольчибене ответил: «Я ем их круглый год, и они очень вкусны».

А Баччелло прибавил: «Конечно; вы бы и мышей ели, если бы они вам ничего не стоили».

Понемногу стали они извлекать мясо из корок. Первым, кто отведал мышей-скворцов, был священник. «Они вкуснее, чем я предполагал», – сказал он.

Мессер Дольчибене сел на дальнем краю стола, так что трудно было разглядеть, что он ел; он часто прикасался к блюду, но мало клал себе в рот, разве только немного солонины, заедая ее большими кусками хлеба. Когда запеченная птица была съедена так, что от мышей не осталось ни крошки и все принялись мыть руки, то мессер Дольчибене сказал: «Дорогие братья, я угостил вас нынче вечером ужином, но мне пришлось-таки постараться, так как в течение целого дня и целой ночи я применял всякие уловки и приемы, чтобы удовлетворить вас. Мне хотелось бы очень, чтобы добыча состояла из животных покрупнее, вроде вас, но судьбе, которая часто попадает в точку, было угодно, чтобы добычей этой оказались мыши. Когда они благодаря ей оказались в моих руках, то невольно я сказал себе: „Помнишь ли ты кошку, которою тебя угостили твои приятели? Так вот, воздай им по заслугам“. Коротко говоря, я приказал по совету судьбы приготовить блюдо, которое вы съели и в котором вместо скворцов были одни мыши. Если они вам понравились, я очень рад. Если же нет, вините судьбу, потому что они питались хорошим зерном, которого сгрызли у меня несколько мер».

Когда священник и прочие услышали это, они побелели, словно их вымазали глиной, и промолвили, словно ошеломленные: «Что ты говоришь, Дольчибене?»

– «Я говорю, что это были мыши, а ваше блюдо было из кошки; на свете часто происходит такая мена».

Едва ли они могли сделать на это мессеру Дольчибене какое-нибудь основательное возражение, за которое он их не осрамил бы; ведь начали-то они. Каждый живущий на этом свете должен держаться следующего справедливого закона, и кто будет следовать ему, никогда не впадет в ошибку, а именно: не следует делать другому того, что ты не хотел бы, чтобы сделали тебе. Но гости Дольчибене, словно пренебрегая этим законом и не учитывая, что они первые совершили проступок, сильно разгневались, и один из них сказал: «Дольчибене, тебя следовало бы ударить за это ножом в лицо».

А тот отвечал: «Дело ваше; тогда придется, как от кошки к мышам, перейти от удара ножом к удару копьем. Убирайтесь из моего дома и знайте, что в тот час, когда вы захотите поесть у меня, я угощу вас по заслугам».

И гости ушли, посрамленные, с животами, набитыми мышами. И долго после того они не могли обрести покоя, потому что мессер Дольчибене рассказывал об этом происшествии повсюду и позорил их. Наконец, священник и прочие упросили его не рассказывать больше о случившемся и заключили мир, чтобы не подвергаться больше позору.

Так случается всегда с тем, кто несправедлив по отношению к товарищу. Если какой-нибудь забавник был мстителен и злопамятен, так это был мессер Дольчибене. Это знал отлично один потешник, звавшийся мессером Бонфи.⁴⁸⁴ После того как он бросил в ответ Дольчибене слова зависти, – так как тот все время угощал его тычками, – Бонфи в присутствии большого количества людей обдал однажды товарища собственной жидкостью, вынув затычку из своей бочки. Мессер Дольчибене не мог никогда проглотить этого оскорбления. И однажды, улучив минуту, когда живот у него был переполнен, он явился на Новый рынок и в присутствии всех торговцев опорожнил желудок прямо в лицо Бонфи, так что тому пришлось мыться и полоскаться целую неделю или даже больше. Бонфи оскорбил Дольчибене при помощи мочи, а Дольчибене Бонфи при помощи испражнений.

484 [484] Трудно установить, кого имеет в виду Саккетти. Один Бонфи известен в 1392–1393 гг., а в 1379–1380 гг. упоминается Бонфи ди Доменико.

Поэтому никогда не сделаешь ошибки, если поставишь себя на место товарища и соблюдешь его интерес как свой собственный. Поступая так, человек редко встретит в жизни что-либо иное, кроме добра.⁴⁸⁵

Новелла 188

Амброджино да Казале из Милана покупает форель, а мессер Бернабо не может достать рыбы. Он посылает за Амброджино и хочет узнать, из каких средств он производит такие большие расходы. Амброджино отделяется от Бернабо путем остроумного ответа

Таких яств, как те, о которых речь шла в предыдущей новелле, не любил Амброджино да Казале, миланский дворянин.⁴⁸⁶ Во времена, когда правил мессер Бернабо,⁴⁸⁷ он был богатым человеком и имел, пожалуй, тысяч пять флоринов. Но учитывая размеры налогов и всякого бремени, налагаемого синьором, и подсчитав, что через столько-то времени все его достояние скажется в руках последнего, он решил расточить его и доставлять себе всевозможные удовольствия (а что будет потом – ему все равно) в отношении лошадей, платья, а в особенности по части поглощения в обществе своих товарищей самых лучших яств, какие только можно добыть.

Случилось так, что к названному мессеру Бернабо явилось блестящее посольство от французского короля, и, желая почтить послов, он решил как-то в пятницу угостить их. Для этого он наказал своему правителю отправиться на рыбный базар и купить рыбу. Придя на базар и не найдя ничего, управитель спросил рыбаков о причине отсутствия рыбы. Те ответили, что дело, по их мнению, в ветре, который тогда дул, потому что в то утро не было никакой рыбы, кроме двадцатипятифунтовой форели, которую купил на рынке Амброджино да Казале. Так, ничего не купив, и вернулся управитель к синьору. Услышав о том, что была одна единственная форель и что ее купил Амброджино, Бернабо поручил одному из своих слуг сходить к нему. После этого посещения дрожь овладела Амброджино, хотя ему не было холодно, и он тотчас же отправился к синьору. Увидев его, синьор сказал: «Объясни мне, откуда ты берешь деньги на такие большие траты и покупаешь форелей по двадцать пять фунтов, в то время как я, будучи синьором, не могу найти немножко рыбы, чтобы угостить приятелей?»

Совершенно оробевший, Амброджино хотел что-то сказать, но не решался. Видя это, синьор сказал ему: – «Говори спокойно то, что ты хочешь, и не бойся меня». Успокоившись, Амброджино произнес: «Синьор мой, раз вы приказываете мне говорить вам правду, я скажу вам ее, но прошу пожалеть меня, чтобы мне не последовало от того какой-нибудь неприятности».

Синьор повторил снова: «Говори спокойно и не бойся».

Тогда Амброджино сказал: «Ваша светлость, я заметил давно уже, что все мое достояние должно перейти к вам. Поэтому, учитывая это обстоятельство, я решил расточить его, сколько смогу, прежде чем расточите его вы. Нынче утрем я купил форель, чтобы постараться проесть свое раньше, чем проедите его вы. Вот в чем причина, и ничто другое не руководило мною».

Услышав это, синьор сказал в ответ: «Амброджино, я думаю, ей-богу, что ты самый мудрый человек в Милане. Ступай, живи в свое удовольствие и трать деньги свободно; я поддерживаю тебя в твоём желании и хочу, чтобы ты наслаждался тем, что имеешь, раньше, чем этого захочется мне. Ты увидишь это в будущем», и он отпустил его.

Амброджино ушел, откланявшись как подобало, и вернулся к себе домой. Здесь ему

---

485 [485] В своем сонете 127 Саккетти рассказывает о том же. Этот сонет был послан Дольчибене в 1366–1367 гг.

486 [486] Об этом персонаже нет никаких сведений.

487 [487] В 1354–1385 гг.

показалось, что утро у него вышло удачным, и он надумал принести форель в дар синьору. Позвав толкового слугу, он положил рыбу, которую уже начали готовить, чтобы сварить, на большое белое блюдо, покрыл ее белой салфеткой и сказал слуге: «Ступай к синьору мессеру Бернабо и скажи ему: „Ваш слуга Амброджино подносит вам эту форель, потому что она более приличествует вашей милости, нежели моему скромному состоянию, и что бы он ни говорил мне нынче утром, мне гораздо дороже то, что он берет у меня, чем то, что у меня остается“».

Слуга передал синьору подарок вместе с наказом. Синьор ответил на это: «Скажи Амброджино, что нынче утром я хорошо понял его положение, теперь же я еще лучше понял его душевные достоинства. Ступай и скажи ему от меня, что он поступил хорошо». Посланный так и передал Амброджино.

На следующий день после угощения посольства (как часто бывает, что кому синьоры хотят сделать зло, они делают его сверх меры, а кому хотят сделать добро, делают его без удержу), когда французские послы после обеда уехали, мессер Бернабо, поняв состояние Амброджино, назначил его тотчас же своим служащим с жалованьем большим или таким же, как то, какое получают другие, и послал за ним. Невозможно пересказать те благодарности, какие выразил Амброджино синьору, когда он услышал об оказании ему благодетельности. Синьор часто посылал его как подеста то в одно место, то в другое, и в течение всей своей, долгой ли, короткой ли, жизни он не только не тратил того, что у него было своего, но даже откладывал остававшееся от того, что давал ему синьор. И, таким образом, благодаря попавшей ему в руки форели он прожил остаток своей жизни богато и зажиточно, и так и умер.

Из этой новеллы, действительно, можно видеть, что, судя по поведению синьоров и коммун (в особенности нынешних, которые путем всяких тягот только и стараются, что овладеть имуществом своих подданных), Амброджино поступил мудро, стараясь проесть свои деньги раньше, чем проест их другой. Но я, писатель, принадлежу к числу тех, кто считает, что расходы на пищу относятся к самым прискорбным; так обычно и бывает. Но, раз уж мир дошел до того, что всему приходит конец, я полагаю, что пища и питье относятся к тем вещам, которые государю отнять всего труднее.

Известно, на что они накидываются прежде всего: если посмотреть на земельное имущество, то взор их все время направлен на то, чтобы овладеть им; если взглянуть на движимость, то ее в первую очередь таскают полицейские служители и судебные приставы; если обратиться к красивым платьям, которые носят мужчины или женщины, то их либо закладывают, либо продают ради уплаты долгов; только имуществом нищих нельзя никогда овладеть. А потому Амброджино поступил мудро, ибо много было таких, которые благодаря скупости накопили множество богатств, но никогда и часа не наслаждались ими; наступала война, и большую часть своего добра им приходилось отдавать злодеям-солдатам; солдаты пользовались им широко, а у хозяев не хватало смелости удовлетворить свою душу хотя бы маленьким кусочком.

Потому и говорится: кто собирает для себя, разбрасывает для других. А бывает и хуже – когда то, что скупой часто воздерживался тратить, но что на самом деле следовало тратить разумно, проматывает и швыряет кто-нибудь другой, к великому огорчению и печали скупца. Однако я не утверждаю, что нужно быть мотом: во всяком деле похвальнее держаться среднего пути.

Новелла 189

Лоренцо Манчини из Флоренции, желая наладить брак и не будучи в состоянии добиться согласия сторон насчет приданого, устраивает его особым способом

Мне следует теперь обратиться к новелле об одном нашем согражданине, который, намереваясь наладить брак в семьях двух своих друзей, из которых один требовал большого приданого, а другой не мог его дать, устроил, в конце концов, так, что сблизил стороны, бывшие далекими одна от другой и они породнились. Это был человек приятный и забавный и

звался он Лоренцо Манчини.⁴⁸⁸ Будучи большим другом и приятелем Бьяджо ди Фечино Ридольфи⁴⁸⁹ и задумав найти названному Бьяджо жену, он решил, что, так как у закадычного его друга Арриго да Рикасоли⁴⁹⁰ есть красавица-дочь на выданье, ему следует приложить все силы и все старанье к тому, чтобы девушка стала женой Бьяджо. И вот, он отправился однажды к Бьяджо и стал говорить ему все, что подобает говорить в таких случаях, расхваливая, насколько было должно, товар, чтобы довести дело до необходимого конца. Бьяджо с удовольствием согласился породниться с Арриго, но выразил желание получить в приданое тысячу флоринов, никак не меньше. Когда Лоренцо услышал слово «тысяча флоринов», он слегка смутился, но при этой первой схватке все же не выпустил из рук ни щита, ни копья и, уходя, сказал: «Хорошо». Он отправился к своему другу да Рикасоли и сказал, что он надумал отдать девушку за Бьяджо ди Фечино, и спросил при этом, угодно ли будет Рикасоли вступить с Бьяджо в переговоры.

Арриго ответил согласием. Тогда Лоренцо продолжал: «Что же ты хочешь дать ему?»

Друг его ответил: «Прими, дорогой Лоренцо, в соображение, что я живу, как ты видишь, на мои доходы. Мне будет очень трудно пойти выше пятисот флоринов».

Тогда Лоренцо ответил: «Когда человек находит что-нибудь, что ему нравится, то приходится постараться».

Арриго сказал на это: «То, что невозможно, тверже камня».

Лоренцо отвечал: «Ты сделаешь так, как хотят твои друзья», и ушел.

Через несколько времени он встретился с Бьяджо и сказал ему, что думает завершить дело, если только тот уступит насчет размеров приданого, которые представляются ему слишком большими. Но Бьяджо продолжал настаивать на тысяче флоринов и не хотел ничего уступать. Тогда Лоренцо отправился к своему другу да Рикасоли с тем, чтобы попытаться какими-нибудь доводами убедить его повысить размеры приданого. Но это никак не удавалось, и в итоге Лоренцо пришлось промучиться целый месяц, причем он никак не мог заставить своих друзей, одного – пойти на сумму меньше тысячи, другого – прибавить что-либо к пятистам. Наконец, почти отчаявшись, он придумал новый способ устроить дело: «Что за черт, – сказал про себя он, – один из этих людей словно из порфира, а другой из алмаза. Дело будет вернее, если я изловчусь сперва породнить их. Самое худшее, что может случиться потом, это – если они нарушат затем родство. Ну, и пусть нарушают».

И он пошел к Бьяджо и сказал ему: «Дело сделано»; а затем отправился к своему другу да Рикасоли и сказал ему то же самое. – «Где же вы хотите встретиться сегодня?»

Согласились на том, чтобы собраться у св. Марии над воротами,⁴⁹¹ чтобы с каждой стороны было немного народу и чтобы Лоренцо держал речь от имени всех присутствующих. Так и сделали. Лоренцо выразил большую радость и в начале, и в середине, и в конце своей речи. Говорил он кругом да около и не коснулся вовсе ни приданого, ни его размеров, а только: «Бог да пошлет вам счастье».

Когда люди стали расходиться, Бьяджо сказал Лоренцо: «Но ты ничего не сказал насчет приданого»

Лоренцо ответил ему: «Ты воображаешь, что я нотариус. Отныне вы родичи и, конечно, столкуетесь».

Бьяджо слова эти не очень понравились, и он ушел недовольный тем более, что Лоренцо сослался на то, будто у него есть в этот день еще дело. Бьяджо вечером не поужинал, а ночью не поспал как следует, и едва мог дожидаться утра, чтобы повидаться с Лоренцо. Когда же утро настало и он явился к Лоренцо, то он указал ему на то, что он не выяснил накануне вопроса о

488 [488] Лоренцо ди Липпо Манчини был *приором* в 1353 и 1365 гг.; умер в 1370 г.

489 [489] Бьялжо ди Фечино Ридольфи был *приором* в 1352 и в 1366 гг.; выполнял ряд других поручений.

490 [490] Арриго ди Биндо да Рикасоли *умер* от чумы в 1348 г. Дочь его Лича имела сыновей: Лапо и Арриго; второй из них пострадал от грабежей Джан Галеаццо Висконти в 1393 г... как и Саккетти.

491 [491] Старинная надвратная церковь во Флоренции, которая находилась около разрушенных ныне ворот Санта-Мария.

приданом. Лоренцо ответил ему на это: «Дорогой мой Бьяджо, я никогда еще так не трудился, как когда роднил вас теперь; ведь ты настаивал на тысяче флоринов и никак не хотел уступить, а другая сторона настаивала на пятистах и не хотела ничего прибавить. У меня же было желание породнить вас, и так я и сделал. Если с приданым ничего нельзя поделывать, то вы теперь родственники и уладите это дело лучше других».

Бьяджо возразил на это: «Ты шутишь?»

Лоренцо ответил: «Я говорю правду».

На что Бьяджо сказал ему: «Если ты говоришь правду, то сдержи обещание, так как что касается меня, я не собираюсь делать этого».

Лоренцо ответил ему тогда: «Если ты этого не сделаешь, свет не провалится, но позор падет на тебя, а не на меня. Делай, как знаешь. Я только породнил вас».

Весть об этом дошла до ушей другой стороны, которая до сих пор не поднимала вопроса о приданом. Арриго спросил Лоренцо при встрече: «Как наши дела?»

Лоренцо отвечал: «Дела идут как будто к гражданскому иску. Поступайте, как знаете».

В конце концов, обе стороны согласились, чтобы избежать позора и чтобы не ссориться с Лоренцо. И приданое обошлось Арриго да Рикасоли в общем, если перевести его на золото, в пятьсот флоринов, как это установил Лоренцо.

Никогда ни один маклер не устроил бы этого брака; только благодаря особенной хитрости Лоренцо совершилось то, что не совершилось бы никогда, если бы дело шло по всем правилам. Поэтому иногда полезно доверять друзьям и преступать границы закона, потому что нарушение их часто устраивает дело, которое не устроилось бы никогда, если следовать установленному порядку.

Новелла 192

Названный Бонамико добивается при помощи искусной выдумки того, что некая женщина, которая пряла и не давала ему спать, перестает прясть, а он спит столько, сколько ему хочется

Бонамико, о котором говорилось выше,⁴⁹² став сам себе хозяином, любил и поспать и встать, когда ему хотелось, между тем, как в ту пору, когда он был в ученье у другого мастера, ему приходилось заниматься своим ремеслом иначе, чем когда он стал на свои ноги. У него был свой дом, а рядом с ним, за тонкой кирпичной стеной, жил его сосед, шерстобит, обладавший некоторым достатком, имя или прозвище которого было Каподока,⁴⁹³ человек весьма странный и придурковатый (он-то и проделывал над Бонамико необыкновенные шутки в мастерской Андреа ди Вери).⁴⁹⁴ У Каподоки была жена, которая по зимам подымалась каждую ночь до рассвета и пряла шерсть около того места, где стояла постель Бонамико, так что их разделяла, как было сказано, лишь тонкая кирпичная стенка. Между тем Бонамико не ложился спать от ужина и до рассвета, а потому и укладывался только под утро, и, следовательно, кисть отправлялась на покой тогда, когда прялка начинала работать. Ввиду того, что очаг, в котором жена Каподоки варила пищу, находился у названной стены, Бонамико придумал необыкновенную хитрость, а именно: зная, что добрая женщина во время стряпни ставит горшок у самой стены, он просверлил буровом отверстие в этой стене, как раз над самым горшком, и заткнул его затем кусочком кирпича так, чтобы женщина этого не заметила. Когда он предполагал или видел, что жена Каподоки ставит свой горшок на огонь, то брал приготовленную им тоненькую трубочку из камыша и насыпал в нее соли, а когда он слышал, что женщины у очага нет, то вводил трубочку в отверстие в стене до самого края горшка и дул

---

492 [492] См. нов. 136.

493 [493] Каподока – дословно «гусиная голова».

494 [494] Андреа ди Вьери Рондипелли был в 1331 г. консулом цеха сукноделов.

в нее, пока в горшок не попадало столько соли, сколько ему хотелось.

И вот однажды, когда он так посолил содержимое горшка, что его почти невозможно было есть, а Каподока вернулся к обеду, то шерстобит на первый раз сильно накричал на жену и кончил тем, что решил показать ей где раки зимуют, если она опять сделает такую же глупость. Тогда Бонамико, которому все было слышно, исполняя то, что задумал, посолил похлебку во второй раз еще больше, чем в первый. Когда муж соседки вернулся к обеду, уселся за стол и ему была подана чашка с похлебкой, то первый же глоток оказался таким соленым, что ему пришлось выплюнуть его. А выплюнув, он тотчас же принялся колотить свою жену, приговаривая: «Ты либо с ума сошла, либо пьяна, что так солишь и портишь пищу, а я, вернувшись из мастерской усталый, не могу есть, как это делают другие».

Жена стала ему возражать, а он, избивая ее, так разъярился, что шум был слышен на весь квартал, Бонамико же, как ближайший сосед, пришел к ним и, войдя в дом, спросил их: «Что это за новости?»

Каподока ответил ему: «Черт возьми! Какие там новости! Эта злая женщина лишает меня пищи, и можно подумать, что здесь находятся солеварни Вольтерры, потому что она положила столько соли в похлебку, которую сварила, что я уже два утра не могу прикоснуться к горячему. Можно подумать, что у меня большие запасы вина, а ведь у меня его совсем мало и стоило оно мне восемь флоринов за контью⁴⁹⁵ и даже дороже».

– «Может быть, ты заставляешь ее так долго работать по ночам, что она, как человек невыспавшийся, не понимает, что делает, когда ставит похлебку на огонь?» – спросил его Бонамико.

Прекратив шум, Каподока после долгих увещаний сказал жене: «Ладно, я увижу, дьявол ли ты. Говорю тебе в присутствии Бонамико: смотри, чтобы завтра утром ты у меня не смела класть соли!»

Жена обещала сделать это. На этот раз Бонамико предоставил похлебке остаться не посоленной. Когда муж вернулся к обеду и попробовал это безвкуснее блюдо, то начал ворчать, говоря: «Вот как идет у меня дело. Эта похлебка еще хуже вчерашней. Ступай, подай мне соли, чтобы на тебя чемер напал! Ах, ты грязная, противная свинья! Будь проклят час, когда ты вошла сюда в дом. Я насилу удерживаюсь, чтобы не швырнуть тебе все это в лицо!»

Женщина ответила ему: «Я делаю то, что ты мне велишь; я не знаю, как мне с тобою быть; ты сказал, чтобы я совсем не клала туда соли, я так и сделала».

Муж говорит ей: «Я хотел сказать, чтобы ты положила ее немножко».

А жена отвечает: «А если бы я положила в нее соли, ты бы отколотил меня, как вчера. Я совсем не могу понять тебя! С сегодняшнего дня записывай мне то, что я по-твоему должна делать; я буду справляться там насчет того, как мне поступать».

– «Смотрите-ка, – сказал на это муж, – и ей еще не стыдно! Я насилу удерживаюсь, чтобы не дать тебе здоровенную оплеуху!»

Жена надулась и чтобы не повторилось то, что случилось накануне, сочла за лучшее промолчать. Каподока, поев сколько мог, сказал ей: «Теперь я больше не стану говорить тебе ни соли, ни не соли; ты должна знать меня; когда я увижу, что пища не по мне, то уж буду знать, что мне делать».

Жена пожалала плечами, а муж ушел в мастерскую. Бонамико, который слышал каждое слово, на следующее утро поместился на обычном месте с солью и трубочкой. Это был четверг, а по таким дням редко кто не покупает хоть немного мяса, проработав всю неделю, как этот Каподока. В ночь со среды на четверг Бонамико плохо спалось из-за шума прялки и, как только на рассвете шум этот умолк, – потому что женщина собралась мочить мясо и, взяв горшок, стала щипать ножом лучину, чтобы развести огонь, – Бонамико приготовился с солью и трубочкой в руках и, улучив минуту, насолил похлебку так, что если во второй раз он насыпал соли больше, чем в первый, то в третий всыпал туда еще в три раза больше. И он сделал это по двум причинам после девяти часов: во-первых, потому, что женщина до самых девяти часов только и делала, что пробовала похлебку, кладя в нее соли в меру и приговаривая: – «Теперь я погляжу, побывает ли сегодняшним утром враг божий в этом горшке?» Вторая причина

495 [495] Точнее – конисья. Мера равная 12 бочонкам

состояла в том, что каждое утро, когда в соседней церкви звонили к возношению даров, женщина бегала поклониться им и запирала дверь, так что к этому часу проба была окончена и он мог отлично насолить похлебку.

Когда он все это проделал и настал час обеда, Каподока вернулся домой и уселся за стол. Был подан обед и как только он принялся есть, то начал так шуметь, кричать и колотить жену, что сбежался весь квартал, причем каждый говорил свое. Каподока же так разозлился на жену, что совсем вышел из себя. Но вот явился Бонамико и, подойдя к нему, успокоил его, говоря: «Я уже много раз толковал тебе, что эта ночная работа, которую ты заставляешь делать жену, и есть причина всего этого зла. Подобная же история случилась однажды с одним моим приятелем, и если бы он не отказался от работы по ночам, то никогда не мог бы есть ничего такого, что бы ему нравилось. Пресвятая Мария! Неужели у тебя такая нужда, что ты не можешь обойтись без ночной работы?»

Трудно было умерить бешенство Каподоки, готового убить свою жену. Наконец, он пригрозил ей при всех соседях, что, если только она когда-либо поднимется ночью для работы, он сыграет с ней такую шутку, что она уснет навеки. Жена из страха больше года не работала по ночам, и Бонамико мог спать, сколько ему заблагорассудится. Но четырнадцать месяцев спустя, когда история эта почти совсем забылась, женщина вновь начала пряхь по ночам, а Бонамико, который не сжег трубки, повторил свою проделку; в то время, как Каподока принялся снова колотить жену, Бонамико стал потихоньку вселять в шерстобита все большую уверенность, что в течение долгого времени, пока жена его не работала ночью, похлебка оказывалась всегда посоленной в меру; Каподоке довод этот показался очень правильным, и он угрозами и лаской добился того, что жена его перестала пряхь по ночам и зажила с мужем в мире, избавив себя от утомительнейшего вставанья каждую ночь, как она это делала раньше. Бонамико же мог спать, не просыпаясь больше от назойливого шума прялки.

Таким образом, нет такого лукавого или затейливого человека, чтобы нельзя было найти другого затейливее его. Этот Каподока был такой мастер на выдумки, как любой из ему подобных. Он был такой затейник, что в тех мастерских, где он обрабатывал шерсть, а в особенности в мастерской Рондинелли, он проделывал необыкновенные и поразительные штуки, о которых уже рассказывал Аньоло ди сер Герардо,⁴⁹⁶ еще больший затейник, чем он. Но упомянутый Бонамико оказался еще большим проказником, как явствует из этой новеллы.

Так нередко случается и во всех других житейских делах, в особенности с людьми, которым часто платят той же монетой, какой – они платят другим. Подобные люди столь ослеплены самими собой, что считают за шутку только такую выходку, которая направлена ими на самих себя или на других. Если я, автор, прав, то вот вам пример: когда кто-нибудь из таких людей, жонглер или шут, что почти то же самое, встречается с кем-нибудь, кто своей проделкой или шуткой уязвит их или выкинет что-нибудь более искусное, они тотчас же оказываются в таком плачевном состоянии, что чуть не умирают. Словом, я хочу сказать, что они так уверены в своих словечках, хитростях и шутках только потому, что, по их мнению, никто не сумеет ни сделать, ни сказать лучше них. Но им приходится частенько обманываться насчет этого, как в этом можно убедиться на каждом шагу. И часто расплачиваются с ними так, что на долю их остаются одни насмешки, да убытки, как это случилось с упомянутой Каподокой и случилось со многими другими и как это бывает постоянно в наше время и бывало, судя по книгам, в старину.

Новелла 193

Мессер Валоре де Буондельмонти из Флоренции, явившись на пир к Пьеро ди Филиппа, задевает его острым словом, а Пьеро отлично защищается

Я снова вернусь к тому необычному человеку, о котором рассказано в одной из новелл

выше. Хотя он и был лицом весьма примечательным, невежды считали его чудачком, а среди людей понимающих он слыл человеком заурядным, но весьма разумным и лукавым, каким он и оказался на самом деле, что особенно явствует из этой небольшой новеллы.

Это был мессер Валоре, кавалер де Буондельмонти, флорентиец.⁴⁹⁷ Прослышал он, что Пьеро ди Филиппо дельи Альбицци из Флоренции,⁴⁹⁸ мудрый и уважаемый гражданин, наиболее выдающийся из всех когда-либо бывших в его городе, пригласил к себе на большой пир много граждан и людей из других мест. Услышав об этом, мессер Валоре, хотя его и не пригласили, отправился утром, в обеденный час, на названный пир, подобно другим, и взял в руку большой гвоздь с ладонь. Когда он в толпе приглашенных входил в дом Пьеро, то тот, увидев его, пошел ему навстречу, взял его за руку и сказал: «Ох, как ты хорошо сделал, что пришел; ты оказал мне честь своим появлением на моем пиру».

Мессер Валоре, одетый в кафтан (так как он не носил плаща с большим капюшоном), держа в руке гвоздь, который видели все приглашенные, ответил: «Пьеро, я явился попить с тобой и этими благородными людьми и напомнить тебе о некоторых словах, которые я скажу тебе, какими бы они тебе ни показались, полагая, что они могут быть тебе полезными». И он положил гвоздь на камин, так что каждый его видел. «Ты, наверное, читал в римских хрониках, что, когда какой-нибудь консул возвращался на триумфальной колеснице после большой победы, то, чтобы он не возгордился, рядом с ним ставили двух негодяев, которые говорили ему грубости, плевали иногда в лицо и проделывали другие весьма постыдные вещи. Представь себе, дорогой Пьеро, что я один из этих негодяев, а ты находишься на триумфальной колеснице. Ведь, если вникнуть хорошенько в дело, ты – самый значительный из когда-либо бывших в этом городе граждан, и у нас, и за пределами города ты слынешь мудрейшим из всех когда-либо владевших этой землей: ты был в Апулии и во многих других местах света, и повсюду тебя считали самым мудрым из всех. Поэтому я вижу, что ты стоишь настолько высоко, что подниматься выше тебе не приходится; я отлично вижу, что ты на вершине колеса и что, если ты двинешься еще вперед, то только спустишься, либо упадешь головой вниз. По этой причине я принес с собой этот гвоздь, который ты видишь там на камине, чтобы ты мог вколотить его в колесо; если ты этого не сделаешь, то, так как оно вращается, тебе придется начать спускаться, и ты, пожалуй, очутишься совсем внизу».

Пьеро, хорошо разбиравшийся во всякой тарабарщине, отвечал на это: «Мессер Валоре, я полагал, что ты явился на пир вместе с этими доблестными людьми отведать тех яств, которые я им предлагаю, но ты явился сюда и предложил мне свои яства; поэтому я могу сказать, что обедаю нынче утром у тебя. Но ты угостил меня, во всяком случае, плодами лучшими, нежели плоды брата Альбериго.⁴⁹⁹ Хотя в той точке, в которой я, по-твоему, нахожусь, я достиг только половины пути, мне кажется, однако, что, если бы можно было вколотить гвоздь в колесо, то фунт железа стоил бы золота, потому что оказалось бы столько желающих вколотить его, что для этого понадобилось бы все наличное железо. И, кроме того, если бы и можно было вколотить гвоздь, то это значило бы поступить несправедливо по отношению к тем, кто находится внизу, на середине и сбоку колеса и кто хочет, чтобы оно повернулось, дабы улучшить свое положение».

Тогда мессер Валоре сказал: «По тому, что ты возразил на мои глупости, те, кто пируют здесь с тобой, могут поставить тебя много выше того, что поставил я. И все же я еще более доволен тем, что пришел к тебе, так как в том, что ты сказал, ты раскрыл себя перед всеми ними с еще большей убедительностью».

Рассуждая таким образом, они высказали друг другу много мудрых мыслей, а затем сели

---

497 [497] См. нов. 67.

498 [498] Пьеро ди Филиппо дельи Альбицци упомянут в «Капитоло» Саккетти среди прочих знатных флорентийцев. Был приором в 1349 и 1356 гг.; один из влиятельнейших гвельфов; был неоднократно послом. Участник восстания чомпи; в 1379 г. по обвинению в заговоре был обезглавлен. В конце XIV в. семья Альбицци была в большой силе во Флоренции; к этому именно времени относится и данная новелла.

499 [499] См.: Данте Ад, XXXIII. 118–120; о тех же плодах брата Альбериго говорится в сонете Саккетти, обращенном в Пино дельи Орделаффи (1398) и в его письме к Асторре Манфредо (1397).

за стол. После пира, когда мессер Валоре откланивался, Пьеро сказал ему: «Возьми свой гвоздь, я не мог бы вколотить его гуда, где ты указываешь; ведь Цезарь, Александр и многие другие не могли сделать этого, не то что я, маленький человек. И если бы я мог сделать это, я бы не сделал, чтобы свет не погиб».

Мессер Валоре взял гвоздь и сказал: «Et tu es Petrus, – et super hanc petram⁵⁰⁰ укреплена мудрость. Бог с тобой».

Так закончили они и пир, и свои рассуждения.

О, сколько вещей вернее этого колеса, быстрое движение которого никогда не прекращается, и сколько царей, сколько синьоров и сколько всяких народов и коммун испытали это! Чем больше это видят, тем меньше этому верят. Кто поднялся на высоту, не думает никогда о спуске; и чем выше подъем, тем опаснее падение. Я не хочу тратить время на то, чтобы ссылаться на судьбу синьоров старых времен. Вспомним, однако, песенку, в которой сложивший ее привел много таких примеров; песенка эта начинается словами:

Когда судьба и мир хотят
Пойти против меня и т. д.⁵⁰¹

Я не стану говорить о том, как очутились на вершине колеса Троя, Приам, как стали великими Фивы и как вознесся Карфаген со своим Ганнибалом и родом Барка и другие; я умолчу о Риме, ставшем господином всего мира, а нынче – всего того, чем он владеет; каковы были его граждане и каковы они теперь. Все обернулось вниз и погрузилось в грязь.

Зачем мне искать древних примеров, которые, можно сказать, быть может, были и такими? Поговорим о тех, которые мы видели вчера: с какой быстротой подняло колесо на вершину Карла III, ставшего королем Апулии и Венгрии,⁵⁰² и насколько внезапно подняло оно его вверх, настолько же внезапно, и даже больше, сбросило его вниз. До какого высокого положения вознесло оно мессера Бернабо,⁵⁰³ синьора Милана, и как низвергло оно его гуда, где он немедленно был уничтожен. Как возвысились синьоры делла Скала?⁵⁰⁴ Гамбакорти, синьоры Пизы во времена императора Карла,⁵⁰⁵ потерпели затем поражение, и кто стал потом синьором после них? К власти вернулись мессер Пьетро Гамбакорти и его присные; а в конце концов, они умерли или были изгнаны.⁵⁰⁶ Разве это не качание на качелях? Разве это не убеждает в том, что колесо постоянно вращается? Сколько людей испытало это на себе, и притом всякого состояния и всякого положения! Всей этой книги не хватило бы, чтобы рассказать о них. А многие и не помышляют об этом, лишь бы иметь богатство, положение или власть. Они не понимают, что только одно верно – что богатство идет к своему концу, то есть к бедности; что положения своего человек лишается, так как или умирает или подчиняется другому, который, заняв его место, ввергает его в нищету; что власть синьора кончается рабством. Поэтому, жалкие смертные, если кто посмотрит на дело прямо, тот увидит, что блажен тот, кто не подчинен богатству, кто не скорбит никогда о его потере; ибо, как говорит Данте, нет на свете большей скорби, чем эта.⁵⁰⁷ Блажен тот, кто не боится потерять виднее положение, и равным образом

500 [500] Ты – Петр (т. е. камень) и на этом камне... (лат.).

501 [501] Стихи из канцоны Стоппа деи Бостики.

502 [502] Карло III Дураццкий, или Мирный (1350? – 1386).

503 [503] Бернабо Висконти умер в 1385 г. См. письмо Саккетти к Франческине Альбертини в собрании писем Саккетти.

504 [504] С ними покончил Джан Галеаццо Висконти.

505 [505] Карл IV, умер в 1378 г.

506 [506] Саккетти подвел здесь итог пизанским событиям с 1355 до 1392 г., когда был убит Пьетро Гамбакорти. Пиза в 1398 г. перешла во владение Джан Галеаццо Висконти.

507 [507] См.: Данте. Ад, V, 121–123.

тот, кто не обладает властью; и тот, кто живет в подозрении и страхе, и тот, кто их не знает.

Один философ ответил вопрошавшему его, кто самый счастливый человек на свете: тот, кто, по-твоему, находится в наибольшей нищете.

Кто обратил бы внимание на эти слова, тот увидел бы глазами ума своего, что гораздо лучше родиться, жить и умереть бедным, нежели родиться богатым и жить богато, занимая видное положение, в великих заботах и подозрениях, а затем под конец жить, может быть, в нищете. Пусть трудится поэтому тот, у кого есть охота добиться положения или богатства, потому что в конце концов люди платят каждому за его труд.

Новелла 194

Массалео дельи Альбицци из Флоренции уязвляет скупость Антонио Таналья, своего соседа, тремя прекрасными доводами

Маттео ди Ландоццо, по прозвищу Массалео дельи Альбицци,⁵⁰⁸ не мешкал долго, чтобы отомстить своему товарищу Пьеро ди Филиппо и уязвить одного из своих соседей за скупость. Об этом Маттео рассказано выше в небольшой новелле⁵⁰⁹ со слов одного хорошего музыканта, игравшего на виоле, сообщившего о нем некоему судье делла Граша в тюрьме Флорентийской коммуны. Названный Массалео обладал веселым нравом, и был у него очень богатый и очень скупой сосед, флорентийский гражданин, по имени Антонио Таналья.⁵¹⁰ Зная его характер и твердость в том отношении, что он берег свое и не желал делиться им ни с соседом, ни с кем-либо другим, Массалео придумал однажды ночью забавный способ уязвить на следующее утро Антонио. Сидя с ним в обществе нескольких лиц, он сказал ему: «Дорогой Антонио, я убедился, что мне от твоего богатства лучше, и, может быть, еще лучше, чем тебе».

Антонио совсем перепугался, предположив, что Массалео, может быть, либо украл, либо отнял большую часть его добра, и стал пристально смотреть на него, чтобы узнать, что тот хотел этим сказать. Массалео, который видел все это, сказал ему: «Ты глядишь на меня, словно хочешь спросить: сколько ты с меня возьмешь, чтобы толком разъяснить мне это? Я разъяснил бы, но это значило бы проповедовать в пустыне. Впрочем, я без всякой платы (и если бы ты захотел уплатить мне, я отказался бы) хочу разъяснить тебе это – хочешь ли ты этого или нет, – дабы ты жил впредь более печально, чем живешь теперь. Существуют три вещи: первая та, что от твоего богатства ни тебе, ни мне нет никакого проку; и в этом отношении мы с тобой равны. Второе – это то, что ты с большим трудом сохраняешь свое богатство, чтобы оно не уменьшилось или не пропало; этого труда мне нести не приходится, так что в этом втором отношении я имею перед тобой преимущество. Третье – это то, что если бы ты потерял свое богатство, или его у тебя убыло, ты умер бы с горя, либо повесился; я же по этому поводу очень бы обрадовался, плясал бы и пел, но в этом третьем отношении мне было бы настолько лучше, чем тебе, насколько было бы, если бы я находился в эмпирее. Итак, ты видишь, насколько мне от твоего богатства лучше, чем тебе».

Антонио осмотрелся кругом, словно опешив, и только поглядел на окружающих, которые все разом сказали: «Антонио, если ты не сумеешь защититься, то окажется, что Массалео говорит правду, приводя при этом прекрасные доводы. Что же ты скажешь ему в ответ?»

На что Антонио заявил: «Я хочу для себя своего, если только действительно им владею».

Тогда Массалео заметил: «Ты сказал правильно: если ты им владеешь; а я говорю тебе, что его нет ни у тебя, ни у меня».

508 [508] Стеклодуб Массалео дельи Альбицци упомянут в документах в 1381 г. Он был братом Джованни ди Ландоццо дельи Альбицци и носил имя поэта Маттео ди Ландоццо.

509 [509] Новелла, на которую ссылается Саккетти, отсутствует в настоящем издании.

510 [510] Антонио ди Микеле Таналья в 1367 г. был одним из старост церкви Санта-Мария деи Фьоре; в 1378 г., во время восстания чомпи, стал рыцарем.

Антонио встает совершенно разгневанный, оставляет общество, ворча на Массалео, и идет домой. Дома, пораздумав над словами Массалео и над тремя вещами, о которых тот говорил, он принимается спорить сам с собой, говоря: «То, что он сказал, мне кажется верным, но это верно не совсем потому, что у меня мое богатство, а у него его бедность; ей-богу, он меня осрамил и представил меня скупцом, в то время как мне кажется, что я беден, то есть скорее расточителен. Я сделал одну вещь: я напоил его однажды хорошим распато,⁵¹¹ которое я приготовил сам: если бы я прожил тысячу лет, то и тогда я не дал бы ему большего – ни ему, ни кому другому в этой округе, где надо мной насмеваются из зависти к моему богатству; но из любви к ним я постараюсь отныне тратить меньше, чем мне будет возможно, и им назло приумножить свое богатство, а Массалео и все они могут подыхать от этого».

Таким образом он целый день рассуждал сам с собой, и, наконец, пораздумав про себя и обсудив свою скупость, он успокоился, а между тем доводы Массалео распространились по городу и настолько, что, если бы их привел сам Платон, то и тогда они не стали бы более знаменитыми.

Таков характер скупца: когда кто-нибудь подобным же образом заденет его, то он думает, что такой-то говорит о том, чтобы он бросил все, что у него есть, из зависти, либо желая поживиться на его счет. Поэтому-то, из скупости или чтобы не доставить удовлетворения такому человеку, он постоянно усиливает в себе свою страсть и никогда не утоляет своего голода.

Новелла 195

Некий французский крестьянин поймал сокола короля Филиппа Валуа, а старший дворецкий короля, желавший воспользоваться частью награды, выданной королем крестьянину, получает двадцать пять ударов

Мне приходит в голову один французский крестьянин, и хочется рассказать о его хитрой выдумке, направленной против слуги короля Филиппа Валуа,⁵¹² его главного дворецкого, который из алчности собрался отнять у крестьянина то, что король приказал ему дать.

Как-то, во время царствования названного короля, когда он находился в Париже, у него был сокол, превосходивший красотой и качествами своими всех соколов, когда-либо бывших при дворе, и были на нем золотые или серебряные колокольчики, украшенные королевскими лилиями из эмали. У короля явилось желание, как это часто бывает, отправиться посмотреть на охоту, чтобы развлечься с этим соколом, другими птицами и собаками. Когда он доехал до места, где находилось множество перепелок, королевский сокольничий, державший сокола на руке, спустил его на перепелку, и сокол ее схватил; немного дальше он спустил его на другую, но сокол по какой-то причине ее не взял – то ли по капризу, то ли по чему другому, и, привыкший, если не брал добычи, всегда возвращаться на руку, он на этот раз, наоборот, поднялся еще выше и улетел так далеко, что его потеряли из виду. Тогда король, видя это, послал восемь человек, своих телохранителей и своего сокольничего – искать сокола до тех пор, пока его не отыщут. И так они разошлись в разные стороны; потратили неделю на поиски, но не могли его найти и вернулись с этой вестью в Париж к королю. От этого король опечалился, потому что он был доблестным королем, а сокол был благородным соколом... всякий день...

Так прошло некоторое время, и, так как никто не приносил пойманного сокола, то король велел оповестить, что тот, кто поймает его и доставит королю, получит от него двести франков, а кто не вернет сокола, будет отправлен на виселицу. Так было оглашено, и молва об этом распространилась, и через месяц розысков сокола он был пойман в округе..., где он опустился на дерево, под которым работал на своем участке некий крестьянин. Услышав бубенчики и

511 [511] Распато – вино из винограда, смешанного с толчеными виноградными ветками.

512 [512] Филипп Валуа правил Францией с 1328 по 1350 г.

приблизившись к птице с какими-то нелепыми движениями, он стал показывать ей мозолистую и грубую руку, стремясь приманить ее совершенно необычным способом; и сокол спустился ему на руку. Крестьянину было больно от соколиных когтей, а кроме того, он был крайне озабочен, но, увидя бубенчики с королевскими знаками, он, как человек, у которого было две дочери на выданье и который слышал о королевском указе, хотя и был неопытен в обращении с соколами и потому совершенно сбился с толку, все-таки бросив свою мотыгу, кое-как взялся за ременные ногавки сокола и направился к себе домой. Он срезал веревочку с седла осла, прикрепил ее к ногавкам сокола и привязал веревочку к шесту. Подумав о том, что он такое и как мало пригоден, чтобы отнести сокола в Париж к самому королю, он совершенно оробел. В то время как он находился в таком состоянии, старший дворецкий короля, идя по какому-то делу мимо дома крестьянина, услышал звон бубенчиков и спросил: «Ты поймал королевского сокола?»

Тот ответил: «Мне кажется, что так».

Тогда дворецкий, подзвав его, заметил: «Ты его испортишь, если понесешь сам; дай его мне».

Крестьянин ответил ему: «То, что вы говорите, сущая правда, но да будет вам угодно не отнимать у меня того, что судьба мне послала. Я понесу его как только сумею».

Тот старался и просьбами и угрозами получить птицу от крестьянина, но это ему не удавалось, поэтому он сказал: «Ну, слушай! Если ты не хочешь сделать это, то окажи мне услугу. Король ко мне благоволит, я помогу тебе в этом деле чем могу, а ты обещаешь дать мне половину того, что получишь от короля».

Крестьянин сказал ему: «Ну, ладно», и обещал сделать так.

Старший дворецкий ушел в Париж, а крестьянин, найдя рваную суконную перчатку, послал неподалеку к своему приятелю, развлекавшемуся подобными птицами, чтобы он одолжил ему соколиную шапочку, а затем, покормив сокола и надев на него шапочку, отправился в путь и наконец с большим трудом, потому что ему пришлось нести непривычную ношу и оттого что он, простой крестьянин, поймал такую благородную птицу, явился в Париж к королю. Увидя его, король обрадовался находке сокола и очень смеялся, видя, как мало пристал сокол руке крестьянина. Затем он сказал: «Проси чего хочешь».

Тот ответил: «Монсиньор le roi,⁵¹³ этот сокол достался мне в руки, как это было угодно богу, и я принес его как сумел. Дар, о котором я прошу вас, состоит в том, чтобы вы велели мне дать пятьдесят ударов либо палками, либо ремнем».

Король изумился и спросил его о причине такой просьбы. Крестьянин рассказал ему тогда, как такой-то его старший дворецкий взял с него обещание отдать ему половину того, «что ваша милость мне дадите». «Потому – прикажите дать двадцать пять ударов и ему и двадцать пять мне. И хотя я бедный человек и мне нужно было бы от вашей милости кое-что другое для моих двух дочерей на выданье, но я уйду гораздо более довольным, если получу то, о чем я вас прошу, и увижу как дворецкий получит заслуженное, – хотя мне и достанется то же самое, – чем если вы мне дадите ваше серебро и золото».

Как человек мудрый, король понял слова простого деревенского мужика, решив отпустить его удовлетворенным по справедливости, и сказал, обращаясь к окружающим: «Позовите ко мне моего старшего дворецкого такого-то».

Его тотчас же призвали. Когда он явился пред лицо короля, тот спросил его: «Был ли ты там, где этот человек нашел сокола?» Тот ответил: «Оуу, монсиньор le roi».⁵¹⁴

Король заметил ему: «Почему же не ты его принес?»

А тот ответил: «Этот крестьянин никак того не хотел».

Король сказал тогда: «Но твоя жадность хотела этого, так как ты желал получить от него половину награды, которую получит он».

Услышав это, крестьянин заметил: «Так оно и было, синьор мой».

«Так вот, я, – сказал король, – назначаю этому крестьянину пятьдесят ударов ремнем по

---

513 [513] Король (франц.).

514 [514] Да... король (франц.).

голому телу, из которых ты, по уговору с ним, должен получить двадцать пять».

И он тотчас приказал своему палачу раздеть дворецкого и приступить к приведению приговора в исполнение, что и было сделано. Тогда король велел призвать к себе дворецкого и сказал крестьянину: «Я отдал тебе половину награды и освобождаю тебя от твоего обязательства, данного этому негодяю; остальное я не желаю выдавать тебе», – и затем он приказал одному своему камергеру: «Ступай и вели выдать этому человеку двести франков, чтобы он мог выдать замуж своих дочерей». И, обращаясь к крестьянину, добавил: «А ты приходи ко мне, когда тебе понадобится, потому что я всегда готов помочь тебе».

И, таким образом, крестьянин ушел, дождавшись всяких успехов, а старший дворецкий – ременных доспехов, потому что он заботился больше о себе, чем о своем короле.

Великим делом была справедливость и мудрость этого короля; но не меньшим делом было то, что от благородного сердца, хотя и живущего в груди простого крестьянина, последовала столь достойная просьба отплатить за алчность человеку, который никогда уже больше не пользовался расположением короля Филиппа, как пользовался им раньше.

Новелла 196

Мессер Рубаконте, подеста Флоренции, произносит три прекрасных и необычайных приговора в пользу Беньяи

Так как я, кажется, уже начал говорить о справедливых приговорах, то я вспоминаю, насколько правилен был приговор Соломона в отношении двух женщин, которые спорили о ребенке; вспоминаю также и слышанный мною некогда рассказ о человеке, которому приснилось, что ему следует получить двух быков от соседа, которых тот у него отнял; справедливый судья, догадавшись, что он настаивал на своем иске на основании сна, велел привести в полдень, когда солнце светит ярче всего, двух быков и провести их по мосту и пошел вместе с истцом; указав ему на отражение быков в воде, он постановил, что эти быки принадлежат ему и что он может их взять. Так вот, вспоминая все это, я расскажу вкратце о четырех приговорах одного подеста Флоренции, по имени мессер Рубаконте,⁵¹⁵ произнесенных в пользу одного простого и забавного человека по имени Беньяи.⁵¹⁶

Подеста этот еще и двух месяцев не исправлял своей должности, когда случилось следующее. Беньяи находился как-то на мосту, который был тогда деревянным; навстречу ему двигалось большое количество всадников и он был вынужден взобраться на деревянные перила, бывшие не особенно широкими. Когда всадники проезжали мимо него, они его столкнули, и он свалился в Арно, упав при этом на одного человека, мывшего себе ноги, и убил его. Родственники умершего велют тотчас же схватить Беньяи и требуют для него перед названным подеста смертного приговора, принимая в соображение, что он убил такого-то. Рассмотрев дело и невзирая на то, что закон гласит: «Убийца должен умереть», подеста возражал обвинителям. И когда они настаивали, говоря, между прочим: «Мы хотим восстановить свою честь», то подеста сказал им: «И я хочу удовлетворить вас и хочу, чтобы вы были отомщены. Путь для этого таков: пусть этот Беньяи пойдет на Арно мыть ноги, туда же, где мыл их умерший, а один из вас, из наиболее близких родственников покойного, пусть станет на перила моста, в том же месте, откуда упал Беньяи, и упадет на него». Родственникам приговор этот не понравился; но они не знали, как на него ответить; они отказались от иска, и Беньяи был оправдан.

Второе дело было такое. У одного крестьянина упал осел, и он, не будучи в состоянии поднять его, попросил Беньяи, чтобы тот подымал осла сзади в то время, как он будет подымать его спереди. Когда Беньяи, взяв животное за хвост, стал тянуть его изо всех сил вверх, хвост

---

⁵¹⁵ [515] Рубаконте да Милано – подеста Флоренции в 1237 и 1238 гг. Его именем был назван мост (ныне Понте Алле Грацие), который начали строить в 1327 г. (ср.: Данте. Чистилище, XII, 102).

⁵¹⁶ [516] Об этом персонаже ничего неизвестно.

остался у него в руках. Хозяин осла, решивший, что он разорен, обратился к названному подеста и предложил ему допросить Беньяи; но подеста, выслушав, как Беньяи ссылается на то, что он считал хвост осла гораздо крепче подвешенным, разразился по этому случаю громким смехом. А хозяин осла сказал Беньяи: «Я не приказывал тебе вырывать ему хвост».

Подеста ответил на это: «Добрый человек, веди осла домой, и хотя у него нет хвоста, он отлично донесет до места свое туловище».

А крестьянин спросил: «Чем же он будет отмахиваться от мух?»

Тогда судья постановил, чтобы хозяин увел осла, а если он этого не хочет, то пусть Беньяи продержит его у себя до тех пор, пока у него не вырастет новый хвост, после этого пусть вернет его хозяину. Беньяи оказался оправданным, а крестьянин так и увел осла к себе домой куцом, ибо ничего другого делать ему не оставалось.

Третье дело было такое. Беньяи случилось найти кошелек с четырьмя сотнями флоринов, и он отдал его потерявшему его человеку, когда тот стал его искать. Но хозяин кошелька стал тогда спорить с Беньяи, утверждая, что в нем не хватает ста флоринов. Беньяи ответил на это: «Я возвращаю его тебе таким, каким нашел».

Дело дошло до подеста, и тот, выслушав его, сказал истцу: «Как же можно поверить, чтобы человек этот хотел поступить дурно, раз он добровольно вернул тебе деньги?»

– «Но, – отвечал истец, – в моем кошельке было пятьсот флоринов!»

Когда подеста сказал: «Ну, так я постановляю, что кошелек с четырьмястами флоринов останется у Беньяи до тех пор, пока ты не найдешь своего с пятьюстами; либо ты его получишь, если согласишься взять его, каким он тебе был передан; но при этом ты поручишься, что вернешь кошелек с четырьмястами флоринов, если он окажется чужим».

Тот взял его и поручился, а Беньяи был оправдан.

Четвертый и последний случай произошел почти что под конец службы подеста. Дело было так. Беньяи отправился верхом на ярмарку в Прато.⁵¹⁷ Около Перетолы он присоединился, как это бывает, к нескольким всадникам, среди которых были дамы. Так как лошадь у Беньяи была немного с норовом, то она стала вскакивать на другую, на которой сидела беременная женщина. Женщина упала на землю и выкинула. Муж и братья ее подают жалобу подеста. Вызванный на суд Беньяи явился и сказал, что виновен не он, а лошадь и что лошади этой он не знал и никогда с ней не беседовал. Подеста ответил на это: «Ей-богу, Беньяи, ты великий преступник! Сколько раз уже мне приходилось судить твои дела!»

И обратившись к родственникам дамы, он сказал: «Чего вы требуете?»

А те отвечали: «Мессер подеста, подобающее ли дело совершил он, заставив выкинуть эту даму?»

Подеста ответил на это: «Вы слышите: он говорит, что он не виноват. Лошадь – животное: что с ней поделаешь?»

Истцы сказали на это: «А как же получить нам обратно нашу даму в прежнем ее положении беременной?»

На это подеста ответил: «Я хочу так рассудить это дело: отправьте эту даму в дом к Беньяи, и пусть она остается у него до тех пор, пока он не сделает ее беременной, как она была прежде».

Услышав это, истцы ушли и дамы к Беньяи не отправили. А он остался оправданным.

Когда наступило время отчитываться⁵¹⁸ перед синдиками, то на подеста было подано много жалоб по поводу дел Беньяи, причем ссылались на то, что он не соблюдает ни законов, ни статута коммуны. Подеста оправдывался, говоря: «Лучший закон, каким можно пользоваться, – закон правды и разума, ибо закон гласит: убийца должен умереть; но есть очень большая разница между смертью и смертью. Ведь существуют случаи убийства, за которые нужно было бы дать награду, а не то что казнить; и бывают случаи убийства, которые заслуживают тысячи смертей. А потому необходимо, чтобы существовал посредник, который придерживался бы иного пути, чем путь слепого исполнения закона, и этого пути и должен

517 [517] Прато – в 6 км от Флоренции на дороге в Пистойю.

518 [518] Отчет подеста по истечении его полномочий.

держаться рассудительный судья; и хотя я и не принадлежу к таковым, но я сужу по благоразумию и по-хорошему».

Выслушав его приговоры и особенно приговоры по делу Беньяи, синдики все в один голос сказали, что он заслужил не отрешение от должности, а больших почестей от коммуны. И в согласии с приорами они постановили и вместе со своими советниками приказали, чтобы этому подеста были переданы от флорентийцев знамя и щит с гербом коммуны. Это был первый случай, что они давались нашим судьям.

Дай бог, чтобы теперь их давали столь же заслуженно, как это делалось в былые времена! Тогда ими награждали за доблесть; сейчас же они Даются из любезности и приязни.

Новелла 198

Когда у одного слепца из Орвьето, обладавшего, однако, зорким умом, отняли сто флоринов, то он благодаря своей хитрости добывается того, что вор кладет деньги обратно на то самое место, откуда он их взял

Гораздо догадливее был некий слепец из Орвьето, обладавший глазами Аргуса,⁵¹⁹ который вернул себе сто отнятых у него флоринов, не ходя по судьям, не созывая третейского суда и не обращаясь к закону или к измышлениям нотариев. Этот слепец был прежде зрячим; звали его Кола, и в прошлом он был брадобреем. Когда ему было около тридцати лет, он потерял зрение, и, будучи бедняком и не имея возможности жить на заработок от своего либо какого-нибудь другого ремесла, он был вынужден просить милостыню. Он стоял обыкновенно каждое утро у соборной церкви в Орвьето, вплоть до девяти часов. Там ему подавала, ради Христа, большая часть местных жителей, так что в течение недолгого времени он отложил сто флоринов, которые прятал на себе в небольшом мешочке.

Случилось так, что, преуспевая в сбережении этим путем больше, чем от ножниц или бритвы, он однажды утром надумал, полагая, что в церкви никого уже не осталось, выйти в притвор и спрятать свой мешочек со ста флоринами под кирпич пола; потому что в ту пору он еще мог видеть, как был устроен пол. И как он надумал, так и сделал, считая, что в церкви не осталось никого, кто бы мог его увидеть.

Однако случайно в церкви задержался некий колбасник Юччо, очень почитавший святого Иоанна Златоуста. Этот Юччо, молясь своему святому, заметил, что Кола шарит по полу, но не мог понять, в чем дело. Поэтому, выждав когда Кола ушел, он тотчас отправился к тому же месту в притвор, осмотрел его и увидел, что один кирпич лежит не так, как прочие; подняв его, как бы рычагом при помощи ножа, он увидел мешочек. Взяв его в руки, он приладил кирпич на прежнее место, а с названными деньгами направился к себе домой с намерением никогда и никому о них не говорить.

Случилось так, что не прошло и трех дней, как слепому захотелось посмотреть: там ли лежат его деньги, где он их спрятал. Улучив минутку, он пошел туда, где положил под кирпич свое сокровище, поднял его и стал искать мешочек. И когда он его не нашел, то почувствовал себя очень плохо; тем не менее он положил кирпич опять на прежнее место и, удрученный, вернулся домой. Дома, когда он раздумывал над тем, как он в одно мгновение потерял то, что приобрел понемногу за долгое время, он почувствовал, – как это часто случается со слепыми, – что его вдруг осенила одна мысль. С наступлением утра он позвал своего сына, мальчика лет девяти, и сказал ему: «Ступай сюда и сведи меня в церковь».

Мальчик повиновался отцу, но, прежде чем они вышли из дома, отец отозвал его в свою комнату и сказал: «Поди-ка сюда, сынок, ты пойдешь со мной в церковь, но там не отходи от меня; ты сядешь со мною в притворе и будешь следить внимательно за всеми мужчинами и женщинами, которые будут проходить мимо; запомни, не станет ли кто-нибудь из проходящих пристальнее других смотреть на меня, а может быть, даже смеяться, не сделает ли

519 [519] Т. е «100 глазами Аргуса».

какого-нибудь движения в мою сторону; тогда запомни его лицо. Сумеешь ли ты это сделать?»

Ребенок ответил: «Да».

Научив мальчика, слепой пошел вместе с ним в церковь, и там они заняли свои обычные места. Мальчик исполнил строго наказ отца и простоял все утро, следя внимательно за каждым человеком. Вскоре он заметил, что названный Юччо, проходя мимо них, пристально посмотрел в сторону слепого отца и усмехнулся. Когда настал час возвращаться домой к обеду, слепой, прежде чем подняться к себе с сыном по лестнице, учинил ему допрос, спросив: «Ну, сынок, не видел ли ты что-либо из того, о чем я тебе говорил?»

Мальчик ответил: «Я ничего не видел, отец мой, разве только, что один человек пристально поглядел на вас и засмеялся».

Тогда отец спросил: «Кто же это был?»

Сын ответил на это: «Я не знаю его по имени, но знаю хорошо, что он колбасник и живет здесь, неподалеку от братьев миноритов».

Отец спросил тогда: «Сумеешь ли ты проводить меня в его лавку и сказать мне, увидишь ли ты его там?»

Мальчик ответил, что да. Слепой не стал мешкать ни минуты и сказал мальчику: «Отведи меня и, если ты его увидишь, скажи мне; и когда я буду с ним говорить, отойди в сторонку и подожди меня».

Мальчик проводил отца в лавку, где Юччо в это время продавал сыр, сказал об этом отцу и подвел его к колбаснику. Когда слепой услышал разговор колбасника с покупателями, то он признал в нем Юччо, с которым он был знаком давно еще, когда был зрячим. Вмешавшись в разговор, он сказал, что хотел бы поговорить с ним немного наедине и в указанном месте. Юччо, почти подозревая что-то, отвел его в каморку нижнего этажа и спросил: «Что нового, Кола?»

Тот ответил: «Дорогой брат, я пришел к тебе, доверяя тебе и любя тебя. Как известно, уже много времени прошло с тех пор, как я потерял зрение. И имея большую семью и будучи бедняком, я был вынужден жить на подавание; по милости божией и благодаря доброте твоей и других жителей Орвьето, я оказался обладателем двухсот флоринов, из которых сто Держу под рукой, в одном месте, а другие сто отдал на сбережение нескольким моим родственникам и должен получить их через неделю. Поэтому если бы ты нашел возможным взять эти двести флоринов и дать мне, ради господ бога, ту часть прибыли, на которую я по-твоему могу рассчитывать, для поддержки самого себя и моих детей, то я был бы очень доволен, потому что я не знаю у нас никого, на кого я бы мог больше положиться. только я не хочу получать в этом никакой расписки и не хочу, чтобы об этом что-либо говорилось и что-либо знали. Поэтому я сердечно прошу тебя никогда не говорить ни слова о том, что я сказал, какое бы ты решение ни принял; ведь ты знаешь, что, если бы проведали о том, что у меня есть эти деньги, то милостыня, которую я получал до сих пор, оскудела бы».

Слушая слепого и думая, что он может поймать в тенета и другие сто флоринов, Юччо наговорил Кола много слов и насчет того, чтобы довериться ему, и насчет того, чтобы слепой вернулся на следующее утро к нему за ответом; и слепой ушел, а Юччо, улучив минуту, со всех ног пустился с кошельком, к которому еще не прикасался, в церковь и положил его снова под тот кирпич, из-под которого его взял. Он был уверен, что те сто флоринов, которые, по словам Кола, находились на своем месте, были именно теми ста флоринами, которые он положил обратно под кирпич. А потому-то, чтобы не упустить второй сотни, он пошел и положил первую обратно. С другой стороны, Кола подумал, что на основании слов Юччо: «Завтра я тебе отвечу», можно, пожалуй, предположить, что, желая получить другую сотню флоринов, колбасник, прежде чем даст ответ, может быть, отнесет взятые им деньги обратно. В тот же день он пошел в церковь и, думая что никто его не видит, поднял кирпич и, поискав под ним, нашел названный кошелек. Он сейчас же засунул его за пазуху, уложил кирпич кое-как обратно и вернулся домой, где провел спокойную ночь. Наутро он пошел послушать, что скажет Юччо. Увидя его, Юччо пошел ему навстречу со словами: «Куда идешь, мой дорогой Кола?»

Кола ответил ему: «Я иду к тебе».

Войдя в укромное место, Юччо сказал слепому: «То большое доверие, которое ты мне оказываешь, вынуждает меня пойти на то, о чем ты просишь. Постарайся иметь на руках двести

флоринов; через неделю я делаю запас колбасы и качкавалло,⁵²⁰ который, я надеюсь, принесет мне такую прибыль, что я смогу уделить тебе изрядную долю».

Кола ответил на это: «С богом! Я хочу сходить сегодня же за ста флоринами, а может быть, и за остальными, и добыть их для тебя; а там, сделай для меня то, что ты сможешь».

Юччо сказал ему: «Ступай с богом и возвращайся скорее. Я решил сделать названный запас потому, что мессер Комес⁵²¹ собирает для церкви много солдат и говорят, что главная квартира их будет здесь, а ведь солдаты очень охочи до колбасы и качкавалло. Так вот, ступай, носи деньги, которые, думаю, принесут большую пользу и тебе и мне».

Кола пошел за деньгами, но не с тем намерением, которое предполагал в нем Юччо, потому что теперь слепой ослепил зрячего. На другой день, с глубоко удрученным лицом, Кола отправился к Юччо, который, увидев его, улыбаясь во весь рот, пошел ему навстречу со словами: «Позволь пожелать тебе доброго денька, Кола!»

На что Кола ответил: «Пусть бы он был хотя бы просто обычным, а не то что добрым!»

Тогда Юччо спросил: «Что это значит?»

Кола ответил: «Ах, я несчастный! Там, куда я положил свои сто флоринов, я их не нахожу! У меня их украли. А мои родственники, у которых были на сбережении остальные сто по частям, говорят мне, кто – что денег у него нет, – а кто говорит и хуже, так что мне остается только сжать кулаки, такое у меня горе!»

Юччо сказал на это: «Вот еще новая удача! Ведь там, где я рассчитывал нажить, я потеряю флоринов сто, а то и больше, но еще хуже то, что я почти сделал запас колбасы: ведь если тот, кто мне продал товар, захочет, чтобы дело шло своим чередом, я не знаю, чем ему платить!»

Кола ответил ему на это: «Я всей душой огорчен за тебя, но что касается меня, то я огорчаюсь еще больше, потому что остаюсь в таком положении, что мне плохо будет жить и придется заново наживать деньги. Но если такова будет милость божья, что я буду кое-что иметь, то я не стану рассовывать деньги по разным дырам или доверять их или давать на сохранение кому бы то ни было, будь то хоть мой родной отец».

Слушая его, Юччо подумал, не может ли он получить денег помимо той сотни, которую он считал погибшей, и сказал: «А те сто флоринов, которые находятся у твоих родственников, – если бы ты смог получить их и дать мне? Я бы постарался тогда раздобыть другую сотню для того, чтобы пустить в ход колбасу, а если сделать так, то ведь вполне возможно, что в короткий срок в твоём кошельке может оказаться двести флоринов».

Тогда слепой ответил: «Дорогой мой Юччо, если бы я не хотел скрывать сто флоринов, находящиеся у моих родных, я потребовал бы их судом и их бы мне присудили, но я не хочу разглашать этого потому, что тогда я лишился бы, если это узнают, части подаяния. И потому для меня деньги эти потеряны, разве только господь вразумит моих родных. Так что от меня нечего больше ожидать, раз судьба так судила. Как бы там ни было, что касается меня, то я, видя твое доброе ко мне расположение и желание сделать меня богатым, считаю, что получил деньги и что у меня в кошельке двести флоринов, как будто ты мне их дал. Одно только я сделаю: я заставлю погадать одного своего приятеля: не скажет ли он мне чего насчет того, кто вор, а если мне посчастливится, то вернусь к тебе; будь спокоен, я дела этого не оставлю».

Юччо сказал на это: «Ну, вот что; ступай, постарайся каким-нибудь способом отыскать и вернуть себе свои деньги, и если это тебе удастся, то ты знаешь, где меня найти, если тебе будет что-либо нужно. Будь спокоен, насколько это возможно, и иди с богом!»

Таким образом, кончилась заготовка колбасы и качкавалло, которая так и не состоялась, а слепой удвоил свои деньги и долгое время потешался про себя, говоря: «Клянусь святой Лючией, Юччо оказался более слеп, чем я». И он действительно был прав, потому что поймал на удочку зрячего, приманив его сотней флоринов, чтобы вернуть себе другую сотню.

И поэтому нечего удивляться, что у слепых гораздо более тонкий ум, чем у других. Ведь зрение, направленное на рассмотрение то одной, то другой вещи, в большинстве случаев

520 [520] Качкавалло или конкавалло – сорт сыра.

521 [521] Гомес (Комес) – племянник кардинала Альборноса, был начальником папских войск с 1365 по 1375 г.

рассеивает ум. Этому можно было бы привести много доказательств, и я приведу, в частности, одно такое небольшое доказательство.

Представим себе двух людей, беседующих друг с другом. Во время речи одного из них мимо прошла женщина или кто другой; говоривший, глядя на нее, останавливается и теряет нить мысли; желая продолжить ее, он спрашивает товарища: «О чем я говорил?»

А это произошло только потому, что зрение заняло его ум чем-то другим; поэтому язык, руководимый умом, не мог следовать своему пути. Вот почему философ Демокрит выколол себе глаза, чтобы мысли его были более тонкими.

Юччо (вернемся к нему) горевал о том, что он потерял, по его мнению, сто флоринов и говорил про себя: «Разве это не поделом мне? Я нашел сто флоринов, а захотел иметь еще сто. Мой учитель всегда говорил мне: „Лучше голубь в руке, чем дрозд на дереве”,⁵²² но я не запомнил этого; поэтому я и потерял голубя и не поймал дрозда, а слепой провел меня. У него действительно было сто глаз, подобно тем ста флоринам, чтобы устроить мне это. И поделом мне! Ведь я не удовольствовался сотней, потому что жадность побудила меня желать еще сотни. Так вот и получай, Юччо, ты, который купил соленого мяса. Ведь правда, что я купил у этого слепого на сто флоринов мяса, которое оказалось для меня солонее всего того, что я когда-либо покупал». И еще долго не мог он успокоиться, и многим спрашивавшим его: «Что с тобой делается?» говорил, что он потерял сто флоринов на соленом мясе. И поделом ему было, ибо кто желает все иметь, все теряет, а обманщик очень часто оказывается проведен обманутым.

Новелла 199

Мельнику Боццоло прислали смолоть зерно под охраной слуги с тем, чтобы тот не отлучался, дабы не произошла покража зерна. Боиоло заставляет кошку удить и крадет зерна больше, чем когда-либо

Гораздо лучше, чем Юччо, присвоивший найденные им сто флоринов, сумел нажиться на чужом добре мельник Боццоло с мельницы Анджетти.⁵²³ Он слыл лучшим мельником и был из тех, которые мелют как будто отлично, а между тем, подобно большинству, превосходно утаивают чужое зерно. Наконец, он превратился в самого искусного вора, который когда-либо молот зерно, ибо, привлекая к своей мельнице большую часть флорентийцев, он в конце концов обратил их в своих братьев, деля с ними пополам то, что ему приносили молот.

Случилось так, что флорентийский дворянин Бьянкоццо де Нерли⁵²⁴ неоднократно посылал молот на мельницу Боццоло, так как слышал о том, что он славился и как хороший мельник и как честный человек, но, наконец, дворянин заметил, что дело не только не идет ладно, но все хуже и хуже. Все чаще и чаще замечая, что муки каждый раз убывает всё больше и больше по сравнению с тем, что он должен был получать, Бьянкоццо не раз ходил на мельницу, говоря Боццоло, что тот возвращает когда на четверть, когда на треть меньше того, что следует, и что он больше не согласен терпеть этого, если мельник не возместит ему убытки. Мельник отвечал, как это делают и теперь ему подобные: «Этого не может быть, потому что, помоги мне бог и святой Бранкаций,⁵²⁵ которого я почитаю, я вот как честно исполняю ваши заказы, но в вашем хлебе есть много пустых колосьев».

522 [522] Ср. русскую пословицу: «Лучше синица в руках, чем журавль в небе». Итальянцы говорят: «Лучше яйцо сегодня, чем курица завтра» (Meglio l'uovo oggi, che la gallina domani).

523 [523] Боццоло значит: часть помолы, идущая в пользу мельницы. Мельница принадлежала семье Анджетти.

524 [524] Бьянкоццо ди Мацца де Нерли упомянут в документе 1344 г. У него был брат – ученый монах-августинец – Франческо.

525 [525] Бранкаций – Сан-Панкратио. Возможно, что в одноименном городском квартале находилась мельница Боццоло.

Бьянкоццо сказал на это: «Я не знаю, какие там пустые колосья; я говорю тебе о полномесном зерне, и если ты мне не возместишь его, я подам на тебя жалобу».

Тогда Боццоло ответил: «Сделайте-ка вот что: пришлите сюда какого-нибудь человека, чтобы он доставил зерно и побыл здесь, пока оно не будет смолото; тогда вы увидите, кто виноват – я, или ваше зерно?»

Бьянкоццо согласился: «Ну, ладно, ты понял, что я сказал», и ушел с богом.

Через несколько дней после того Бьянкоццо пришлось послать на мельницу, и он, вспомнив о том, что предложил ему мельник, решил послать туда своего слугу по имени Нутино и, приказав ему взять зерно, велел идти с ним на мельницу и ни на минуту не отходить ни от жернова, ни от ковша, до тех пор, пока он не отправится с мукой домой. Слуга ушел, сказав, что исполнит приказание. Явившись на мельницу, он сказал Боццоло: «Это зерно принадлежит такому-то. Прошу тебя сейчас же его смолоть, потому что хозяин хочет, чтобы я сейчас же вернулся с мукой».

Боццоло ответил на это: «Он мне не доверяет, а я готов оставить все другие дела, чтобы услужить ему».

И он высыпал зерно в ковш и начал молоть, а в это время Нутино уселся рядом. Так как Нутино был очень внимателен, Боццоло увидел, что он не сможет утаить части муки, как этого ему хотелось.⁵²⁶ Наладив дело, он позвал Сачченту (так звали его жену) и велел ей спуститься сверху и привести кошку, так как он хочет половить с нею немного рыбы. От шума жернова Нутино почти что начал дремать, но при упоминании о кошке сон соскочил с него и он, поднявшись, сказал: «На это я очень хочу взглянуть!»

И вот женщина спускается вместе с кошкой на привязи, держа конец веревочки в руке, и с рыболовной палкой, которую она передает Боццоло, уже взявшему в руку кадушку для рыбы; и оба они, выйдя из мельницы, отправляются в путь. Нутино, смотря на все это, говорит про себя: «Пусть лучше пропадет зерна больше, чем когда-либо, но на это дело я не могу не взглянуть», – и, выйдя из мельницы, он следует за ушедшими. В то время как Нутино находился на улице и шел за кошкой, на мельнице мальчик-помощник мельника принимается усерднейшим образом за зерно Нутино, как ему было приказано; так что (как это бывает после хорошей варки) зерно уварилось наполовину.

Отправившиеся на берег ловить с кошкой рыбу не наловили ничего. Мельник бил палкой по воде и поглядывал на кошку, проделывая странные движения. Нутино, забыв обо всем, таращил глаза. Слуга мельника отсыпал муку из его мешков. Боццоло, поведив некоторое время Нутино за но⁵²⁷ с, сказал ему: «Наверно, мне не везет потому, что я почти весь нынешний год не выходил ловить рыбу с кошкой, и теперь я не наловил даже и фунта, а то послал бы улов Бьянкоццо де Нерли. Я больше не могу, мы наворачстаем это в другой раз».

И он вернулся на мельницу, а вслед за ним и Нутино, который, войдя в нее, сказал: «Как, уже смолото?»

Мальчик ответил: «Скорей, держи мешок», и начал сыпать муку, а наполнив мешок, сказал: «Вот тебе; если уж теперь станешь жаловаться на помол, то скажу, что никому больше нельзя верить».

Когда мешки были наполнены, Нутино унес муку и, вернувшись домой, сказал: «Право, если эта работа сделана плохо, то никакая другая не будет ладной».

В это время синьор позвал Нутино и спросил: «Как же ты устроил дело?»

– «Хорошо, синьор: я получил столько муки, что из нее можно намесить хороших мальчишек».⁵²⁸

Тот зовет служанку и наказывает ей: «Просей и измерь, сколько нам вернули муки».

Служанка, просеяв муку и измерив ее вечером, нашла, что из шести четвериков зерна

---

526 [526] В итальянском тексте стоит глагол *sbozzolare*, который образован от прозвища Боццоло (ср. русское «объегорить»).

527 [527] По-итальянски *un pezzo ebbe menato la giumenta al toruco*, т. е. «немного поводит кобылу на турнире».

528 [528] Нутино пытается прихвастнуть, расхваливая «замечательную» муку.

получилось четыре четверика муки, и сказала об этом хозяину. Синьор, рассердившись, зовет Нутино и говорит ему: «Из этой-то муки ты намесишь мальчишек! Скорее висельников, чтоб тебе умереть от меча! Я думаю, что ты заодно с мельником».

Нутино оправдывается. Синьор спрашивает его тогда: «Скажи мне правду и не бойся. Ты совсем не отходил от зерна?»

Слуга начинает путаться, тогда синьор говорит ему: «Отвечай спокойно».

Тогда Нутино рассказал обо всем, как было, и как мельник устроил ловлю рыбы с кошкой, и как он не мог удержаться, чтобы не пойти взглянуть на нее, и просил синьора простить его, а если мельник украл зерно из-за его отлучки, то он просит поставить это ему в счет. Синьор пожал плечами и сказал: «Такие дела случаются постоянно. Ступай с богом! Я не знаю, как можно было бы уберечься от воровских замашек мельника. Одно только я сделаю: Боццоло никогда больше не получить с моего зерна прибыли, потому что теперь я всегда буду посылать зерно на мельницу братии всех святых».

А Нутино поступал так: впредь он следил более внимательно за зерном и не ходил смотреть, как кошка ловит рыбу.

Такова хитрость воров: путем всевозможных уловок они стараются похитить чужое добро, и если кто-либо обладает этим свойством; то мельники прежде всего. Давай с весу, принимай с весу, давай измерив и следи и делай, что тебе угодно. Но к чему все это? Они все равно воруют, как всякий это испытал и может убедиться каждый день.

Новелла 202

У одного бедного человека из Фаэнцы отымают постепенно участок земли; он велит звонить во все колокола и кричит, что умерла правда

Нижеследующая выдумка подобна некоторым предыдущим, но она привела к гораздо более справедливому решению. Вот как было дело.

В ту пору, когда в Фаэнце⁵²⁹ правил Франческо де Манфреди,⁵³⁰ отец мессера Ричхардо и Альбергеттино, синьор мудрый и добрый, не любивший пышности, своим благопристойным образом жизни и внешностью напоминавший скорей знатного горожанина, нежели синьора, случилось так, что один влиятельный человек этого города владел землей, к которой примыкал участок, принадлежавший одному малоимущему человеку. Желая купить этот участок, влиятельный горожанин несколько раз хлопотал об этом перед его владельцем. Но так как он не мог добиться своего, потому что человек этот изо всех сил трудился на своей земле, кормился ею и скорее продал бы самого себя, чем своей участок, то, не будучи в состоянии осуществить свое желание, влиятельный горожанин решил действовать силой. Поэтому, пользуясь тем, что владения его отделял от владений соседа всего только маленький ров, он почти каждый год, вспахивал свою землю, проводил одну-другую борозду по смежному участку, отрезая от него, таким образом, каждый раз с локоть, а то и больше земли.

Сосед замечал это, но не смел и заикнуться о происходящем и только тайком жаловался на это некоторым своим приятелям.

Так продолжалось несколько лет, и земля в короткий срок оказалась бы понемногу запаханной, если бы не вишня, которая росла в упомянутом поле и захватить которую было бы уже слишком заметно, так как каждый знал, что она стоит в поле бедняка. Видя, что его грабят и, будучи поэтому вне себя от гнева и возмущения, понимая в то же время, что ему нельзя не только жаловаться, но и заикнуться об этом, он отправляется однажды в полном отчаянии, с

---

529 [529] Фаэнца – город в 50 км от Равенны; известен своим гончарным производством откуда пошло название сорта посуды – «фаянс».

530 [530] Франческо – основатель Синьории Манфреди в 1313 г. В 1327 г. был лишен власти своим сыном Альбергеттино и умер в 1343 г. Однако узурпатор был обезглавлен в 1329 г. Ричхардо был синьором Фаэнцы и Имолы с 1334 по 1348 г.

двумя флоринами в кармане, в Фаэнцу и принимается ходить по всем большим церквам по очереди и договаривается там, столковавшись предварительно о цене, чтобы в определенное время, но в необычный час, который не совпадал бы ни с вечерней, ни с ноной,⁵³¹ в них звонили во все колокола. Так и делалось. Духовенство получило деньги, и в условленное время колокола зазвонили вовсю, так что жители той местности стали, переглядываясь между собой, спрашивать друг друга:

«Что это значит?»

А ограбленный человек бегал тем временем повсюду, словно в беспамятстве. Каждый при виде его спрашивал: «Эй, вы там, чего это вы бегаєте? – Эй, такой-то, что это колокола звонят?»

А он отвечал: «Это потому, что умерла правда». А в другом месте он говорил: «Это зауспокойный звон по случаю кончины правды».

Таким образом, благодаря ему, слова эти разнеслись под звон колоколов по всей округе, и даже сам синьор Франческо стал спрашивать, почему это звонят. Когда ему в конце концов сообщили, что насчет звона известно только то, что такой-то человек провозглашает повсюду то-то и то-то, синьор послал за ним. Бедняк явился, сильно перепуганный. Увидев его, синьор сказал: «Поди сюда; что это ты там говоришь? Что значит этот колокольный звон?» Бедняк отвечал: «Я скажу вам это; только не оставьте меня своей милостью. Такой-то горожанин из вашего города хотел купить у меня участок земли, я же не хотел ему продавать его; тогда, не имея возможности приобрести его, он каждый год, когда у него пахали, запахивал часть моего поля, когда полоску с локоть, а когда и с два, пока не добрался наконец до вишневого дерева, дальше которого идти так, чтобы захват остался незамеченным, было трудно. Да благословит бог того, кто его посадил! Ведь, если бы оно там не росло, то сосед мой в короткое время захватил бы всю мою землю. А так как то, что мне принадлежит, отнято у меня человеком очень богатым и влиятельным, сам же я, можно сказать, бедняк, то, после стольких бедствий и перенесенных мною чрезмерных огорчений, потеряв всякую надежду, я отправился по церквам и заказал им, за известную плату, зауспокойный звон по случаю кончины правды».

Услышав эти остроумные слова бедняка и рассказ его о том, как его ограбил один из горожан Фаэнцы, синьор послал за грабителем. Раскрыв и выяснив правду, Франческо приказал вернуть землю бедняку и распорядился, чтобы землемеры отправились на место и отрезали бедняку от смежной с ним земли богача столько, сколько тот в свое время отнял у бедного; а кроме того, он велел богатому уплатить соседу два флорина, которые тот израсходовал на колокольный звон.

Такой поступок со стороны синьора был большой справедливостью и большой милостью, ибо богач заслуживал худшего; но если, взвесив все хорошенько, признать, что добродетель синьора была велика, то нельзя не сказать, что и бедный человек поступил весьма справедливо. И когда он говорил, что колокола звонили по случаю кончины правды, можно было бы сказать, что они звонили, чтобы воскресить ее.

Было бы не худо, если бы они звонили и нынче, чтобы она воскресла вновь.

Новелла 204

Мессер Аццо дельи Убертини упрекает во флорентийском дворце некоего солдата, жалующегося на то, что, несмотря на его просьбы, ему в продолжении недели не могут выплатить жалованья, и ссылается на себя, как на пример обратного

История, которую я хочу теперь рассказать, еще более любопытна; к тому же я, писатель, был ее свидетелем.

В те времена, когда герцог Анжуйский отправился в поход против короля Карла III, чтобы, как он говорил, отомстить за ее светлость королеву, мадонну Джованну,⁵³² то весть о

531 [531] Нона – по церковному исчислению «9-й час» – означает наши три часа пополудни.

532 [532] В сентябре 1384 г. Людовик, герцог Анжуйский, выступил против короля Карла III Дурацского,

взятии Ареццо сиром де Куси вместе с Марком ди Пьетрамала⁵³³ и другими достигла до Флоренции в какой-нибудь час, вызвав там большую печаль. Немного спустя пришла весть о смерти герцога Анжуйского. Она явилась драгоценным бальзамом, исцелившим смертельную рану, нанесенную потерей Ареццо. После этого, наконец, сир де Куси, получив за это большое количество денег,⁵³⁴ передал Ареццо Флорентийской коммуне, а между тем, не умри герцог, он не только не отдал бы или не продал бы Ареццо, но и нашему городу грозила бы опасность потерять свою самостоятельность.

Когда Ареццо снова перешел под власть Флорентийской коммуны, флорентийцы постарались отобрать все зависевшие от них замки от тех, кто владел ими не по праву. Между прочим, они потребовали, чтобы некий мудрый и доблестный дворянин, по имени Аццо дельи Убертини из Ареццо,⁵³⁵ вернул несколько замков, которыми он неправильно владел в области Аццо; потому что ведь Аццо было продано Флорентийской коммуне со всеми своими замками и со всеми своими правами. Этот дворянин, не возражая ничего и скорее соглашаясь с решением, предстал перед флорентийскими синьорами и сказал: «Синьоры мои, если бы я имел тысячу доводов против вашего желания и вашего намерения, я не стал бы приводить ни одного из них. Скажу вам только одно: я владею столькими-то замками. Если вы желаете получить их все, я все их вам отдаю, и вот вам ключи; ибо я думаю, что я стану гораздо богаче и значительнее, будучи бедным и повинуюсь вашим приказаниям, чем владея тем, что имею, или тем, что мог бы иметь вопреки вашей воле».

Несмотря на такое начало, на дальнейшее продолжение и конец дела, несмотря на то, что он никогда не менял своего желания передать свое достояние коммуне, ему пришлось в течение нескольких месяцев стараться и хлопотать об этом деле, так как он не мог ускорить его решение, и всякий день он ходил в синьорию. И притом, когда они обсуждали свои пожелания относительно некоторых замков, либо его собственных, либо таких, которые он получил от Ареццо и никогда не говорил ничего другого, кроме *fiat*,⁵³⁶ его все же задерживали на долгое время, и он в течение нескольких месяцев не мог провести дело и вернуться домой.

Однажды случилось, что, когда названный мессер Аццо находился во дворце приоров, в зале рядом с комнатой заседаний некий дворянин, служивший в войске капралом,⁵³⁷ пришедший просить синьоров уплатить ему деньги, которые он заслужил, и получивший отказ, вышел от них крайне взволнованный, упрекая их и бранясь. Увидя его, мессер Аццо спросил, что с ним такое. На это тот ответил: «Какой черт, что со мной? Я должен получить двести флоринов, заработанных с большим трудом так-то и так-то, но хожу сюда вот уже добрых две недели, и мне все не могут заплатить».

Тогда мессер Аццо сказал: «Добрый человек, ты, наверно, мало бываешь в этом дворце. Я хочу тебе рассказать, что вот почти четыре месяца, как я здесь и желаю передать свое имущество коммуне, а все не могу провести этого дела. Так подумай же, кому следует больше жаловаться: тебе или мне?»

Капрал, выслушав мессера, сказал: «Ей-богу, хорошенькую надежду вы мне подаете на будущие неприятности!»

чтобы отомстить за изгнание королевы Иоанны

533 [533] Сир де Куси, Ангерран VII, стоял во главе французских войск, посланных королем на помощь герцогу Анжуйскому. Объединившись с Марко да Пьетрамалой и другими аретинскими изгнанниками, отобрал город Ареццо у флорентийцев. Попал в рабство к туркам и умер в городе Бруссе (1399 г.). Саккетти насмешливо называет де Куси – *di Così*, что значит «Так сказать».

534 [534] Сорок тысяч флоринов.

535 [535] Аццо дельи Убертини в 1376 г. воевал в Романье, в 1378 г. был в дружбе с флорентийцами; вернулся в замок в 1384 г., но затем передал его Флоренции и в 1385 г. умер в Сьене. Убертини были в союзе с Флоренцией и боролись с Пьетрамалой.

536 [536] Да будет так (*лат.*).

537 [537] Капрал – сержант (современный эквивалент).

Речи мессера Аццо были переданы синьорам одним из слышавших их; ну, словом, один из них, может быть самый разумный, заметил: «Он сказал совершенно верно, что здесь не дают хода никакому делу, и хороша, нечего сказать, честь, если мы заставляем ждать здесь полгода, а иногда и целый год, дворянина ради жилищ, и никогда-то мы не кончаем дела, которое должны сделать».

После чего все, побуждаемые этими словами, единогласно решили не браться ни за что другое, пока дела мессера Аццо и упомянутого солдата не будут разрешены; и на другой день без всякого промедления с обоими делами было покончено.

Итак, слова мессера Аццо имели то значение, что они разбудили тех, кто спал. А что может быть прекраснее и почтеннее для тех, кто судит, как не разрешать справедливым образом дела, которые к ним попадают? Это столь прекрасная вещь, что подданные никогда не захотят иной власти, а поступать наоборот – вещь тягостная и вызывающая негодование, так что подданные предпочли бы быть в аду под властью дьявола скорее, чем под властью тех, кто так долго тянут их дела; ведь они теряют на это столько времени, не говоря уже о трудах и убытках, пока не дождутся конца какой-нибудь своей тяжбы.

Новелла 206

Мельник Фаринелло из Рьети влюблен в монну Колладжу. Жена его, узнав об этом, хитрится проникнуть в дом монны Колладжи, укладывается на ее кровать, а Фаринелло доверчиво ложится к ней, и, полагая, что имеет дело с монной Колладжей, имеет дело с женой

Чтобы внести в мои рассказы некоторое разнообразие, я хочу обратиться к забавным случаям с поклонниками, о каких еще не было речи.

В городе Рьети жил некогда молодой мельник, по имени Фаринелло,⁵³⁸ у которого была молодая жена, по имени Ванна. Будучи человеком несколько легкомысленным, мельник этот влюбился в одну молодую вдову – женщину, как и он, простого звания, но скорее бедную, по имени Колладжа. Желая удовлетворить свое влечение, он не раз просил об этом женщину, предлагая ей подарить за то две четверти зерна, которые весят каждая почти что полтора ста фунтов, потому что рьетский руджо,⁵³⁹ который составляет четыре четверти, равняется шестистам фунтам.

Так как мельник все продолжал приставать к женщине, предлагая ей подарок, а та не могла дать отпор такой назойливости, то она отправилась однажды к монне Ванне, жене названного Фаринелло, и, придя, сказала ей, что явилась с жалобой на ее мужа, который не оставляет ее в покое и ежедневно просит о некоторых вещах, которые противны всякой чести; между прочим, сообщила она и о том, что предлагает ей Фаринелло, рассказав о двух четвертях зерна. Выслушав женщину, монна Ванна придумала хитрую уловку с тем, чтобы то, чем муж ее хотел угостить монну Колладжу, досталось бы ей. Но она не была из тех нынешних женщин, которые поднимают в таких случаях шум, как курица, когда она снесет яйцо, и разглашают среди соседей и посторонних людей свой собственный и мужний позор. Она спокойно и ласково обошлась с монной Колладжей и сказала ей: «Вы пожаловали в добрый час. Если вы пожелаете сделать то, что я вам скажу, я избавлю вас от этой неприятности. А способ такой. Как только он будет опять просить тебя, накажи ему, в какую ночь ему к тебе прийти, и оповести о том меня. На эту ночь уйди тайком ночевать к какой-нибудь своей соседке, а свой дом предоставь в мое распоряжение. Но скажи ему, чтобы он доставил тебе две четверти зерна, а я дам тебе еще одну, так чтобы всего было три. Все прочее предоставь мне».

Выслушав это и понимая, что она, таким образом, приобретает больше, не теряя чести, – между тем как она только что думала, что Фаринелло получит свое, – женщина сразу же

538 [538] Имя Фаринелло происходит от слова farina – «мука».

539 [539] Итал. gubbio, диалектная форма – ruggio (по-русски руджо) – мера сыпучих тел.

согласилась. На обратном пути она встретила Фаринелло, который нес зерно для размола и, подойдя к ней, сказал: «У меня приготовлено зерно, и вы можете получить его в любой час, когда захотите».

Женщина тихонько ответила ему, что из нужды она готова удовлетворить его желание, и предложила ему в тот же вечер доставить зерно и явиться к ней. На этом они и согласились.

Запасшись обещанием того, чего он давно уже добивался, и раздумывая за помолом о том, что ему предстояло делать сегодня ночью, он работал в этот день на мельнице спустя рукава; насыпав две четверти зерна в два мешка, чтобы отнести их когда наступит ночь в дом к монне Колладже, он подумал о том, что хорошо было бы найти надежного товарища, который помог бы ему снести мешки.

Пораздумав над этим, он обратился к одному своему близкому другу, такому же мельнику, как он, по имени Кьодьо, и попросил его помочь ему снести ночью вместе с ним один мешок, но чтобы он держал все втайне. Дело это было совершенно необыкновенным и противным привычкам мельников, которые охотно нагружают себя зерном или мукой, когда берут их у кого-нибудь, но редко делают так, чтобы дарить кому-нибудь. Вернувшись к монне Ванне в тот же самый день, донна Колладжа рассказала ей о том, как она договорилась с Фаринелло, что когда наступит ночь, он доставит ей зерно и будет спать с ней, и сообщила, что сама она, по указанию монны Ванны, отправится ночевать к одной своей соседке; а мельничиха расположится в ее доме по своему усмотрению. Донна Ванна ответила на это: «Вы поступили правильно. Нынче ночью я приду и устрою то, что мне нужно. Вы же не беспокойтесь больше ни о чем». Так и было сделано.

Фаринелло имел обыкновение проводить большую часть ночи на мельнице, а если он не проводил там целую ночь, то отсутствовал дома столько же, потому что уходил иногда с мельницы куда-нибудь и оставался там до утра. Между тем жена его, монна Ванна, отправилась к донне Колладже, вступила там в обладание ее домом и ложем и стала ждать своего Фаринелло вместо той, которую он так страстно желал.

Когда Фаринелло, которому так повезло, решил, что настало время задать кобыле корму, он вместе с приятелем своим Кьодьо, взвалив себе по мешку на спину, двинулись в путь. Подойдя к двери женщины, они нашли ее приоткрытой; толкнув ее, они вошли в дом, сложили мешки. После этого Фаринелло сказал Кьодьо: «Не посетуй на меня, если тебе придется подождать меня немного. Если ты подождешь, то это, быть может, будет на пользу и тебе».

Услышав это, Кьодьо сказал: «Друг мой, ступай и оставайся там, сколько хочешь: я не уйду до тех пор, пока ты не вернешься».

И Кьодьо остался, а Фаринелло пошел в комнату, как было уговорено, где вместо донны Колладжи его ожидала донна Ванна. В полумраке, подойдя к кровати, он лег подле женщины, причем оба молчали, чтобы не быть услышанными, и только вздыхали, а женщина делала знаки, чтобы он не говорил, и показывала, что вблизи находятся соседи. Делала же она это для того, чтобы Фаринелло ее не узнал. Фаринелло повиновался, привалился к ней, использовал ее, правда, в тех целях, с какими сюда явился, но получил не то, на что рассчитывал. В довольно короткий срок он четыре раза собрал свою дань, и после последнего раза поднялся и сказал: «Я пойду помочиться и сейчас вернусь».

Сделав это, он пошел к Кьодьо, который его ждал, и сказал ему: «Она меня, братец мой, порядочно вымотала, прежде чем согласилась на то, чего я хотел. Ты принес сюда столько же зерна, сколько и я. Если хочешь вместе со мной воспользоваться этим благодеянием или, если угодно, злодеянием, то можешь пройти прямо в комнату; но там ложись на кровать, не произнося ни единого слова, и сделай вид, что это я, так как с меня на эту ночь будет».

Услышав это, Кьодьо отнюдь не изобразил из себя глухого. Он тотчас же входит в комнату и, улегшись на кровать подле женщины вместо Фаринелло, в короткий срок трижды удовлетворяет свое желание. Встав затем с кровати, он возвращается к ожидавшему его Фаринелло, и оба они отправляются на мельницу, откуда вышли.

Рано утром вернулась домой и женщина, уверенная, что спала все время с Фаринелло. Поутру возвратилась в свой дом от соседки и донна Колладжа и нашла свою постель совершенно измятой.

В то время, как донна Ванна ожидала мужа у себя дома, где собственно дело и должно

было быть выполнено надлежащим образом, является Фаринелло, показавший себя столь боееспособным рыцарем, и говорит жене, что чувствовал себя на мельнице всю ночь плохо, а потому просит ее изжарить ему два яйца. Жена отвечает ему на это: «Их нужно бы изжарить семь».

Тогда Фаринелло спрашивает ее: «Что это значит? Я хочу только два».

Жена говорит ему на это: «А их все-таки нужно семь».

Тогда муж спрашивает ее: «Что ты, с ума сошла?»

Жена отвечает ему: «С ума сошел, пожалуй, ты».

Фаринелло стоял совершенно изумленный. Тогда жена говорит ему:

«Удивляйся, удивляйся, потому что тебе есть чему удивляться. Нынче ночью ты показал себя доблестным рыцарем, так как молот семь раз. Ты отлично знаешь где; но только не с той, с кем думал, потому что женщина, с которой ты этой ночью молот семь раз, была я, а не монна Колладжа, и доказательством тому, что, кончив первые четыре раза, ты встал и пошел мочиться, а потом вернулся и еще трижды продолжал игру. Таким образом, я, которой ты не видел, получила от тебя то, чего не получала от тебя никогда, когда ты меня видел. Теперь ты просишь меня о яйцах, так как будто бы чувствуешь себя плохо от помола. Ты говоришь правду, потому что ты молот мое тело. Ты очень опечален этим, и пошли тебе бог такой печали, так как ты думаешь обращаться со мной, как со служанкой, и даришь зерно. И я подарила его целый мешок, я тоже, и израсходовала его с большей пользой, чем ты своих два. И пусть постигнет то же самое всех других дурных мужей, которые постыдно обманывают своих жен, а жен их – то, что случилось со мной нынешней ночью. Всякий раз, когда тебе понадобится этот товар, знай, что я всегда готова предложить его тебе. Так что ты можешь молот на своей мельнице, и будет тебе не мало работы. Добывай себе на прожиток, потому что тебе это очень необходимо, и нечего одаривать мукой вдов, чтоб тебе пусто было, плут ты этакий!»

Выслушав это, Фаринелло не знал, что ему сказать, и мог промолвить только: «Я не знаю, что ты говоришь; вероятно, ты говоришь это только для того, чтобы не дать мне яиц».

«Так, значит, тебе нужно высидеть их», – сказала жена. – Ступай же высиживать их на свою мельницу и бери столько яиц, сколько тебе захочется, и мели, как ты молот этой ночью».

Фаринелло счел за лучшее положить конец словам, видя, что сверх его ожидания его плутня раскрыта, и ему стало казаться, что все вышло очень нехорошо: во-первых, потому, что он молот там, где не рассчитывал; во-вторых, потому, что он позволил Кьодьо молот на своей мельнице, полагая, что разрешает ему молот на чужой. И пошел он к себе на мельницу совершенно опечаленный, в раздумье, не поев яиц. Застав там Кьодьо, он сказал ему, что его жена, по-видимому, знает о ночном приключении, и просил, ради бога, держать этот случай в тайне, ибо, если родичи донны Колладжи проведают о нем, то оба они окажутся в опасном положении. Поэтому он никогда не открывал другу, что тот спал с монной Ванной.

Придя в себя, Фаринелло понемногу помирился с женой, говоря: «Что, я первый влюбился или забыл? Ты сумела устроить так, что должна быть довольна. Я тоже получил удовлетворение, полагая, что ты – та, за которую я тебя принял. Но мне дело это обошлось очень дорого, так как я вложил в него больше сил, чем сколько было у меня, а ты от этого только выиграла; ты устроила так, что мне это стоило в семь раз дороже». И так Фаринелло пришлось, чтобы успокоить укору жены, обратиться к мягким речам, а затем и выполнять свои супружеские обязанности даже и тогда, когда он охотно бы поспал. В самом деле, когда он переставал молот, жена тотчас же принималась корить его за семь помолов, предназначенных для донны Колладжи, что дало ей в короткое время более, нежели семь раз, а мельника заставило совершенно отупеть. Тем и закончился этот случай, за который монна Ванна получила вознаграждение делом, а донна Колладжа – зерном, и притом наполовину в большем количестве. А Фаринелло купил товар, которого не хотел и которого не искал, да и Кьодьо без всяких затрат получил часть той муки, которую променял Фаринелло, и всю свою жизнь он был уверен, что лежал с донной Колладжей.

Как бывает часто с тем, кому приходится иметь дело с женщинами, потому что в подобных случаях они в особого рода хитростях превосходят мужчин. По-видимому, любовь подсказывает им тонкие выдумки и уловки. Эта донна Ванна благодаря своему остроумию

сделала достойное дело: в то время, как муж ее относился пренебрежительно к работе над тем, чем он владел, она нашла способ заставить его работать над этим лучше, чем здесь работали когда-либо. А глупому мужу было мало того, чтобы окружить донну Колладжу, если бы она подарила ему свою любовь, нежной заботой о ней; он вместе с товарищем хотел ее опозорить, но опозоренным оказался он сам. Я не видел еще никогда, чтобы любовь оказывала кому-нибудь такое ценное и нужное благодеяние, как то, какое было оказано Фаринелло. На долю мадонны Ванны выпало обратное, так как она не заслуживала того, чтобы Кьодьо спал с нею. Однако отсюда последовало нечто весьма необычное: монна Ванна не узнала никогда, что семь раз принадлежала не только мужу, а Кьодьо не узнал никогда, что его силы три раза были отданы монне Ванне.

Новелла 209

Министра де Черки, укрывавшийся от долгов, находясь в Кандегги, схвачен сыщиками, приманившими его с помощью угря, пущенного ими в водоем

Министра де Черки⁵⁴⁰ был толстым, близоруким человеком, большим обжорой и, по-видимому, постоянно находился в долгах. У него было имение в Кандегги, где он проводил большую часть времени, оставаясь дома и никогда не выходя из боязни быть схваченным сыщиками. И случилось так, что некий человек, которому он был должен большую сумму, очень нуждаясь в деньгах и не видя ни пути, ни способа получить их, разыскал однажды двух сыщиков нашего города, из которых одного звали Мадзоне, а другого Массуччо, и обещал им, что если они как-нибудь захватят его должника, то получат сколько им будет угодно. И вот названные сыщики, отойдя в сторонку, стали совещаться, как бы им это сделать, и сказали заимодавцу, что они рассчитывают на успех, но чтобы он дал им десять флоринов.

Тому не терпелось, и он сказал им, что согласен. Уговорившись о том, что надо сделать, сыщики пошли по рыбным лавкам, пока, наконец, не разыскали живого угря, фунта в два весом, и, пустив его в ведро с водой, направились к Бадиа в Кандегги, так как они знали, что названный Министра берет воду из водоема, находящегося поблизости от его имения и что служанка его ходит туда для него за водой.

Поэтому они пошли к названному водоему и пустили в него угря. Пустив его, они уселись тайком в засаду, чтобы исполнить то, что намеревались затем сделать. Когда миновал час обеда, служанка, пойдя за водой, вероятно для того, чтобы вымыть посуду, заглянула в водоем и увидела этого угря; стараясь изо всех сил поймать его, она потратила на это с полчаса и, в конце концов, бросила это дело и вернулась с кувшином воды домой. Министра, которому казалось, что она слишком замешкалась, спросил ее: «Черт тебя побери, что ты так долго там делала?»

Она ответила: «Не кричите, я хотела поймать для вас прекрасного угря, который находится в водоеме. Он толщиной с древко копья. Мне несколько раз казалось, что он у меня уже в руках, но он ускользал от меня; ведь вы знаете, какой он скользкий».

Министра сказал на это: «Какая ты дура! Эта была, наверно, змея. Откуда там быть угрю?»

Служанка ответила: «Вот еще! Неужели я не умею отличить горошины от четок? Я говорю вам, что это угорь!»

Услышав это, Министра, который уже начал верить ей, сказал: «Если бы даже мне грозила опасность быть схваченным, я, конечно, не удержался бы от того, чтобы пойти посмотреть!»

И, взяв небольшую сеть, которую держали в доме для ловли воробьев в гнездах, он пошел к названному водоему, взяв с собой служанку, потому что он не только не мог бы разглядеть угря в водоеме, но и буйвола на снегу.

Подойдя к водоему, он спросил служанку: «Ты видишь угря?» Она ответила, что видит, и

540 [540] Жена (или дочь) Министра де Черки указана в списке должников по кварталу Санта-Кроче (Specchio). Владел виллой в Кандегги (Кандели). Аббатство этого имени расположено в 3 милях от Флоренции.

он объяснил ей, как надо обращаться с сетью. Служанка, следуя его указаниям, в короткий срок вытащила сеть угря, а Министра, взяв в руку сеть с угрем, сказал: «На сковороду».

Он направился уже со служанкой к дому, как вдруг Мадзоне с товарищем выходят из засады, подходят к Министра и хватают его с криком: «Ты не будешь есть угря без нас!»

Министра, узнав его по голосу, – потому что он не мог его хорошо видеть, – сказал: «Ах, Мадзоне, что это значит?»

Тот ответил на это: «Придется тебе идти за нами» (с ними было еще четыре сбира⁵⁴¹).

Министра стал кричать: «Помогите, меня предали!»

Тут сыщики говорят сбирам: «Ведите его во Флоренцию», а сами отнимают у него своего угря, между тем как Министра изо всех сил просит их отпустить его и не губить. Но это были напрасные слова, потому что они доставили его во Флоренцию, посадили в Болоньяну и уведомили займодавца, что должник схвачен. На радостях тот обнял и поцеловал Мадзоне, расспрашивая его о том, каким образом они его схватили. Сыщики рассказали ему об этом, а он еще больше подивился их образу действий и тотчас повел их туда, где отложил для них десять флоринов. Расставшись с ними, он пошел распорядиться о своем должнике. И Министра из боязни, что на него наложит руку какой-нибудь кредитор, тотчас нашел возможным уплатить деньги, так что угорь обошелся ему дорого.

Эти сыщики поступают, как некие демоны, которые всегда готовы выудить и поймать души при помощи новых приманок, ловушек и западней. Скольких уже поймали они на обжорстве с помощью и угрей и разной другой снеди! На этом ловко был пойман ими Нодзино Рауджи,⁵⁴² наш флорентиец, которого отец оставил очень богатым человеком и который проел все, что имел, и который обвинял каплуна миногой и жарил их одновременно, давая им название: «увенчанный бакалавр». А в конце концов, он сам был увенчан такой бедностью, что умер в нищете. Я мог бы перечислить еще я других обжор, которые благодаря этому пороку кончили нищетой и разорением.

Пусть отцы и матери, воспитывающие своих детей, заметят это, чтобы дети не росли в этом пороке, ибо порок обжорства привел нас через первородный грех к смерти и ведет ко множеству других ужасных грехов и крушению семей. Ведь от обжорства произошло и сладострастие, и расточительность, и азартные игры, и множество других зол, ибо когда обжорству не хватает средств и нечем удовлетворить аппетит, оно берется за все дурные дела, чтобы иметь деньги.

Новелла 215

Джакопо ди сер Целло привозит из Альтомена крестьянского парня, чтобы сделать из него хорошего ювелира. Некоторые мастера сера Целло показывают парню, как наводят эмаль, после чего он возвращается домой

Джакопо ди сер Целло,⁵⁴³ уроженцу нашего города Флоренции, не хотелось, чтобы сын одного крестьянина остался на всю жизнь в деревне и окончил бы дни свои в деревенской косности и невежестве.

Этот Джакопо, будучи богатым ювелиром, отправился в свое имение, что в Альтомене,⁵⁴⁴ где, живя среди крестьян, он думал о своих расходах по уборке лавки, обходившихся ему

---

541 [541] Сбир – полицейский.

542 [542] Нодзино ди Тано ди Банко Рауджи упоминается в торговых книгах 1338–1342 гг. Славился расточительством, о чем и говорит Саккетти.

543 [543] Джакопо ди сер Целло был много раз приором между 1377–1384 гг., в последний раз вместе с Саккетти; в 1395 г. был гонфалоньером правосудия. По профессии был ювелиром – ремесло, которое в его семье передавалось из поколения в поколение.

544 [544] Альтомена находится на западных склонах Валломброзы, ближайших к реке Арно.

ежегодно более чем в восемьсот флоринов; он обратился к крестьянам и сказал им: «А вы, бедные, всегда занимаетесь здесь выворачиванием комьев земли!»

И, видя находившегося там сына одного из них, парня лет семнадцати, спросил, не желает ли отец отдать ему сына, из которого он мог бы сделать настоящего человека. У крестьянина, вообразившего, что он сразу же разбогатеет, и прикидывавшего в уме главным образом стоимость уборки, названную ювелиром, глаза разгорелись.

Джакопо, вернувшись во Флоренцию, привел с собой туда парня и на следующий день пошел вместе с ним в свою лавку. Зайдя в одну из комнат, где работали два развеселых мастера, из которых одного звали Миччо, а другого Машо,⁵⁴⁵ Джакопо поручил им парня, дабы они хорошенько обучили его мастерству. Те обещали сделать это, а когда Джакопо отошел немного в сторону от них, один сказал – другому: «Наш хозяин настоящий простака, если думает, что у нас только и дела, что даром оболванивать неотесанных крестьян, которых он привозит из деревни».

– «Черт меня побери, – промолвил другой, – если я не обучу его, как он того заслуживает». И поднявшись по лесенке на помост, где наводили эмаль, и сговорившись с товарищем, он позвал наверх парня и, когда тот взошел туда, сунул ему руки... и сказал: «Ну, води ими!»

Парень застыдившись отвернулся в сторону, а Машо повторил: «Говорю тебе, води тут».

Парень отвечал: «Не знаю, что вы хотите, чтобы я делал, я не за этим сюда пришел».

После того как Машо еще раз предложил ему водить, а тот, растерянный и имевший для этого основание, не соглашался, Миччо, находившийся внизу и все слышавший, позвал Джакопо и сказал ему: «Вы привозите сюда мужиков и хотите сделать из них ювелиров! Этот ваш, из Альтомены, там на помосте и не желает делать того, что ему велит Машо».

Как только Машо услышал, что Джакопо находится внизу, то громко крикнул парню, чтобы он водил, и так же громко сказал ювелиру: «О Джакопо, он не хочет наводить!»

Джакопо, думая, что парень не желает наводить эмаль, закричал, повернувшись в сторону помоста: «Води, чтобы тебе погибнуть от меча! Поделом мне за то, что вытаскиваю для обучения мужиков. Води, чтоб тебя разорвало на куски!»

Парень, услышав такие речи, пошел, не без смущения и большого стыда, к Машо, желая повиноваться хозяину. Тот, увидя идущего к нему простака, положил вещь, данную ему природой, на должное место и повел его туда, где наводил эмаль, сказав: «Ну, сынок, так как ты туповат, не смущайся, ибо и я делал то же, что и ты» и заставил его наводить эмаль почти что в течение целого дня.

На следующее утро либо из-за первого страшного приказания Машо, либо из-за усталости, – ибо он целый день наводил эмаль, – парень, не говоря ни слова, ушел и вернулся к отцу в Альтомену, а отец изумился и спросил о причине этого. Парень сказал: «Пошлите кого-нибудь другого учиться этому искусству: я к этому делу не пригоден».

Отец так его уговаривал, что парень рассказал, какую над ним сыграли шутку. Отец, вне себя от возмущения, сказал себе: «Вот так уборка, которая обходилась в восемьсот флоринов! Черт побери и его и других торговцев, если они вроде него!» Через несколько дней Джакопо вернулся в Альтомену и, оставшись как-то наедине с отцом и сыном, стал жаловаться на то, что последний ушел от него из-за наводки эмали, которой испугался. А ведь человек, который отдает себя какому-нибудь искусству, должен не только наводить эмаль, когда ему прикажут, но и, не моргнув глазом, привести черта из ада, если ему так велели.

– «Я его отдал двум моим лучшим мастерам, какие у меня есть в лавке, получающим у меня в год по тысяче флоринов: один из них – Миччо, имя которого должно быть вам известно, а знаете ли что я вам скажу? Коли вы возитесь с комьями земли – оставайтесь сами такими глыбами!»

Отец ответил: «Я полагаю, Джакопо, что бывают люди, которые рождаются со счастьем в руках и, может быть, умеют схватить его, а другие рождаются с горем в руках, и сын мой из них. Он живет в деревне среди глыб, и, может быть, это для него и лучше».

545 [545] Трудно сказать, вымышленные это или действительные имена. В документах 1389–1395 гг. упоминается золотых дел мастер Маччо ди Франческо.

Эти два проказника хотели показать Джакопо (если бы он захотел их выслушать), что они служат у него не для того, чтобы оболванивать деревенщину. Они сделали это не для того, чтобы это происшествие осталось неизвестным, а для того, чтобы о нем узнали кругом, а их бы считали еще большими шутниками, ибо те, кто слышал об этом, смеялись над Джакопо, который, отчитывая парня за то, что тот не хотел водить, не знал, что смеются и над ним и над парнем.

Новелла 216

Маэстро Альберто, родом из Германии, очутившись в гостинице на реке По, делает хозяину из дерева рыбу, с помощью которой тот ловит рыбы столько, сколько ему угодно. Но затем хозяин рыбу эту теряет и отправляется на поиски маэстро Альберто, чтобы тот сделал ему другую такую же рыбу, но не может ее получить

Некий достойнейший и святой человек, по имени маэстро Альберто,⁵⁴⁶ родом из Германии, проходя через Ломбардские области, остановился однажды вечером в поселке на реке По, называвшемся поселком Святого Альберта.⁵⁴⁷ Войдя в дом некоего бедного человека, державшего гостиницу, и желая поужинать и переночевать, он увидел там множество сетей, которыми хозяин ловил рыбу, а равным образом множество девочек и спросил хозяина о его положении, достатке и о том, его ли это девочки. Тот ответил ему: «Отец мой, я большой бедняк. У меня семь дочерей, и если бы я не занимался рыбной ловлей, то умер бы с голода».

Тогда маэстро Альберто спросил его, как идет у него лов. Хозяин ответил: «Ах, боже мой! Ловлю я не столько, сколько мне было бы нужно, и в этом деле мне не очень везет».

Тогда маэстро Альберто поутру, перед тем как покинуть гостиницу, смастерил из дерева рыбу, позвал к себе хозяина и сказал ему: «Возьми эту рыбу и привязывай ее на время ловли к сетям: таким образом, ты с ее помощью будешь всегда вылавливать огромное количество рыбы и будет ее, пожалуй, столько, что это поможет тебе выдать замуж твоих дочерей».

Услыхав это, бедный хозяин с большой готовностью и величайшей благодарностью принял этот подарок от почтенного человека, а тот после этого покинул утром гостиницу и продолжал свой путь в Германию. Оставшись с деревянной рыбой, хозяин, желая испытать ее, отправился в тот же день с нею на рыбную ловлю. Сети притащили такое множество рыбы и ее столько в них набралось, что он едва смог вытянуть их из воды и притащить домой. Продолжая столь же удачно ловить рыбу, он очень хорошо повел свои дела и из бедняка стал таким богачом, что в короткий срок смог бы выдать замуж всех своих дочерей.

Случилось, однако, что судьба, завидуя такому благополучию, устроила так, что однажды, когда хозяин вытаскивал сети с большим количеством рыбы, веревочка от этой деревянной рыбы оборвалась и рыбу унесло вниз по реке По, так что он никогда больше не мог ее найти. Это огорчило его больше, чем когда-либо что-либо могло огорчить кого-нибудь другого, и он оплакивал свое несчастье как только мог. После этого он пробовал ловить рыбу без деревянной рыбы, но ничего не получалось: из тысячи ему не попадалось и одной. А потому он жаловался, говоря: «Что мне делать? Что на это сказать?» И он решил во что бы то ни стало отправиться в путь и не останавливаться до тех пор, пока не доберется до Германии, до дома маэстро Альберто, и не попросит его сделать снова такую рыбу, какую он потерял. Таким образом, он, нигде не задерживаясь, добрался до того места, где жил маэстро Альберто, и здесь, упав перед ним на колени, с величайшим почтением и плачем рассказал ему о той милости, которую он от него получил, и о том, как он ловил бесконечное количество рыбы и как потом веревочка от

---

546 [546] По-видимому, речь идет об Альберте Великом, знаменитом ученом монахе-доминиканце (1193–1280). О нем ходили рассказы, как о кудеснике; был слух, что он изобрел «говорящую голову», которую его ученик св. Фома Аквинский уничтожил как дьявольское изобретение. О магните, который будто бы притягивает рыб, Альберт Великий говорит в своем трактате «О минералах».

547 [547] Поселок Святого Альберта – в долине Комаккьо, в 30 км севернее Равенны.

деревянной рыбы оборвалась и рыбу унесло вниз по реке По и он потерял ее. И потому он стал упрашивать его святость, из желания ему добра и из жалости к нему и его дочерям, сделать ему снова другую рыбу, дабы к нему вернулась та милость, которую он даровал ему раньше.

Глядя на него с большой печалью, маэстро Альберто сказал: «Сын мой, я охотно сделал бы то, о чем ты меня просишь, но я не могу этого сделать, ибо должен разъяснить тебе, что когда я делал данную тебе мною затем рыбу, небо и все планеты были расположены в тот час так, чтобы сообщить ей эту силу, и если я или ты услышали бы, что кто-нибудь говорит: „Эта минута, или этот случай могут повториться и что можно сделать другую рыбу, обладающую подобной же силой“, то я заверяю тебя твердо и ясно, что это может случиться не раньше чем через тридцать шесть тысяч лет. А потому подумай теперь: как же я могу сделать снова то, что сделал тогда?»

Услышав о таком длинном сроке, хозяин гостиницы залился слезами, оплакивая свою рыбу и говоря: «Если бы я это знал, я привязал бы рыбу железной проволокой и так бы берег ее, что никогда бы не потерял».

Маэстро Альберто на это заметил: «Дорогой мой сын, успокойся, потому что ты не первый не сумел удержать счастье, которое бог послал тебе; таких людей было много, и даже более достаточных, чем ты; и они не только не сумели распорядиться и воспользоваться тем коротким временем, которым воспользовался ты, но не сумели даже поймать минуту, когда она им представилась».

После долгих разговоров и подобных утешений бедный хозяин ушел и вернулся к своей трудной жизни, часто поглядывая вниз по течению По, в надежде увидеть потерянную рыбу. Но он тщетно смотрел, потому что она плавала, может быть, в это время уже в океане, окруженная множеством других рыб, и не было там с нею ни человека, ни счастья. Так он и прожил долгое время, сколько угодно было богу, жалея в душе о потерянной рыбе, которой лучше было бы ему никогда не видеть.

Так поступает судьба: она часто кажется веселой взору того, кто умеет ее поймать, и часто тот, кто ловко умеет ее схватить, остается в одной рубашке. А часто она бывает такой, что тот, кто не умеет схватить ее, всю жизнь потом жалуется на это и мучается, говоря: «Я мог бы иметь такую-то вещь, но не захотел ее». Иные хватают ее, но удержать умеют лишь очень короткое время, как это сделал наш хозяин гостиницы. Однако, если учесть все, что с нами случается, то оказывается, что человек, не ухвативший тех благ, которые посылает ему судьба и время, в большинстве случаев, размышляя о своих поступках, хотел бы снова обрести счастье, но не находит его, если только он не может подождать тридцать шесть тысяч лет, как это сказал тот достопочтенный человек. Мне кажется, что слова эти вполне согласуются с тем, что уже давно замечено некоторыми философами, а именно, что через тридцать шесть тысяч лет свет вернется в то положение, в котором он находится в настоящее время. И в мое время уже существовали люди, которые оставляли наследство своим детям, а те не могли ни продать, ни заложить его, и, мне кажется, они должны уверовать в то, что обретут свое добро, когда завершится круг в тридцать шесть тысяч лет.

Новелла 222

Испанский кардинал мессер Эджилио посылает за мессером Джованни ди мессер Ричхардо, так как слышит, что тот затевает что-то против него; Джованни едет к нему и благодаря своей догадливости и осторожности ускользает из его рук и возвращается домой

В настоящей новелле я хочу рассказать об одном великолепном обмане или, скорее, умысле.

В те времена, когда испанский кардинал мессер Эджилио⁵⁴⁸ успешно правил, находясь в

548 [548] О кардинале Эджилио Альборносе см. нов. 7 и нов. 162.

Анконе, до слуха его дошло, что мессер Джованни ди мессер Ричардо де Манфреди,⁵⁴⁹ синьор Баньякавалло, большей части Вальдиламоны, Модильяны⁵⁵⁰ и других земель, договорился или заключил дружеское соглашение с мессером Бернабо,⁵⁵¹ синьором Милана, в ту пору синьором соседнего Луго, и договор этот был направлен против названного кардинала и имел целью защиту от него.⁵⁵² Кардинал послал за названным мессером Джованни, и тот, не без сильного опасения, отправился в Анкону. Когда он туда приехал, кто-то сказал ему, что если он пойдет к кардиналу, то рискует никогда больше не вернуться в Баньякавалло. Однако, так как он был смелым человеком, а также потому, что уже доехал до Анконы, он решил про себя все-таки отправиться к кардиналу. Так он и сделал, и когда явился к нему и засвидетельствовал ему должное почтение, кардинал потребовал от него различных вещей и, между прочим, заявил, что хочет стать лагерем против Луго и в силу этого ему необходимо получить от Джованни съестные припасы и столько, сколько возможно хороших пехотинцев. В заключение оказалось, что он желает также получить займы от Джованни десять тысяч флоринов.

На первое требование мессер Джованни ответил, что съестные припасы кардиналу будут предоставлены, так как он готов продать их и всякому другому, а относительно пехотинцев он сказал, что охотно дает их столько, сколько ему будет возможно; по поводу же денег он заявил, что без всяких затруднений может дать займы двадцать тысяч и что относительно возвращения их он полагается целиком на кардинала, иначе говоря на его добрую волю.

Услышав такие прямодушные и щедрые ответы, кардинал решил расставить Джованни сети, особенно в отношении последнего ответа, и спросил: «Когда я могу получить деньги?»

Рыцарь отвечал: «Пошлите со мной вашего казначея, когда я буду возвращаться, и я передам ему их».

Услышав о добром намерении мессера Джованни, кардинал послал с ним казначея, и, похлопывая мессера Джованни по плечу, сказал ему! «*Ecce filius meus dilectus qui mihi complacuit*»,⁵⁵³ а затем прибавил, обращаясь к казначею: «Ступай и привези мне деньги, которые мессер Джованни тебе передаст».

Когда они приехали в Баньякавалло, мессер Джованни сошел с лошади, прошел к себе в комнату и вскоре вернулся к казначею, сказав ему, что камергер⁵⁵⁴ его, у которого находятся ключи от сундука, отправился по какому-то важному делу в Тоскану, а потому он просит казначея извинить его перед кардиналом и приехать снова через неделю. Казначей отправился восвояси, прихрамывая, засунув палец в ухо и в таком виде явился к кардиналу, ожидавшему, что он приедет с туго набитым кошельком. Выслушав донесение казначея, кардинал понял, что дал маху, напрасно доверившись на этот раз, и раскаялся в том, что позволил вернуться в Баньякавалло мессеру Джованни, поверив святому Иоанну Златоусту.

Не прошло и двух недель после этого, как синьор Фаэнцы заключил договор с мессером Бернабо, как хотел сделать это и раньше, и кардинал остался без голубя, так как хотел получить дрозда на ветке.

Как только созданы были деньги, сразу же родился и обман. Будучи из числа лукавейших синьоров на свете и имея большие подозрения против синьора Джованни, кардинал Эджидио забыл обо всем другом, как только ему предложили ссудить деньги. Большой размер

---

549 [549] Ричардо де Манфреди (1324–1371) – синьор Фаэнцы и Имолы с 1350 г. Папа отправил его против кондотьера А. Дюрфора, а в 1356 г. Альборнос принудил его к сдаче в Фаэнце. После этого город перешел в руки церкви, а Манфреди остались владельцами ряда замков.

550 [550] Баньякавалло находится между Равенной и Луго, ближе к последнему. Долина Вальдиламона начинается к юго-западу от Фаэнцы и доходит до долины Комаккьо; Модильяна находится в 30 км к югу от Фаэнцы.

551 [551] Бернабо Висконти заключил этот договор в 1361 г.

552 [552] Против Альборноса, в защиту Манфреди и Висконти.

553 [553] мой возлюбленный, который мне угодил (лат.).

554 [554] Камергер – придворный чин.

предложенной мессером Джованни суммы был его спасением, так как, если бы он этого не сделал, то его, быть может, ждала бы худшая участь. Кардинал, надо полагать, весьма раскаивался в том, что сделал, но пользы от этого ему было мало.

Новелла 223

Граф Джованни да Барбьяно совершает в отношении маркиза, который владел Феррарой, крупный обман, а именно, он заключает с ним двойной договор, по которому обещает убить маркиза Аццо да Эсти, воевавшего с ним, и, уверив его в том, что он его убил, получает замки и деньги

Раз уже речь зашла об обманах, я хочу рассказать о другом обмане, заключавшем в себе хитрую уловку, обмане, совершенном графом Джованни да Барбьяно.⁵⁵⁵

В ту пору, когда маркиз Аццо, сын маркиза Франческо да Эсти,⁵⁵⁶ находился вне Феррары, – а отсутствовал он долгое время, как и его отец, – случилось, что маркиз Альберто,⁵⁵⁷ в течение долгого времени бывший синьором Феррары вместе со своими братьями, умер. Так как он был последним из них и так как у них не оставалось другого потомства, кроме незаконного сына названного маркиза Альберто, то названному маркизу Аццо, как доблестному синьору, пришло в голову попытаться возвратиться в свой дом, и он сблизился с названным графом Джованни и стал делать большие приготовления для перехода на феррарскую территорию. Те, кто распорядился на ней, решили, что, пока Аццо жив, Феррарское государство находится в большой опасности, в особенности ввиду того, что маркиз делал все возможные усилия, чтобы проникнуть в его пределы. Поэтому они надумали и приняли все меры к тому, чтобы ради своей безопасности убить каким-нибудь образом упомянутого маркиза Аццо.

Ввиду этого они сблизились с неким Джованни ди Сан Джорджо,⁵⁵⁸ болонцем и другом названного графа Джованни, и уговорились с ним, что если он сумеет склонить графа Джованни убить упомянутого маркиза, то получит Луго и Конселиче.⁵⁵⁹ Джованни отправился договариваться на счет этого дела. После переговоров обо всем, что касалось последнего, упомянутый граф ответил ему, что на все готов, но хотел бы знать, как будет ему обеспечено получение упомянутых замков в случае исполнения им поручения.

На это уполномоченный ответил: «Я напишу совету маркиза и буду просить послать в Конселиче столько серебра, чтобы оно составило сумму в двадцать пять тысяч флоринов. И сам я останусь здесь как поручитель и не уеду, пока вы не доведете дело до конца и не получите за это во владение замки».

Граф был удовлетворен, а уполномоченный сделал все то, что сказал. Договариваясь с этим Джованни, граф в то же время обсуждал все то, что он делал или говорил, с маркизом Аццо, а одновременно с одним доблестным военачальником названного графа, по имени Конселиче,⁵⁶⁰ с намерением заключить двойной договор, как он и сделал. Они подговорили

555 [555] Братья Барбьяно были заклятыми врагами Манфреди, а также Саккетти, владения которого в Мариньолле они разорили. Оба были в наемных войсках, и Саккетти ненавидел их, как насильников и грабителей.

556 [556] Аццо IX, сын Франческо II да Эсти (д'Эсте), который умер в изгнании (1384 г.). Аццо IX, когда синьором был Николо III, при поддержке Висконти захватил в 1394 г. феррарскую синьорию. Умер в 1415 г.

557 [557] Маркиз Альберто не владел Феррарой; Альберто V, сын Обиццо III, – синьор Феррары с 1355 по 1396 г. Ему наследовал сначала Николо III, а затем Аццо IX.

558 [558] Здесь, быть может, речь идет об Антонио ди Ваннуччо да Сан-Джорджо ди Пьяно, канцлере Николо II д'Эсте с 1375 по 1388 г. Он провел бурную жизнь, принимая участие в политической борьбе, и не раз был послом во Флоренцию, где дружил с Колуччо Салутати. Сведения о нем имеются до 1398 г.

559 [559] Конселиче – замок в 15 км к северу от Луго.

560 [560] Об этом персонаже нет никаких сведений.

одного немца, очень похожего лицом на упомянутого маркиза, одеться в его платье, сказав ему, что хотят пошутить над Джованни ди Сан Джордже, и просили его выдать себя последнему за маркиза. Немец посмеялся и позволил переодеть себя. Когда это было сделано, они велели ему стоять в определенном месте, укрывшись в сторонке. Затем названный Конселиче повел Джованни ди Сан Джордже в комнату, чтобы тот посмотрел на маркиза Аццо и побеседовал с ним. Когда они постояли так немного, Конселиче сказал, что теперь пора идти ужинать.

Джованни ответил на это: «Идем», и, обратившись к маркизу, сказал: «Синьор, подождите минутку». Когда они, таким образом, вышли и несколько отошли от двери, маркиз, как было условлено, поднялся по небольшой лестнице на антресоли и спрятался там. Конселиче, рассчитав, что он уже успел спрятаться, на минуту остановил Джованни и сказал ему: «Ты постарайся теперь сделать то, что обещал?»

Тот снова ударил ему по рукам и обещал. Тогда Конселиче сказал: «Не уходи отсюда, потому что я хочу пойти и покончить с ним».

Оставив Джованни, он возвращается в комнату, направляется к спрятавшемуся немцу и ударом кинжала в грудь убивает его, а чтобы мертвого нельзя было узнать, он нанес ему еще несколько ударов в лицо. После этого он выходит, зовет упомянутого Джованни и говорит ему: «Пойди-ка сюда и посмотри, как я тебе его отделал».

Тот подошел посмотреть и, видя мертвого в платье маркиза, распростертого на полу, поверил, что это сам маркиз, потому что никого другого он в названной комнате больше не видел.

Тотчас же после этого он написал молодому маркизу и своему совету, что маркиз Аццо убит, что сам он, можно сказать, присутствовал при этом и видел его, и просил послать доказательство к Баваджезе, кастеляну Конселиче от маркиза, чтобы он передал замок тому, кого укажет Джованни. Тогда маркиз и его совет послали одного доверенного человека маркиза, по имени маэстро Бартолино, с пятьюдесятью конными людьми, с полномочием приказать, после того как они удостоверятся во всем, передать замки, а тело маркиза доставить с почетом в Феррару.

Явившись на место и увидя мертвого, маэстро Бартолино поверил, что это маркиз, и, чтобы придать веру своим словам, Конселиче показал, что он схватил Аццо да Ронилья и всех военачальников маркиза Аццо.⁵⁶¹ Будучи схваченными, они вели себя стойко. Тогда маэстро Бартолино приказал ему передать Луго и Конселиче и уехал со своим отрядом из Барбьяно, увезя с собой тело умершего.

Когда они подъезжали к мельнице близ Луго, то навстречу им вышел отряд графа Джованни с криком: «Смерть, смерть». И они схватили маэстро Бартолино с его отрядом, а Конселиче, войдя в Конселиче, вступил в обладание землей и серебром, присланным из Феррары.

В Барбьяно же под громкие крики принялись праздновать воскресение маркиза Аццо. Таков был конец этого договора и двойного обмана.

Если бы каждый обман и измена оканчивались так, как окончились описанные, то немногие решились бы пускаться на них, ибо чаще всего тот, кто расставляет силки другим, сам оказывается попавшим в них. Из семьи Эсти не осталось ни одного законного синьора, кроме названного, и, чтобы положить конец этому роду, было затеяно убийство маркиза, как это выше рассказано.

Новелла 224

Тот же Джованни да Барбьяно пускается во все тяжкие, чтобы завладеть одной флорентийской крепостью, воздвигнутой в ущерб ему, но это ему не удается, и он возвращается, ничего не достигнув

---

561 [561] События эти, очевидно, имели место в 1395 г.

Так как этот граф Джованни да Барбьяно вскоре после вышеописанного случая пустил в ход другой обман, то я хочу рассказать о нем, хотя графу Джованни и не удалось ничего достигнуть.

В ту пору, когда названный граф воевал на стороне бывших с ним в союзе флорентийцев с Асторре де Манфреди,⁵⁶² близ Барбьяно была поставлена крепость, называвшаяся флорентийской крепостью, которая причиняла Джованни огромный ущерб. По этой причине граф задумал овладеть ею с помощью тонкой хитрости.

В то время на службе у названного Асторре находился некий немец, по имени Гверньери;⁵⁶³ во главе своих товарищей, числом десять, он напал на упомянутого графа и грабил его земли вплоть до стен Барбьяно. И вот граф надумал поставить в один прекрасный день между Барбьяно и крепостью несколько пар волов и несколько крестьян с тем, чтобы они пахали землю. С другой стороны, вооружив одного человека, наподобие Гверньери, и одев и вооружив десять человек его товарищей подобно тому, как были одеты и вооружены его десять человек, он вывел их всех, как только мог тайно от тех, кто оставался в крепости, и послал их в сторону Фаэнцы. Повернув оттуда, они должны были затем возвратиться и, сделав вид, что пришел Гверньери со своими товарищами, напасть на крестьян, пахавших на упомянутых волах, и захватить их. В то время, как они занимались этим, граф поднимает на ноги всех своих людей, и те бросаются на воинов, захвативших волов, с криком: «Смерть, смерть!»

Пахавшие, подученные заранее, делая вид, что они – Гверньери, бегут с добычей к крепости, громко крича о том, чтоб им помогли и открыли. Находившиеся в крепости, уверенные твердо в том, что это – Гверньери со своими, открыли ворота наружного круга, куда бегущие и вошли. В то время, как находившиеся в крепости уже готовы были открыть ворота второго круга, один из них, более старший годами и более разумный, сказал: «Не открывайте, пока Гверньери не покажется сам из-под шлема, потому что иначе мы можем легко попасться впросак».

Как только человек этот сказал эти святые слова, так все закричали: «Гверньери, сними шлем, потому что мы хотим тебя видеть!»

Услышав это слово, нападавшие тотчас же повернули вспять. Находившиеся же в крепости посылают им вслед камни и выстрелы из лука, так что бежавшие были рады-радехоньки, что смогли уйти без особой помехи, хотя и не без того, что четверо из них оказались ранеными и четыре пары волов были брошены. С такой добычей вернулись они в Барбьяно. Граф Джованни поставил волов и другие приобретения в расход против заприходованного ранее обмана в отношении маркиза Аццо, потому что новое дело кончилось не так, как думали. Находившиеся же в крепости сверх ожидания заработали четыре пары волов и избежали большой опасности.

Весьма удивительны расчеты военных людей и велика их находчивость, и когда обман или измена даже не удались, приятно бывает хотя бы послушать о них, а также и понять их, чтобы быть в состоянии использовать, если представится случай. Нынче, кажется, никто не совестится, в особенности в военном деле, – будь то с помощью измены, обмана или какого-нибудь способа, – делать всевозможное зло. Не таковы были обычаи Сципиона, Карла и других доблестных людей; подобно им поступали и Курий,⁵⁶⁴ и Катилина, Югурта и другие им подобные. Этот граф и многие другие люди нынешнего времени сказали бы, что Сципион показал себя малодушным человеком, когда он, победив кельтиберов и получив в свои руки бесконечно прекрасную девушку, отправил ее без малейшего пятна, девственной, дав ей хороших провожатых и сверх того одарив ее, к ее отцу. Нынче же делается так, что не только девушки, но и невинные дети занимаются грабежом и растут в великом сраме и позоре, унижая и марая себя в таком пороке, что я не могу понять, как это бездна не поглотит мир, и в

⁵⁶² [562] Асторре де Манфреди – друг Саккетти, к которому обращены многие его стихи. Был синьором Фаэнцы с 1377 по 1405 г. Асторре был в союзе с флорентийцами против Барбьяно

⁵⁶³ [563] По-немецки Werner.

⁵⁶⁴ [564] Гай Скрибоний Курион (ок. 84–49 гг. до н. э.) – римский сенатор, сначала друг Помпея, затем сторонник Цезаря.

частности всю Италию.

Новелла 254

Острота, сказанная неким человеком в последние минуты его жизни, принесла не меньшие плоды, чем слова мессера Оттона Дория⁵⁶⁵

Между каталонцами и генуэзцами шла упорнейшая война,⁵⁶⁶ одна из тех ожесточенных и вероломных войн, когда люди без всякого благоразумия и человечности всеми способами отчаянно избивают друг друга. Особенно это было свойственно каталонцам. Одна из галер генуэзцев или кого-нибудь из их союзников была захвачена каталонским флотом. Адмирал его был человек безжалостный, и, желая отомстить за какое-то оскорбление, нанесенное ему перед тем, он, распаленный злобой и яростью, приказал побросать в море, одного за другим, всех людей, находившихся на галере, а для большего издевательства велел сперва дать каждому из этих людей по полхлеба или по сухарю и, когда они их съедят, сказать им: «Ну, теперь запей», и бросить их в море.

Эта жестокость была уже проделана над тридцатью несчастными, когда очередь дошла до человека, который съел свой хлеб, стоя на коленях и с мольбой сложив руки, а когда кончил есть, сказал: «О синьор, это слишком маленький кусочек, чтобы запить его таким количеством воды!».

Выслушав его, адмирал, то ли тронутый этими словами, то ли почувствовав жалость, видя как его молит этот человек, простил и его и всех остальных пленных, которых было больше ста и которых ожидала такая лютая смерть. А когда ему представилось время и возможность, он высадил их на берег и отпустил, захватив самое галеру.

Из этой небольшой новеллы видно, какой силой обладают слова, если острота, какого-то, можно сказать, простого моряка смогла разжалобить столь жестокого адмирала. Какой же силой должна обладать молитва, когда она обращена к тому, кто есть само милосердие! И ничто так не веселит душу, как то, что идет от сердца. Никакая другая вещь, как эта, никогда не побуждала более господ нашего даровать спасение душе того, кто прочел ее от чистого сердца. Примеров тому много, как показывают евангелие и святое писание, но слишком долго было бы их пересказывать.

Приложения

В. Ф. Шишмарев. Франко Саккетти

Понимание и оценка каждого писателя имеют свою историю и тем более сложную, чем писатель крупнее. И так как чем он крупнее, тем больше у него связей с последующим развитием, то тем чаще воспринимается он в свете будущего и тем чаще встречаемся мы с его субъективной оценкой. В итальянской литературе примером литературной судьбы крупного писателя может служить Данте. Знакомясь с толкованиями комедии Данте или анализом его творчества и мирозерцания, мы знакомимся последовательно с веком Боккаччо, Ландино, Вентури, Коста, Томмазо, Россетти, де Санктиса и т. д. Так было в значительной мере и с Боккаччо, Фьямметта которого толковалась, подобно Беатриче Данте, как политическая аллегория. В предисловии к своей тонкой и проникновенной монографии о Боккаччо А. Н. Веселовский недаром предупреждал читателя о том, что «долгое общение с писателем, с которым он так часто беседовал, которому, быть может, чаще... подсказывал свои мысли, сделали, вероятно, и его биографию субъективной, как всякая другая».⁵⁶⁷ Автор рассчитывал на

⁵⁶⁵ [565] Об этом персонаже ничего неизвестно.

⁵⁶⁶ [566] В 1331 г.

⁵⁶⁷ [567] А. Н. Веселовский. Боккаччо, его среда и сверстники, т. I. Собр. соч., серия II, т. 3. Италия и Возрождение, Пг., 1915, стр. VIII.

свою историческую точку зрения, как на корректив, страхующий от предвзятости. Но, думаю, что всякий, знавший Веселовского ближе и изучивший его, найдет в его творце «Декамерона» некоторые черты таланта и личности его биографа. Так часто бывает, что портрет одного и того же, например русского человека, сделанный иностранными мастерами различных национальностей, носит на себе каждый раз отпечаток облика этих последних, отражающего в себе не только их физические особенности, но и черты их характера, определившиеся в процессе исторического развития.

Саккетти, гораздо менее крупная литературная фигура, нежели Боккаччо, имеет, естественно, и более скромную литературную историю.

Среди современников и земляков у Саккетти были и друзья и почитатели. Стихи Саккетти хвалил в своем сонете Филиппо дельи Альбицци, сравнивая поэта с трудолюбивой пчелой, перелетающей с цветка на цветок в поисках медоносной влаги; Бруно де Бенедетти да Имола характеризовал его как «милого Эрота»; Бенуччо да Орвьето посетил его во Флоренции и нашел его вполне достойным установившейся репутации; приветствует Саккетти также Антонио Кокко – поэт из далекой Венеции.⁵⁶⁸

Среди друзей и почитателей Саккетти мы находим целый ряд поэтов и писателей, частью дилетантов, частью профессионалов: Альберто и Филиппо дельи Альбицци, Антонио дельи Альберти, Джованни д'Америго, медиков, вроде сэра Антонио, маэстро Бернардо, астролога и математика маэстро Антонио, знаменитого слепца-музыканта XIV в. Франческо дельи Органи, Джованни Мендини да Пьянеттоло, которого некоторые считают автором известного сборника новелл «Il Resogone». Антонио Пуччи называл Саккетти «живым источником прекрасной речи» и добивался того, чтобы его приятель вывел его в одной из своих новелл, что Саккетти и сделал, описав в нов. 175 шутку, сыгранную его друзьями со знаменитым флорентийским поэтом-глашатаем и звонарем коммуны. Другой приятель Саккетти, Джованни ди Герардо да Прато, которого А. Н. Веселовский справедливо считает автором найденного, изданного и исследованного им романа «Il Paradiso degli Alberti», вероятно, дополнил новеллы Саккетти, 10 и 24, изображающие проделки одного из добрых знакомых писателя – шута Дольчибене, возведенного императором Карлом IV в сан «короля буффонов и гистрионов Италии», в своей 4-й новелле «Парадизо».

В XV в. с ростом латинской литературы Саккетти отходит в тень; гуманисты относятся к нему, как и к другим представителям литературы на народном языке, с пренебрежением, что не помешало, однако, Поджо Браччолини использовать 14 новелл Саккетти в своей латинской «Книге факетий». Одним из побочных результатов упадка интереса к Саккетти было, между прочим, то, что новеллы и другие произведения его не были напечатаны; мало того, многие из них, как и самые их списки, пропали.

В XVI в. вместе с обновлением интереса к итальянской литературе обновился и интерес к Саккетти. Интересу этому мы обязаны, между прочим, сохранением списка его новелл. Во второй половине этого столетия имелась всего одна рукопись их. Винченцо Боргини, большой поклонник новеллиста,⁵⁶⁹ велел снять с нее копию и сам сличил ее с оригиналом. Оригинал был уже тогда в плохом виде, а когда он несколько позже попал в руки Боргини, то оказался, по его словам, в еще худшем состоянии.⁵⁷⁰ Об этой рукописи в дальнейшем мы больше ничего не знаем, и она, вероятно, пропала. Копия Боргини была разделена на две части, из которых каждая имела затем свою судьбу. Линия раздела проходила по середине новеллы 140, как о том свидетельствуют пометки самого Боргини. Первая часть – это ныне Magliabecchiana, classe VI, 112; в XVII в. она принадлежала известному эрудиту Антонио да Сангалло (ум. в 1636 г.), без

568 [568] Все эти стихи см.: L. Allacci. Poeti antichi raccolti di codici manoscritti della biblioteca Vaticana e Barberina. Napo'i, 1661.

569 [569] См.: V. Borghini. Dell'ordine delbe r№ di Firenze, ч. I. Discorsi di Monsignore don Vincenzo Borghini Fiorenza, 1584, стр. 196. Там же, ч. II. Dell'arme delie famiglie florentine, стр. 33.

570 [570] См.: M. Barbi. Per una nuova edizione delle novelle del Sacchetti, Studi di Biologie italiana, 1, Firenze, 1927, стр. 87.

визы которого нельзя было в ту пору продавать старинные книги и бумаги. Антонио в первую часть включил новеллы из второй части. Вторая часть ныне в Laurenziana, XLII, 12. Копией обеих частей является рукопись XLII, 11. В том же XVI в. из новелл Саккетти был составлен сборник избранных новелл – «Scelta», куда вошло 100 новелл из первой части копии Боргини и к ним было затем добавлено из второй части 34 новеллы.⁵⁷¹

Составление сборника избранных новелл было делом депутатов по исправлению текста «Декамерона» и имело в виду издание «наиболее кратких и пристойных»⁵⁷² новелл Саккетти, причем исключались, как этого, видимо, требовали времена католической реакции, новеллы, в которых в неблагоприятном освещении выводилось духовенство. Об издании новелл Саккетти думал, вероятно, и Боргини, но те же опасения предать любимого автора в руки инквизиционной цензуры заставили его отказаться от своей мысли. И он был прав, так как «Декамерон», которого ввиду его распространения нельзя было не выпустить в свет, подвергся в издании 1573 г. строгому пересмотру. Что же можно было ожидать после этого для Саккетти? Депутация по изданию «Декамерона» могла только широко использовать Саккетти в своих комментариях.

Тем не менее сборник новелл Саккетти, хотя бы частично, был известен писателям и читателям XVI в., так что высокая оценка его является результатом не только знакомства понаслышке. Макьявелли приводит в 3-й книге своей «Storie florentine» анекдот, почерпнутый из нов. 193, и на связь эту указывает Шипионе Аммирато.⁵⁷³ Микеле Поччанти включает Саккетти в свой «Catalogus scriptorum florentinorum» (1589 г.). Вазари приводит ряд новелл Саккетти о художниках (Джотто, Буффальмакко) в своих «Vite dei pittori»; Боргини воспроизводит в своих «Arme delie famiglie florentine» (стр. 33) новеллу о Джотто (нов. 63). Наконец, ряд итальянских новеллистов чинквеченто и, между прочим, несомненно Страпарола и Лодовико Доменики воспользовались произведениями Саккетти как материалом.

Таким образом, о Саккетти вспомнили и оценили его; но не надолго. XVII век сделал в этом отношении скорее шаг назад. Те из писателей, которые пытались обратиться к Саккетти, ничему у него не научились; а те, кто ценили его, находили его писателем «со вкусом», любопытным, естественным, но были немногочисленны. Тем не менее XVII в. принадлежит первая попытка издания пьес, адресованных Саккетти его друзьями (L. A1-Iacci в 1661 г.) и первый опыт биографии (Федерико Убальдини), хотя и оставшийся незаконченным и неизданным.

Положительные оценки Джан Винченцо Гравина⁵⁷⁴ и Джован Марии Крешимбени⁵⁷⁵ переносят нас уже в XVIII в. Заслуга этого столетия прежде всего в том, что оно дало первое издание новелл, о которых многие до того говорили, но лишь немногие делали это на основании личных впечатлений. Первое издание вышло в 2 томах в 1724 г. с фальшивой пометой: Флоренция вместо Неаполя (за ним сейчас же последовали две его контрафакции).⁵⁷⁶ Издание это было приготовлено известным эрудитом Бишони и выпущено в свет при участии Джузеппе ди Лечче и Джованни Боттари, которому принадлежало в нем только предисловие.⁵⁷⁷

571 [571] Лучший список «Scelta» – XVII в.; это – Trivulziano, 192, другой – Riccardiano, 2142; о последнем гм.: M. V a r b i, ук. соч... стр. 91: о первом ст. E. Molla в II Libro e la stampa, II. 1908, fasc. 4–5, стр. 99; M. Barbi, ук. соч., стр. 88. О других списках «Sceita» см... M. Barbi, ук. соч... стр. 91, прим. I. Одним из лучших является Chigiana, L. VII, 261 (XVII в.). Очень важна для «Scelta» тетрадь с копией одного помощника Боргини, хранящаяся в Национальной библиотеке во Флоренции (Iilza Rinucrini, 22).

572 [572] A. Zeno. Annotazioni. В кн.: G. Fontanini. Biblioteca dell' eloquenza italiana. Parma, 1803, стр. 195.

573 [573] S. Ammirato. Istorie fiorentine, vol. III, libr. XIV, Firenze, 1848, стр. 333.

574 [574] Gai Vincenzo G ravina Delia Ragion poelica. Firenze, 1771, libr II, стр. 31.

575 [575] Giovan Mario Crescimbeni. Istoria d'illa volgar poesia. Commentarj, vol. II p. 1. n. 8, Venezia, 1730, стр. 319.

576 [576] Letterio di F r a n c i a. Franco Sacchetti novelhere Pisa, 1902, стр. 97.

577 [577] См. письмо Боттари к А. Дзено (там же, стр. 97).

В основу этого издания, как это вскрыл анализ М. Барби, положен список *Laurenziana*, XLII, 11 (т. е. копия копии Боргини) и кодекс каноника Лоренцо Герардини, извлеченный из рукописи Антонио да Сангалло. Кодекс Герардини, оказывается, как выяснил Барби, тождествен рукописи *Camproi App.* 1028, хранящейся в библиотеке Эсте в Модене,⁵⁷⁸ другая копия Герардини тех же новелл – *Riccardiana*, 2142; это список «*Scelta*», сделанный в XVII в.⁵⁷⁹ Несмотря на уверения, издателей в том, что они отнеслись «религиозно» к тексту *Laurenziana*, Барби установил, что это не так.⁵⁸⁰

Как бы ни оценивать это первое издание новелл Саккетти, оно является моментом огромной важности в истории пробуждения интереса к нему и к изучению его творчества. Церковь отнеслась к этой работе, несмотря на участие в ней епископа Боттари, по-своему, а именно так, как этого боялся Боргини: 2 сентября 1727 г. новеллы были внесены в индекс запрещенных книг. Но дело было сделано, и перед интересующимися Саккетти теперь открывалось широкое поприще для анализа его творчества.

До сих пор, как мы видели, исследование новелл Саккетти сосредоточивалось главным образом на вопросах языка и на фиксации текста. Работа эта связана с деятельностью Академии делла Круска, программа которой обращалась прежде всего к этим задачам. Чисто литературный анализ сводился к общим суждениям и суммарным наблюдениям над творчеством Саккетти и сопоставлениям его с Боккаччо. В XVIII в. начинаются попытки более глубокого проникновения в искусство Саккетти, осложняемые попытками учиться у него технике новеллы. С этой стороны подходил к Саккетти, например, Гаспар Гоцци, стремившийся извлечь из пристального изучения Саккетти практические указания, которые он и старался использовать затем в своих новеллах.⁵⁸¹ Внимание Гоцци привлекал и язык Саккетти, но в первую очередь его стиль и трактовка тем и персонажей. Саккетти был для него «неиссякаемым источником остроумия и куртуазности (*urbanità*) для тех, кто хочет рассказывать с изяществом и касаться, так сказать, наиболее сокровенных струн нравов и характеризовать дефектные персонажи и обрисовывать их в произведениях пера».⁵⁸²

В XIX в. интересы занимающихся Саккетти сосредоточиваются, во-первых, на опубликовании его произведений, которые далеко не все еще увидели свет, хотя новеллы занимают и в ряду новых изданий по-прежнему первое место. Вслед за изданием Боттари, главным образом в пределах XIX в., вышло в свет двенадцать полных изданий и свыше шести сборников избранных новелл. Помимо того, отдельные новеллы были включены в состав различных итальянских литературных антологий и хрестоматий. В XIX же веке было дано О. Джильи первое и пока единственное издание «Евангельских проповедей» Саккетти,⁵⁸³ некоторое количество его стихотворений, появившихся в приложениях к другим изданиям.⁵⁸⁴

578 [578] Di F r a n c i a, ук. соч., стр. 94–95.

579 [579] Рукописей новелл Саккетти, принадлежавших Сангалло, было пять: *Magliabec-hciana*, VI, 112; *Palat.* Национальная библиотека во Флоренции. 524; *Riccardiana*, 2142; Библиотека св. Марка, VIII, it. 5; пятый список, о котором имеется прямое упоминание, пропал, но сохранилась его копия, а именно съенская рукопись I, VII, 30. Оригинал копии Герардини, которая была в руках Бишони, был либо тождествен, либо очень близок по тексту потерянному пятому списку и, следовательно, только что упомянутой съенской рукописи.

580 [580] M. Barbi, ук. соч., стр. 93.

581 [581] G. Gozzi *Scritti con giunta d'inediti e rari, scelti e ordinati da N. Tommaseo*, v. II. Firenze, 1849, стр. 240.

582 [582] G. Gozzi. *Opere*, t. IV, Padova, 1819, стр. 227.

583 [583] Franco Sacchetti *I Sermoni evangelici. Le lettere ed altri scritti inediti o rari di Franco Sacchetti raccolti e pubblicati con un discorso intorno la vita e le sue opere per Ottavio Gigli*. Firenze, 1857.

584 [584] *Rime di M. Cino da Pistoia ed altri del secolo XIV ordinate da G. Carducci*. Firenze, 1862. стр. 498 и гл... 504 и гл., 517 и гл. 524–528; 538 и ел... 548 и гл.: *Cantilene e ballate strambotti e madrigali nei Secoli XIII e XIV a cura di Giosuè Carducci*. Pisa, 1871. A. Wesselofsky, *H. Paradiso degli Alberti*. Bologna, 1866–1868, гл. IV, при-лож. 9: A. H. В е с е л о в с к и й. *Собр. соч...* союя 11, т. I. стр. 493, прим. 108, стр. 326, 516 и ел., прим. 242; A. Bonucci. *Sonetti e canzoni del clarissimo M. Antonio delli Albert* Firenze 1863 G. Poggiali. *Série de testi di lingua*. Livorno, 1813. I, 309,

Двухтомное издание новелл, осуществленное Джильи в 1860–1861 г во Флоренции, представляет собой значительный шаг вперед по сравнению с изданием Гаэтано Поджали (Ливорно, 1795), которое послужило основой для ряда последующих. Джильи задался целью воспроизвести текст Саккетти на основе списка Боргини и считал своим авторитетом рукопись лауренцианскую XLII, 12, которую он дополнил частями мальябеккианской VI, 112. Однако на деле издание Джильи очень несовершенно, так как материалами своими, копией Боргини и изданием 1724 г. он пользовался без системы и вариантами других рукописей без строго установленного критерия. О «Scelta» и новых поправках Боргини Джильи не знал. На основе текста Джильи было выпущено в свет общедоступное издание новелл Саккетти, отредактированное известным итальянским литературным критиком Эудженио Камерини, которое он сопроводил ценными примечаниями и небольшим вводным очерком о жизни и деятельности писателя. Оно вышло в 1874 г. и было повторено в 1876-м.

Появление в свет упомянутых изданий в значительной мере облегчало работу историков литературы над Саккетти. В противоположность трем предшествующим столетиям, когда преобладали общие литературно-критические суждения о писателе, чувствовалось слабое знакомство с материалом, касающимся его биографии, и проявлялось воспитанное Круской по преимуществу филологическое отношение к его новеллам, в XIX в. отошли на второй план вопросы языка, их сменил всесторонний анализ творчества Саккетти. Впрочем, многие, занимавшиеся Саккетти, ограничивались почти исключительно биографией; таковы Тираноски и Женгене, но в особенности Джильи, биография которого и до сих пор является обязательной отправной точкой для занятий Саккетти, конечно с добавлениями, сделанными к ней Л. ди Франча.

Работа издателей и биографов подготовила почву для литературного анализа материала. Осуществляя его, исследователи тронулись вперед тремя путями, из которых на двух, по крайней мере, работа велась и ранее. Литературные критики старались вскрыть характерные черты Саккетти – писателя, историки литературы – определить его место среди других литературных явлений современной ему эпохи или, наконец, вскрыть источники, которыми он пользовался для своих новелл. Этот последний путь, показательный для историко-литературных разысканий XIX в., и был новым третьим путем.

К наименее прочным результатам привел первый. В статьях Э. Камерини,⁵⁸⁵ Р. Форначари, Э. Жебара и других можно найти, конечно, ряд тонких наблюдений, но делающие их впадают нередко в субъективизм, так как изолируют писателя от его среды и времени, и потому дают не всегда правильную оценку подмеченной черты, не всегда могут объяснить ее наличие и ее особенности в данном писателе. Нередко при этом самая характеристика бывает недостаточно исчерпывающей и самая работа оказывается очерком с весьма субъективной окраской. В этом отношении особенно характерен известный этюд о Саккетти Э. Жебара (1899), вошедший затем в сборник «Средневековые флорентийские рассказчики». Автор сосредоточил свое внимание главным образом на тематике новелл Саккетти и его морали, очень бегло и поверхностно остановившись на том и другом вопросах и минуя совершенно ряд других, тесно с ними связанных, без привлечения которых нельзя разобраться надлежащим образом и в выделенных им сторонах творчества Саккетти.

Так, например, нельзя было не учитывать религиозных взглядов писателя; нельзя было опускать их для правильного понимания возникновения морали новелл на Западе, которые

311, 312 их всего более трехсот в списке Laurenziana; см. каталог их: Trubi Indice delle carte di P. Bilancioni. Bologna, 1893; см. также «Della vita e delle opere di F. Sacchetti», предпосланном Джильи к его изданию «Евангельских проповедей» (стр. LUI и сл., LVI и сл., XIX, 204, 233 и сл., 224–229); шуточную поэму «Битва старух с молодыми» (La Battaglia delle vecchie donne di Firenze con le giovani, Bologna, 1819; переиздана во Флоренции в 1825 г. и в Лукке в 1853 г.), и, наконец, ряд писем (см. F. Sacchetti I sermoni evangelici, le lettere ed altri scritti inediti o rari. Firenze, 1857; а также Delle novelle di Franco Sacchetti, cittadino fiorentino. Cur. da mons. Bottari e dell' avv. don Giuseppe di Locce. Firenze, 1724, стр. 23).

К сожалению дальнейшую большую часть примечаний к статье Шишмарева не удалось внятно расшифровать из-за плохого состояния оригинала (прим. OCR)

585 [585] E. Camerini. Profili letterari. Firenze, 1870, стр. 509 и сл.

сообщают нам «Евангельские проповеди» Саккетти. Гораздо более сложным представляется и политический облик Саккетти: сказать, что он был гвельфом «белым», консерватором, недостаточно и неверно. О пути, который прошел Саккетти, современник олигархического правления Альбицци и их падения, восстания «чомпи», перехода власти к Медичи, а затем к Альберти и, наконец, – возвращения Альбицци, автор умалчивает, устраняя всякое движение мысли из мирозерцания Саккетти, которое засвидетельствовано, однако, документально в его стихотворениях. Но отсюда ясно, что воспроизвести облик Саккетти с наибольшим приближением к исторической истине можно, только корректируя данные новелл данными других произведений писателя, и, как мы видим сейчас, не одних даже «Евангельских проповедей», а всей совокупности его работ.

В ряду литературных характеристик особое место занимает заметка известного лингвиста Г. Шухардта; она отличается своей краткостью (это всего 2 страницы), но в то же время меткостью суждений и тонкостью наблюдений.

Начало сравнительного изучения новелл Саккетти положил Джон Денлоп, которого дополнили Ф. Либрехт, Р. Келер. М. Ландау посвятил анализу Саккетти, с этой точки зрения, специальную главу своей истории итальянской новеллы. Но основной и новейшей работой о Саккетти в этом направлении является большая обстоятельная монография ди Франча, которая цитирована нами выше.

Автор приходит в ней к выводу, что из 223 новелл Саккетти большая часть основана на фактах, действительно имевших место, а меньшая воспроизводит традиционные темы, переходившие из поколения в поколение; на грани между ними стоят несколько новелл, комбинирующих элементы истории и традиции. Такое деление можно принять, но распределение новелл по этим категориям представляет зачастую большие трудности, в силу чего допущенные ди Франча в каждой из его основных групп сомнительные подгруппы должны быть, в сущности, гораздо обширнее. Я не говорю уже о том, что параллели к традиционным темам могут быть умножены; это не меняет существа классификации автора.

С другой стороны, книга ди Франча дает больше того, о чем говорит ее заглавие, обещающее как будто анализ одних только новелл Саккетти и характеристику его как новеллиста. В действительности мы находим в ней биографию писателя, в которой содержится ряд фактических поправок и дополнений к биографии, составленной Джильи, и, кроме того, главу о «Евангельских проповедях», характеризующих эту работу Саккетти вообще, и главу, представляющую исследование вкрапленных в проповеди новелл.

Некоторого естественного расширения рамок можно было бы ожидать и в заключительной главе, посвященной характеристике Саккетти – художника и моралиста на основании его новелл. Но ди Франча рассматривает Саккетти вне связи его с другими его произведениями, не новеллами, и вне его литературных связей с его временем. Такой подход к делу, конечно, возможен, но он невыгоден в смысле получения более отчетливых результатов. Традиционное сопоставление Саккетти с Боккаччо направлено у ди Франча к тому, чтобы оттенить разницу индивидуальностей, но не литературных направлений и социальных течений. В двух последних отношениях привлечение не новеллистического материала было бы также крайне важно.

Характеризуя Саккетти вслед за Де Санктисом как «последнего тречентиста», он ставит его, правда, в связь с определенной эпохой, но не определяет его места в кругу других ее представителей, хотя бы одних новеллистов, и не уточняет его социальных отношений или социальной базы его творчества. Если бы нам захотелось уяснить себе эти вопросы, то пришлось бы обратиться опять-таки к трудам по истории итальянской литературы и, в частности, к работе, которая пытается ответить на них более обстоятельно. Я разумею «Il Trecento» Г. Вольпи.

Подобно многим другим, Вольпи видит в Саккетти, как и в А. Пуччи и в ряде других аналогичных писателей этой поры, представителя «городской буржуазной литературы» (*letteratura borghese*). Но определяет ли это социальный облик Саккетти, а следовательно, и направленность его творчества, когда и Петрарка, и Боккаччо принадлежали к той же среде? Такая характеристика слишком обща, ибо она не учитывает социальных группировок внутри городской буржуазии.

Таким образом, к началу XX в. мы приходим с большими итогами в отношении изучения Саккетти, нежели к началу XIX столетия. Сейчас основными задачами для изучения нашего писателя является прежде всего издание всего его литературного наследия и исследование, на основании такого издания, его творчества и его идей в целом и в связи с его окружением с целью уяснить, какое место занимает он в обстановке социальной и литературной борьбы его времени. Новое издание Саккетти, предпринятое Круской, намечалось под редакцией Микеле Барби и А. Скьяффини. Монографии о Саккетти, которая бы рассматривала его в целом, мы пока не имеем. К сопоставлению Саккетти с Боккаччо вернулся Б. Кроче в своей статье «Il Vossaccio e Franco Sacchetti», в которой сравнение делается по-прежнему в плане индивидуальном. «Буржуазная литература» и Саккетти как ее представитель остались и в новой редакции «Il Trecento» Вольпи, сделанной Н. Сапньо. Я умалчиваю о вышедших в пределах XX в. компендиях по истории итальянской литературы: они исходят, естественно, из результатов того, что сделано за последнее время, и не дают ничего нового.

В дальнейшем я хотел бы рассмотреть только общественные и литературные отношения Саккетти, с целью установить его место среди социальных группировок, которые обозначились в его время, и охарактеризовать литературные школы эпохи, с представителями которых он был так или иначе связан.

* * *

Франко Саккетти принадлежал к старинному флорентийскому роду, считавшему себя римским. Во всяком случае, Данте в XVI песне «Рая» причисляет Саккетти к древнейшим и известнейшим родам времен его предка Каччагвиды, наравне с фамилиями Джуоки, Фифанти, Баруччи, Галли. Саккетти придеоживались гвельфской ориентации, в силу чего после битвы при Монтаперти они вынуждены были отправиться в изгнание, некоторое время жили в Лукке, и только после смерти Манфреда, когда власти гибеллинов настал конец, они получили возможность вернуться во Флоренцию. Как представители партии пополанов (народной), они были привлечены к общественной деятельности, и, когда Франко был еще ребенком, один из Саккетти (Форезе ди Бенчи) был избран сперва приором (1335 г.), а через несколько лет – гонфалоньером (1343 г.). Отец Франко, Бенчи дель Буоно, был купцом. Торговлей, или, как думает биограф Франко XVIII в. (предисловие к изданию новелл 1724 г.), Боттари, меняльными операциями, занялся уже в ранние годы своей жизни и сын. Семья Франко принадлежала, таким образом, по роду своих занятий к кругу влиятельных флорентийских семей, входивших в состав «старших Цехов» (*arti maggiori*), по своему достатку она была связана, вероятно, больше со средними слоями городского общества.

Нам почти ничего неизвестно о юных годах писателя. Но зато мы знакомы хорошо с той социально-политической обстановкой, в которой они протекали. Со времени издания «Постановлений о правосудии» (*Ordinamenti della giustizia*. 1293) с дворянством (*grand*) дело было покончено; оно могло добиться изгнания инициатора «Постановлений», Джана делла Белла, оно могло мечтать о восстановлении своей прежней роли и даже пытаться иногда проводить мечту в жизнь, но возврат к старому порядку был невозможен. За преступления против личности и имущества горожан дворяне подвергались суровым наказаниям вплоть до смертной казни, причем ответственность дворянства определялась круговой порукой. Боккаччо, оставивший Неаполь по вызову отца и вернувшийся во Флоренцию в начале 1340 г., так оценивает в своем «Амето» (1340–1341) положение родного города: «Несмотря на различные превратности судьбы, он вышел из пережитых волнений сильнее и прекраснее прежнего; расширив свои владения, многолюдный, он заключил в своих стенах враждебные волны; ныне он могущественнее, чем когда-либо, его границы простерлись далеко; подчиняя народному закону непостоянную кичливость грандов и соседние города, он пребывает в славе, готовый и на более великое, если страстная зависть и жажда любостыжания и невыносимая гордыня, в ней властвующие, ей в том не помешают, как того позволено опасаться». Как человек, пребывавший в течение двенадцати лет вдали от Флоренции в совершенно ином социальном и культурном окружении и политической обстановке, Боккаччо, может быть, особенно отчетливо видел те противоречия флорентийской жизни, последствий которых он опасался. И опасения его не

замедлили сбыться.

Не будучи в состоянии держать в своих руках Лукку, Мастино делла Скала предложил флорентийцам продать им город. Флорентийцы согласились, но они наткнулись при осуществлении своего плана на сопротивление пизанцев, не желавших их усиления. Это привело к войне между Пизой и Флоренцией и к целому ряду осложнений, так как оживило виды неаполитанского короля на Тоскану, виды, как будто имевшие шансы на реализацию в ту пору, когда в Италию не являлся император, а папа продолжал оставаться в далеком Авиньоне. Впрочем, флорентийцы сами подливали масла в огонь. В свое время они в течение восьми с лишним лет предоставляли королю Роберту синьорию над городом; в 1326 г. они предложили ее его сыну Карлу, герцогу Калабрийскому. Флоренция искала гвельфской опоры на случай гибеллинской опасности. В 1341 г. Роберт пытался действительно через своего сенешаля – флорентийца Никколо Аччайуоли, уговорить враждующие стороны уступить Лукку ему; но план этот не удался. Между тем флорентийцы терпели военные неудачи. Тогда они решили призвать на помощь бывшего викария Карла Калабрийского, Готье Бриенского, с помощью которого гвельфская партия надеялась довести войну до победы. Однако надежды очень скоро уступили место разочарованиям. Одновременно флорентийские гвельфы стали искать новых союзников. Забыв о своей политической ориентации, они обратились за помощью к императору Людовику Баварскому. Когда весть об этом достигла Неаполитанского королевства, то обращение это было истолковано как переход Флоренции в гибеллинский лагерь. Из флорентийских банков стали изымать вклады, так что в 1342 г. многие из них дошли до банкротства или потери кредита. Кроме того, в деятельности временного правительства «двадцати» обнаружены были растраты и недочеты. Общественные противоречия обострились. Руководители флорентийской политикой, представители старших цехов, пополаны-оптиматы (*popolani grassi*), вынужденные принять срочные и энергичные меры для спасения своего положения, предложили Готье диктаторские полномочия на один год. Лишенная прав аристократия, гранды, была довольна в глубине души, так как рассчитывала, что Готье восстановит ее положение в городе. Плебеи, с которыми Готье заигрывал, возлагали на него надежды как на своего защитника перед забравшими власть богачами. Но Готье показал себя скоро человеком жадным, вероломным и жестоким, и по существу – ловким авантюристом, который обманывал всех с целью установления единоличной власти. В 1342 г. он был провозглашен пожизненным властителем (*dux et dominus*) Флоренции, но уже через одиннадцать месяцев он очутился осажденным народом в Палаццо Синьории и был изгнан из города. В том же 1343 г. гранды попытались вернуть себе утраченное положение вооруженной рукой. Флоренция стала ареной кровавой борьбы аристократических и демократических элементов. Последним это стоило немалых усилий, но и со стороны грандов это была последняя попытка реставрации старого порядка.

Так сбылись ожидания Боккаччо, колебавшегося порой, несмотря на свой флорентийский демократизм, между «народным законом» и «властью одного короля», как выражалась Фьямметта.

События начала 40-х годов XIV в. свидетельствуют о росте недовольства народной массы и об усилившейся активности так называемых «меньших цехов» (*arti minori*) и городского пролетариата.

После победы демократов в 1343 г. в отношении грандов были не только восстановлены отмененные герцогом Афинским (т. е. Готье Бриенским) «Постановления о правосудии», но их заставили окончательно раствориться в среде горожан. Наоборот, положение цехов и даже мелкого люда улучшилось. Власть перешла в руки пополанов, точнее в руки наиболее имущей их части, которую возглавил Альбицци (нов. 193), Строщи (нов. 71) и Кастильонкьо, но прежде всего Альбицци. При помощи аммонии, т. е. объявления кого-нибудь принадлежащим к аристократии или к партии гибеллинов, они устраняли неугодных им лиц и раздавали должности своим людям. Олигархия верхушки богачей вызывала протест со стороны мелких пополанов и озлобляла рабочую массу и меньшие цехи. Недовольство питали также события 1346 и 1348 гг. В 1346 г. Флоренция страдала от недорода, дороговизны и большой смертности; в 1348 г., как и вся Европа, – от чумы.

Такова обстановка, в которой протекло раннее детство Саккетти, родившегося не позднее

1335 г.

С женитьбой (на Марии Феличе ди Никколо Строщи) в 1354 г. наступает для писателя новый период его жизни. Незадолго до этого он начинает заниматься торговыми делами и в связи с ними совершает ряд путешествий: в Славонию, дата которого нам неизвестна, и в Геную, куда он съездил в 1353 г. (см. нов. 71, 151). Эти путешествия позволили ему познакомиться не только с новыми областями Италии, через которые ему пришлось проехать, с их бытом, нравами, напрашивавшимися невольно на сопоставление с родными флорентийскими, но и с такими далекими, вне Италии лежащими краями, как Славония. Наблюдения и сравнения часто приводили к выводам далеко не в пользу флорентийцев, как это видно хотя бы из нов. 71, в которой автор ставит в пример своим землякам патриотизм генуэзцев.

В 50-е и 60-е годы, в связи с женитьбой, семейными заботами, занятиями торговлей, поездками по делам, Саккетти становится лицом к лицу с жизнью, знакомится ближе на собственном опыте с борьбой за существование и получает естественно больше поводов задуматься над общественными отношениями, среди которых ему приходилось жить.

Олигархия Альбицци и их пособников, укрепившись окончательно, оттерла от управления мелкие цехи, мелкий люд (*popolo minuto*), который, однако, как мы видели, уже и раньше начал заявлять о себе. Пока он молчал, но молчание это грозило превратиться в действие. С плебейским элементом, не охваченным цеховыми организациями, не считались вовсе; но это положение вещей не могло, конечно, держаться слишком долго. Вероятно, Саккетти довольно рано стал ощущать натянутость общественных отношений.

В 1375 г. вспыхнула война с папской курией, вызванная попытками папских легатов прибрать к рукам некоторые области центральной Италии, зажившие слишком самостоятельно в пору авиньонского пленения пап, и, между прочим, Тоскану. Так вспыхнула жестокая война, длившаяся целых три года и закончившаяся только благодаря тому, что наступивший после смерти Григория XI (1378) великий раскол поставил в первую очередь другие вопросы и ослабил интерес к борьбе с Флоренцией и ее союзниками. Когда церковь начинала войну, она учитывала несомненно социальные разногласия флорентийцев, и не без основания, так как среди гвельфов нашлись, действительно, люди, пошедшие на компромисс.

Но Флоренция в целом ответила на попытку церкви задушить Тоскану голодом и посылку в ее пределы крупных вооруженных сил под начальством известного своей жестокостью кондотьера из лондонских портных, Джованни Агуто, т. е. Джона Хоквуда (см. нов. 181), – сплочением своего гражданства и организацией антипапской лиги, объединившей, кроме тосканских городов, Бернабо Висконти и неаполитанскую королеву Джованну. Во Флоренции был избран особый комитет из восьми членов, которому и была передана вся власть в республике. Комитет этот называли «*Otto santi*» («Восемь святых»), отчего и самая война получила название войны «Восьми святых». Папа Григорий XI, не ожидавший такого оборота дела, объявил отлучение от церкви Флорентийской республики и приказал всем сторонникам церкви продавать проживающих на их территории флорентийцев в рабство, а чтобы заинтересовать в проведении этой меры, разрешил конфисковать имущество проданных в свою пользу тем, кто исполнит папское распоряжение. Наконец, ведение войны было поручено новым кардиналам, среди которых особенно отличался женеvский кардинал Роберт, будущий антипапа Климент VII. Этот жестокий и порочный человек отличился в особенности при взятии Чезены, города, впрочем, сочувствовавшего церкви, население которого Роберт решил, однако, в припадке бешеной злобы, вызванной неудачами под Болоньей, уничтожить целиком. В несчастной Чезене было истреблено не менее 5 тысяч человек, и погибло бы еще больше, если бы части жителей не удалось спастись бегством. Несколько ранее Фаэнца была подвергнута совершенно зверскому разгрому Джованни Агуто, желавшего этим актом жестокости предупредить вступление ее в лигу.

«Война восьми святых», объединившая вокруг нового правительства население Флоренции, вызвала огромный подъем среди народных масс, которому республика обязана в значительной мере своим успешным образом действий. Саккетти не только глубоко переживал несчастье, постигшее его родину, но и активно выступал в эти годы как гражданин и как писатель-патриот. Он в течение некоторого времени входил в состав постоянной

флорентийской миссии в Болонье (см. нов. 104), организованной в целях поддержки непрерывной связи между Болоньей и Флоренцией со времени появления на театре военных действий кардинала женевого. Миссия состояла из двух членов, которых время от времени сменяли. Поездка и пребывание в Болонье, в непосредственном соседстве от мест, где во всей кровавой мерзости разворачивались ужасы папистских зверств, надолго оставили в памяти писателя впечатления об этих кровавых годах, и среди его новелл мы найдем целый ряд реминисценций о самой войне, ее участниках и руководителях (см. нов. 7, 38, 39, 40, проповедь XIV из «Евангельских проповедей»). Но всеобщий подъем в годы войны, захвативший и Саккетти, пробудил в нем поэта-патриота. Две его канцоны и один сонет являются ярким выражением его возмущения папой – «порчей мира», как он называл Григория XI. В этих стихах негодование поэта подымается иногда до высоты благородного негодования Данте.

«В волка превратился пастырь, и столь настойчивого, что он ни в чем не следует заповедям всевышнего нашего господя, но носится как бешеный Среди агнцев и хочет противостоятъ божественному приговору», – с такими словами обращается он к папе в первой из канцон. И он напоминает ему о св. Петре, который жил всегда как простой рыбак: «Разве ты забыл о том большем, который жил в бедности и который не писал никогда, чтобы какой-нибудь священнослужитель управлял людьми? О Петр, каким городом на свете правил ты когда-либо? Ты едва владел сетями и ладьей, а какое множество людей обратилось к Христу благодаря тебе». Вместо этого папа, восклицает иронически Саккетти, посылает галеры, чтобы грабить христианское добро. «Какая прекрасная ловля! Только не рыбы. И как на море, так и на суше ты сеешь на этом пути величайшие преступления». «Один из твоих кардиналов привел сюда варваров жестоких и преступных, которым он указывает путь и которыми предводительствует», – продолжает Саккетти, намекая на наемников-бретонцев, находившихся в распоряжении кардинала Роберта.

Во второй канцоне наш писатель упрекает Григория XI в трех преступлениях, столь ужасных, что подобных им не совершали ни Калигула, ни Аттила, ни Аццолино да Романо. Он отдал в залог варварам город Фа-энцу, обязав их воевать с христианами; он продал Галеаццо Висконти замки в областях Пьяченцы, Павии и Новары за 200 тысяч флоринов золотом; он пролил невинную кровь жителей Чезены, которых уничтожили его бешеные солки.

«Жестокость там, где следовало бы ожидать милосердия! Иуда продал Христа за 30 серебрянников, ты же дал их 30 в плату за откорм бретонских свиней...» А в Чезене убиты «беременные и старухи в огромном числе; у них отсекали члены и разрезали жилы; девушек хватили и говорили: кто кого из них взял, пусть берет. Кое-кто избирали убежищем места, о которых трудно было догадаться, иные вместе со своими детьми; тех же, кто был понаивнее, преследовали и убивали на алтарях в храмах...»

«Горе тем, кто под твоей рукой и кто не поднимается на тебя, – бросает Саккетти упрек малодушным и вероломным. – Ведь стремиться свергнуть с себя иго того, кто хочет питаться человеческой кровью, – дело правее».

«Против того, кто загромождает священную землю, направь свое копьё», – говорит автор в заключение своей канцоны. И он предвидит, как имя папы подвергнется на земле осмеянию, а тело – уничтожению; ничего доброго не будет ему суждено, и в конце концов он погрузится в глубину бездны, называемый всеми папой – порчей мира»:

E 'nfine, nell abisso gire al fondo,
Chiamato essendo papa Guastamcmndo.

Как известно, Григорий XI осуществил перенесение папского престола в Рим в 13/6 г. От этого шага ждали многого. Но в трудностях переезда Григория из Марселя в Рим, в тех свирепых бурях, которые в течение более двух месяцев трепали папские галеры, некоторые усматривали плохое предзнаменование для главы церкви. Саккетти сидел в этом наказании за содеянные Григорием преступления: «Кому не видно, что то, как папа стыл от холода, направляясь к своим присным по морю на кораблях, было указанием ему планет на смерть? И невзирая на это, он продолжал путь, следуя своим неправым пожеланиям. Божественное правосудие кружило вокруг него; и море, выбрасывающее на берег всякий хлам, пригнало к

берегу порочный ум. Он разгневал три стихии, и небо, видимо, было бы довольно его гибелью. Но сам он этого не замечает и поддерживает в мире войну».

Если приведенные отрывки не свидетельствуют о крупном поэтическом даровании Саккетти, то никто не откажет ему в искренности возмущения и благородстве негодования, пусть выраженного в довольно обыкновенных для этого времени формах. Эти чувства-то и повышают ценность цитированных пьес, заставляя вспоминать слова Ювенала: «*Si natura negat, facit indignatio versum* („Если природа не одарила, то гнев порождает стихи“).

В этой достойной отповеди папе чувствуется человек, проникнутый традиционным уважением к церкви, но не до утраты способности критиковать поведение ее представителей, в особенности, когда оно шло вразрез с интересами его родины. С такой же четкостью формулирует Саккетти свои взгляды на отлучение от церкви и в XIV проповеди, написанной, как можно предполагать, на основании упоминания в ней поддерживаемого французами антипапы, т. е. Климента VII, вскоре после войны «Восьми святых»: в ней чувства, вызванные папским интердиктом 1376 г., направленным против Флоренции, еще как будто не утратили своей остроты. Эта проповедь является отличным дополнением аргументирующего типа к инвективам лирических пьес.

«Многие невежды полагают, – говорит он, – и утверждают, что умирающий отлученным осужден. *Sententia pastoris justa vel iniusta Timenda est*. Действительно, следует бояться приговора пастыря, будь он справедливым или несправедливым; но несправедливый не осуждает меня, а является для меня заслугой, если отношусь к нему с терпением. Если бы несправедливый приговор меня осуждал, то это означало бы, что папа и епископ значат больше, чем божественная справедливость, так как их несправедливость аннулировала бы справедливость божества. Но это не может быть; следовательно, несправедливое отлучение не осуждает меня, а скорее спасает того, кто несет его с терпением».

Так реагировал Саккетти на события 1375–1378 гг. Они имели огромное значение, так как пробудили широкое народное движение, увлекшее, как мы видели, писателя и приучившее не одного его смотреть на поднявшуюся массу среднего и мелкого люда как на силу, с которой необходимо считаться и в процессе социальной борьбы. С другой стороны, раз включившись активно в дела республики во время войны, масса не могла уже оставаться инертной и в других случаях. События 1378 г. не замедлили подтвердить это. В этом году предстояли выборы гонфалоньера правосудия. Соперники Альбицци, Медичи и Альберти решили дать на них бой олигархам и, опираясь на недовольство мелких цехов, провести в гонфалоньеры своего человека, Сальвестро ди Аламанно де'Медичи. Контрмеры, принятые сговорившимися по этому поводу Пьеро дельи Альбицци, Лапо да Кастильонкьо, Карло Строцци, были сорваны благодаря бдительности «Восьми святых», и Сальвестро был избран, получив поддержку демократической партии в лице ее главарей, Бенедетто Альберти, Томмазо Строцци и Джорджо Скалы. Но ловкий и деятельный Сальвестро не доглядел того, что, кроме мелкого цехового люда, среди которого он главным образом агитировал, во Флоренции имеется значительная масса рабочих, не объединенных цеховой организацией. Их называли чернью, *p'ebaglia* или чомпи, что было синонимом оборванца, на самом же деле обозначала чесальщика шерсти. Не досмотрела демократическая партия и того, что среди мелкого цехового люда есть и сочувствующие аспирациям чомпи. В ту минуту, когда Сальвестро с большинством мелких заняли намеченные политические позиции и подвергли конституцию пересмотру в демократическом духе, а противники их были уничтожены или бежали, на сцене появились обделенные и потребовали свою долю. Волны социальной революции захлестнули демократов. Сальвестро де'Медичи вынужден был отойти в тень и уступить свое место руководителю новых сил, чесальщику шерсти Микеле ди Ландо, который и был избран гонфалоньером. Движение скоро достигло своего апогея. Но пока оно подымалось, растерянность в противном лагере миновала; было организовано сопротивление; Микеле был подкуплен либо разошелся со своими сторонниками, напуганный революционными эксцессами. Так или иначе, он покинул чомпи, и масса, лишившись вождя, стала терпеть поражение. Революцию сменила реакция. На сцене опять появился Сальвестро, которому демократы для того, чтобы прикрыть свой ход, придали в товарищи Микеле ди Ландо. По мере того как ликвидировались завоевания революции, сходили со сцены сперва – Микеле, а затем и Сальвестро, скомпрометировавший

себя в глазах умеренных своими связями с левым движением. В 1380 г. Медичи заменил Бенедетто дельи Альберти, единомышленник Сальвестро и более надежный представитель средних групп.

Альберти как будто обеспечивал прочность компромисса. Но ее хватило ненадолго. Демократы продолжали быть недовольными уступками народу, народ – тем, что уступки эти слишком незначительны. Изгнанные Альбицци ведут интриги против коммуны в союзе с церковью и Катериной Сьенскій. В стенах Флоренции демократы косятся на остающегося в своей мастерской Микеле; партия чомпи ищет союзников среди оппозиционно настроенных еретиков и фратичеллов. Подобно тому как двуязычие ведет в конечном счете к гибели одного из языков, так политический компромисс предвещает выход в сторону одной из входящих в комбинацию сил.

Микеле скоро подвергся изгнанию, а в 1387 г. за ним последовал и Альберти. Неопределенное положение сменило откровенное возвращение к старому порядку до 1378 г., конечно, с известным сохранением кое-каких новшеств, поскольку жизнь уже успела их санкционировать и примирить с ними людей разных толков. Оставалось сделать последний шаг – поставить во главе коммуны лицо, которое имело бы определенную репутацию, было бы связано со славным прошлым города и могло бы держать в своих крепких руках руль государственной ладьи, которая продолжала все еще плыть по беспокойному морю. Козимо де'Медичи еще не родился (он род. в 1689 г.). Выбора не было, и вот во Флоренцию в 1387 г. возвращаются ее старые знакомые, прежние руководители – Альбицци. Вместе с ними Флоренция на целых полвека вернулась к старым преданиям олигархической политики, национальной культуры и национальной же или автономной церкви, преданиям, которые выросли и окрепли в среде богатых флорентийских граждан, *popolani grassi*.

Но новые тенденции назревали уже в годы первого периода господства Альбицци, и эти оппозиционные начала продолжали развиваться и в пору их возвращения вместе с укреплением средних слоев городской буржуазии, выдвинувшей своих идеологов нового типа, гуманистов, постепенно захвативших руководство умственной жизнью сограждан. Часть их осталась верной прежним традициям, хотя бы и с оговорками, в особенности в области политики, в которой они стояли, если можно так сказать, на национальной точке зрения, в то время как их более юные товарищи увлекались все более и более классицизмом, т. е. предпочитали позиции гуманистические, общечеловеческие, интернациональные. Ряды первых понемногу редели; группа вторых численно росла и внутренне крепла. Процесс этот отвечает переходной норе от реставрации Альбицци и оптиматов к тирании Медичи. С установлением власти Козимо наступает черед вторых, идеи последних получают признание и поддержку того режима, который более всего отвечал их политическому и, частью, моральному безразличию, питал их кабинетную и виртуозную эрудицию, будучи в значительной мере сам подготовлен или по крайней мере предвозвещен ими.

Мы уже видели, как захватили Саккетти события 1375–1378 гг., какую пищу они дали его политической мысли и как повлияли на его политический темперамент. Еще сильнее должны были сказаться и сказались на всем этом революция 1378 г. и реакция 80-х годов. Во время войны «Восьми святых» Саккетти был направлен, как мы видели, послом коммуны в Болонью; товарищ его, Сальвестро де'Медичи, – в Читта ди Каstellо. Саккетти ценил Сальвестро за честность и справедливость. Когда *jn* был избран гонфалоньером, Саккетти послал ему сонет, в котором *jn* наделяет Сальвестро эпитетами «справедливого Катона» и «нового Фабриция». Сонет этот начинается характерными стихами: «Не Сальвестром следует называть тебя, а скорее *Salvator mundi*» (Спасителем мира), – говорит Саккетти, играя созвучными словами, – который спас свою родину благодаря своему «благородному поведению». Таким образом, победа над оптиматами отождествляется со спасением родины. Так формулировать значение победы Сальвестро на выборах мог, конечно, только выходец из рядов среднего класса городской буржуазии или человек, солидаризировавшийся с ее интересами. Когда после ухода Микеле ди Ландо и жестокого разгрома отрядами цехов рабочего квартала Камальдоли 13 сентября был избран новый состав синьории, Саккетти приветствовал ее канцоной, отдельные выражения которой не только отчетливо определяют его политическую позицию, но ярко характеризуют и его отношение к поднятой пролетариатом социальной революции. Он

восхваляет новую власть, водворившую в ее палатах справедливость, до тех пор «пораженную целиком проказой». «Отныне, – говорит он, – вашего государственного порядка никто не опасается, потому что правят теперь средние люди (*mezzane genti*), а всякая середина всегда восхищает; от середины никогда не бывает ущерба». В таких формах мыслил Саккетти свободу, которую он по-своему высоко ценил. Когда почти накануне революции, в 1377 г., ему предложили сочинить надпись на венце, украшавшем льва на решетке перед Дворцом приоров, то он написал следующее двустишие:

Corona porto per la patria degna,
Accio che liberta ciascun mantegna,

Я несу венец ради достойного отечества,
Дабы каждый поддержал свободу.

Основой свободы являлся для Саккетти средний класс, демократия среднего достатка, трудолюбивая и преданная интересам коммуны. Входя в состав «*Otto delia guardia*» («Охранная восьмерка»), Саккетти приказал поместить в зале собраний сонет, начинающийся словами: «Любить свое отечество есть достойная добродетель, которая лучше чем какая-либо другая может поднять его на высоту и сделать могущественным». Ведь любовь к отечеству, – говорит он в заключении той же пьесы, – пробуждает в гражданине все добродетели и воспламеняет их на служение общему благу, ибо он «никогда не печется о благе личном, но всегда готов биться за благо общее, а эти качества и являются подлинными городскими стенами».

Мы видели выше, что и Боккаччо гордился своей Флоренцией и любил ее; но хотел бы ради нее не жертв, не служения общему благу. Он хотел бы, чтобы она сама устроила свою жизнь так, чтобы власть и положение принадлежали оптиматам ума и добродетели. Его характеристика отрицательных черт флорентийской жизни, его ссылка на гордыню, зависть и любостыжание говорят об этом совершенно ясно. В 1340–1341 гг., когда были написаны эти строки, Боккаччо был еще весь во власти неаполитанских впечатлений, элегантной и несколько фривольной обстановки придворных кругов столицы короля Роберта, светского общества, обольстительных дам и общения с такими по-новому образованными людьми, как Никколо Аччайуоли и его гуманистический кружок. Флоренция должна была казаться Боккаччо серой, суровой, провинциальной, отсталой. Он жаждал новых людей и новой жизни, тогда как взор Саккетти, вероятно, охотно обращался к прошлому, к той старой Флоренции, которая жила проще, беднее, но честнее, Флоренции, которую устами Каччагвиды восхвалил Данте в XV песне «Рая», противопоставляя ее современной ему.

Но при всем своем критическом отношении к современности Саккетти был слишком уравновешенным человеком, слишком добродушным и слишком любящим жизнь, чтобы превратиться в сурового *laudator temporis acti* (восхвалителя прошлого). Он отлично понимал, что в жизни мало праздничного и много будней; так не превращать же и те немногие праздники, которые выпадают на нашу долю, в будни и не усугублять же будничное в необходимых буднях.

Последние десятилетия жизни Саккетти были для него трудным временем. Он потерял свою жену; в 1379 г. был казнен за уголовные дела его брат Джанноццо, человек способный, занимавшийся, как и Франко, поэзией, но сбившийся с пути; в 1381 г., во время возвращения своего с сыном из поездки в разные места по поручению правительства республики, он был ограблен в море пизанцами, а сын ранен. С 1384 г. начинается его многолетняя служба в различных городах (Биббьене, Сан-Миниато, Фаэнце и в провинции Романья) в качестве подеста, а вместе с тем его начинают преследовать недомогания и болезни. Его материальное положение становится затруднительным, и стареющий Саккетти вынужден, преодолевая свои недуги, работать не покладая рук, в особенности в последние годы жизни, когда его благосостоянию был нанесен жестокий удар: в 1397 г., всего за три года до смерти, во время замаскированных операций Джованни Галеаццо Висконти против Флоренции, один из кондотьеров, бывших на службе у Милана, граф Альберико да Барбьяно (см. нов. 223, 224), совершил набег на нижнюю долину Арно, причем он, сводя личные счета с Саккетти, разорил

его небольшое имение, Мариньолле. Это разорение оставляло незаполнимую брешь в денежных делах писателя. Горько жалуется Саккетти на этот акт мести Альбериги в письме к одному из своих друзей, синьору Фаэнцы – Асторре Манфредо. Но даже и такое несчастье не озлобило Саккетти. Его единственной мезтью насильникам было опубликование двенадцати сонетов, грубых, но откровенных, по признанию их автора, направленных против войны и тех наемных банд, которые жили ею. И все же один из этих сонетов, посвященный Филиппу Виллани, которому он описывает свои несчастья, кончается следующими характерными строками: «В конце концов я боюсь, как бы судьба не послала мне в дар тюремного заключения [за неуплату долгов], о котором я [до сих пор] никогда не помышлял; кто в этом повинен, – да простит ему бог». Это происходило в 1397 г., пять лет спустя после того, как Саккетти принялся за свои новеллы, бывшие его «лебединой песней» и как бы итогом его отношений к окружающей действительности, подведенным художником и гражданином.

Современная жизнь, которую мы наблюдаем вокруг себя, – говорит Саккетти в предисловии к своей книге, – полна печальных событий; чума, смерть, внутренние и внешние войны, обеднение народов и семей – все это ведет к тому, что люди ищут смеха. Такова природа человека, такова и природа его, писателя, подсказывающая ему необходимость писать так, чтобы «tra molti dolori si mescolino alcune risa» («чтобы смех примешивался к столь частым фактам скорби»).

Как наблюдателя-гражданина его внимание привлекает больше всего его родная обстановка. Географический горизонт Саккетти гораздо более узок, нежели кругозор Боккаччо: он почти целиком ограничен стенами Флоренции. Внутри этих рамок он с особым вниманием следит за людьми, которые ему хорошо знакомы, и потому особенно близки; рядовые горожане и их жены, ремесленники, военные люди, кондотьеры и обычные бойцы, монахи и священники, шуты, художники и писатели, судьи, нотариусы и городские служащие и власти, трактирщики, слуги и простой народ. Большие исторические фигуры, вроде Карла Великого (нов. 125), Фридриха II (нов. 2), английского короля Эдуарда I (нов. 3), французского короля Филиппа Валуа (нов. 195); крупные синьоры, вроде Маркиза Аццо VIII д'Эсте (нов. 15), Каструччо Интерминелли, синьора Лукки (нов. 5), встречаются редко. В некоторых случаях какой-нибудь французский король или бургундский герцог – простые, бледные анонимы, которых можно заменить любым иным именем. Более других отчетливо и конкретно изображен Саккетти Бернабо Висконти, синьор Милана. Этого жестокого человека, которого Саккетти знал лично и который интересовал его, он изображает, однако, не только с отрицательной (нов. 74), но и положительной стороны (нов. 4, 152, 188). Гораздо бледнее ланы Мастино делла Скала (нов. 62), Лодовико Мантуанский (нов. 65) и Франческо де'Медичи (нов. 88). Папы, Бонифаций VIII (нов. 20, 35, 126) и Григорий XI (нов. 203), у Саккетти не столько действующие лица, сколько фигуры, к которым приурочен тот или иной анекдот или остроумное словцо.

Наоборот, какой-нибудь Бассо делла Пенна, державший гостиницу в Ферраре, остроумный и находчивый, является центральной фигурой целого небольшого цикла новелл (6, 18, 19, 20, 21). Это тип флорентийца забавника. О знаменитом шутике, возведенном в сан «короля буффов» императором Карлом IV, мы знаем из произведений целого ряда новеллистов, начиная с Боккаччо; о нем рассказывает нам и современник и знакомец Саккетти Джованни ди Герэрдо да Прато в своем «Парадизо дель Альберти». Дольчибене оказывается героем целой «эпопеи буффона», исследованной Ф. Габотто, в которой посвященные этому персонажу грубоватые, но стильные новеллы Саккетти занимают одно из первых мест (10, 24, 25, 33, 117, 153, 156, 187). Может быть, одними из лучших этого цикла являются нов. 117 и 153, характеризующие Дольчибене как находчивого и остроумного буффона. Другой профессиональный шутике – Гоннелла, вероятно существовавший на самом деле, как думает Габотто, но объединивший в своем лице анекдоты, связанные первоначально с другими аналогичными персонажами, и превратившийся в тип, в обобщенную фигуру (нов. 27, 172, 173, 174, 211, 212 и др.). К шутикам, выходы которых становятся в ту пору настоящим искусством и ценятся особенно в обстановке постоянных войн и социальной борьбы того времени, Саккетти возвращается особенно охотно. Наряду с Дольчибене и Гоннеллой он расскажет нам и о забавных приключениях и выражениях знакомого нам по «Декамерону» (день VIII, нов. 5) Рибби (нов. 49, 50) и о Мазо дель Саджо, который выведен на сцену уже Боккаччо и который принят

лежит скорее к типу «забавников» и «остроумцев», *uomini piacevoli* (нов. 93). Наконец шуты из забавников – Анъоло Моронти, шут из Казентино (нов. 142, 225), боккаччевские Стекки и Мартеллино (день II, нов. 1; у Саккетти – нов. 144), Пополо из Анконы (нов. 162) и Берто Фольги, упоминаемый во флорентийских документах конца XIV в. (нов. 53, 130).

Рядом с буффонами и потешными людьми можно поставить забавных простаков, выходки которых возбуждали взрывы смеха не менее чем выступления профессиональных шутов. Таков, например, Альберто да Съена, возможно тип, в основе которого лежит реальное лицо, нам неизвестное, но обобщенный в порядке последующих наслоений, как это произошло с Гоннеллой. Саккетти рассказывает о нем целый небольшой цикл новелл (11, 12, 13, 14, 16), из которых особенно забавны 11 и 14.

Довольно обширным циклом новелл представлены военные люди. Среди героев его мы встретим наших старых знакомых, Джованни Агуто (нов. 181) и графа Джованни да Барбьяно (нов. 223, 224). Значительная группа новелл посвящена командующему флорентийскими войсками в войне «Восьми святых», Ридольфо да Камерино, изменившему, в конце концов, Республике и перешедшему на сторону папы (нов. 7, 38, 39, 40, 41, 90, 104 и 182). Саккетти знал лично Ридольфо, и содержание некоторых новелл о нем возможно построено на реальных эпизодах биографии генерала, хорошо известных Саккетти. Саккетти представляет его не военным человеком, а тем, что он называет «естественным философом» (*filosofo naturale*), каким, впрочем, изображают его часто и современники.

Среди поэтов, выведенных Саккетти, следует отметить прежде всего Данте (нов. 8, 114, 115), которого наш поклонник творца «Комедии», очевидно в согласии с народной традицией, изображает как человека гордого, высоко ставящего поэзию, но в то же время остроумного. Гневливым и погруженным в свои мысли характеризует нам Саккетти Гвидо Кавальканти (нов. 68), и те же черты отличает в нем и Дино Компаньи. О шутке, жертвой которой стал один из друзей Саккетти, Антонио Пуччи (нов. 175), мы уже имели случай говорить выше. За поэтами следуют художники, новеллы о которых изображают нам их нравы, рисуя их людьми веселыми, остроумными и доверчивыми. Особенно много места уделено эпизодам из жизни старых мастеров: по поводу Джотто рассказывается о том, как он проучил выскочку, желавшего похвалиться своим гербом, не имея на то никакого права (нов. 63), или приводится остроумное замечание, сделанное художником, когда его сшибла с ног свинья (нов. 75); четыре новеллы о Бонамико Буффальмакко (первая половина XIV в.) посвящают нас в проделки художника в юности, когда он жил еще у своего учителя, Андреа Тафи (нов. 191), или когда соседи его оказались людьми трудными для сожительства (нов. 192); две другие относятся к более позднему периоду его жизни и рассказывают, одна – о его отместке епископу ареццскому, Гвидо, оскорбившему его как флорентийца-патриота, вторая – об аналогичном акте, но по другому поводу по отношению к перуджинцам (нов. 169). Несколько не названных по имени художников являются героями новелл 84, 106 и 136, которые одновременно характеризуют распущенность женщин или их пустоту. В нов. 170 дается пример остроумия современного Саккетти живописца Бартоло Джоджи; нов. 229 напоминает юношеские проделки Бонамико.

С особой любовью, знанием дела и интересом написаны у Саккетти сцены из жизни рядовых флорентийских обывателей. Его основная стихия – жизнь улицы, площади, рынка, беседы у дверей дома, интерьеры, жизнь внутри дома вообще (нов. 138, 175), в одной из его комнат (нов. 124), на дворе (нов. 70). Он охотно изображает семейные сцены, и не менее охотно переносит Саккетти своего читателя на улицу (нов. 159), к дверям дома (нов. 112) или на рыночную площадь (нов. 76, 160), в гостиницу или трактир (нов. 19, 102, 140).

Писатель не раз отмечает несправедливость синьоров (нов. 62), людей богатых или имеющих высокое общественное положение (нов. 88, 202), их произвол и капризы, которые заставляют его вспомнить непрочность вина в бутылке: «*Signore и vino di fiasco, la mattina и buono e la sera e guasto*» («Синьор – что вино в бутылке: утром оно хорошо, а вечером испорчено»), (нов. 65). Он вспоминает, как часто обижают они скромного труженика (нов. 88, 202). Насмешкой отзывается он на вновь испеченных дворян или выскочек, играющих в рыцарство, над которыми он заставляет издеваться Джотто (нов. 153). Он иронизирует над вырождавшимися установлениями рыцарства, над тем, что каждый подеста должен обязательно быть рыцарем в момент его избрания или вступления в должность или стать таковым, если он

им не был. Он не без удовольствия констатирует, что ценность человека определяется не его положением, а фактическим его значением (нов. 4). Защитник честного труда, он не скупится на краски, когда ему приходится изображать ловкачей и обманщиков (нов. 148), и не без удовольствия рассказывает о том, как попадаются впросак или бывают наказаны представители легкой наживы, всевозможные мошенники, спекулянты и их прихвостни (нов. 52, 91, 92, 146, 147, 195, 198, 214, 228).

Дельные труженики, серьезно относящиеся к делу и знающие его, честные люди стоят у него на первом месте. Их как будто чаще всего встретишь среди «среднего люда» (*mezzana gente*). Наверху – слишком много соблазна; внизу – невежества. (В ряде новелл он нападает на суеверие народа: нов. 217, 218, 219). Он критикует судей за их часто несправедливые решения (нов. 9, 77, 127) и заставляет по этому поводу вспомнить негодование Дино Компаньи на «проклятых» судей своего города и резкие выпады против них автора «*Tumulti*» («Смута») 1378 г., у которого «*falsi giudici*» (лжесудьи) сплетаются в один клубок с «грандами, пиявками, жабами, скорпионами, тарантулами и ядовитыми змеями». Он смеется над неразумными подеста (нов. 150), над невежественными врачами (нов. 168) Но в особенности доставалось духовенству.

Духовенство Саккетти – это почти исключительно рядовое приходское духовенство, городское и сельское, и рядовое же монашество. Ему отведено в книге Саккетти много места. Саккетти был человеком религиозным, а потому предъявлял к духовенству повышенные требования, которым оно не могло ответить. Целому ряду новелл, дающих отрицательную оценку священникам и монахам (нов. 22, 35, 60, 72, 89, 101, 205), можно противопоставить, пожалуй, только одну (нов. 128) о флорентийском епископе Антонии, отказавшем в погребении ростовщику. Под этим Антонием скрывается Антонио д'Орсо ди Бильотто, которого и Боккаччо (Декамерон, VI, нов. 3) характеризует как «достойного и мудрого прелата», но которого «Хроника» Дино Компаньи называет человеком «далеко не святой жизни». Расхождение в оценке объясняется тем, что Саккетти и Боккаччо судили Антония по его писаниям, а не деяниям, о которых, вероятно, не были осведомлены. Антонию принадлежат «*Constitutiones ad reformationem cleri*», за которые его хвалят и многие церковные писатели. Из нов. 128 видно, как высоко расценивал Саккетти роль церковного руководства и с каким горьким чувством должен был он изображать тот реальный клир, образы которого наполняют его книгу.

Характерны нападки Саккетти на женщин. Он упрекает современных женщин в пустоте (нов. 99) и распущенности (нов. 84, 86, 95, 106), в страсти к нарядам (нов. 137); он высмеивает, приводя суждение флорентийского маэстро Альберто, скульптора школы Андрея Пизанского, их косметическое мастерство, с помощью которого они умеют придавать любой вид и выражение своему лицу. Ему припоминались, может быть, когда он писал свою 136-ю новеллу, жена Беллинчони Берти, о которой говорил Каччагвида, и женщины прежних времен, сидевшие за прялкой и рассказывавшие про Троию, древний Рим и Фьезоле. Эти времена ушли безвозвратно, и едва ли он считал мыслимой их полную реставрацию. Но все же великое прошлое смущало патриота, опасавшегося за судьбы любимой родины и не видевшего большого толку от чрезмерных новшеств и разрыва с традицией. А что эта родина, несмотря на все тяжелые испытания судьбы, на большие нелады в общественной жизни и политике, которые он критиковал, была ему по-прежнему дорога и, может быть, тем более дорога, чем больше она делала ошибок и сбивалась на неверный путь, показывает его нов. 161, в которой рассказывается о том, что когда Гвидо, епископ Ареццо, поручил Бонамико Буффальмакко изобразить орла, раздирающего льва, т. е. Ареццо, торжествующего над Флоренцией, то негодующий художник, отгородив место, где он работал над ней, чтобы его не было видно, написал вместо этого большого гордого льва, терзающего орла. Окончив свою работу, он скрылся под предлогом возвращения во Флоренцию, предоставив разгневанному епископу угрожать ему и присудить к изгнанию. «Так часто случается, – заканчивает Саккетти свою новеллу, – что люди низкого положения побеждают с помощью разных ухищрений тех, кто стоит выше их...» А так как оскорбленный епископ, в конце концов, простил Бонамико и обращался с ним впоследствии как со своим другом, то Саккетти прибавляет к только что приведенной фразе: «... и приобретают их расположение тогда, как имели бы основание ожидать неприязни». Саккетти мог торжествовать вдвойне: земляк, флорентиец отстоял славу

родины и, мало того, заставил врага капитулировать.

У Саккетти был отчетливый политический и социальный идеал. Великие традиции славной Флоренции должны были продолжаться и проводиться в жизнь «средним людом»; они должны были строить благополучие республики, ограждая ее свободу и культуру от покушений справа и слева. В крайнем случае он готов стоять за традиционную свободу даже в формах олигархии, как это делает А. Пуччи. Но он не доглядел того, что та же социальная группа, к которой принадлежал он, ориентировалась уже в ином направлении и он терял связи с наиболее активными ее элементами.

Революция и реакция 70-х и 80-х годов XIV в. в конечном счете оттеснила их. Они разуверились в возможности возвращения для них завоеваний прошлого; они питают слабый интерес к традиционным формам политического быта и к принципам свободы. Им довольно безразлично, кто стоит у власти, Альберт и или Альбицци. Они становятся политически индифферентными и начинают интересоваться только самими собой и своим благополучием, оберегая в первую очередь свою личную внутреннюю свободу. В поисках опоры они обращаются к прошлому, не близкому, а далекому, к античному миру, в котором, по их убеждению, существовала свобода личности, богатая подлинным интеллектуальным содержанием. Боккаччо и в особенности Петрарка уже стали на этот путь. Саккетти еще недостаточно ясно ощущал его необходимость; поколение переходной поры к XV в. восприняло это отчетливо и сделало отсюда практические выводы.

В жизни семьи Саккетти литературные интересы были выражены, по-видимому, слабо. Образование, полученное Франко, носило в первую очередь характер практический; оно было рассчитано на то, чтобы подготовить в сыне помощника, а затем и наследника отцу в его торговых делах. А между тем у юного Саккетти очень рано стал обнаруживаться вкус к чтению, к поэзии, а также к музыке.

Несмотря на трудные условия, в которых протекала жизнь Флоренции в 40-е годы, литературные интересы в городе играют значительную роль. В эту пору Петрарка был уже в зените своей славы и как певец Лауры, и как эрудит; в 1341 г. произошел его диспут с королем Робертом Неаполитанским, после которого поэт был увенчан на Капитолии. Боккаччо подымался к кульминационной точке своего творчества. 40-е годы были необычайно продуктивными годами его жизни. В начале их им был закончен «Филоколо», затем были созданы «Амето» и «Любовное видение», несколько позднее – «Тезеида» и «Нимфы Фьезоле». Вскоре после 1348 г. написано введение к «Декамерону» и приобрели известность три его книги. Петрарка уже начал находить подражателей за пределами Тосканы, например в Неаполе, связанном с нею политически и экономически. Широко распространено было влияние Данте, «Комедия» которого считалась своего рода откровением и вызвала ряд комментариев и подражаний. Литературный примат Тосканы отныне, не подлежал сомнению. Но такое признание обязывало к дальнейшему развитию дела, столь блестяще начатого, и к напряженной работе. Во Флоренции в особенности, так как здесь продолжение традиций Данте было делом муниципальной гордости и как бы искуплением вины коммуны перед своим великим поэтом и гражданином.

Еще совсем молодым человеком Саккетти выступил с рядом стихотворений. Это были пьесы любовного содержания, в которых чувствовалось влияние Петрарки. Стихи имели успех; их хвалили: А. Пуччи, флорентиец и поэт, венецианец А. Кокко, Бруно де'Бенедетти из Имолы, Бенуччо из Орвьето; и молодой поэт снискал дружбу и поощрение многих его земляков-писателей, как Джованни ди Герардо да Прато, автора «Парадизо дельи Альберти», Джованни Мендини да Пьянеттоло, в котором некоторые исследователи видят автора «Пекороне», поэта и музыканта Франческо Ландино дельи Органи, прозванного Слепцом, и влиятельных людей, из которых некоторые были сами не чужды занятий литературой: Альберто дельи Альбицци, Антонио дельи Альберти, владельца виллы Парадизо, Асторре Манфреди, синьора Фаэнцы, Микеле Гвиниджи из Лукки, Андреа да Сан-Джеминьяно, Филиппо дельи Альбицци; математика и астролога Антонио, флорентийских врачей маэстро Бернардо и маэстро Антонио, Бартоломео да Кастель делла Пьеве и некоторых других.

С лирикой того же типа мы встречаемся у Саккетти и позднее. Но с течением времени поэт переходит к более широкой тематике: здесь и смерть жены (первой 1377 г.), и мысли о

том, что люди сами причиняют себе большие затруднения, чем какие им посылает судьба. Серьезные темы перемежаются время от времени шуткой или насмешкой, являющимися у Саккетти потребностью натуры и помогавшими ему иногда подниматься над житейскими невзгодами. Так, в одном сонете к своему старому приятелю Микеле Гвиниджи ди Лукка он рассказывает, как он, едва оправившийся от болезни на водах в Корсене, на возвратном пути домой заболел вновь благодаря безобразному поведению мула, на котором он ехал. «Не успел я сесть на проклятое животное, как оно взвилось на дыбы и изогнуло спину так, что заставило меня в перепуге свалиться на ложе, но не песчаное, а каменное. Тяжелый ушиб привел меня в Пеша, где мне поубавили крови и где я подвергся мучениям худшим, нежели св. Себастьян. Затем, в Пистойе более искусный цирюльник повторил надо мною те же проделки, так что тело мое стало сильно томиться от страданий, и до сих пор я еще не оправился».

В 1383 г. Саккетти был избран приором. В этом году, рассказывает он нам в 137-й новелле, был проведен закон против некоторых излишеств в женской моде. Это было, в сущности, повторением закона, встретившего упорное сопротивление дам при проведении его в жизнь. Видя, что законодательство бессильно в таких случаях, он обратился к литературному оружию, и стал осмеивать странную новую моду в стихах и новеллах (нов. 137 и 178).

Но Саккетти был способен и на резкий полемический тон, на инвективу, на суровое обличение, когда этого требовало положение и когда он загорался негодованием. Мы уже познакомились с его нападка на Григория XI, которые запечатлены в его стихах, относящихся к годам войны «Восьми святых». Негодования полны и его двенадцать сонетов против войны, написанные в 1397 г. Они внушены не личными несчастьями (в этом году была разгромлена усадьба Саккетти под Флоренцией). Мы видели, что свой сонет к Филиппо Виллани Саккетти кончает пожеланием, чтобы бог простил его обидчикам. Нет, он поднимается здесь на высоту принципиального возмущения и без всяких оговорок и попыток прощения бичует тех, кто сеет войну.

В этих и им подобных более ранних стихах Саккетти слышатся иногда негодующие ноты Данте и возникают образы, напоминающие суровые образы творца «Божественной комедии».

Всю ту игру тонов, которые мы отметили в лирике Саккетти, находим и в других его произведениях. Таковы, например, письма Саккетти. Одни из них – серьезного делового характера, другие – сбиваются на сатиру, третьи – отличаются подавленным, мрачным настроением.

1383 год был тяжелым годом в жизни Саккетти: коммуна направляет его послом в Геную (нов. 177) приветствовать вновь избранного дожа, Леонардо да Монтальдо; в том же году он входил в состав так называемой «охранной восьмерки» (*Otto d'ilia guardia*), работа в которой поглощала у него немало сил и времени; наконец, тогда же, как мы видели выше, он был избран приором. В следующем 1384 г. коммуна опять собралась послать его в Геную к новому дожу (Антониотто Адорно), вызванному из ссылки после смерти Монтальдо, погибшего от чумы. Саккетти Протестовал. К счастью, незадолго до этого Саккетти был приглашен на место подеста в Биббьену, и это дало ему возможность уклониться от поездки в Геную. Но в Биббьене его ждали новые испытания. Избавившись от одной беды, он попал в другую. Напрасно он думал, что «очищение от грехов в Апеннинских Альпах следует предпочесть омытию их в морских волнах», как он выражался шутливо в письме к Р. Джанфильяцци. Обязанности подеста, с которыми Саккетти познакомился теперь на опыте впервые, оказались тяжелым бременем. Вспоминая несколько позднее о Биббьене, он пишет своему приятелю, болонскому подеста Анджело Панчатики: «Может ли быть что-либо тягостнее нашей жизни, когда нам приходится наказывать или осуждать за преступления, совершаемые жителями целого города, а сверх того терпеть пороки наших служащих? Разве мы не находимся во власти самого ничтожного человека в нашем учреждении?» Только нужда заставила Саккетти вновь занять место подеста в 1392 г., т. е. когда ему шел уже седьмой десяток. На этот раз местом очищения от грехов был Сан-Миньято. Помимо неприятной обстановки самой работы, общая обстановка в Италии и Европе настраивала мрачно. В одном из своих писем к другу своему, синьору Пизы, Пьеру Гамбакорти (убитому до получения им письма одним близким ему человеком, которому он слишком доверял), он дает волю своим тяжелым мыслям и печальному настроению: «Чем более я оглядываюсь назад и пристальнее смотрю на землю и чем больше мне все же хочется

разглядеть то, что нас ждет впереди, тем более, мне кажется, я понимаю, что мир приблизился к своему концу. И я боюсь, что тот, кто должен протрубить в трубу, уже взял ее в руку и собирает воедино части, так чтобы каждая душа предстала в своей телесной оболочке». И чем больше он оглядывает окружающее, тем менее он находит, чему можно было бы порадоваться. В церкви продолжается раскол и имеются два пастыря, «которые оба вместе не стоят и ногтя тех, что были ранее викариями Христа». Французский король, который в значительной мере тому виной, не прилагает усилий к излечению церкви, а все прочие государи, «английский король, испанский король и все прочие, вплоть до двух королей Апулии, имеют по своей молодости воспитателей»; а иные и того хуже. Во главе коммун стоит молодежь, которая не может быть благоразумной, а правители (*rettori*), в сущности, – грабители (*rattori*). Одно единственное государство пока еще не выродилось. «Одна коммуна, среди себе подобных брошенная в воду, еще поддерживает свою почтенную славу. И хотя она находится среди волн Адриатического моря, можно сказать, следует удивляться ее силе, ибо в течение почти 900 лет она держится крепко своего образа правления. Стыдно [должно быть] тем землям, которые называются твердыми, так как находятся на материке, а на самом деле не тверды, ибо не обладают ни малейшей твердостью».

Грустью веет и от письма Саккетти к Анджело Панчатики, написанного из Фаэнцы, в которой его тяжелое материальное положение вынудило его принять место подеста в 1396 г. и где его обокрали двое из его аген-тов. А насколько он оставался верен своей натуре, свидетельствуют два веселых сонета, адресованных им в эту пору синьору Фаэнцы Асторре Манфредо, старавшемуся скрасить тяжелую жизнь старика.

Аналогичным психологическим документом является адресованное какому-то болонцу забавное письмо, в котором комизма не меньше, чем в его новеллах. Оно относится к печальному для памяти Саккетти 1383 г.

Саккетти, конечно, прекрасно знал Данте и глубоко чтит его поэзию. Но одно дело любить и уважать поэта, другое – ориентировать на него свое творчество, превратить его образность в стимул своего собственного воображения. Были годы, когда любовь влекла Саккетти к Петрарке и делала книгу его своего рода breviarium. С течением времени мысль его занимали чаще и чаще иные вопросы, тяжелые переживания личного и общественного порядка заставляли вникать глубже в то, о чем раньше думалось только мимоходом; к литературе хотелось подходить со стороны задач поучения и назидания – в такие минуты за помощью приходилось обращаться к Данте, и его книга становилась настольной.

Вероятно, не без влияния Данте изменил Саккетти вскоре после 1378 г. программу своей литературной работы: он обратился в сторону вопросов науки и воспитания. Одной из важнейших идей Данте являлась идея сделать знание, монополизированное латинской наукой, общедоступным и секуляризировать нравственное перевоспитание общества, не в смысле, конечно, содержания морали, а в смысле приобщения к воспитательной работе светских людей. Несомненно, на этих путях родилась у Саккетти мысль об «Евангельских проповедях» («*Sermoni evangelici*»). Они написаны не ранее 1378-го и не позднее 1392 г. «Проповеди» не представляют собой проповедей в точном смысле этого слова: они рассчитаны не на произнесение, как например проповеди короля Роберта Неаполитанского, которые, как известно, привили в Неаполе в придворных кругах симпатии к этому жанру и вызвали целый ряд подражаний. Наполняясь цитатами из классических писателей и ссылками на них, подражания эти превращались незаметно в риторические упражнения, речи на общие темы, хотя они и отправлялись от евангельских изречений и притч, – в рассуждения, какими являлись некоторые послания Петрарки, письма Боккаччо, и в то, что в XV в. называлось политическими *dicerie* (сказами). Форма назиданий была необычайно популярна в XIV в., и если Данте подсмеивался над слабостью к ним короля Роберта, называя его «королем от назиданий», то он имел в виду только гипертрофированное увлечение короля данной формой, а отнюдь не ее самое. Таким образом, проповеди Саккетти были вполне оправданы как с точки зрения современной ему литературной практики, так и со стороны принципиальных требований дантовской школы. Рассчитанные на читателя, они являются рассуждениями, размышлениями и заметками, вызванными некоторыми положениями евангелий, читаемых в Великом посту.

По содержанию в сборнике Саккетти можно отметить два момента: догматический и

практический. Но это не строго разграниченные отделы, ибо в одной и той же проповеди наличествует и тот и другой момент.

К кругу догматических вопросов относятся такие, как бытие бога (II и XIV), необходимость искупления (XXIII), бессмертие души (XXX и XLVI), будущая жизнь и страшный суд (VI), необходимость, чтобы истинная вера была слепой (II), свобода воли (XI) и т. п. Автор трактует их как человек светский и, чтобы оправдать недостатки своего изложения, ссылается на свое «невежество и грубость». Но нужно признать, что с точки зрения поставленной себе задачи быть понятным и доходчивым для читателя не богослова, Саккетти оказывается вполне на высоте. Он всегда живо и ясно излагает свои мысли и, когда это бывает нужно, иллюстрирует их подходящим примером. Чтобы судить о характере его изложения, достаточно прочесть хотя бы ту часть II проповеди, где речь идет о слепоте веры.

«Откуда возникает, – спрашивает автор, – откуда является то, что кое-кто сомневается в существовании будущей жизни и говорит: „Я не вижу никаких признаков ни бога, ни будущей жизни?“ Ты знаешь, откуда все это идет? от той дурной, скверной жизни, которой этот человек живет... Многие говорят также: „Хотел бы я посмотреть на эти вещи, а бог должен был бы мне их показать, если бы он хотел, чтобы я верил“. Я отвечаю на это, что если бы бог показал нам себя и другие вещи, то наша вера не была бы совершенной, раз мы все это видим, в такой мере, как когда мы этого не видим. *Quia non viderunt et crediderunt* (не видели, а поверили) и т. д. Велика заслуга христианина, который не видел и поверил. Прибавлю к этому еще, что наша католическая вера создана из ничего, и так как она создана из ничего, то она никогда не умалится... А так как основа веры состоит из ничего, то она будет жить вечно, и вера без лицецерения объекта веры – заслуга, в то время как при лицецерии его она была бы малой заслугой...»

Следует иметь в виду, что перевод не дает возможности судить о качестве языка, в который облечен отрывок.

К числу практических тем нужно отнести вопрос о любви к ближнему (ПО. о скупости и расточительности (XVI), сластолюбии (XVIII), зависти (XIX) и других пороках. Саккетти нападает на правителей, которые напоминают ему скорее «каменных идолов, нежели правителей» (XI); он негодует по поводу войн, рассчитанных исключительно на выгоды власть имущих и губящих коммуны (XXV), по поводу несправедливых налогов, нарушающих свободу граждан под предлогом необходимости сохранения государства (III). Он восстает против кровавой мести у итальянцев (III), против их распущенности, склонности к сквернословью (III, (р. X). В ряде случаев «Проповеди» дают нам ценный бытовой материал. Центральное место занимает вопрос о церкви. Саккетти считает ее прекрасно задуманным учреждением, высокому значению которого, однако, не удовлетворяют его служители. В IV проповеди Саккетти резко нападает на скупость, любострастие, чревоугодие и симонию монахов и внушает верующим следовать тому, что они говорят, а не тому, что делают (XIV). К бесчестию людскому и умалению церкви «на шесть священников один не знает грамматики, необразован и нескромен: поэтому веры и порядочных людей не хватает все больше и больше» (XXXVII). Попутно достается и светскому человеку и для той критики его, о которой мы говорили выше, «Проповеди» дают немало ценных параллелей к новеллам.

Во всех этих рассуждениях много такого, что повторяется во всей религиозно-дидактической литературе того времени. Тем не менее они не лишены у Саккетти интереса потому, что выражены по-новому: без риторики и литературных затей, а потому не заслоняют человека; в такой форме они теряют свой характер общих мест и становятся индивидуальными суждениями или признаниями. Так, например, словами живого человека отзываются нападки Саккетти на религиозное равнодушие его современников, на распущенность нравов флорентийцев, осуждение которых приобретает известную конкретность потому, что оно оттеняется противопоставлением ему фактов генуэзского быта, данных в конкретной форме (XXV).

Иногда благородное негодование, порожденное любовью к тому, что подвергается поруганию, придает словам писателя особое значение. Таковы, например, его нападки на духовенство, искажающее образ служителя церкви. На его пороки, на симонию Саккетти обрушивается подчас с чисто дантовской силой; таковы его громы против пап, разжигающих

войну вместо того, чтобы укреплять мир. С подобной критикой мы встречаемся в целом ряде его произведений. Большой известностью пользовалась его фроттола, направленная против симонии: «Священники и монахи и великие прелаты, живущие в большинстве по-мирски. как бы они ни проповедовали о вере, все сплошь повинны в симонии». Среди размышлений Саккетти о судьбе человека нельзя не отметить тех мест, в которых он развивает идею псалмопевца: человек, яко трава. Саккетти, которому, как человеку, уже успевшему пережить к началу 80-х годов немало тяжелого, такая тема была близка, и он нашел способ выразить ее так, что она производит впечатление чего-то нового. «Наш творец, – говорит Саккетти в XI проповеди, – создавший нас из ничего, заставил нас появиться на свет для того, чтобы положить нас под молот на наковальню и подвергнуть нас испытанию... Человек – это утренняя роза, странник, путник и раб смерти: утренняя роза раскрывается на заре; в этот час она свежа и прекрасна; но затем, когда солнце согреет немного, она сразу опадает и засыхает. Так и человек: в течение недолгого времени он весел и свеж; но приходит лихорадка, и он умирает. Он – странник, оставивший свое небесное отечество; здесь, на земле, он чужой».

Мы уже имели случай отметить выше связь между литературной стороной «Проповедей» и человеком, хотя в «Проповедях» Саккетти раскрывается перед нами далеко не целиком, да и не мог раскрыться, так как этому мешал в значительной мере самый характер произведения, ограничивавший проявление автором своего «я». Жанр и традиции школы, идеям которой он отвечал, налагали на автора некоторые обязательства, но, впрочем, и самому ему многое не было ясно в отношении предела возможного.

Содержание «Проповедей» требовало от автора, естественно, известной эрудиции, прежде всего эрудиции богословской, и эту свою ученость надлежало доводить до читателя. Во многих средневековых работах такого рода мы наблюдаем часто тенденцию выставлять эту ученость напоказ, а иногда даже щеголять ею. В этом повинны, впрочем, не одни только схоласты, а и гуманисты. К характеристике учености и начитанности Саккетти нам еще придется вернуться, а потому во избежание повторений я ограничусь здесь лишь короткими замечаниями, относящимися только к «Проповедям». По ходу изложения Саккетти приходится довольно часто полемизировать с представителями еретических взглядов на тот или иной вопрос догмы или морали. Так он возражает эпикурейцам, защищая тезис бессмертия души (VII); в IX проповеди опровергает учение Оригена о том, что в день страшного суда будут освобождены все существа, не исключая демонов. Саккетти, конечно, не знал греческого языка, и идеи Оригена известны были ему, как и многие другие, из вторых рук или по средневековым энциклопедиям. На счет тех же источников следует поставить знакомство его с точкой зрения противников исповеди, отвергавших ее, так как смерть Иисуса освободила от демона (VIII); отсюда же почерпнуто и знакомство с дуализмом, против которого Саккетти энергично возражает (XVII). Во всех этих случаях нет злоупотреблений ссылками и цитатами. Выставлением своей эрудиции напоказ Саккетти грешит обычно в комментариях к цитируемым текстам. Таковы его отступления в область филологии, лингвистики, географии или космографии, которые часто мешают следить за развитием его мысли и уводят слишком далеко в сторону. Так, говоря о четвертой ночной страже (*in quarta vigilia noctis*), он объясняет, на сколько частей делили древние ночь и как была организована ночная охрана (IX); в другом случае он дает справку о возрастах мира (XXIX), толкует слово «Адам» как обозначение «человека» у арабов (XVII); этимологизирует слово *magister* (XIV); говорит о форме земли (XXXIII) и о количественных взаимоотношениях четырех стихий (XLVII) и т. п. Во всех этих экскурсах он стоит на точке зрения схоластической науки и ее методов, но главное – только в угоду традиции пускается в свои отступления, так как по существу они не нужны, ибо нарушают вообще прозрачный и четкий ход его мысли.

Такой же данью времени, его литературным вкусам являются и его риторические пассажи, совершенно не вяжущиеся с господствующим тоном его изложений. Так искусственно строил он, например, свою XIV проповедь, имеющую в виду казнь Иисуса. Все эти *Arte, Natura, Costume, Scrittura* (Искусство, Природа, Обычай, Литература), умирающие вместе с Христом, Дедалы, оповещающие грамматиков, логиков, музыкантов, математиков, портных, башмачников, кузнецов и представителей других ремесел, выглядят довольно убого в связи с трагической сценой распятия и свидетельствуют только о том, что Саккетти был лишен чувства

подлинной «большой» литературы, наивно смешивая величие с величиеванием и извлекая при случае из литературного арсенала оружие, владеть которым не было в его возможностях. Может быть, он и чувствовал в такие минуты какую-то фальшь взятой на себя роли. Во всяком случае, он очень редко облекается в своих «Проповедях» в риторические доспехи. Обычно Саккетти пишет в соответствии с серьезностью поставленной себе задачи, несколько торжественно, сдержанно, корректно, он избегает слишком обыденных выражений, проявляя известное тяготение к латинизмам в лексике к так называемым «ученым» словам и даже латинским выражениям. В «Проповедях» нетрудно обнаружить всякие *tesauro* (сокровище) *vm. te-soro*, *macula* (пятно) *vm. macchia*, *ecclesia* (церковь) *vm. chesia*. Часто встречаются готовые латинские формулы, пометки на полях, как *quaestio* (вопрос), *resolutio* (решение) или всякие *pota* (примечания) в самом тексте. Сложные, неуклюжие союзы, вроде *conciossiacosache* (так как), представляются ему особенно приемлемыми в такой работе, как «Проповеди», хотя они вовсе не в характере его собственного языка. Он охотно прибегает к периоду в духе Боккаччо, хотя он, видимо, не совсем давался ему и выходил у него утомительным благодаря кумуляции бесконечных «*che*» «*e*», иногда крайне затрудняющих чтение. При всем достоинстве изложения «Проповедей» они написаны сухо и монотонно.

Жанр и традиция подсказали Саккетти и еще некоторые особенности толкований в «Проповедях». Останавливает внимание прежде всего аллегорический комментарий, к которому прибегает автор, следуя общепринятому в средние века методу символического толкования. Христианство привило привычку вкладывать в образы людей и вещей сокровенный смысл, трактуя все окружающее под определенным углом зрения, сводя все к одному определенному знаменателю. Когда ты творишь милостыню, делай так, чтобы правая рука не знала, что делает левая, говорит евангельский текст. По мнению Саккетти, правая рука выражает в этом пассаже бога, левая – дьявола (I). Когда речь идет о посещении Иисусом в Вифании дома Марфы, Марии Магдалины и Лазаря, то дом их рассматривается как дом повиновения, Марфа – как символ покорности, Мария – раскаяния, Лазарь – совершенства, ибо он умер в грехе, но не восстал из мертвых (XLI). Здесь мы на путях Данте и представления им Лии и Рахили как символов деятельной и созерцательной жизни или толкования апостолов Петра, Иоанна и Иакова как символов веры, любви и надежды, какими их знало и итальянское средневековье.

К традиционной же манере дидактических произведений принадлежит и иллюстрация развиваемых в «Проповедях» тезисов примерами, которых в книге имеется около пятнадцати. Они имеют форму новелл; за исключением трех (см. проп. I и XXVI), эти произведения относятся к той категории, которую можно назвать условно исторической. Одна из них говорит о философе Солоне (IV), другая – о смерти Виргинии, о которой Саккетти мог узнать из Тита Ливия или из источника, восходящего к римскому историку. Третья (XXXVIII) рассказывает о том, как Диомед и Одиссей увезли под Трою Ахилла, укрытого матерью на небольшом острове, где его переодели в женское платье. С этой сагой Саккетти мог познакомиться и по «Ахиллеиде» Стация и, может быть, по гл. 156 сборника средневековых притч и поверий «Римские деяния». В следующих новеллах фигурируют: царь Пиор, стремящийся во время осады Рима подкупить Фабриция (XXXVIII) – в основе рассказ Тита Ливия, но с вымышленными подробностями; Помпеи, заставивший римлян поклясться, что они до его возвращения будут свято соблюдать изданные им законы, и никогда не вернувшийся в Рим (XXXVIII) – почерпнута из Чессоле; царь Кодр, своей смертью освободивший Афины (XLVIII) – из Валерия Максима; Югурта, погибший от рогов козла (XLIX); Сарданапал, не сумевший, невзирая ни на какие хитрости, избежать судьбы. К библейской истории относится легенда о крестном древе (XL.II) – из «Золотой легенды», о Тиверии, Пилате и хитоне Христа (XLVIII) – из того же источника. Среди примеров мы встречаем и трогательную повесть о брате – «Ave Maria», обошедшую целый ряд средневековых сборников и извлеченную Саккетти из «Золотой легенды» (XXVI). Объем этих примеров невелик; изложены они сухо, дают только фактическую сторону дела, не претендуя и на минимальную литературность. В таком виде приведенные примеры сближаются с обычными *exempla* (примерами), которые широко распространены как в средневековой латинской, так и народной литературе. Большая часть примеров Саккетти заимствована из письменных источников; только один-два представляют

собой переработку устных рассказов. Саккетти и в этом отношении придерживается книжного материала, т. е. выдерживает общий характер своего сборника, как он выдерживал его и в передаче примеров. Читая их, трудно допустить, чтобы они были написаны тем же лицом, которое менее чем через два десятка лет выступит со своими тремя новеллами.

Впрочем, не совсем так. Ни традиция жанра, ни школа, на которую он ориентировался, теперь не могли держать автора в своих руках настолько, чтобы сквозь господствующий тон его работы не прорывались тут и там нотки, которые исходили из глубоких основ его натуры. Искренность, честность, благородство и простота ее объяснили нам многое в характере его книги (см., например, одну из лучших проповедей Саккетти, проповедь II – о слепоте веры). Не менее интересны многочисленные мелкие примеры, рассыпанные по ней и преследующие ту же цель иллюстрации, как и приведенные выше крупные новеллы. Вместе с ними мы переходим в совершенно иную плоскость мотивов и образов. Саккетти дает нам не исторические, хотя бы условно, факты, выводит на сцену не крупных людей или героев, а тот средний и мелкий люд, который он так хорошо знал и постоянно наблюдал. В XI проповеди речь идет о том, что человек ответствен сам и только сам за то зло, которое он совершает, так как от него зависит делать или не делать доброе. Мысль эта иллюстрируется таким примером: «Допустим, что кто-нибудь сказал: если бы у меня была лошадь, я хотел бы отправиться в Париж. Один из его друзей дает ему лошадь Мне нужны были бы и шпоры; друг дает ему их. Мне нужен был бы в руки бич; друг дает ему его. Когда он получил все это, он вдруг говорит: я чувствую себя плохо, не сесть на лошадь. Друг сажает его на лошадь и говорит: „Ну, трогай! Дай коню шпоры!“ Но первый не трогает коня и не заставляет его сдвинуться с места. Чья же здесь вина? Того, кто сидит на лошади. То же бывает, когда бог дает нам лошадь, шпоры и бич и сажает на лошадь: если мы не хотим трогаться, в чем здесь его вина? Виноваты мы».

В другой проповеди (XLVIII) Саккетти изображает бедного странника. Его скромная фигурка написана с большим знанием дела, заботливо и с любовью. «Первое, что делает странник, когда он пускается в путь, это он надевает плащ странника, подвешивает кошель, кладет в него иглу и нитки, а также золотые и серебряные монеты; иглу и нитки, чтобы зашивать платье, когда оно расшилось, монеты – чтобы их расходовать. Он берет с собой палку, чтобы переходить реки, защищаться от собак и опираться. Он надевает плохонькую шляпу и несет все эти вещи... Одевшись, странник отправляется в путь; подымаясь или спускаясь дорогой, идя то вниз, то вверх... он подвергается трем опасностям. Первая состоит в том, что спутники могут ему изменить и убить его; вторая – в том, что изменить ему и убить его может трактирщик; третья – в том, что разбойники и грабители могут его ограбить... Странник трижды на дню направляется в гостиницу; в первый раз – в третьем часу, чтобы пообедать; во второй – в девятом, чтобы испить; в третий раз – в конце дня для ночлега» (XLVIII).

Эти небольшие наброски с натуры гораздо ближе к новеллам, нежели те три новеллы-примеры, которые повторены в более развернутом виде в «Trecentonovelle». Новелла проповеди I (о лицемерном аббате, вероятно по устному источнику) совпадает с нов. 149; проповеди XXVI (о молодом ученом, разрезавшем жареного каплуна по правилам грамматики, вероятно по устному источнику) – с нов. 123 и проповеди XXXVII (низкая оценка христиан, возможно по «Historia Caroli Magni», приложенной к «Золотой легенде») – с нов. 125. Эти три новеллы написаны Саккетти в том же протокольном стиле, какой он придал и остальным вставным новеллам; это документы моралиста, для которого цели назидания и поучения стоят на первом месте. При всей своей краткости и эскизности наброски позволяют уловить известные черты индивидуальности писателя, от которого можно ждать еще дальнейших творческих шагов, в полном смысле этого слова литературных.

Этот шаг Саккетти сделал в своих «Трехстах новеллах».

Какими субъективными причинами объяснить новый выбор писателя?

Видения загробного мира и хождения в эти сферы в стиле Данте несомненно не слишком привлекали Саккетти; Данте влиял на него больше, по-видимому, своими идеями о распространении знаний в светском обществе на его родном языке. Но еще больше влекла к себе Саккетти действительность. Даже образ самого Данте, данный им в новеллах, рисует нам поэта не только как художника, исполненного сознания высоты своей миссии (нов. 114, 115), но и как человека, способного на шутку или насмешку, на которую способен обыкновенный

остроумный человек (нов. 8).

Если в «Sermoni» Саккетти чувствует себя свободнее всего в тех реалистических примерах, на которые мы ссылались выше, то совершенно естественно, что это особенно ярко сказывается в манере новеллиста. Такая тяга к реальному ощущается отчетливо и в его языке. Это не язык чомпи, как предполагал Р. Форначари. Ошибочность такого взгляда была показана уже О. Баччи. Гораздо ближе к истине был В. Боргияни, утверждавший, что Саккетти «писал скорее стилем чистым и домашним (*famigliare*), чем напряженным или отделанным, и, как тогда говорили, украшенным». Саккетти прибегает и к стилю, напоминающему Боккаччо, он строит также длинные периоды с герундиями, как это практикует автор «Декамерона», с относительными местоимениями и союзами, прибегает к латинизмам, но когда он выводит на сцену своих героев, он заставляет их говорить языком простым, повседневным, допускает не только фамильярные, но и плебейские слова и выражения, а иногда пользуется и диалектом. Впрочем, и в описательной части новелл Саккетти держится настолько свободно, что и в ней не трудно уловить отмеченные черты. Однако не следует на основании их наличия полагать, что соответствующие страницы написаны так, как говорил народ. И не подсмеивался ли сам Саккетти над неуклюжестью своего народного наречия в его чистом виде.

Едва ли стоит приводить примеры, свидетельствующие о том, что изображение реальной действительности было стихией Саккетти. Они-то и составляют содержание; «Трехсот новелл».

Саккетти не мыслит себе жизнь, как бы тяжела она ни была, без веселья и шутки. Флорентийская действительность давала для этого слишком много материала, и Саккетти охотно пользовался им в эпизодах своего повествования или превращал его даже в центральную его часть. У св. Репараты произносит проповедь молодой монах. В церковь собралось множество бедноты, ткачи, прислуга, служители и т. п. Проповедник нападает на ростовщиков с таким жаром, как будто они составляют его аудиторию. И вдруг из толпы раздается возглас: «Вы попусту тратите слова, потому что все, кого вы видите на проповеди, просят денег, а не ссужают ими...» и просит рассказать что-нибудь такое, что бы их утешило. – «Правильно», – поддерживают выступившего присутствующие. И монах меняет тему и начинает развивать тезис – «блаженны нищие».

Но может ли быть оправдана литература, сводящаяся к шуткам или веселым сценам, когда собственно только назидание может и должно служить основной сущностью литературы, в прямой или скрытой форме? Для тех, кто искал тайный смысл в 4-й эклоге Вергилия, посвященной Азинию Поллиону, для кого волк и лев, роза и лилия переходили в символ и порождали легенды, – это было ясно. Сокровенным смыслом могла быть мораль. В «Проповедях» Саккетти отправлялся от теоретических положений и иллюстрировал их примерами. Отчего бы не пойти обратным путем и начать с рассказа и, приняв его за аналог, придать ему комментирующее заключение. Морально-дидактическое значение имели и «*Disciplina clericalis*» («Устав для духовных лиц») Петра Альфонса, и «*Romane Historie*», и «*Exempla*» («Пример») Иакова де Витри и целый ряд других сборников. Их мораль была, правда, аскетической; но это можно было изменить и сделать из новелл выводы конкретные человеческие. Либо, наконец, использовать новеллу как сатиру. Этими путями и пошел Саккетти. Нечто подобное давал и «Декамерон»; но там тот или иной случай подвергался обсуждению, становился темой обсуждения. Саккетти же не обсуждает, а судит, и притом единолично. Как литературная задача такая постановка вопроса имела большое значение, и вывод поэтому отнюдь не следует оценивать так, как это делает современный читатель или издатель, дающий сокращенное издание сборника, рассчитанное на широкие круги читателей, в котором эти заключения он выбрасывает. Саккетти смотрел на это дело принципиально иначе и настаивал на морализации.

Так сложился тот тип новеллы, который напоминает при первом чтении новеллы доброго старого времени, и хранит в себе, если не все, то некоторые их черты. Более близкое знакомство убеждает нас в том, что расхождений здесь больше, чем сходства.

Мы характеризовали некоторые особенности их выше, анализируя их как социально-исторический документ. Дополним эту характеристику несколькими новыми штрихами.

В «Предисловии» к своим новеллам Саккетти предупреждает читателя, что будет

рассказывать о людях самых разнообразных общественных положений, «о королях (синьорах), маркизах и графах, и рыцарях, и о (людях) больших и маленьких, а также о дамах, больших, средних и маленьких, и о людях всякого происхождения». Как мы знаем уже, в новеллах Саккетти преобладают люди средние, и это вполне оправдано интересами самого автора. В противоположность «Декамерону» новеллы Саккетти отводят немного места женщине: несколько горожанок да монахинь в довольно однообразном репертуаре, развивающем главным образом мысль о слабости женской природы и о необходимости палки как для положительных, так и для отрицательных представительниц женщин – вот и все, что дает нам Саккетти.

Как мы уже знаем, Саккетти редко выходит в своих рассказах за ворота родного города. Не только социальный, но и географический горизонт Боккаччо гораздо шире. Та же узорность у Саккетти и в трактовке его персонажей. Многие действующие лица «Декамерона» приводятся до сих пор как представители той или иной человеческой слабости или порока. Они стали типами, потому что Боккаччо сумел в своем изображении обобщить их. Он всматривался в человека глубже, анализировал его серьезнее, чем Саккетти, который только наблюдал и довольствовался двумя-тремя штрихами. Боккаччо сложился в пестрой и сложной среде Неаполя, Саккетти вырос во Флоренции и во всю свою долгую жизнь общался главным образом с флорентийцами. Самая наблюдательность Саккетти несколько поверхностная и внешняя. Его внимание привлекает больше внешний образ персонажа, его физические недостатки или особенности; он заинтересован преимущественно кинетической стороной развертывающейся перед ним картины или события: уличные сцены, перипетии поведения какого-нибудь плутоватого монаха, острое слово, искусный ответ, выход из затруднительного положения. Он ближе к новелле старого типа, анекдоту, с их *uomini nuovi*, «новыми» в смысле «небывалых», «необыкновенных», «затейливых».

Так как он привык наблюдать и делать нравственные выводы, то его присутствие ощущается на каждом шагу, и не только в морализующих заключениях, но и в ходе самого рассказа. Боккаччо старается быть максимально объективным; Саккетти, наоборот, субъективен. Связь новелл Саккетти с «Декамероном» можно признать лишь в незначительной степени.

Таким образом, в новеллах Саккетти еще не мало от старой традиции, которой он следовал наряду с Боккаччо и от которой взял, может быть, не меньше, так как она была ближе его вкусу и доступнее его пониманию. Другими учителями его были житейский опыт, работа в качестве подеста и его собственная природа.

Саккетти не был писателем-профессионалом, и книга имела для него меньшее значение, чем личный опыт.

Сборник новелл явился последним этапом его литературного пути; книга была начата, как мы видели, в 1392 г. и окончена после 1395, хотя вполне допустимо, что он отделял ее еще и в самые последние годы жизни, как допустимо и то, что отдельные новеллы могли быть написаны и до 1392 г. Новеллы были той работой Саккетти, которая сохранила его имя от забвения и отвела ему место среди писателей, которых продолжают читать и переводить и в наше время.

Таким образом, Саккетти нашел себя и свое настоящее призвание. То, что это случилось с ним только на седьмом десятке, свидетельствует, что поиски стоили известного труда. В молодые годы дело представлялось проще.

Любовные переживания, лирика певца Лауры обратили Саккетти к Петрарке, и он стал подражать ему, не достигнув, однако, его тонкости и изящества. Верховным поэтом, *sommo poeta*, оставался Данте, он был первым из «трех флорентийских венцов»; о нем и в народе ходили легенды; его имя было окружено ореолом. В одной из своих новелл (121) Саккетти рассказывает о том, как поэт Антонио Беккари (1315–1363 г.), войдя однажды в Равенне в церковь, где находится гробница Данте, и увидев огромное количество свечей, поставленных перед старым закоптелым распятием, схватил их и перенес к гробнице великого флорентийца, воскликнув: «Возьми их, потому что ты гораздо более достоин свечей, чем он». Дальнейшее не менее характерно. О поступке Беккари было доложено синьору Равенны, Бернардино да Полента, и епископу. Виноватый был вызван ими для допроса, но аргументация допрошенного оказалась настолько убедительной, что его отпустили с миром и даже с наградой. Как показывают новейшие исследования, факт этот, похожий на анекдот, имел место между 1346 и

1359 гг.

Но путь Данте был путем для немногих. Саккетти должно было особенно привлекать в Данте его стремление свести богословскую науку с недоступных высот, куда ее подняла церковь, к народу, т. е. та сторона его деятельности поэта, за которую на него нападала церковь и за которую его прославляли светские люди. Самая поэзия его становилась все менее доступной. Ее пониманию хотели помочь организацией так называемой *lecture Dantis*; но едва ли это не имело прямо противоположных последствий, как в наше время известное увлечение углубленным изучением великих писателей не приближает их к читателю. На такие мысли наводит стих Саккетти, опечаленного отсутствием толкователей творца «Комедии»:

Come deggio sperar che surga Dante,
Che già chi il sappia legger non si trova?

Как я могу надеяться, что восстанет Данте,
Если уже не находится того, кто мог бы его читать?

Мы знаем из предыдущего, в чем сказалось практически глубокое уважение и любовь Саккетти к Данте.

Саккетти кончил тем, что увлекся Боккаччо, что, конечно, не обозначало отречения от старых богов. Он пишет в 1374 г. скорбные стихи на смерть Петрарки, а через год, отдавая, пожалуй, более взволнованными строками свой последний долг творцу «Декамерона», с горечью констатирует там же упадок интереса к Данте.

Очевидно, «три флорентийских венца» были дороги ему и как писателю и как гражданину. Он видел в них славу родины и основоположников национальной литературы. Но у Саккетти, как у каждого, могли быть свои предпочтения. Симпатии к Боккаччо определялись, как мы предположили, личными склонностями таланта и характера, но они определялись несомненно. Время видений и путешествий в загробный мир прошло; его сменило время новеллы, которую в последующие годы начинают культивировать с большим или меньшим блеском.

Периодом новеллы назвал когда-то Эрдмансдерфер период, пришедший *va* смену эпическому, когда Гомер мог стать предметом издевки каких-то молодых людей, а в литературе принялись рассказывать не об Агамемноне, Одиссее или Ахилле, а обо всяких «необыкновенных», «изобретательных» людях, вроде той женщины древнегреческой новеллы, которая одновременно несла на голове кувшин с водой, пряла и вела на поводу козу. Занявшая в свое время такое же центральное положение, какое занимает сейчас роман, новелла ответила литературной потребности в занимательном рассказе о занимательных людях и происшествиях, потребности, которой ответили и Пульчи, и Боярдо, и Ариосто при всех своих связях со старой эпической традицией. Интерес к *pagar per pagare* не только обратил к новому жанру, но и заставил пересмотреть старые.

Таковы отношения Саккетти к «трем венцам».

Если бы в ту пору говорили о школах, он мог бы причислить себя к народной, национальной школе, которая отстаивала свои позиции против уже зародившейся в той же мелкобуржуазной среде школы классической. Эти новые люди продолжали развивать борьбу за секуляризацию науки и литературы, за освобождение из-под власти церковников; но они были радикальнее и требовали возвращения к первоисточнику, т. е. классической древности. С ними Саккетти было не по пути, и в эпоху перелома он стоял по ту сторону обозначившейся трещины, как, впрочем, и многие исследованные Веселовским сверстники Саккетти.

Он считал себя стоящим на старой почве и скромным продолжателем великого дела «трех венцов». И был прав, поскольку они фактически создали национальную литературу. И даже больше того. Однако в творчестве Саккетти, в его изображении человека, в его морали, чисто человеческой, а не аскетической, уже проступают черты новые.

Ему были известны, как следует предположить, в той или иной мере работы представителей классической школы, знакомился он и с писателями античной древности. Если судить по цитатам и ссылкам, то он пользовался Цицероном («*De amicitia*» и «*De officiis*»),

некоторыми книгами Гита Ливия, Виргилием (4-й эклогой), Горацием и «Метаморфозами» Овидия, «Фарсалиями» Лукана, собранием анекдотов Валерия Максима, Сенекой, Боэцием («De conso'at'one philosophiae»), Кассиодором, баснями Эзопа, «Этикой» и кое-какими другими сочинениями Аристотеля с толкованием на него Аверроэса; я уже не говорю о Библии, Евангелии и сочинениях св. Августина, св. Амвросия, св. Бернарда. Но больше всего познаний Саккетти почерпнул, конечно, из средневековых сборников и компендиев, из «Золотой легенды» Якова де Ворagine, из «De regin'ne principium» Эгидия Римлянина и некоторых других подобных книг. Его ученость была, следовательно, типично средневековая, конечно, итальянская. Он шел в этом отношении по пути Данте и был человеком отсталым по сравнению с Петраркой и Боккаччо. И отношение его к науке оставалось схоластическим. В «Проповедах» он занимается чаще всего крупными проблемами, которые и в его время еще продолжали волновать людей. Но наряду с этим он, борющийся с суевериями и высмеивающий их, верит во влияние планет на жизнь человека (XVIII), как в это верил Данте.⁵⁸⁶ Подобные идеи держались, впрочем, и много позже. Гораздо характернее для Саккетти, что он, как схоласт доброго старого времени, считает возможным серьезно рассматривать вопрос о том, кто согрешил больше, Адам или Ева (XIII), или разбирается в проблеме существования Марии Магдалины: была ли она грешницей помысла или дела (XXXVII) и т. п.

Стариной веет, например, и от его космографических представлений. Вслед за Гонорием Отенским и Гервасием Тильберийским Саккетти представляет себе землю в виде яйца. Более широкая и тяжелая часть яйца находится под водой, остальная – над водой, 1/70 часть земли, покрытой водой, открыта, а 1/100 этой 70-й части населена (XXXIII). В проповеди XLVII он разъясняет, что земля составляет количественно наименьшую стихию; воды в десять раз больше чем земли; воздуха в десять раз больше чем воды, и, наконец, огня в десять раз больше чем воздуха.

Интересовали Саккетти и вопросы филологического порядка. В IV проповеди он дает, например, пояснение латинского термина «стража», *vigilia* в выражении в «четвертую ночную стражу» (*in quarta vigilia noctis*), давая справку об организации ночных патрулей у римлян. В XXIX проповеди мы находим разъяснение возрастов мира; в XVI – дается толкование арабского слова «Адам» – «человек». Адам – красный, т. е. созданный (в области Дамаска) из красной земли. Впрочем, эта этимология дана еще Исидором Севильским⁵⁸⁷ Термин «*magister*» объясняется «*maior trium*», «старший из трех» (XIV). Тройное обозначение человеческого лица – *faccia* < *facie*, *viso* < *visu*, *volto* < *vultu* разъясняется: первое связывается с глаголом *facere*, напоминающим потенцию, следовательно, бога-отца; второе – связывается с *videre*, напоминает знание и, следовательно, бога-сына; третье – с *volo*, *vis*, *vult*, обозначает волю, и, следовательно, св. духа (XXXIV).

Это уточняет литературную позицию Саккетти и позволяет вложить более конкретное содержание в характеристику его как последнего тречентиста...⁵⁸⁸

В. Ф. Шимарев.

586 [586] Dante Alighieri. *Il convito e le epistole* Firenze, 1857, тракт. II, гл. 3–6.

587 [587] Isidorus Hispalensis *Etymologiae* Lundum Balavorum, 1909, кн. VII, гл. 6, § 4.

588 [588] Из-за смерти автора статья осталась незавершенной.